

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т Р У С С К О Й Л И Т Е Р А Т У Р Ы
(П У Ш К И Н С К И Й Д О М)

О Т
К Л А С С И Ц И З М А
К
Р О М А Н Т И З М У

Из истории
международных связей
русской литературы

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Ленинградское отделение
ЛЕНИНГРАД · 1970

Ответственный редактор
академик М. П. АЛЕКСЕЕВ

ОТ КЛАССИЦИЗМА К РОМАНТИЗМУ

Из истории международных связей русской литературы

*Утверждено к печати Институтом русской литературы
(Пушкинский дом) АН СССР*

Редактор издательства *В. А. Браиловский*. Художник *М. И. Разуевич*
Технический редактор *И. М. Кашеварова*
Корректоры *Э. В. Коваленко, Л. Я. Комм и Ф. Я. Петрова*

Сдано в набор 19,IX 1970 г. Подписано к печати 11/XII 1970 г. Формат бумаги 60×90¹/₁₆. Бум.
л. 12¹/₄. Печ. л. 24¹/₂ = 24,50 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 29.03. Изд. № 4265. Тип. вак. № 1173.
М-31750. Бумага № 2. Тираж 4000
Цена 1 р. 94 к.

7-2-2

166--70 (I пол.)

Ленинградское отделение издательства «Наука»
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1
1-я тип. издательства «Наука». Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий сборник статей, подготовленный к печати Сектором взаимосвязей русской и зарубежных литератур Института русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР в Ленинграде, является продолжением предшествующего сборника, изданного три года тому назад тем же Сектором под заглавием: «Эпоха Просвещения. Из истории международных связей русской литературы» (Л., 1967).

Первоначально участники этих сборников предполагали составить полный и систематический свод данных о постепенном распространении в русской литературе XVIII—XIX вв. важнейших произведений западноевропейских писателей, как изданных в русских переводах отдельными книгами, так и напечатанных в периодических изданиях; предполагалось также привлечь к исследованию все русские критические материалы об этих произведениях (печатные отзывы, читательские свидетельства, занесенные в мемуары и переписку, и т. д.), чтобы можно было представить себе с наибольшей полнотой картину становившегося все более интенсивным взаимообмена между русской литературой и отдельными литературами Западной Европы за два последних века. Однако в процессе предпринятой работы вскоре пришлось отказаться от неоправданно широких ее масштабов, ограничив себя более узкими и частными задачами. Это объяснялось не столько обилием материала, подлежавшего изучению, сколько слабостью его

предварительной изученностью и невозможностью опираться на подготовленные ранее сводки, например библиографического характера. Как известно, лишь недавно закончен был выпуск в свет «Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века», в котором впервые установлены были оригиналы изданных у нас в русских переводах сочинений, а также их авторы и переводчики; но эта работа еще не закончена вполне; в печати появляются, от времени до времени, ценные дополнения или исправления к этому «Сводному каталогу».¹

В еще большей степени то же следует сказать о русском рукописном наследии XVIII в., отдельные памятники которого еще плохо учтены; сводных указателей русских рукописей, среди которых имеется немало переводных сочинений, еще не существует.² Следует, наконец, отметить, что в распоряжении современного исследователя существует еще слишком мало подготовительных для общей картины работ на частные темы — о судьбе отдельных иностранных писателей в русской литературе (или, например, об отдельных их произведениях, — в русских переводах, переделках, адаптациях, восприятиях критики и читателей, и т. д.). По этой причине составителям двух указанных сборников пришлось временно отвлечься от слишком широко задуманных ими обобщающих работ и заменить их сборниками статей, освещающих отдельные вопросы восприятия зарубежных литератур в России.

В первом сборнике, озаглавленном «Эпоха Просвещения», были объединены работы, относящиеся к восприятию в России в XVIII в. английской просветительской журналистики, к знакомству русских читателей того же времени с французскими просветителями, Вольтером и Руссо, немецкими писателями (Лессинг), а также итальянской драматургией того же века (Гольдони). В большинстве работ первого сборника вслед за общей оценкой тех или иных явлений западноевропейских литератур, оставивших следы или укоренявшихся на русской почве, даются также библиографические сводки в целях большей документальности изложения и более убедительной аргументации выводов. Тем же приемам изложения следуют составители и второго сборника, предаваемого ныне вниманию читателей.

¹ См., например: В. Д. Рак. Библиографические заметки о переводных книгах XVIII века. «Труды Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина», т. XI, М., 1969, стр. 145—156.

² Как на первый опыт в этом направлении (после старых работ А. Н. Пыпина) можно указать на посмертно изданную книгу М. Н. Сперанского «Рукописные сборники XVIII века. Материалы для истории русской литературы XVIII века» (М., 1963); однако она не охватывает всего материала и, кроме того, регистрирует лишь случайные данные о рукописях переводного характера. См. в книге «Эпоха Просвещения» (Л., 1967) приложения к статьям Ю. Д. Левина и П. Р. Заборова.

В настоящем сборнике собраны статьи, по возможности полно освещающие важнейшие проблемы восприятия в России западноевропейских литератур (итальянской, французской, английской и немецкой) в конце XVIII и начале XIX в., в тот период, когда в русской литературе отмирал классицизм и начали проявлять себя «преромантические» тенденции. В эту переходную эпоху в русской литературе шел сложный перекрестный и очень активный процесс одновременного усвоения и переработки воздействий, шедших к нам из различных литератур Западной Европы. В сборнике помещены статьи о начале знакомства в России с творчеством Данте, о продолжавшемся, в иных формах, чем раньше, воздействии на русскую литературу творчества Вольтера, об английской «преромантической» литературе, весьма сильно влиявшей на развитие русского сентиментализма, наконец, о немецком писателе Виланде, популярность которого в России растянулась на несколько десятилетий, выйдя далеко за пределы XVIII в. Не следует, однако, думать, что перечисленные статьи исчерпывают все проблемы, которые ставит исследователю история возникновения «преромантизма» в русской литературе. За пределами настоящего сборника остались, например, английский «готический» роман и повесть в русских переводах и переделках, вопрос о теориях художественного перевода в России в указанное время, изменившаяся функция античных литератур, постепенно увеличивавшийся в русской переводной литературе этого времени удельный вес западнославянских литератур (польской, чешской и др.). Часть этих тем послужила предметом особых статей, которые увидят свет в других изданиях Сектора.

Участники сборника предполагают продолжить работу и над данной серией, очередные тома которой будут посвящены взаимосвязям русской и западноевропейских литератур в период романтизма и реализма.

М. П. Алексеев

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО С ДАНТЕ
В РОССИИ

1

Судьба Данте в России до сих пор еще изучена недостаточно. «Почти пять столетий прошло, прежде чем Данте мог появиться в русской литературе», — писал в 1921 г. казанский дантолог М. О. Ковалевский в предисловии к составленному им к 600-летию со дня смерти Данте библиографическому перечню «Русские переводы „Божественной комедии“». По его мнению, «попытки прозаических и стихотворных переводов „Божественной комедии“ в отрывках и полностью» начинаются у нас только в 1798 г., но «все библиографические обзоры этих опытов страдают неполнотой и ошибками». «Кажется, — утверждал М. О. Ковалевский, — мне удалось установить точно и полно все первые опыты переводов Данте до 1853 г.»¹

Трудно сказать, на чем основаны были эти самонадеянные слова; пожалуй, однако, еще труднее догадаться, чем вызвано было столь длительное и устойчивое к ним доверие. К сожалению, оно не устранено до сих пор. Приведенные утверждения М. О. Ковалевского, как бесспорные и неопровержимые, еще

¹ «Казанский библиофил», 1921, № 2, стр. 58. — В той же книжке этого журнала, в заметке «К юбилею Данте в России», между прочим, сообщалось, что «казанский дантолог М. О. Ковалевский закончил перевод „Ада“, который обещает быть одним из интереснейших опытов в нашей переводной литературе» (стр. 193—194). Судьба этого перевода мне неизвестна.

имеют у нас хождение, и это досадно тем более, что и предшествующие справки о судьбе произведений Данте в русской литературе уже издавна подготавливали дантоведов к категорическому выводу о позднем и случайном характере знакомства с его творчеством русских читателей. Так, например, Белинский, откликаясь на выход в свет первого полного русского прозаического перевода «Ада» Данте (Ф. Фан-Дим, т. е. Е. В. Кологривовой), еще в 1843 г. утверждал: «Данте особенно не пощастилось на Руси; его никто не переводил, и о нем всех меньше толковали у нас, тогда как это один из величайших поэтов мира».² Такое свидетельство критика, как известно хорошо начитанного в русской литературе XVIII в., звучало почти безнадежно для всякого, кто отважился бы предпринять разыскания о том, был ли Данте известен в русской литературе между Ломоносовым и Радищевым. И действительно, подобные разыскания у нас не производились.³ Если в недавнее время некоторые исследователи, говоря о начале знакомства с Данте в России, предпочитали воздержаться от каких-либо хронологических указаний,⁴ другие полностью и без всякой проверки принимали утверждения М. О. Ковалевского. Так, в статье Н. Г. Елиной «Изучение Данте в России» говорится: «Знакомство с Данте в России началось в 1798 году, когда в альманахе „Приятное и полезное препровождение времени“ неизвестный переводчик поместил отрывок под названием „Мир осуждения“. Это был прозаический перевод из 28-й песни „Чистилища“. Никакого предисловия, кроме указания, что Данте — один из известнейших стихотворцев XIII в., что самая лучшая его поэма „Ад“, „Чистилище“ и „Рай“, — отрывку не предпослано, и, вероятно, имя Данте прозвучало для большинства читателей как что-то далекое и чуждое. Через 20—25 лет положение изменилось» и т. д.⁵

² В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. VI, М., 1955, стр. 665.

³ В библиографических обзорах о Данте на русском языке до статьи М. О. Ковалевского русские печатные издания XVIII в. не упоминались. На них не ссылается в своем обзоре всех русских переводов Данте А. Н. Гиляров (см. его книгу: Старые поэты в новых русских переводах. Киев, 1895, стр. 253; первоначально — в киевских «Университетских известиях», 1894, август); о них ничего не говорится также в обзорах Л. Чижикова «Данте Алигьери» («Русский библиофил», 1915, № 12, стр. 92—95; дополнения — там же, 1916, № 2, стр. 77—81) и в других библиографических источниках.

⁴ Совершенной темнотой и загадочностью отличается указание, сделанное А. К. Живелеговым в его монографии «Данте Алигьери. Жизнь и творчество» (изд. 2-е, М., 1946, стр. 400) в главе «Данте в веках»: «В России интерес к Данте зародился тогда же, когда начали появляться первые переводы произведений корифеев западной литературы» (?). Из последующего, впрочем, выясняется, что автор имел в виду время Жуковского и Батюшкова, «которые в числе других назвали русскому читателю имя Данте. И оно уже не было забыто».

⁵ Н. Г. Елиная. Изучение Данте в России. «Вестник Московского университета», 1965, № 5, стр. 3. — Те же данные приводятся в более ранней статье Н. Г. Елиной: «Данте в русской литературе, критике и переводе»

Нетрудно заметить, что вышеприведенные слова всецело основаны на утверждениях М. О. Ковалевского, однако к допущенным им ошибкам здесь прибавились новые неточности. Сокращенный вариант этой справки приведен в статье Н.-Г. Елиной о Данте где, между прочим, сказано: «Знакомство России с поэзией Данте началось в конце XVIII и начале XIX в. Первые поэтические переводы из Комедии принадлежат А. С. Норову, П. А. Катенину, С. П. Шевыреву».⁶ Это положение не было исправлено и в более поздних книгах и статьях о Данте, вышедших после юбилейного 1965 года.

Конечно, Данте не принадлежал к тем писателям, имена которых были широко известны русским читателям в XVIII в. Тем не менее оно называлось не раз в русской печати в это время: краткую характеристику его личности и творчества мы можем встретить не только в переводах, но и в оригинальных статьях русских журналов, а отрывки из «Божественной комедии» или изложение ее, хотя и выполненные не по итальянскому подлиннику, мы встречаем в ряде русских книг XVIII в. Как ни малочисленны все эти ранние упоминания великого флорентийца в русской литературе, ими нельзя пренебречь: они подготавливали его будущую славу в России в то время, когда и на всем Западе, и даже в самой Италии, имя Данте еще не пользовалось широкой известностью. В настоящей работе сделана попытка привлечь внимание исследователей к забытым упоминаниям Данте в русской литературе с целью представить себе более отчетливо весь начальный период знакомства с поэтом в России.

2

Академик В. Ф. Шишмарев еще в 1927 г. указал на то, что имя Данте должно было стать известным в России в середине XVIII в., по крайней мере в придворных кругах.¹ В 1757 г. в Ве-

(«Вестник истории мировой культуры», 1959, № 1, стр. 105—121). Досадные неточности этой работы были своевременно отмечены И. Н. Голенцевым-Кутузовым в статье: «Данте в советской культуре (К 700-летию со дня рождения Данте Алигьери)». «Известия Академии наук СССР», Серия литературы и языка, 1965, т. XXIV, вып. 2, стр. 139, прим. 45. — В самом деле, единственный прозаический перевод отрывка из 28-й песни «Чистилища», обнаруженный М. О. Ковалевским в русском издании XVIII в., был опубликован в «Приятном и полезном препровождении времени», но это не «альманах» (в 1798 г. этого слова в русском языке еще не было), а журнал, издававшийся в Москве с 1794 г. В. С. Подшиваловым; перевод отрывка из Данте озаглавлен здесь не «Мир осуждения», но «Мир Покаяния»; к тому же, вопреки мнению исследовательницы, переводу предшествует пояснительное введение переводчика.

⁶ Краткая литературная энциклопедия, т. 2. М. 1964, стлб. 520.

¹ В. Ф. Шишмарев. Рукописный отрывок «Комедии» Данте Музея палеографии Академии наук. «Известия Академии наук», 1927, IV серия, № 1—2, стр. 12—13.

неции у типографа Антонио Дзатта вышло в свет издание «Божественной комедии» Данте, посвященное русской императрице Елизавете Петровне, с ее портретом работы Дж. Маньини и посвящением ей, в форме сонета, написанным неким «графом Кристофоро де Сапата де Сиснерос (conte Cristoforo Zapata de Cisneros)». В сонете, почему-то называя себя «этруским поэтом» (L'Etrusco vate), автор говорит, что он прибегает к русской государыне (Augusta donna) после тяжелых испытаний, чтобы испросить поддержку высокой покровительницы; «свою печальную лиру» автор сонета «сложил у подножия трона», «может быть, для того, чтобы впоследствии вернуться к своему обычному метру и запеть в ином стиле хвалу императрице». Начинается сонет следующим четверостишием:

L'odio fuggendo di crudel Cittade,
Di destin ognor pronto alle sue pene,
L'Etrusco vate a Voi umil sen viene,
Augusta donna, ad implorar pietade...²

Посвятительный сонет, которым открывалось это издание, написан столь темно и преисполнен столь загадочных намеков, что извлечь из него какие-либо реальные факты, послужившие поводом для его написания, или догадаться об обстоятельствах жизни автора крайне затруднительно: поневоле приходится строить предположения и о том, и о другом. «Посвящение имп. Елизавете, — догадывается В. Ф. Шишмарев, — было подсказано, вероятно, расчетом на литературную поддержку; расчет, однако, едва ли оправдался, так как в 4 томе имя Елизаветы исчезает».³ Что же касается таинственной личности самого графа Сапаты де Сиснерос, то В. Ф. Шишмарев замечает о нем: «Итальянская ономастика дает нам нескольких Zapata, Zappata и de Cisneros. Но у нее нет никакой уверенности, что наш граф действительно назывался так, а не принадлежал к широко распространенной в XVIII в. породе авантюристов, принимавших для большего

² Полное заглавие книги: *La Divina Commedia di Dante Alighieri con varie annotazioni e copiosi rami adornata. Dedicata alla Sagra Imperial maestà di Elisabetta Petrowna, Imperatrice di tutte le Russie, ecc., ecc., dal conte Don Cristoforo Zapata de Cisneros.* In Venezia, 1757. Presso Antonio Zatta. — Я пользовался экземпляром этого издания, принадлежащим Государственной Публичной библиотеке в Ленинграде (шифр: 6.65.2.24); см. воспроизведение титульного листа и посвяжительного сонета в настоящей статье. Участие Сапаты де Сиснероса в указанном издании выразилось лишь в составлении сонета. Что касается самого текста издания, то В. Ф. Шишмарев сообщает по этому поводу: «Встречаются экземпляры, содержащие тот же текст, но помеченные 1760 г. и составляющие три первых тома пятитомных „Ореге“ Данте, вышедших там же в Венеции. В том и другом издании каждая кантика поэмы обнимает один том. Текст, за небольшими отменами, тождествен с текстом Падуанского издания 1726—1727 гг., редактированного Дж. Ант. Вольпи и напечатанного Джуз. Камино, заслужившего одобрение академиков Круски».

³ В. Ф. Шишмарев. Рукописный отрывок «Комедии» Данте... стр. 13.

LA DIVINA
C O M M E D I A
D I
DANTE ALIGHIERI

CON VARIE ANNOTAZIONI, E COPIOSI RAMI ADORNATA.

DEDICATA ALLA SAGRA IMPERIAL MAESTA

D I
ELISABETTA PETROWNA

IMPERATRICE DI TUTTE LE RUSSIE CC. CC. CC.

D A L C O N T E
DON CRISTOFORO ZAPATA DE CISNEROS.

T O M O P R I M O .

I N V E N E Z I A ,

M D C C L V I I

P R E S S O A N T O N I O Z A T T A .
C O N P R I V I L E G I O D E L L ' E C C E L L E N T I S S . S E N A T O .

Венецианское издание «Божественной комедии» Данте 1757 г.,
посвященное Елизавете Петровне. Титульный лист.

Венецианское издание «Божественной комедии» Данте 1757 г.
 Посвящение Елизавете Петровне.

весу громкие и звучные имена». В подтверждение В. Ф. Шишмарев ссылался на справки, наведенные по его просьбе в Венецианском архиве.⁴ И. Н. Голенищев-Кутузов, анализируя эти архивные данные, вполне соглашался с таким выводом. «Видно, — пишет он со своей стороны, — что Сапата пользовался в разное время разными фамилиями. Он помянут в судебной хронике Венеции. По-видимому, императрица Елизавета не откликнулась на посвящение ей „Божественной комедии“ и Сапата не получил ожидаемого вознаграждения от русского двора».⁵

Заметим, впрочем, что во всей этой истории остается много неразъясненного. Из судебного дела, возникшего между хозяйкой меблированной комнаты и ее постояльцем, называвшим себя то графом *Cristoforo Enrico Zappata*, то *Enrico Cristoffori*, не ясно, тождествен ли он с автором посвячительного сонета к Елизавете Петровне, тем более что происшествие, давшее повод процессу, случилось в конце 1774 г., т. е. через семнадцать лет после напечатания в Венеции издания Данте с посвящением русской императрице. С другой стороны, если Сапата и не был графом и мог, действительно, отличаться склонностями авантюриста, он во всяком случае был причастен к итальянской литературной жизни. Имя его встречается на страницах флорентийского журнала «*Novelle letterarie*» середины 50-х годов XVIII в.; здесь, в частности в сентябрьском номере 1756 г., в специальном извещении, обращенном к любителям итальянской поэзии и художественной литературы («*Manifesto agli amatori dell'italiana poesia e delle belle lettere*»), издатель Дзатта говорит, что при участии того же Сапаты де Сиснерос он выпустил в свет сочинения Петрарки с посвящением этого издания Марии Баварской и что будто бы успех этой книги и заставил его обратиться к Данте.⁶ Какое значение для издателя имело сотрудничество с «графом Сапата», продолжавшееся несколько лет, и какую роль играл он в опубликовании текстов Петрарки и Данте, редактированных и комментированных другими авторами? На эти вопросы могут ответить лишь дальнейшие разыскания. Отметим, однако, что посвящения тех или иных книг «высочайшим особам» печатались только после получения на это особого разрешения от соответственного двора, тем более — иностранного: такова была традиционная международная дипломатическая практика. Соблюдалась эта практика и во время Елизаветы Петровны; так, когда известный итальянский театральный деятель, живший во Франции, Л. Риккони, пожелал посвятить свою книгу «О реформе театра» русской императрице, то она смогла увидеть свет в Париже

⁴ Там же

⁵ И. Н. Голенищев-Кутузов. Данте в советской культуре. (К 700-летию со дня рождения Данте Алигьери), стр. 135.

⁶ «*Novelle letterarie*», 1756, 17 сентября (№ 38), стлб. 598; цит. в указанной статье В. Ф. Шишмарева (стр. 12—13).

в 1743 г. с посвящением «Елизавете I, императрице всероссийской» лишь после того, как А. Кантемиру, тогдашнему русскому послу во Франции, удалось добиться особого разрешения на это из Петербурга.⁷ Едва ли такое же предварительное согласие на опубликование посвящения в книге Данте не было получено также и Сапатай.

Подобное разрешение ему было получить тем легче, что в 40—50-е годы XVIII в. при дворе Елизаветы было множество итальянцев, сохранявших связь со своей родиной, которые и могли внушить Сапате мысль о материальном вспоможении из Петербурга при помощи посвящения имп. Елизавете, прославлявшейся иноземными поэтами и художниками как покровительница наук и искусств. Характерно, что именно при Елизавете возвращен был в Петербург из сибирской ссылки пьемонтец Франческо Санти, некогда состоявший церемониймейстером при дворе Петра I; в конце 40-х годов начались долголетние мытарства переводчика коллегии иностранных дел венецианца Георгия Дандоло, предложившего Петербургской академии наук для печати составленный им огромный русско-латино-французско-итальянский словарь, который так и не был издан, как полагал автор, — по неприязни к итальянцам Ломоносова.⁸ В Петербурге проживала в то время целая колония итальянских музыкантов, певцов, композиторов, художников. Флорентинец Джузеппе Бонеки имел титул «стихотворца ее имп. величества», т. е. Елизаветы: он писал либретто для опер неаполитанца Арайи, в которых искусно прославлялась русская императрица. В 1752 г. Дж. Бонеки был отпущен в Италию, но по контракту с придворной конторой должен был ежегодно присылать в Россию по два оперных либретто к столичным праздникам; на посту придворного поэта его сменил М. Кольтеллини.⁹ Таким образом, именно в 50-е годы XVIII в. между Италией и Россией шел постоянный обмен людьми, а слухи о щедрости русского двора могли лишь усиливать интерес итальянских деятелей литературы и искусства к далекой северной стране. Правдоподобно было бы заключить отсюда, что «граф Сапата де Сиснерос» именно потому признавался в своем упомянутом сонете о желании «запеть в ином стиле хвалу императрице» (*in altro stil di Vostre lodi 'l suono*), что

⁷ Шекспир и русская культура. М.—Л., 1965, стр. 19.

⁸ П. П. Пекарский. История Академии наук, т. II. СПб., 1873, стр. 413—419.

⁹ Е. Бренков. Итальянский поэт Бонеки и его служба при театре в царствование Елизаветы Петровны. «Русский вестник», 1888, № 8, стр. 359—361; И. Э. Серман. Ломоносов и придворные итальянские стихотворцы 1740-х годов. В сб. «Международные связи русской литературы», М.—Л., 1963, стр. 117—118; R. A. Moser. *Annales de la musique et des musiciens en Russie au XVIII s*, v. I, Mont-Blanc-Genève, [1948], pp. 203—206; А. Гозенпуд. Музыкальный театр в России. От истоков до Глинки. Л., 1959, стр. 54—55.

он мечтал о должности одного из «придворных» петербургских стихотворцев и потому подносил Елизавете Петровне творение Данте.

Конечно, мы не знаем, получила ли эта книга какое-либо распространение в Петербурге, — в этом, естественно, следует усомниться, приняв во внимание сравнительно малое распространение в то время в России итальянского языка; но Сапата безусловно принял меры, чтобы его издание «Божественной комедии» по крайней мере стало известным его соотечественникам, жившим в Петербурге. Мы не имеем никаких данных о знакомстве с произведениями Данте русских писателей и читателей до начала 60-х годов XVIII в. Косвенные свидетельства об интересе к «Божественной комедии» Антиоха Кантемира¹⁰ в счет не идут: он не являлся действительным представителем русской культуры и, живя за границей, сам начал оказывать в России позднее воздействие. Русские же путешественники по Италии в первой половине XVIII в. были еще очень немногочисленны, и, кроме того, русские дипломаты и туристы еще мало интересовались в ту пору итальянской поэзией.¹¹

¹⁰ Л. В. Пумпянский в статье «Кантемир и итальянская культура» (в кн.: «XVIII век», М.—Л., 1935, стр. 94) напрасно, с нашей точки зрения, отрицал знакомство Кантемира с творением Данте. В каталоге библиотеки Кантемира, находящейся при нем в Париже, отмечено трехтомное издание Данте (В. Н. Александренко. К биографии кн. Кантемира. «Варшавские университетские известия», 1896, кн. III, стр. 36, № 548). Х. Грассхофф, по непонятной для нас причине, счел это издание французским, однако из каталога, написанного по-французски и со многими неточностями, все же яствует, что это было то самое Падуанское издание 1726—1727 гг., отредактированное Дж. Ант. Вольпи и напечатанное Джуз. Комино, которое воспроизведено было в Венеции в 1757 г. в изд. Дзатта.

В статье: G. Nandis. L'influence italienne sur A. Kantemir. Istituto universitario orientale. Annali, sezione slava. Vol. VI. Napoli, 1963, pp. 17—39, — о Данте идет речь лишь в связи с его трактатом «О народном красноречии», идеи которого, — конечно, не непосредственно, так как они были широко распространены, — вдохновили Кантемира писать на том русском языке, на каком говорил в его время (стр. 31—32). Возможно было бы, однако, поставить вопрос о прямом или опосредствованном воздействии Данте на «Петриду» Кантемира, в которой, между прочим, изображен «ад» и перед воротами его — образы Смерти, Войны и Болезней. «Адскую» сцену в «Петриде» обычно возводят к 7-й песне «Генриады» Вольтера, хотя установление такой зависимости затрудняется традиционностью описания «Тартара» в эпических поэмах; тем не менее существует итальянская работа: L. M. Carelli. Dante e Voltaire. «Giornale Dantesco», 1900, vol. VIII, p. 436, — пытавшаяся установить, что вся 7-я песнь «Генриады» внушена Вольтеру «Божественной комедией». Более существенно, что один из лондонских друзей Кантемира, итальянец Паоло Ролли, издал полемические «Замечания об „Опыте об эпической поэзии Вольтера“», а другой итальянский приятель Кантемира, аббат Гуаско (Guasco), по личной просьбе Монтеские помогал переводить «Божественную комедию» Кольберу д'Эстувиллю (A. Counson. Dante en France. Erlangen—Paris, 1906, p. 76).

¹¹ О русском восприятии Италии в XVIII в. см. в статье: A. Hackel. Das russische Italienerlebnis im 18. Jahrhundert. «Zeitschrift für Aesthetik und

Одним из первых упоминаний Данте в русской печати был краткий отзыв о нем и об его поэме в большой статье «О стихотворстве», появившейся в 1762 г. в журнале «Полезное увеселение». Это периодическое издание выпускалось при Московском университете группой литераторов, близких к М. М. Хераскову. Хотя статья «О стихотворстве» не подписана, но по старой традиции ее автором обычно считался С. Г. Домашнев,¹ литератор, не очень образованный, но располагавший крепкими связями при дворе, благодаря чему он впоследствии (1775) был назначен на должность директора Российской академии, хотя, по отзывам современников, он был вовсе к ней непригоден. Правда, авторство Домашнева в данном случае более чем сомнительно и не подкрепляется никакими свидетельствами.²

В этой статье, в разделе, озаглавленном «Стихотворство итальянское», мы читаем: «Отцом итальянского стихотворства почитают Данта Флорентийца, который прославил тосканский язык своей смешанной, однако блистающей естественными красотами, поэмою, называемою *Комедия*. Сие сочинение, в коем автор возвысился в описаниях выше худого вкуса своего века, и приключение, о котором он писал, наполнял он стихами, написанными столь чисто, как бы то было во времена Ариоста и Тасса». Упомянув далее «Петрарха», который «ввел в итальянский язык больше чистоты со всею приятностью, к чему был оной сроден», анонимный автор пишет: «Находят в сих двух стихотворцах великое множество выражений, подобных древним, которые имеют вдруг силу древности и нежность новости»; в заключении всего раздела говорится: «Италия имела у себя двух знатных стихотворцев, Данте и Петрарха, прежде нежели была у них сносная проза».

Транскрипции имен итальянских писателей, называемых в этой статье, — «Дант» (это первый случай его написания применительно к французскому произношению, без конечного «е», закрепленный затем русской орфоэпической практикой почти на целое столетие),³ «Бокас» (т. е. Боккаччо, франц. Boccace), —

allgemeine Kunstwissenschaft», Bd. XXXIII, 1939, SS. 145—158, и в кн.: E. Hierko. Beiträge zur Geschichte des russischen Italienerlebnisses. Diss. Bonn, 1960, S. 40.

¹ С именем С. Г. Домашнева статья «О стихотворстве» полностью перепечатана из «Полезного увеселения» П. А. Ефремовым в его кн.: *Материалы для истории русской литературы*. СПб., 1867, стр. 168—195. Ср.: «Полезное увеселение», 1762, май, стр. 217.

² Справедливые сомнения в авторстве С. Г. Домашнева недавно высказаны в статье: Hilmar Schlieter. *Zu den Quellen des Abhandlung von S. G. Domašnev «O stichotvorstve»*. In: «Ost und West. Aufsätze zur slavischen Philologie», hrsg. A. Rammelmeyer. Wiesbaden, 1966, SS. 158—179.

³ В первой трети XIX в. в русской печати Данте иногда именовали «Ледант». В русском переводе известного руководства Лагарпа «Lycée»

отчетливо свидетельствуют о французских источниках анонимного автора. И действительно, приведенная выше цитата представляет собой буквальный, слегка сокращенный и не очень искусно выполненный перевод отрывка из начала XXXII главы «Опыта о нравах» Вольтера, посвященной развитию наук и искусств в Европе в XIII и XIV вв. Приводим интересующее нас место «Опыта» для сопоставления перевода с оригиналом: «Déjà le Dante, Florentin, avait illustré la langue toscane par son poème bizarre, mais brillant de beautés naturelles, intitulé Comédie; ouvrage dans lequel l'auteur s'éleva dans les détails au-dessus du mauvais goût de son siècle et de son sujet, et rempli de morceaux écrits aussi purement que s'ils étaient du temps de l'Arioste et du Tasse».⁴ Далее Вольтер пишет о Данте-гибеллине, которого преследовали и папа Бонифаций VIII, и Карл Валуа; по мнению Вольтера, поэма Данте отобразила всю горечь распрей между имперской властью и папством; в качестве иллюстрации несчастий, потрясавших землю в тот горестный век, Вольтер приводит в своем очень вольном стихотворном переложении отрывок из XVI песни «Чистилища» (стихи 106—120), в котором идет речь о двух солнцах, освещавших два пути — мирской и божий и в конце концов погасивших одно другое:

Jadis on vit dans une paix profonde
 De deux soleils des flambeaux luire au monde,
 Qui sans se nuire éclairant les humains
 Du vrai devoir enseignaient les chemins
 Et nous montraient de l'aigle imperiale
 Et de l'agneau les droits et l'intervalle...⁵

И все это стихотворное переложение из Данте, и поясняющие его слова Вольтера в тексте статьи «О стихотворстве» опущены; но русский перевод возобновлен со следующего абзаца о Петрарке. У Вольтера: «Après le Dante, Pétrarque, né en 1304 dans Arezzo, patrie de Gui Arétin, mit dans la langue italienne plus

(«Ликей, или Круг словесности», ч. 1. СПб., 1810, стр. VII) находим «Ле Дант». «Переводы Леданта; и Пушкин то же толкует», — писал С. П. Шевыреву С. А. Соболевский («Русский архив», 1909, кн. 2, № 8, стр. 501), что П. И. Бартенев снабдил следующим пояснением: «Французы говорят вм. «поэма Данта», по особому значению великого автора, — Le Dante». Действительно, «Божественная комедия» первоначально не имела заглавия и в первые два столетия по ее созданию называлась то «Комедия», то «Il Dante» (см.: И. Скартаццини. Данте. СПб., 1905, стр. 134). Однако наименование «Ледант» подчеркивало у нас посредничество Франции в ознакомлении с этой поэмой.

⁴ Voltaire. Essai sur les moeurs et l'esprit des nations... Introduction, bibliographie, relevé de variantes, notes et index par René Pomeau, t. I. Paris, 1963, pp. 763—764.

⁵ Ср. Purg., XVI, 106 и сл.:

Soleva Roma, che il buon mondo feo,
 Duo Soli aver, che l'una e l'altra strada
 Facean vedere, e del mondo, e di Deo...

de pureté, avec toute la douceur dont elle était susceptible». В статье «О стихотворстве»: «После Данта Петрарх, родившийся в 1304 г. в Арrezzo, ввел в италиянский язык больше чистоты со всею приятностью, к чему был оный сроден». Характерно, что переводчик опустил фразу Вольтера об Арrezzo как родине Гвйттоне д'Арrezzo, первого поэта Тосканы и старшего современника Данте: этот пропуск возник, может быть, по той причине, что переводчик счел данное указание излишней подробностью или не знал, как имя Гвйттоне д'Арrezzo перевести по-русски, так как Вольтер называет его на французский манер Ги Аретинец (Gui Arétin); зато следующий обзац русского текста не только точно воспроизводит слова Вольтера о Данте и Петрарке, но даже позволяет точно установить, какое издание «Опыта о нравах» было в руках русского переводчика. Косноязычные слова русского текста: «Находят в сих двух стихотворцах великое множество выражений, подобных древним, которые имеют вдруг силу древности и нежность новости» — не только имеют полное соответствие во французском оригинале Вольтера («On trouve dans ces deux poètes, et surtout dans Pétrarque, un grand nombre de ces traits semblables à ces beaux ouvrages des anciens qui ont à la fois la force de l'antiquité et la fraîcheur du moderne»), но, как показали недавние текстологические исследования Р. Помо, представляют собою вставку, впервые внесенную Вольтером в текст «Опыта о нравах» для женевского издания Крамера (Cramer) 1756 г.⁶

Таким образом, характеристика Данте-поэта и его места в истории итальянского языка и литературы, данная в русской статье 1762 г., оказалась несамостоятельной; тем не менее русский компилятор, пользуясь французским текстом трактата Вольтера не только для раздела об итальянских стихотворцах, но и почти для всех других частей своего труда, неоднократно встречал в нем имя Данте и, во всяком случае, мог усвоить отсюда своеобразную точку зрения Вольтера на великого флорентийца, достаточно далекую от восторженного и безоговорочного перед ним преклонения. Строки о Данте в «Полезном увеселении» 1762 г., оказавшиеся слегка сокращенным переводом из «Опыта о нравах» Вольтера, могут служить своего рода предупреждением исследователю о необходимости соблюдать осторожность в выводах: перед нами очень типичный пример неоднократно отмечавшейся зависимости от западных образцов русских критических суждений середины XVIII в. о явлениях зарубежных литератур; подобные заимствования, естественно, встречались тем чаще, чем менее известной была в России та или иная иностранная литература, о которой шла речь. Не менее характерно и то, что источником русской компилятивной критической работы в данном случае явился Вольтер. Очевидно, исследователю русского восприятия Данте следует

⁶ Voltaire. Essai sur les moeurs. . . , pp. 878, LXXI—LXXII.

иметь в виду чрезвычайную популярность произведений Вольтера в русской литературе XVIII в.,⁷ в том числе и тех, в которых он рассуждал о Данте; при этом необходимо помнить также об особой роли, какую Вольтер сыграл в истории отношения к Данте в эпоху Просвещения в странах Западной Европы вообще, в частности — и в самой Италии.

Отношение Вольтера к Данте было сложным и противоречивым, являя собой известную аналогию к его оценкам Шекспира, с тем лишь различием, что его неприятие Данте постепенно усиливалось. В 1727 г., в своем «Опыте об этической поэзии» (впоследствии присоединенном к «Генриаде»), Вольтер, рассуждая об эпических поэмах Вергилия, Лукана, Камоэнса и особенно Тассо, не нашел места для характеристики «Божественной комедии»; о Данте здесь сказано лишь то, что почти буквально воспроизведено затем в одной фразе, приводившейся выше, «Опыта о нравах» (Данте и Петрарка «писали в стихах в то время, когда не было еще ни одного сносного произведения в прозе»)⁸. В своих «Английских письмах» (письмо 22-е) Вольтер упоминает Данте в непосредственном соседстве с С. Батлером, автором сатирической поэмы «Гудибрас», и утверждает, что «Данте больше не читают в Европе, потому что в нем все состоит из намеков (allusions) на неведомые ныне события». Достоверно известно, что около 1738 г., живя в Сире, замке маркизы дю Шатле, Вольтер впервые познакомился с «Божественной комедией» и даже перевел из нее несколько эпизодов.⁹ Сделанные им в то время наблюдения над поэмой Данте получили свою формулировку сначала в его «Письме к г. . . , профессору истории», увидевшему свет в 1753 г. (в «Annales de l'Empire»), а затем изложены были, с большей отчетливостью, в XXII письме «Опыта о нравах»: это именно тот отзыв, который вкраплен был в русскую компиляцию «О стихотворстве» 1762 г.

Отзыв этот, в частности, довольно благоприятен к великому флорентийцу. Вольтер отдает ему должное и, хотя с оговорками, признает его историческое значение. Большого и трудно было бы ожидать от философа-скептика и писателя, твердо усвоившего правила «Поэтического искусства» Буало. Для Вольтера, как истинного классика, средние века представлялись эпохой заката умственной деятельности, мрака, суеверия и фанатизма; не уди-

⁷ П. Р. Заборов. Вольтер в русских переводах XVIII века. В кн.: Эпоха просвещения. Из истории международных связей русской литературы, Л., 1967, стр. 110—207.

⁸ Е. В о u y. Voltaire et l'Italie, Paris, 1898, p. 40.

⁹ Стоит отметить, что одновременно с Вольтером в Сире жил венецианец Альгаротти (1712—1764), автор «Ньютонизма для дам» (1735) и «Писем о России» (1739), вероятно помогавший Вольтеру знакомиться с итальянским текстом «Божественной комедии», но интересы Альгаротти как просветителя-публициста были так же далеки от Данте, как и впечатления Вольтера.

вительно, что и «Божественную комедию» он считал лишенной «вкуса» и полной «причудливости» (bizarerie): так думало и большинство его современников.¹⁰ Но это было далеко не последнее слово Вольтера о Данте.

В 1757 г., в тот самый год, когда в Венеции вышло в свет издание «Божественной комедии», посвященное русской императрице, в той же Венеции иезуит Саверио Беттинелли (1718—1800), родом мантуанец, издал свои «Вергилиевы письма» («Lettere Virgiliane»), открывшие новый период в истолковании Данте в Западной Европе. В этой книге рассказано о беседах в Елисейских полях теней античных поэтов и о письмах оттуда Вергилия: основу последних составляет ожесточенная критика Данте. По мнению Беттинелли, излагаемому от имени Вергилия, «Божественная комедия» полна поистине «варварских» вымыслов: это безграничный хаос, созданный без всякого мастерства и вкуса; из огромной поэмы можно с трудом извлечь несколько мест, удовлетворяющих требованиям образованного читателя. Попытка Беттинелли осудить «Божественную комедию» с точки зрения античного эпика, к тому же являвшегося одним из главных действующих лиц поэмы, имела успех скандала и вызвала полемическую бурю, бушевавшую в течение нескольких лет не только в Италии, но и во Франции и в Англии.¹¹ «Вергилиевы письма» были переведены на французский язык и издавались во Франции трижды: в 1759, 1766 и 1767 гг.; но еще первое их венецианское издание вызвало отклики в ряде французских журналов: в «Journal Étranger» — в сентябре того же года, в «Année Littéraire» Фрерона — в первом томе 1759 г.¹² Не заставили себя ждать и возражения, разумеется, прежде всего в Италии. Наиболее важной и памятной была «Защита Данте» (Difesa di Dante, 1758), с которой выступил видный венецианский литератор Гаспаро Гоцци (1713—1786), брат знаменитого драматурга. Опровержения доводов Беттинелли, представленные Гоцци, были умными и красноречивыми, но «хулители» Данте оказались сильнее, в частности и потому, что автора «Вергилиевых писем» демонстративно поддерживал Вольтер: он весьма радушно принял у себя в замке «Делис» Беттинелли, явившегося туда со своим трактатом для подношения; затем Вольтер

¹⁰ А. Кунсон приводит любопытный случай воздействия этого отзыва Вольтера на одного из авторов «Энциклопедии» — Жокура. В 1757 г. в статье «Gibelin», опубликованной в т. VII «Энциклопедии» (за подписью D. J., т. е. chevalier De Jaucourt), говорится о Данте словами Вольтера, но с явным преувеличением в пользу флорентийца, изображенного жертвой как светской власти, так и папства (A. C o u n s o n Dante en France, p. 76). В своих фактических сведениях о Данте Жокур, как и Вольтер, основывался на старых словарях Морери и Бейля, которые хорошо известны были также и в России

¹¹ A. Farinelli. Dante in Spagna, Francia, Inghilterra, Germania. Torino, 1922; Werner Friederich. Dantes fame abroad, 1350—1850. Roma, 1950.

¹² A. C o u n s o n. Dante en France, p. 76.

сочинил в его честь получившее широкое распространение четверостишие, где Беттинелли весьма лестно был назван «соотечественником и преемником» Вергилия, которому и надлежит писать о творце «Энеиды» и от его имени.¹³ «Я отдаю должное мужеству, с которым вы осмелились сказать, что Данте был сумасшедшим, а его поэма — чудищем», — писал Вольтер Беттинелли в том же 1759 г., признаваясь, что ему нравятся у Данте лишь несколько десятков стихов, стоящих «выше уровня его века»; тут же Вольтер выразил надежду, что мысли Беттинелли о Данте разделяет также Альгаротти.¹⁴ Указанная полемика, всколыхнувшая всю Италию и продолжавшаяся здесь до 90-х годов XVIII в., в конечном счете способствовала пробуждению дантовского культа в конце этого столетия, но Вольтер, безоговорочно принявший сторону Беттинелли, во всяком случае задержал появление этого культа во Франции, тем более что его полемические высказывания об авторе «Божественной комедии» продолжали появляться еще долгие годы то там, то здесь, и по разным поводам. Так, одним из следствий затянувшегося спора было вольтеровское «Письмо о Данте», печатавшееся с 1765 г.,¹⁵ в котором все его прежние отрицательные суждения о создателе «Божественной комедии» сгущены, и, кроме того, проникнуты убийственной иронией. Мы находим здесь, например, следующие строки о Данте: «Итальянцы называют его божественным, но божественность эта — скрытая, мало людей внимают его прорицаниям; есть у него и комментаторы, но это, быть может, еще один довод для того, чтобы не быть понятым. Его известность всегда будет укрепляться, так как его почти не читают. От него остались несколько штрихов (traits), которые знают наизусть; этого достаточно, чтобы можно было избавить себя от изучения всего остального».¹⁶ Это

¹³ A. C o u n s o n. Dante en France, p. 77:

Compatriote de Virgile
Et son Successeur aujourd'hui,
C'est à vous d'écrire sur lui:
Vous avez son âme et son style.

«Соотечественником» Вергилия Беттинелли назван потому, что оба они были мантуанцы.

¹⁴ Первоначально «Lettere Virgiliane» были напечатаны в приложении к сборнику, изданному в Венеции в 1757 г. (с датой 1758 г.) под заглавием: «Versi sciolti di tre eccelenti autori con alcune lettere non più stampate» (это были Беттинелли, Альгаротти и Фругони). См.: A. C o u n s o n. Dante en France, p. 76. «Lettere Virgiliane» были переизданы в Città del Castello в 1912 г. с введением, где среди оппонентов Беттинелли названы Парадизи, Дженнари, швейцарец Бодмер и др. См. также: E. B o u v y. La critique dantesque au XVIII s.: Voltaire et les polémiques italiennes sur Dante. «Revue des Universités du Midi», t. I, Bordeaux, 1895, pp. 295—334; на русском языке «спор о Данте» изложен в кн.: Б. Г. Р е и з о в. Итальянская литература XVIII века. Л., 1966, стр. 129—132.

¹⁵ A. C o u n s o n. Dante en France, p. 72, note 2.

¹⁶ Там же, стр. 78.

был поистине беспощадный приговор; тем не менее поклонники Вольтера считали такое мнение естественным, вполне справедливым и охотно повторяли его. В некоторых изданиях сочинений Вольтера, ему современных, «Письмо о Данте» присоединялось к его «Философскому словарю», в котором также (под словом «Сугус») находились новые резко отрицательные суждения о Данте, его веке и творениях. Еще несколько лет спустя дантофобские инвективы Вольтера прозвучали с новой силой в двенадцатом из его «Китайских писем» (*Lettres chinoises, 1776*). Это было уже незадолго до смерти Вольтера; таким образом, его борьба с культом великого флорентийца продолжалась почти полвека... Плодовитый веронский литератор Дж. Торелли (1721—1781), следуя примеру своих соотечественников, еще раз вступился за репутацию создателя «Божественной комедии» в своем «Письме о Данте против Вольтера» (1781), но и тогда еще полемика, начавшаяся с обсуждения «Вергилиевых писем» Беттинелли, не была исчерпана до конца ни в Италии, ни во Франции. Точка зрения Вольтера по-прежнему оставалась распространённой и популярной; ее оспаривали в частных, но не по существу. Для догматиков французского классицизма Данте был писателем трудным и непостижимым как представитель той эпохи и среды, к которой они не имели ключа и которую не ощущали в исторической перспективе; важнейшие памятники средневековой литературы либо были им мало известны, либо отвергались по эстетическим соображениям, с точки зрения исповедуемых ими правил. Неприятие Данте, до зарождения сентиментально-романтических веяний во Франции, разделяли многие критики и литераторы, среди них, например, такой законодатель вкуса, как Ж. Ф. Лагарп. Отзвуки франко-итальянских дантофобских оценок от Вольтера и до Лагарпа с его «Лицеем» включительно еще долго слышались в русской литературе.¹⁷

¹⁷ В «Лицее» Лагарпа, в основу которого автор положил свои лекции по истории европейских литератур, читанные им со второй половины 80-х годов и до конца столетия, находим, например, следующие слова (цитируем в русском переводе, по изданию «Ликей, или Крут словесности», ч. I, СПб., 1810, стр. VII): «Приводимы были писатели, которые, говоря, успели без гнета и наблюдения правил искусства, например Ле Дант, Шекеспир, Мильтон и прочие. Ле Дант и Мильтон знали древних писателей, а уродливыми сочинениями своими прославились потому, что в оных есть некоторые прекрасные части, написанные по правилам». Явный отзвук того же взгляда на Данте — Вольтера и Лагарпа — чувствуется еще в таком позднем русском учебнике, как «Краткое начертание теории изящной словесности» (М., 1822, стр. 219) А. Мерзлякова, хотя этому московскому теоретику уже пришлось пойти на компромисс в оценке «Божественной комедии», самое заглавие которой он, впрочем, еще не понимал и не мог перевести: «После возрождения словесности в Италии первым достойнейшим замечания из новейших в сем роде стихотворцев был Данте Алигери. Он написал большую, облаченную аллегорией поэму под названием «Священное представление», которое состояло из ста песен и трех главных отделений: Ада, Чистилища и Рая. Сия поэма при всем неправильном и часто противном здравому рассудку составе богата

Затянувшийся «спор о Данте», в котором Франция принимала столь деятельное участие на стороне Вольтера и его адептов, естественно не мог волновать русских читателей в той же степени, в какой он затрагивал вкусы и склонности читателей западноевропейских стран: имя Данте сначала знали с чужих слов и до 80-х годов, за немногими исключениями, имели о нем довольно смутное представление. Тем не менее имя Данте вслед за западноевропейской прессой и в русской журналистике упоминалось все чаще и чаще; несомненно достигли России и отзвуки «спора о Данте». Позднее Пушкин в набросках статьи «о ничтожестве литературы русской» писал, характеризуя идейную гегемонию Франции в XVIII в. и безусловно имея в виду выступления Беттинелли и Вольтера: «Италия отрекается от гения Данте».¹⁸

4

В то самое время, как русский компилятор начала 60-х годов XVIII в. перелагал на русский язык отзыв о Данте Вольтера, вставляя его в статью «О стихотворстве», начинающий русский писатель М. Д. Чулков (1743—1793) попытался воспользоваться для своего первого беллетристического опыта изложением первой части «Божественной комедии», вычитанным им в каком-либо иностранном источнике, и сплавлял его в своем творческом сознании со сходными мотивами, почерпнутыми из какого-либо списка древнерусского апокрифического хождения по загробному миру. В результате этого сложного сплава разнородных элементов появилось весьма своеобразное произведение русской прозаической литературы, уже в середине 60-х годов начавшее подготовку к восприятию русскими читателями поэмы Данте. Характерно, что эта подготовка началась, так сказать, в скрытом виде — без упоминания и самого Данте, и его произведения, что может служить лишним свидетельством недостаточного знакомства с ним русских читателей; не менее существенно и то, что в трактовке дантовских мотивов автор опирался на русскую народную традицию — рукописную и фольклорную. Этот малоизвестный эпизод русской литературной истории заслуживает введения его также на первые страницы русской дантологии.

Речь идет о книге М. Д. Чулкова «Пересмешник, или Славенские сказки», впервые изданной в Петербурге в 1766 г.¹ В «Пре-

великими поэтическими красотоми, которые дают ей право на всегашнее уважение и славу». Об отношении Лагарпа к Данте см. в кн.: Peter Brocksmeier. Darstellungen der französischen Literaturgeschichte von Claude Fauchet bis Laharpe. Berlin, 1963, S. 173.

¹⁸ А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., т. XI, изд. АН СССР, 1949, стр. 272.

¹ М. Чулков. Пересмешник, или Славенские сказки, чч. I—IV. СПб., 1766—1768; 2-е изд. — чч. I—V, 1783—1785; изд. 3-е, «с поправлениями», — М., 1789.

дуведомлении» М. Д. Чулков объясняет читателю, что его книга — развлекательное чтение: «И как сие еще первый мой труд, то не осмелился я приняться за важную материю». Желая сделать свое произведение наиболее занимательным, Чулков написал книгу, весьма пеструю и очень сложную по своему составу и композиции, в которой он сплел в одно целое мотивы, заимствованные из западноевропейских волшебных рыцарских романов и из русского героического эпоса, из европейской новеллистики и русских сказок. Источники этого произведения, разнородные и многочисленные, исследованы крайне недостаточно, но среди них можно назвать и руссифицированную у него новеллу «Декамерона» Боккаччо (у Чулкова она получила заглавие «В чужом пиру похмелье»), и плутовские новеллы испанского типа, зачастую утратившие свое иноземное обличье, и «Комический роман» Скаррона (в 1763 г. «Le Roman Comique» был впервые издан в русском переводе В. Теплова), пересказы итальянских поэм-романов Боярдо и Ариосто. Весь повествовательный материал разделен автором на сто «вечеров», в чем позволительно усмотреть подражания арабским сказкам «Тысячи и одной ночи» в западноевропейских переделках. Ради усиления занимательности композиция этого огромного материала усложнена тем, что отдельные повести и новеллы перебивают друг друга, запутывают их изложение и развязки; к тому же сюжеты явно иноземного происхождения сменяют бытовые повести, созданные на реальных наблюдениях автора над русской действительностью и потому имеющие даже характер непосредственных автобиографических признаний.²

Нас во всем этом повествовательном хаосе «Пересмешника» может в настоящем случае интересовать лишь одна помещенная в нем повесть о Силославе, занимающая довольно важное место в первых частях произведения, и даже не вся она в целом, а лишь те ее эпизоды, которые сосредоточены во второй части «Пересмешника», издания 1766 г. (главы 11—12, вечера 21—22: «Продолжение Силославовых приключений»). Повесть о Силославе весьма пространно рассказывает о приключениях «древнерусского» царевича, долго ищущего свою суженую, Прелепу, похищенную волшебником Влегоном. Действие отнесено Чулковым к древнейшей эпохе славяно-русской истории, когда на месте Петербурга стоял «великолепный, славный и многолюдный город, именем Винета», было же это, по словам автора, во времена «древ-

² В. В. Сиповский. Очерки по истории русского романа, т. I, вып. 2. СПб., 1910, стр. 137, 239; С. В. Савченко. Русская народная сказка. История ее изучения. Киев, 1914, стр. 75—77; В. Шкловский. Чулков и Левшин. Л., 1933, стр. 106—109; М. К. Азадовский. История русской фольклористики, т. I. М., 1958, стр. 60; П. А. Орлов. Реально-бытовые романы М. Д. Чулкова и его сатирико-бытовые повести. «Ученые записки Рязанского педагогического института», 1949, № 8 (факультет литературы и языка), стр. 60—97.

них наших князей, до времени еще великого Кия». Юноша Силослав влюбляется в Прелепу, ни разу не повидав ее, лишь по ее портрету, некогда утаенному от него отцом. Он узнает, что она похищена злым духом, и направляется на многотрудные ее поиски, поощряемый богиней любви — Ладой. После пребывания в храме Лады Силослав был поручен ею Свиде, который сначала «снял мертвую завесу с глаз силославовых и положил на них бессмертие», после чего он увидел все, от него скрытое ранее, — землю, умерших его родителей, друзей, но не Прелепу. Затем, предводительствуемый тем же Свидой,³ Силослав спускается в преддверие ада, в описании которого представлены устрашающие воображение картины, — затем и в сам ад.

«В скором времени вышли они из прекрасной долины и пришли в такое место, где обитали страх и ужас. Это была престрашная долина, земля ее была покрыта вечным льдом, а деревья — инеем, которую солнце никогда не озаряло плодотворными своими лучами и на которую небо всегда смотрит свирепыми глазами. . . Вдали видны были мрачные поля, на которых земля вся изрыта была возвышенными поверхностями могил на подобие ужасного кладбища, между которыми шатались усопшие тени; иные казались встающими из гробов, а другие укрывающимися. Густой и замерзлой воздух делал мертвецов еще бледнее, нежели они в самой вещи суть. Из могил выходили ключи и, соединяясь вместе, делали из себя кровавую и великую реку». По этой реке плыли мертвые тела, кости, головы; река неслась в пещеру, откуда слышались стоны и воздыхания. Пещера была покрыта кровью, копотью, дымом; освещалась она факелами, в ней стояли гробы тех государей, которые при жизни своей проливали неповинную кровь. У каждого изо рта текла кровь кусками; из раздвленных глаз беспрестанно капали слезы; они скрежетали зубами, и с языка у них лился яд; кругом шипели змеи. «Вот тут преддверие Ада, говорил Свида Силославу, и это еще одно только его начало, по произволению богини должен я тебе показать его всево. Через сию пещеру не возможно тебе пройти, имев в себе бессмертие, и так пойдем на гору, с которой ты будешь смотреть на сие ужасное обитание теней; потом вывел он его на поверхность горы и показал с оной все адские мучения».⁴ Следует описание «Ада», расположенного на страшной горе; здесь, по словам повествователя, «небо, земля и воздух столь были мрачны, как самая темная и пасмурная ночь». Вокруг бушевала огненная река,

³ В образе «Поводыря Свида» Чулков выводит знаменитого византийского писателя Свида (Suidas), автора большого исторического, биографического и литературного «Словаря», содержавшего в себе множество фактических сведений и цитат из литературных произведений многочисленных поэтов, ораторов и историков древнего мира.

⁴ М. Чу л к о в. Пересмешник, или Славенские сказки, ч. II. СПб., 1766, стр. 82—87.

и люди кипели в ней; находилась поблизости и ужасная пропасть, выбрасывавшая огонь до облаков. «В сем огне вылетали на воздух люди, кои падали в огненную реку, которая влекла их опять в тое пещеру. Всякую минуту превеличайший и седой бес приводил к устью по кровавой реке беззаконников и выпрокидывал их в огненную реку, со всех сторон сгоняли бесы людей в огненную реку пропасть, и кипели люди, огонь и реки наподобие обуреваемого океана».⁵ Потом Свиды ведет Силослава на другую гору, и они видят там «человека, сидящего на камне и прикованного к двум столбам, стоящим подле оногo, на которого сверху упала растопленная и огненная смола. Он стонал и рвался столько отчаянно, что Силослав, смотря на него, прослезился». Тогда «Поводырь» Свиды рассказывает Силославу историю несчастного, некогда бывшего человеком; это — Аскалон, сын Азата, князя города Русы, который влюбился в родную сестру и хотел на ней жениться, однако их отец восстал против этого преступного брака; так началась фантастические приключения Аскалона, образующие особую вставную новеллу в повествовании. Далее мы находим и другие вставные новеллы разного колорита и стиля. Одна из них, например, рассказана, может быть, в расчете на то, что читатель, внимая ей, хоть несколько отдохнет от нагроможденных на предшествующих страницах устрашающих подробностей об адских муках и различных формах возмездия за совершенные при жизни преступления; в этой новелле есть и своеобразный лиризм и то же время тонкая ироническая усмешка: «После, когда мы сошли с горы, то увидел я, что подле одного ручейка спала неописанная красавица; подле ее сидел молодой и прекрасный юноша; мы, подошед к ним, смотрели на них. Красавица та улыбалась во сне, и, казалось, она наслаждается теперь самым лучшим весельем на свете». Увидя эту идиллическую картину, Силослав вопрошает своего спутника и путеводителя по загробному миру, что совершили эти тени, когда они были людьми, и Свиды отвечает Силославу следующим рассказом: «Красавица эта, — говорил он, — в жизни своей была весьма безобразна, все ее презирали и гнушались ее беседы. Этот юноша в жизни был превеликий насмешник. Он овладел сердцем сей красавицы; она его любила больше, нежели саму себя, но он всегда ее презирал, смеялся и ругался над ней, чем, однако, не мог истребить в ней к себе любви». И вот теперь он наказан за это велением богини любви Лады: он не может разбудить красавицу, которая начала оказывать ему благосклонность.⁶ В. В. Сиповский уже давно указал на

⁵ Там же, стр. 87—88.

⁶ Об источниках этой вставной новеллы В. В. Сиповский говорит следующее: «Если этот образ так оригинально наказанного гордеца и отзывается некоторым сходством с греческими мифами (Нарцисс, Фаон) и с «Метаморфозами» Овидия, тем не менее самая мысль ввести в ряд адских мучений такое ухищренное наказание, объяснив его при этом целой любовной новел-

явное родство между этой частью повести о Силославе в «Пересмешнике» Чулкова с Данте, с одной стороны, и с русскими апокрифами — с другой. «Описание ада и мучений грешников, введенные Чулковым в его произведение,— писал Сиповский,— занимает среднее место между первой частью „Божественной комедии“ Данте («Ад») и апокрифами, посвященными „хождениям по мукам“. В общем по содержанию своему (перечень мучений) картины Чулкова беднее, чем „Божественная комедия“, — они в этом отношении ближе подходят к апокрифическим изображениям загробных мук (отчасти даже к лубочным картинам о страшном суде), но в то же время они в смысле литературной обработки неизмеримо сложнее, чем простые „перечневые“ рассказы апокрифов (у Чулкова больше деталей и художественности)». «Я рискнул бы даже сказать, — заключает тот же исследователь, что по яркости красок и детальности рисунка некоторые места чулковской панорамы „ада“ не уступят картинам дантовского ада».

Остановимся несколько подробнее на приведенных выводах В. В. Сиповского. Отмеченное им сходство между повествованием Чулкова и поэмой Данте безусловно существует. Некоторые совпадения в построении этих двух столь мало в чем сходных между собой произведений едва ли можно объяснить случайностью. Конечно, наличие в обоих произведениях описаний тех же самых мук грешников (огненная река, страна мороза, кровавый дождь и пр.), детализация некоторых натуралистических картин в повествовании Чулкова или наличие в нем живописных картин природы («пейзажей с настроением» — по терминологии В. В. Сиповского) менее существенны, чем отмеченное им же введение «новелл» в рассказ о различных загробных возмездиях, причем таких новелл, которые «иногда по духу опять-таки очень напоминают дантовское». Другие аналогии, отмеченные тем же исследователем, представляются более близкими и менее случайными;

лой, — мысль чисто дантовская, которая никакими апокрифами подсказана нашему писателю быть не могла. Подобных новелл у Чулкова несколько» (В. В. Сиповский. Очерки по истории русского романа, стр. 134). Конечно, этот любовно-идиллический эпизод играет в повествовании о Силославе у Чулкова приблизительно такую же роль, как и рассказ о Паоло и Франческе да Римини в «Аде» Данте (V, 82—142), с тем лишь различием, что рассказ о несчастных любовниках у Чулкова не мог вызвать у Силослава того меланхолического настроения, какое возникло у Данте, выслушавшего от тени Франчески повествование о ее преступной любви. Но Чулков в данном случае гораздо ближе к «Неистовому Роланду» Ариосто, чем к «Божественной комедии» Данте; он мог иметь более близкий пример для подражания в XXXIV песне поэмы Ариосто, в которой описано путешествие рыцаря Астольфо в рай и ад и в которой уже издавна усматривают элементы пародии на «Ад» Данте. У Ариосто рассказана история дочери царя Лидийского, попавшей в ад за то, что она осталась холодна к своему поклоннику; в густом дыму она пребывает «похожая на висящий труп, иссушенный солнцем»

так, по его верному наблюдению, Свидя — путеводитель героя по аду, «хотя бы тем, что носит литературное имя, напоминает собою дантовского Вергилия». «Вот еще обращающее на себя внимание сопоставление: «Как Данте узнает среди мучимых в аду своих земных знакомых, так и чулковский герой встречается здесь, например, Аскалона».⁷ Добавим от себя, что Силослав, как мы видели, отправляется в странствование по аду с именем Прелепы на устах и что даже имя его возлюбленной этимологически представляет собою аналогию дантовской Беатриче. Подводя итоги, В. В. Сиповский утверждает что «близость Чулкова к Данте и к апокрифической литературе и в то же время несомненная самостоятельность его в разработке этих заимствованных художественных замыслов» заставили его «отвести русскому писателю совершенно особое место между этими двумя литературными источниками и признать за ним большую самостоятельность и оригинальность».⁸

Слабым местом всех указанных выше сопоставлений В. В. Сиповского является то, что возможное (и предполагаемое им) родство между интересующей нас частью повести о Силославе в «Пересмешнике» и русской апокрифической литературой более декларировано им, чем подтверждено; оно не подвергнуто параллельному анализу и представляется как бы не нуждающимся в пояснениях. Между тем необходимо иметь в виду, — это очень существенно для нас, — что самый замысел «Божественной комедии» генетически связан с раннехристианской апокрифической литературой, в том числе и с такими ее памятниками, которые в средние века являлись общими для западного католического и восточного православного мира. Может быть, именно благодаря этому основной вопрос об источниках у Чулкова одного из сюжетных стержней многослойной и запутанной повести о Силославе — о хождении его по загробному миру — решен В. В. Сиповским уклончиво и даже противоречиво.⁹

Русские дантологи уже давно подвергли специальному исследованию некоторые русские апокрифические «хождения по мучкам», имеющие непосредственное отношение к поэме Данте. Таково, например, «Видение апостола Павла», в тексте которого легко обнаружить множество сходных черт с «Божественной комедией» и которое, безусловно, в той или иной редакции было

⁷ В. В. Сиповский. Очерки по истории русского романа, стр. 133.

⁸ Там же, стр. 134.

⁹ Так, говоря о знакомстве Чулкова с волшебной-рыцарской литературой, «вероятно, в изложении „Bibliothèque universelle des romans“ и других подобных изданий», В. В. Сиповский высказывает предположение, что к заимствованным отсюда мотивам относится, например, «посещение героем Тартара» (стр. 137), а на предшествующей странице утверждается, что «тема хождения героя в царство Сатаны» взята Чулковым, по-видимому, из русской повести о Савве Грудцыне (стр. 136).

известно Данте.¹⁰ Очень возможно, что подлинник этого «Видения» был греческий; в переводе же у южных славян оно явилось в XIV в., если не ранее. Еще Н. С. Тихонравов в своей старой работе «Отреченные книги древней России» (1863), основываясь на работах комментаторов Данте и на своем хорошем знакомстве с западноевропейскими и славянскими редакциями этого «Видения», отмечал генетическое родство «Видения» и поэмы Данте, замечая между прочим: «Славянское „Хождение апостола Павла“ убеждает нас, что византийская легенда имела (прямо или посредственно — это другой вопрос) влияние на поэзию западных труверов, а через них — на „Божественную комедию“ Данта».¹¹ Много позднее Л. Шепелевич в своих «Этюдах о Данте» установил, что славянские тексты «Видения апостола Павла» составляют самую многочисленную группу списков восточной ветви этой легенды¹² и что на русской почве тексты ее были широко известны с XVI по XIX в.

Еще большим распространением пользовалось на Руси другое апокрифическое сказание — «Хождение богородицы по мукам». Если некоторые исследователи оспаривали византийское происхождение «Видения апостола Павла»,¹³ то относительно «Хождения богородицы по мукам» такие сомнения никогда не возникали. Древнейшие греческие списки этого «Хождения» относятся к XII в., а на Руси, вместе с другими апокрифами, оно явилось уже в XIV в. и было очень популярно до конца XIX в., оказав воздействие и на духовные стихи, и на фольклор.¹⁴ Тематически

¹⁰ Большинство комментаторов Данте по традиции отмечают, что сам поэт упоминает это «Видение» во второй песне «Ада» в том месте, когда он выражает Вергилию сомнение, может ли он сопровождать его в обитель теней, как это сделал Эней в «Энеиде» или Павел по «Видению», которое приписывало апостолу странствования и по аду, и по раю:

Io non Enea, io non Paolo sono:
Me degno a ciò nè io, nè altri crede.

(Inf., II, 32-33).

(«Я не Эней, не Павел, и ни я, и не другие не считают меня этого достойным»). Полагают также, что Данте пользовался «Видением апостола Павла» при описании рва, в котором казняется обманщики (Inf., XXIX, 52), кровавого озера, описанного в XII песне, сцены, когда демон с радостью увлекает на себе грешную душу (Inf., XXI, 30), и т. д.

¹¹ Н. С. Тихонравов, Соч., т. I, М., 1898, стр. 206.

¹² Л. Шепелевич. Этюды о Данте. I. Апокрифическое «Видение св. Павла», ч. I Харьков, 1891, стр. 54—55.

¹³ Недавно Э. Турдеану в специальной статье, подчеркивая обилие дошедших до нас славянских текстов «Видения», обращал внимание в связи с этим на малочисленность греческих списков (Emile Turdeanu. La Vision de Saint-Paul dans la tradition littéraire des Slaves orthodoxes. «Die Welt der Slaven», 1956, I, N. 4, SS. 427—430). Здесь перечислены все известные в настоящее время славянские тексты «Видения», в том числе — русские (начиная с XV в.).

¹⁴ Н. К. Бокадоров. Легенда о хождении богородицы по мукам. «Иаборник Киевский», посв. Т. Д. Флоринскому. Киев, 1904, стр. 39—94.

и сюжетно «Хождение богородицы» довольно близко к «Видению апостола Павла» и родственным с ними легендам. Путеводителем по аду богородицы является тот же архангел Михаил, которого видел и апостол Павел в «Видении»; в обоих хождениях посетители ада видят огненную реку, в которую погружены одни грешники, и замерзающее озеро, где казнятся другие. Огненная река и область вечного льда, как места наказания, коренятся, несомненно, еще в дохристианских представлениях народов Европы и Востока о царстве мертвых, чем и объясняется прежде всего сходство в описаниях этого рода в различных апокрифических текстах.¹⁵ Широко разработанные в сказаниях и литературных памятниках раннего и позднего средневековья, представления эти удержались в произведениях народного творчества. В русских духовных стихах, записанных в XIX в., поется, что

... грешные, беззаконные рабы
Останутся за рекою за огненную.

По представлениям народных исполнителей духовных стихов, ад находится в пропастях земляных, — «зима там несогреянна, злые мразы лютые, морозы все тлящие».

Иным будет грешникам — огни негасимые,
Иным будет грешникам — зима зла студеная...¹⁶

Византийская легенда о хождении богородицы, которая, по наблюдению Н. К. Бокадорова, «от начала до конца выдерживает золотисто-огненный византийский стиль», отличается простотою, но и суровостью. В ней нет того символического тройственного деления, какое наблюдается в «Видении апостола Павла».¹⁷ Равным образом мы не находим в «Хождении богородицы» «описания рай и той сложной архитектоники загробного царства у Павла, которое послужило образцом для построения „Божественной комедии“», — отмечает Н. К. Бокадоров.¹⁸ И тем не менее «Хождение богородицы» всегда само собою напрашивалось на сопоставление

¹⁵ Н. С. Тихонравов, Соч., т. I, стр. 207; Ф. А. Рязановский. Демонология в древнерусской литературе. М., 1916, стр. 119—120.

¹⁶ Н. С. Тихонравов, Соч., т. I, стр. 208—209.

¹⁷ Н. Ф. Сумцов. Очерки истории южнорусских апокрифических сказаний и песен. «Киевская старина», 1887, № 11, стр. 424—425.

¹⁸ Н. К. Бокадоров. Легенда о хождении..., стр. 58. — Следуя Н. С. Тихонравову и другим исследователям, Бокадоров (стр. 61) указывает, что «как классификация наказаний, так и в особенности неоднократное упоминание о наказании холодом и льдом являются отличительным признаком „Видения апостола Павла“». Нет ничего удивительного, что Данте, находясь под влиянием „Видения“, считал самым страшным мучением замерзание душ в ледяном царстве Люцифера (XXIV), хотя, конечно, в этом отношении Данте в равной мере был в зависимости от других легенд, как например от Хождения Дритгельма, в котором наиболее ярко рисуется область загробных льдов». Ничего подобного нет в «Хождении богородицы».

с поэмой Данте. Достаточно напомнить, что говорит по этому поводу Иван Карамазов брату Алеше в романе Достоевского («Братья Карамазовы», ч. II, кн. 5, гл. 5): «У нас по монастырям занимались также переводами, списыванием и даже сочинением таких поэм [«в которых действовали по надобности святые, ангелы и вся сила небесная», — поясняет Достоевский], да еще когда — в татарщину. Есть, например, одна монастырская поэмка (конечно, с греческого): „Хождение богородицы по мукам“, с картинками и смелостью не ниже дантовских. Богоматерь посещает ад, и руководит ее „по мукам“ архангел Михаил. Она видит грешников и мучения их. Там есть один презанимательный разряд грешников в горящем озере, которые из них погружаются в это озеро так, что уж и выплыть более не могут, то „тех уже забывает бог“, — выражение чрезвычайной глубины и силы».

Мы привели выше данные о русских апокрифических хождениях прежде всего для того, чтобы можно было более ясно представить себе, что в чулковской повести о Силославе заимствовано им из какого-либо зарубежного пересказа «Божественной комедии», а что восходит к возможному знакомству автора «Пересмешника» с русской рукописной апокрифической письменностью. Однако такое разграничение двух указанных сфер воздействия на Чулкова оказывается делом чрезвычайно затруднительным по той причине, что между поэмой Данте и византийско-славянскими хождениями по загробному миру много общего в целом и в подробностях. Очень существенно, однако, то, что, откуда бы Чулков ни заимствовал тему о «хождении» и отдельные подробности об адских муках, они подвергались у него полной секуляризации; весь пафос и религиозный дидактизм при наглядном изображении наказаний, которыми подвергнуты грешники, в западных и славянских легендах исчез у Чулкова без следа. Его заменили стремление всеми силами увеличить занимательность повествования, внесенные в него элементы западных волшебных-рыцарских и галантных романов, эротики; и все это пестрое целое подверглось внешней и поверхностной русификации. Не подлежит никакому сомнению, что Чулков добился успеха и что «Пересмешник» жадно читался не только во второй половине XVIII, но и в начале XIX в.¹⁹

¹⁹ Об этом свидетельствуют, кроме повторных изданий книги, рассказы мемуаристов. Вероятно, об этой книге вспоминает А. П. Бутенев, когда говорит, что в детстве в большой библиотеке отца его пленяли «Дон Кихот» и «Собрание рыцарских сказок по-русски; имени сочинителя я не помню (славянские сказки)». («Русский архив», 1881, кн. 3, № 5, стр. 19). Еще в 1836 г. Дм. Кашкин поместил в своих «Сочинениях», изданных в Москве, большую поэму: «Силослав, поэма, почерпнутая из волшебных сказок». Это несладкое произведение в восьми песнях основано на чулковском «Пересмешнике», который, впрочем, не упомянут; Д. Кашкин перелаживает его «Силославовы приключения» в бездарные стихи (т. I, стр. 101—155); не забыты и приключения в аду (стр. 124 и сл.).

Обращение М. Д. Чулкова к сюжету о странствованиях по аду для построения эпизода занимательной повести, поддержанное вероятным знакомством его с русскими апокрифическими текстами «Хождений», может быть, объяснялось также и тем, что и в России, и во всей Западной Европе в XVIII в. как подобные странствования, так в особенности «беседы» в загробном мире были положительно в моде. Жанр «разговоров в царстве мертвых» создавался в Европе в XVI в. под воздействием возрожденных к новой жизни диалогов позднегреческого писателя Лукиана, — они известны были еще Данте, а до него византийским сатирикам, — но окончательно утвердился и стал особенно популярным в конце XVII—начале XVIII в. Задача подобных произведений, во множестве плодившихся во всех литературах, в том числе и в русской, была прежде всего сатирической, нередко с подчеркнутой политической направленностью, но в отдельных литературах и под пером писателей разного склада подобные диалоги могли принимать всевозможную окраску, в том числе сугубо философскую, памфлетно-сатирическую, скептически-ироническую и т. д.²⁰

Первые образцы русских «разговоров в царстве мертвых» относятся к началу XVIII в.,²¹ затем они стали плодиться во множестве с середины 50-х годов, когда их охотно печатали в разных журналах; в числе создателей их были и А. П. Сумароков,²² и тот же Чулков, прибегавший к этому жанру после издания своего «Пересмешника».²³ В 1766 г. в русском переводе появилось остро

²⁰ Johan Egilsrud. Le Dialogue des morts dans les littératures française, allemande et anglaise (1644—1789). Paris, 1934; Joh. Rentsch. Lukian-Studien. II. Das Totengespräch in der Literatur. Plauen, 1895, SS. 15—40.

²¹ А. И. Соболевский. Из переводной литературы Петровской эпохи. Сб. ОРЯС, 1908 т. 94, стр. 12—14; «Отечественные записки», 1856, т. 104, № 2, стр. 385—388.

²² В 50-х годах «разговоры в царстве мертвых» печатались в «Трудолюбивой пчеле» и академических «Ежемесячных сочинениях». См.: В. Г. Березина. Журнал А. П. Сумарокова «Трудолюбивая пчела» (1759), В сб.: Вопросы журналистики. Межвузовский сборник статей, вып. II, кн. 2, Л., 1960, стр. 10—12; О. А. Державина. Разговоры в царстве мертвых А. В. Суворова. «Ученые записки Московского городского педагогического института им. В. Потемкина», 1952, т. XX, вып. 2, стр. 43—53; см. также публикации Н. Виноградова и А. А. Титова в «Известиях ОРЯС» (1906, кн. 2, стр. 421—422; 1907, кн. 3, стр. 70—97). — Вопреки мнению О. А. Державиной, автором «Разговоров в царствии мертвых» в «Ежемесячных сочинениях» был не А. В. Суворов, а Сумароков; П. Н. Берков (История русской журналистики XVIII века. М.—Л., 1952, стр. 105) указал на сохранившиеся рукописи их, написанные почерком Сумарокова. В 1810 г. в первой части сочинений М. Н. Муравьева, изданной Карамзиным, были впервые опубликованы его «Разговоры мертвых», относящиеся к 1790 г.

²³ В своем журнале «И то и сё» (1769) Чулков поместил один из таких разговоров, в котором устами Харона осыпал ругательствами Эмина в образе «Злоязычника». См.: А. В. Западов. Журнал Чулкова «И то и сё». В кн.: XVIII век, сб. II, М.—Л., 1940, стр. 121—139. — Возможно, что Чулкову принадлежит также памфлет против старообрядцев, изданный под заглавием «Жизнь некоего мужа и перевод курioзной души его чрез Стикс-реку»

сатирическое произведение Генри Филдинга «Путешествие в иной свет» (*Jorney from this world to the next*, 1743),²⁴ позднее дважды появлялись русские переводы Лукиана (1775 и 1787).²⁵ В 1769 г. выходило в свет издание Федора Эмина «Адская почта, или Переписки Хромононого беса с Кривым»: оно было дважды переиздано в 1788 г. П. Богдановичем под заглавием: «Адская почта или Курьер из ада с письмами».²⁶

Как видим, «адская» тематика в русской литературе второй половины XVIII в. получила сильное распространение прежде всего среди сатириков. Конечно, адский пейзаж имел в данном случае второстепенное значение традиционной декорации, привычных аксессуаров совершенно условного стиля, далеких от религиозных представлений о загробном мире как христианства, так и античного мира или сплавившихся здесь в одно целое, где Стикс, Тартар и Елисейские поля могут являться фоном для беседующих теней в такой же мере, как огненная река или ледяное озеро христианских легенд. Этот условный фон для диалогов или монологов, казалось, открывал возможность их авторам судить свободнее и откровеннее о явлениях действительности с точки зрения воображаемых собеседников, уже этому миру не принадлежащих; во многих «разговорах» этого рода место, где происходит беседа, только упомянуто в заглавии, а центр тяжести находится в самом споре или обсуждении тенями чисто земных дел. Тем не менее «адская тематика» казалась во второй половине XVIII в. столь привычной для читателей, что они были уже вполне подготовлены к восприя-

(СПб., 1788); об авторстве Чулкова см. статью Л. Светлова («Русская литература», 1963, № 2, стр. 188—197).

²⁴ Путешествие в другой свет. Остроумная повесть с аглинского на русский, а с немецкого на российский перевел В. З[олотницкий]. СПб., 1766; немецкий оригинал, с которого сделан этот перевод: *Reise nach der andern Welt, aus dem Englischen des Herrn H. Fielding*. Copenhagen, 1759 (см.: М.-В. and L.-M. Price. The publication of English Literature in Germany in the eighteenth century. Berkeley, Calif., 1934, p. 95, № 359); М. Р. Алексеев. Fielding in the Russian Language. «VOKS Bulletin», 1954, № 5/88, p. 88.

²⁵ Разговоры Лукиана Самосатского, переложенные с греческого. СПб., 1775; Разговоры между мертвыми, выбранные из Лукиана Самосатского. М., 1787.

²⁶ А. Н. Неустроев. Исторические разыскания о русских повременных изданиях и сборниках 1703—1802 гг. СПб., 1874, стр. 154—156.— В одной из од Ивана Владыкина также мелькает несколько неожиданно возникшая адская картина, стилистически обязанная Ломоносову:

Се бездна вскрылась злых полна!
Там вечно мучатся тираны,
И неисцельны страждут раны!
Конца нет муке, бездне дна!

(Ода на день всерадостного на всероссийский престол востшествия ея императорского величества... Екатерины Алексеевны... СПб., 1765, стр. 5).

тию великой поэмы Данте независимо от тех или иных рекомендаций теоретиков классицизма. И, может быть, распространенностью жанра «разговоров в царстве мертвых» следует объяснить успех переводов отрывков из «Божественной комедии», появившихся задолго до того, как читатели в состоянии были воспринять всю поэму в целом и дать ей исторически оправданную оценку: отдельные новеллистические эпизоды из «Ада» Данте, вроде эпизодов с Уголино или Франческой да Римини, могли восприниматься читателями как своего рода «разговоры в царстве мертвых», для которых место беседы представлялось малозначительной или случайной подробностью.

В изучении восприятия творчества того или иного писателя в литературах другой страны и языка весьма существенно знать, на какую почву попадает оно и какие создаются здесь условия для его восприятия читателями. Как мы пытались показать, в русской литературе второй половины XVIII в. для первоначального знакомства с Данте создались вполне благоприятные условия. Они стали еще более благоприятными в то время, когда в России впервые почувствовались преромантические веяния: к Данте начал возникать у нас тогда более пристальный интерес.

5

С 80-х годов имя Данте стало чаще и по разным поводам попадаться в русских журналах, в статьях исторического и литературного содержания, переводных и оригинальных; более обычными и многочисленными сделались тогда поездки в Италию русских путешественников; шире стал также круг переводчиков, своими изданиями все время усиливавших внимание русских читателей к старым и новым произведениям зарубежных литератур. Все это совпало с временем нового подъема международной славы Данте, в особенности проявившегося во Франции и в Германии.

К 1784—1785 гг. относится второе путешествие за границу Д. И. Фонвизина. Целью его поездки на этот раз была Италия, куда он отправился вместе с женой не столько ради лечения, сколько ради закупок предметов искусства для антикварного магазина в Петербурге, который содержал, при участии писателя, купец Клостерман.¹ Д. И. Фонвизину удалось повидать все главные города и достопримечательности Италии от Милана и Венеции до Рима. Письма его к родным, писанные из Италии, представляют собою чрезвычайно интересный документ, к сожалению не снабженный еще специальными пояснениями и мало изученный. В этих письмах автор «Недоросля» бранил эту страну столь же сильно, как в свое время Францию, во время его первого заграничного путешествия. В Италии Фонвизина поражали повсеместно нищета, торгашество, лень, безнравственность, отсутствие широких об-

¹ К. В. Пигарев. Творчество Фонвизина. М., 1954, стр. 248.

щественных связей; с тем большей страстью отдавался он изучению прошлого Италии и ее искусства — посещению церквей, картинных галерей, мастерских художников, театров. По обилию данных о произведениях итальянского искусства, содержащихся в этих письмах, они напоминают путевые заметки, писавшиеся в Италии незадолго перед тем (1781) Н. А. Львовым.² Д. И. Фонвизин писал, например, в октябре 1784 г. из Флоренции, где он провел шесть недель: «Я в непрестанном движении: с утра до ночи на ногах. Осматриваю все здешние редкости, и мы оба по нашей охоте к художествам упражнены довольно».³ Столь же внимательно Фонвизин ознакомился с достопримечательностями г. Вероны;⁴ он побывал также в Модене, Болонье, Пизе, Лукке и ряде других мест. Среди торопливых дорожных записей Фонвизина, между именами художников и достопримечательных памятников архитектуры, один раз названо имя Данте. Это было в Модене, куда он проехал 20 сентября 1784 г., еще до пребывания во Флоренции. В тот же день после обеда он отправился в Моденскую картинную галерею; на другое утро повез в галерею жену: «Кроме того, что я вчера видел, показали мне манускрипты XV и XVI столетий. Библия, Молитвенник и Дант меня удивили. На полях каждого листа миниатюры прекрасные и колорит такой яркий, как будто бы сегодня писаны были».⁵ Нет сомнения, что Фонвизину показана была иллюминированная рукопись «Божественной комедии»; так как он оставляет без пояснений имя ее автора, и сам Фонвизин и те, к кому адресованы были его письма, в этих пояснениях, очевидно, не нуждались. При этом совершенный Фонвизиним позже подробный осмотр Флоренции и Вероны, разумеется, дал ему не один повод познакомиться с биографией великого флорентийца и с Данте-изгнанником. Фонвизин не мог не видеть слов Данте, высеченных на камне в начале высокой лестницы, поднимающейся от ворот Флоренции к церкви Сан Миниато (Данте упоминает эту лестницу в двенадцатой песне «Чистилища»), как не мог не думать о нем по несколько раз в день, видя высокие стены францисканской церкви Санта-Кроче или всматриваясь в фреску Андреа дель Кастаньо в церкви Св. Аполлонии. Верона не в меньшей степени, чем Флоренция, была полна воспоминаний о Данте; как раз в то время, когда здесь находился Фонвизин, в Вероне началось увлечение Данте и его изучение.⁶ Культ Данте, возникший в этих историче-

² В. В. Верещагин. Путевые заметки Н. А. Львова по Италии. «Старые годы», 1909, № 4—6, стр. 276—282.

³ Д. И. Фонвизин. Сочинения, письма и избранные переводы. Ред. П. А. Ефремова. СПб., 1866, стр. 474.

⁴ Там же, стр. 470.

⁵ Там же, стр. 471—472.

⁶ Maria Zamboni. La critica dantesca a Verona nella seconda metà del secolo XVIII. Città di Castello, 1902; Gaetano Gasperoni. Gli studi danteschi a Verona nella seconda metà del 700. Dante e Verona. Verona, 1921; E. Curi. Il culto e gli studi danteschi a Verona. Firenze, 1964.

ских городах, легко воспринимался посещавшими их иностранцами. Отметим, кстати, любопытную подробность: несколько десятилетий спустя во Флоренции поселился гр. Д. П. Бутурлин (1763—1829), потерявший в Москве во время пожара 1812 г. свою замечательную библиотеку, богатую редчайшими книгами и рукописями: он тотчас же по приезде во Флоренцию стал заводить себе новую и, наконец, сделался обладателем одного из лучших и древнейших кодексов «Божественной комедии».⁷ В начале 80-х годов отзвуки знакомства с «Божественной комедией» встречаются уже в стихах русских поэтов. Сошлемся в качестве примера на послание М. Н. Муравьева (1757—1807) к автору «Душеньки» И. Ф. Богдановичу (1743—1803), датированное 11 июля 1782 г., в котором рядом названы Данте и Тассо, как поэты, которым он хотел следовать. К этому времени М. Н. Муравьев был сложившимся писателем, за плечами которого было уже несколько книг и переводов; к началу 80-х годов в его поэтическом творчестве назревало своего рода кризис, закончившийся несколько позднее обращением к сентиментально-дидактической прозе; в его стихах этого времени порой звучит своего рода разочарование, недовольство собой; он ищет новые пути в поэзии и действительно становится одним из провозвестников преромантизма в русской литературе. Известно, что М. Н. Муравьев был очень начитан, хорошо знал многие иностранные языки, среди них итальянский, которому обучался в начале 70-х годов вместе с Н. А. Львовым в свободное от военной службы время; к 80-м годам относится сделанный им перевод отрывка из «Освобожденного Иерусалима» Т. Тассо.⁸

Послание М. Н. Муравьева к Богдановичу 1782 г. сохранилось лишь в неотделанном и неоконченном черновике и напечатано было лишь недавно. Наиболее интересные для нас строки этого

⁷ Сын библиофила, М. Д. Бутурлин вспоминает по этому поводу: «Отец мой долго старался приобрести две библиографические антикварные редкости: первое издание Данта, напечатанное в Фолинье в конце XV века, и известную славянскую библию... Была, однако же, у нас одна древняя рукопись поэмы Данта, замечательная тем, что на переплете этого in folio был отчеканен золотой герб фамилии Маласпина, а в самом тексте заметки и поправки писаны другим почерком, нежели самый текст. А так как влиятельные в их время Маласпины покровительствовали изгнанному из своего отечества флорентийскому барду и он даже посвятил им одну из его поэм, то иные полагали, что эти заметки и поправки были сделаны рукою самого Данта; но других доказательств на это не было» (М. Д. Бутурлин. Записки. «Русский архив», 1897, кн. 1, № 4, стр. 634). Эта рукопись сохранилась и находится ныне во Флоренции. Она демонстрировалась здесь на Юбилейной Дантовской выставке 1965 г. и, как мне сообщил проф. А. Контини, ныне именуется дантологами «бутурлинской».

⁸ М. Н. Муравьев. Стихотворения. Л., 1967, стр. 278. Имя Т. Тассо неоднократно встречается также в других стихотворениях Муравьева; см., например, его «Отчаяние любви» (там же, стр. 230—231). Изучение итальянского языка также не прошло бесследно для товарища его по полку (Н. А. Львова), который, между прочим, перевел один из сонетов Петрарки — прозой и стихами.

стихотворения, где упомянуты Вергилий, Данте и Тассо, отличаются наибольшей темнотою и едва ли понятны без комментариев; впрочем, общий замысел послания вполне ясен и напоминает другое стихотворное обращение Муравьева к современным ему русским поэтам. В первой части послания дается восторженная характеристика Богдановича как автора «Душеньки».⁹ Вопросание к «живописцу граций» —

Скажи мне, кто тебя учил:
Албан или Горацій? —

заканчивается утверждением:

Конечно, Богданович, ты
Имел перед собой понятие красоты
И бытия живейши ощущения,
Конечно, счастлив был дыханием мечты.

Но вслед за этим Муравьев обращается к самому себе, с горестью и укоризной вспоминает о своих первых поэтических мечтаниях и опытах, за созданием которых он отдыхал от полковой муштры (по его словам, «уклоняясь военные брони»), и говорит о трех поэтах, учеником которых он тщился быть. Это — Вергилий с «Энеидой», Данте с «Божественной комедией» и Т. Тассо с «Освобожденным Иерусалимом» («Ринальдов певец»):

Ах, некогда и я, хоть не с твоим талантом,
В обманах сладких вел свои спокойны дни
И, уклоняясь военные брони,
Во пиитической сени
Мечтал Авзонию с Евандром и Паллантом,
Ентеллом брошены в средину кистени —
Мечты Вергилия, боготворенна Дантом
И подраженного Ринальдовым певцом.
Я предлагал себе быть их учеником,
Ко добродетели имел благоговенье.
Пороком менее влеком,
Прекрасного почти я видел откровенье;
Я был величествен: я был в повиновенье
Моральныя души, и чувством, языком. . .¹⁰

Для того чтобы понять, что хочет сказать Муравьев в своих действительно темных стихах, следует иметь в виду, что под «мечтами Вергилия» он имеет в виду «Энеиду» и, в частности, тот эпизод ее пятой песни, где рассказывается о союзниках Энея — Еван-

⁹ Обратим внимание на то, что «Душенька, древняя повесть в вольных стихах» вышла в свет без имени автора в 1783 г. (Первое издание было озаглавлено «Душенькины похождения», — М., 1778, — и также являлось анонимным), тогда как послание к Богдановичу М. Н. Муравьева датировано в рукописи 11 июля 1782 г. Возможно, что Муравьев читал «Душеньку» еще до ее выхода в свет или имел в виду «Душенькины похождения».

¹⁰ М. Н. Муравьев. Стихотворения, стр. 212, 348

дре и Палланте, и о кулачном бое, для которого огромные боевые перчатки («кистени») были даны Энтеллом. М. Н. Муравьев хорошо знал и Вергилия, и Гомера¹¹ в подлинниках; начав переводить гекзаметрами начало «Илиады» за полвека до того, как это сделал Н. И. Гнедич. Несомненно, что Муравьев отчетливо представлял себе также — как это видно из приведенных стихов — роль Вергилия («боготворенна Дантом») в «Божественной комедии». И это естественно, так как он располагал собственным экземпляром «Божественной комедии», который несомненно читал.

Среди бумаг М. Н. Муравьева, хранящихся в Гос. Публичной библиотеке в Ленинграде, находится рукописный каталог его личной библиотеки. Здесь под № 129 значится: «Божественная комедия Данта Алигиери, 1 часть „Ад“, фр. перевод 1776, in 8°». Эти краткие сведения вполне достаточны для того, чтобы можно было точно определить, какое издание имелось в виду. Несомненно, что Муравьеву принадлежал выполненный Жюльеном Мутонне де Клерфоном французский прозаический перевод «Ада», сопровождаемый текстом итальянского подлинника, примечаниями переводчика и написанной им же биографией Данте; книга была издана в Париже (несмотря на обозначение Флоренцией) в 1776 г. в восьмую долю листа.¹² Сам переводчик был высокого мнения о своем издании, не без основания считая его первым в своем роде, так как переводов Данте с подлинным текстом en regard еще не появлялось. Ж. Мутонне де Клерфон (1740—1813) был провинциальным литератором, жившим уроками греческого языка и переводами (с греческого, латинского, итальянского). Он пешком пришел в Париж, исколотал себе здесь скромную должность почтового чиновника и познакомился с несколькими литераторами, прежде всего с Ж.-Ж. Руссо. Он издал в свет переводы Анакреона, Сафо, Биона, Мосха, «Поцелуи» И. Секунда, эпиграммы из греческой антологии и несколько собственных малозначительных произведений. «Ад» Данте стоил ему многих усилий. Мутонне составил обстоятельный комментарий к своему переводу и предпослал книге «Жизнь Данте Алигьери» серьезный исторический и биографический очерк, безусловно заслуживавший внимания его современников. Мутонне признавался, что чтение «Божественной комедии» преисполняло его попеременно то ужасом, то чувством меланхолической грусти, то восторгом. Будучи последовательным классиком по своим вкусам и литературному воспитанию, Мутонне тем не менее к оценке «Божественной комедии» подходил с особой меркой и, несмотря на кое-какие оговорки, сумел почувствовать

¹¹ Н. Кошанский в некрологе М. Н. Муравьеву свидетельствовал, что «Вергилия и Гомера он знал наизусть» («Вестник Европы», 1807, ч. XXXI, № 19, стр. 193, прим.).

¹² La divine comédie. L'Enfer, traduction française accompagnée du texte et de notes historiques, critiques, et de la vie du poète, par Moutonnet de Clairfons. Le Clerc, Le Boucher. Florence «Paris». 1776, 8°, 547 pp.

в поэме то, что еще ускользало от критиков, ему современных. Так, он считал, например, «Божественную комедию» «одним из самых прекрасных творений человеческого духа» и, кажется, впервые воспользовался впоследствии столько раз повторенным сравнением поэмы Данте с величественным готическим собором. По-видимому, перевод всех трех частей поэмы Мутонне закончил полностью, но издан был только «Ад»; остальные две части остались в рукописи. Издание Мутонне пользовалось некоторой известностью во Франции и даже в Италии, но далеко не такой, на которую рассчитывал переводчик. В печати этот труд был встречен случайными редкими похвалами и очень негодующей статьей Лагарпа,¹³ в которой он удивлялся, зачем Мутонне предпринял свой бесполезный труд. Сама же «Божественная комедия» снова подверглась жестоким нападкам в духе Вольтера. Придерживаясь долго повторявшегося заблуждения, будто сам Данте назвал свою поэму «*Divina commedia*», Лагарп полагал, что одно это безвкусное заглавие свидетельствует о «грубом невежестве века, в котором жил Данте», а сам называет его поэму «бесформенной рапсодией, созданной без всякого плана, не имеющей ни малейшего интереса, отличающейся монотонностью, наводящей скуку, избежавшей забвения лишь благодаря двум-трем сильным местам (к ним Лагарп причисляет эпизод с Уголино), риторической амплификацией, достойной декламации монаха XIII века» и т. д. Тут же Лагарп цитирует суровый отзыв о Данте в письме Вольтера к С. Беттинелли; кстати, новое осуждение Данте Вольтером в «Китайских письмах» появилось в том же году, когда Мутонне издал свой перевод. М. Н. Муравьев, может быть, знал этот неблагоприятный отзыв Лагарпа о труде Мутонне, но этот труд он читал безусловно, и у нас есть все основания думать, что в начале 80-х годов в этом новом споре о Данте Лагарпа с Мутонне (обновившем в памяти споры Гаспаро Гоцци с Беттинелли и Вольтером) Муравьев был на стороне Мутонне, — приятеля Ж.-Ж. Руссо, провозвестника еще не наступившей в то время во Франции, но уже близкой по времени переоценки Данте. В противном случае Муравьев не поставил бы Данте между Вергилием и Тассо (в цитированном выше послании к Богдановичу) как поэта, у которого он хотел учиться. Мы не нашли у Муравьева других свидетельств об отношении его к автору «Божественной комедии», но не забудем, что он воспитал К. Н. Батюшкова (которому приходился двоюродным дядей), увлечения которого Данте и Петраркой общеизвестны. Мы не знаем также, дописано ли было цитированное выше послание М. Н. Муравьева к И. Ф. Богдановичу и читал ли его автор «Душеньки»; известно, однако, что многие даже ненапечатанные стихотворения М. Н. Му-

¹³ A. Counson. Dante en France, pp. 86—88; Dictionnaire des lettres françaises. Le XVIIIe siècle. Paris, MCMLX (L—Z), pp. 291—292. Статью Лагарпа см. в его книге «Littérature et critique» (1778).

равьева все же получили распространение среди литераторов; рукописями М. Н. Муравьева после его смерти интересовались и готовили их к изданию Карамзин, Батюшков, Жуковский.

Нужно думать, что прозаический перевод «Ада», изданный Мутонне, был известен не только М. Н. Муравьеву, но и другим русским литераторам. На некоторое время это мог быть вероятный источник их знакомства с «Адом» во французском переводе (и итальянском подлиннике), а также отрывков из «Ада» в русском прозаическом переводе;¹⁴ вскоре его заменил пользовавшийся у нас еще большей известностью новый французский перевод «Ада», сделанный также в прозе Риваролем.

6

Русских переводчиков 80-х годов XVIII в. наряду с французской интересовала также немецкая литература, являвшаяся в той же мере посредником, с помощью которого они получали сведения о литературном движении в других странах Европы, например в Англии или Италии. Переводы «с немецкого» выходили у нас отдельными книгами, появлялись в журналах.

В 80-х годах в статьях, переведенных с немецкого и печатавшихся в русских периодических изданиях, стало встречаться имя Данте. Характерно, что сначала переводчики этих статей обнаруживали полную неосведомленность как об итальянской литературе вообще, так и о Данте в частности, не умея даже правильно транскрибировать его имя русским алфавитом: если переводчики с французского превратили его в «Данта», то переводчики с немецкого пытались было усвоить форму немецкого написания этого имени, но в родительном падеже (*Dantes Werk...*)! Такое странное написание находится, например, в «Опыте Трудов Вольного российского собрания при имп. Московском университете» 1783 г., где в течение нескольких лет чрезвычайно медленно печаталось переведенное А. А. Нартовым (1737—1813) с немецкого «Повествование человеческого разума». Этот плодовитый и опытный переводчик, переведивший с немецкого и с французского,¹ плохо представлял себе итальянскую литературу и искусство средних веков и эпоху Возрождения. В указанном переводе мы находим, например, следующие пассажи: «Посреде (*sic*) брани Гвельфов и Гебеллинов (*sic*) писал Дантес начертание людей и их страсте

¹⁴ Сошлемся здесь на другой перевод Мутонне — «Поделуев» Иоанна Секунда, голландского поэта XVI в., писавшего по-латыни; Мутонне издал «Поделуи» во французском прозаическом переводе с параллельным латинским стихотворным текстом. Именно по этому изданию отрывки из него в русском переводе появились в журнале М. Хераскова «Вечера» (1772). См.: П. Н. Берков. История русской журналистики XVIII века. М.—Л., 1952, стр. 297.

¹ В. П. Семенников. Материалы для истории русской литературы и для словаря писателей эпохи Екатерины II. Пгр., 1915, стр. 68—69.

пылко и важно».² Едва ли русские читатели в состоянии были понять, что речь здесь шла о «Божественной комедии», отразившей в себе эпоху ожесточенной борьбы горожан и аристократов в городах Тосканы. Далее в том же переводе находится следующая фраза: «Живопись, скульптура и музыка в Риме, не смотря на рабство и суеверие, тамо владычествующие, до высочайшего совершенства достигли. Дантес, Ариост и Тассо процветали не под вольным правлением. Михаель Анжело [Микеланджело], Рафаэль и Юлий Римлянин [Джулио Романо] равномерно».³

Вскоре Данте был упомянут (и на этот раз в совершенно правильной транскрипции) в другом московском периодическом издании — «Прибавлениях к Московским ведомостям» 1784 г. Эти «Прибавления», прилагавшиеся почти к каждому номеру газеты, были серьезным изданием, в котором много места отводилось истории, политической экономии, географии, текущей иностранной политике и т. д.; выпускал их Н. И. Новиков. В «Прибавлениях» за последний год их издания помещена была переведенная с немецкого статья «О состоянии немецкого дворянства в древние и средние времена», в которой предпринята была попытка указать на международное значение немецкой поэзии и науки в средние века и в эпоху Возрождения. Так, говоря о немецких миннезингерах, провансальских трубадурах и итальянских их продолжателях, автор, между прочим, писал: «Итальянцы, учившиеся у провансцов, еще менее могут оспаривать немцам честь первенства в стихотворстве. Данте, первой их достопамятной стихотворец, есть только современник последних швабских стихотворцев, которые в то время преимущественно большими шагами приближались к храму доброго вкуса, и может быть, превосходили еще провансцев». Однако немецкий автор не являлся националистом и признавал, что немецких дворян в ту отдаленную пору занимало не одно лишь «стихотворство, в котором и чувствительный невежа может», но что они «старались и о самой учености», и продолжает: «Немцы не совсем тщетно старались об ученой славе, но тогдашнее их покушение вырваться из варварства подобно было блистающей ночью молнии, которая рассекает только тьму, но не рассеивает ее. Напротив того, итальянцам удалось возжечь постоянный, всегда умножающийся свет, коего сияние осветило наконец все. Они скоро сделались богаче немцов знаниями; их Ариосты и Тассы вознеслись почти на недостижимую высоту в стихотворстве».⁴ Таким образом, Данте вставлен здесь в историческую перспективу и назван первым итальянским «достопамятным стихотворцем»; к нему, впрочем, в этом определении еще не чувствуется интереса

² Опыт Трудов Вольного российского собрания при имп. Московском университете, 1783, ч. VI, стр. 116.

³ Там же, стр. 123.

⁴ «Прибавление к Московским ведомостям», 1784, № 22, стр. 173.

как к средневековому поэту, по представлениям автора ничем не связанному с эпохой возрождения наук и искусств.

На немецких источниках основана была краткая характеристика Данте в самостоятельной (не переводной) работе О. П. Козодавлева «Рассуждение о народном просвещении в Европе», увидевшей свет в 1785 г. в журнале «Растущий виноград». Осип Петрович Козодавлев (1754—1819) хорошо знал немецкий язык, так как учился в Лейпцигском университете (одновременно с А. Н. Радищевым)⁵ и был «любителем и знатоком немецкой литературы», как его с полным основанием аттестует его биограф.⁶ В 1783 г. О. П. Козодавлев состоял советником при директоре Академии наук Е. Р. Дашковой и заведовал изданием «Собеседника любителей русского слова», а с 1784—1786 гг. занимал должность директора народных училищ в Петербурге и Петербургской губернии. В 70—80-е годы О. П. Козодавлев любительски занимался литературой, писал стихи, печатал свои переводы с немецкого, в частности трагедии Гете «Клavigо» (1780),⁷ «Вильгельмины», поэмы М. А. Тюммеля⁸ и др., — но, подобно М. Н. Муравьеву, сделал быструю административную карьеру, законченную при Александре I в должности министра внутренних дел (с 1810 г.).

В 1784 г. Козодавлев был «коллежским советником и частных народных школ сей губернии директором» и от имени «главного народного училища» столицы издавал журнал «Растущий виноград», в котором увидел свет ряд его статей под общим названием: «Рассуждение о народном просвещении в Европе».⁹

По первоначальному плану Козодавлева этот труд должен был иметь довольно внушительный объем; он предполагал также после опубликования его частями в журнале выпустить затем «Рассуждение» особой книгой. Не подлежит сомнению, что автор долго работал над ним, почерпая необходимые сведения из многочисленных,

⁵ Хотя О. П. Козодавлев приехал в Лейпциг только в 1769 г., зачисленный на вакансию, освободившуюся с отъездом в Россию М. В. Ушакова (брата Ф. В. Ушакова, умершего в Лейпциге в 1770 г., близкого друга Радищева), но с Козодавлевым Радищев поддерживал отношения и в Петербурге в 80-х годах и поставил его имя в списке лиц, получивших от него экземпляр «Путешествия из Петербурга в Москву» (А. Старцев. Университетские годы Радищева. М., 1956, стр. 23—24).

⁶ М. И. Сухомятинов. История Российской Академии, вып. 6. СПб. 1882, стр. 297. — Вся эта книга (стр. 2—512) посвящена жизнеописанию О. П. Козодавлева.

⁷ О переводе Козодавлевым «Клavigо» Гете, — «первой крупной дате русского гетеанства» — и последующей переписке с ним Гете см. в исследовании С. Дурылина («Литературное наследство», 1932, т. 4—6, стр. 117—119); М. Р. Алексеев. Goethe-Miscellen I. Goethe und die altrussische Malerei. — «Germanoslavica» (Brünn-Prag), 1932—1933, Н. 1, SS. 60—62.

⁸ М. А. Тронская. Герой-комическая поэма М. А. Тюммеля в русском переводе. В сб.: Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. (К 70 летию... П. Н. Беркова), М.—Л., 1966, стр. 181—186.

⁹ М. И. Сухомятинов. История Российской Академии, стр. 309—310.

преимущественно немецких источников. Задачей труда было доказать, что «просвещение есть величайшее благо», доступное человечеству, и «вернейший залог истинной славы и могущества народов и государств». По словам автора, его «Рассуждение» должно было состоять из введения и трех отделений: в первом излагается история распространения в Европе просвещения — «от разрушения древней Римской империи до наших времен», отделение второе показывало, что «первый способ к распространению в народе просвещения есть язык народный». Из задуманного труда в печати появилось лишь пять статей, из которых три относятся к первому отделению и две — ко второму; не появилось ни одной статьи, относящейся к третьему отделению (в котором предполагалось рассказать о школах, университетах, академиях и проч.).¹⁰

В начале своего «Рассуждения», говоря о словесности в Италии, Козодавлев несколько раз упомянул также имя Данте, и в таком контексте, который свидетельствует, что он имел довольно ясное представление о поэте, хотя и не упоминает «Божественную комедию»: ошибка в дате его смерти (1221 вместо 1321 г.) — это, конечно, лишь типографская опечатка. «В четвертом на десять столетий, — пишет Козодавлев, — художества начали процветать в Италии, где некоторые из оных получили тогда свое начало. Также и стихотворство мало-помалу распространялось между итальянцами. Флорентинец Дант, умерший в 1221 году, приобрел стихотворениями своими, которые и доныне с удовольствием читаются, великую славу. После Данта прославился в Италии Петрарх, родившийся в 1304 году и воспитавшийся во французских училищах. Он украсил чрез стихи свой итальянский язык приятностью и нежностью. Бокас, современник его, вычистил и утвердил сей язык острою и приятною своей прозою. Сие происходило в те времена, когда языки прочих европейских народов были в совершенном презрении. Итальянцы имели более способов вычистить язык свой, нежели другие народы, потому что учение варварских народов не столько в Италии распространилось, как в прочих областях Европы».¹¹ В одной из последующих глав того же «Рассуждения», в которых идет речь о Возрождении в Италии и причинах, его обусловивших, мы снова встречаемся с именами Данте и Петрарки: «Турки, взяв столицу греческих императоров, победою своей погнали, так сказать, из нее науки и художества в Италию. Итальянцы приобрели тогда греческих учителей и писателей, книги древних греков и несколько афинского вкуса. Греки, нашед в Италии творения Данта и Петрарха и обратив внимание свое на оные и на писателей древнего Рима, образовали вкус, распространившийся потом по всем областям итальянским».¹²

¹⁰ Растущий виноград. Ежемесячное издание, издаваемое от Главного народного училища города святого Петра. 1785, апрель, стр. 64—65, 100.

¹¹ Там же, 1785, апрель, стр. 92—93.

¹² Там же, 1785, июнь, стр. 68.

Характерно, что в «Рассуждении» О. П. Козодавлева Данте изображен как поэт-зачинатель, основоположник итальянского литературного языка, лирик в первую очередь, стихотворения которого «и доныне с удовольствием читаются». Такой образ поэта вполне соответствует одному из важных положений «Рассуждения о значении народного языка» в распространении просвещения в каждой стране. Не менее существенно, что в отзыве Козодавлева о Данте нет никаких упреков или ссылок на «варварство» его века, на его «плохой вкус» и т. д., что было так типично для французской критики от Вольтера и до Лагарпа включительно; может быть, поэтому о «Божественной комедии» здесь не упоминается вообще. Эта новая тенденция русской критики — возвеличение Данте-лирика наряду с невниманием к его поэме — проявлялась в последние полтора десятилетия XVIII и в начале следующего столетия, может быть, под влиянием немецких эстетиков и переводчиков этого времени, много сделавших для исторического истолкования творчества Данте, в частности как автора «Новой жизни». Если ранее Данте изображали как архаического средневекового стихотворца, то теперь он преподносился читателю как поэт эпохи Возрождения, основоположник новой итальянской литературы, ознаменовавшей себя открытием человеческой личности и всех ценностей античного наследия; Данте был первым звеном нерасторжимой триады литературных деятелей (Данте, Петрарка, Боккаччо), осуществивших окончательное утверждение в Италии ренессансной культуры.¹³ С такой точкой зрения мы встретимся в начале XIX в. у И. И. Мартынова и в трактате о лирической поэзии Г. Р. Державина.¹⁴

¹³ Ср.: E. Sulgar-Gebing. Dante in der deutschen Literatur des 18. Jahrhunderts. «Zeitschrift für vergleichende Literaturgeschichte», Bd. X (1898).

¹⁴ В «Речи при вступлении в Российскую Академию» (23 марта 1807 г.) И. И. Мартынова, между прочим, говорилось: «В четырнадцатом веке нашей эры, после мрака невежества, обложившего Европу, паки начали возвышаться храмы вкуса; основание знаменитейших университетов относится к сей эпохе; в Италии три гения — Дант, Петрарх и Бокас — приосенили иссохшую ниву и оплодотворили ее своими талантами» (Сочинения и переводы, издаваемые Российской академией, ч. VI. СПб., 1813, стр. 207).

Г. Р. Державин писал в своем рассуждении о лирической поэзии (1811): «В исходе того же столетия в Италии восстали славные поэты: Дант, Петрарк и Бокаций. Они, подражая древним, образовали свои лирические произведения по их примерам и могут беспрекословно назваться возродителями древней и отцами новой поэзии в так ими названных канцонах, сонетах, балладах, стансах, мадригалах и других песнях, известных в Европе» (Сочинения Г. Р. Державина. С объяснительными примечаниями Я. К. Грота, т. VII. СПб., 1872, стр. 596). В «Замечаниях Евгения Болховитинова на рассуждение о лирической поэзии» Державина сделаны кое-какие возражения по поводу пристрастия Данте к античным стихотворцам, но они не меняют отношения к нему как к поэту Возрождения: «Дант, Петрарк и Боккаччио не не могли, но, увлечены быв испорченным трубадурским вкусом, не захотели ввести в итальянскую поэзию тонического падения греческих и римских поем: при всем том Дант, Петрарк и Боккаччио большую половину всех

Отметим, впрочем, что и «Божественная комедия» в конце XVIII в. не только не устранялась немецкими литераторами из наследия Данте, как произведение менее достойное их внимания, но, напротив, привлекала к себе их любопытство, вызывала соревнование переводчиков и комментаторов. Однако для русских журналистов этого времени переводы немецких статей о Данте представляли неожиданные затруднения: «Божественная комедия» вызвала опасения и запреты русской цензуры. Правда, это была цензура павловского времени, когда страх перед иностранной книгой русского правительства достиг предела, оформившись в конце концов в императорском указе (от 18 апреля 1800 г.) о запрещении «впуска из-за границы всякого рода книг, на каком языке оные не были, без изъятия, равномерно и музыки». Конечно, первопричиной столь нелепого указа была боязнь проникновения в Россию идей революционной Франции, но в запрете «опасных» мест у Данте и его немецких истолкователей на этот раз действовали другие мотивы — православная ортодоксия павловских цензоров. Так, например, из дел рижской цензуры явствует, что 21 августа 1797 г. цензурой была запрещена статья Ф. Шлегеля о «Дантовом Аде» в третьей книжке журнала «Die Horen» за 1795 г.,¹⁵ знаменитого издания, в котором положено было начало совместной литературной деятельности Шиллера и Гете. Запрещен у нас был весь этот журнал за 1795 г., но в случае с указанной статьей Шлегеля о Данте, как справедливо отметил А. А. Морозов (впервые опубликовавший отрывки из этого рапорта, хранящегося в делах Канцелярии генерал-прокурора), «основанием для запрещения послужили отдельные детали, которые не были характерны для самого журнала и не имели особого значения с точки зрения их опасности для России».¹⁶ Действительно, в рапорте цензора от 21 августа 1797 г. автору статьи о Данте в «Die Horen» прежде всего вменяется в вину следующее место не столько Ф. Шлегеля, сколько самого Данте: «На 25-й странице в примечании восхищение святого апостола Павла до третьего неба (как в новом завете церковь христианская приемлет) называет заблуждением в исступлении и постановляет в один класс с басенным витийствованием творца Энеиды. К сему приметны 35 и 48 страницы». Цензор, таким образом, считал предосудительным своего рода уравнивание в правах Данте и Вергилия, христианского и античного поэтов, и в особенности разъяснения Шлегеля к словам

своих стихов писали без рифм, и так вольно, что иногда сряду после рифм, стиха три без рифм, потом опять стиха два с рифмами и так далее — им иногда подражал даже из новейших итальянских стихотворцев Метастасий» (там же, т. VII, стр. 625).

¹⁵ «Die Horen», Jahrgang 1795, Drittes Stück, SS. 22—69.

¹⁶ А. А. Морозов. Западные писатели в царской цензуре. 1. «Horen» и «Musen Almanach» Шиллера. В кн.: Западный сборник. М.—Л., 1937, стр. 317.

Данте: «Я знаю только двоих, кто при жизни побывал в царстве теней»; «один — согласно его второму посланию к Коринфянам (XII, 2—4), другой — в шестой книге Энеиды. Или являет поэт некоторую аналогию поэтическим воображением и фанатическим экстазом?». На стр. 35 шлегелевской статьи подозрительный цензор усомнился в возможности допуска для русских читателей того места статьи, где давался «отрывок и изложение 17-й песни „Ада“ — посещение первого круга, где пребывают добрые язычники». Наконец, на стр. 48 статьи Шлегеля получил строгое осуждение цензора заимствованный из «Жизнеописаний» Вазари анекдот о Микеланджело, поместившем папского церемониймейстера на картине Страшного суда в аду.¹⁷ Хотя высочайший указ 1800 г. о «впуске из-за границы всякого рода книг» вскоре перестал действовать — после убийства Павла I, но российская цензура и в последующее время отличалась удивительной придирчивостью ко всему, что имело отношение к религии; еще полвека спустя русский перевод «Ада» Данте вызвал ряд недоумений цензора, запретившего для печати около двадцати терцин и отдельных стихов, показавшихся ему предосудительными с точки зрения православной веры и нравственности.¹⁸

7

В то время когда цензура запрещала к обращению в России немецкий журнал со статьей Шлегеля об «Аде» Данте, в русском журнале «Приятное и полезное препровождение времени», выпущавшемся в Москве в качестве приложения к «Московским ведомостям», сделана была попытка представить фрагмент из «Божественной комедии» в русском прозаическом переводе. Редактировал этот журнал В. С. Подшивалов совместно с П. А. Сохацким, отрывок из Данте появился здесь в последний год существования этого журнала (1798).

В. С. Подшивалов (1765—1813) был старым литератором и переводчиком. Еще в свои университетские годы Подшивалов являлся членом «студентского собрания», образованного проф. И. Г. Шварцем при Московском университете; подобно другим молодым людям, принадлежавшим к этому собранию, Подшивалов привлечен был Н. И. Новиковым к сотрудничеству в журналах «Вечерняя заря» (1782) и «Покоящийся трудолюбец» (1784);¹

¹⁷ Там же, стр. 317—318.

¹⁸ Н. Burriot-Darsiles. Dante et la censure russe. «Revue de littérature comparée», 1924, vol. IV, pp. 109—111; Р. М. Горохова. «Ад» Данте в переводе Д. Е. Мина и царская цензура. В кн.: Русско-европейские литературные связи. М.—Л., 1966, стр. 48—52. С «Приложением»: Терцины, не пропущенные цензурой в Дантовой поэме «Ад» (стр. 52—55).

¹ Н. С. Тихонравов, Соч., т. III, кн. 1, М., 1898, стр. 152; В. И. Резанов. Из разысканий о сочинениях В. А. Жуковского. СПб., 1906, стр. 16—18.

затем сам преподавал стилистику в Московском университетском благородном пансионе, много переводил с немецкого и французского, издавал «Чтение для вкуса, разума и чувствований» (1792—1793) и продолжавший его журнал «Приятное и полезное препровождение времени»;² оба этих журнала были приняты в Университетском пансионе для внеклассного чтения.

В. С. Подшивалов, сформировавшийся под влиянием проф. И. Г. Шварца и Н. И. Новикова, а затем и Карамзина, был типичным сентименталистом, а журналы свои он также превратил в органы сентиментальной школы. В «Приятном и полезном препровождении времени» печатались также характерные представители этого направления, как Ю. А. Нелединский-Мелецкий, В. В. Измайлов, П. Ю. Львов; здесь же встречались имена В. Пушкина и В. Жуковского. Первая статья этого журнала, принадлежавшая Подшивалову, называлась «К сердцу» и носила программный характер: «Виновник дел великих, дел благородных, сердце! Для чего ученые, ищущие просвещения, с ущербом прав твоих обогащают разум? Для чего образуют, воспитывают более сей последний, нежели тебя?»³ Обращаясь к «чувству», один из сотрудников журнала восхищался человеком, этим «чувством» воспитанным, «когда он в уединенные часы свои, в тихом кабинете, в объятиях сельской природы почерпает божественные твои вдохновения в тайных изгибах своего сердца, изливает их на бумагу или читает Геснера, Руссо, Стерна, Петрарка».⁴

В соответствии с этим страницы журнала полны то идиллических картин, то мрачных оссианических образов, то кладбищенской меланхолии. Подшивалов осуждает разум и просвещение; в последнем году существования журнала и в заменившем его новым органе, «Иппокрене», осуждению и нареканиям подвергался уже сам Карамзин — его умеренный оптимизм, его спокойная апология страстей; Карамзина упрекают здесь даже в безбожии, безнравственности и либерализме.⁵

На таком фоне становится вполне понятным отрывок из Данте, нашедший себе место в «Приятном и полезном препровождении времени» Характерно, что он избран не из «Ада», но из второй части «Божественной комедии» и представляет собою начало XXVIII песни «Чистилища» (стихи 1—75) в русском прозаическом переводе. Переводчик (возможно, что это был сам В. С. Подшивалов) озаглавил его «Мир покаяния (отрывок из Данта)» и указал в примечании: «Дант Алигиери, один из первых и слав-

² В. И. [В. В. Измайлов]. О жизни и сочинениях Подшивалова. «Вестник Европы», 1814, ч. LXXVI, № 13, стр. 25—40; А. В. Смирнов. В. С. Подшивалов. «Труды Владимирской ученой архивной комиссии», 1900, кн. II, отд. II, стр. 17—18; 1901, кн. III, отд. II, стр. 6—7.

³ «Приятное и полезное препровождение времени», ч. I, стр. 3—8.

⁴ Там же, ч. VI, стр. 81.

⁵ Н. С. Тихонравов, Соч., т. III, кн. 2, М., 1898, стр. 150—151.

нейших итальянских стихотворцев 13 века. Самая лучшая его поэма: Ад, Чистилище и Рай; самому тексту перевода предположено следующее пояснение: «Дант, наконец, взшел на неизмеримой высоты гору, которая, по его стихотворному вымыслу, возвышается средь южного океана. Скаты сей горы служат местопребыванием кающихся душ. На вершине ее стоит прежнее жилище первых человеков в состоянии их невинности — земной рай. Дант вступает туда, и здесь-то Вергилий, неразлучно сопровождавший его доселе, оставляет собственному шествию. Здесь отчасти исполняется недавно виденное им во сне явление деятельной и умозрительной добродетели. Она встречается ему в виде прекрасной женщины, изъясняет все подлежащие взорам его предметы и готовит к явлению во всей славе возлюбленной его Беатрисы».⁶ Вслед за этой вводной заметкой следовал самый перевод избранного отрывка, довольно близко передающий всю тонкую красочную гамму живописуемого в оригинале пейзажа: цветы и травы на лугах и уступах нагорья, древний тенистый лес на рассвете и в час заката; наличие в переводе славянизмов и архаических речений придает этому отрывку своеобразную величавость: «Уже нетерпеливо возжелал я протекать прохладные, густозеленеющие чаши богопосвященных рощей, где едва токмо просиявал юный день в сумраке рассвета. Не медля от самого воскрая вершины, тихо, тихо направил я стопы к лугам по стезе, преисполненной всюду благоуханием», и т. д.

Переводчик не сообщает, по какому источнику исполнен его перевод, однако очевидно, что язык, с которого он переводил, был французский. Об этом свидетельствует, например, наименование Беатриче Беатрисой; это подтверждает также то место, где Данте упоминает Пинету, знаменитую рощу пиний в местности, именуемой Кьясси («... la pineta in sul lito di Chiassi», *Purg.* XXVIII, 20) к югу от Равенны; некогда эта роща расположена была на берегу Адриатического моря, у самого порта Кьясси; но впоследствии море отступило к востоку. В переводе это место передано так: «Так, в сосновой роще Шиасской шум завывает, перелетая от ветвей к ветвям, когда Эол даст свободу ветру Сирокко»; переводчик снабдил эту фразу следующим пояснением: «Шиаси, не существующий уже город поблизости Равенны, где была сосновая роща на берегу Адриатического моря». Ссылка на «*Lettres de Du Paty*»⁷

⁶ Мир покаяния (отрывок из Данта). «Приятное и полезное препровождение времени», 1798, ч. XVII, № 12, стр. 177—182.

⁷ Речь идет о книге Шарля Дюпати (1746—1788), писателя и путешественника, «*Lettres sur l'Italie en 1785*» (Paris, 1788), в которой даны очерки современной ему Италии. Карамзин очень хвалил книгу Дюпати, дважды упомянув о ней в «Письмах русского путешественника», и, безусловно, испытал на себе ее влияние (В. В. Сиповский. Н. М. Карамзин, автор «Писем русского путешественника». СПб., 1899, стр. 376—382). Перевод некоторых писем печатался в «Приятном и полезном препровождении времени» (1798, чч. XVII и XX). Отдельным изданием на русском языке

еще больше подкрепляет уверенность, что русский перевод фрагмента из «Чистилища» был сделан по какому-то французскому переводу, также, вероятно, прозаическому.

К этому времени, в первые годы нового столетия, о Данте можно было чаще читать в русских книгах и периодических изданиях, например переводных романах — «Валерия» бар. Б. Крюденер,⁸ «Коринна, или Италия» Ж. де Сталь,⁹ провозвестивших позднейший культ Италии у французских романтиков; теперь нередко можно было встретить имя Данте также в культурной и библиографической хронике русских журналов. Так, например, в московском журнале 1804 г. можно было прочесть заметку о пяти лекциях, посвященных Данте Пьером Женгене (P.-L. Ginguené,

книга вышла в 1801 г.: Путешествие г. Дю Пати в Италию в письмах. Перев. с франц. Иван Мартынов. 2 части. СПб., 1801 (2-е изд. — М., 1809; 3-е изд. — СПб., 1818. См.: В. С. Сопиков в. Опыт российской библиографии, т. IV. СПб., 1901, №№ 9187, 9188). В книге Дюпати Данте упоминается неоднократно, что следует тоже учитывать при изучении восприятия русскими читателями творческого наследия великого флорентийца. Укажем в связи с этим также и на другие книги иностранных и русских путешественников по Италии, из которых можно было почерпнуть данные об итальянской литературе и искусстве: Путешествие в Италию аббата Бартеlemi. Перев. с франц. 2 часть. М., 1803; Ф. Лубяновский. Путешествие по Саксонии, Австрии и Италии, в 1800, 1801 и 1802 гг. 3 части. СПб., 1805; Путешествие немца по Италии, с 1786 по 1788 г., в письмах, изданное г. Морицом. Перев. с нем. 3 части. М., 1803—1805, и др.

⁸ Извлечение из нового французского романа: «Валерия», соч. г-жею Криднер (sic). «Северный вестник», 1804, ч. II, № 5, стр. 213—224. — Речь идет о жене русского дипломата, баронессе Варваре Крюденер (1764—1824), издавшей автобиографический сентиментальный роман в письмах «Valérie» (Paris, 1803); здесь, посреди размышлений путешественника о прошлом Италии, говорится о Данте как о католическом поэте, писавшем «величественные и таинственные стихи». См. также: «Патриот», 1804, т. II, кн. 3, стр. 351.

⁹ Знаменитый роман «Corinne, ou l'Italie» (1807) был переведен на русский язык вскоре после его первого издания (см.: Коринна, или Италия, новейший роман, соч. г-жи Сталь-Голстейн, 6 частей. Перев. с франц. М., 1809; В. С. Сопиков в. Опыт российской библиографии. СПб., 1904, ч. III, № 5755) и читался у нас несколько десятилетий. Данте упоминается здесь многократно. цитаты из «Божественной комедии» (преимущественно из «Чистилища») даются здесь в итальянском подлиннике (кн. IV, гл. 4; кн. X, гл. 1, и т. д.); об истории его жизни, изгнании и т. д. идет речь в кн. XVIII, гл. 2—3, и XIX, гл. 5. В прославленной «Импровизации Коринны на Капитолии» (кн. II, гл. 3) несколько лирических страниц посвящено характеристике Данте, «этого Гомера новейшей эпохи», «героя и мыслителя», «гения и величайшего поэта Италии», в «магических стихах» которого «воскресла вся Италия времен ее могущества». Он «погрузился в подземные воды Стикса, и душа его стала глубокой как бездны, описанные им». «Пылая духом республиканских свобод, воин и вместе поэт, он возжег огонь борьбы в сердцах мертвых, и тени стали жить более полной жизнью, чем даже люди наших дней» (См.: Жермена де Сталь. Коринна, или Италия. Изд. подготовила М. Н. Черневич. М. 1969, стр. 29—30). Известно, что импровизацию Коринны собирался переводить К. Н. Батюшков (Соч. Ред. Л. Н. Майкова, т. III, СПб., 1886, стр. 423).

1748—1816) в его публичном курсе по истории итальянской литературы в парижском «Атенеи», где он говорил о «возрождении славы в Италии Gran Padre Alighieri и о новой силе звучания приглушенной почти на два века тосканской лиры». ¹⁰ Характерно, что на страницах русских журналов той поры могли находить отражение успехи дантологии в самой Италии. В московском журнале «Патриот» 1804 г. в отделе «Известия библиографические» напечатана следующая заметка: «Теперь печатают в Ливорне новое издание Данта, и, как уверяют, с отографического [автографического] манускрипта 1310 года, который объясняет многие темные и трудные места сего поэта». ¹¹

8

В 1797 г. во второй книге альманаха «Аонида», издававшегося Карамзиным и содержавшего в себе стихи самого издателя, Г. Р. Державина, И. И. Дмитриева, В. В. Капниста и других поэтов, напечатано было стихотворение В. Л. Пушкина «Суйда», отрывающееся следующими стихами:

Души чувствительной отрада, утешенье,
Прелестна тишина, покой, уединенье,
Желаний всех моих единственный предмет.
Недолго вами я, к несчастью, наслаждался;
Природы красотой недолго любовался;
Опять я в городе, опять среди сует,
И сердцу радостей, глазам приятства нет!
И все вокруг мне кажется уныло...

«Суйда», — пояснил автор в примечании к своему стихотворению, — «село, принадлежащее И. А. Ганибалоу в 60 верстах от С. Петербурга», и прибавлял: «Сии стихи были написаны в цветущей молодости моей. Я тогда еще мечтал о счастья». ¹ Так как В. Л. Пушкин родился в 1770 г., следует думать, что стихотворение написано им не позже 80-х годов. Для нас интерес этого стихо-

¹⁰ «Патриот», 1804, т. IV, кн. 3, стр. 342—343. — Лекции Женгене в парижском «Атенеи» происходили в 1802—1806 гг.; первые главы его «Histoire littéraire d'Italie» читаны были им публично лишь в 1806 г., а в виде книги весь этот труд вышел в свет лишь в 1811—1819 гг., в 9 томах. Известие о пяти лекциях Женгене о Данте заимствовано русским журналом из газеты самого Женгене «Décade philosophique», вскоре переименованной в «Revue philosophique» и закрытой за республиканский дух этого издания.

¹¹ «Патриот», 1804, т. III, кн. 3, стр. 402; см. также стр. 129.

¹ В. Л. Пушкин. Полн. собр. соч., изд. А. Смирдина. СПб., 1855, стр. 119; В. Л. Пушкин, Соч. Ред. В. И. Саитова. СПб., 1893, стр. 50.

творения заключается прежде всего в его эпитафии, выбранном из Данте в итальянском подлиннике:

Io mi son un, un che, quando
Amor mi spira, noto, ed in quel modo
Ch'ei detta dentro, vo significando.²

Это — терцина XXIV песни «Чистилища» (v. 52—54), из которой опущено лишь начало 52-го стиха: «Ed io a lui» («А я ему»), поясняющее, что в этих словах Данте обращается к встреченной им в шестом круге «Чистилища» тени поэта Бонаджунта Орбиччани, родом из Лукки, который, — как это рассказывается в предшествующих терцинах, — не только узнал Данте, но даже заговорил с ним и процитировал начало первого сонета «Новой жизни» («Dunque, ch'avete intelletto d'amore»). Хорошо известно, что в терцине, избранной В. Л. Пушкиным в качестве эпитафии, Данте формулирует психологическую основу школы «сладостного нового стиля» (*dolce stil nuovo*), пришедшего на смену предшествовавшим ей течениям, и отвечает ее критикам, среди которых был и Орбиччани да Лукка, представитель «сицилианской» поэтической школы.

Таким образом, избирая эпитафией для своего стихотворения известную терцину из «Божественной комедии», В. Л. Пушкин не должен был листать итальянский подлинник «Чистилища»: привлечение его внимание стихи в качестве готовой цитаты можно было найти в книгах об итальянской литературе или статьях о молодом Данте и его поэтике. Правда, В. Л. Пушкину выписанная им из какого-то источника терцина показалась интересной вовсе не как примечательное историческое свидетельство о сущности вдохновения поэтов «сладостного нового стиля» или спорах Данте с его современниками; В. Л. Пушкин надеялся, что эпитафия будет

² В переводе М. Л. Лозинского (Божественная комедия. М.—Л., 1950, стр. 245) этот эпитафия звучит так:

... когда любовью я дышу,
То я внимателен, ей только надо
Мне подсказать слова, и я пишу.

Хотя у нас нет никаких данных об источнике, из которого В. Л. Пушкиным был извлечен указанный эпитафия, можно все же подчеркнуть, что по семейным преданиям, засвидетельствованным даже в биографии племянника Василия Львовича, А. С. Пушкина, итальянский язык будто был с ранних лет известен братьям Пушкиным — отцу и дяде великого поэта. Кс. Колевой в своем отзыве о «Полтаве» Пушкина («Московский телеграф», 1829, ч. XXVII, № 10, стр. 222) упоминает о том, что в доме Пушкиных (родителей) «итальянский язык был в употреблении»; в достоверности этого известия, однако, усомнился Л. А. Булаховский в своих «Замечаниях о знакомстве писателей с итальянским языком», помещенных в его книге «Русский литературный язык первой половины XIX в.» (изд. 2-е, М., 1957, стр. 222). О знакомстве В. Л. Пушкина с итальянским языком см. также в статье Н. Пиксанова «Дядя и племянник» (В кн.: Пушкин. Изд. Брокгауз-Ефрон, т. V. СПб., 1911, стр. XVIII).

применен к нему самому: ему хотелось сказать, что любовь и его всегда делала поэтом. Хотя в «Аонидах» итальянский эпиграф сопровождался лишь именем Данте, но можно думать, что младшие современники В. Л. Пушкина знали, из какого произведения он взят и какое программное значение он имел; мы догадываемся об этом потому, что после напечатания указанного стихотворения В. Л. Пушкина они воспользовались этим эпиграфом в пародических целях.

Когда в Петербурге образовалось дружеское литературное общество «Арзамас», состоявшее из литераторов-карамзинистов, ведущих нескончаемые споры с А. С. Шишковым и членами возглавлявшейся им «Беседы любителей русского слова», решено было пригласить вступить в «Арзамас» В. Л. Пушкина; это должно было состояться в один из его приездов в столицу. Когда в марте 1816 г. В. Л. Пушкин приехал из Москвы в Петербург вместе с П. А. Вяземским, члены «Арзамаса» задумали устроить довольно длинную шутовскую церемонию его приема в общество, пародировав мasonicкие обряды и подвергая нового «арзамасца», отнюдь не подозревавшего мистификации, самым утомительным и нелепым испытаниям. «Тут воображение Жуковского разыгралось, — вспоминал П. А. Вяземский. — Он был не только гробовых дел мастер, как мы прозвали его по балладам, но и шуточных и шутовских дел мастер... Прием Пушкина вдохновил его. Он придумал и устроил разные мытарства, чрез которые новобранец должен был пройти».³ Весь обряд полон был прямых намеков на собственное поэтическое творчество В. Л. Пушкина и на его литературные противников в шишковской «Беседе» и московском «Обществе любителей российской словесности», имена которых были забавно искажены. Все это происходило в доме С. С. Уварова.

В. Л. Пушкина нарядили в смешной хитон, надели на голову широкополую шляпу, дали в руки посох и с завязанными глазами долго водили с лестницы на лестницу; потом он должен был пустить стрелу в безобразное чучело, означавшее «Дурной вкус» и в то же время председателя «Беседы», наконец его ввели в комнату с занавескою огненного цвета и говорили приветственные речи — В. А. Жуковский, Д. П. Северин, Д. В. Дашков, Д. Н. Блудов; заключала церемонию благодарственная речь самого посвящаемого. Речи эти сохранились в нескольких списках и печатались неоднократно.⁴

³ «Русский архив», 1876, ч. I, № 1, стр. 63.

⁴ Речи, читанные при приеме в Арзамасское общество В. Л. Пушкина. «Русский архив», 1876, кн. I, № 1, стр. 63—70. — При переиздании этого документа в «Полном собрании сочинений» П. А. Вяземского (т. VIII, СПб., 1883, стр. 416—420) и в отдельном издании его «Старой записной книжки» (ред. и прим. Л. Гинзбург, Л., 1929, стр. 240—251) заголовки отдельных речей опущены, что создает впечатление, что это одна речь, читанная одним лицом; между тем в арзамасских протоколах сам Жуковский отметил гово-

По-видимому, все речи были написаны одним лицом — В. А. Жуковским, но говорились они, если судить по Арзамасским протоколам, разными членами общества. Речь Д. П. Северина, носившего в «Арзамасе» прозвище «Резвого кота», открывала приветствие В. Л. Пушкину (получившему имя «Вот») после всех испытаний и стрельяния в чудище. В этой речи говорилось: «Так, любезный странствователь и будущий согражданин! Я нахожу на лице твоём все признаки тишины, всегда украшающей величавую осанку живого арзамасского знака. Какое сходство в судьбине любимых сынов Аполлона! Ты напоминаешь нам о путешествии предка твоего Данта: ведомый божественным Вергилием в подземных подвалах царства Плутона и Прозерпины, он презирал возрождавшиеся препятствия на пути его, грозным взором убивал порок и глупость, с умилением смотрел на несчастных жертв страстей необузданных и, наконец, по трудном испытании, достиг земли обетованной, где ждал его венец и Беата. Гряди подобно Данту: повинуйся спутнику твоему, рази без милосердия тени Мешковых и Шутовских и помни, что „Прямой талант везде защитников найдет“. Уже звезда восточная на высоте играет: стремись к лучезарному светилу; там, при его сиянии, ты вместо Беаты услышишь пение Соловья и Малиновки, и чувства твои наполнятся приятнейшими воспоминаниями».⁵

Только внимательно вчитавшись в текст этой речи и помня о ее назначении, можно понять, каким является она тонким хитросплетением полемических выпадов и намеков на всю историю поэтической деятельности В. Л. Пушкина. Упоминание в начале речи «признаков тишины» явно ориентирует на первые строки приведенного выше стихотворения В. Л. Пушкина «Суйда» («Прелестна тишина, покой, единенье...»), которому, как мы видели, автор предпослал эпиграф из «Честилища» Данте; и, может быть, именно эта дантовская терцина-эпиграф и послужила для Жуковского тем зерном, из которого выросла в его воображении вся гротескная пародическая параллель между Данте и В. Пушкиным. Под «путешествием предка» (по Аполлону) — Данте — речь имеет в виду «Божественную комедию»; под Беатой — Беатриче; слова «Рази без милосердия тени Мешковых и Шутовских» подразумевают Шишкова и Шаховского; фраза о стремлении к лучезарному светилу, в сиянии которого новый член «Арзамаса» «вместо Беаты»

ривших и приписал, в каком месте церемонии они выступали: сам Жуковский (Светлана) «члену „вот“, лежащему под шубами», «Резвый кот» (Д. П. Северин) «после стрельяния в чудище», «член Чу» (Д. В. Дашков) — «при целовании совы», и т. д. См.: Арзамас и Арзамасские протоколы. Ред. М. С. Боровиковой-Майковой. Л., 1933, стр. 113—144 и 275—276.

⁵ Арзамас и Арзамасские протоколы, стр. 143—144. — Под «арзамасским знаком» в данном случае устроители церемонии имели в виду эмблему «Арзамаса» — мерзлого гуся, которого В. Л. Пушкин должен был держать во все время, пока ему говорили приветственные речи.

должен будет услышать «пение Соловья и Малиновки», также точно бьет в цель: «Соловей и Малиновка» — довольно фривольная басня В. Л. Пушкина, вся мораль которой сосредоточена в следующих ее заключительных стихах:

О, нежные сердца! Любовь из ничего рождается,
умирает,
И басни сей творец нередко повторяет:
В любви разлука нам опаснее всего.

Но еще более разительным примером поистине необузданной веселости Жуковского и образчиком его «вздорноречия», от которого в восторге захлебывался П. А. Вяземский,⁶ может служить уподобление дантовскому «Аду» одного из знаменитых произведений В. Л. Пушкина, — его эротической героини-комической поэмы «Опасный сосед», в которой описана поездка автора во главе с разгульным Буяновым в московский притон: именно поэтому В. Л. Пушкин назван в посвященной ему речи «любезным странствователем», а самое его путешествие в публичный дом уподоблено нисхождению в преисподнюю. Как известно, «Опасный сосед» — за свое весьма вольное содержание и откровенный язык — не мог увидеть свет в России до XX в., но он получил широкое распространение в рукописных копиях и пользовался известностью: в поэме был дан необыкновенно яркий очерк «низовой» Москвы, пьяной компании, удалой тройки, на которой «любезного странствателя» увлек новый Вергилий — ротмистр Буянов. Все «арзамасцы», вероятно, знали текст «Опасного соседа» и не нуждались в пояснении, что стих, цитированный в конце приветственной речи В. Л. Пушкину («Прямой талант везде защитников найдет»⁷), был намеренно заимствован именно из этой забавной поэмы. «Опасный сосед» кончается бегством автора после потасовки, возникшей в заведении с появившимся здесь «брюхастым» полицейским; в заключительных строках читателю дается адская сцена: автор бежит, «и сам куда не зная» —

Косматых церберов ужаснейшая стая,
Исчадь адово, вдруг стала предо мной,
И всюду раздался псов алчных лай и вой...

Можно, разумеется, удивляться этой рискованной гротескной параллели между Данте и русским стихотворцем, придуманной Жуковским для забавной церемонии посвящения в «арзамасцы»;

⁶ Ср. письмо П. А. Вяземского к П. А. Плетневу, написанное после смерти Жуковского, в котором идет речь об издании его писем: «Печатайте без зазрения совести и неуместного целомудрия и шуточные письма его, буффонские, чисто арзамасские, где веселость его разыгрывалась во всю ивановскую». См.: П. А. Плетнев, Сочинения и переписка, т. III, СПб., 1885, стр. 407.

⁷ Ироини-комическая поэма. Под ред. Б. В. Томашевского. Серия «Библиотека поэта», Л., 1933, стр. 650.

иным эта пародическая речь могла показаться нѣумѣстной и даже оскорбительной.

Мне не смешно, когда фигляр презренный
Пародией бесчестит Алигьери, —

говорил впоследствии пушкинский Сальери. Но все «арзамасцы» веселились от души. Сам В. Л. Пушкин не догадался о сыгранной над ним шутке, о чем свидетельствует мемуарист Ф. Ф. Вигель, подробно описавший «странный, смешной и торжественный» обряд принятия В. Л. Пушкина в «Арзамас»; «по старшинству лет (а он был на пятнадцать старше прочих арзамасцев) он был избран старостой, получил кличку „Вот“ и ряд комических преимуществ. Всем этим он остался весьма доволен».⁸

Во всей буффонаде была, однако, и серьезная сторона: арзамасцы не забывали об основной полемической цели своего литературного содружества. Когда в церемонии приема В. Л. Пушкина его призывали: «Гряди, подобно Данту: повинуйся спутнику твоему. рази без милосердия тени Мешковых и Шутовских», — сочинитель этой речи и все ее слушатели, конечно, прекрасно знали, что великий флорентиец был не только поэтом, но мужественным, неsgiбаемым борцом.

Биография Данте с ее трагической стороны, на фоне бурных военных и политических распрей его времени, становилась все лучше известна русским литераторам начала XIX в., и ей все чаще уделялось место в русской печати. Укажем в связи с этим на забытую статью о Данте, помещенную в московском еженедельнике 1807 г. «Минерва».⁹ Статья озаглавлена: «Жалкая судьба стихотворцев. 1. Дант» и представляет собою довольно подробную биографию поэта и характеристику написанных им творений, в том числе его ранней лирики и поздней прозы. Вот что говорится здесь, например, о первой части «Божественной комедии»: «Трудно изобразить впечатление, которое произвела в Италии сия поэма, наполненная смелыми выражениями против пап, приновлениями к смутным тогдашним обстоятельствам и объяснением некоторых недоразумений, колебавших умы, — поэма, писанная, впрочем, языком, не доведенным еще до зрелости, но принявшим под пером Дантовым благородство и величие, к которым казался несродным. Хотя оригинальный слог сего сочинения не всякому был понятен, хотя Дант имел многих завистников, но слава его — подобная тем сильным потрясениям, которых действие простирается на бесконечные расстояния, — не умолкла в продолжение пят сот лет.

⁸ Ф. Ф. Вигель. Записки, ч. V. М., 1892, стр. 41—43.

⁹ «Минерва. Журнал российской и иностранной словесности» издавался в Москве в 1806—1807 гг. (являясь продолжением «Новостей русской литературы», 1802—1805); редактором его был писатель и профессор русской словесности в Московском университете А. В. Победоносцев (1771—1843), выступавший также в качестве переводчика, главным образом с немецкого языка.

Правда, что в поэме его виден мрачный и глубокий гений, сопряженный с пылким воображением, — примечательны даже разительные картины, которым нет подобных ни на одном языке» и т. д.

Эта статья о Данте в «Минерве» — переводная. Редактор или переводчик не скрыли от русских читателей французский источник, на котором основана была эта статья, помещенная в московском журнале. Самой статье предпосланы следующие вступительные строки: «Нельзя лучше изобразить ум и несчастья, постигнувшие Данте, представив жизнь его, славным Риваролем помещенную в начале переведенной им поэмы: Ад. Выпишем от слова до слова любопытнейшие места, а другие сократим, чтоб излишними подробностями не навести скуки читателям».¹⁰

Это указание стоит особого внимания, поскольку перевод «Ада» с предисловием Ривароля был несомненно тем важнейшим источником, из которого и «арзамасцы», и последующие поколения читателей и переводчиков почерпали и тексты для переводов, и свое понимание «Божественной комедии», и, наконец, свое представление об авторе.

Антуан Ривароль (1753—1801) пользовался в России довольно широкой и длительной известностью с конца XVIII в.; у нас хорошо знали его «Рассуждение о всеобщем употреблении французского языка», сатирический лексикон современников, его стихи и «максимы», оставившие следы еще в творчестве А. С. Пушкина;¹¹ ценился также и его перевод «Ада». В статье «Нечто о Ривароле» молодого П. А. Вяземского говорится, что этот автор «известен в республике словесности по прекрасному переводу Данта».¹² Другая статья о Ривароле, принадлежавшая перу другого «арзамасца», К. Н. Батюшкова, была напечатана в том же «Вестнике Европы» и за тот же 1810 г.¹³ Обе статьи внушены появившейся в 1808 г. книгой «Esprit de Rivarol», весьма заинтересовавшей русских читателей. «По мнению французов, — писал Вяземский, — в уме Ривароля была и сила Монтескье, и пылкость Дидерота, и тонкость Фонтенеля, и острая живость Пирона». В том же 1808 г. в Париже вышло «Полное собрание сочинений» Ривароля, «почти весь третий том которого (стр. II—XXXII, 1—295) занят биографией Данте и полным прозаическим переводом «Ада», снабженным комментариями».¹⁴

¹⁰ «Минерва. Журнал российской и иностранной словесности», 1807, ч. 6, стр. 81—90. (Цитаты заимствованы из стр. 81 и 89).

¹¹ Н. Козмин. Пушкин — прозаик и французские острословы XVIII в. «Известия по русскому языку и словесности», т. I, кн. 2, 1928, стр. 542—548; Ю. М. Лотман. Историко-литературные заметки. Пушкин и Ривароль. «Ученые записки Тартуского государственного университета», вып. 98, 1960, стр. 313—314.

¹² «Вестник Европы» 1810, ч. III, № 13, стр. 35.

¹³ Там же, ч. IV, № 23, стр. 232—235.

¹⁴ Œuvres complètes de Rivarol, précédées d'une notice sur sa vie. Paris, 1808 — Именно это издание находилось в библиотеке А. С. Пушкина. Фраг-

Во Франции заслуга Ривароля по истолкованию Данте была несомненно преувеличена. «Хвала Риваролю! — писал Сент-Бев в «Causeries de lundi» 1854 г., — о его переводе Данте можно говорить плохое, сколько кому захочется, но никто не отнимет у него той заслуги, что он был у нас первым, кто с воодушевлением оценил существо и особенности гения Данте»; биограф Ривароля в конце XIX в. утверждал еще более категорически, что будто бы именно «он дал Франции Данте и что хорошо было бы об этом не забывать».¹⁵ Едва ли это справедливо. При всем блеске своего литературного стиля и умения владеть всеми ресурсами французского языка, Ривароль был капризным переводчиком, с полной непринужденностью руководствовавшимся собственными вкусами: переводя Данте, он всячески изменял подлинник, сокращая или увеличивая его, перефразируя и пересказывая там, где это казалось ему необходимым. При передаче Данте, писал сам Ривароль в редакцию «Journal de Paris» в 1785 г., «чрезмерная точность была бы чрезмерной неточностью» («L'extrême fidélité serait une infidélité extrême»). Тем не менее его перевод нравился и пользовался действительной популярностью как во Франции, так и в других странах Европы, затмив упоминавшийся у нас выше перевод Мутонне де Клерфона. Во всяком случае именно «Ад» в переводе Ривароля был важнейшим источником знакомства с Данте ряда русских писателей от Карамзина и до Пушкина включительно.¹⁶

менты перевода «Ада», сделанного Риваролем, начиная с 1780 г. появились в различных французских изданиях; первое полное издание этого перевода вышло в свет в 1783 г., второе, без перемен, в серии «Bibliothèque des romans», с предисловием, озаглавленным: «De la vie et des poèmes du Dante». Это и был источник русской статьи в московской «Минерве» 1807 г.

¹⁵ A. Lebreton. Rivarol, sa vie, ses idées, son talent. Paris, 1895, p. 114; A. Cousin. Dante en France, p. 95.

¹⁶ Отметим, впрочем, проявившие себя, например, у «арзамасцев», склонности к изучению итальянской литературы в подлинниках, без посредства французского языка. Когда в год принятия в общество В. Л. Пушкина (1816) у «арзамасцев» возник замысел издать нечто вроде литературного альманаха, то его составители отразили в проспектах и планах этого издания интерес предполагаемых составителей к итальянской культуре. Так, например, Д. Н. Блудов обязался представить в альманах «капитальные», по отзыву Жуковского, «Отрывки из записок об итальянской литературе», К. Н. Батюшков готовился поместить здесь две статьи — «О Данте» и «О Боккаччо» (см.: Отчет имп. Публичной библиотеки за 1884 г. СПб., 1887, Приложение, стр. 158, 160; Е. А. Сидоров. Литературное общество «Арзамас». «Журнал Министерства народного просвещения», 1901, № 7, стр. 73). Личностью и творчеством Данте интересовался также Д. В. Дашков (1788—1839), вместе с Блудовым и Жуковским бывший основателем и одним из деятельных членов общества «арзамасцев». Он не только присутствовал на описанной выше церемонии принятия в общество В. Л. Пушкина, но даже был одним из говоривших ему приветственную речь. Литературная деятельность Дашкова не получила широкого развития из-за его дипломатической службы и последующей административной карьеры, но и за границей, и в России он продолжал интересоваться иностранными языками и литературами, античным миром, древними рукописями, писал прозаические статьи и делал стихотворные переводы из греческой антологии. Есть все основания полагать,

К самому концу XVIII в. относится еще один забытый русский перевод фрагмента из первой части «Божественной комедии» — П. С. Железникова; до сих пор он еще не упоминался исследователями судьбы произведений Данте в русской литературе. И автор этого перевода, и книга, в которой он помещен, настолько примечательны, что о них стоит сказать несколько слов.

Петр Семенович Железников был преподавателем русской словесности в старших классах первого кадетского корпуса в Петербурге. Он был известен как переводчик с французского «Приключений Телемака» Фенелона,¹⁷ а, по словам С. Н. Глинки, также и «некоторых произведений итальянской словесности».¹⁸ Между 1800—1804 гг. П. С. Железников составил литературную хрестоматию, предназначавшуюся для внеклассного чтения его воспитанников, под заглавием: «Сокращенная библиотека в пользу господам воспитанникам первого кадетского корпуса».¹⁹ В предисловии к этой хрестоматии составитель отметил: «Многие избранные места в сей книге из лучших авторов могут служить воспитанникам и образцом штиля, и материею для размышлений. Другие же в ней пиесы, более будучи относительны к их званию, тем более следовательно могут быть полезны для них». И кадеты, действительно, оценили этот труд их любимого наставника.

«Из учителей моих я привязался более всех к Петру Семеновичу Железникову, преподававшему русскую словесность, — вспоминал А. Х. Востоков. — Он познакомил нас с сочинениями Карамзина, вступившими тогда только на сцену в московском журнале».²⁰

что именно его перу принадлежат «Надписи к изображениям некоторых итальянских поэтов», без имени автора напечатанные в «Северных цветах на 1828 г.» (СПб., 1827, стр. 71). Первая из этих «надписей» в антологическом роде посвящена Данте (за ней следуют еще три: «Петрарка», «Гроб Ариоста» и «Тассо»):

ДАНТЕ

Мраморный лик сей пред небом винит сограждан жестоких:
Данте, Гесперии честь, в скорби, в изгнании стелал.
Тщетно стремил он взоры к отчизне!.. и в мечь
за страдальца,

Именем славным его будет отчизна сиять.
Сила Флоренции, пышность, где вы? Но тень Уголина,
Образы Ада, Небес в лоне бессмертья живут!

¹⁷ Приключения Телемака, сына Улиссова, Соч. Фенелона, Перев. с франц. Петр Железников, 2 части, СПб., 1788; изд. 2-е, СПб., 1804—1805.

¹⁸ Из записок С. Н. Глинки. «Русский вестник», 1866, № 2, стр. 657. — Здесь же Глинка свидетельствует, что Железников был «страстным любителем Расина и Фенелона, Тасса и Петрарки» и что он «умер в молодости».

¹⁹ Сокращенная библиотека в пользу господам воспитанникам первого кадетского корпуса. 4 части. СПб., 1800—1804. — Имя составителя на титуле не обозначено; однако посвящение в первой части («... великому князю Константину Павловичу») подписано: Петр Железников.

²⁰ Из воспоминаний А. Х. Востокова о его детстве и юности. «Русская старина», 1899, № 3, стр. 660—661. — Любопытно, что во II томе «Сокращенной библиотеки» Железников впервые опубликовал два стихотворения

По словам Ф. Булгарина, «Сокращенная библиотека» П. С. Железникова произвела «самый важный переворот в корпусе, т. е. между кадетами, которые хотели что-либо знать; для своего пособия «Же-

350

УГОЛЛИНЪ.

(Отрывокъ изъ Данте.)

*Рогеръ всвергаетъ Графа Уголлина
вѣсть съ его дѣтьми въ мрачную те-
мницу, гдѣ они всѣ, по его повѣленію,
осуждены умереть съ голоду. Данте, со-
чинитель поэмы *la divina Comedia*, опи-
сываетъ въ одной ужасную ихъ смерть.*

*Поэтъ, какъ извѣстно нисходитъ
во преисподнюю. Проходя областями
ада, по одну сторону видитъ онъ ог-
ненную лучину, по другую льдистыя,
необозримыя равнины, гдѣ между без-
численными толпами несчастныхъ за-
мѣчаетъ одного челоуѣла въ бѣшенствѣ
грызущаго черепъ у другаго. Онъ во-
прошаетъ его о причинѣ такого остер-
венія и слышитъ слѣдующее:*

Уголлинь, поднявъ голову раска-
ленными отъ ярости глазами смот-
ришь на меня, и упирая окровавлен-
ныя уста свои дымящимися волосами
до половины огложеннаго имъ черепа,
говоришь мнѣ:

Прозаический перевод эпизода об Уголино из
«Божественной комедии» Данте.

Сокращенная библиотека в пользу господамъ воспи-
танникамъ Первого Кадетскаго корпуса» (1800).

лезников извлек, так сказать, эссенцию из древней и новой фило-
софии, с применением к обязанностям гражданина и воина, выбрал
самые плодovитые зерна для посева их в уме и сердце юношества.

девятнадцатилетнего Востокова «Осеннее утро» и «Парнасс, или Гора изящ-
ности») — будущаго поэта-радищевца, ставшаго впоследствии знаменитым фи-
лологом.

Различные отрывки в этой книге заставили нас размышлять, изошрять собственный разум и искать в полных сочинениях продолжения и окончания предложений, понравившихся нам в отрывках. Кроме того, в „Сокращенной библиотеке“ мы находили образцы слога и языка, примеры систематического изложения мыслей и примеры гражданского и военного красноречия. Книга эта была для нас путеводительною звездою на мрачном горизонте и сильно содействовала умственному нашему развитию и водворению любви к просвещению».²¹ Задумавшись однажды над тем, откуда учившийся в корпусе К. Ф. Рылеев, будущий декабрист, получил свои «либеральные идеи», Н. И. Греч уверенно, хотя и несколько наивно, утверждал: «Из книги „Сокращенная библиотека“, составленной для чтения кадет учителем корпуса, даровитым, но пьяным Железниковым, который помещал в ней целиком разные республиканские рассказы, описания, речи из тогдашних журналов».²² Конечно, было бы ошибочно придавать хрестоматии Железникова решающую роль в возникновении общественных взглядов Рылеева, но нельзя и отрицать ту положительную роль, какую она играла в формировании мировоззрения русского юношества в начале XIX в.²³ Историк русской учебной литературы справедливо замечает, что «по общему составу, идейной направленности и внутренней логике это было одно из наиболее выдающихся пособий изучаемого периода». «Сокращенная библиотека, — писал он далее, — представляет собой своеобразную энциклопедию прогрессивной мысли. Мы находим здесь рассказы о народных трибунах, республиканских войнах, о Сократе, Катоне, Сенеке, Демосфене; о Вашингтоне и Франклине; о Петре и Ломоносове; о Марфе Посаднице и новгородской вольнице».²⁴

В первой части этой хрестоматии и помещен «Отрывок из Данте» под заглавием «Уголлин» (sic) — первая попытка передачи на русском языке знаменитого эпизода о графе Уголино из начала XXXIII песни «Ада» (ст. 1—78). С. Н. Глинка, как мы указывали выше, называл П. С. Железникова переводчиком «некоторых произведений итальянской словесности», однако переводил он не с итальянского, но с французского. С того же языка, вероятно, переведен им в прозе отрывок об Уголино, хотя странным и

²¹ Ф. Булгарин. Воспоминания, ч. II. СПб., 1846, стр. 72.

²² Н. И. Греч. Записки о моей жизни. М.—Л., 1930, стр. 444. — Уже давно было замечено, что дума Рылеева «Борис Годунов» основана на той характеристике этого исторического лица, которая дана Железниковым в III части его хрестоматии (см.: В. И. Маслов. Литературная деятельность К. Ф. Рылеева. Киев, 1912, стр. 207).

²³ Д. Кропотков (Несколько сведений о Рылееве. По поводу записок Греча. «Русский вестник», 1869, № 3, стр. 235) указал, что «Сокращенная библиотека» «находилась в употреблении до 1845 или 1846 г., не возбуждая никаких опасений».

²⁴ Я. А. Роткович. Очерки по истории преподавания литературы в русской школе. «Известия Академии педагогических наук РСФСР», вып. 50, М., 1953, стр. 99—100.

неоправданным представляется принятое Железниковым написание собственных имен — «Уголлин» (с удвоением «л» вместо Ugolino или «Рогер» — вместо дантовского Ruggiero).²⁵ Переводу П. С. Железников предпослал следующую небольшую вводную заметку.

«Рогер ввергает графа Уголина вместе с его детьми в мрачную темницу, где они все, по его повелению, осуждены умереть с голоду. Данте, сочинитель поэмы *la divina commedia* описывает в оной ужасную их смерть. Поэт, как известно, нисходит в преисподнюю. Проходя областями ада, по одну сторону видит он огненную пучину, по другую льдистые, необозримые равнины, где между бесчисленными толпами несчастных замечает одного человека, в бешенстве грызущего череп у другого. Он вопрошает его о причине такого остервенения и слышит следующее» [далее следует самый перевод, из которого мы приводим начало]: «Уголлин, подняв голову, раскаленными от ярости глазами смотрит на меня и, утирая окровавленные уста свои дымящимися волосами до половины оголенного им черепа, говорит мне: Ты хочешь, чтобы возобновилось мое мучение? Сердце мое стонет при едином воспоминании требуемой тобой от меня повести. Но я готов снова стонать, лишь бы только ужас и трепет при каждом слове моем возрождались, лишь бы только уста мои точили яд на поругание изверга, мною грызомого. Я не знаю тебя, не знаю и того, как ты зашел сюда, но по наречию твоему, кажется, ты флорентинец. Имя Графа Уголино, я думаю, тебе небезызвестно; ты перед собою его видишь, — а вот кости Рогера...», и т. д. Перевод этого эпизода сделан полностью; кончается он воспроизведением стихов 76—78, несколько ослабляющих подлинник этой дантовской терцины допущенной переводчиком грамматической несуразницей: «Сказав сие, глаза его снова засверкали искрами ярости. С живостью бросился он на кровоточащий остаток черепа и, подобно голодному псу, глотающему кости, начал снова ломать его зубами».²⁶

Не нужно смешивать хрестоматию П. С. Железникова с другой русской «Сокращенной библиотекой», вышедшей в свет в Москве приблизительно в то же самое время. Это был многотомный словарь биографий исторических деятелей;²⁷ он переведен был

²⁵ См. стихи 13—14 в итальянском подлиннике (Inf., XXXIII):

Tu dei saper ch'io fui 'l conte Ugolino,
E questi l'arcivescovo Ruggieri.

Хотя в переводе Ривароля мы также находим сходные переделки этих имен (*le comte Ugolin, l'archevêque Roger*). Железников пользовался не его прозаическим переводом «Ада», а каким-то другим.

²⁶ Сокращенная библиотека. . . , ч. I. СПб., 1800, стр. 350—355.

²⁷ Словарь исторический, или Сокращенная библиотека, заключающая в себе жития и деяния патриархов, царей, императоров и королей, великих полководцев, министров и градоначальников. . . , соч. обществом ученых людей. 14 частей. М., 1790—1802. — Полное заглавие этого московского «Словаря», история его возникновения и подробное описание содержания всех

с французского,²⁸ и в нем, между прочим, находилась биографическая справка о Данте и характеристика его важнейших произведений,²⁹ но перевод сделан малограмотным ремесленником, плохо знавшим не только французский, но и русский язык и не имевшим никакого представления об авторе «Божественной комедии»; поэтому значения эта переводная биография Данте, изданная у нас на исходе XVIII в., не имела.

Подведем итоги. Материалы, собранные в этой статье, должны были показать, как рано и какими сложными путями шло усвоение творчества Данте в России в XVIII и начале XIX в., до того времени как у нас появились в печати первые стихотворные переводы отрывков из его поэмы. Процесс раннего постепенного ознакомления с личностью и творчеством Данте растянулся у нас более чем на полвека. Во второй половине XVIII столетия, казалось, все благоприятствовало этому знакомству: в эту пору в русской «низовой» литературе была еще достаточно сильна рукописная апокрифическая традиция древнерусской письменности, и это создавало весьма удобную ситуацию для восприятия «Божественной комедии» по существу, как бы «изнутри», с точки зрения тех народно-апокрифических истоков средневековья, из которых она выросла («Видение апостола Павла»). Однако именно на тот же период пришлось пора не только упадка славы Данте, но и полного развенчания его поэмы с точки зрения поэтики классицизма. «Спор о Данте», возникший во французской и итальянской литературах, односторонне отразился в русской критике, и у нас долго господствовали отрицательные суждения о Данте, высказывавшиеся многими французскими писателями, от Вольтера и до Лагарпа. Однако у нас замечены были также сначала робкие, но затем все более уверенные попытки переоценки Данте во французской и немецкой литературах, знаменовавшие возникновение предромантических веяний.

его частей даны в кн.: А. Н. Неустроев. Историческое разыскание о русских повременных изданиях и сборниках за 1703—1802 гг. СПб., 1874, стр. 558—623.

²⁸ И. М. Кауфман (Русские биографические и библиографические словари. М., 1955, стр. 9—11), характеризуя «Словарь исторический», указал, что он является переводом-компиляцией двух французских словарей — «Dictionnaire historique» Лявока и «Nouveau dictionnaire ou Histoire abrégée... par une Société des gens des lettres» (ряд изданий начиная с 1759 г.), так как к переводу прибавлены лишь оригинальные биографии русских деятелей.

²⁹ «Словарь исторический...», ч. V. М., 1791, стр. 53—56. — «Дант Алигери (sic) — итальянский стихотворец, родился во Флоренции 1265 года. Живое и горячее свойство (!) устремили его в любовь, стихотворство и разговоры. Он принял сторону Гибелина (!), врага пап. Сие значило то же, чтоб желать себе гонения: он и действительно был гоним Вонифатием VIII и Карлом Валоа, брата Филиппа Красивого, которого сей папа послал во Флоренцию, где много было разных партий, для усмирения оных (!). Данте изгнан был в числе первых; дом его срыт, и земли разграблены. Он со всею своею фамилиею уехал в Верону и был оттуда выгнан», и т. д.

Первые цитаты и опыты переводов, фрагментов из «Божественной комедии» делались у нас в прозе, с французских прозаических переводов XVIII в. Положение изменилось лишь в конце 10-х и в 20-е годы XIX столетия, но к этому времени более распространенными сделались у нас также итальянский язык и литература. Писатель и государственный деятель И. М. Муравьев-Апостол (1765—1851), отец декабристов, долго живший за границей, в своих «Письмах из Москвы в Нижний Новгород» произнес суждение, которое можно было бы сделать эпиграфом для последующего периода истории знакомства в России не только с Данте, но и с западноевропейскими литературами вообще: «Прочитай Данте на итальянском, Сервантеса на испанском, Шекспира на английском, Шиллера на немецком; тогда ты приобретешь некоторое право произносить над ними приговор».³⁰

Это написано в 1813 г. В следующем — 1814 году — в печати появилось первое стихотворение Пушкина.

³⁰ [И. М. Муравьев-Апостол]. Письма из Москвы в Нижний Новгород. «Сын Отечества», 1813, ч. IX, № XLIV, стр. 228—229. — Сам автор во всяком случае хорошо знал итальянский язык, был «коротко знаком» с итальянскими поэтами (например, с Дж. Кастти) и, разумеется, читал «Божественную комедию» в подлиннике. В предшествующем из своих «Писем», рассуждая об опасностях «умеренности, хотя бы она и добродетельно называлась», И. М. Муравьев-Апостол заметил: «... я скорее соглашусь с Дантом, который в аде своём выдумал особливый лимб для этих холодных философов, добрых, умеренных людей, которые могут не ненавидеть виновников гибели отечества своего» (там же, ч. IX, № XXXIX, стр. 4).

П. Р. Заборов

**ВОЛЬТЕР В РОССИИ
КОНЦА XVIII—НАЧАЛА XIX ВЕКА**

I

Возникновение в русской литературе преромантических тенденций, как известно, относится к началу 1770-х годов.¹ В дальнейшем эти тенденции то усиливаются, то ослабевают, то усиливаются вновь, и лишь на рубеже второго и третьего десятилетий XIX в. происходит окончательная смена общественно-эстетических ориентаций. Отныне классицизм воспринимается уже как нечто пережиточное, архаичное, обреченное на гибель.

Таким образом, на протяжении почти полувека русская литература (и искусство) обогащается новыми идеями и формами, но обогащение это совершается под знаком «улучшения» классицизма. Ни о каком разрыве в этот период с классической традицией говорить невозможно. В равной мере невозможно также усмотреть и сильное падение в названное время интереса русских людей к философским и художественным открытиям минувшей эпохи, к великому наследию «осмнадцатого столетия». По-прежнему их пристальное внимание привлекают к себе имена Дидро, Гельвеция, Руссо. По-прежнему огромной притягательной силой обладает для них и колоссальная личность Вольтера, хотя отношение к нему ха-

¹ См.: Г. А. Гуковский. Очерки по истории русской литературы и общественной мысли XVIII века. Л., 1938, стр. 237.

рактируется большей сложностью и, во всяком случае, не отличается уже былым энтузиазмом.

Впрочем, безоговорочным это сочувствие Вольтеру — в силу разных причин — не было в России и раньше. Даже в начале 1760-х годов, когда слава «фернейского патриарха» находилась еще в самом зените, академический журнал «Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах» напечатал фрагмент под названием «Пиита», в котором Вольтеру инкриминировалась чрезвычайная «подлость» мыслей и поступков. Полагая, что «благородный дух, поэзией оживлен будучи, сочиняет стихи только в честь добродетели и истинны»,² автор фрагмента с негодованием отзывался о склонности Вольтера «хвалить без разбору все, за что надеется получить награждение», и, в частности, славословить монархов, его похвал недостойных. «Сколь различны, — восклицал он, — дары разума и сердца! Господин Волтер весьма бы великой человек был, есть ли бы и тем и другим владел в равной степени, есть ли бы столько имел скромности, сколько остроты в мыслях и в стихах приятности».³

Несколько позднее с множеством сходных обвинений против Вольтера выступил Федор Эмин. Основываясь больше на слухах, чем на реальных фактах, он приписывал французскому писателю страсть к клевете и наживе («Нет почти государя ни государства, которое бы он не оклеветал пером своим, если ему никакого подарка не прислало, и которое бы за деньги похвалами до небес не возвысил»⁴), нетерпимость («все законы ругает, все обыкновения осмеивает»⁵) и злобную неприязнь к собратьям по перу («все сочинения, кроме своих, бранит и во всех науках и художествах в ученейших и искуснейших людях великие находит недостатки»⁶).

В пылу увлечения Эмин отказывал Вольтеру почти во всех талантах и заслугах, отдавая дань лишь его замечательной способности к сочинению «вздоров». «В таком роде писания, — замечал Эмин, — имеет он остроумие чрезвычайное, мысли летучие, разум пронизательный и охоту к писанию несравненную».⁷ Но и в этом, по его мнению, Вольтер преуспел потому только, что свет измельчал и теперь «обыкновенно любит безделицы, острые слова, нежные речи и забавные шутки, коими он (т. е. Вольтер, — П. З.) многих довольствовать умеет».⁸ Особенно возмущал Эмина

² «Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах», 1763, июль, стр. 71.

³ Там же, стр. 72.

⁴ Адская почта, или Переписки хромоногого беса с кривым. СПб., 1769, стр. 188.

⁵ Там же.

⁶ Там же, стр. 188—189.

⁷ Там же, стр. 189.

⁸ Там же, стр. 190.

вольтеровский «Кандид», в котором он видел одно из подтверждений глубокого упадка во Франции «сочинительства», «невозможный здор», нечто вроде истории Бовы-королевича или Петра-златых ключей, с той лишь разницей, что «слог К<андида> получше» и в нем имеется «горсть острых слов и забавных выражений, которые молодым и ветреных мыслей людям нравятся и тогда, когда наполнены соблазном и развращением».⁹ И хотя вскоре Эмин понял, что допустил оплошность, и попытался внушить подписчикам «Адской почты», что он «г-на Волтера никогда не бранил, а пересказывал о нем слышанное и читанное»,¹⁰ в целом его позиция не вызывает особых сомнений.

Признаки некоторого охлаждения к Вольтеру можно обнаружить и в русской официальной печати, правда несколько позднее, уже после ликвидации пугачевского движения: появившаяся в июне 1778 г. в «Санкт-Петербургских ведомостях» некрологическая заметка о Вольтере отличается большой сдержанностью, что особенно очевидно в сравнении с откликом той же газеты на смерть Жан-Жака Руссо.¹¹

В дальнейшем по мере усиления в русской литературе и философии антирационалистических тенденций нападки на Вольтера учащаются, несмотря на все старания почитателей «фернейского патриарха» любой ценой спасти его авторитет.¹² Подчас цена эта оказывалась немалой. Так, И. Г. Рахманинов, один из самых активных и твердых «вольтеристов» конца XVIII в., вынужден был перевести с французского и издать в 1785 г. два откровенно антивольтеровских памфлета — «Relation de la maladie, de la confession, de la fin de M. de Voltaire et de ce qui s'ensuit» (1761) и «Testament politique de M. de Voltaire» (1770).

Конечно, предпринимая издание этих книг, он не забывал и о том, что в них содержался ряд новых для русского читателя сведений о жизни и творчестве Вольтера: название сочинений, еще не переводившихся на русский язык, имена друзей и врагов, всевозможные подробности интимного свойства и т. п. «Благодарный читатель, — мотивировал Рахманинов свое намерение, — и из дурного сочинения может извлечь нечто доброе, подобно

⁹ Там же, стр. 195. — Характерно, что тогда же с аналогичными обвинениями на самого Эмина обрушился М. Чулков («И то и сё», 1769, неделя десятая). Об этом см.: И. З. Серман. Становление и развитие романа в русской литературе середины XVIII века. В сб.: Из истории русских литературных отношений XVIII—XX веков, М.—Л., 1959, стр. 91—92.

¹⁰ Адская почта, стр. 273.

¹¹ Об этом см. подробнее: П. Н. Берков. Из русских откликов на смерть Вольтера. В сб.: Вольтер. Статьи и материалы, Л., 1947, стр. 197—201.

¹² См., например, анекдотическую историю «Разграбление Вольтера», в которой, между прочим, на различных примерах демонстрировалось, «коль много достоинства вольтеровы ограничены» («Санкт-Петербургская вивлиофика журналов», 1783, июль, стр. 162—168).

пчеле, высасывающей мед из всякого растения».¹³ Но основная его задача состояла в другом. Публикуя первую из названных книг (она принадлежала перу Н.-Ж. Селиса), Рахманинов надеялся, что современники осознают, до каких крайностей может дойти ненависть к великому человеку, «приобретшему отличными своими писаниями славу», и, почувствовав глубокое отвращение к бесчинствам «завистников, которые во все продолжение его жизни не переставали на его нападать различными образами»,¹⁴ сами ощутят потребность взглянуть на Вольтера «спокойным оком». Он же, со своей стороны, всячески пытался им в этом помочь, впрочем действуя умно и осторожно. Например, соглашаясь с тем, что среди вольтеровских сочинений, «может быть, находятся и такие, которые не заслуживают одобрения», Рахманинов не упустил случая напомнить, что «весьма много под именем славного сего писателя издано было гнусных тетрадок, совсем ему не принадлежащих, дабы тем удобнее можно было обвинять его в неверии и в худых нравах».¹⁵ Что же касается так называемых «заблуждений» Вольтера, то их Рахманинов усматривал лишь в его неумной страсти к исследованию и склонности сомневаться в «некоторых таких истинах, которые несоразмерны человеческому разуму».¹⁶ В таком оформлении мысль Рахманинова звучала успокаивающе, словно речь шла не о мирозерцании «сего знаменитого писателя нынешнего столетия», а о каких-то пустяках.

В отличие от «Известия о болезни», которое могло произвести желаемый эффект лишь с помощью предпосланных ему компромиссных рассуждений и внушений, другой памфлет (его автором был Ж.-А. Маршан) появился без комментариев переводчика. «Политическое завещание» говорило само за себя, оно представляло собой вопль раскаявшегося грешника, решительно порывавшего с прошлым. Этот мнимый Вольтер признавал всемогущество бога и бессмертие души, препоручал себя — ввиду близкого конца — святым, «обитающим в райских селениях», которым он, увы, «весьма мало оказывал почитания»,¹⁷ и всячески настаивал на своей неизменной приверженности «католическому закону».¹⁸

При этом он не отрицал и своих «ошибок», но каждый раз пытался их объяснить. Пагубное стремление «узнать о всех вещах в свете» он полагал следствием владевшего им непомерного честолюбия; нечестивые и насмешливые сочинения оправдывал «вольностью дерзкого воображения»; в частности, так называемую «Девственницу» считал грехом ветреной юности. К тому же ему

¹³ Известие о болезни, о исповеди и о смерти г. Волтера. СПб., 1785, Предисловие.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Политическое завещание г. Волтера. СПб., 1785, стр. 1.

¹⁸ Там же, стр. 25.

«приписаны были некие развратительные сочинения», которых он никогда не писал, и т. п. Вообще, утверждал он, репутацию мятежника и вольнодумца ему создали «несносные завистники»; он стал жертвой их «потаенной злобы».¹⁹

В свете подобных признаний некоторые места завещания выглядят довольно странно: резкие выпады против «несносных завистников» соседствовали с обещанием «все предать забвению», антиклерикальные заявления — с обещанием «обратиться на истинный путь»; наконец, все сочинение в целом несколько противоречило утверждению: «Моя отменная жизнь не подает мне никакой причины к раскаянию».²⁰ Но со страниц завещания (равно как и со страниц «Известия» — вместе с предисловием к нему) вставал «облагороженный», «очищенный» образ «фернейского мудреца», а это прежде всего и входило в намерение переводчика, который пытался убедить современников в том, что наследие Вольтера не таит в себе сколько-нибудь для них серьезных опасностей, нимало не угрожает их благополучию и душевному покою.

И все же приостановить поход против Вольтера и «вольтеристов» ни Рахманинов, ни его единомышленники не могли. В 1787 г. в Петербурге появилась небольшая книжка под названием «Обнаженный Вольтер». В каком-то исступлении, взывая к «чувствительным и истинным людям», автор ее клеймил страшное «самолюбие», эту «язву неисцельную», зреющую «с молодых ногтей» в душе Вольтера и в конце концов ее погубившую. («Что ж? возросла язва; умерщвлен человек!»²¹). Движимый «самолюбием», иными словами эгоизмом, он оказался во власти «низменных инстинктов и страстей»: «Вольтер имел гнусный произвол, произвол честолюбия и корысти. Упившись сим смертоносным ядом и тем язвя себя, уподобляясь страшному тигру, смертоносно уязвленному! Рыкая, бросался на все, что ему ни встречалось. Быв в подобном неистовстве, забыл о самом себе, как о наиважнейшем деле, что он есть не иное что, как прах земный и сосуд дарованной ему души от бога!».²²

Скорбя о тех, кто «все им написанное в твердой содержит памяти», автор брошюры призывал их осознать «пагубное его умствование», достойное «проклятия и отвержения от человечества».²³ Противопоставляя «суетному любомудрию» веру в «создавшего нас бога», он настоятельно советовал искать истину не в сочинениях «естествоиспытателей», но во «всесвятейшем Евангелии».²⁴

¹⁹ Там же, стр. 13, 16, 17.

²⁰ Там же, стр. 41.

²¹ *Обнаженный Вольтер*. СПб., 1787, стр. 9.

²² Там же, стр. 17—18.

²³ Там же, стр. 19—20.

²⁴ Там же, стр. 32—33. — Любопытно, что в то же самое время архимандрит Иоиль (впрочем, отличавшийся несравненно большей терпимостью, чем автор «Обнаженного Вольтера») в своих поисках «истинны» в какой-то мере даже опирался на Вольтера: в составленный им сборник назидательных

Возможно, что «Обнаженный Вольтер» действительно представлял собой перевод с французского, как это указывалось на титульном листе, но не исключено, что он был оригинальным, русским, сочинением: немало подобных «трудов» в 1780-е годы вышло из-под пера «русских масонов» и их «сочувственников».

Масонство предшествующего десятилетия имело весьма отчетливый «философский» характер. Среди наиболее ревностных почитателей Вольтера был целый ряд петербургских и московских масонов; масонами являлись переводчики его произведений — И. А. Голенищев-Кутузов, Е. В. Рознотовский и другие, а также лица, которым их «предложения» посвящались (З. Г. Чернышев, О. П. Козодавлев, И. И. Михельсон); наконец, довольно много вольтеровских произведений издал Н. И. Новиков. Недаром «фармазонство» и «вольтеризм» в это время почти отождествлялись.²⁵

В 1780-е годы рационалистические тенденции в русском масонстве ослабевают, все больше уступая место исканиям мистического и откровенно религиозного толка, и одновременно все сильнее начинают звучать голоса, опровергающие «новую философию» и воззрения «новых писателей», — иными словами, французских энциклопедистов. Одно из самых ранних сочинений такого рода — «Рассуждение о злоупотреблении разума некоторыми новыми писателями и опровержение их вредных правил» (1780)²⁶ И. В. Лопухина — вообще было задумано как некий манифест нового умственного течения. По собственному (позднему) признанию, он написал эту книгу «как бы в очищение себя» от духовного груза прежних лет, ибо и сам в молодые годы «старался утвердить себя в вольнодумстве» и «охотно читывал Вольтеровы насмешки над религиею, Руссовы опровержения и прочие подобные сочинения».²⁷ Правда, имя Вольтера у Лопухина прямо не называлось, но подразумевалось постоянно. (Более или менее отчетливо он обозначил лишь Гольбаха, которого, между прочим, еще недавно переводил, и Дидро). Его трактат был направлен против «философского движения» в целом, против всех тех, кто «разум свой соделывают орудием погубления людей». «Коликая лютость потребна к тому, чтоб все свои труды посвящать развращению людей и все силы разума истощать на снисkanie удобнейшего способа влить яд

цитат и изречений вошло несколько выдержек из повестей «Кандид» и «Принцесса Вавилонская» (Истинна, или Выписка о истинне. Ярославль, 1787, стр 154, 223). Помимо Вольтера, в «выписке» был представлен целый ряд французских просветителей — Лесаж, Даламбер, Мармонтель и др. Об этом сборнике см.: А. Мазон. Ivan Bykovskij, Ioil l'archimandrite et l'auteur de la «Vérité, ou Extraits de notes sur la vérité». «Revue des études slaves», 1965, t. 44, pp. 59—88.

²⁵ Об этом см.: Г. В. Вернадский. Русское масонство в царствование Екатерины II. Пгр., 1917, гл. II.

²⁶ Второе издание книги вышло в 1787 г.

²⁷ Записки московского мартиниста сенатора И. В. Лопухина. Приложение к «Русскому архиву». М., 1884, стр 15.

в такие души, коим, может быть, надлежало благоденствовать! о, бесчеловечные писатели! В какое несчастье повергся бы человеческий род, если б удовлетворилось ваше пагубное желание и если б могли подействовать змеиным жалом начертанные книги ваши», — патетически восклицал Лопухин, обращаясь к этим «дерзким врагам человечества», к этим «безумным мудрователям»,²⁸ которые стараются уничтожить то, чем «все существует», и лишают страждущих единственного источника спасения — любви к «зиждителю вселенной», упования на его покровительство. Пытаясь подтвердить свои «слабые доказательства о небытии бога», эти «ненавистующие божеству писатели, — продолжал Лопухин, — дерзостно опровергают оную благость описанием бедствий, которые человечество иногда претерпевает».²⁹ Несомненно, он имел в виду Вольтера и его «Поэму о гибели Лиссабона».

Спустя год после выхода в свет второго издания книги Лопухина, словно продолжая эту его мысль, Василий Алексеевич Лёвшин посвятил той же теме целый трактат — обширное «Письмо, содержащее некоторые рассуждения о поэме г. Волтера на разрушение Лиссабона».³⁰

В спор с «господином Волтером» и его единомышленниками Лёвшин вступал не без смущения: «опровергнуть мысли мужа толико именитого и систему его, обожаемую многими», было делом нелегким. Этим и объясняется необычайная обстоятельность его аргументации. Десятки самых разнообразных примеров, множество собственных наблюдений, а также открытий, совершенных другими, пространные извлечения из трудов Эйлера, неоднократные ссылки на Руссо — все служит единой цели: доказать, что знаменитая поэма о гибели Лиссабона, равно как и «большая часть сочинений волтеровых», — жестокое заблуждение. Даже самые «хитросплетенные основания», полагает Лёвшин, не могут придать доводам Вольтера хоть какую-то убедительность. И зло физическое, и зло нравственное необходимо должны существовать: «Премудрость и сила божия во всем созданном от него неразлучимы, они открываются повсюду в равной мере».³¹ «Хула на бога» — так характеризует он содержание и устремленность вольтеровской философии; между тем собственную позицию он определяет как «обожание» и «защитение» всеми доступными и допустимыми средствами «закона христианского».³²

²⁸ Рассуждение о злоупотреблении разума некоторыми новыми писателями и опровержение их вредных правил, сочиненное россиянином. М., 1787, стр. 5—6.

²⁹ Там же, стр. 8.

³⁰ См.: П. А. Дьяконов. Реферат о книжке «Письмо, содержащее некоторые рассуждения о поэме г. Волтера на разрушение Лиссабона». «Известия Тамбовской ученой архивной комиссии», вып. 26, 1890, стр. 71—73.

³¹ Письмо, содержащее некоторые рассуждения о поэме г. Волтера на разрушение Лиссабона. М., 1788, стр. 20.

³² Там же, стр. 75—76.

Для конца 1780-х годов, когда «Письмо» появилось в свет, подобное признание, по-видимому, соответствовало истине. К тому времени Лёвшин уже окончательно порвал с «вольтеризмом», которому сочувствовал в начале своего пути. Но прошлое тяготело над ним. Вот почему он прежде всего и счел нужным высказать в конце письма не лишённое смысла предположение, что труд его «не избегнет таинственного презрения и насмешек от некоторых чтецов». ³³ Этих «чтецов» он имел в виду также, сообщая о своем «обращении»: «Я радуюсь, где нахожу устремление его (т. е. Вольтера, — П. З.) против суеверства; но раскаиваюсь, что некогда одобрял я в нем те места, кои казались мне неопровергаемыми и кои нашел безрассудными, начав читать труды других добродетельных сочинителей и получа от них руководство лучшим образом употреблять мои рассуждения». ³⁴ Не исключено, что в силу тех же причин «Письмо» его было напечатано в 1788 г. с датой «2 мая 1780 года»: тем самым период «обращения» отодвигался с еще большей определенностью назад. ³⁵

Как уже отмечалось, в ходе своих рассуждений Лёвшин несколько раз называл Руссо. Авторитет «женевского философа», убежденного — на протяжении многих лет — противника Вольтера, облегчал выполнение поставленной им себе задачи. Аналогичный прием был использован и в анонимном «Разговоре Вольтера с Ж.-Ж. Руссо в царстве мертвых», переведенном в 1789 г. Иваном Краснопольским. Правда, в данном случае дело не ограничивалось цитатами. Руссо выступал здесь в качестве обличителя, его устами Вольтеру произносился приговор. Однако и вольтеровская часть этого воображаемого диалога содержала немало «разоблачительных» суждений. Не только соглашаясь со своим собеседником, но и возражая ему, мнимый Вольтер содействовал собственному «развенчанию». С неоспоримостью из их разговора следовало, что Вольтер — материалист и атеист, злейший враг «всех людей и народов», ввергнувший их в «гибельное состояние». Он хотел «образовать» из людей «настоящих человек», не понимая, что «род человеческий искажен до крайности и совершенное общество не существует». ³⁶ Он проповедовал «терпимость вер», надеясь при помощи этого лекарства «искоренить все недуги», в намерении своем успел не вполне, но одновременно способствовал «порче нравов и многочисленным развратам». ³⁷ Он отрицал догматы католической церкви, но «тем самым искоренял и нравоучение». ³⁸ Он

³³ Письмо, содержащее некоторые рассуждения о поэме г. Вольтера на разрушение Лиссабона. М., 1788, стр. 75

³⁴ Там же, стр. 74—75.

³⁵ См. В. Шкловский. Чулков и Лёвшин. Л., 1933, стр. 141—142.

³⁶ Разговор Вольтера с Ж.-Ж. Руссо в царстве мертвых. СПб., 1789, стр. 5. Об этом см.: Johan S. Egilsrud. Le Dialogue des morts dans les littératures française, allemande et anglaise (1644—1789). Paris, 1934, p. 104.

³⁷ Разговор Вольтера с Ж.-Ж. Руссо. . . , стр. 6.

³⁸ Там же, стр. 7.

не любил людей, почитал их «коварными» — и все же непременно желал им нравиться. Он был суетен, себялюбив, постоянно домогался признания и славы и слишком мало помышлял о вечности.³⁹

Отсюда и кара, постигшая его в «загробном мире»: он обречен всегда сомневаться. «Ужасное наказание!» — содрогается Вольтер, но Руссо — его антагонист и, в представлении автора диалога, антипод — думает иначе: Вольтер разил «как бы обоюдоострым мечом», он потряс то, что хотел установить, и разрушил то, что создал, а потому заслужил худшей доли.⁴⁰

Своеобразным итогом этой начавшейся переоценки Вольтера явилась обширная статья о нем в третьем томе «Словаря исторического» (1790), как и многие другие восходящая к французскому «Nouveau dictionnaire historique».⁴¹ Хотя справочный характер издания и предполагал более или менее объективный тон, это был не столько очерк жизни Вольтера, сколько суд над ним, — беспощадно строгий и отнюдь не всегда справедливый. Даже в первой части статьи, где сообщались важнейшие факты биографии «сего славного человека», было заключено немало укоров, а вывод звучал почти уничтожающе: «...имел он превеликое влияние в свой век и произвел пагубную перемену в душе и нравах: поелику ежели когда употреблял свои дарования к тому, чтоб заставить любить человечество и разум или вдохнуть в государей милосердие и отвращение к войне, то гораздо чаще употреблял их во зло для рассеяния начал неверия и независимости».⁴² Вторая же часть была критической по преимуществу. Объектом особенно злобных нападок явилась «Орлеанская девственница»: «...это такое сочинение, в котором не видно ни плану, ни связи. Оно состоит из развязных сказок, не имеющих связи с поэтическим предметом, так что нет в нем ни начала, ни середины, ни конца. Все почти герои в ней подлы, облечены в мерзость; и люди со вкусом, так как и честные особы, не иначе почитать могут, как циническим, соблазнительным и случайным произведением».⁴³ Почти столь же решительно расправляется автор статьи с вольтеровской прозой — с повестями, представляющими собой, по его мнению, «связь невероятных происшествий, повествуемых весьма часто с непристойностию и наполненных такими шутками, из которых многие противны хорошему вкусу»,⁴⁴ с «Философским словарем» и прочими «безбожными» сочинениями «фернейского мудреца».⁴⁵

Из «описанной картины» закономерно вытекала предложенная в заключение (со ссылкой на аббата де Радонвилье) рекомен-

³⁹ Там же, стр. 13.

⁴⁰ Там же, стр. 3, 15.

⁴¹ Nouveau dictionnaire historique, t. IX. Caen—Lyon, 1789, pp. 399—414.

⁴² Словарь исторический, ч. III. М., 1790, стр. 344.

⁴³ Там же, стр. 348—349.

⁴⁴ Там же, стр. 351—352.

⁴⁵ Там же, стр. 353—354.

дация по возможности воздержаться от чтения Вольтера — до тех пор, пока «трудолюбивая рука, очистив сочинения, изданные под его именем, от всего того, что противно религии, нравам и законам, загладит те пятна, кои могут зачернить его славу».⁴⁶

На рубеже 1780—1790-х годов борьба с вольтеровским наследием вступила в новую фазу. По мере того как развиваются революционные события во Франции, возрастает и неприязнь к Вольтеру, в котором теперь (не без оснований) усматривают одного из главных предтеч этого «страшного» переворота.⁴⁷ «Я думаю, что сочинения Вольтеров, Дидеротов, Гельвециев и всех антихристианских вольнодумцев много способствовали к нынешнему юродствованию Франции. Да и возможно ли, чтобы те, которые не чтут самого царя царей, могли любить царей земных и охотно им повиноваться», — утверждал, например, И. В. Лопухин в письме к А. М. Кутузову от 14 октября 1790 г.⁴⁸ Несколько позднее сходную мысль высказал и сам Кутузов в письме из Берлина к А. А. Плещееву: «Монархи веселились сочинениями Вольтера, Гельвеция и им подобных; ласками награждали их, не ведая, что, по русской пословице, согревали змею в своей пазухе; теперь видят следствия блистательных слов, но не имеют уже почти средств к истреблению попущенного ими!».⁴⁹

Из этой же точки зрения исходили и Т. С. Борноволоков, и Е. А. Болховитинов, познакомившие соотечественников с французскими сочинениями, «изобличавшими» Вольтера и «лжемудрствования волтеровской шайки». Книга, изданная Борноволовым, которую он так и озаглавил — «Изобличенный Вольтер», должна была, по мысли компилятора, «показать юношам, сколь лживо и дерзко писал о религии г. Вольтер, и тем бы отвлечь их от излишнего к нему доверия, а следовательно, от разврата».⁵⁰ В вину Вольтеру и возглавлявшейся им секте «мнимых мудрецов», а также его «ослепленным удивителям и последователям» вменялось стремление «1) поносить явно религию, 2) проповедовать неограниченную веротерпимость, 3) защищать страсти и особенно дух независимости превратить в верховную добродетель, 4) позволять и даже одобрять слабости порочной любви».⁵¹ «Адским произведениям» Вольтера в книге противопоставлялось

⁴⁶ Словарь исторический, ч. III, стр. 356.

⁴⁷ Об этом см.: М. М. Штрапге. Русское общество и французская революция 1789—1794 гг. М., 1956, стр. 38—42.

⁴⁸ Я. Л. Барсков. Переписка московских масонов XVIII века. 1780—1792. Пгр., 1915, стр. 16.

⁴⁹ Там же, стр. 196. — См. также примечание Кутузова к стр. 50 первой части «Плача» Юнга (М., 1785, изд. 2-е), где он протестовал против «чтения с самых юных лет модных сочинений господина Вольтера, Гельвеция, Мирабо и сему подобных». Ср.: Г. В. Вернадский. Русское масонство в царствование Екатерины II, стр. 139.

⁵⁰ Изобличенный Вольтер. СПб., 1792, Предисловие.

⁵¹ Там же, стр. 11.

«Священное писание», которое «любезным соотчичам» рекомендовалось почитать «за главнейший предмет в воспитании детей их».⁵² Посильно способствовать «сему» — в этом Борноволоков и видел высшую «за труды свои награду».

Усилиями Болховитинова и его учеников русский читатель получил старое, тридцатилетней давности сочинение «Les Erreurs de M. de Voltaire», принадлежавшее одному из самых яростных и упорных врагов «фернейского патриарха» — аббату Нонноту.⁵³ О цели, которую преследовали составители книги, говорили уже самое посвящение ее «любящим и почитающим благочестие и истину» и в особенности «Предуведомление к российскому переводу», автором которого, несомненно, явился сам Болховитинов. С раздражением и горечью констатируя «всеобщее внимание» к имени Вольтера и широчайшее распространение «вольтеровых книг» — в подлиннике, в полных и очищенных переводах, а также в виде многочисленных списков, он пытался определить причину этого «прискорбного факта». Слава Вольтера, «крикливые вольнодумцев похвалы» и, наконец, «редкое искусство свободного и ясного штиля, одетого в тонкие и замысловатые насмешки, которым в совершенстве владел «сей знаменитый писатель», и вместе с тем отсутствие отпора «лжам» его и «клеветам» — такими обстоятельствами объяснял он в первую очередь пристрастие к Вольтеру русского читателя, который постепенно усвоил вольтеровскую «недоверчивость ко всему, пренебрежение к самым почтеннейшим и священнейшим истинам и, если можно так выразиться, беспристрастное пристрастие всему смеяться». Весьма показательна и его финальная реплика: заранее отвергая возможную хулу «вольтероловцев», он пояснял, что для него и других распространителей идей Ноннота «лестнее благосклонность одного добродушного и любящего религию читателя, нежели сколько оскорбительны ругательства тысячи вольнодумцев!».⁵⁴

Такие выступления не могли не радовать Екатерину II и ее окружение. Еще недавно идеолог дворянской оппозиции князь М. М. Щербатов, сокрушаясь о «повреждении нравов в России», обвинял императрицу в том, что она «упоена безразмыслительным чтением новых писателей, закон христианский (хотя довольно набожной быть притворяется) ни за что почитает. Коль ни скрывает своих мыслей, но они многажды в беседах ее открываются, а деяния и паче доказуют: многие книги Волтеровы, раз-

⁵² Там же, стр. 42. См.: «Литературное наследство», т. 9—10, М., 1933, стр. 220.

⁵³ Волтеровы заблуждения, обнаруженные аббатом Ноннотом. М., 1793.

⁵⁴ См.: С. Бородин. Галлофобия в нашей литературе прошлого века. «Наблюдатель», 1887, № 10, стр. 70—85; № 11, стр. 303—316. — Отдельные сведения можно почерпнуть также в статье Ф. Терновского «Русское вольнодумство при императрице Екатерине II и эпоха реакции» («Труды Киевской духовной академии», 1868, март, стр. 400—464; июль, стр. 109—146).

рушающие закон, по ее повелению были переведены, яко „Кандид“, „Принцесса Вавилонская“ и прочие». ⁵⁵ К началу 1790-х годов от этого показного «вольтеризма» не осталось и следа. (Впрочем, и на протяжении предшествующего десятилетия отношение Екатерины II к ее «учителю» и «другу» было уже далеко не таким восторженным, как прежде). ⁵⁶ Ниспровержение Вольтера становится «государственным делом», политической задачей, не менее «важной» и «необходимой», чем расправа с Радищевым и разгром «мартинистов».

Особой интенсивности борьба с Вольтером достигла в павловское время. В этом отношении новый император явился не только достойным преемником ненавистной ему Екатерины, но даже в какой-то мере «учеником-победителем», придавшим начатому ею в последний период жизни делу по искоренению «фран-

⁵⁵ М. М. Щербатов. Соч., т. 2, СПб., 1898, стр. 243. — Сходным образом думал А. Т. Болотов. В своей «Записочке» 1791 г. (увидевшей свет почти полтора столетия спустя) по поводу выхода в русском переводе «Принцессы Вавилонской» он с необычайной резкостью отзывался о «сей басенке», о ее сочинителе, «бывшем в наш век только известным в свете», и «господине переводчике» (т. е. Ф. А. Полунине), которому этот труд не принес ни малейшей чести». «... Мне очень жаль, — сокрушался он, — что переведена она на наш язык и что трудился в том один из наших россиян. Есть, кажется, довольно и предовольно и не таких вздоров для переводов, и можно бы найти что-нибудь и другое лучшее» («Литературное наследство», т. 9—10, стр. 211). В противоположность «любопытным, разумным и трогательным историйкам» Геллерта, Виланда и других «тому подобных» повесть Вольтера, с его точки зрения, представляла собой сплошное нагромождение «взводов, нескладиц и нелепиц», а истинной целью ее «славного сочинителя» было «ругаться над всем, что есть хорошее в свете, шпынять наизыветливейшим образом над всеми истинами откровенного закона и над всем, что в свете за свято почитается; шпынять над государями, над народами и над всем человеческим родом, низводить оной в равенство и собратство скотов. ополчаться против самого творца и всех известнейших и неоспоримейших исторических истин; подкапывать наподобие татей здание всех наилучших учений в свете, вперять наихитрейшим и коварнейшим образом в умы смертных наивредительнейшие и опаснейшие сумнительствы, развращая злодейски сердца невинные и непорочные, потравляя оные хуже, нежели ядом и отравою губить людей душевно и телесно» (там же, стр. 210). Особую ярость «Принцесса Вавилонская» внушала Болотову еще и потому, что она сеяла «зло» в «самом простом и неученом народе... любящем читать лучше басенки, нежели важные сочинения». Однако он не обольщался и относительно прочих вольтеровских творений, «какие бы они ни были, пиитические ли, исторические ли, философические ли, драматические ли, или иного какого рода», полагая, что они наполнены «таким же ядом и отравою». В этом Болотов существенно расходился даже со Щербатовым, который резко отделил Вольтера — философа и публициста от Вольтера — драматурга и поэта и в педагогическом трактате «О способах преподавания разных наук» (1782—1785) рекомендовал внимательно учащихся «Генриаду» — «достойный бессмертия его труд, все наиболее известные его трагедии и комедии, ряд стихотворений. «Опыт об эпической поэзии» и даже комментарий к Корнелю, Расину и Мольеру (М. М. Щербатов, Соч., т. 2, стр. 480—491); ср.: «Приятное и полезное препровождение времени», 1796, ч. XI, стр. 213.

⁵⁶ См.: Сборник имп. Русского исторического общества, т. 23, СПб., 1878, стр. 106, 110, 112, 113, 436, 438.

цузской заразы» необычайно широкий размах. За четыре с половиной года им было издано более десяти различных указов, так или иначе ограничивавших свободу книгопечатания и книжной торговли, а также поездок за границу, каждый из которых отражался или, во всяком случае, мог отразиться и на судьбе «российского Волтера». ⁵⁷

* * *

Неприязнь Павла к «фернейскому патриарху» нарастала постепенно. В молодости он по совету матери и воспитателей читал его сочинения и присутствовал на вольтеровских спектаклях, ⁵⁸ в его личной библиотеке находились «Oeuvres de M. de Voltaire» (1757), ⁵⁹ еще в 1798 г. на придворной сцене давалась «Альзира» ⁶⁰ и т. п., но в конце концов страх перед «развратными правилами» и «зловредными умствованиями» французских «бунтовщиков» одержал верх, и Вольтер оказался в «черном списке». Показательно, что даже так называемый Совет его величества разрешил к распространению французское издание «Кандида» и вообще счел нецелесообразным «преградить» дальнейший ввоз «сочинений волтеровых» из-за границы, «так как до сего времени соч. синения» Вольтера были ввозимы в Россию в великом множестве экземпляров и находятся во всех книжных магазинах и библиотеках», ⁶¹ но по личному настоянию Павла такое решение все же было принято. ⁶²

Разумеется, дело было не только в Вольтере: 18 апреля 1800 г. последовало запрещение ввозить всякую иностранную литературу, «равно как и музыку», ⁶³ но, по-видимому, Вольтер внушал Павлу особенно сильные опасения. Недаром за несколько дней до смерти, обнаружив на столе у наследника (будущего

⁵⁷ См.: М. В. Клочков. Очерки правительственной деятельности времени Павла I. Пгр., 1917, стр. 175—180. См. также: В. Н. Рогожин. Материалы для русской библиографии XVIII и первой четверти XIX столетий, т. I. Дела Московской цензуры в царствование Павла I, вып. I. СПб., 1902.

⁵⁸ С. А. Порошин. Записки. СПб., 1881, стр. 9, 103, 104, 117, 133, 148, 178, 180, 182, 196, 201, 202, 206, 209, 216, 217, 235, 238, 249, 253, 313, 315, 357, 411, 455, 550; Д. Ф. Кобеко. Цесаревич Павел Петрович. СПб., 1883, стр. 34.

⁵⁹ М. В. Клочков. Очерки правительственной деятельности... стр. 110, 587.

⁶⁰ П. Арапов. Летопись русского театра. СПб., 1861, стр. 136.

⁶¹ См.: Г. К. Репинский. Цензура в России при императоре Павле. 1797—1799. «Русская старина», 1875, ноябрь, стр. 457. См. также: М. В. Клочков. Очерки правительственной деятельности... стр. 176.

⁶² «Русская старина», 1897, декабрь, стр. 82. См. также: П. А. Сади-ков. Несколько материалов для истории мер правительства императора Павла I против проникновения в Россию идей Великой французской революции. «Дела и дни», кн. I, 1920, стр. 391—397.

⁶³ См.: М. В. Клочков. Очерки правительственной деятельности... стр. 176—177,

Александра I) вольтеровскую «Смерть Цезаря» (по другим сведениям, то был «Брут»), он увидел в этом скрытую для себя угрозу и вскоре показал ему в «Истории Петра» главу об убийстве царевича Алексея (согласно второй версии, — петровский указ о предании царевича смерти).⁶⁴

В силу всех этих причин на протяжении 1790-х годов в русской периодической печати не появилось ни одного сколько-нибудь значительного критического опыта о Вольтере или каком-либо из его произведений. Да и вообще непосредственно Вольтеру в этот период был посвящен лишь небольшой этюд в журнале Н. П. Осипова «Что-нибудь от безделья на досуге», журнале, резко выделявшемся на весьма унылом фоне периодических изданий тех лет.⁶⁵

Задача, которую (как и незадолго до того Рахманинов) поставил перед собой автор этюда (между прочим, озаглавленного уже в соответствии с новой, более точной транскрипцией — «Вольтер»), заключалась преимущественно в том, чтобы вновь привлечь внимание к личности «фернейского патриарха», вместе с тем не вызывая «дурных импрессий» в официальных кругах. Сообщая всевозможные сведения о происхождении Вольтера, о его семье, воспитании, о его первых театральных опытах, о «Генриаде» и «Философских письмах», о его занятиях физикой, о Фернее, наконец, о «вольтеровой кончине», он почти везде решительно «снял впечатление» то дополнительными, компрометирующими Вольтера сведениями, то неблагоприятным для французского писателя выводом, то иронической ремаркой. Особенно характерна в этом отношении заключительная страница этюда, где почти каждая фраза его уравновешена суждением автора: «... должно признаться, что Вольтер был человек великой; служил украшением французского языка и могилою добрых нравов; возвысил французской театр, но расстроил человеческое общество; превзошел многих древних писателей и ввел в литературу острые, колкие и замысловатые шутки. Происшедшую во Франции революцию не только предвидел, но сочинениями сво-

⁶⁴ Н. К. Шильдер. Император Павел Первый. СПб., 1901, стр. 479. — Обращались к «Смерти Цезаря» и участники так называемого «смоленского кружка», целью которого было свержение и убийство Павла. В следственных материалах по этому делу указывалось, в частности, что на одном из собраний заговорщиков весной 1798 г. А. М. Каховский и П. С. Дехтярев начали читать вслух «Смерть Цезаря» Вольтера и «злостью свою изъясняли чтением вышеозначенной трагедии»; Каховский же заметил при этом: «Если б этак нашего!». Незадолго до того В. С. Кряжев окончил письмо к Каховскому строкой из той же трагедии (2-я сцена II акта): «Брут, ты спишь, а Рим в оковах» (Tu dors, Brutus, et Rome est dans les fers). См.: Т. Г. Снытко. Новые материалы по истории общественного движения конца XVIII века. «Вопросы истории», 1952, № 9, стр. 114, 117, 118.

⁶⁵ Об этом см.: С. Бородин. Русская журналистика в конце прошлого столетия. «Наблюдатель», 1891, № 3, стр. 61—102.

ими несколько и настроил. Можно его именовать отцом высочайшего человеческого разума и праотцем развращенной философии», и т. п.⁶⁶

Обычно же о Вольтере писали между прочим, словно мимоходом, и дело, как правило, ограничивалось либо вполне невинной цитатой или реминисценцией, либо сравнительно кратким упоминанием, либо веселым анекдотом. Так, Е. Р. Дашкова, призывая соотечественников «возлюбить Россию и русских паче чужестранцев» (а точнее — «взбесившихся» французов), подкрепляла свои слова давним признанием «славного Волтера»: «Мы нация тигров и мартышек»;⁶⁷ несколько цитат из вольтеровских трагедий было предпослано в качестве эпитафий к различным стихотворениям и фрагментам, напечатанным в «Приятном и полезном препровождении времени»;⁶⁸ эпитафией к повести «Любовь, гонимая клеветою», опубликованной в журнале «Иппокрена, или Утехи любословия», послужило знаменитое двустишие из 7-й сцены II акта трагедии «Меропа» (впрочем, слегка искаженное);⁶⁹ наконец, к Вольтеру, по всей вероятности, восходила и картина разрушенного землетрясением Лиссабона в стихотворном «Отрывке из письма», помещенном в той же «Иппокрене»:

Природы действием закона
В развалинах отвсюду зрим
Плачевны стены Лиссабона
И смерть, летающую над ним;
Огни свирепые сжигают,
Огромны зданья сокрушают —
Со всех сторон разят людей:
В минуту город истребился
И черным пеплом вдруг покрывлся,
Затмив светила блеск лучей.⁷⁰

Неоднократно имя Вольтера присутствует в журнальных статьях о русском и французском театре, например в очерке, посвященном Лекену, «славному французскому актеру»,⁷¹ и в известной статье П. А. Плавильщикова «Театр». Несмотря на антифранцузскую направленность, статья эта не содержит никаких обличений «фернейского отшельника»; в отдельных случаях Плавиль-

⁶⁶ «Что-нибудь от безделья на досуге», 1798, суббота 8, стр. 119.

⁶⁷ «Новые ежемесячные сочинения», 1792, ч. LXXVIII, декабрь, стр. 4. Ср.: *Voltaire's Correspondence*, vol. LXVII (1962), p. 293. — В том же году в журнале «Чтение для вкуса, разума и чувствования» появился перевод повести Мармонтеля «L'Égeur d'un bon règne», в числе персонажей которой были Военарг и Вольтер (1792, ч. VI, стр. 316—391).

⁶⁸ «Приятное и полезное препровождение времени», 1796, ч. IX, стр. 195; ч. XII, стр. 253; ч. XVIII, стр. 265.

⁶⁹ «Иппокрена, или Утехи любословия», 1800, ч. V, стр. 129.

⁷⁰ Там же, стр. 236.

⁷¹ «Собрание некоторых театральных сочинений», ч. III, 1790, стр. 14, 16, 18. См. также: «Санкт-Петербургский журнал», 1798, ч. IV, декабрь, стр. 225, 227.

щиков даже называет его в качестве «образца». В частности, утверждая, что «для возбуждения чувствования потребно вывести на театр добродетель страждущую», он тем не менее допускал и иное решение, некогда осуществленное Вольтером в «Магомете», где «к концу порок не наказуется. . . , но зритель проклинает, выходя из театра, Магомеда, а рыдает о жребии Зопира и его детей».⁷² Не отвергал он и трагедий без любви («Меропа совсем другим чувствованием подвигнет и каменное сердце к сожалению»)⁷³ и чувствительных комедий вроде «Нанины», хотя и не одобрял борьбу Вольтера (и Сумарокова) со «слезным» жанром.

В столь же нейтральном тоне позднее писал о Вольтере и автор рассуждения «О знаменовании поэта вообще и о достоинстве поэта лирического».⁷⁴ Наконец, два анекдота, дававшие читателям представление о вольтеровской остроумии, были напечатаны в тобольской «Библиотеке ученой, экономической, нравоучительной, исторической и увеселительной».⁷⁵ Вольтера касалась и переводная заметка (заимствованная из «Annales politiques, civiles et littéraires du XVIII siècle» Ленге), в которой содержался ряд сведений о Фернее и о хранившемся там сердце его бывшего «владельца». Сообщая этот факт, автор заметки вместе с тем выражал свои претензии новому хозяину замка, который «унаследовал» и сердце своего предшественника: его отталкивала «философическая пышность», с которой был украшен ковчег, где хранилось сердце (портреты, окружавшие жертвенник, торжественная надпись и т. п.). «Не думаю, чтоб можно было выдумать что-нибудь холоднее сего», — заключал он и тут же предлагал собственный вариант в духе времени: «Мне кажется, что гораздо чувствительнее, благороднее и справедливее было бы, ежели б сердце сие просто окружить печальными эмблемами и на ковчеге вырезать слова: «Quando ullum invenient parum?» или какие-нибудь другие греческие либо латинские, тот же смысл содержащие».⁷⁶

Это противопоставление весьма показательно: пиетет к Вольтеру сочетается здесь с осуждением «господ», неспособных усво-

⁷² «Зритель», 1792, ч. II, август, стр. 265.

⁷³ Там же, ч. III, сентябрь, стр. 26. Об этом см.: А. Д. Оришин. Из истории борьбы за национальный русский театр и драматургию в XVIII веке. «Ученые записки Львовского университета», т. XXIV, вып. 2, 1953, стр. 101—120.

⁷⁴ «Новости», 1799, кн. II, стр. 130—131, 136—137, 143, 147.

⁷⁵ «Библиотека ученая, экономическая, нравоучительная, историческая и увеселительная в пользу и увеселение всякого звания читателей», 1793, ч. I, стр. 234, 237. См. также два анекдота о Вольтере, напечатанные ранее, в журнале «Старина и новизна» (1773, ч. II, стр. 54—55) и в литературном сборнике воспитанников Благородного пансиона при Московском университете «Распускающийся цветок» (М., 1787, стр. 134—135).

⁷⁶ «Приятное и полезное препровождение времени», 1795, ч. V, стр. 143—144.

ить «язык чувства», а Вольтер и его единомышленники соседствуют с Руссо.

Даже в школьной поэтике тех лет — «Опыте риторики» Ивана Рижского — присутствуют оба эти имени, хотя, конечно, преобладает имя Вольтера. Руссо назван у Рижского четыре раза — как автор образцового «высокого письма»⁷⁷ и как писатель, превосходно владевший «ораторическим слогом»,⁷⁸ а также в связи с рассуждением об «отличении» и «восклидании»;⁷⁹ из Вольтера же почерпнуто не менее восьми различных примеров: возглас Оросмана из IV акта «Заиры» приведен как образец «сомнения»,⁸⁰ монолог Пальмиры, в котором она проклинает Магомета (2-я сцена V акта), — как пример «желания»,⁸¹ монолог Идаме (3-я сцена II акта) — «возбуждения страсти»;⁸² один фрагмент «Генриады» иллюстрирует в «Опыте» фигуру «напряжения», другой — «нравственное описание» и т. д.⁸³

Нечто подобное, разумеется, встречалось и в предшествующую эпоху,⁸⁴ но в 1790-е годы соединение имен Вольтера и Руссо приобретает некую устойчивость. Так, среди предметов, украшающих кабинет несомненного поклонника новейшей поэзии, находятся «Вольтер, Руссо, Лафонтен, изображенные в славе своей», причем в этой «тихой, уединенной комнате» читает он Оссиана, А. Радклиф, Делиля, Сен-Ламбера.⁸⁵ Герой стихотворения «Парнас, представленный каковым он казался» рассматривает надписи на венцах обитателей священной горы и обнаруживает

... имена Руссо, Вольтера, Попа,
которых славою наполнена Европа.⁸⁶

Оба имени фигурируют и в колоритной зарисовке 1790 г. — «чистосердечном признании» светского вертопраха: «Я также не забыл украсить кабинета моего всякими бюстами, как-то:

⁷⁷ И. Рижский. Опыт риторики. СПб., 1796, стр. 189—195.

⁷⁸ Там же, стр. 340—342.

⁷⁹ Там же, стр. 52, 53, 60.

⁸⁰ Там же, стр. 58.

⁸¹ Там же, стр. 61—62.

⁸² Там же, стр. 135—137.

⁸³ Там же, стр. 77, 78, 233—235, 53, 198. — Несмотря на то что, за

исключением «Магомета», все использованные Рижским произведения к моменту появления «Опыта» имелись в одном или нескольких русских печатных переводах, он этим ни разу не воспользовался, всюду предлагая собственные — весьма точные, но прозаические. Стихами (очень верно, хотя и с нарушением вольтеровской рифмовки) перевереден лишь монолог Пальмиры. По-видимому, Рижский не доверял точности существовавших переводов, но и не хотел вступать в соревнование с их авторами. Между тем перевод «Магомета» тогда еще издан не был, и он решительно ничем не рисковал.

⁸⁴ Ср.: Ю. М. Лотман. Руссо и русская культура XVIII века. В кн.: Эпоха Просвещения. Л., 1967, стр. 230.

⁸⁵ «Иппокрена, или Утехи любословия», 1799, ч. I, стр. 307, 309—311. — Автор фрагмента — кн. П. И. Шаликов.

⁸⁶ Рукописный отдел ИРЛИ, р. II, оп. 1, № 582, л. 47 об.

г. Руссо, Волтера и пр. Жаль только, что соседям, посещающим иногда кабинет мой, по поводу сих бюстов не могу пересказывать о том, что они писали, ибо хотя и находятся у меня все сочинения их нового издания, но подумай, саго amico, я имею привычку читать тогда только, когда причесываюсь или засыпаю, следовательно, можно ли мне кончить чтение сих великих томов прежде 40 лет».⁸⁷

О том, что в эту пору Вольтер остается в центре внимания, свидетельствует также помещенная в «Иппокрене» сатирическая «картина», в которой приводится модный светский разговор: «...наконец принялись за критику — один хвалил Волтера, другой его хулил; иной чрезмерно превозносил Руссо и весьма выхваливал его сочинение о бесполезности наук, как кажется, потому, что он был последователь такому наставлению; не избежал также тонкой их критики меланхолический певец ночей (т. е. Юнг, — П. З.)».⁸⁸ Но и здесь Вольтер предстает в преромантическом окружении: «славный Руссо», «возвышенный Шекспир», «угрюмый Юнг», «любезная мистрис Радклиф» привлекают теперь умы и сердца с не меньшей, если не с большей силой.⁸⁹

Не случайно (подобно тому как несколькими десятилетиями раньше во Франции) Вольтер в этот период выступает в качестве посредника, способствуя лучшему знакомству русского читателя с творчеством Попа, Драйдена, Аддисона, Отвея и особенно Шекспира. Именно этот аспект его деятельности привлек, между прочим, внимание А. И. Клушина, который в первую же часть издававшегося им (совместно с И. А. Крыловым) журнала «С.<анкт>-Петербургский Меркурий» включил перевод восемнадцатого «Философского письма» — «Sur la tragédie»,⁹⁰ а в следующую — фрагмент двадцать второго, посвященный Александру Попу.⁹¹

Однако Клушин ценил Вольтера и безотносительно к английской литературе: в той же второй части журнала был опубликован этот из вольтеровского «Философского словаря» — «Socrate»,⁹² а в третьей — столь распространенный в русской печати

⁸⁷ «Сатирический вестник», 1790, ч. V, стр. 18—19.

⁸⁸ «Иппокрена, или Утехи любословия», 1799, ч. III, стр. 316. Ср.: «Дело от безделья, или Приятная забава», 1792, ч. I, стр. 56.

⁸⁹ Впрочем, Вольтер и в это время упоминается на старый лад, один, как пример величайшего современного поэта. См. стихотворение И. М. Долгокурова «Глафира» («Иппокрена, или Утехи любословия», 1799, ч. III, стр. 153; воспроизведено: И. М. Долгокуров. Бытие сердца моего. М., 1802, стр. 54; ч. II, М., 1817, стр. 58).

⁹⁰ «С.<анкт>-Петербургский Меркурий», 1793, ч. I, стр. 66—82. Об этом см.: Шекспир и русская культура. М.—Л., 1965, стр. 101; см. там же стр. 52, 97.

⁹¹ «С.<анкт>-Петербургский Меркурий», 1793, ч. II, стр. 69—76.

⁹² Там же, стр. 150—157. — Кроме того, здесь (стр. 181—187) был помещен «Портрет г. Волтера», заимствованный из посмертных сочинений Фри-

XVIII в. небольшой рассказ «Aventure indienne», кстати единственный в 1790-е годы новый перевод вольтеровской художественной прозы.⁹³ Наконец, по случаю представления «к удовольствию знатной особы» при дворе (или на одной из частных сцен) трагедии «Заира» «С.<анкт>-Петербургский Меркурий» поместил несколько стихотворений,⁹⁴ в которых восхвалялись титулованные исполнительницы обеих женских ролей, а также и автор, «некогда венчанный», с его «чувствительным духом»: высокая чувствительность «Заиры», естественно, оказывалась в это время весьма привлекательной.⁹⁵

Об этом свидетельствует и обращение к этой трагедии (еще в 1783 г.) молодого Ю. А. Нелединского-Мелецкого,⁹⁶ и перевод Г. А. Хованским в начале 1790-х годов одной из центральных ее сцен. В отличие от Нелединского-Мелецкого, предполагавшего осуществить перевод всей трагедии в целом, но вскоре по неизвестным причинам оставившего свой замысел, Хованский перевел лишь сравнительно небольшой фрагмент — отчасти навеянную

дриха II. Портрет относился к 1756 г., т. е. к периоду полного разрыва Вольтера с «Саломоном Севера», и был выдержан в оскорбительных для французского писателя тонах. Не отказывая Вольтеру в «особенных дарованиях», «просвещенном разуме» и прочих достоинствах, Фридрих инкриминировал ему безнравственность, цинизм, корыстность, властолюбие и даже отсутствие «творческого духа». В России подобная точка зрения к началу 1790-х годов сделалась почти официальной, и, предлагая ее читателям, Клушин демонстрировал свою благонамеренность, что было небезопасно и ввиду слишком частого упоминания на страницах его журнала имени Вольтера. Однако видеть в этом лишь хитроумный маневр осторожного издателя невозможно: несомненный интерес Клушина к творчеству «фернейского патриарха» вовсе не означал его безоговорочного приятия.

⁹³ «С.<анкт>-Петербургский Меркурий», 1793, ч. III, стр. 217—224. — Три других перевода из Вольтера-прозаика, напечатанные в журнале «Прохладные часы, или Аптека, врачующая от уныния», — «Путешествие жителя звезды Сирии в планету Сатурна. Повесть философская», т. е. «Микромегас» (1793, март, стр. 229—236; апрель, стр. 241—248, 257—291), «Мемнон, желающий быть совершенно разумным» (апрель, стр. 296—310), а также «О славе. Разговор с китайцем» (июль, стр. 71—77) — представляют собой почти не выправленную перепечатку из «Ежемесячных сочинений» 1756 г. (см.: Эпоха Просвещения, стр. 123—127).

⁹⁴ «С.<анкт>-Петербургский Меркурий», 1793, ч. IV, стр. 38—41.

⁹⁵ Ср. стихотворение с типичным для конца века названием «Любезное уединение», в котором среди «улад» сельских жителей наряду с «концертом прелестным» названо чтение этой трагедии Вольтера («мысль „Заирой“ восхищает»), а также «Послание А. И. Толбугину» И. И. Дмитриева (1795—1800), впервые опубликованное в «Русском архиве» (1863, № 12, стлб. 894). Кроме того, см.: «Приятное и полезное препровождение времени», 1795, ч. VII, стр. 393.

⁹⁶ Хроника недавней старины. Из архива кн. Оболенского-Нелединского-Мелецкого. СПб., 1876, стр. 25. — См. здесь же французское письмо Нелединского-Мелецкого к Д. И. Головиной и М. А. Кошелевой, где он — ради комического эффекта — уподобляет себя и других участников несостоявшегося любовного приключения основным персонажам «Заиры» (стр. 24). Цитату из «Стансов к г-же дю Шатле» (1741) см. в его письме от 16 апреля 1806 г. (стр. 69).

шекспировским «Отелло» сцену ревности со знаменитой репликой «Вы плачете, Заира?» (в переводе Хованского: «Что вижу! плачешь ты? Заира, ты рыдаешь?»). Несомненно, эпизод этот больше других отвечал его стремлению заставить «в трагедии россиян слезы лить»⁹⁷ и вообще склонности к чувствительным сюжетам (кстати, она довольно отчетливо проявилась и в оригинальных его стихотворениях, соседствовавших с этим переводом: «Уединение», «Элегия на весну», «Ручеек, элегическое рондо», «Плач на гробе милого на берегу моря», «Романс пастушки», «Романс пустытника» и т. п.),⁹⁸ а также потребностям читателей и вкусам критиков тех лет.

Недаром даже столь ожесточенный противник Вольтера, как Н. Е. Струйский (третьестепенный поэт конца века), для «Заиры» делал исключение и в своем «Письме о российском театре нынешнего состояния» недоуменно восклицал: «В подобном существе открылася „Заира“».⁹⁹ Но вольтеровский театр в целом заставлял его содрогаться от ужаса: в нем таилась «страшная опасность» для «российского народа». Струйский ратовал за театр «благонамеренный», «нравственный», «спокойный», его идеалом был «северный Расин» и одновременно «Корнель наш» — Сумароков, и он с тоской и сожалением вспоминал о тех счастливых временах, когда на отечественной сцене царил этот «великий писатель» (и лучший, в его понимании, исполнитель сумароковских трагедий — И. А. Дмитриевский, к которому и было обращено «Письмо»):

Театр ли росский, ах, творца того забудет,
Которой славою в вселенной всей гремел
И кто препятствия к Парнасу одолел. . .

Собой здесь кто явил свой труд нелицемерный
И был отечеству, как и монархам, верный?
Кто истинную честь лишь в том одном считал;
Дражайший в музах был и бога почитал?¹⁰⁰

⁹⁷ Слова из «Послания к Ю. А. Нелединскому-Мелецкому», который перевел в совершенстве три действия трагедии «Заиры», 20 лет тому назад, содержавшего призыв «явить „Заиру“ в свет» (Г. А. Хованский. Мое праздное время. СПб., 1793, стр. 33; перепечатано в его сборнике: Жертва музам. М., 1795, стр. 83). Перевод Нелединского-Мелецкого частично (I акт) был напечатан в 1812 г. в «Трудах Общества любителей российской словесности» (ч. III, кн. 6, стр. 3—19); два других действия остались в рукописи. Ср.: «Дамский журнал», 1829, ч. XXV, № 11, стр. 170.

⁹⁸ Кроме того, в сборниках Хованского был помещен перевод монолога Лизы из вольтеровского «Блудного сына» (1-я сцена II акта), впрочем имевшего вне контекста вид скорее моралистического рассуждения в стихах, нежели комедийного эпизода.

⁹⁹ Н. Е. Струйский. Письмо о российском театре нынешнего состояния. Рузаевка, 1794, стр. 8.

¹⁰⁰ Там же, стр. 9. — О Струйском см.: А. В. Арсеньев. Старые бывальщины. СПб., 1892, стр. 177—200; «Столица и усадьба», 1915, № 38—39, стр. 3—4.

Теперь же (т. е. на рубеже 1780—90-х годов) театр делался жертвой «питов дерзновенных» (и «прилепленных» к ним актеров), осмеливающихся посягать «на веру и закон». Струйский имел здесь в виду Княжнина и его «прегнутого „Вадима“», которого «судьбы низринули на век», но обвинял он при этом и того, кто дал «сему безумию и дерзости пример», иначе говоря — Вольтера, который хоть и полон был сомнений и «то к храму прибегал, то жертвенник корил», но все же «из уст лишь яд свой лил» и — пусть иногда невольно — «воздымал бунт», а в конечном счете «претворил» Францию «во пепел». ¹⁰¹

Не прошел Струйский и мимо того знаменательного факта, что в 1790 г. в Париже с огромным успехом был представлен вольтеровский «Брут»: ¹⁰²

Везде вмечтался в очах Аронс и Брут!
Сугубого во зле творца сладчайший труд,
И в те часы, когда злодеи составляли
Владыку своего казнить и умерщвляли,
Театр подобное ж там действие имел:
Народ весь злобою к монархам воскипел! ¹⁰³

Однако основное «преступление» Вольтера, по мысли его русского антагониста, состояло в нападках на веру, в борьбе с церковью, причем вольтеровский деизм он воспринимал как разновидность атеизма («А в атеисте что, в действе то ж найду»). ¹⁰⁴ Все

¹⁰¹ Враждебное отношение Струйского к Вольтеру сложилось главным образом под влиянием революционных событий во Франции: ранее сам он перевел тираноборческий монолог Брута из 3-й сцены III действия трагедии «Смерть Цезаря» (Сочинения Николая Струйского, ч. I. СПб., 1790, стр. 219) и писал о Вольтере в весьма почительных тонах (там же, стр. 314, 325—326), а в «Стихах на четыре эстампа» причислил его к тем французским писателям, усилиями которых «невежество... с тиранством потряслись»:

Вольтера ль описать, нет тщетно предприемлю;
Я глас божественный его повсюду внемлю.

(Там же, стр. 345).

Именно от этих своих «крамольных» утверждений он и отказывался, по видимому, ссылаясь на «тлетворный дух времени», в «Письме»:

Его божественным и сам я чтил язык,
Доколе всей его я тайны не проник,
Доколе всей его не искусил отравы:
Ах, мнил так каждый в нас, его деянь правы,
Его глагол высок...»

(Письмо о российском театре, стр. 8).

¹⁰² Об этом см.: К. N. McKeen. Voltaire's «Brutus» during the French revolution. «Modern Language Notes», 1944, vol. LVI, № 2, pp. 100—106. См. также: С. Etienne et A. Martainville. Histoire du théâtre français depuis le commencement de la révolution jusqu'à la réunion générale, t. I. Paris, 1802, pp. 194—198.

¹⁰³ Письмо о российском театре, стр. 7.

¹⁰⁴ Там же, стр. 16. — Любопытно, что в этой связи Струйский включил в текст «Письма» (стр. 8) почти дословный пересказ одного из критических

отрицая и всему смеясь, Вольтер «сам богом быть хотел, умом вселенной править и идола себе безверия поставить», он возмечтал «бег солнца прервать, царям устав подати».¹⁰⁵ Словом, «Арует» был для Струйского чуть ли не главным источником всяческого зла, и хотя собственных Вольтеров он опасался не меньше, все же французский поэт время от времени заслонял в его сознании «зловещного» автора «Вадима»: слишком уж грандиозна была его фигура, слишком уж много имелось у него в России почитателей, слишком уж очевиден и «страшен» был конечный результат его трудов.

Таким образом, наряду с вольтеровской повестью, представлявшей наибольшую «опасность» ввиду ее относительно широкого распространения в народе, война была объявлена и трагедии, которая оказывала «пагубное» воздействие если и в более скромных масштабах, то с неменьшей — благодаря «наглядности» — силой. И хотя Струйский и ему подобные шли иногда на уступки, а в отдельных случаях им преграждала путь «высочайшая воля», на протяжении 1790-х годов ни одна трагедия Вольтера не была переведена заново. Между тем в силу разных причин несколько возрастает интерес к вольтеровской поэзии, в особенности к поэзии легкой — сказочкам, дружеским посланиям, лирическим стансам, мадригалам.

Едва ли не первый эту сторону поэтического творчества Вольтера отметил Михаил Никитич Муравьев, один из зачинателей русского преромантизма и родоначальник русского «легкого стихотворства».¹⁰⁶ «Легоньким творениям» французского поэта он посвятил содержательные строки в программном «Послании к А. М. Брянчанинову» (1783); к ним он возвращался и в дальнейшем, в «Эмилиевых письмах» (самое начало 1790-х годов). При этом Муравьев никогда не был склонен противопоставлять одну грань вольтеровского таланта другой, в течение всей жизни восхищаясь удивительной способностью «фернейского старца» «являть истину во идеянье разном». (Сознательно игнорировал он лишь прозу, совершенно чуждую ему по духу и художественной манере).

Так, в пору ученичества (70-е годы) он пытается понять, в чем состоит заслуга Вольтера в преобразовании французского театра (и отвечает на этот вопрос довольно точно: «Г. Волтер, соединяя все три рода своих предшественников, попеременно и

замечаний Сумарокова, адресованных им Вольтеру в «Мнении во сновидении о французских трагедиях» (см.: Эпоха Просвещения, стр. 138—139).

¹⁰⁵ Письмо о российском театре, стр. 17.

¹⁰⁶ См.: Г. А. Гуковский. Очерки по истории русской литературы и общественной мысли XVIII века, стр. 235—314; Л. И. Кулакова. М. Н. Муравьев. «Ученые записки Ленинградского государственного университета», сер. филол. наук, вып. 4, 1939, стр. 4—42; А. Н. Бруханский. М. Н. Муравьев и «легкое стихотворство». В кн.: XVIII век. Сб. 4. М.—Л., 1959, стр. 157—171.

часто в то же и одно время величествен, нежели и ужасен, обогатил еще явление наше поражающими встречностями театральными и великолепными зрелищами афинян. Сим-то сделался он в состоянии колебать души сильнейшими и более умноженными потрясениями. Он-то есть без прекословия тот, которой удачнее переодел Мелпомену нашу в истинный вкус древнего. „Едип“, „Меропа“ и „Семирамида“ суть одного бессмертные свидетели);¹⁰⁷ он извлекает «нравоучение писателя» из «Альзиры», «Олимпии», ряда комедий, а также «Генриады»;¹⁰⁸ под впечатлением от «Аделаиды Дюгеклен» задумывает он и собственный опыт в трагедийном жанре на сюжет из польской истории, опыт, так никогда не завершенный.¹⁰⁹ Позднее он с сочувствием говорит о «Генриаде», хотя и ставит ее ниже поэм Гомера;¹¹⁰ в обоих же главных его прозаических сочинениях («Обитатель предместья» и «Эмилиевы письма») неоднократно называются «Танкред», «Заира», «Магомет», «Альзира» и «Меропа», в которой, по словам Муравьева, «сияет простота греческого вкуса со всем богатством выражения».¹¹¹

Даже в «Послании о легком стихотворении» Муравьев с наибольшим сочувствием отзывается о таких произведениях французского поэта, как «Генриада» и «Китайский сирота». И хотя Вольтер, с его точки зрения, сочетал в себе просвещенный ум, утонченную светскость и несравненный поэтический дар, иными словами все, чего требует сочинение «общественных стихов» (*vers de société*), и потому без особого труда оказался «неподражателен» в этом жанре, не они (или во всяком случае не только они) обеспечили ему европейскую славу и предсмертный парижский триумф.¹¹²

Годы, отделяющие заключенное в этом послании «блестящее изображение Вольтера» (как отметил впоследствии К. Н. Батюшков)¹¹³ от «Эмилиевых писем», почти не изменили позицию Муравьева. Для него Вольтер по-прежнему прежде всего драматург, «удививший ожидание общества великими творениями, которые поставили его подле Корнеля и Расина»,¹¹⁴ и, конечно, певец Генриха IV, но вместе с тем автор замечательных «убегающих стихотворений» (так переводит он термин «*pièces fugitives*») — дружеских

¹⁰⁷ ГПБ, ф. 499 (М. Н. Муравьев), № 30, л. 78 (см. также л. 80).

¹⁰⁸ Там же, л. 143.

¹⁰⁹ В сохранившемся неполном списке книг личной библиотеки М. Н. Муравьева значится также вольтеровский «Век Людовика XIV» (там же, № 8, л. 2 об.).

¹¹⁰ М. Н. Муравьев, Полн. собр. соч., ч. III, СПб., 1820, стр. 141.

¹¹¹ Там же, ч. I, СПб., 1819, стр. 104, 153, 154, 196, 197. Ср.: Б. Г. Рензов. У истоков романтической эстетики. Античность и романтизм. «Известия отделения литературы и языка АН СССР», 1967, т. XXVI, вып. 4, стр. 312, 317.

¹¹² М. Н. Муравьев. Стихотворения. Л., 1967, стр. 220—221.

¹¹³ М. Н. Муравьев, Полн. собр. соч., ч. I, стр. XXVII—XXVIII.

¹¹⁴ Там же, стр. 192.

посланий, иронических сказочек и эпиграмм, ставших «образцом и отчаянием последователей». Не случайно в текст «Эмилиевых писем» Муравьев включил в собственном переводе подпись к портрету Вольтера, принадлежавшую Дора, в которой фигурировали именно эти аспекты вольтеровского творчества — «Генриада», театр, легкая поэзия:

Он в отрочестве был угодником Ниноне,
К Виргилью в двадцать лет в сообщество спешил,
Во зрелом мужестве Софоклов путь свершил,
У старца бог любви покоился на лоне.¹¹⁵

Неизменное внимание Муравьева к легкой поэзии «фернейского отшельника» не получило, однако, реализации в его творческой практике: в молодости он собирался «преложить» (по всей вероятности, частично) «Генриаду» и «Брута», начал переводить «Заиру» и «Меропу», причем в последнем случае добился некоторых успехов (два десятка строк),¹¹⁶ наконец, в 1773 г. перевел полностью (и весьма удачно) «Оду на восшествие на престол Фридриха II», но о его попытках воплотить на русском языке какое-либо из «убегающих» стихотворений французского поэта ничего не известно.

Подобных опытов и вообще было тогда немного. Среди них — выполненный одним из ближайших друзей Муравьева В. В. Ханьковым перевод сказочки «Папская туфля» (до нас не дошедший).¹¹⁷ Среди них — перевод другой вольтеровской сказочки «Телема и Макар», сделанный Н. П. Николевым, перевод хотя и вольный, но все же с достаточной полнотой передававший содержание этой (как назвал ее сам Николев) «аллегорической басни» и в какой-то степени — игривость ее тона, богатство и прозрачность языка, подвижность и легкость ее стихотворного размера.¹¹⁸ Среди них довольно удачный перевод мадригала г-же

¹¹⁵ М. Н. Муравьев, Полн. собр. соч., ч. I, стр. 192 (ср.: Эпоха Просвещения, стр. 196—197).

¹¹⁶ ГПБ, ф. 499, № 48, лл. 38, 48, 60, 78; № 30, л. 62; № 53, л. 11. — В переводе «Меропы» имеется несколько реминисценций из незадолго до того вышедшего «преложения» этой трагедии, сделанного В. Майковым. Фрагмент перевода Муравьева был дважды включен им в текст его сочинений (Полн. собр. соч., ч. I, стр. 153; Стихотворения, стр. 134).

¹¹⁷ См.: М. Н. Муравьев. Стихотворения, стр. 350. — Неподтвержденное сообщение о переводе С. Г. Домашневым сказочки «Ce qui plaît aux dames» имеется у Леклерка (N. Leclercq. Histoire physique, morale, civile et politique de la Russie moderne, t. I. Paris, 1783, p. 93).

¹¹⁸ Кроме того, Николев перевел шестую строфу «Стансов к г-же дю Шатле» (Творения Н. П. Николева, ч. V. М., 1798, стр. 70). На зависимость трагедии Николева «Сорена и Замир» от «Альзиры» и «Магомета» указывалась особо (А. Кадлубовский. «Сорена и Замир» Николева и трагедии Вольтера. «Известия ОРЯС», 1907, т. XII, кн. 1, стр. 185—204). Что же касается неоднократных упоминаний Вольтера в его сочинениях, то они имеют почтительный характер, когда речь идет о Вольтере-поэте (Творения, ч. III. М., 1796, стр. 134, 162), и обличительный, когда имеется в виду

дю Шатле (*Tout est égal, et la nature sage. . .*), которым начал свою «славную» деятельность Д. И. Хвостов,¹¹⁹ и перевод «Стансов к г-же дю Шатле», принадлежавший Хераскову, который, впрочем, придал этому стихотворению не свойственную ему в такой мере чувствительность и песенное звучание.¹²⁰

Однако наибольший интерес, несомненно, представляет перевод знаменитого мадригала принцессе Ульрике (сестре Фридриха II, впоследствии шведской королеве) — «*Souvent un peu de vérité*» (1743). На протяжении нескольких лет его перевели на русский язык два поэта — П. П. Сумароков (1790)¹²¹ и Г. А. Хованский (1793). По-видимому, к концу десятилетия относится также перевод Ю. А. Нелединского-Мелецкого, напечатанный много лет спустя:

Нередко правды вид самой
Бывает смешен с грубой лжею.
Предавшись в прошлу ночь Морфею,
На трон я был взведен мечтой.

Вольтер — политический мыслитель и философ. В подтверждение приведем фрагмент «Послания к П. И. Панину», где фигурирует

... Вольтер
Свободы ложныя и злой тщеты пример,
С глаголом божиим смешавший слог безбожной,
Бессмертной муж пером, а верою ничтожной.

(Творения, ч. IV, стр. 109).

В связи с раздумьями об «истинной» и «ложной» свободе осуждаются также в антифилософской поэме «Сон, виденный Могольцом в 1788 году»,

Махиавели лицемеры. . .
Спинозы и Вольтеры
И их систем рабы,
В их дующи трубы.

(Творения, ч. IV, стр. 57).

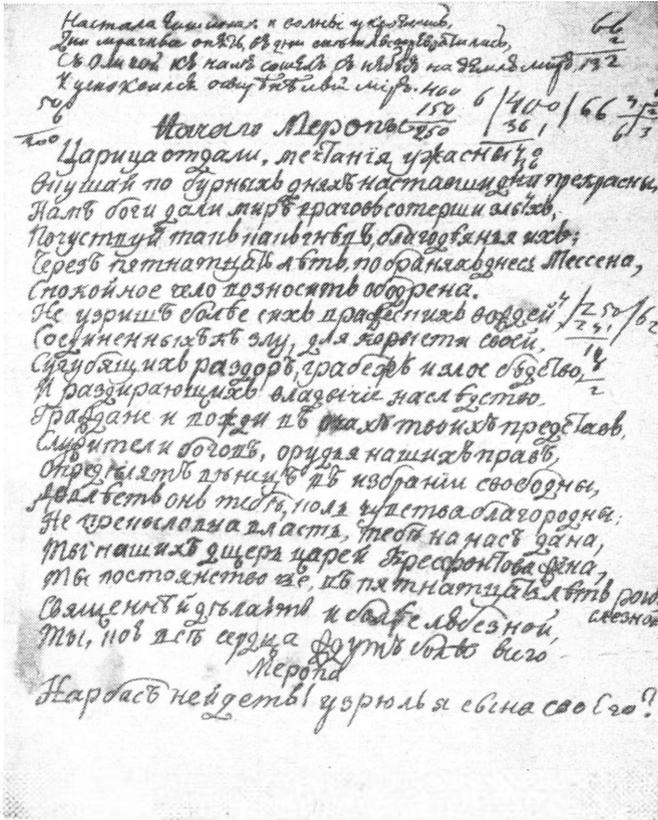
¹¹⁹ Впервые напечатано: Разные стихотворения графа Хвостова, сочиненные после Полного собрания, т. V. СПб., 1827, стр. 261, 299. — Там же (стр. 52—55) под заглавием «Пиндарическая галиматия» был помещен весьма неуклюжий перевод вольтеровской «*Ode sur le carrousel de l'Impératrice de Russie*» (первоначальное название «*Galimatias pindarique de Catherine Vadé, cousine de Guillaume Vadé, sur le Carrousel de l'Impératrice de Russie*»), ранее опубликованный в журнале «Друг просвещения» (1806, ч. III, № 8, стр. 93—95), одним из издателей которого являлся Хвостов. Как сообщает он сам, перевод этот датируется 1786 г. Несколько упоминаний Вольтера см.: Полн. собр. стихотворений графа Хвостова, ч. II. СПб., 1821, стр. 57, 108.

¹²⁰ Творения М. Хераскова, вновь исправленные и дополненные, ч. VII, стр. 396—397.

¹²¹ Кроме того, П. Сумарокову принадлежит навеянное вольтеровским «*Jean qui pleure et Jean qui rit*» большое, полное злободневнейших намеков стихотворение «Плач и смех» (1788), рукопись которого хранится в Пушкинском доме (ф. 265, оп. 2, № 2770). В сильно сокращенной редакции оно было помещено на страницах «Приятного и полезного препровождения времени» (1795, ч. VII, стр. 29—31), а затем в «Собрании некоторых подражаний и переводов Пан(кратия) Сум(арокова)» (М., 1799, ч. I, стр. 153—155). В связи с Вольтером см. также ч. II (М., 1808, стр. 6).

Любил тебя тогда и смело в том открылся:
Прснувшись, не все зрел отнято судьбой...
Престола только я лишился.¹²²

Это почти одновременное обращение трех переводчиков к одному французскому стихотворению не означало поэтического со-

«Меропя» Вольтера. Фрагмент в переводе М. Н. Муравьева.
Автограф. Государственная Публичная библиотека
им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

стяжания в точном смысле слова, но элемент состязания здесь, несомненно, был. Если перевод Сумарокова, напечатанный в тобольском журнале,¹²³ вполне мог остаться вне поля зрения столичного

¹²² Материалы для словаря русских писателей, собираемые С. Полтораки-
ким, т. I, тетр. 1 (Русские переводчики Вольтера). М., 1858, стр. 9.

¹²³ «Иртыш, превращающийся в Иппокрену», 1790, апрель, стр. 58.—
В этом журнале был помещен ряд переводов из Вольтера; помимо опытов
И. Бахтина (см.: Эпоха Просвещения, стр. 175; В. Г. Утков, Книги и

литератора, то опыт Хованского, опубликованный дважды — в Петербурге и Москве,¹²⁴ Нелединский-Мелецкий, конечно, знал и, возможно, именно в противоположность ему попытался с максимальной добросовестностью передать причудливый ритмический рисунок мадригала, которым Хованский (как и Сумароков) пренебрег. Отсутствовало у Хованского (а также Сумарокова) и другое важное достоинство перевода Нелединского-Мелецкого — эквилинеарность: он состоит из семи стихотворных строк (у Хованского их восемь, у Сумарокова — шесть). Только Нелединскому-Мелецкому оказалось по силам воспроизвести и своеобразное чередование рифм оригинала (abbacac), в переводе Хованского упрощенное (у Сумарокова оно исчезло совершенно). В большей мере, чем обоим его предшественникам, присуща Нелединскому-Мелецкому и чистота поэтического языка. Тем не менее перевод этот особой известности не получил: распространялся он в списках, в очень узком кругу. Событием в истории «русского Вольтера» этих лет явился другой перевод, принадлежавший перу крупнейшего писателя эпохи — Н. М. Карамзина.

* * *

По всей вероятности, Вольтер вошел в сознание Карамзина еще в ранней юности. Трудно допустить, что каких-либо его сочинений не было среди книг родительской библиотеки (впрочем, довольно скудной, если отождествлять ее с тем «желтым шкапом», о котором он писал, предаваясь «воспоминаниям молодости», в «Рыцаре нашего времени»).¹²⁵ Тем более невозможно представить себе, что

судьбы. Очерки. М., 1967, стр. 14), здесь появились фрагмент «Основ философии Ньютона» (1789, сентябрь, стр. 34—48), «Песнь Иоанна Плокофа» (1790, июнь, стр. 58—64) и «Речь архиепископа Николая Харистенского» (1790, июль, стр. 51—58).

¹²⁴ Г. А. Хованский. Мое праздное время, стр. 48 (перепечатано: Жертва музам, стр. 57). — В обоих сборниках напечатан и ответ Фридриха II Вольтеру. Кроме того, во втором из указанных сборников под названием «К богу» был опубликован перевод заключительной части («Rigete») поэмы «Естественный закон», одного из самых замечательных манифестов вольтеровского деизма (см.: Эпоха Просвещения, стр. 206; в приводимом здесь перечне этот перевод, кстати озаглавленный иначе — «Исповедь Волтера перед смертью», ошибочно отнесен к числу неизданных). Несколько распространив и сгладив первую строку оригинала и усилив «покаянный» характер двух следующих, Хованский «улучшил» фрагмент и потому мог безобязательно открыть им свой сборник (стр. 5). Сходным образом ранее поступил Г. Р. Державин, несколько смягчивший звучание первого стиха и уничтоживший оттенок сомнения в трех последних. Перевод его, между прочим насчитывающий шестнадцать строк вместо восьми у Вольтера, был сделан около 1776 г., но впервые увидел свет лишь в 1866 г. (Сочинения Державина, т. III. СПб., 1866, стр. 467). Об этом см.: История русской поэзии, т. I. Л., 1968, стр. 158 (автор раздела Н. Д. Кочеткова).

¹²⁵ Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. Материалы для биографии, с примечаниями и объяснениями М. Погодина, ч. I. М., 1866, стр. 7.

творениям «фернейского отшельника», по крайней мере таким, как «Генриада», «Эдип» или «Заира», вовсе не уделялось внимания и места (пусть лишь при обучении французскому языку) в московском пансионе Шадена, где Карамзин пробыл с 1779 по 1783 г.¹²⁶ Вскоре же после выхода в отставку (1784) и возвращения в Симбирск у него, по свидетельству И. И. Дмитриева, возникает мысль перевести вольтеровскую повесть «Белый бык».¹²⁷ Правда, свидетельство это весьма недостоверно: сделанное много лет спустя, оно едва ли сколько-нибудь точно воссоздает разговор Дмитриева с Карамзиным. В противном случае остается загадкой, почему Карамзин, владевший и немецким, и французским, собирався переводить из Вольтера с немецкого перевода. Возможно, он имел в виду так называемую вторую часть «Кандида», вышедшую в 1773 г. под названием «Die beste Welt» (и переведенную на русский язык Иваном Гурьевым в 1779 г.). Лишь тогда приобретает смысл и ответное восклицание Дмитриева: «Как! Эту дрянь, и еще не Вольтеру, подложную!».

Однако самое упоминание в этой беседе Вольтера вполне правдоподобно. К тому же вскоре это имя появилось в одном из писем Карамзина к его наставнику и другу А. А. Петрову из Симбирска в Москву. О содержании письма, до нас не дошедшего, можно судить по изложению Петрова, заметившего в ответном письме от 11 июня 1785 г.: «Ты пишешь о переводах, о собственных сочинениях, о Шекспире, о трагических характерах, о несправедливой вольтеровой критике».¹²⁸

Речь шла о знаменитой антишекспировской кампании, которую Вольтер, некогда сам обративший внимание соотечественников на творчество великого английского драматурга, начал в последние годы жизни, всячески пытаясь ослабить его воздействие на умы и сердца. Поводом для выступления явился выход в свет во французском переводе первых томов сочинений Шекспира (так называемое издание Летуэрнера),¹²⁹ но Вольтер, как известно, относился к нему с большой настороженностью и раньше. Даже в «Философских письмах» (1734), по существу открывших читающей Франции «британского Софокла», его гениальность признавалась и принималась со множеством существенных оговорок: «Он создал театр, он был наделен и плодотворным поэтическим даром, естественным и одновременно возвышенным, но без малейшего проблеска хорошего вкуса и какого бы то ни было знания правил». Многие годы Вольтер оставался на этих умеренных позициях, хотя и наблюдал с волнением распространение новых эстетических идей, угрожавших освященному вековой традицией «правильному» искусству, и лишь незадолго до смерти, окончательно

¹²⁶ Н. М. Карамзин по его сочинениям, ... Ч. 1. М., 1866, стр. 16—18.

¹²⁷ И. И. Дмитриев, Соч., т. II, СПб., 1893, стр. 25.

¹²⁸ «Русский архив», 1863, № 5—6, стлб. 480.

¹²⁹ См.: M.-G. Cushing. Pierre Le Tournour. New York, 1908, ch. V.

отбросив «приличия», объявил войну английскому поэту — теперь уже почти врагу — и его многочисленным приверженцам во Франции и за ее пределами.¹³⁰ Именно тогда возникли оба его послания Французской академии (1776, 1778), в которых он защищал свою страну от тех, кто хотел бы принести ее в жертву англичанам, и посылал неистовые проклятия Жиллю-Шекспиру, «столь дикому, низменному, разнузданному и нелепому».

Знакомство Карамзина с этой деятельностью «фернейского патриарха», — весьма шумевшей, хотя и не прибавившей ничего к его славе, — могло состояться в силу разных причин, но скорее всего в связи с его намерением переводить Шекспира. Первоначально его замысел был необычайно обширен — чуть ли не весь Шекспир (что дало А. А. Петрову повод для иронической ремарки),¹³¹ но в конце концов, видимо не без влияния новых друзей — участников новиковского кружка — и в еще большей степени жившего тогда в Москве Якоба Ленца, Карамзин остановил свой выбор на трагедии «Юлий Цезарь».¹³²

Разумеется, он не мог не знать, что в свое время Вольтер использовал ее как материал для собственной трагедии («La mort de César») на тот же сюжет, а позднее перевел три первых ее акта. Однако вполне вероятное знакомство русского писателя с обоими вольтеровскими опытами в его переводе отражения не получило. Между тем «несправедливая вольтерова критика» была им осмыслена и приведена в предисловии к русскому изданию шекспировской трагедии — замечательном раннем манифесте русского преромантизма. При этом Карамзин не цитировал какой-либо определенный фрагмент из Вольтера, но излагал его точку зрения на Шекспира вообще, как бы суммируя высказывания разных лет: «Шекспир писал без правил; творения его суть и трагедии и комедии вместе, или траги-коми-лирико-пастушьи фарсы без плана, без связи в сценах, без единств; неприятная смесь высокого и низкого, трогательного и смешного, истинной и ложной остроты, забавного и бессмысленного; они исполнены таких мыслей, которые достойны мудреца, и притом такого вздора, которой только шута достоин; они исполнены таких картин, которые принесли бы честь самому Гомеру, и таких каррикатур, которых бы и сам Скаррон устыдился».¹³³

Опровергать «мнения сии» каждое в отдельности и доказывать, что Шекспир был не «весьма средственный автор, исполненный многих и великих недостатков», а гениальный драматург,

¹³⁰ Об этом см.: J.-J. Jusserand. *Shakespeare en France sous l'ancien régime*. Paris, 1898, pp. 195—214, 285—317; F. Baldensperger. *Esquisse d'une histoire de Shakespeare en France*. In: *Etudes d'histoire littéraire*, 2me série. Paris, 1910, pp. 161—165, 172—176.

¹³¹ «Русский архив», 1863, № 5—6, стлб. 478.

¹³² См.: Шекспир и русская культура, стр. 72—75.

¹³³ Юлий Цезарь, трагедия Виллиама Шекспира. М., 1787, стр. 4—5.

Карамзин считал излишним, но по существу все предисловие в целом являлось его полемическим ответом Вольтеру. Представляя русскому читателю Шекспира, гений которого, «подобно гению природы, обнимал взором своим и солнце и атомы», Карамзин демонстрировал и несостоятельность вольтеровских суждений. Упрекал же он французского поэта только в одном — в неблагодарности: «Вольтер лучшими местами в трагедиях своих обязан Шекспиру, но, не взирая на сие, сравнивал его с шутом и поставлял ниже Скаррона».¹³⁴ И все же от «оскорбительного следствия» (т. е. вывода) Карамзин «удерживался», ибо «человека сего нет уже в мире нашем».¹³⁵

Вообще русский писатель всячески старался подчеркнуть, что полемика с Вольтером утратила смысл ввиду крайней архаичности его воззрений. Отсюда и фраза: «Излишним почитаю теперь опровергать пространно мнения сии, уменьшение славы шекспировой в предмете имевшие»,¹³⁶ словно «теперь» решительно все переменялось и Шекспир получил наконец всеобщее признание. Однако и через пять и через десять лет вопрос этот продолжал сохраняться для Карамзина свою остроту, и он еще дважды возвращался к нему в «Письмах русского путешественника», в швейцарском, а затем парижском эпизодах.

Правда, с течением времени вопрос переместился в несколько иную плоскость. Карамзин уже не защищал Шекспира от нападок его французского антагониста, постепенно становившихся достоянием истории, но стремился разрешить дилемму: Шекспир или Вольтер, которая по мере усиления преромантических веяний приобретала все большую злободневность. Противопоставление это имело и более глубокий, более общий смысл: речь шла о реформе, о возможном обновлении европейского искусства, прежде всего театра.

Карамзин выступает в поддержку этого обновления, иными словами, — он на стороне Шекспира, в котором видит «гения природы». Однако преклонение перед великим английским драматургом не заслоняет от него «священные тени Корнелей, Расинов и Вольтеров». «Славнейший» из писателей XVIII в., Вольтер особенно восхищает Карамзина своей филантропической деятельностью («Имя Вольтерова твердят все жители Фернея»)¹³⁷ и неустанным распространением «сей взаимной терпимости в верах, которая сделалась характером наших времен».¹³⁸

¹³⁴ Юлий Цезарь, трагедия Виллиама Шекспира. М., 1787, стр. 5.

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ Там же.

¹³⁷ Н. М. Карамзин. Избранные сочинения. М.—Л., 1964, т. I, стр. 290.

¹³⁸ Там же, стр. 289. — На это Карамзин указывал и в статье «Что нужно автору?» (1793).

При этом, ссылаясь на «Похвальное слово» (Eloge) Лагарпа, в котором образ Вольтера представлял изрядно «облагороженным», Карамзин — по всей вероятности с целью избежать цензурных затруднений — внушал соотечественникам, что Вольтер был «ревностным почитателем божества» и лишь иногда впадал в заблуждение, смешивая истинную христианскую религию с «гнусным лжеверием» (т. е. религиозным фанатизмом). Подобных заблуждений он не одобрял и недвусмысленно заявил об этом в особом примечании.¹³⁹ Впрочем, элемент осуждения содержался и в тех его словах, которые на первый взгляд казались дифирамбом: «Вольтер писал для читателей всякого рода, для ученых и неученых; все понимали его, и все пленялись им. Никто не умел столь искусно показывать смешного во всех вещах, и никакая философия не могла устоять против вольтеровой иронии. Публика всегда была на его стороне, потому что он доставлял ей удовольствие смеяться!».¹⁴⁰ По мнению Карамзина, «никто из авторов осьмогонадесять века не действовал так сильно на своих современников, как Вольтер», но в его понимании это был дурной знак, ибо подлинно гениальное искусство понятно немногим («Всякий любит парением весеннего жаворонка; но чей взор дерзнет за орлом к солнцу? Кто не чувствует красот „Заиры“? Но многие ли удивляются „Отеллу“?»).¹⁴¹

Позднее Карамзин сам опровергнет свою точку зрения;¹⁴² однако в то время, когда он, вспоминая о поездке в Ферней, писал приведенные выше строки, превосходство Шекспира (а в первоначальной редакции и Гете)¹⁴³ не вызывало у него сомнений. Через несколько лет, в иной связи, он подтвердил и подробнее обосновал эту мысль.

Изагая свои впечатления от спектаклей Французского театра и, в частности, от вольтеровского «Эдипа», Карамзин сравнивает французскую и английскую Мельпомену и вновь приходит к выводу, что французские драматические поэты должны «уступить преимущество» англичанам (и немцам). Французская Мельпомена «благородна, величественна, прекрасна, но никогда не тронет, не потрясет сердца моего так, как муза шекспирова и некоторых (правда, немногих) немцев». ¹⁴⁴ «Тонкий», «нежный» вкус, замечательная картинность, искусное распределение красок и те-

¹³⁹ См.: И. Глебов. Два наблюдателя европейской жизни. (Письма из-за границы Фонвизина и Карамзина). «Наблюдатель», 1898, № 6, стр. 87.

¹⁴⁰ Н. М. Карамзин, Избр. соч., т. I, стр. 289.

¹⁴¹ Там же, стр. 289—290.

¹⁴² Об этом см.: П. А. Вяземский, Полн. собр. соч., т. VII, СПб., 1882, стр. 54—55.

¹⁴³ См.: В. Сиповский. К литературной истории «Писем русского путешественника» Н. М. Карамзина, вып. 3. СПб., 1898, стр. 40.

¹⁴⁴ Н. М. Карамзин, Избр. соч., т. I, стр. 389.

ней, наконец, изысканность слога, так восхищающие «соотечественников вольтеровых», оставляют Карамзина холодным: «Везде смесь естественного с романическим; везде *mes feux, ma foi*, везде греки и римляне à la Française, которые тают в любовных восторгах, иногда философствуют, выражая одну мысль разными отборными словами и, теряясь в лабиринте красноречия, забывают действовать».¹⁴⁵ Трагедия, полагает он, должна глубоко трогать наше сердце или ужасать душу, и достигается это не красотой стиха, а «естественностью», правдивостью положений.¹⁴⁶ «Чувство природы» — вот что прежде всего необходимо драматургу; отвечает же этому требованию в полной мере лишь Шекспир.

Тем не менее театр Вольтера (а также Расина) сохраняет для него свою эстетическую ценность. В той или иной степени признавая, что многое из созданного «фернейским мудрецом» уже совершенно устарело, ибо он размышлял больше о «минутной славе», чем о «потомстве», и не столько увлекал зрителей и читателей «изобретением» (т. е. самобытностью и новизной), сколько искал единственно лучшего выражения для идеи обыкновенных», Карамзин все же не соглашается с этой «грозной» критикой вольтеровской драматургии. Особенно решительно защищает он «прекрасную „Заиру“», в которой более других достоинств ценит чувствительность — подобно многим людям «осьмогонадесять века».¹⁴⁷ О прочих трагедиях Вольтера (за исключением «Эдипа») в «Письмах русского путешественника» речи нет. Что же касается произведений иных жанров, то чаще других Карамзин вспоминает «Генриаду», впрочем никак ее не характеризует.¹⁴⁸ Однако свое отношение к поэме он все-таки выразил, и притом весьма отчетливо, — в связи с появлением в 1790 г. ее второго русского перевода.¹⁴⁹

¹⁴⁵ Н. М. Карамзин, Избр. соч., т. I, стр. 389—390.

¹⁴⁶ Там же, стр. 390.

¹⁴⁷ Там же, т. I, стр. 466; т. II, стр. 121.

¹⁴⁸ Там же, т. I, стр. 428, 455. — Кроме того, Карамзин приводит в тексте «Писем» подпись к изображению герцога де Рогана, небольшой фрагмент «Храма вкуса» и экспромт «*C'est ainsi le vrai Parnasse*». О Вольтере он говорит и в ряде других мест — почти всегда сочувственно или нейтрально, и только в одном случае — с явным осуждением, отдавая дань обычному в 90-е годы отношению к вольтеровской повести — «остроумный и безобразный роман» (имеется в виду «Кандид»).

¹⁴⁹ Генриада, героическая поэма господина Вольтера, переведенная с французского языка стихами. М., 1790. Ср.: Г. А. Вишневская. Из истории русского романтизма. (Литературно-теоретические суждения Н. М. Карамзина 1787—1792 гг.). В сб.: Вопросы романтизма в русской литературе, вып. 2. («Ученые записки Казанского государственного университета», 1964, т. 124, кн. 5), стр. 85; В. В. Виноградов. Проблемы стилистики перевода в поэтике Карамзина. В сб.: Русско-европейские литературные связи, М.—Л., 1966, стр. 407—408.

Автор перевода кн. Алексей Иванович Голицын был горячим почитателем «фернейского насмешника» и трудолюбивым стихотворцем,¹⁵⁰ но только этого оказалось недостаточно для «переложения» на русский язык знаменитой вольтеровской поэмы. В переводе Голицына нашли воплощение лишь самые общие контуры «Генриады», лишь основные ее эпизоды и мысли; «подробности» же или исчезли вовсе, или потускнели, приобрели иную окраску и вид, подчас изменившись до неузнаваемости. В понимании Карамзина переводить так «Генриаду» было невозможно. «„Генриада“, — утверждал он, — есть одна из тех поэм, которых главное достоинство состоит не в великих новых мыслях, не в живых, с самой природы взятых образах, но в красоте стихов. Тем труднее переводить ее. Здесь надобно не только выразить мысли поэтов, но и выразить их с такою же точностью, с такою же чистотою и приятностию, как в подлиннике; иначе поэма потеряет почти всю свою цену».¹⁵¹

Как и в характеристике вольтеровской трагедии, похвала эта заключала в себе изрядную долю осуждения: в эпическом жанре Вольтер тоже не был «гением природы», и если театру его противопоставлялись Шекспир и Гете, то «Генриаде» Карамзин мог противопоставить, помимо Гомера¹⁵² и Вергилия, Мильтона и Клопштока. Сходным образом обстояло дело с творчеством Вольтера в других поэтических жанрах. По мнению русского писателя, вершина современной (или точнее — новой) поэзии — Юнг, Томсон, Геснер. Вольтер же привлекает его, как и Муравьева, «легким стихотворством». Так, собирая материал для «Московского журнала», он всячески советовал И. И. Дмитриеву заняться переводом «одной из лучших вольтеровых сказок „Les trois manières“»¹⁵³ и в особенности философской лирикой, о чем свидетель-

¹⁵⁰ См.: Эпоха Просвещения, стр. 169, 200.

¹⁵¹ «Московский журнал», 1791, ч. II, кн. 2, стр. 207—208.

¹⁵² Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866, стр. 10.

¹⁵³ Там же, стр. 21, 30. — Пожелание Карамзина выполнено не было. Вместо этого вскоре Дмитриев обратился к другой вольтеровской сказке «La Béguéule», но не перевел ее, а «переложил», склонив на русские нравы. Вольтеру он следовал лишь приблизительно и как бы с ним соревнуясь (И мои безделки. М., 1795, стр. 55—85; в дальнейшем текст подвергся некоторой переработке). Во всяком случае, мысль о соревновании Дмитриева с Вольтером присутствовала почти во всех критических отзывах о «Причуднице». «В сей сказке, — писал в связи с выходом третьего издания сочинений Дмитриева А. Воейков, — г. Дмитриев одержал знаменитую победу над Вольтером. Можно сказать, что французы, несмотря на множество прекрасных своих сказок, едва ли противопоставят что-нибудь в сравнение с „Причудницею“» («Цветник», 1810, ч. VIII, № 10, стр. 125—126). В рецензии на четвертое издание В. Измайлов утверждал (кстати, ссылаясь на Воейкова), что Дмитриев «оставляет далеко за собою того остроумного поэта, который указал ему на вымысел басни» («Российский музеум», 1815, ч. I, № 3, стр. 285). Наконец, откликаясь на появление шестого издания, Воейков вновь

ствует его перевод «Извлечения из Экклезиаста» («Précis de l'Ecclésiaste», 1759).

Судьба этого парафраза в русской литературе весьма интересна и показательна. Уже через несколько лет после его появления к нему обратился крупнейший поэт 1760—1770-х годов, старший современник Карамзина, Михаил Матвеевич Херасков. Мысль самостоятельно обработать — подобно многим соотечественникам и прежде всего Сумарокову¹⁵⁴ — библейский текст и передать стихами его «глубокую премудрость» и «чистое нравоучение», его «великолепие» и «сладость», «споспешествуя» тем самым «пользе общества» и «всего человеческого рода», не воодушевляла Хераскова. Подобное «предприятие» отпугивало его, но, по-видимому, не столько труднодоступностью «писания святого мужа» слабым силам «невдохновенного свыше разума», как он утверждал, сколько непривычностью «восточного» (иными словами, библейского) стиля, который ассоциировался с беспорядочным ходом мыслей, непрестанными повторениями, необычной смелостью образов и выражений. Между тем у Вольтера от этого «восточного» стиля не осталось и следа: слишком уж он противоречил классическим нормам. В его истолковании десятиглавная «книга» стала небольшой, четко организованной поэмой с правильным чередованием ритмов и рифм и симметричным строфическим членением. «Упорядоченность» эта (по ироническому замечанию Вольтера, — «совершенно излишняя для святого духа») и привлекла в первую очередь Хераскова, который увидел в переводе вольтеровского «Извлечения» способ, «не покидая следов мудрого пророка», но и не следуя ему вполне, выразить свое этическое сredo.¹⁵⁵ Впрочем, переводчиком он себя не считал; ему казалось, что он лишь «заимствовал нечто» от Вольтера, в остальном сохраняя полнейшую свободу.¹⁵⁶ В столь категорической форме это утверждение не соответствовало истине: в основе «Почерпнутых мыслей из Экклезиаста» лежал вольтеровский текст, причем значительная его часть была переведена более или менее точно. Что же касается «перемен», о которых сам Херасков сообщал читателям, то главная из них состояла в смягчении присутствующего в поэме Вольтера религиозного скептицизма, и прежде всего — сомнений в бессмертии души. «Несходное с писанием нашим» четверостишие

подтвердил свою старую точку зрения: «„Причудница“ есть венец Дмитриева. Он победил в ней Вольтера, а такая победа не безделица» («Новости литературы», 1824, кн. VII, № 3, стр. 43).

¹⁵⁴ См. вступительную статью П. Н. Беркова в книге: А. П. Сумароков. Избранные произведения. Л., 1957, стр. 35.

¹⁵⁵ Обращение Хераскова к Экклезиасту могло быть и своеобразным поэтическим состязанием с Сумароковым или (что вероятнее) сочувственным откликом на его «Оду к М. М. Хераскову» (1763), позднее получившую название «Ода на суету мира».

¹⁵⁶ Почерпнутые мысли из Экклезиаста. М., 1765, Предисловие.

Quel homme a jamais su par sa propre lumière
Si, lorsque nous tombons dans l'éternelle nuit,
Notre âme avec nos sens se dissout tout entière,
Si nous vivons encore, ou si tout est détruit?¹⁵⁷

Херасков опустил целиком, а одно из двух других, посвященных той же теме, слегка «обезопасил». Смутили его и отдельные недостаточно «нравственные» рассуждения: так, в его переводе полностью исчезли строфа о превратностях любви и фрагмент о притягательной силе порока, замененные наставлением «любить свою жену» и «внушать премудрость чадам». Несколько приглушил он также звучание некоторых эпикурейских призывов Вольтера — наслаждаться «радостями стола», «занимательными беседами» и т. п. Неоднократно нарушает Херасков и вольтеровскую ритмику: вместо строго выдержанного чередования трех семисложных стрóf и трех двенадцатисложных у него (наряду с обоими этими размерами) широко использован трехстопный и смешанный четырехстопно-трехстопный и трехстопно-шестистопный ямбический стих.

Тем самым поэме сообщались новые, не вольтеровские черты: разрушалась ее безупречная правильность, сильнее, чем у Вольтера, слышались в ней чувствительные, элегические тона. «Духовная ода» под пером Хераскова превращалась в преромантический жанр.¹⁵⁸

Именно поэтому «Почерпнутым мыслям» была суждена столь долгая для переводного сочинения жизнь. С течением времени, по мере нарастания преромантических настроений, поэма Хераскова становилась все более современной. Особое сочувствие, несомненно, вызывала она в масонских кругах, где культивировались морально-религиозная философия и поэзия.¹⁵⁹ Не мог не понять этого и сам Херасков, в середине 1770-х годов связавший свою судьбу с масонством:¹⁶⁰ в 1779 г. у Новикова он выпустил второе издание «Почерпнутых мыслей», а в 1786 г. у него же — третье, кстати частично конфискованное.¹⁶¹ Включил он их и в седьмой том своих сочинений, вышедший в свет на рубеже XVIII—XIX вв.¹⁶² Правда, ни одно из этих переизданий не являлось

¹⁵⁷ Здесь и далее цитаты из произведений Вольтера даются по изданию Л. Молана: Voltaire. Oeuvres complètes. Nouvelle édition. Garnier frères. Paris, 1877—1885, 52 vv.

¹⁵⁸ М. А. Макина. Поэмы Хераскова. (К вопросу о формировании мировоззрения и стиля русского сентиментализма). «Ученые записки Новгородского педагогического института», 1963, т. IX, стр. 121—134.

¹⁵⁹ См., например, рондо «Из Экклезиаста» в масонском органе «Покоящийся трудолюбец» (1784, ч. II, стр. 116—117). См. также: Г. В. Вернадский. Русское масонство в царствование Екатерины II, стр. 101—104.

¹⁶⁰ См. очерк И. Н. Розанова о Хераскове в кн.: Масонство в его прошлом и настоящем, т. II. М., 1915, стр. 38—51.

¹⁶¹ М. Н. Лонгинов. Новиков и московские мартинисты. М., 1867, стр. 49.

¹⁶² Творения М. Хераскова, вновь исправленные и дополненные, ч. VII, стр. 3—13.

механическим воспроизведением предшествующего или предшествующих. В каждом из них нетрудно обнаружить признаки эстетической эволюции Хераскова и литературного движения эпохи.

С наибольшей отчетливостью проявилось это в его напряженной работе над языком произведения, который (за редкими исключениями) «улучшался» от издания к изданию, причем дело было не столько в замене неудачных слов и неловких оборотов, сколько в довольно последовательном устранении элементов «высокого штиля» и вообще разного рода архаизмов. «Вкушати» — «вкушать», «сладко питие» — «напитки сладкие», «имети» — «иметь», «ко гибели» — «к вреду», «виются» — «вьются», «сумнений» — «сомнений», «провождай» — «проводи», «благодарити» — «благодаренье» — число подобных (и более сложных, потребовавших перестройки целых строк и фраз) «перемен» все время возрастало. И хотя усовершенствование это протекало не гладко и поэт то вводил те или иные исправления, то начинал сомневаться и отменял их (так поступил он при подготовке третьего издания, которое оказалось более умеренным, чем второе), в конце концов его стремление по возможности приблизить поэму к новым вкусам и требованиям одержало верх. Вновь исправляя в последние годы жизни свои творения, Херасков ориентировался на художественные открытия младших современников, иными словами, — на карамзинскую школу.¹⁶³ В отношении же «Почерпнутых мыслей» это было тем более необходимо, что незадолго до того (1796) вольтеровский «Précis de l'Ecclésiaste» привлек внимание Николая Михайловича Карамзина.

В творческой практике Карамзина это был довольно редкий случай: много переводивший в прозе, он всего несколько раз обращался к переводу поэтических произведений, неизменно останавливая свой выбор на стихотворениях и фрагментах сравнительно небольшого размера и, как правило, предпочитая французским авторам немецких и английских (Шекспира, Милтона, Попа, Томсона, Шиллера). Для того чтобы Карамзин перевел большое стихотворение Вольтера, нужна была особо веская причина, и состояла она в глубокой созвучности произведения его умонастроению тех лет. Разочарованность, неприязнь к политике и государственным делам, наконец сомнение в постижимости истины и, как результат этого, мысль об уходе в мир частной жизни, в мир высоких этических идеалов — все то, что характеризует общественную позицию Карамзина и его душевное состояние в середине 1790-х годов,¹⁶⁴ нашел он в знаменитом вольтеровском парафразе.

¹⁶³ См.: Г. А. Гуковский. Очерки по истории русской литературы и общественной мысли XVIII века, стр. 250—251.

¹⁶⁴ См.: Ю. М. Лотман. Эволюция мировоззрения Карамзина (1789—1803). «Ученые записки Тартуского государственного университета», вып. 51, 1957 (Труды историко-филологического факультета), стр. 136—138.

Правда, под пером Карамзина «Précis de l'Ecclésiaste», получивший название «Опытная Соломонова мудрость, или Мысли, выбранные из Экклезиаста», претерпел существенную трансформацию. Это был не просто перевод произведения на другой язык (как в свое время утверждал Н. С. Тихонравов),¹⁶⁵ но перевод французского классического произведения на «язык русского преромантизма». В основном следуя оригиналу, Карамзин едва ли не в каждую строфу вносил нечто новое, он как бы транспонировал вольтеровскую поэму для читателя иной страны, иной эпохи, иных эстетических представлений и литературных вкусов. Вольтер казался ему слишком рассудочным, холодным, сдержанным, его поэме недоставало чувства, привычных для конца века поэтических образов и формул. В этом направлении и «совершенствовался» вольтеровский текст. Не случайно одним из самых употребительных в нем оказался эпитет «нежный», у Вольтера отсутствующий вовсе: «я нежной страстью услаждался», «подруги нежные», «пол нежный», «он нежный вам отец, о нежные сердца». К этому же ряду примыкают «прекрасный», «невинный», «чувствительный», «прелестный», «приятный», «прохладный», — слова, столь же «сладостные» и столь же расплывчатые, обозначающие скорее оттенок эмоции, нежели конкретный признак.¹⁶⁶

Лишена конкретности и «скорбная» лексика карамзинского перевода, создающая некую мрачную атмосферу, настроение и меньше всего — картину. «Оплакать», «слезы», «мрак», «гроб», «хладный гроб», «отверстая могила», «тление» — все это редко встречалось у Вольтера, но было неизменным атрибутом «ночной поэзии» и в первую очередь — «Ночных раздумий» Юнга,¹⁶⁷ поэта, перед которым Карамзин, подобно многим его современникам, как известно, преклонялся.¹⁶⁸ Меланхолические интонации поэмы Юнга зазвучали в русском переложении вольтеровского парафраза:

Так все проходит здесь — и скоро глас приятный
Умолкнет навсегда для слуха моего;
Свирели, звуки арф ему не будут внятны;
Застынет в жилах кровь от холода своего.

Исчезнут для меня все прелести земные;
Ливанское вино престанет вкусу льстить;
Преклонится от лет слабеющая вяя,
И томною ногой я должен в гроб ступить.¹⁶⁹

¹⁶⁵ Н. С. Тихонравов, Соч., т. III, ч. 2, М., 1898, стр. 341.

¹⁶⁶ См.: Г. А. Гуковский. Очерки по истории русской литературы и общественной мысли XVIII века, стр. 287.

¹⁶⁷ См.: P. van Tieghem. La poésie de la nuit et des tombeaux en Europe au XVIII siècle. Paris, 1921.

¹⁶⁸ Ср. стихотворение «Поэзия» (1787). См.: Русская литература XVIII века. Эпоха классицизма. М.—Л., 1964, стр. 269—279.

¹⁶⁹ Аониды, или Собрание разных новых стихотворений, кн. II. М., 1797, стр. 174—175.

Характерным следом этой своеобразной «юнгизации» Вольтера явился также знаменитый стих, открывающий строфу о коловращении:

Ничто не ново под луною.¹⁷⁰

«Rien de nouveau sur la terre» в оригинале, вполне традиционное «в подсолнечной премены нет» у Хераскова, в интерпретации Карамзина мысль эта ассоциировалась с «ночной поэзией» и Оссианом.¹⁷¹ Впрочем, карамзинская формула не исчезла бесследно и тогда, когда в русской литературе утвердились иные тенденции: ее можно встретить (в несколько измененном виде) у Пушкина,¹⁷² а также у Белинского и Герцена (в двух последних случаях — в качестве афоризма).¹⁷³ Отчасти этому способствовали переиздания «Опытной Соломоновой мудрости», которой Карамзин (повидимому, считавший произведение для себя в какой-то мере программным) неизменно открывал раздел поэзии в собраниях своих сочинений.¹⁷⁴ Никаких перемен в текст он не вносил, лишь отпала

¹⁷⁰ Аониды, или Собрание разных новых стихотворений, кн. II. М., 1797, стр. 169.

¹⁷¹ В этой связи см. любопытное свидетельство С. Н. Глинки: «Случилось мне... читать Озередковскому (известный русский естествоиспытатель, академик, — П. З.) перевод Карамзина Вольтерова Экклезиаста. При чтении стихов „Ничто не ново под луною“ он вспыхнул от досады и проворчал: „Неправда, не под луною, а под солнцем. На что так срамить землю?“» (Записки С. Н. Глинки. СПб., 1895, стр. 99).

¹⁷² Об этом см.: А. Д. Григорьева. Поэтическая фразеология конца XVIII—начала XIX века. В кн.: Образование новой стилистики русского языка в пушкинскую эпоху. М., 1964, стр. 62—64; М. П. Алексеев. Стихотворение Пушкина «Я памятник себе воздвиг». Проблемы его изучения. Л., 1967, стр. 226—229.

¹⁷³ В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. X, М., 1955, стр. 12; А. И. Герцен, Полн. собр. соч., т. 30, кн. I, М., 1964, стр. 97. См. также: «Русский пустынный, или Наблюдатель отечественных нравов», 1817, ч. I, № 1, стр. 20; «Северный наблюдатель», 1817, ч. I, № 1, стр. 25; «Дамский журнал», 1828, ч. XXIII, № 15, стр. 106; «Северная пчела», 1831, I авг., № 171.

¹⁷⁴ Н. М. Карамзин. Полн. собр. стихотворений, М.—Л., 1966, стр. 394—395. — Другой стих «Опытной Соломоновой мудрости», тоже в качестве афоризма, см. (в очень характерном контексте) у Г. П. Каменева: «В Москве, в море существ щастливых, где каждое творение имеет нечто чем оно дышит, имеет надежды, которыми питается, где каждая душа сливается с другою, ей подобною, где чувства сообщаются, делятся, где хватают жадно забавы жизни сей, там брожу я с печалию на лице, с тоскою в сердце, брожу — и не сыщу ни одного человека, которому бы мог, пожалв руку, сказать: я страдаю.

Нет щастья для души, когда оно не в ней».

(Письмо к С. А. Москотильникову от 12 ноября 1800 г. Цит. по кн.: Е. Бобров. Литература и просвещение в России XIX в., т. III. Казань, 1902, стр. 145). Подозревал ли Каменев, что приведенная им строка восходит к Вольтеру, сказать трудно. Вообще же с вольтеровским творчеством он был знаком, и весьма основательно (см. опись книг его библиотеки: Г. Залкинд. Г. П. Камнев. Казань, 1926, стр. 69, 78, 81—84).

необходимость в «благонамеренном» примечании относительно бессмертия души («... сия тайна разрешена откровением. Соломон, при всей своей мудрости, не был еще просвещенным. Счастливым уверением, что мы бессмертны и что все добрые будут блаженствовать в вечности, обязаны мы христианству более, нежели трактатам наших философов»), которое было помещено в «Аонидах» с целью усыпить бдительность цензуры.¹⁷⁵

О довольно широкой известности карамзинского перевода свидетельствуют также подражания ему, появившиеся в последующее десятилетие на страницах русской печати — в «Иппокрене» и «Лицее». Оба они несомненно восходили к Вольтеру, но воздействие Карамзина сказывалось во всем — в поэтической фразеологии, лексике, общем тоне.

Перевод, помещенный в «Иппокрене» (он воспроизводил лишь три первые строфы вольтеровского текста), даже назывался почти как у Карамзина: «Соломонова мудрость. Из Экклезиаста».¹⁷⁶ Что же касается другого, хотя и очень вольного (он принадлежал перу Андрея Тейльса), то в нем было еще и несколько более или менее точных текстуальных совпадений: «Я вкус свой, чувства притупил» (у Карамзина — «вкус свой притупил»), «осталась в сердце пустота», «а ты, о юноша любезный» (у Карамзина — «прелестный»), и некоторые другие.¹⁷⁷ Любопытно, что даже примечание Тейльса к словам о «загробной жизни» отчасти повторяло формулу Карамзина: «Все сии важные тайны разрешены после того откровением».¹⁷⁸

Отзвуки «Опытной Соломоновой мудрости» отчетливо слышатся также в «Путешествии в Норвегию одного молодого человека в 1801 году». В главе, посвященной острову Борнгольму, помимо ссылок на одноименную «готическую» повесть Карамзина, содержатся строки, представляющие собой почти дословное изложение одной из строф его перевода из Вольтера: «... что ж есть слава мира сего? Я вспомнил о славной Пальмире, сравнивал и делал ужасные заключения, слезы лились из глаз моих. Так все исчезает в сем мире, так все падает и разрушается. Сколько прошло царств и народов, сколько колоссов рука времени низвергла, сколько империй будут иметь ту же участь? О прах! о тленность подлунного! Ничтожество смертного!».¹⁷⁹ Подобно тому как «Путешествие» в целом напоминает «Письма русского путешественника», этот фрагмент всем своим строем и едва ли не

¹⁷⁵ «Аониды», кн. II, стр. 172. — В 1821 г. в «Карманной библиотеке Аонид» (стр. 42—43) несколько особенно знаменитых стихов «Опытной Соломоновой мудрости» было помещено среди почерпнутых у Карамзина кратких изречений («апофтегм»).

¹⁷⁶ «Иппокрена, или Утехи любословия», 1799, ч. IV, стр. 31, 32.

¹⁷⁷ См.: «Лицей», 1806, ч. IV, кн. 3, стр. 26—29.

¹⁷⁸ Там же, стр. 29.

¹⁷⁹ «Северный Меркурий», 1811, ч. X, № 15, стр. 25—26.

каждым словом (включая, конечно, и столь характерную «тленность подлунного») возвращает нас к замечательной поэме Карамзина—Вольтера, впервые опубликованной за пятнадцать лет до того во второй книжке «Аонид».¹⁸⁰

Печатаая в «Аонидах» свой перевод, Карамзин имени Вольтера не упомянул; не сделал он этого и впоследствии, то ли находя подобное пояснение излишним, то ли не считая себя переводчиком вообще. Можно лишь с уверенностью утверждать, что Карамзин не имел в виду таким образом обезопасить издание от цензурных преследований: предисловие к той же второй книжке «Аонид» завершалось цитатой из Вольтера;¹⁸¹ назван был Вольтер и в подзаголовке помещенного там перевода его сатирической поэмы «Le Mondain».

Этим произведением Вольтер выразил свое отношение к так называемому «спору о роскоши», спору, который волновал французское общество еще с начала 1720-х годов и даже раньше, но особенно оживился после 1734 г., когда вышел в свет «Политический трактат о торговле» Жана-Франсуа Мелона. Отвергая традиционные утверждения философов и моралистов, осуждавших роскошь как нечто греховное и пагубное, Мелон увидел в ней необходимое (хотя и далеко не единственное) условие материального прогресса и процветания нации.¹⁸² Вольтер горячо поддержал эту точку зрения. В своей сатирической поэме «неприглядной картине райского бытия»¹⁸³ он противопоставил жизнь современного светского человека, христианской аскезе — эпикурейство и гедонизм. Как и для Мелона (и Мандевиля с его «Басней о пчелах»), роскошь была для него одним из признаков цивилизации, одной из движущих ее сил. Убеждение это Вольтер сохранил навсегда: много лет спустя он с еще большей отчетливостью обнаружил его в соответствующей статье «Философского словаря» (1764), которую затем переделывал и дополнял; затронута та же тема и в «Опыте о нравах», и в «Человеке с сорока экю», причем это было не только возвращение к ранее высказанным мыслям, но и участие Вольтера в полемике, продолжавшейся в середине века на его стороне — энциклопедистами и с противоположных позиций — Жан-Жаком Руссо.¹⁸⁴

При всех его симпатиях к «женевскому философу», несмотря на все сомнения и разочарования в общественном прогрессе, Карамзин, конечно, сочувствовал Вольтеру: в противном случае он

¹⁸⁰ См. также в главе «Гелсинор»: «Так, думал я, все увлекается временем, пройдут те часы, в кои игры и смехи льстят еще моему воображению, и дряхлая старость наступит», и т. д. (там же, № 17, стр. 53).

¹⁸¹ «Аониды», кн. II, стр. 13—14.

¹⁸² См.: M. R. de Labriolle-Rutherford: L'Evolution de la notion du luxe depuis Mandeville jusqu'à la Révolution. In: Studies on Voltaire and eighteenth century, vol. XXVI, Genève, 1963, pp. 1025—1036.

¹⁸³ К. Н. Д е р ж а в и н. Вольтер. М.—Л., 1946, стр. 159.

¹⁸⁴ Там же, стр. 145, 211.

вряд ли поместил бы столь очевидную «апологию роскоши». Впрочем, в переводе Дмитрия Баранова поэма отчасти утратила свою остроту, которая во Франции 1730-х годов вызвала ожесточенные нападки на Вольтера, а в России конца XVIII в. могла бы вообще оказаться гибельной, если не для переводчика, то для перевода. Во всех тех случаях, когда у Вольтера современная ему цивилизация противопоставлялась примитивной естественности библейских времен, Баранов уничтожил упоминания «прародителей» Адама и Евы, придав вольтеровскому изображению «райского блаженства» некоторую неопределенность: в русском переводе речь идет о «щастливых садах», «праотцах», о «состоянии невинный природы». Изъял он и заключительные строки, где была подвергнута осмеянию «дерзновенность» ученых-теологов, попытавшихся определить точное местонахождение рая. Однако, совершив этот вынужденный шаг, Баранов в остальном отнесся к исходному тексту довольно бережно и воспроизвел его с большим умением. Единственная вольность, которую он себе позволил, заключалась в остром и «выборочном», склонении произведения на русские нравы. Так, вольтеровский перечень европейских столиц («soit à Paris, soit dans Londres, ou dans Rome») стал у него звучать: «В Париже, Лондоне, Москве или Мадрите».¹⁸⁵ Исчезло имя составителя французской поваренной книги (1748) Марсиало,¹⁸⁶ вместо знаменитой танцовщицы Камарго появилась Катенька,¹⁸⁷ а «пенистый Аи» сделался просто «нектаром»,

... которого стесненный дух и пена,
 Со треском свободясь, обрызгивая всех,
 Звездами, искрами, шипя, летят из плена.¹⁸⁸

Особый интерес представляет трансформация в русском переводе двустишия

Il va siffler quelque opéra nouveau,
 Ou, malgré lui, court admirer Rameau.

В 1736 г. эта фраза имела весьма злободневный смысл. 1 октября 1733 г. в Париже состоялось первое представление оперы Жана-Филиппа Рамо «Ипполит и Арисия», а 23 августа 1735 г. парижский зритель увидел его оперу-балет «Галантные Индия». Музыка обоих спектаклей поразила современников своей смелостью и новизной, и понадобилось немало времени для того, чтобы к ней привыкли и ее оценили.¹⁸⁹ Вольтер, который не только хорошо знал композитора, но и написал либретто его первой оперы

¹⁸⁵ «Аониды», кн. II, стр. 131.

¹⁸⁶ Там же, стр. 134.

¹⁸⁷ Там же, стр. 128.

¹⁸⁸ Там же, стр. 135.

¹⁸⁹ См.: С. Girdlestone. Jean-Philippe Rameau, sa vie, son oeuvre. Bruges, 1962, pp. 22—24, 200, 330—358.

«Самсон», запрещенной к постановке из-за библейского сюжета, приветствовал новаторскую музыку Рамо и предвещал ей победу. Отзвуком этих дебатов и явились приведенные выше слова о «невольном» — вопреки его неприязни к новым операм — увлечении «любителя нынешнего света» музыкой Рамо.

Но говорить о новаторстве Рамо в середине 1790-х годов было невозможно. Типичная для французской музыкальной жизни второй четверти века альтернатива «Рамо или Люлли» теперь уступила место другой, хотя и не вполне оправданной: «Рамо или Глюк». ¹⁹⁰ Отсюда перевод этих слов у Баранова, сам по себе неверный, но очень точно отразивший смену европейских музыкальных вкусов:

Он новой оперой там едет утешаться,
Освистывать Рамо и Глюком восхищаться.¹⁹¹

В какой-то мере это было также средством приблизить сатирическую поэму Вольтера к «российскому» читателю: в конце века и здесь великий реформатор оперного театра получил признание и немалую известность.¹⁹²

Впоследствии Баранов вновь обратился к Вольтеру, «преложив» в стихах девятую песнь «Генриады», но перевод этот страдал тяжеловесностью, обилием славянизмов, инверсий и т. п. Недаром он был напечатан на страницах «Чтения в Беседе любителей русского слова». ¹⁹³ По-видимому, переводчик полагал, что к этому его обязывает эпический жанр. Отзывов о переводе не сохранилось, но можно не сомневаться, что «Любитель нынешнего света» пользовался несравненно большим успехом: он распространялся в списках и, кроме того, дважды перепечатывался в антологиях русской поэзии, где без всяких изменений был приведен текст, опубликованный в «Аонидах». ¹⁹⁴

Выпустив третью книжку «Аонид», Карамзин приступил к подготовке нового издания, задуманного им как «собрание переводов всякого рода для тех, которые не читают иностранных книг, но имеют вкус и любят чтение», и получившего наименование: «Пан-

¹⁹⁰ См.: С. Girdlestone. Jean-Philippe Rameau, sa vie, son oeuvre. Bruges, 1962, гл. XV. См. также: P. Howard. Gluck and the birth of the modern opera. New York, 1964.

¹⁹¹ «Аониды», кн. II, стр. 135.

¹⁹² См.: Карманная книжка для любителей музыки. СПб., 1796, стр. 17—19. См. также: Н. А. Елизарова. Театр Шереметевых. М., 1944, стр. 135—136, 481—483; Т. Н. Ливанова. Русская музыкальная культура XVIII века в ее связях с литературой, театром и бытом, т. II. М., 1953, стр. 311, 423.

¹⁹³ «Чтение в беседе любителей русского слова», СПб., 1815, Чтение, 14, стр. 31—47.

¹⁹⁴ См.: Собрание русских стихотворений, изд. В. Жуковским, ч. IV, М., 1811, стр. 87—92; Пантеон русской поэзии, изд. П. Никольским, ч. IV, СПб., 1815, стр. 60—66

теон иностранной словесности». В первом же его выпуске несколько страниц было посвящено Вольтеру: заключительная часть статьи из «Magazin encyclopédique» о посмертно опубликованном сочинении Мишеля-Поля-Ги де Шабанона «Tableau de quelques circonstances de ma vie» представляла собой серию анекдотов о Фернее; кроме того, один эпизод восходил к «Мыслям и анекдотам из записок Эро-Сешеля», напечатанным в том же французском журнале.¹⁹⁵

Статья о Шабаноне привлекла Карамзина прежде всего потому, что в ней шла речь о второстепенном писателе, заслужившем уважение и любовь современников главным образом своим душевным благородством. «Шабанон был не столько поэт, сколько умной, ученой и (что всего важнее) доброй человек. Он занимался искусствами для того, что любил их и посвящал им жизнь свою бескорыстно»,¹⁹⁶ — эта мысль как нельзя лучше отвечала настроениям Карамзина, разочарованного в политике и все больше склонявшегося к горадианскому идеалу. Не случайно в его переводе доброты Шабанона подчеркнута особо: слов «что всего важнее» в подлиннике нет.

Сообщенные самим Шабаноном и превосходно знавшим его анонимным рецензентом анекдоты о Вольтере в основном тоже касались его «нрава»: изображенный «в подробностях домашней жизни», он оказывался отнюдь не таким язвительным, неумеренно самолюбивым и вспыльчивым, как его обычно характеризовали движимые «ядовитой завистью» враги. Подтверждением этому и служили «анекдоты», в которых приводились одобрительные отзывы Вольтера о творчестве различных писателей, в том числе и таких, которые пытались состязаться с ним в сочинении трагедий (Лагарп) и, наоборот, удачно выступали в жанрах, ему недоступных (Сен-Ламбер, Делиль).

Анекдот, находившийся среди заметок видного деятеля французской революции Мари-Жана Эро-Сешеля, возбудил интерес Карамзина в иной связи. В нем затрагивался давно уже волновавший русского писателя (и его современников) эстетический вопрос: «французская трагедия или Шекспир?»: «Дидрот говорил однажды с великим восторгом о Шекспире. „Как можно, — сказал ему Вольтер, — как можно предпочитать Виргилию, Расину такого чудовищного, нескладного поэта? Следственно вы оставите Аполлона Бельведерского, чтобы смотреть на безобразную статую св. Христофора в соборной Парижской церкви?“. Дидрот задумался и через минуту отвечал: „Положим; но что бы вы сделали, если бы эта безобразная статуя вдруг тронулась с места и ко-

¹⁹⁵ См.: «Magazin encyclopédique, ou Journal des sciences, des lettres et des arts», 1795, t. II, pp. 118—124; t. IV, pp. 489—499.

¹⁹⁶ «Пантеон иностранной словесности», 1798, кн. I, стр. 140.

лоссальными ногами своими начала шагать по улице?“. — Вольтер замолчал, удивленный таким разительным сравнением». ¹⁹⁷

Карамзин никак не комментировал рассказанный Эро-Сешелем анекдот, да в этом и не было необходимости: удивление Вольтера говорило читателю «Пантеона» значительно больше. Сомнение в абсолютном превосходстве классического искусства вселял в их умы не Николай Карамзин, а сам «фернейский патриарх».

Вольтер продолжал интересоваться Карамзином и в 1802—1803 гг., когда он редактировал «Вестник Европы». Если судить по числу опубликованных на его страницах вольтеровских материалов, интерес русского писателя к Вольтеру в названный период даже несколько возрос, но объяснялось это, конечно, масштабами издания, а главное — общественным подъемом начала века и сопутствовавшим ему смягчением цензурного режима. Говорить о «фернейском отшельнике» можно было теперь и чаще, и громче, нежели в павловское время, и несколько иначе. По мере того как Вольтер и его эпоха уходили в прошлое, все большую ценность приобретали воспоминания о нем современников — врагов и единомышленников, близких друзей и случайных посетителей Фернея, людей различных взглядов и разных поколений. Им Карамзин в основном и «предоставил слово» в своем журнале, широко используя для этой цели французские периодические издания и книжные новинки. ¹⁹⁸

Изданием «Вестника Европы», как известно, завершилась собственно литературная деятельность Карамзина, и потому о его отношении к Вольтеру в последующие годы сказать что-либо определенное трудно. Во всяком случае, два-три мимолетных упоминания в письмах не дают для этого решительно никаких оснований. Примечательно, однако, что «остроумие Вольтерово» фигурирует в предисловии к «Истории Государства российского», труда, которому Карамзин посвятил всю вторую половину своей жизни.

Итак, ни эволюция русской литературы от классицизма к романтизму, ни антипросветительское движение, ни политическая ситуация в России в конце XVIII в. не ослабили интереса читающей публики к творчеству и личности Вольтера. Несмотря на охлаждение к нему в различных общественных и литературных кругах и выдвигание на первый план других иностранных мыслителей и поэтов, несмотря на жестокий цензурный гнет и правительственные репрессии, имя его не сходит со страниц русской печати. Разумеется, по сравнению с предшествующей эпохой оно появляется там значительно реже, но главное отличие этого периода состоит в усилении споров вокруг Вольтера (возникновение их относится почти ко времени первоначального знакомства русских читателей с «фернейским мудрецом», т. е. к концу 1750—началу 1760-х годов). Вместе с тем, если раньше в сознании русских людей Вольтер возвышается над всеми современными европейскими писателями,

¹⁹⁷ «Пантеон иностранной словесности», 1798, кн. I, стр. 260—261. — Тот же самый текст фигурирует в записной книжке Карамзина 1797 г. (см.: Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников, ч. I, стр. 293).

¹⁹⁸ См.: «Вестник Европы», 1802, ч. I, № 1, стр. 6, 43—44; № 3, стр. 10—11, 29—33; ч. II, № 6, стр. 132—133; № 7, стр. 237—240, 242—245; ч. IV, № 14, стр. 122; 1803, ч. VIII, № 6, стр. 210; ч. IX, № 11, стр. 187—189, 204; ч. X, № 15, стр. 161—173; ч. XI, № 17, стр. 116.

теперь его обычно называют наряду с Руссо (и часто после него), а также наряду с крупнейшими писателями-преромантиками — Геснером, Юнгом, Томсоном и даже «девицей Радклиф».

В свою очередь, отмеченные обстоятельства обусловили резкое сокращение числа русских переводов из Вольтера и самый их характер: в центре внимания оказалась его поэзия, в то время распространенная в России несравненно меньше его драматургии, художественной прозы и некоторых публицистических сочинений.

Сохраняется такое положение вплоть до 1801 г., когда в связи с общими переменами начинается новый период и в истории «русского Вольтера».

II

«Дней александровых прекрасное начало» явилось и началом возрождения в России широкого интереса к наследию Просвещения и, в частности, к Вольтеру. Ожидание социальных и политических реформ в духе просветительских идей (отчасти основанное и на либеральных заверениях нового императора, обещавшего править «по законам и по сердцу» своей «августейшей бабки») оживило былые симпатии к «фернейскому патриарху», причем симпатии эти не угасли вполне и тогда, когда несбыточность надежд на преобразование русского общества сделалась совершенно очевидной.

В какой-то мере первое десятилетие XIX в. можно сравнить с 1760—1780-ми годами, ознаменовавшимися, как известно, настоящим открытием Вольтера-поэта, прозаика, историка и публициста и необычайным усилением его авторитета у русских людей. Но антивольтеровское (и вообще антипросветительское) движение до конца XVIII столетия не прошло и не могло пройти бесследно для «вольтеристов» 1800-х годов: продолжая в новых общественных условиях дело своих вольнодумных дедов и отцов, они, как правило, преследовали другие цели и действовали по-иному. Их путь к Вольтеру был осложнен и революционными событиями во Франции, и той мощной преромантической волной, которая в последней трети минувшего века прокатилась по всем европейским литературам. Современник Робеспьера и Марата (к тому же считавший прямым их наследником Наполеона Бонапарта) не мог относиться к Вольтеру так же, как люди 1760—1780-х годов. Иначе воспринимали его творчество и те, кто одновременно зачитывались Юнгом, Геснером или же Руссо.

Своеобразие этого нового обращения к Вольтеру отчасти определялось, кроме того, деятельностью переводчиков и издателей (а также театральной практикой) екатерининских времен. «Вольтеристы» 1800-х годов (по крайней мере на первых порах) стремились не вообще переводить и издавать творения своего кумира, но по возможности вводить в читательский обиход ту часть его обширного наследия, которая в силу различных причин оставалась

для русских людей малодоступной или недоступной вовсе. Так, например, обстояло дело с его перепиской.

Хотя проникновение отдельных вольтеровских писем на родине писателя в печать началось еще в 1760 г., в России до конца XVIII в. было опубликовано всего лишь одно: знаменитое послание к Сумарокову, кстати напечатанное стараниями самого русского поэта. Положение не изменилось и после того, как во Франции появились последние 18 томов Кельского издания сочинений Вольтера, в которых, между прочим, содержались его письма к Даламберу, польскому королю Станиславу, Фридриху II и Екатерине II, состоявшей в переписке с «фернейским пустынноиком» на протяжении пятнадцати лет (1763—1778). Напротив, появление в 1784 г. 67-го тома, заключающего в себе переписку Вольтера с российской императрицей, предопределило судьбу в России всего издания в целом: по собственному признанию, Екатерина боялась публикации своих писем, «как огня». Мотивируя это нежелание погрешностями эпистолярного стиля (что, разумеется, было одной и не самой главной из причин), она с необычайным упорством пыталась навязать свою волю возглавлявшему издание Бомарше, но безуспешно. В изысканнейших выражениях барон Гримм дал ей понять, что исполнить ее требование бессилён.¹

Корреспонденция была напечатана и получила широкое распространение. Дошла она и до русских подписчиков. Как и следовало ожидать, вскоре факт этот вызвал серьезное беспокойство в высших духовных сферах, и Екатерине через посредство своего статс-секретаря А. В. Храповицкого пришлось опровергать «безрассудный толк известной переписки, которой одной злобой наполненное сердце лишь может дать кривое толкование». Переписка с Вольтером, настаивала она, «весьма невинна и в такое время, когда тот осьмидесятилетний старик старался своими по всей Европе жадно читаемыми сочинениями прославить Россию, унижить врагов ее и удержать деятельную вражду своих соотчичей, кои тогда старались распространить повсюду язвительную злобу противу дел нашего отечества, в чем и преуспел. В таком виде и намерении письма, писанные к безбожнику, кажется, не нанесли вреда ни церкви, ни отечеству».²

Единственное, что Екатерина могла теперь сделать, — это преградить Кельскому изданию путь к русскому читателю, не владеющему французским языком.³ Правда, и это ей удалось лишь отчасти, но столь смущавший ее покой 67-й том все же оставался под запретом до конца екатерининского правления. Не произошло

¹ См.: Сборник имп. Русского исторического общества, т. 23, СПб., 1878, стр. 104, 110, 112—113, 119, 436, 438; т. 44, СПб., 1885, стр. 363.

² Дневник А. В. Храповицкого. М., 1901, стр. 379.

³ См.: И. М. Полонская. И. Г. Рахманинов — издатель сочинений Вольтера. «Труды Гос. Библиотеки СССР им. В. И. Ленина», т. VIII, М., 1965, стр. 136—138.

в этом отношении перемен и при Павле I, который равно ненавидел и свою августейшую матушку, и «фернейского патриарха». Только после 1801 г. переписка Вольтера с Екатериной увидела свет. Почти одновременно к ней обратились три разных переводчика. Двое из них сообщили свои имена, третий пожелал остаться неизвестным.⁴

Самый ранний из этих переводов принадлежал перу Михаила Ивановича Антоновского, воспитаника Московского университета, влачившего жалкое существование внештатного библиотекаря Петербургской Публичной библиотеки. Как указывалось в послесловии, он перевел «книгу сию за несколько лет пред сим», т. е. в павловское время, но, естественно, издать ее не смог: когда же обстоятельства переменились, он без промедления приступил к осуществлению своего замысла. Вскоре в Петербурге вышел анонимный перевод, озаглавленный «Философическая и политическая переписка императрицы Екатерины II с г. Волтером», а некоторое время спустя он же был издан в Москве — «с дозволения СПб<ургской> цензуры». Наконец, в следующем, 1803 году, свой перевод опубликовал Иван Андреевич Фабиан, как и Антоновский, — питомец Московского университета, преподававший там немецкий язык.

Все эти переводы восходили к одному и тому же 67-му тому «Oeuvres complètes de Voltaire», в них было по 153 письма, и даже текст примечаний почти совпадал, но каждому переводу и каждому изданию были присущи и некоторые особенности. Так, Антоновский добавил к пятнадцати примечаниям, заимствованным из французского издания, два новых — выписанных из «французского Ладвокатова словаря» (т. е. «Dictionnaire historique portatif», 1752). К московскому изданию «Философической и политической переписки» были «присовокуплены» послание Вольтера к Екатерине II (в переводе И. Богдановича, впервые напечатанном в 1771 г.), стихотворение «О храме дружбы», опубликованное в 1772 г.,⁵ «Полная роспись всех сочинений г. Волтера в 70 частях на французском языке г<осподино>м Бомарше изданных, с означением, когда главные из оных выданы в свет и какие из них переведены и напечатаны на российском языке» — наиболее ранний библиографический материал для истории «русского Вольтера», а также «другая роспись по порядку материй и по томам нового издания 1784 года в 70 томах в осьмушку». Однако тщательностью обработки это издание несколько уступало аналогичному петербургскому, по-видимому готовившемуся под непосредственным наблюдением переводчика или же кем-то исправленному. В особенности свидетельствует об этом перевод стихотворных фрагментов,

⁴ Возможно, что это был И. И. Мартынов (см.: Е. Колбасин. Литературные деятели прежнего времени. СПб., 1859, стр. 51).

⁵ Это поэтическое приложение было помещено также в издании: Переписка российской императрицы Екатерины II и господина Вольтера, продолжавшаяся с 1763 по 1778 год. М., 1803.

содержавшихся во многих вольтеровских письмах. Вообще же передача стихов удалась анонимному переводчику несравненно больше, чем его «совместникам». М. Антоновский и И. Фабиан переводили их почти прозой, и притом чрезвычайно неуклюжей.⁶

Впрочем, современники едва ли обращали на это внимание. Во вновь напечатанных письмах было заключено так много интереснейших исторических фактов, так много подробностей политического характера, такое множество любопытных сведений о Вольтере и Екатерине, что погрешности перевода, конечно, отступали на второй, если не на третий, план. С другой стороны, издание переписки российской императрицы с поэтом и философом могло иметь тогда и некий дополнительный смысл: русскому читателю тем самым как бы внушалась мысль о необходимости и благотворности «просвещенного правления».

Монарх, внимающий голосу мудреца, — в этом заключались и осуждение произвола, дарившего в стране при Павле I, и сочувствие недавним общественным переменам, и рекомендация новому императору следовать по избранному им пути.

Показательно, что почти тогда же, характеризуя в назидание современникам (и потомкам) политическую и государственную деятельность и личность Екатерины II, Карамзин не только обратил их внимание на ее переписку с французскими просветителями, и прежде всего с Вольтером, но и поставил ей это в заслугу: «Вольтер жалел, что старость не позволяла ему видеть северную владычицу сердец. Пылкий Дидерот спешил лично изъявить ей свое удивление. . . Даламбер славился ее милостию более, нежели именем глубокомысленного математика. Европа с удивлением читает ее переписку с ними — и не им, но ей удивляется. Какое богатство мыслей и знаний! Какое проицание! Какая тонкость разума, чувства и выражений! Та, которая истощила своим царствованием все похвалы мира, умела с неподражаемою приятностию хвалить цветы словесности, игру остроумия, тонкую черту сердца. Сколь трогательно такое снисхождение в монархине! Но унижается ли монарх, когда он сходит иногда с высокого трона, становится наряду с людьми и, будучи любимцем судьбы, платит дань уважения любимцам природы, отличным дарованиям? Власть разума не может ли еще служить некоторою опорой для политической власти? По крайней мере она может быть ее орудием во всем, что касается до блага человечества».⁷ (Начало этого фрагмента — до слов «та, которая истощила», — было недаром использовано в качестве эпиграфа к московскому, 1802 г. изданию переписки Вольтера с Екатериной).

⁶ Следы чтения московского издания переписки Екатерины II с Вольтером см. в кн.: Истинное повествование, или Жизнь Гавриила Добрынина, им самим писанная (1752—1827), ч. II. СПб., 1872, стр. 230—231.

⁷ Н. М. Карамзин. Историческое похвальное слово Екатерине Второй. М., 1802, стр. 158—160. Ср.: П. А. Вяземский, Полн. собр. соч., т. I, СПб., 1878, стр. 62.

Сообщая о почтительном отношении «великой Екатерины» к «гению фернейскому» (равно как и Петра I к Лейбницу), Карамзин несомненно высказывал одну из сокровенных своих мыслей. Друг и советчик монарха — так он представлял себе назначение поэта и философа. Но был в этих его раздумьях и некий полемический оттенок: по-видимому, в то время существовала и прямо противоположная точка зрения. Косвенным подтверждением этому может служить любопытная запись в дневнике последнего статс-секретаря Екатерины II Адриана Грибовского. Перебирая в памяти «дела давно минувших дней», он записал 22 августа 1827 г.: «Переписка Екатерины II с Вольтером. Екатерина, пленясь умом сего славного писателя, вошла с ним в переписку, которая продолжалась с 1762 до 1777 г. включительно. Переписка сия доказывает чрезмерное монархини славолубие. Она хотела через Вольтера, который был оракулом своего века, прослыть в Европе необыкновенным гением».⁸

Грибовский осуждал Екатерину за чересчур вольные слова о религии — хотя и вызванные «кошунствами» Вольтера и вообще «модой» той эпохи, но тем не менее глубоко возмутительные, ибо «это, конечно, весьма много послужило к распространению повсюду неверия и к потрясению престолов и алтарей». Однако, быть может, еще больше возмущал его самый факт «короткой и дружеской переписки» самодержицы всероссийской с «частным человеком, который был только славный писатель».⁹ Не отрицая, что Вольтер был «чрезвычайным гением», «поборником и проповедником истины», «гонителем и поразителем заблуждения и суеврия»,¹⁰ он все же не мог простить боготворимой им императрице такое «неслыханное» унижение ее «высокого звания», т. е. утверждал как раз то, что столь решительно отрицал Карамзин.¹¹

Но если подобные суждения и имели место в начале 1800-х годов, то на издательской практике тех лет они почти не отразились. В 1811 г. десять писем из переписки Вольтера с Екатериной II было в новом переводе включено в пятое издание распространенного русского письмовника — в ряду других «примерных» писем «разных великих особ»,¹² в следующем году полностью был переиздан перевод Фабиана, а за несколько лет до того появилась в свет вольтеровская переписка с другой «коронованной особой» — Фридрихом II, или, как его называли тогда в России, Фридрихом Великим. Впрочем, «унижение» прусского короля должно было тревожить единомышленников Грибовского несравненно меньше, не-

⁸ «Русский архив», 1899, кн. I, № 1, стр. 75.

⁹ Там же, стр. 76.

¹⁰ Ср.: там же, стр. 98.

¹¹ Фрагмент из письма Екатерины II к Вольтеру от 14 (25) июня 1776 года см. в журнале: «Лицей», 1806, ч. II, кн. 1, стр. 31.

¹² Всеобщий секретарь, или Новый и полный письмовник. СПб., 1811, ч. II, №№ 40—49.

жели «ласкательная, а особливо нескромная насчет религии» переписка с Екатериной.

Переводчику переписки Вольтера с Фридрихом, воспитаннику Московской духовной академии (в 1805 г. перебравшемуся на службу в Синод) Ивану Ивановичу Ястребцову, не терпелось увидеть свой труд в печати: несколько отрывков из него было опубликовано «к удовольствию умных ценителей талантов» на протяжении 1805—1806 гг. в московских журналах «Новости русской литературы» и «Минерва». ¹³ Полностью же перевод Ястребцова появился в 1807 г. ¹⁴

Однако и он включал лишь 204 из 438 помещенных в Кельском издании писем. Тем самым картина отношений «сих знаменитых мужей своего времени», «сих двух великих гениев» в известной мере искажалась: из нее было исключено множество примечательных сведений и фактов. За пределами русского перевода осталось и большинство стихотворных фрагментов, принадлежавших перу Вольтера, но также и Фридриха, который пытался следовать эпистолярной манере своего корреспондента, причем в ряде случаев этим объясняется исчезновение из сборника важных по содержанию писем. Когда же опустить письмо было нежелательно, Ястребцов или переводил его поэтическую часть на редкость корявым стихом, или, движимый угрызениями совести, передавал прозой. В свое оправдание он в примечании к девятнадцатому письму второго тома привел слова Фридриха (из письма от 8 августа 1736 года): «Чтобы подражать Вольтеру... надлежит родиться Вольтером». ¹⁵

В 1816 г. переписка Вольтера с Фридрихом II вышла (в несколько улучшенном виде) вторично, и этим первоначальная публикация на русском языке переписки «некоронованного властелина Европы» с его «коронованными друзьями» в основном завершилась. Однако в начале XIX в. была сделана попытка познакомить русских читателей и с другими аспектами вольтеровского эпистолярного творчества: в 1805 г. появилась первая часть переписки с Даламбером, а два года спустя — серия писем к «знаменитым российским вельможам».

Сообщая о предстоящем выходе в свет «Переписки г. Волтера с г. Д'Аламбертом», «Московский курьер» называл издание четырехтомным, а перевод приписывал Александру Палицыну. ¹⁶ И то и другое было неверно. Автором перевода являлся Александр Иванович Подлисецкий, что же касается объема издания, то появился

¹³ «Новости русской литературы», 1805, ч. XIII, № 20, стр. 311—318; № 21, стр. 321—334; «Минерва», 1806, ч. I, № 6, стр. 81—98; ч. IV, №№ 2—4, стр. 18—54; 1807, ч. V, № 26, стр. 129—143; ч. V, № 30, стр. 193—224.

¹⁴ Переписка Фридриха Великого, короля Прусского, с господином Вольтером с 1736 по 1778 год. М., 1807.

¹⁵ Там же, ч. II, стр. 49.

¹⁶ «Московский курьер», 1805, ч. II, № 42, стр. 253.

лишь первый его выпуск, а о прочих ничего не известно. Эта единственная вышедшая часть соответствовала первой половине 68-го тома по Кельскому изданию и заключала в себе 112 писем, тогда как всего их насчитывалось около 500. Находились в ней лишь письма 1746—1762 гг., но и этот не завершённый изданием (и весьма посредственно переведенный) эпистолярный цикл для русских людей представлял немалый интерес. Он воскрешал в их памяти замечательную деятельность во имя успехов просвещения «двух славных философов» минувшего века, причем невозможно было не почувствовать большую (в отличие, например, от переписки с Екатериной II) искренность и, следовательно, откровенность помещенных здесь писем: в них почти не было ни дипломатических умолчаний, ни галантных комплиментов, ни самоуничижительных формул, ни льстивых заверений, ни лицемерных похвал. В этом отношении переписка с Даламбером выгодно отличалась и от напечатанных несколько позднее писем Вольтера к его высокопоставленным русским корреспондентам.¹⁷

Речь идет о небольшой подборке писем «фернейского отшельника», приложенных к русскому переводу его воспоминаний (так называемых «*Mémoires de Voltaire écrits par lui-même*»).¹⁸ Воспоминания эти были в основном посвящены «берлинскому эпизоду» биографии Вольтера, т. е. тому кульминационному и вместе с тем кризисному периоду в его отношениях с Фридрихом II, который, естественно, не получил отражения в их переписке.¹⁹

Как известно, столь восхищавшее Вольтера на первых порах пребывание при прусском дворе, где он надеялся обрести наконец тихую пристань «после тридцати лет бурь», уже очень скоро сделалось для него «адом», из которого он не замедлил вырваться, навсегда потеряв охоту «свататься в дела королей». Обосновавшись в Фернее, Вольтер поспешил воссоздать эти события, но опубликовать свои воспоминания не решился: они появились лишь четверть века спустя, в 1784 г., — после его смерти, но еще при жизни Саломона Севера, убийственная характеристика которого была в них заключена.²⁰

Немыслимое в царствование Павла, с юных лет преклонявшегося перед авторитетом прусского короля, издание вольтеровских воспоминаний было несколько рискованным и после 1801 г.: изображение в столь мрачных тонах одного из могущественнейших европейских монархов не могло и теперь вызвать восторга

¹⁷ См.: J. N. Pappas. *Voltaire and D'Alembert*. Indiana University Press, Bloomington, 1962.

¹⁸ Исторические записки о достопамятных и важнейших происшествиях, касающихся до жизни г. Вольтера, писанные им самим, с присовокуплением писем его к некоторым знаменитым российским вельможам, чч. I—II. М., 1807. — В переиздании 1808 г. вторая часть озаглавлена: Письма г. Вольтера к графу Шувалову и некоторым другим российским вельможам. 1757—1773.

¹⁹ Об этом см.: G. Desnoiresterres. *Voltaire et Frédéric*. Paris, 1870.

²⁰ Об этом см.: К. Н. Державин. Вольтер, стр. 233—249.

в правительственных и околовластных кругах. По крайней мере два особенно рискованных места переводчик — статский советник и кавалер Н. Е. Левицкий — принужден был изъять «по причине некоторых непозволенных выражений».²¹ Старый «вольтерист», вступивший на это поприще еще в начале 1770-х годов (недаром он посвятил свой «малый труд» всем «любящим читать» творения «фернейского патриарха»), Левицкий понимал, что в противном случае «Исторические записки» едва ли увидят свет.

«Присовокупленные» к воспоминаниям письма ни по происхождению, ни по содержанию к «берлинскому эпизоду» отношения не имели: все они были адресованы русским знакомым Вольтера и касались самых разных, но отнюдь не прусских впечатлений и дел. В письме к Сумарокову (это было все то же единственное письмо от 26 февраля 1769 г.)²² говорилось о литературе, в письмах к гр. А. Р. Воронцову, русскому посланнику в Гааге, к кн. Д. А. Голицыну, состоявшему при русском посольстве в Париже, а затем — послу в Гааге, — главным образом о политике, к гр. А. П. Шувалову — о его французских стихах.²³ Основной же раздел — тридцать одно письмо 1757—1762 гг. к Ивану Ивановичу Шувалову²⁴ (которого вслед за Кельским изданием Левицкий отождествлял с его двоюродным племянником и потому именовал тоже графом)²⁵ — был почти сплошь посвящен «Истории Российской империи при Петре Великом», создававшейся при его неустанной поддержке.²⁶ По этим письмам можно было в общих чертах проследить весь ход работы Вольтера над этим сочинением — возникновение и формирование замысла, поиски материалов, изучение источников, уточнение сомнительных и неясных мест, устранение противоречий, ответ на критику, размышления об историческом жанре и т. п.

Вместе с тем «шуваловский цикл»²⁷ (наряду с «перечнем письма от Вольтера к г-ну Далиону, находившемуся в С.-Петербур-

²¹ Исторические записки. . . , стр. 51.

²² В 1807 г. был напечатан и другой перевод этого письма — в журнале «Весенний цветок» (кн. 2, стр. 76—81).

²³ Об этом см.: Д. Ф. Кобеко. Ученик Вольтера граф А. П. Шувалов (1744—1789). «Русский архив», 1881, т. III, № 2, стр. 241—249; М. Р. Alexeieff. Voltaire et Schouvaloff. Fragments d'une correspondance franco-russe au XVIII siècle. Odessa, 1928, pp. 5—31.

²⁴ См.: Исторические записки. . . , стр. 1—117.

²⁵ См., например: Oeuvres complètes de Voltaire, v. 55, 1785, pp. 448—450, 461—465.

²⁶ См.: П. Бартнев. И. И. Шувалов. «Русская беседа», 1857, отд. VI, стр. 40—51, 63—65; Вольтер в работе над «Историей России при Петре Великом» (публикация Н. С. Платоновой). «Литературное наследство», т. 33—34, М., 1939, стр. 1—24.

²⁷ Еще 19 писем к И. И. Шувалову были напечатаны в 1810 г. в сборнике «Lettres inédites de Voltaire», но в русском переводе они тогда не появились. О них лишь сообщил «Благонамеренный» (1818, ч. IV, № 10, стр. 93), ошибочно указав, что там «находится вся переписка Вольтера с графом Шуваловым».

бурге, в качестве министра от французского двора») ²⁸ как бы предварял появление на русском языке самой «Истории» и вообще способствовал интересу русских людей к вольтеровским историографическим трудам.

Как известно, интерес к Вольтеру-историку проявился в России чрезвычайно рано: перевод «Истории Карла XII» датируется 1746 г., т. е. отделен всего пятнадцатью годами от времени ее создания. ²⁹ Однако «сомнительное» содержание этого труда, посвященного шведскому королю — непримиримому врагу Русского государства и Петра — преградило ему путь в русскую печать. На протяжении полувека перевод этой увлекательной биографиромана распространялся лишь в списках, несмотря на его прочный читательский успех, в то время как другие исторические сочинения Вольтера, не столь злободневные или более трудные для восприятия, беспрепятственно появлялись в свет. ³⁰

После мартовских событий 1801 г., в обстановке либеральных реформ и обещаний, запрет на это сочинение отпал сам собой. Еще в конце 1801 г. в журнале «Ипнокрена» Вольтер был назван «бессмертным автором „Жизни Карла XII“», ³¹ а вскоре книга была переведена на русский язык. Правда, анонимному переводчику «Истории Карла XII» все же пришлось пойти на компромисс, несколько смягчив вольтеровскую характеристику Петра, которого он, кстати, называл «Великим» и в тех случаях, когда у Вольтера стояло всего лишь «Pierre Alexiowitz». С глубоким сочувствием повествуя о реформаторской деятельности русского царя, которого он противопоставлял завоевателю и деспоту Карлу, приведенному Швецию на грань катастрофы, Вольтер тем не менее оставался чужд какой бы то ни было идеализации Петра: «основатель России», казалось ему, не обладал «главным достоинством», необходимым тому, кто поставил себе целью «переделывать людей», — человечностью: «он приобщил народ к цивилизации, а сам оставался дикарем». Не забыл Вольтер и об убийстве царевича Алексея, которого, по его мнению, следовало или же наказать, или лишить права на престол («la mort d'un fils qu'il fallait corriger ou déshériter rendrait la mémoire de Pierre odieuse, si le bien qu'il a fait à ses sujets ne faisait presque pardonner

²⁸ «Вестник Европы», 1807, ч. XXXII, № 6, стр. 197—201. — В 1839 г. письмо было напечатано, со ссылкой на «московский журнал», отдельным изданием (Lettre de Voltaire (1745) relative à son «Histoire de Pierre I» adressée au comte d'Alion ministre de France en Russie sous le règne de l'Impératrice Elisabeth I pour la première et unique fois publiée dans un journal de Moscou en 1807 et omise dans toutes les éditions des Oeuvres complètes de Voltaire suivie de notes bibliographiques. Paris, 1839). Осуществил издание С. Д. Полторацкий.

²⁹ См.: Эпоха Просвещения, стр. 201.

³⁰ Там же, стр. 188—190.

³¹ Лейбниц и Карл. Разговор. «Ипнокрена, или Утехи любословия», 1801, ч. XI, стр. 33.

sa cruauté»). В русском переводе весь этот фрагмент отсутствовал, равно как и весьма ироническое замечание о петровском манифесте, изданном в связи с началом военных действий против Швеции (хотя ирония Вольтера в значительной степени объяснялась незнанием фактов).

Пожертвовал переводчик и некоторыми подробностями биографии Екатерины I, «бросавшими тень» на ее происхождение («cette esclave étrangère» превратилась у него в «эту иностранку») ³² и жизнь до встречи с Петром (воспитание из милости, пребывание в доме пастора Глюка, замужество с шведским драгуном, взятие в плен, «покровительство» Шереметева и Меншикова). Иного пути у него не было. Можно лишь удивляться, что подобных купюр в русском тексте оказалось не так уж много. Полностью перевел он, например, «Discours sur l'Histoire de Charles XII», программное предисловие (первоначально — приложение) к книге, в котором Вольтер изложил свои мысли по поводу предпринятого им труда и самого жанра исторических жизнеописаний.

Далеко не всякий государь, полагал Вольтер, заслуживает внимания историка. Потомство хранит в памяти деяния очень немногих, но их было бы еще меньше, если бы чести этой удостаивались только государи справедливые. Наибольшее право на бессмертие имеет монарх, творивший добрые дела. О недостойных же государях человечество помнит подобно тому, как помнит оно о наводнениях, пожарах и моровых язвах.

К недостойным, в понимании Вольтера, относятся и государи-завоеватели, делавшие зло «блистательным образом» («qui ont fait du mal d'une manière brillante»).³³ Прочие же должны быть забыты, ибо не могут служить людям ни положительным, ни отрицательным образцом: «из такого множества государей римских, германских,³⁴ из такого множества султанов, калифов, пап и королей — сколько таких, которых имена заслуживают быть только в таблицах хронологических, служить только эпохами!». ³⁵

«Между государями есть чернь, так как и между другими людьми». ³⁶ И все же едва монарх — безразлично великий или ничтожный — умирает, как начинают выходить бесчисленные сочинения о нем и его дворе, и этот книжный поток все усиливается, так что «человеку, который бы прожил сто лет и употребил все дни свои на чтение, не достанет времени прочесть и того, что напечатано в рассуждении одной истории, чрез два века

³² История Карла XII, короля шведского. Творение господина Волтера, ч. III. М., 1804, стр. 74.

³³ Там же, ч. I, М., 1803, стр. 6.

³⁴ В подлиннике «de tant d'empereurs de Rome, d'Allemagne, de Moscovie» (!).

³⁵ История Карла XII, короля шведского, ч. I, стр. 7.

³⁶ Там же.

в Европе».³⁷ Если же сам Вольтер решился писать историю жизни короля-завоевателя, то лишь потому, что «эта книга может быть полезна для некоторых государей, если по случаю попадется им».³⁸ Далее следовало пояснение («...нет такого самодержца, который бы, прочитав „Жизнь Карла XII“, не излечился от безумной страсти завоевателей. Ибо какой государь может сказать: я имею более мужества и добродетелей, тверже душу, я крепче сложением, лучше знаю искусство военное, мои армии превосходят армии Карла XII? Что, если со всеми этими преимуществами, после такого множества побед сей король был так несчастливым, то чего могут надеяться другие государи, с одинаким честолюбием, но с меньшими дарованиями и пособиями?»)³⁹ и весьма смелое заключительное пожелание «сильным мира сего»: «Если какой-нибудь государь или министр найдут здесь неприятные истины, то пусть помнят, что, будучи людьми, посвященными обществу, они должны давать ему отчет в делах своих; что за эту только цену покупают они свое величие; что история есть свидетель, а не ласкатель и что одно средство принудить людей хорошо говорить об себе есть делать добро им».⁴⁰

Естественно, что при переиздании «Истории Карла XII» в Орле, в 1820 и 1821 гг., это рассуждение было несколько сокращено: в обстановке нараставшей реакции столь суровый приговор тиранам и завоевателям и столь энергичное предупреждение, обращенное к государям и их министрам, звучало по крайней мере «неуместно».⁴¹

Однако дело было, по-видимому, не только в цензурных трудностях. Подобное смягчение вольтеровского текста могло быть вызвано осторожностью переводчика, а также и его несогласием с «фернейским мудрецом». Полемика с Вольтером — автором «Истории Карла XII» — имела у нас давнюю традицию. Так, еще в конце 1750-х годов сочинение это вызвало гневную «репутацию», в которой Вольтер был назван «клеветником» и «борзописцем». Анонимный автор «репутации» утверждал, что «из всех иностранных писателей, когда-либо говоривших о Петре Великом, никто не изобразил его в столь мрачных тонах, как Вольтер». Далее следовали многочисленные возражения, касавшиеся отдельных мест «Истории Карла XII» (характер Петра, сражение под Нарвой, расправа со стрельцами, процесс царевича Алексея, русские нравы и т. п.). Но это вдохновенное патриоти-

³⁷ Там же, стр. 7—8.

³⁸ Там же, стр. 10.

³⁹ Там же, стр. 10—11.

⁴⁰ Там же, стр. 14—15.

⁴¹ В остальном это издание мало чем отличалось от предыдущего. Можно лишь указать на введение подзаголовков, отсутствовавших и в издании 1803—1804 гг., и у Вольтера, которые в еще большей степени придавали книге «романический» вид.

ческим чувством, хотя и не во всем справедливое сочинение (написанное к тому же на французском языке) никакой роли в современных идеологических спорах не сыграло: погребенное среди бумаг частного, а затем государственного архива, оно не получило известности ни в XVIII в., ни позднее, и в полном виде увидело свет лишь в 1964 г.⁴²

В 1806 г. «Вестник Европы» поместил статью (переведенную из «иностранного журнала»), в которой, между прочим, оспаривались суждения Вольтера, высказанные им в «Истории Карла XII» об Иоганне Рейнгольде Паткуле, лифляндском политическом деятеле, казненном шведами в 1707 г. Пересказывая посвященную Паткулю книгу пастора Бергманна,⁴³ автор статьи (которая так и называлась «Паткуль перед судом потомства») особо — и не без удовлетворения — отмечал стремление Бергманна опровергнуть Вольтера, разумеется, «вооружась фактами» и при соблюдении «должного уважения» к «сему знаменитому писателю».⁴⁴

Почти одновременно в полемику с Вольтером вступил «журнал российской и иностранной словесности» — «Минерва», подвергший сомнению — в некоторых ее деталях — сравнительную характеристику Петра I и Карла XII, заимствованную из «Века Людовика XIV» (глава XVII). Перевод этого фрагмента (он был приведен в примечании к помещенным в журнале анекдотам о Петре Великом) не отличался точностью, он несколько сглаживал французский текст, имевший в ряде мест антирусскую окраску. Например, фраза «Карл, будучи 16 лет, не выронил из рук скипетра», звучала в оригинале «Le roi Charles à l'âge de seize ans les (т. е. датского и польского королей и русского царя) vainquit tous trois». Тем не менее издатель журнала и переводчик П. Победоносцев счел необходимым опровергнуть и остальные вольтеровские мысли, «оскорбительные» для русских и Петра.

⁴² L'Apothéose de Pierre le Grand etc. Trois études historiques présumés de M. V. Lomonosov, destinés à Voltaire. Publiés d'après le manuscrit de Prague avec une Introduction sur les relations de Lomonosov et Voltaire, par Václav Cerný Prague, 1964, pp. 109—146. — Атрибуция В. Черным этого, равно как и двух других обнаруженных им в Праге текстов Ломоносову не выдерживает критики В ходе развернувшейся в связи с «пражской находкой» дискуссии наиболее убедительную атрибуцию предложил П. Н. Берков: по его мнению, автором их был П. А. Левашев (В. П. Степанов. О пражской находке проф. В. Черного. «Русская литература», 1964, № 2, стр. 214—216). См.: P. Hoffmann. Lomonosov und Voltaire. Studien zur Geschichte der russischen Litteratur des 18. Jahrhunderts, Bd. II. Berlin, 1968, SS. 417—425.

⁴³ В. Bergmann. Historische Schriften, Bd. I. Johann Reinhold von Patkul vor dem Richterstuhle der Nachwelt. Leipzig, 1806.

⁴⁴ «Вестник Европы», 1806, ч. XXX, № 21, стр. 3—24. — С целью внушить уважительное отношение к Вольтеру-историографу «Вестник Европы» годом раньше даже поместил специальную (также переводную) статью, в которой приводились сочувственные суждения в этой связи В. Робертсона и Шатобриана («Вестник Европы», 1805, ч. XXI, № 11, стр. 194—196).

Первое возражение, касавшееся побед Карла XII («Он жил — и все соседи трепетали его оружия, и все места, где ни сражался, ознаменованы его победами»), было выражено весьма лаконично: «А Полтава?»⁴⁵ Второе — более пространное — относилось к словам «искра войны, опустошавшей Север около 18 лет, затлилась от честолюбивой политики датского и польского королей, преклонивших на свою сторону и российского монарха» (у Вольтера они звучали более резко: «La désolation du Nord dans une guerre de dix-huit années a dû son origine à la politique ambitieuse du czar, du roi de Danemarck et du roi de Pologne»). «Умной государь, — восклицал Победоносцев, — каким и чужестранцы почитали Петра Великого — государь, попечительнейший о благе и спокойствии подданных — мог ли думать, что Россия была тесна для прославления его имени? Мог ли желать присвоить себе чужую собственность для того только, что другие на то пускались? Корыстолюбие и гордость не помрачали добродетелей, сиявших в душе его. Правда, он воевал с соседями — но не для того ли, чтобы доказать любовь к народу, над которым промысл избрал его царствовать? Не для того ли, чтоб защитить веру и отечество? — Позволю тебе сказать, г. Вольтер, что истина не везде водила пером твоим».⁴⁶

Раздражение против Вольтера, впрочем, не помешало Победоносцеву напечатать в той же первой части журнала перевод двух диалогов из «Философского словаря» («Le cathéchisme chinois», 1764),⁴⁷ а также отрывок из «Истории Российской империи при Петре Великом» (на сей раз — восторженный дифирамб Петру — воину, законодателю и человеку),⁴⁸ предваривший на целых три года первое издание этого знаменитого труда на русском языке.⁴⁹

К началу XIX столетия «История Российской империи при Петре Великом» получила весьма широкую известность: многократно переизданная в подлиннике, она, кроме того, была переведена на ряд иностранных языков — английский (1759), немецкий (1761, 1763), датский (1766), шведский (1767), португальский (1781—1782) — и сыграла важную роль в осмыслении на западе русского исторического процесса, во многом обусловив отношение европейской историографии к Петру и его эпохе.⁵⁰

⁴⁵ «Минерва», 1806, ч. I, № 3, стр. 35.

⁴⁶ Там же, стр. 35—36.

⁴⁷ Там же, № 2, стр. 17—25.

⁴⁸ Там же, № 1, стр. 7—10.

⁴⁹ В 1819 г. Победоносцев перепечатал этот фрагмент с незначительными изменениями в «Новом Пантеоне», составленном, как сам он сообщал в предисловии, в основном из его старых переводов и статей («Новый Пантеон отечественной и иностранной словесности», ч. I, М., 1819, стр. 55—58).

⁵⁰ См.: К. Н. Державин. Вольтер, стр. 206; М. П. Алексеев. Вольтер и русская культура XVIII века. В сб.: Вольтер, Л., 1947, стр. 20—39; A. Lortholary. Le mirage russe en France au XVIII siècle. Paris, 1951, pp. 45—76.

В России же книга с самого начала была встречена без особого восторга. Вскоре после выхода первого тома о нем неодобрительно отозвался Ломоносов.⁵¹ Даже Екатерина II в одном из писем дала понять своему «учителю», что хотела бы видеть историографический труд о России несколько иным.⁵² Между тем, в значительной степени вопреки истине, складывалась легенда об официальном характере «Истории Петра», будто бы написанной по заказу русского двора; ей, в частности, отдал дань И. И. Хемницер.⁵³

Как очевидную неудачу «старца фернейского» рассматривал этот его труд Я. А. Галинковский, составитель «Корифея»: ⁵⁴ «Волтер написал историю о России при Петре Великом, и в первый раз, может быть, сей избалованный любимец века, которого он избаловал, бросил с досадою перо свое над сим недоконченным эскизом картины: малым для такого пространного ума, слабым для таких сильных дарований, необработанным для такого искусства! — Панегирист Карла XII не мог быть другом Петру Великому». ⁵⁵ Он не прощал французскому писателю «худой выбор исторических происшествий, перепутанность дел, не упомянутые многие любопытные известия двора нашего», а также «неисправность орфографии, перепорченные имена городов и фамилий наших». ⁵⁶ Как писал Галинковский, в «Истории Российской империи» он не узнавал Вольтера: «Non è più Alcide. Не узнаю Волтера: одно имя его слабо защищает только некоторые оттенки, некоторые черты, некоторые декорации! Нет тут ни Тацита, ни Плутарха: простой повествователь, обыкновенный слог, слабое перо!». ⁵⁷

Раздражение его умеряло лишь то, что сам Вольтер «никогда не был столько непризнателен, столько ослеплен, чтоб не чувствовал слабости своего творения». ⁵⁸ Сомневался Галинковский и в том, чтобы «одна корысть двигала столь любочестивое сердце». ⁵⁹ Но окончательный его вывод был, разумеется, не в пользу «сего великого человека». Его знаменитой книге Галинковский предпочитал даже соответствующую часть «Истории» Левека, которая, по его мнению, была «полнее и достовернее волтеровою». «Сей историк, — полагал он, — стоял бы того, чтоб потрудиться кому-нибудь из хороших знатоков слога его пере-

⁵¹ М. В. Ломоносов, Полн. собр. соч., т. VI, М.—Л., 1952, стр. 90—96, 359—364.

⁵² Voltaire's Correspondence, vol. LIII, 1960, p. 31.

⁵³ См.: Эпоха Просвещения, стр. 198—199.

⁵⁴ См. о нем: Ю. М. Лотман. Писатель, критик и переводчик Я. А. Галинковский. В кн.: XVIII век, сб. 4. М.—Л., 1959, стр. 230—266.

⁵⁵ «Корифей, или Ключ литературы», СПб., 1802, ч. I, стр. 129—130.

⁵⁶ Там же, стр. 130.

⁵⁷ Там же, стр. 131.

⁵⁸ Там же, стр. 132.

⁵⁹ Там же.

весть».⁶⁰ О переводе же «Истории Российской империи при Петре Великом» Галинковский не обмолвился ни словом, хотя и знал, что она остается недоступной людям, владеющим только русским языком.

На протяжении полувека было сделано всего лишь две попытки познакомить с «Историей» русского читателя, но и они не увенчались успехом: вместо задуманного перевода Ф. А. Эмин предпочел (и это очень показательно) выпустить «Российскую историю» собственного сочинения,⁶¹ а перевод Н. Н. Бантыш-Каменского, выполненный около 1760 г., оставался неизданным пять десятилетий и сгорел во время московского пожара 1812 г.⁶² Когда в 1809 г. появился наконец русский перевод «Истории Петра», это была уже история в узком смысле слова, в которой многое потускнело и перестало звучать, но бесстрастный, спокойный перевод вольтеровского текста оказался невозможным и теперь: речь шла не о римском цезаре или французском короле, но о «бессмертном предке» Александра I, «благополучно здравствовавшего императора», которому, кстати, и был «приписан» перевод.

«Деяния великих государей, разделенных веками, — утверждал в посвящении Семен Алексеевич Смирнов (впоследствии профессор Московского университета),⁶³ — сливаются вместе по отдаленным своим следствиям. . . Прошедшее становится настоящим».⁶⁴ Естественно, что такая позиция обязывала переводчика по возможности «соблюдать приличия»: подобно другим «щастливым россам», он, видимо, слегка опасался «неусыпных попечений» «кроткого государя своего», хотя и говорил о них в сервильно благоговейных тонах.

В силу этих соображений Смирнов изъясил из текста «Истории» ряд мест, заключавших в себе прямую или косвенную критику Петра. Так, из описания расправы с восставшими в 1698 г. стрельцами (в целом Вольтером оправданной) исчезли некоторые особенно мрачные подробности («quelques-uns furent roués, deux femmes enterrées vives. On pendit autour des murailles de la ville et on fit périr dans d'autres supplices deux mille strélitz; leurs corps restèrent deux jours exposés sur les grands chemins, et surtout autour du monastère où résidaient les princesses Sophie et Eudoxe»)⁶⁵ Большин-

⁶⁰ Там же, стр. 135.

⁶¹ См.: В. П. Семенников. 1) Собрание, старающееся о переводе иностранных книг. СПб., 1913, стр. 86; 2) Материалы для истории русской литературы и для словаря писателей эпохи Екатерины II. СПб., 1914, стр. 140—141.

⁶² См.: Евгений «Болховитинов». Словарь русских светских писателей, т. I. М., 1845, стр. 18; Русский биографический словарь, т. II, стр. 168.

⁶³ О нем см.: Биографический словарь профессоров имп. Московского университета, ч. II. М., 1855, стр. 418—420.

⁶⁴ Вольтер. История царствования имп. Петра Великого, ч. I. М., 1809, стр. III—IV.

⁶⁵ Ср.: там же, ч. I, кн. 1, стр. 168.

ство же существенных купюр приходилось на главу, посвященную процессу Алексея Пётровича. Судьба царевича неизменно волновала современников Вольтера, которые пытались разобраться в этой трагической истории с помощью всякого рода воспоминаний и подлинных свидетельств. Вольтер произвел тщательную ревизию всех этих фактов и дал им новое освещение. Но хотя вывод, к которому он пришел (не без воздействия Шувалова), звучал оправданием Петру (он полагал, что тот был «в большей степени монарх, нежели отец»), перевести эту главу полностью Смирнов не решился. Он опустил замечание Вольтера о непоследовательности Петра, то угрожавшего сыну, то клявшегося ему в любви. Не воспроизвел он и фрагмент, в котором судьба Алексея сопоставлялась с судьбой Дон-Карлоса, осужденного на смерть отцом, испанским королем Филиппом II, хотя Вольтер и отрицал это сходство.

Аналогичным образом переводчик поступил также с другим весьма обширным фрагментом, в котором отводились обвинения, выдвинутые одновременно и против Петра, будто бы лично отравившего царевича, и против Екатерины I, будто бы заподозренной царем в тайной связи с Меншиковым и ради собственного спасения «ускорившей его дни» при помощи яда. Несмотря на следовавшие затем возражения Вольтера, который выдвинул по этому поводу целую серию убедительных контраргументов, фрагмент этот не вошел в русское издание труда. Даже в таком контексте приведенные «свидетельства» (Вольтер назвал их «странным анекдотом») компрометировали Петра и его двор.

Опасениями цензурных придирок была обусловлена еще одна купюра, хотя на сей раз речь шла не о Петре, а о его далеком предшественнике — киевском князе Владимире. «Сын наложницы, убивший родного брата в борьбе за власть», — эти подробности мало соответствовали образу крестителя Руси и святого.⁶⁶ Прочие исправления не имели столь отчетливого идеологического и цензурного характера, они касались отдельных деталей, которые или уточнялись на основе новейших данных, или оспаривались, или отвергались. Как и многие его собратья по перу, переводчик шел на явные уступки, дабы вольтеровский (и его собственный) труд дошел до русского читателя. Но, достигнув цели, он едва ли был вполне удовлетворен: пробел в освоении вольтеровского наследия был восполнен с огромным опозданием, что не могло не сказаться на восприятии книги и ее оценках в русской печати.

Так, рецензируя в «Вестнике Европы» первый том русского издания «Истории»,⁶⁷ М. Т. Каченовский не столько характеризовал его, сколько ругал. «Надобно быть слепым и закоренелым почитателем Вольтера, чтобы пленяться сведениями его отечественной

⁶⁶ Ср.: там же, стр. 124.

⁶⁷ «Вестник Европы», 1809, ч. XLVIII, № 21, стр. 61—68.

нашей истории», — писал он, иллюстрируя свою мысль множеством примеров.⁶⁸ Ни малейшего понимания условий, в которых создавалась «История Петра», и стоявших перед Вольтером общественных и политических задач Каченовский не проявил; он утверждал, что «сооруженный Вольтером памятник скоро начал валиться»,⁶⁹ т. е. отрицал его значение для современников и соотечественников «фернейского патриарха», и заключал статью безжалостным приговором: «Вообще книга сия написана весьма неверно».⁷⁰

В отличие от «Истории Петра» вышедшие в том же 1809 г. в Москве два других историографических труда Вольтера — «Век Людовика XIV» (1753) и «Обзор века Людовика XV» (1768) — не вызвали откликов в русской печати.⁷¹ Но о критическом к ним отношении — по крайней мере в определенных кругах русского общества — можно все же судить, и подчас довольно отчетливо, на основании примечаний, которыми был щедро снабжен каждый из четырех составлявших издание томов.

Большинство этих примечаний принадлежало переводчику, известному в свое время литератору Александру Федоровичу Воейкову, который, таким образом, выступал в двойной роли — «сочувственника» и критика, друга и врага. Избирая подобный путь, Воейков получал возможность исправлять Вольтера и полемизировать с ним без вторжения в вольтеровский текст (хотя и делал это в отдельных случаях, как например при переводе характеристики Петра III).⁷² Впрочем, отделить поправки и дополнения от антивольтеровских выпадов у Воейкова почти невозможно. Чаще всего он и уточняет, иронизируя, удивляясь или негодуя, пользуясь любым предлогом, чтобы оскорбить или опорочить Вольтера.⁷³ Так, обвинение в склонности к «предметам развратительным», брошенное мимоходом Жан-Батисту Руссо, побудило Воейкова разразиться обвинительной речью против самого Вольтера — автора «Pucelle d'Orléans». «Она писана не только против нравственности и религии, но даже против благопристойности, которая есть одна (sic!) из священных законов общества и уважается у всех просвещенных народов. К стыду французов, не было у них книги, которая бы принята была с такою похвалою. Ее все знали наизусть, из нее приводили места, по ней поступали. Pucelle

⁶⁸ «Вестник Европы», 1809, ч. XLVIII, № 21, стр. 63.

⁶⁹ Там же, стр. 62.

⁷⁰ Там же, стр. 68.

⁷¹ Краткий отзыв о первом из этих сочинений (прочитанном в оригинале) см. в письме Д. В. Дашкова к Н. Ф. Грамматину от 23 июля 1805 г., где «Век Людовика XIV» назван «одним из лучших вольтеровых исторических сочинений» («Библиографические записки», 1859, № 9, стр. 258).

⁷² История царствования Людовика XIV и Людовика XV, королей французских. . . Сочинение г. Волтера, ч. III. М., 1809, стр. 398—399.

⁷³ Об отношении Воейкова к Вольтеру см. также: Е. Колбасин. Литературные деятели прежнего времени. СПб., 1859, стр. 251, 265, 276.

сделалась катехизисом всех молодых людей. И если подумать о вреде, ею причиненном, то странным покажется, как правительство, запрещающее продавать яд, равнодушно терпело сию книгу, и еще страннее, что Вольтер бранит развратные сочинения». ⁷⁴ Замечание «фернейского патриарха» относительно того, что у французов XVII в. существовало довольно смутное представление о Московском государстве, Воейков сопроводил ремаркой: «Из этих слов видно, что и сам Вольтер-историк знал о России не лучше своих соотечественников». ⁷⁵ Другое же замечание о «варварском» обычае заменять французские названия латинскими явилось для него поводом «припомнить» Вольтеру сознательное искажение «славных имен сподвижников петровых» в «Истории Российской империи». «Мы можем, в свою очередь, спросить, — восклицал Воейков, — почему Меншику, Шереметю нравились ему лучше Меншикова, Шереметева?» ⁷⁶

Вообще опровержение высказываний Вольтера о России и русских занимает важное место в примечаниях к книге. Воейков отвергает утверждения Вольтера о том, что в XVII в. русские нападали на Польшу, ⁷⁷ что Московия пребывала тогда в глубоком невежестве и не получила международного признания («Московия, как угодно было г. Вольтеру назвать Россию, при Иоанне, Годунове и царе Алексее Михайловиче ничего не значила: зачем же императоры, короли датский, шведский и английский, папы и ганзейские города присылали послов ко двору Российскому? На что заключали они союзы и старались вступать в родство с царями? Как! государи, которых владения простирались от Днепра до Лены и от Ледовитого моря до Каспийского, не обращали на себя внимания!!»), ⁷⁸ что Петр I был завоевателем чужих земель ⁷⁹ и убийцей собственного сына. ⁸⁰ Конечно, кое в чем переводчик был прав. Он лучше знал русскую историю и, во всяком случае, не затруднялся в произношении и написании русских имен. Искажение отечественной истории оскорбляло его патриотическое чувство. Однако при этом он не исправлял, даже не иронизировал, он боролся, ибо Вольтер был для него не просто недостоверным или устарелым историком, но воплощением свободомыслия, в конце концов приведшего Францию к «ужасной катастрофе». Именно этим было вызвано несколько особенно выразительных его реплик. В связи с упоминанием у Вольтера так называемых «баррикад», т. е. парижских событий 26—27 августа 1648 г., — он разъяснил исторический смысл слова, а затем добавил, что оно непереводаемо,

⁷⁴ История царствования Лудовика XIV и Лудовика XV, ч. IV, стр. 404.

⁷⁵ Там же, ч. III, стр. 48.

⁷⁶ Там же, ч. IV, стр. 420.

⁷⁷ Там же, ч. I, стр. 29—30.

⁷⁸ Там же, стр. 30.

⁷⁹ Там же, стр. 378—379.

⁸⁰ Там же, ч. II, стр. 196.

равно как гильотина и ножы, и так же «для нас непонятно, как республиканские свадьбы» (речь шла о массовых политических расправах, осуществленных Ж.-Б. Каррье в 1793 г. в Нанте).⁸¹ К словам Вольтера о печальной судьбе династии Стюартов, свергнутой в 1688 г. с английского престола, Воейков сделал примечание, представлявшее собой решительное осуждение цареубийства: «Вольтер не предчувствовал, что дом Иакова II можно будет назвать счастливым в сравнении с домом Бурбонов. Англичане свергли с престола короля, но не ругались бедною его супругою, не терзали несчастного младенца его в такие лета, когда и самое имя преступления не могло быть ему известно. Беспрецедентное в истории злодеяние должно было совершиться в конце века мудрости, в просвещеннейшем государстве и в царствование разума». ⁸² Лаконичную ремарку Воейков использовал для очередного проклятия французской революции. («Кажется, здесь Вольтер пророчествует о французском перевороте. Пророчество его сбылось, и миллионы мучеников запечатлели его своею кровию»,⁸³ и т. п.).

Этой «истерзанной анархией» и «внутренними распрями» Франции Воейков навязчиво противопоставлял «благоденствующую» под эгидой самодержавных властителей Россию. Он утверждал, что русские государи никогда не обманывали подданных ложными ласками и «не имеют нужды так поступать: решимость и прямотушие доказывают прочность правления». ⁸⁴ Он говорил о преимуществе греческой церкви перед западной, римской («В греческой восточной церкви не происходило никаких возмущений, не сожигали людей при торжественном пении и пляске; патриархи не лишали государей престолов, за деньги не прощали грехов. Мы не имели Боргиев, Александра VI и пр.; но имели Гермогена, Филарета и пр.»), ⁸⁵ отечественного способа правления перед французским, ⁸⁶ восхищался филантропической деятельностью Екатерины II ⁸⁷ и вежливостью российской полиции, «созданной для граждан», между тем как во Франции граждане якобы существуют для полиции. ⁸⁸

В своем верноподданническом рвении Воейков — восемь лет спустя после убийства Павла — решился даже заявить, что, в то время как «многие христианские государи умерщвлены изуверами», в России ничего подобного не случалось: «Россияне всегда умели воздавать божию богови, а кесарева кесареви». ⁸⁹

⁸¹ Там же, ч. I, стр. 58—59.

⁸² Там же, стр. 329 (ср. ч. III, стр. 309).

⁸³ Там же, ч. II, стр. 397.

⁸⁴ Там же, стр. 48.

⁸⁵ Там же, стр. 312.

⁸⁶ Там же, ч. IV, стр. 52.

⁸⁷ Там же, ч. II, стр. 175.

⁸⁸ Там же, стр. 169.

⁸⁹ Там же, ч. IV, стр. 65.

Таков был этот перевод, перевод-расправа, последний новый перевод из Вольтера-историка, вышедший в начале века на русском языке отдельной книгой. В последующее время интерес к вольтеровскому историографическому наследию затухает, а если вдруг и вспыхивает вновь, то лишь для очередного разоблачения: в 1811 г. «Вестник Европы» поместил на своих страницах фрагмент сочинения Мабли «De la manière d'écrire l'histoire»,⁹⁰ где метод Вольтера — автора исторических трудов — безоговорочно осуждался и отвергался,⁹¹ а несколько позднее харьковский журнал «Украинский вестник» напечатал перевод статьи «De l'histoire» из «Questions sur l'Encyclopédie» (впоследствии она включалась в «Dictionnaire philosophique»), сопроводив его примечаниями от издателя (Евграфа Филомафитского) и переводчика Исакова, сильно напоминавшими язвительные реплики Воейкова. В связи, например, с утверждением Вольтера, что «Север оставался в диком состоянии до XVI столетия», Исаков заметил: «Напрасно г. Волтер приписывает вообще всем северным народам необразованное состояние до сего времени. Не упоминая о других государствах, одна Россия уже издавна составляла государство довольно образованное, что самая история ее доказывает. Царствование Владимира Великого в X и XI веках и Владимира Мономаха в начале XII столетия уже достаточно опровергают мнение о необразованности России, почему и нет нужды приводить здесь многие другие примеры. К тому же песнь о походе Игоря против половцев, драгоценный отрывок древней русской поэзии, по высоким мыслям и по возвышенным чувствам своим принадлежит к творениям XII века».⁹²

Еще более острую реакцию вызвало осуждающее замечание Вольтера об искажении исторических фактов: «Как люди, почтиаемые даже просвещеннейшими, противоречат часто сами себе — когда просвещение их или безбожно, или безнравственно! Как они осуждают себя и определяют себе наказание сами! Я припоминаю здесь „Историю Петра I-го“, писанную сочинителем сей статьи».⁹³

⁹⁰ «Вестник Европы», 1811, ч. LVII, № 11, стр. 211—212.

⁹¹ Знакомство с этим трактатом Мабли русских людей восходит еще к началу 1780-х годов: 3 марта 1783 г. о нем сообщил А. Р. Воронцову его анонимный французский друг, а вскоре книга была им передана Н. К. Хотинскому, поверенному в делах русского посольства в Париже, для отсылки в Петербург. Рекомендуя трактат Воронцову, автор письма отмечал, что шум, произведенный этим сочинением в парижском обществе, был вызван преимущественно «той свободой, с которой он (т. е. Мабли, — П. Э.) отнесся к памяти Вольтера как историка». «Быть может, — отмечалось в письме, — он и прав по существу, но выражено это, по-видимому, неподобающим образом» (Архив кн. Воронцова, кн. 30. М., 1894, стр. 34—35). Об отношении к Мабли в России XVIII в. см.: Ю. М. Лотман. Радищев и Мабли. В кн.: XVIII век, сб. 3. М.—Л., 1958, стр. 276—308).

⁹² «Украинский вестник», 1816, ч. IV, кн. 10, стр. 25.

⁹³ Там же, кн. 12, стр. 294.

Сходную судьбу имела в России тех лет вольтеровская повесть. Необычайный интерес к ней, проявившийся в начале 1800-х годов, вскоре сменился почти полным охлаждением, в основе которого лежал целый ряд причин.

Цензурный гнет павловского времени исключал не только появление новых переводов «Задига», «Простодушного» или «Принцессы вавилонской», но даже простое переиздание старых, уже разрешенных некогда к печати. Во всяком случае, о подобных переизданиях, относящихся к самому концу XVIII в., ничего не известно, да и попытки осуществить их в том или ином виде было, по всей вероятности, очень немного. С уверенностью можно указать лишь на попытку, сделанную в декабре 1800 г. И. Г. Рахманиновым. Потерпевший полный крах в своем стремлении донести до русского читателя все обширное наследие «фернейского старца»,⁹⁴ доживавший свой век в деревенской глуши, полузабытый и больной,⁹⁵ он еще продолжал на что-то надеяться. Узнав о намерении петербургского книгоиздателя И. П. Глазунова перепечатать некоторые его издания, он тотчас же охотно откликнулся на это предложение. С грустью сообщая Глазунову, что возобновить собственную издательскую деятельность он больше не сможет, ибо «ныне уже остались только одни государственные типографии да и в цензуре другие уже положения», он заранее соглашался на переиздание любой из выпущенных им книг.⁹⁶ Но, предоставив Глазунову право выбора, Рахманинов все же подсказал ему несколько названий. Среди них были «Утренние часы» и «Мой спальный колпак» Мерсье. Упомянут был, конечно, и Вольтер: «...а может быть, с нынешним вновь пересмотрением, некоторые и Вольтеры (сочинения, — П. Э.), тогда печатанные, позволят».⁹⁷ Реальных последствий письмо, однако, не имело. Для осуществления столь смелого по тем временам замысла обстановка оказалась в высшей степени неблагоприятной.

⁹⁴ См.: Эпоха Просвещения, стр. 190—194; Н. И. Сташук. Вольная типография И. Г. Рахманинова на Тамбовщине. «Вопросы истории», 1956, № 12, стр. 123—126.

⁹⁵ См. любопытную с этой точки зрения и для характеристики Рахманинова вообще запись от 9 февраля 1807 г. в дневнике С. П. Жихарева (1788—1860): «В детстве моем я слышал от родных, что дядя мой Иван Герасимович Рахманинов, которого я зазнал уже стариком и помещиком деревенским в полном значении слова, занимался некогда литературой и был в связи с Крыловым и Клушиным. Мне захотелось поверить это семейное сказание» (С. П. Жихарев. Записки современника. М.—Л., 1955, стр. 356).

⁹⁶ Отдел рукописей ГПБ, ф. 188, № 10, л. 1—1 об. — Письмо это (от 4 декабря 1800 г.) упомянуто в статье И. М. Полонской «И. Г. Рахманинов — издатель сочинений Вольтера» («Труды Гос. Библиотеки СССР им. В. И. Ленина», т. VIII, М., 1965, стр. 158—159; там же приведена фотокопия первой страницы письма).

⁹⁷ Отдел рукописей ГПБ, ф. 188, № 10, л. 1 об.

Произошло это лишь с изменением цензурного режима: в ноябре 1801 г. Рахманинов «заключил условие» с московскими купцами Трофимом Акоховым и Акимом Козыревым о продаже для выпуска «вторым тиснением» принадлежавших ему оригиналов разных сочинений, и в первую очередь — вольтеровских, как-то: «Политическое завещание, в одной книге, Собрание сочинений, в трех частях, Аллегорические и философические сочинения, в одной книге, Известие о болезни и исповеди, в одной книге»,⁹⁸ а в следующем году в доверенности, выданной губернскому секретарю Н. М. Осипову, констатировал появление в свет «Волтеровых сочинений трех частей».⁹⁹

Речь шла о новом издании трех первых частей «Полного собрания всех донныне переведенных на российский язык и в печать изданных сочинений г. Волтера», отпечатанном в Сенатской типографии в Москве в 1802 г. Для Рахманинова это событие могло послужить некоторым утешением. Хотя имя подлинного издателя и переводчика нигде не называлось, труд его обрел вторую жизнь, и притом без малейших искажений, без всяких отмен и перемен: от издания 1793 г. вновь выпущенные книги отличались лишь пагинацией и шрифтами.

Таким образом, давно ощущавшаяся на книжном рынке потребность в сочинениях Вольтера, и прежде всего Вольтера-прозаика, была отчасти удовлетворена. Но только отчасти. Среди шестидесяти двух произведений и фрагментов, включенных в свое время Рахманиновым в первые части его издания, не было, например, ни одной из философских повестей, получивших в России особенно большую и прочную известность. То, что Рахманинов некогда собирался сделать сам (помимо двух, уже подготовленных, он предполагал выпустить еще по меньшей мере пятнадцать частей), теперь предстояло в короткий срок осуществить многим издателям и типографам. Первой такой книгой, как бы дополнявшей «Полное собрание всех донныне переведенных... сочинений г. Волтера», явился «Гурон, или Простодушный», опубликованный в том же 1802 г.¹⁰⁰

Впрочем, и этот перевод не был новым, но лишь «возобновлением» старого, принадлежавшего перу Николая Евстафьевича Левицкого (1789). Выправил ли его сам Левицкий, вновь обратившийся к переводческой деятельности после длительного и, по всей вероятности, вынужденного обстоятельствами перерыва,

⁹⁸ «Известия Тамбовской ученой архивной комиссии», вып. XVIII, 1888, стр. 87. — Два из названных Рахманиновым сочинений Вольтеру не принадлежали: автором «Политического завещания» был Маршан, «Известия о болезни» — Селис. Об этом см. выше.

⁹⁹ «Известия Тамбовской ученой архивной комиссии», вып. XVIII, стр. 88—89.

¹⁰⁰ Гурон, или Простодушный. истинная повесть, из сочинений г. Волтера. Перевод с французского. СПб., 1802.

или кто-либо другой, неизвестно. Очевидно только, что правка была осуществлена весьма старательно и, что особенно важно, с пониманием перемен, происшедших в русском языке и в политической ситуации: в тексте 1789 г. имелось довольно много умолчаний и замен.

Так, Библия обозначалась там начальной буквой соответствующего французского слова (В...), Новый завет — Н. Э., действительная благодать — д. б., Галликанская церковь — гал... ц... , и т. п.; вместо «раскрещусь» («je me débaptise») стояло «все брошу», а глава о крещении юного Гурона была изъята, за исключением небольшого, самого невинного фрагмента, присоединенного к предыдущей главе.¹⁰¹

Теперь все это вернулось на свое место; что же касается глав «Le Huron pommé l'Ingénu converti» и «L'Ingénu baptisé», то первая осталась в прежнем виде, между тем вторая была приведена полностью, вследствие чего отчасти повторяла сказанное выше. Однако и в новой редакции «преступное» намерение Гурона сочетаться браком со своей крестной матерью было скрыто от читателей, так что острота эпизода оказывалась совершенно непонятной (в одном случае вместо слова стояло многоточие, в другом — «vous n'avez point de marraine» интерпретировалось как «у вас нет таких девиц»), а также отсутствовала сцена посещения «прекрасной Сент-Ивой» иезуита, отпугнувшая «предлагателя-редактора» своим антиклерикальным звучанием.¹⁰²

Другим важным дополнением к собранию всех вольтеровских сочинений был изданный в 1802 г. «Белый бык», единственная повесть «фернейского патриарха», все еще остававшаяся неизвестной широкому русскому читателю, хотя попытки такого рода делались и раньше.¹⁰³ Правда, и в 1802 г. эта остроумная повесть-памфлет ввиду ее антибиблейской направленности¹⁰⁴ могла увидеть свет на русском языке лишь в сильно «очищенном» виде. Из нее исчезли Моисей, прародительница Ева, архангел Рафаил, исчезли пророки Иезекииль, Иеремия, Даниил, исчезли

¹⁰¹ См.: Эпоха Просвещения, стр. 181—184.

¹⁰² По-видимому, первоначально «Гурон» должен был составить часть сборника «философических и критических» сочинений Вольтера. Об этом свидетельствует хранящаяся в Государственной Публичной библиотеке (Ф. XV.35) наборная рукопись повести (с цензурным разрешением от 8 июля 1801 г.); кстати, рукопись эта дает наглядное представление об изменениях, которые претерпел текст, опубликованный в 1789 г.

¹⁰³ См., например, любопытный рукописный перевод 1797 г., подписанный литератами В. Е. (Отдел рукописей ГПБ, ф. 341, № 414, 29 лл.). Он сравнительно точен. Лишь несколько трудных мест оставлено в тексте по-французски: названия музыкальных инструментов, географические наименования, заглавия книг, стихи. По непонятным причинам отсутствует в нем также конец, большая часть одиннадцатой главы — от слов «on s'en retournoit à Memphis dans le même ordre».

¹⁰⁴ Об этом см.: Л. Каган. Философские повести Вольтера. В сб.: Реализм XVIII века на Западе, М., 1936, стр. 129.

Иона, Товия, Иов, Ахав, Самсон, Авраам и Иаков, царь Соломон, исчезли Вооз и Руфь, исчез Навуходоносор, вместо которых появились соответственно «один глубокомысленный философ», Прокрита, Лиафар, Мердаманзар, Фаметрапассар и Амиколеф, Цетобрух, Витои, Марбон и Кридокс, Феладассар, Иронт, Барамид, Таллемад, Фора и Анамира и, наконец, Бифеосграс. Было в русском переводе и много других замен и просто изъятий (так, не оказалось в нем Палестины, Иерусалима, «древа познания» и т. п.), но при этом в переводе остались и Эндорская волшебница, и змей, и голубь, да и превращение вавилонского царя в быка восходило к библейской легенде, заключенной в четвертой главе книги Даниила. К тому же, придумывая своим героям новые экзотические имена, переводчик и сам в ряде случаев обращался к Библии. Так, по-видимому, сконструировал он имена Мердаманзар, Фаметрапассар, Феладассар (ср. фигурирующие в Библии имена ассирийских царей: Валтассар, Теглатпалассар, Саразар, Салманазар). Пользовался он и другими приемами, например перестановкой букв (Рафаил — Лиафар) и слогов (Сихем — Хемис, Товия — Витои, Иордан — Надорио), а иногда — заимствованиями из западноевропейских языков (Бифеосграс — фр. boeuf-gras); однако библейская основа повести с большой отчетливостью проглядывала и сквозь этот более или менее фантастический покров. Целью переводчика было скорее всего лишь «успокоить» петербургскую цензуру.

Все это плохо вяжется с обликом литератора, которому традиционно и, кажется, без достаточных оснований приписывается перевод «Белого быка», — Семена Емельяновича Родзянко.¹⁰⁵ Воспитанник Благородного пансиона при Московском университете (1797—1800), он сформировался в атмосфере совсем иных общественно-литературных интересов и воздействий.¹⁰⁶ В кругу его ближайших друзей к Вольтеру относились без особых симпатий. Андрей Тургенев осуждал его философию, главными чертами которой считал «дерзость, ругательства, эгоизм»,¹⁰⁷ другие

¹⁰⁵ См.: Д. Языков. Вольтер в русской литературе (историко-библиографический очерк). Под знаменем науки. Сб. статей в честь Н. И. Стороженко. М., 1902, стр. 706; В. И. Резанов. Из разысканий о сочинениях В. А. Жуковского. СПб., 1906, стр. 269.

¹⁰⁶ См.: В. И. Резанов. Из разысканий о сочинениях В. А. Жуковского, стр. 252—268.

¹⁰⁷ Рукописный отдел Института русской литературы АН СССР, Архив бр. Тургеневых, ф. 309, № 271, л. 9 об. (запись от середины ноября 1799 г.). Впрочем, и Андрей Тургенев сознавал, конечно, значение Вольтера. См., например, его иронический отклик на охранительную «Оду в честь моему другу» П. И. Голенищева-Кутузова:

О, как священная религия страдает!
Вольтер ее бранит, Кутузов защищает!

(Поэты начала XIX века. Л.,
1961, стр. 256).

не оставили столь же красноречивых признаний, но дальше почитательной констатации заслуг «фернейского патриарха» перед французской словесностью почти никто из них не шел,¹⁰⁸ особенно же чужд «вольтеризму» был сам Родзянко, опубликовавший на страницах пансионского сборника «Утренняя заря» несколько сочинений в юнгианском духе («Ночные размышления о боге», «Величество боже», «Страшный суд») и вообще тяготевший к мистицизму.¹⁰⁹

Правда, ему принадлежал также один перевод из вольтеровских «Questions sur l'Encyclopédie»,¹¹⁰ но, как ни странно, диалог этот весьма легко вписывался в контекст окружавших его меланхолических раздумий о мироздании, целях бытия, вечности и боге, и уж, во всяком случае, нисколько не напоминал озорных замечаний Вольтера об Эндорской волшебнице и ее затянущемся девичестве, о веселой трапезе волхвов и о козле отпущения, которому после того, как он был возвращен из пустыни, «в награждение дали двенадцать коз».¹¹¹

Для современников имя переводчика «Белого быка» едва ли представляло особый интерес, самое же появление перевода в свет было отмечено в печати, хотя и в довольно сдержанном тоне: «О сей книжке можно сказать то же, что и о „Гуроне“, — сообщил в этой связи «Московский Меркурий», отсылая читателей к помещенной там же критической статье, где отмечалось, что «сей новый перевод „Гурона“ недурен».¹¹² Впрочем, критик сомневался в возможности перевода, сохраняющего «весь колорит оригинала»: «Где взять тонкое вольтерово перо — напитанное философиею и которое, однако же, с удивительною легкостью бегаёт по бумаге, резвясь и роняя блистательные перлы остро-

Кстати, среди «добродетелей» этого «образцового» друга неслучайно называлось его сдержанное отношение к Руссо и Вольтеру:

Читал Руссо ты и Вольтера,
Но их не чтить за мудрецов.

(«Иппокрена, или Утехи любословия»,
1799, ч. IV, стр. 25).

¹⁰⁸ С этой точки зрения показательна составленная Жуковским в 1805 г. для самообразования «Роспись во всяком роде лучших книг и сочинений, из которых большей части должно сделать экстракты», где упоминаются «Век Людовика XIV» и «Век Людовика XV», повести и некоторые произведения других жанров (*oeuvres diverses*). Характерно также, что ни один из своих литературных замыслов, связанных с Вольтером, Жуковский так и не осуществил (см.: В. И. Резанов. Из разысканий о сочинениях В. А. Жуковского, вып. II, Пгр., 1916, стр. 247, 250, 253, 554).

¹⁰⁹ Ю. М. Лотман. Андрей Сергеевич Кайсаров и литературно-общественная борьба его времени. Тарту, 1958, стр. 27, 60.

¹¹⁰ Разговор между философом и натурою. «Утренняя заря», М., 1800, стр. 182—188.

¹¹¹ Белый бык, истинная повесть, сочинения г. Волтера. СПб., 1802, стр. 74.

¹¹² «Московский Меркурий», 1803, ч. I, № 2, стр. 158.

умия».¹¹³ Еще меньше был он уверен в том, что вольтеровская повесть не утратила для русского читателя своей былой злободневности. «Кто не знает вольтеровых романов! кто не читал „Кандида“, „Принцессы Вавилонской“, „Микромегаса“!.. — восклицал он. — Но все сии *маленькие* творения *великого* человека (если рассматривать их только с философической стороны) будут ли еще и ныне также нравиться, как они нравились лет за тридцать прежде? — Есть вещи, которые тогда действительно почитались очень важными, а ныне уже никого не занимают!»¹¹⁴

В этих словах, несмотря на примененный по отношению к Вольтеру эпитет «великий», ощущалась карамзинская ориентация журнала.¹¹⁵ При всех их достоинствах повести «фернейского мудреца» не могли сравниться с остальным его творчеством, они были *маленькими* творениями и по своим размерам, и по значению в противоположность его «Генриаде» и театру.

Сходным образом отозвался тогда же о вольтеровских повестях вообще Я. А. Галинковский в разделе «Корифея», посвященном романам Коцебу. Этим бездарным и бесцельным, с его точки зрения, писаниям чересчур плодovitого немецкого автора¹¹⁶ он противопоставлял внушавшие ему сочувствие различные явления европейской литературы — Боккаччо, Филдинга, Ричардсона, Стерна, Мармонтеля, Флориана, Руссо. Противопоставлял ему Галинковский и Вольтера, вспоминая в качестве очередного укора Коцебу «остроту» его романа (при этом он называл «Принцессу вавилонскую» и «Кандида»). Однако утверждая, что вольтеровские повести являются «образцами в своем роде», Галинковский отнюдь не переоценивал самый этот род творчества: Вольтер-прозаик мог научить искусству сочинения хотя и превосходных, но «безделок», которые к тому же обесценивались «ложной философией», в них заключенной.¹¹⁷

Эти и подобные им суждения¹¹⁸ не могли, разумеется, пройти бесследно, они настораживали читателей, охлаждали их пыл, спо-

¹¹³ «Московский Меркурий», 1803, ч. I, № 2, стр. 157.

¹¹⁴ Там же, стр. 156—157.

¹¹⁵ Об этом см.: В. Г. Березина. Русская журналистика первой четверти XIX века. Л., 1965, стр. 20—22.

¹¹⁶ «Он, — замечал Галинковский, — подражает Вольтеру, но только с худой стороны: жадничает написать целую библиотеку и в этом успеет, только с тою разницею, что у Вольтера 70 томов простоят 7 веков, а у него на 7 лет: ибо есть добрая надежда, что скоро этот мелочной, скороспелой вкус исчезнет в обществе, и тогда прощай и сказки и вишваши (всякая всячина) г-на Коцебу». («Корифей, или Ключ литературы», кн. II, СПб., 1803, стр. 173).

¹¹⁷ «Корифей», кн. II, стр. 171—172.

¹¹⁸ См., в частности, «Взгляд на повести, или сказки» («Патриот», 1804, т. II, кн. 2, стр. 205—214), анонимный автор которого «замысловатым сказкам» Вольтера с их язвительными насмешками над «философией века» предпочитал чувствительную повесть Мармонтеля, «оттенявшего легкою кистию

собствовали их общественной и эстетической переориентации. И все же интерес к «плевелам волтеровым» (и вообще к философской прозе — западноевропейской и русской)¹¹⁹ был еще очень силен. Об этом свидетельствует серия переводов его повестей в петербургских и московских журналах, а также во всякого рода сборниках, изданных в обеих столицах и в провинции, например в Смоленске.

Переведенная в 1795 г. из Петербурга смоленская типография выпустила в последние годы XVIII—первые годы XIX в. большое число всевозможных книг. Купец И. Я. Сытин, которому типография, находившаяся первоначально в ведении приказа общественного призрения, а затем губернского правления, была отдана в аренду, обладал солидным издательским опытом (он содержал эту типографию и в петербургский период). Разбирался ли он в литературе сам, или же пользовался советами понимающих людей, но во всяком случае издавал Сытин наиболее читаемых авторов — главным образом иностранных. Центральное место среди них принадлежало Коцебу, но и «фернейский патриарх» не был оставлен без внимания: в 1803 г. вышел в свет «Дух, или Избранные сочинения г. Волтера».¹²⁰

Издание это не являлось новым в точном смысле слова; оно было составлено из опубликованных уже в разных местах переводов, но все они подверглись довольно тщательной, хотя и не всегда умелой обработке. Более других отличался от исходного перевод «Белого быка» (озаглавленного на сей раз «Белый вол»). Несмотря на некоторое число текстуальных совпадений с переводом 1802 г., его можно было бы считать самостоятельным, не будь в нем всех без исключения ранее употребленных приемов мистификации (замена библейских имен, уничтожение аллюзий) и, кроме того, одной «общей» ошибки: царица Амазида у Вольтера старше на два года. Правда, именам собственным в смоленском переводе придан был несколько иной вид, но сделано это было непоследовательно: в большинстве случаев именам сообщалось условно-греческое звучание (Мембрес — Мамвриос, Бифеосграс — Вифеосграс, Цетобрух — Цефобрух, Манетон — Манефон); Феладассар же оказывался Теладассаром,

картины жизни и общежития», а также его «последователей» и «единомышленников» в разных странах — Жанлис, А. Лафонтена, Мейснера, Карамзина. (См.: Н. И. Мордовченко. Русская критика первой четверти XIX века. М.—Л., 1959, стр. 110—112).

¹¹⁹ Ю. М. Лотман. Пути развития русской прозы 1800-х—1810-х годов. Труды по русской и славянской филологии, т. IV, Тарту, 1961, стр. 8.

¹²⁰ См.: В. П. Семенников. Литературная и книгопечатная деятельность в провинции в конце XVIII и в начале XIX веков. «Русский библиофил», 1911, № 8, стр. 28—30; Е. И. Кацпржак. Типография И. Я. Сытина в Петербурге (1791—1795). «Труды Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина», т. II, М., 1958, стр. 38—66.

Эфида — Этидой, а Лифар — Лиатаром.¹²¹ Перевод «Истории Дженни» восходил к новиковской «Городской и деревенской библиотеке»,¹²² прочие — в той или иной степени — к «Аллегорическим, философическим и критическим сочинениям г. Волтера», «преложенным» и собранным в свое время И. Г. Рахманиновым.¹²³ Этой книгой был скорее всего подсказан Сытину и самый тип издания, хотя во Франции уже около полувека существовал «Esprit de Monsieur de Voltaire».

Тогда же (1803) в Москве увидел свет другой сборник под названием «Разумный и забавный собеседник», куда в новых переводах вошло несколько прозаических сочинений Вольтера: «Мемнон, или Человеческая мудрость», «Белый и черный» и статья из «Questions sur l'Encyclopédie» — «Наружность, видимость» (Apparence).¹²⁴ Показательно окружение вольтеровских повестей в этом сборнике, рассчитанном на читателя «новейшей формации»: Руссо, Бартеlemi, К.-Ф. Мориц и, конечно, Коцебу, занимавший чуть ли не треть книги.¹²⁵

Две заново переведенные повести Вольтера появились в том же году на страницах «Новостей русской литературы» (обе они получили широкое распространение в русской читательской среде, особенно «Индийское приключение», опубликованное к тому времени по меньшей мере восемь раз),¹²⁶ а вскоре там же был напечатан отрывок из «Человека с сорока экю» — «О пропорциях», одна из важнейших глав произведения, впервые переведенного на русский язык за четверть века до того.¹²⁷

¹²¹ Соотношение этих переводов заставляет даже предполагать существование соответствующего французского источника, однако до настоящего времени о подобном варианте повести ничего не известно.

¹²² «Городская и деревенская библиотека», 1786, ч. XII, стр. 67—168.

¹²³ Об этом см.: Эпоха Просвещения, стр. 191.

¹²⁴ Разумный и забавный собеседник. М., 1803, стр. 37—48, 116—140, 49—53.

¹²⁵ В напечатанном там небольшом руссонском сочинении Коцебу «Письмо одного пустытника к своему другу», между прочим, с сочувствием цитировался Вольтер — знаменитые строки из «Послания к кавалеру де Буфлер» (1766):

Dieu fit la douce illusion
Pour les heureux fous du bel âge
Pour les vieux fous l'ambition,
Et la retraite pour le sage.

(стр. 187).

Годом раньше то же сочинение появилось в смоленском издании произведений Коцебу (пер. П. Кайсарова), но на сей раз фрагмент из Вольтера был напечатан в русской транскрипции — надо полагать по «техническим причинам».

¹²⁶ «Новости русской литературы», 1803, ч. VII, № 57, стр. 65—70; № 58, стр. 81—83. — Ранее этот журнал (1802, ч. IV, № 87, стр. 132—143) поместил извлечение из «La défense de mon oncle» (1767).

¹²⁷ Там же, 1804, ч. X, № 47, стр. 325—336. См. вольтеровскую реминисценцию: там же, ч. IX, № 11, стр. 161.

Еще более плодотворным в этом смысле оказался следующий, 1805-й год, на протяжении которого в Москве вышли четвертый и пятый тома Полного собрания всех сочинений г. Волтера и Собрание его прозаических сочинений в пяти частях.¹²⁸

Хотя издания эти появились у разных типографов (Христофор Клаудий в первом случае, С. Селивановский — во втором) и имели различные цели, обозначенные в заглавиях, их состав в значительной степени совпадал (10 сочинений из общего числа соответственно 18 и 20). Сходным был и характер их с точки зрения переводческой: новые переводы соседствовали в них с подновленными и просто заимствованными из старых изданий.

С помощью последних был составлен в большей своей части пятый том Полного собрания всех сочинений (источником вновь послужил рахманиновский сборник «Аллегорические, философические и критические сочинения г. Волтера»). Там же был напечатан «Гурон» в переводе Левицкого, сильно переработанном не только по сравнению с первоначальным вариантом, но и с редакцией 1802 г.¹²⁹

Почти в таком же виде «Гурон» вошел в «Романы и повести», издатель которых, как видно, особенно сочувствовал подобной компромиссной манере, облегчавшей и ускорявшей его деятельность. Аналогичным образом были для него приспособлены перевод «Задига», сделанный некогда И. Л. Голенищевым-Кутузовым, полунинский перевод «Принцессы вавилонской» и перевод «Человека с сорока экю», связь которого с исходным текстом, впрочем, столь трудно уловима, что его вообще можно отнести к разряду новых, составляющих в этом издании часть третьей и всю пятую книгу (шестнадцать названий). Целый том был отведен новым переводам и в Полном собрании всех сочинений, но число их ограничивалось четырьмя: «Кривой носильщик», «Кози-Санкта», «Задиг» и «История Джени» (с восстановленной третьей главой).

«Романы и повести» не предполагали ни продолжения, ни дополнений. Что же касается Полного собрания, то на пятой части издание прекратилось — возможно, из-за смерти Хр. Клаудия. В сопоставлении с изданием Рахманинова успех был невелик: восемнадцать произведений вместо многих десятков, если не сотен, о которых мечтал «казинкский философ». Но и это предприятие выглядело почти грандиозным на фоне единичных, случайных публикаций вольтеровской прозы в дальнейшем.¹³⁰ Недаром именно рубеж веков в сознании современников надолго остался эпохой,

¹²⁸ Романы и повести г. Волтера. М., 1805.

¹²⁹ В этом обновленном виде «Гурон» тогда же был издан отдельно: Гурон, или Простодушный, истинная повесть, из сочинений г. Волтера. М., 1805.

¹³⁰ Речь идет о сокращенном («Московский собеседник», 1806, октябрь, стр. 377—385) и полном («Аглая», 1809, ч. V, кн. I, стр. 28—51) переводах повести «Жанно и Колен». Вышедший в 1812 г. трехтомный «Дух г. Волтера» до нас не дошел, так как все экземпляры его погибли во время московского пожара. См.: Д. Языков. Вольтер в русской литературе, стр. 12.

когда «переводились, печатались и с дозволения цензуры продавались все забавные, веселые и богомерзкие романы Вольтера, „Кандид“, „Белый бык“ и „Принцесса вавилонская“, когда даже „совершенные неучи“ превозносили „Кандида“ или „Белого быка“». ¹³¹

Впрочем, «Кандид» попал в этот перечень «по инерции»: он был единственной знаменитой повестью Вольтера, не переиздававшейся ни на протяжении 1800-х годов, ни позднее главным образом по цензурным причинам. Подтверждением может служить, например, дошедший до нас любопытный рапорт цензора, ординарного профессора Я. Толмачева. Ознакомившись с рукописью «Вольтер. Кандид, или Оптимизм», он 17 декабря 1818 г. донес Санкт-Петербургскому цензурному комитету о том, что «содержание всей повести клонится к опровержению промысла, пекущегося о мире; соблазнительные же происшествия, составляющие оную, представлены в самом гнусном циническом виде. Оные противны не только нравственности, но даже общим правилам благопристойности». ¹³²

И все же дело было не только в цензурных препонах: усвоение вольтеровского творчества, как и раньше, происходило в обстановке напряженной идеологической борьбы, одним из аспектов которой было противодействие французскому влиянию в разных сферах русской общественно-литературной жизни, и прежде всего влиянию Вольтера.

* * *

Как отмечалось, борьба с Вольтером в русской печати восходила к 60-м годам XVIII в., своего апогея же достигала на рубеже 1780—90-х годов. К концу столетия в ней наметился некоторый спад: Вольтер оказался под строжайшим цензурным запретом, и полемика с ним в широких масштабах утратила смысл. После мартовских событий 1801 г., когда «фернейский патриарх» вновь обрел в России былые права, возобновилась и война с ним, усиливавшаяся по мере того, как нарастал поток русских переводов его произведений. Вскоре после появления первых томов Полного собрания всех сочинений, а также переписки с Екатериной II прозвучали и первые (в этот период) голоса против Вольтера. Убедившись в том, что угроза вольтеризма отнюдь не миновала, русская «антивольтеровская партия» перешла в наступление. При этом она использовала как отечественных, так и французских противников «новой философии», своих современников и современников Вольтера. Одним из первых на свет был извлечен полузабытый труд аббата Клода-Мари Гюйона «L'Oracle des nouveaux philosophes»,

¹³¹ Ф. Ф. Вигель. Записки. т. I. М., 1928, стр. 142, 339.

¹³² Центральный государственный исторический архив СССР (Ленинград), ф. 777, оп. 1, № 256.

изданный в 1759—1760 гг. В ее русской редакции, принадлежавшей И. И. Ястребцову, книга получила наименование «Оракул новых философов, или кто таков г. Волтер».

Основной целью Гюйона было доказать «несостоятельность» вольтеровской (и вообще просветительской) философии и опровергнуть ее с религиозно-мистических и метафизических позиций. Он отвергал «веру естественную, запечатленную в сердцах наших», которая заключается лишь в «наблюдении нескольких правил нравственности и поклонении верховному существу, под каким бы то ни было видом, не привязываясь к обрядам».¹ Он осуждал Вольтера за провозглашенный им принцип «терпимости вер» и его попытки «принудить государей к принятию ее под свое покровительство» (речь шла главным образом о Фридрихе II).² Он полемизировал с Вольтером и одновременно с «только любимым им» Локком, а также с Гоббсом («правила» которого считал «коварными», «неистовыми», «пагубными») и «гоббзистами» по поводу так называемых «врожденных понятий», утверждая, что человечеству «от начала веков» присуще «врожденное понятие» о боге и естественном законе. «Толь вредному учению» Гюйон противопоставлял «спасительные действия откровения», плоды которого «превыше самого чувствования», «боговдохновенность» и абсолютную достоверность священных книг. Всячески отстаивал он от посягательств Вольтера и церковную обрядность, видя в «новых родах богопочтения, совершенно отличных от предписанного свыше», один из источников анархии, «жесточких междуусобных браней» и разных других плачевных явлений в жизни народов и государств. («Сия же язва, — восклицал в этой связи И. И. Ястребцов, — не наша желаемой себе пища в России, и посмотрите, какая там тишина и благоустройство; между тем как большая часть Европы, погибая от оружия, отсылала своих государей на аглинские эшафоты!»).³

Значительная часть книги Гюйона была посвящена вольтеровским «саморазоблачениям», в которых обнаруживался «зловредный» смысл многих сочинений «фернейского мудреца», якобы скрытый под оболочкой благопристойности и богопочитания. Следуя «с самых юных лет» призванию служить «защитою неверным и безбожным», этот воображаемый Вольтер, как оказывалось, лишь удивительно ловко маскировал свои «сокровенные мысли». В качестве примеров он называл «Магомета», «Опыт о нравах», «Послание к Урании», «Орлеанскую девственности» и ряд других. Всячески порицал Гюйон и вольтеровское «лицемерие»: провозгласив дружбу высшей добродетелью, он не сумел оценить расположение к себе царских особ и написал несколько «колких сатир» даже на Фрид-

¹ Оракул новых философов, или кто таков г. Волтер. Критические замечания. М., 1803, стр. 8.

² Там же, стр. 23.

³ Там же, стр. 116—117.

риха II, которого «прежде ставил выше Соломона, Тита, Траяна, Антонина и М. Аврелия».⁴

Особый (седьмой по счету) разговор был отведен расправе Вольтера с собратьями по перу—предшественниками и современниками, что противоречило будто бы произнесенной им сентенции: «Истинные любители наук должны быть друзьями между собою». «Критики» его не избежали ни Гомер, ни Вергилий, ни Тассо, ни Мильтон, ни Декарт, ни Малерб, не говоря уже о Дефонтене и Ж.-Б. Руссо. Книга завершалась обозрением вольтеровского творчества, где «уничтожению» подвергалось почти все, созданное писателем в «разных родах сочинения», за исключением «Генриады».

Книга Гюйона привлекла Ястребцова не случайно: своей основательностью она выделялась среди обширной антивольтеровской литературы, опубликованной во Франции при жизни «фернейского мудреца». И все же для читающей публики 1800-х годов это была старая книга, причем не только потому, что с момента ее выхода в свет прошло почти полвека, но и по содержанию: при всей его проницательности автор «Оракула», конечно, не мог себе представить, какую роль Вольтеру (и другим «новым» философам) суждено было сыграть в подготовке «революционного переворота». Между тем в сознании людей начала века Вольтер, умерший в 1778 г., был неотделим от этих великих событий, и творчество его неизбежно воспринималось сквозь их призму. С этой точки зрения читателей не мог не привлечь труд аббата Баррюэля «*Mémoires pour servir à l'histoire du jacobinisme*», вышедший на русском языке в переводе Петра Дамогацкого под характерным названием «Волтерианцы, или История о якобинцах».

Закаленный враг революции, проведенный около десяти лет в эмиграции в Англии, Баррюэль поставил перед собой нелегкую цель — проследить истоки «революционного заговора», определить причины, его породившие, назвать его участников, идеологов и предтеч.⁵ Предпринятый труд он считал важным политическим делом: повествуя о событиях, ушедших в прошлое, он призывал к бдительности современников и потомков. История французского вольномыслия должна была послужить уроком всему человечеству, всем странам.

Россия не исключалась из их числа, это отчетливо понимал П. Дамогацкий, несомненно вложивший немало собственного «энтузиазма» в перевод огромного сочинения о едва не погубивших Францию заговорах «якобинских корифеев».⁶ «1-й заговор,— указывалось в предисловии к книге,— составляют софисты беззакония

⁴ Оракул новых философов, или кто таков г. Волтер. Критические замечания. М., 1803, стр. 254.

⁵ См.: F. Baldensperger. Le mouvement des idées dans l'émigration française (1789—1815), t. II. Paris, 1924, pp. 19—29.

⁶ См.: А. Я. Кучеров. Французская революция и русская литература XVIII века. В кн.: XVIII век, сб. 1. М.—Л., 1935, стр. 271—272.

против бога, против всякой христианской религии вообще, без исключения и без различия... 2-й заговор заключает в себе софистов беззакония и возмущения против всех царей. 3-й заговор умышляют софисты беззакония и безначалия против всех законов и правлений, не исключая даже и республик, против всех гражданских обществ и против всякой собственности, какая б она ни была».⁷

Первый заговор явился делом рук «людей, называвшихся философами», и его «главным виновником» наряду с Даламбером, Дидро и Фридрихом II был Вольтер, «атаман над шайкою софистов-заговорщиков», ненавидевший закон (т. е. христианский закон), ибо «завидовал творцу его и всем тем, которые чрез него прославились».⁸ Баррюэль признавал, что «не было ни одного человека, который бы мог в ученом свете равняться с его талантами и пылкостью ума его»,⁹ но с юных лет «он ощутил в себе те пагубные страсти, которые обращают все таланты в ничтожество».¹⁰ Он задумал «ниспровергнуть религию», поклялся «посвятить жизнь свою на сей умысел» и сдержал обещание. Объединив вокруг себя единомышленников — атеистов, деистов, спинозистов («мерзкую сволочь», по определению Дамогацкого—Баррюэля), он повел их в поход против «святых отцов и новейших писателей, открывающих истину христианской религии и утверждающих бытие Иисуса Христа».¹¹ Паролем заговорщиков стало слово «избранное Вольтером для изъяснения своего умысла», слово, изобретенное «дьяволом ненависти, бешенства и безумства»: «подавляй нечестие» — так передал Дамогацкий знаменитое вольтеровское «Ecrasez l'infâme!».

Среди важнейших «предприятий» этого «нечестивого сонмища» Баррюэль называл издание Энциклопедии — «бесчисленного магазина всех заблуждений, всех софизмов и всех злоречий, выдуманных против закона»,¹² «истребление иезуитов», преследование «монашеских обществ» и «духовных орденов», «преобразование» Французской академии в «клуб беззакония», распространение «пагубных» книг и даже грабежа, насилия и «самые смертоубийства», производившиеся злоумышленниками под видом «терпимости вер».¹³

Адептов своих, утверждал Баррюэль, Вольтер улавливал везде — «от царских чертогов до хижин земледельцев». При его содействии в заговор были вовлечены, помимо Фридриха II, австрийский император Иосиф II, Екатерина II,¹⁴ Христиан VII Датский, Гу-

⁷ Волтерианцы, или История о якобинцах, ч. I. М., 1805, стр. XXIV—XXV.

⁸ Там же, стр. 1.

⁹ Там же, стр. 2.

¹⁰ Там же, стр. 3.

¹¹ Там же, стр. 34.

¹² Там же, стр. 61—62.

¹³ Там же, стр. 183.

¹⁴ Имя Екатерины II едва ли могло появиться в подобном контексте без особых обеляющих ее пояснений. «Между прусским королем и русским-

став III Шведский, принцы и принцессы, герцоги, ландграфы и маркизы, королевские министры, писатели, в том числе Ж.-Ж. Руссо (впрочем, «воевавший особняком»), Бюффон, Ламетри, Лагарп, Кондорсе («демон, который ненавидел Иисуса Христа больше, нежели они все вместе, и даже больше самого Волтера»),¹⁵ Гельвеций, Рейналь («который один стоит двадцати беснующихся изо всей секты»),¹⁶ не говоря уже о «бедных писачках, которые доставали себе пропитание чрез свои богохульства».¹⁷

Прибытие Вольтера в Париж, писал далее Баррюэль, явилось торжеством заговорщиков; «одна религия была в трауре во время сих триумфов».¹⁸ Лишь смерть его, вскоре затем последовавшая, принесла ей некоторое удовлетворение: он умер, «пожираемый собственной яростью более, нежели бременем лет»,¹⁹ и «бешенство Ореста подает только слабую идею» о его предсмертных мучениях.²⁰

Ненависть к христианской церкви, полагал Баррюэль, Вольтер испытывал «при самом своем рождении», и притом «в высочайшей степени». Ненависть его к государям зрела постепенно и никогда не достигла такого же накала. Он слишком ценил их милости, сам имел «все прихоти знатных бояр» и отнюдь «не хотел быть партизаном равенства». «Неистовая демократическая чернь» внушала ему значительно больший страх, чем самовластие монархов. Только к концу жизни «антипатия Волтера к тронам чрезвычайно сблизилась с антипатиею к олттарям».²¹

И все-таки основной удар в этой связи был направлен против «систем» Монтескье и Руссо и особенно франк-масонов, осуществивших их разрушительные замыслы в революционный период.

Однако на последних страницах «труда» Баррюэля имя Вольтера появилось вновь: наряду с Руссо он был назван «героем революции», да и все заключительное обращение исходившего яро-

ской) г(сударыней), — отмечалось в этой связи, — к которой заговорщики питали такую доверенность, различие было бесконечно. Сия особа, обольщенная усердием и талантами первого из злочестивых, нашла в нем первого образвателя вкуса и словесности; она с восторгом читала его сочинения, которые считала образцами истории и философии, не зная, что они содержат скрытую и с намерением писанную историю неверия» (там же, ч. II, М., 1806, стр. 18). Любопытно, что здесь же, словно в ответ на недовольство изданием по-русски переписки Вольтера с Екатериной, говорилось: «Те, которые станут судить о переписке сей особы, как литераторы, найдут весьма великое различие в письмах ее и короля прусского. Первые писаны остроумною женщиною, которая иногда очень забавно насмехается над Волтером. Сочиняя легким слогом и с величайшим вкусом, она при том сохраняет благородство духа и величие сана» (там же, стр. 19—20).

¹⁵ Там же, ч. II, стр. 144.

¹⁶ Там же, стр. 157—158.

¹⁷ Там же, стр. 151.

¹⁸ Там же, стр. 219.

¹⁹ Там же, стр. 226.

²⁰ Там же, стр. 225.

²¹ Там же, ч. III, М., 1806, стр. 26.

стью аббата к «правительствам и государям» имело прямое отношение к Вольтеру, ибо речь в нем шла в первую очередь о «сочинениях и книгах, преисполненных нечестия и возмущения», вышедших из-под пера «ложных мудрецов». «Они обещали нам революцию мудрости, просвещения, добродетелей, — патетически восклицал Баррюэль, — а произвели революцию заблуждения, иступления и злодейства. Они обещали вам революцию благополучия, равенства, свободы, золотого века, а произвели революцию, которая сама по себе ужаснейшей из бичей, ниспосланных на землю богом». Он призывал сильных мира сего не придавать значения таким повсеместно вошедшим в употребление словам, как «свобода гения» и «вольность книгопечатания», поскольку «тот им (людям, — П. З.) отец, а не деспот или тиран, кто у сих детей отнимает всякое орудие, могущее в руках их и против них самих сделаться мечем».²²

Публикуя свой «труд», Баррюэль надеялся принести пользу народам, «которые еще могут предохранить или избавить себя от сих бедствий».²³ К числу этих «счастливых» народов он относил, конечно, и русский. Не случайно в России — в реакционных кругах — высоко оценили его «заботу»: одновременно с двенадцатитомными «Волтерианцами» на русском языке были изданы «Записки о якобинцах» в шести частях, восходившие к опубликованному в 1799 г. в Лондоне «Abrégé des mémoires pour servir à l'histoire du jacobinisme».²⁴

Однако этим дело не ограничилось. Вслед за трудом Баррюэля и как бы в дополнение к нему в русском переводе появилось несколько других французских сочинений, направленных против Вольтера, его единомышленников и последователей. В 1808 г. начали выходить «Иудейские письма к г. Вольтеру» аббата Антуана Гене, издание которых растянулось на целое десятилетие.²⁵ В 1809 г. увидели свет «Энциклопедисты без маски»; в 1812 г. — трактат Риголе де Жювиньи «Об упадке наук и нравов».

«Иудейские письма» представляли собой критическое обозрение всех вольтеровских произведений и отдельных фрагментов, содержащих те или иные суждения о религии и «священных» книгах. Это была нескончаемая цепь изъяснений, возражений, отвержений, опровержений и разоблачений, с помощью которых автор — теолог и библиест — пытался рассеять «лжеумствования» Вольтера и защитить христианскую веру от его «несправедливых укоризн», «ложных нареканий» и «гнусных клевет».

²² Там же, ч. XII, М., 1809, стр. 153—154, 202.

²³ Там же, стр. 204.

²⁴ Записки о якобинцах, открывающие все противохристианские злоумышления и таинства масонских лож, имеющих влияние на все европейские державы. М., 1806—1808.

²⁵ Кроме того, ч. III была издана в 1816 г. повторно.

Русский переводчик первых четырех частей труда Степан Смирнов глубоко сочувствовал обличительному пафосу Гене.²⁶ В его представлении Вольтер являл собой «печальный пример буйства и ослепления ума человеческого», «гибельного растления ума и сердца». Он «всеми силами старался оспоривать и божественность книг моисеевых, книг пророческих и других библейских писаний, нападая со всею злобою и ядовитостью как на догматы учения, во оных содержащегося, так и на все почти происшествия, в оных повествуемые, искажая притом и обезображивая истинный смысл текста. Несчастный сей мечтал, что ежели ему удастся подорвать сие древнее основание, то здание христианства обрушится само собою».²⁷

Полагая, что в «преложенном» им труде «истинность и божественность сих книг доказана в высочайшем степени», он всячески рекомендовал его своим соотечественникам. «Таковое творение, — писал Смирнов, — очень достойно чтения правоверных россиян для большего их утверждения в благочестии».²⁸ О его отношении к книге Гене свидетельствовали также многочисленные примечания переводчика, в которых приводилась обширная дополнительная аргументация против Вольтера, «покаявшегося в исступлении своего дерзкого высокомерия искоренить христианство».²⁹

Два других названных выше сочинения не были посвящены Вольтеру полностью. В первом из них речь шла о «новой философии» и ее основателях, к которым, по мысли автора, относились наряду с Вольтером Даламбер и Дидро; во втором Вольтер фигурировал как «признак» — один в ряду многих — величайшего упадка «наук и нравов» в «наши дни».

²⁶ Ср. некролог Гене в «Северном вестнике» (1804, ч. I, № 2, стр. 234), где утверждалось, между прочим, что «Иудейские письма» «суть образец здравой критики и истинной учености».

²⁷ Иудейские письма к г. Волтеру, ч. I. М., 1808, стр. VI—VII.

²⁸ Там же, стр. IX. — С сочинением Гене отчасти перекликались «Fragments de l'Apologie de la Religion» Ж.-Ф. Лагарпа, его вышедшее посмертно антипросветительское сочинение, заключавшее и ряд выпадов против некогда боготворимого им Вольтера. Книга была переведена на русский язык переводчиком коллегии иностранных дел Я. И. Бардовским и выпущена под заглавием «Опровержение злоумышленных толков, распространенных философами XVIII века против христианского благочестия» (М., 1810). В предисловии Бардовский с удовлетворением указывал на «обращение» Лагарпа («Какое торжество для истины увидеть наконец в своем враге ревностного себе защитника»). Об этом же ранее писал «Северный вестник», впрочем справедливо отметивший, что «хотя он после отказался от многих своих мнений в рассуждение творений сего великого писателя, но сие сделал в отношении к одной только нравственности; что же касается до достоинства их по словесности, то он всегда защищал его с жаром», делая исключение лишь для «Орлеанской девственницы» («Северный вестник», 1804, ч. I, № 3, стр. 256).

²⁹ Точку зрения Смирнова, несомненно, разделял и М. М. Снегирев, профессор церковной истории и цензор, переводчик двух последних частей книги. Во всяком случае, по числу и объему примечаний эти части не отличаются от остальных.

Правда, при всей ненависти автора «Энциклопедистов без маски» к «сим триумвирам», которых «слабые умы» ошибочно почитали «светилами» и «своими благотворными гениями», Вольтеру он уделил наибольшее внимание: в отличие от Даламбера и Дидро это был «единственный человек», «кумир своего века». На первых порах, негодовал автор брошюры, казалось, что этому веку суждено стать вторым «золотым», что «новые Прометеи похитили с небес чистейший огонь для одушевления смертных и утверждения их счастья»,³⁰ что вскоре на земле воцарятся всеобщее благоденствие и справедливость. «Глас чародейный, учение ослепительное, чувства выпренные, изречения чудесные разгорячали головы читателям, причиняли философские судороги, и слово „философ“ раздалось от академии до конюшен... Но горизонт недолго был ясен. Сия благотворная философия окисла, как окисают все жидкости с поддельным вкусом. Мгновенно приятный и сострадательный голос ее переменился в яростные вопли; светильники ее стали факелами, обратившими все в пожар; небесная терпимость превратилась в неумолимую фурию, ниспровергающую все, что есть святого и достопочтенного... Мгновенно из чаши сей новой Пандоры исторгли ядовитые реки злоречия, богохуления и злодейств».³¹

С наибольшей отчетливостью эта трансформация обнаруживается на примере Вольтера. «Тиранствующая и немудрая философия», им основанная, «растлила», «иссушила», обесценила его ум и талант.словно «медузина голова превращающая в камень все, к ней приближающееся»,³² она наложила печать на его личность и творчество во всех без исключения жанрах — от «Генриады» до исторических сочинений и повестей. «Генриада» во многом уступала «бессмертному» фенелонову «Телемаку» и даже «Налю» Буало; как трагический поэт он стоял ниже Корнеля и Расина; «дух комического рода» был «вовсе незнаком ему»; в «Опыте о нравах», стремясь «изобразить дух народов, в самой точности изобразил он только свой дух, т. е. дух, подвластный всем странностям необузданного воображения, дух, ослепленный превратностию ума неправильного и бессвязного, дух, увлекаемый тревогою нрава дерзкого и неукротимого»,³³ главная черта его повестей — «дерзость и срамословие», и т. п. Только в одном жанре был Вольтер «истинно беспримерен» — в легкой поэзии, но изменить общую картину эта подробность не могла.

Сходная, но несколько более мягкая характеристика Вольтера заключалась в трактате Жана-Антуана Риголе де Жювиньи «De la décadence des lettres et des moeurs depuis les Grecs et les Romains jusqu'à nos jours» (1787), направленного также против «обманчи-

³⁰ Основатели новой философии Вольтер, Даламберт и Дидерот, или Энциклопедисты без маски. СПб., 1809, стр. V.

³¹ Там же, стр. VI—VII.

³² Там же, стр. XII.

³³ Там же, стр. 29.

вой и безрассудной» философии XVIII в., «великолепное титло» которого — просвещенный — он воспринимал почти как насмешку.

«Если рассуждать о Вольтере, яко о философе, — восклицал он, — Ах! Кто менее таков, как не он? ... Он был прорицалищем филозофизма, а не философом».³⁴ Но и Вольтер — эпический поэт не внушал Риголе де Жювиньи особого почтения, он усматривал в «Генриаде» множество всякого рода недостатков, происходивших «от дурного состава творения и от скудости гения в стихотворце».³⁵ Немало погрешностей находил он в легкой поэзии «фернейского старца», в его трагедиях и, конечно, в прозе, которая изобиловала всевозможными «мерзостями», «невероятностями», «безумствами» и «ругательствами, не известными даже на площадях».³⁶

В целом, по мнению Риголе де Жювиньи, деятельность Вольтера, хотя он и был наделен природой «драгоценнейшими» и «блистательнейшими» дарами ума, оказалась вредоносной: «Он имел в себе все способы прельщать и нравиться; но, к несчастию, употребил их во зло, и раны, кои причинил он нравам и наукам, столь глубоки, что невозможно скоро залечить их».³⁷ И все же Риголе де Жювиньи не терял оптимизма; он надеялся, что «время и истина раздерут завесу мечты — и Вольтер явится наконец тем, что он есть».³⁸

Последовавшие затем события не принесли бы ему, однако, ничего, кроме горьких разочарований, равно как и самая судьба трактата, о котором на родине Риголе де Жювиньи в дальнейшем, кажется, никто никогда не вспоминал. Вообще русский перевод 1812 г. был едва ли не единственным значительным проявлением интереса к нему в XIX столетии. Книга, изданная во Франции накануне революции для отвержения и опровержения просветительских идей, оказалась созвучной настроениям русских ретроградов, напуганных усилением отечественного «вольтерианства». «Намерение, с которым я преложил книгу сию на российский язык, — сообщал в предисловии Василий Крылов, — есть то же, с каковым сочинитель издал ее в свет: чтоб поддержать блеск наук и чистоту нравов».

За сравнительно короткое время в распоряжении русского читателя оказался, следовательно, обширный репертуар французских антивольтеровских сочинений, как старых, так и более новых и даже вполне современных. Тем не менее борьба за «чистоту» нравов требовала — на каждом этапе — дополнительных усилий. С 1808 г. в эту кампанию включился, например, московский журнал религиозно-мистического направления «Друг юношества» (позднее — «Друг юношества и всяких лет»).

³⁴ О упадке наук и нравов со времен греков и римлян до наших дней. Сочинение Риголея де Жювиньи. СПб., 1812, стр. 288—289.

³⁵ Там же, стр. 281.

³⁶ Там же, стр. 286.

³⁷ Там же, стр. 293.

³⁸ Там же, стр. 295.

На первых порах был использован довольно обычный в русской журнальной (и не только журнальной) практике прием: поместив на страницах журнала весьма сочувственную биографию Вольтера, почерпнутую из широко распространенного в России первой четверти XIX в. сборника «Le Plutarque de la jeunesse» Пьера Бланшара,³⁹ издатели «Друга юношества» сопроводили ее разоблачительным предисловием и двумя десятками не менее разоблачительных примечаний. «Сие показалось нам тем необходимее, — сообщали они в свое оправдание, — что как у нас при воспитании молодых людей большею частью употребляют иностранные книги, и в особенности французские, то воспитываемые молодые люди без предостережения могут впасть в великие погрешности и напитать себя весьма часто неправильными умствованиями сих сочинителей, которые, несмотря на их пылкость и умы, делают заключения о пользе или вреде какой-нибудь вещи, о великости или низости какого человека очень скоро, бегло и без особенного внимания и размышления».⁴⁰ В примечаниях же Вольтеру инкриминировались «любление славы», «сребролюбие», «зависть», «недоброхотство», «гордость», «мщение», «безбожие», «лицемерие», «нетерпимость» и т. п. В них подвергалась сомнению филантропическая деятельность «фернейского старца» и, в частности, «Каласова история» и защита Сирвена. Характеризовалось в них и самое вольтеровское творчество в разных жанрах;⁴¹ особое примечание было отведено «Орлеанской девственнице»: «Поэма сия исполнена всяких кощунств насчет веры и закона и всяких похабных и бурлацких выражений и оборотов ума, и ежели читана быть может, то только в питейных и непотребных домах, однако не без краски».⁴² Наконец, в одном из примечаний содержался патетический призыв отвергнуть разрушительную философию, «которой обучал Вольтер и которой следовал», призыв, обращенный к юным россиянам, их родителям и наставникам: «Отцы, матери и воспитатели! обратите здесь все свое внимание и старайтесь с помощью божиею отводить детей своих и питомцев от сей философской заразы, опаснейшей всякой чумы! — Юноши! не верьте никаким бродягам и шарлатанам, выдающим себя за философов и мудрецов, кои, желая только вам понравиться, будут хвалить такую философию, которая льстит только нашим страстям и учит питать их, а не побеждать».⁴³

³⁹ На русском языке «Le Plutarque de la jeunesse» был известен в двух различных переводах — Гр. Дубецкого (1808—1810) и С. Немирова (1809). В свою очередь, последний дважды переиздавался. Очерк о Вольтере находился соответственно в восьмом (СПб., 1810, стр. 104—143), пятом (М., 1809, стр. 158—186) и девятом (М., 1814, стр. 161—190; М., 1822, стр. 172—203) томах. В издании 1809 г. и всех последующих к очерку была приложена библиография основных русских переводов из Вольтера.

⁴⁰ «Друг юношества», 1808, кн. I, стр. 81.

⁴¹ Там же, стр. 125—126.

⁴² Там же, стр. 103.

⁴³ Там же, стр. 101—102 (ср. некролог П. А. Пельского в «Московском вестнике», 1809, ч. 1, № 21, стр. 335—336). — Год спуска заключитель-

В дальнейшем «Друг юношества» напечатал всего два фрагмента, непосредственно посвященных Вольтеру. Это был ругательный «Портрет г. Волтера», восходивший к «Esprit de Monsieur de Voltaire» (1760) и ранее уже опубликованный на русском языке в качестве приложения к «Оракулу новых философов» (1803),⁴⁴ а также письмо Делюка к Баррюэлю о последних днях Вольтера, приведенное в многословном сочинении некоего «почтеннейшего» автора под названием «Новый опыт милосердия божия».⁴⁵ Во всех остальных случаях «фернейский патриарх» только упоминался, как правило, в более или менее сходном контексте: в очерке о «поэтах бедных и поэтах богатых»,⁴⁶ в статье «О нравоучении неверующих» (переведенной с французского Максимом Невзоровым, в 1809 г. ставшим единоличным издателем журнала),⁴⁷ в оригинальном сочинении того же Невзорова о «жалости достойном образе французского умствования»,⁴⁸ в обзоре новейших книг и журнальных материалов антивольтеровского и вообще антипросветительского содержания, озаглавленном «Франция, оплакивающая безумие свое»;⁴⁹ наконец, в пространной поэме Д. И. Восленского, направленной против «фернейской философии» и

... того Волтера,
От коего почти везде страдала вера.⁵⁰

ную часть этого очерка напечатал в собственном переводе издатель журнала «Аглая» кн. П. И. Шаликов. Его примечание к переводу представляет собой откровенную полемику с «хулителями Вольтера»: «Споры о характере Вольтера, — писал он, — не перестают возобновляться в частных обществах и поныне. Горько слышать, как люди ни почему не известные в свете, оскорбляют память великого человека!» («Аглая», 1809, ч. VI, кн. 2, стр. 59).

⁴⁴ «Друг юношества», 1811, кн. VI, стр. 37—42.

⁴⁵ Там же, 1812, кн. X, стр. 24—31.

⁴⁶ Там же, 1811, кн. VI, стр. 32—36. (Ср.: «Вестник Европы», 1806, ч. XXVIII, № 15, стр. 181).

⁴⁷ Там же, 1812, кн. II, стр. 33.

⁴⁸ Там же, 1814, кн. VI, стр. 110. — Постоянные нападки Невзорова на Вольтера вызвали характерную реплику А. Воейкова в его сатире «Дом сумасшедших»:

... Максим Невзоров
Углем пишет на стене:
«Если б, как стихи Вольтера,
Христианский мой журнал
Расходился. Горе! вера,
Я тебя бы доконал!

(Поэты-сатирики конца XVIII—начала XIX в.
Л., 1959, стр. 308).

⁴⁹ Там же, 1815, кн. I, стр. 103.

⁵⁰ Там же, стр. 134. — В другом месте Вольтер был упомянут у Восленского как «развратитель юношества» наряду с Даламбером и «сыном адским» Мирабо (стр. 131). Сближение имен Вольтера и Мирабо см. также: «Вестник Европы», 1807, ч. XXXII, № 6, стр. 144; «Русский вестник», 1808, ч. II, № 5, стр. 188.

Против «вольтерского просвещения» было направлено и другое относившееся к этому же времени «российское сочинение» в стихах — «Вольнодумец, убеждаемый в несправедливости его рассуждений, в истине бессмертия души и в любви евангельския веры» И. М. Кондорского, хотя Вольтер фигурировал не столько в стихотворном тексте, сколько в «особенных исторических, философических и нравственных примечаниях», превосходивших самую поэму более чем в три раза.⁵¹

Приблизительно тогда же борьбе с Вольтером отдал дань «харьковский стихотворец» Аким Нахимов, автор «Мерзилкина, или Русского выроodka, превратившегося в офрануженную гадину». В сатирическом очерке «Словесные обезьяны» он попытался поразить «фернейского мудреца» его же излюбленным оружием — язвительной насмешкой. Речь шла об «одной длинной, желтой, тощей, уродливой обезьяне», которую некогда «почитали атаманом многочисленной философической шайки». «Но не одни орангутанги, — замечал далее Нахимов, — нет! должно к стыду человечества признаться, что весьма многие из людей почти боготворили безобразную сию обезьяну. Она так искусно приправляла философское вранье свое, что трудно было, отведавши его, узнать сокрытый в нем яд. Одним каким-нибудь насмешливым кривляньем заставляла она молчать и здравый смысл, и совесть. Ее старанием новая премудрость, как некая зараза, распространилась повсюду».⁵² В той же «аллегорической» манере говорил он о смерти Вольтера («длинная обезьяна прыгала от радости, видя орангутангскую философию в толь цветущем состоянии; но смерть прекратила ее кривляния прежде, нежели созрели плоды скотского ее учения»),⁵³ о революции, с началом которой «словесные орангутанги, пришедшие от «сего дурмана» в «неказанное бешенство», сделались «свирыпыми чудовищами»,⁵⁴ о Наполеоне, мало-помалу «поработившем себе» всех «словесных обезьян», и т. д.

Очерк Нахимова был написан на рубеже 1812—1813 гг., т. е. в период чрезвычайного усиления антифранцузских настроений.⁵⁵ Но и спустя несколько лет после окончания Отечественной войны

⁵¹ Вольнодумец, убеждаемый в несправедливости его рассуждений, в истине бессмертия души и в любви евангельския веры. М., 1811, стр. 8, 9, 20, 30, 37, 42—45, 51—57.

⁵² Сочинения Акима Нахимова, в стихах и прозе. М., 1822, стр. 161.

⁵³ Там же, стр. 162.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Ср. антивольтеровскую заметку гр. Ф. В. Ростопчина, в которой, между прочим, заключалось такое четверостишие:

Oui, Monsieur de Voltaire,
Pour le bonheur du genre humain
Vous auriez mieux fait de vous taire
Et de rester tout simplement un vilain.

(«Русский архив», 1882, кн. III, № 6,
стр. 208—209).

тема эта не утратила своей злободневности. Хотя теперь «все увидели, что нет на свете (разумея в нравственном и политическом смысле) глупее народа, как французы»,⁵⁶ они тем не менее по-прежнему внушали страх благонамеренным русским писателям, продолжавшим оказывать отчаянное сопротивление «французскому просвещению ума». Причину «повреждения отечественных нравов, веры и обычаев, на оной основанных», они единодушно усматривали в «смешении народов», в распространении французского языка, философии, литературы и, конечно, в деятельности «себе и многим на погибель рожденного... Мария-Франциска Аруета, проименовавшего себя во время учения Волтером».⁵⁷ Из всего огромного его наследия одобрялось лишь несколько стихотворных строк: «Все прочие его стихи, Заиры, Меропы, Магомет и проч., и проч., по французскому выражению, tombent à faux, т. е. в цель не попадают, по той причине, что всегда наконец сбудется не по его учению и не по его предречению и что не приводит он человека к желанной цели ни в сем, ни в будущем веке, а напротив, всегда от оной отталкивает».⁵⁸ «Циническому» и излишне плодотворному Вольтеру и его единомышленникам противопоставлялись писатели отечественные, например Державин, который «затмил и мыслями и громом слов всех французов».⁵⁹

Однако, кажется, с наибольшей отчетливостью и последовательностью тенденция эта проявилась в многочисленных антифранцузских статьях, опубликованных на страницах журнала «Русский вестник». Насаждая казенный патриотизм и официальную народность, издатель «Русского вестника» Сергей Николаевич Глинка всячески внушал своим соотечественникам ненависть к «адской революции» и породившей ее просветительской философии и литературе.⁶⁰ Идеализируя русскую патриархальную старину, он противопоставлял ее испорченным под французским влиянием нравам и «новомодному воспитанию», в котором видел источник всех несчастий и бед, ибо «от различного воспитания происходит различный образ мыслей обо всем».⁶¹

⁵⁶ Предмет французского просвещения ума и противоположные ему истинны, извлеченные из разных сочинений. М., 1816, стр. VII.

⁵⁷ Там же, стр. 10.

⁵⁸ Оставшееся после покойного N.N. рассуждение об опасностях и вреде, о пользе и выгодах от французского языка. М., 1817, стр. 33—34 (в 1825 г. книга вышла вторым изданием).

⁵⁹ Там же, стр. 32.

⁶⁰ См. протест против такого рода внушений в воспоминаниях Г. С. Винского: «... сколько бы старообрядцы и новообрядцы и всех их отголоски не вопили: «Распинайте французов!», но Волтеры — не Мараты; Ж.-Ж. Руссо — не Кутоны, Бюффоны — не Робеспьеры. Ежели когда-нибудь настанут времена правды, тогда великие умы XVIII столетия, истинные благодетели рода человеческого, получат всю им принадлежавшую честь и признательность» (Мое время. Записки Г. С. Винского. СПб., [б. г.], стр. 17; ср.: там же, стр. 37, 119).

⁶¹ «Русский вестник», 1808, ч. III, № 8, стр. 276—277. О ранних «встречах» С. Глинки с Вольтером см. его «Записки» (СПб., 1899, стр. 46—47, 65).

Едва ли не самым типичным атрибутом этого «губительного» воспитания являлся, по мнению Глинки, неизменный интерес русских людей к наследию Вольтера. Особенно возмущало его широкое распространение Вольтера подлинного, наличие во многих библиотеках полного сточастного Вольтера: «У нас и по сие время, — негодовал он, — сии сто частей, вредные вере и нравственности, в великолепном сафьянном переплете служат украшением модных библиотек».⁶²

Месяц спустя автор программной статьи «Вольтер для юношества» вернулся к этой теме: «Все его сто частей давно уже в руках питомцев модного воспитания. Единоземцы Вольтера учат их восхищаться затейливостью и легкостью его слога. Ученики вытверживают наизусть целые страницы; скоро весь Вольтер овладеет их памятью и душами; чему же русскому в них проникнуть?».⁶³

Отсюда неустанная борьба «Русского вестника» с французским языком, аргументацию для которой он черпал из самых различных источников — от шишковского «Рассуждения о старом и новом слоге российского языка» до сочинений... самого Вольтера. К Шишкову восходило множество фрагментов и даже целых статей, где говорилось — так или иначе — о «безумном прилепении нашем к французскому языку» и «рабственном подражании нашем французам».⁶⁴ Вольтер же использовался преимущественно в связи с замечаниями о «грубости» и «бедности» французского языка.⁶⁵ Журнал с удовлетворением, даже с восторгом констатировал, что «Вольтер, написав сто частей по-французски, называет свой язык бедным и грубым; а мы, едва ли по складам зная французской язык, презираем свое обильное и звучное наречие!».⁶⁶

Впрочем, и Вольтер «русский» причинил Глинке немало беспокойства. Так, сообщая о нападках на Вольтера, содержавшихся в «Истории Франции» Лакретеля, он горестно восклицал:

⁶² «Русский вестник», 1811, ч. XIV, № 5, стр. 67. — См. в этой связи любопытное свидетельство П. Бартевева о В. И. Киреевском — отце Ивана и Петра Киреевских: «Он имел обыкновение откладывать известную немалую сумму из своих доходов на истребление вольтеровых писаний. Осенью, проезжая из своего Долбина на зимнее житье в Москву, отправлялся он во французские книжные лавки (к Аллару или Рису), закупал что было Вольтера и потом в течение зимы сжигал у себя в печках. («Русский архив», 1882, кн. III, № 6, стр. 209. Ср.: Н. П. Колюпанов. Биография А. И. Кошелева, т. I, кн. 2. М., 1889, стр. 2, 4).

⁶³ «Русский вестник», 1811, ч. XIV, № 6, стр. 64. Ср. диалог Развратина и молодого Ветрова в повести А. Е. Измайлова «Евгений, или Пагубные следствия дурного воспитания и сообщества» (ч. II. СПб., 1801, стр. 55—56). С этим разговором переключаются lamentации г-на Простакова в «Российском Жилблазе» В. Т. Нарезного (1814). См.: В. Т. Нарезный. Избр. соч. в двух томах, т. I, М., 1956, стр. 222.

⁶⁴ Ср.: А. С. Шишков. Рассуждение о старом и новом слоге российского языка. СПб., 1803, стр. 9, 13. См. также прибавление к этому сочинению (СПб., 1804, стр. 125, 135—136, 138—140).

⁶⁵ См.: «Русский вестник», 1808, ч. III, № 7, стр. 70—79; 1810, ч. IX, № 2, стр. 113—114.

⁶⁶ Там же, 1808, ч. III, № 7, стр. 73.

«А у нас и по сие еще время уведомляют в ведомостях о продаже нескольких частей, переведенных из сочинений Вольтера. Скажут, что остроумие сего писателя забавляет. Вера и добродетель полезнее всякого остроумия, которое еще тем вреднее, что нечувствительно вовлекает в сети зломыслия и страстей».⁶⁷ «Не говоря о питомцах французов, — отмечалось в 26-й части журнала, — сколько мещан и даже поселян развратились от чтения волтеровых сказок, к несчастью переведенных! Некоторые целые страницы вытвердили из „Кандида“ и других своевольных и беспутных волтеровых вздоров, а едва ли помнят одно изречение из книг священных!».⁶⁸ Этим развращенным «простолюдинам» далее противопоставлялись «богобоязненные крестьяне», которые, «не умея ни читать, ни писать, но сердечно внимая церковному чтению, затверживают правила священной нравственности и руководствуются ею в делах своих».⁶⁹

И все же подобный взгляд на прозу Вольтера не помешал журналу использовать одну из его повестей в собственных целях. В борьбе со «смертоносною язвою французских лжеумствователей», с «развратом душ, умов и сердец» Глинка поместил в своем издании «Историю Дженни», приспособив ее для «российского юношества».⁷⁰ Заимствуя у Вольтера «главное основание» повести (получившей название «Побежденное безбожие, или Торжество отцовской любви»), он «старался отделить золото от грязи», иными словами, всячески усиливал ее антиатеистический смысл, дописывая за Вольтера целые страницы, «ненужное» же изымал с легкостью, жертвуя вольтеровским текстом во имя большей назидательности и без того весьма назидательного сюжета.⁷¹

Сходным образом несколько раньше поступила писательница-шишковистка Катерина Пучкова (впоследствии осмеянная Пушки-

⁶⁷ «Русский вестник», 1811, ч. XVI, № 10, стр. 91—92.

⁶⁸ Там же, 1814, ч. XXVI, № 4, стр. 18—19. — Тремя годами раньше против распространения в низших слоях русского общества вольтеровских повестей, как и вообще переводных романов, «писанных для развращения ума», с чрезвычайной энергией выступил составитель «Собрания отрывков, взятых из нравственных и политических писателей» (М., 1811, стр. 13, 46—47), которого особенно возмущал интерес к этим книгам «торгующих господских крестьян». «Я, бывши в Костромской губернии, — писал он, — видел у одного из таких крестьян два тома Вольтеровых сочинений, конечно совсем не нужных быть переведенными, о которых сей человек такие дела рассуждения, что нельзя было не поразиться его беззаконием». См. также: А. В. Никитенко. Моя повесть о самом себе и о том, чему свидетель при жизни был. Записки и дневник (1804—1877), т. I. СПб., 1904, стр. 11, 67. Ср.: A. Domergue. La Russie pendant les guerres de l'Empire (1805—1815). Souvenirs historiques. Paris, 1835, p. 172.

⁶⁹ Ср.: «Русский вестник», 1808, ч. II, № 6, стр. 319.

⁷⁰ Там же, 1812, ч. XX, № 11, стр. 32—101. Перепечатана: «Театр света», ч. I. М., 1823, стр. 146—183.

⁷¹ Другие упоминания Вольтера на страницах «Русского вестника» см.: 1808, ч. I, № 2, стр. 172, 174; ч. II, № 5, стр. 186—188; ч. III, № 8, стр. 269—272; № 9, стр. 327; ч. IV, № 10, стр. 113—122; 1810, ч. IX, № 3, стр. 106; 1811, ч. XIV, № 5, стр. 65—68; № 6, стр. 49; ч. XVI, № 11, стр. 121—138; 1819, № 1—2, стр. 25; № 13—14, стр. 52—53, 57—58.

ным): в 1808 г. она напечатала в «Аглае» перевод «Жанно и Келена», а год спустя в «Письме к приятельнице»⁷² эта «грация-россиянка» (как не без иронии назвал ее П. И. Шаликов) разразилась гневной филиппикой против поклонников «новой философии», верующих «слепо и несомненно в Вольтеров, Белев, Бюфонов и прочих». Негодовала она и против тех, кто теряет «лучшее время жизни своей на познание языка чужого и, зная наизусть Расина, Вольтера, Кребильона, не имеет ни малейшего представления о Сумарокове и Княжине».

Нечто подобное можно обнаружить и в некоторых других изданиях тех лет, например в «Минерве»,⁷³ где мысли Вольтера соседствовали с рассуждением о его «слабостях», в журнале Андрея Кропотова «Демокрит», где Вольтер то назывался «великим» и «преумным», то подвергался насмешкам,⁷⁴ и особенно в «Вестнике Европы», где, в зависимости от политической ситуации и состояния русско-французских отношений, Вольтера то защищали от клевет, то причисляли к «апостолам неверия» и «революционистам» и обвиняли в невежестве.⁷⁵

Впрочем, подчас «Вестник Европы» склонялся все же к более «диалектической» оценке «владельца фернейского», признавая, что «в Вольтере были два человека: один богатый остроумием, вкусом, ученостью, а другой с качествами противными».⁷⁶ Отмечали «сей двойкой дух» вольтеровского творчества и авторы целого ряда русских и переводных сочинений различных жанров, вышедших в виде отдельных книг и брошюр.

Так, в сборнике «Старинный друг, возвратившийся из путешествия и рассказывающий все, что видел, слышал и чувствовал» утверждалось, что «приятность стихов сего писателя ни с чем сравнена быть не может», и в то же время выражалось сожаление, что «многие заблуждения, дерзкие и соблазнительные, вкрались в его сочинения; заблуждения, кои служили камнем преткновения для молодых, не утвердившихся в законе людей!».⁷⁷

В «Литеральном исповедании господина Волтера» к «самовос-

⁷² «Аглая», 1809, ч. VIII, кн. I, стр. 15—21.

⁷³ Ср.: «Минерва», 1806, ч. II, № 21, стр. 62—72; ч. III, № 38, стр. 42—52; ч. IV, № 17, стр. 266—269; 1807, ч. VI, № 49, стр. 216—217.

⁷⁴ См.: «Демокрит», 1815, ч. I, кн. 1, стр. 34; кн. 3, стр. 188. См также: «Северный наблюдатель», 1817, ч. I, № 2, стр. 61; № 5, стр. 149; № 9, стр. 300.

⁷⁵ «Вестник Европы», 1804, ч. XIII, № 2, стр. 144—148; ч. XVII, № 17, стр. 58—63; ч. XXXVI, № 24, стр. 250; 1809, ч. XLIV, № 5, стр. 41—55; ч. XLV, № 10, стр. 81—90; 1810, ч. LI, № 9, стр. 9; 1811, ч. LIX, № 17, стр. 30—37.

⁷⁶ Там же, 1813, ч. LXVIII, № 5—6, стр. 52—53 (перевод отрывка из «Гения христианства» Шатобриана; перепечатано: Переводы в прозе Владимира Измайлова, ч. I. М., 1819, стр. 118—121); 1814, ч. LXXVI, № 13, стр. 22.

⁷⁷ Старинный друг, возвратившийся из путешествия и рассказывающий все, что видел, слышал и чувствовал, ч. II. М., 1802, стр. 110.

хвалениям» всюду примешивалась «автокритика».⁷⁸ Двойственная оценка была дана Вольтеру устами «человека в темном кафтане» в повести Н. Брусилова «Бедный Леандр, или Автор без риторики»⁷⁹ и в «Письмах россиянина, путешествовавшего по Европе» Д. П. Горихвостова. «Вольтер, — писал он, — сделал влияние на сие столетие; если и много способствовал уничтожению суеверия и фанатизма, не менее и оскорбил религию, сеяв семена баззакония в обществе; он поколебал нравственность, покоящуюся на религии».⁸⁰

Таким образом, борьба с Вольтером, которую осуществляли деятели консервативного лагеря, если и не встречала решительного отпора, то, во всяком случае, не пользовалась всеобщей поддержкой. Но о безоговорочной защите «фернейского мудреца» не помышлял в это время почти никто. Самое большее, на что решались тогда его русские почитатели, было компромиссное разделение обширного вольтеровского наследия на «полезное» и «вредное», «хорошее» и «плохое». Как отмечалось выше, мнения на этот счет часто расходились, но все же наиболее типично было неприятие Вольтера-«философа» и преклонение перед Вольтером-«поэтом». Под вольтеровской поэзией же в первую очередь понималась «Генриада».

* * *

Эволюция художественных вкусов не обесценила в сознании русских людей ни один из ведущих классических жанров. В частности, по-прежнему поэтов и любителей искусств привлекала к себе эпика, о которой в 1800—1810-х годах спорили с неменьшим воодушевлением, чем в середине минувшего века. Постоянно на страницах самых разных изданий возникают в это время имена Гомера и Вергилия, Лукана и Тассо, Камюенса и Мильтона, Кантемира, Ломоносова, Тредиаковского и Хераскова, причем речь идет не об осмыслении опыта прошлого вообще, но об использовании его для решения насущных задач литературной жизни: к началу XIX столетия относится целый ряд русских героических поэм преимущественно о Петре Великом, о событиях Смутного времени, о походах Суворова и войне 1812 года.¹ Важное место в этих дискуссиях об отечественной эпике занимала «Генри-

⁷⁸ Литеральное исповедание господина Волтера. СПб., 1803 (частичный перевод сочинения С. Депрео де ля Кондамина «Soirées de Ferney, ou Confidences de Voltaire recueillies par un ami de ce grand homme. Paris, 1802; переводчик — Д. С. Болтин).

⁷⁹ Н. Брусилов. Бедный Леандр, или Автор без риторики. СПб., 1803, стр. 30—31.

⁸⁰ Д. П. Горихвостов. Письма россиянина, путешествовавшего по Европе с 1802 по 1806 год, кн. II. М., 1808, стр. 186—187.

¹ См.: А. Н. Соколов. Очерки по истории русской поэмы XVIII и первой половины XIX века. М., 1955, стр. 191—194.

ада», больше других великих эпических поэм отвечавшая русским представлениям о героическом жанре. По той же причине не ослабевал в России интерес к вольтеровскому «Опыту об эпической поэзии», в котором своеобразие «Генриады» — по сравнению с аналогичными творениями, ей предшествовавшими, — получило историческое и теоретическое обоснование.²

В 1802 г. появился первый полный перевод «Опыта» на русский язык, выполненный Николаем Остолоповым, «студентом» коллегии иностранных дел, впоследствии видным чиновником и культурным деятелем,³ а чуть позднее новый (третий по счету) перевод «Генриады», принадлежавший Ивану Сирякову, преподавателю словесности в петербургском пансионе О. П. Жакино.⁴

Много лет спустя Сиряков утверждал, что перевод его был начат и окончен в 1803 г. Но это не так: еще осенью предыдущего года он рассматривался Российской академией, «препоручившей» ознакомиться с его первой песней графу Д. И. Хвостову. Отзыв Хвостова, изложенный им в официальном письме от 31 октября 1802 г., был довольно уклончивым: он и не одобрял перевод, и не отвергал. «Надеяться можно, — писал он, — что сей труд переводчика по времени, по большому упражнению в стихотворстве, достигнет совершенства. Ныне же утвердительно заключить можно, что высокого стихотворческого духа вольтерова переводчик, мало обращаясь в чтении и размышлении о искусстве муз, в прочитанной мною песне не показал; и хотя есть прекраснейшие стихи, но, уподобительно подлиннику, изображают одно только слабое подражание и как бы влatchаются слабою ногою за полетом орла, парящего по воздуху».⁵

Возможно, что некоторая неопределенность суждений Хвостова побудила неперменного секретаря академии обратиться к другому «сочлену» — А. А. Ржевскому, которому, в отличие от Хвостова, был передан для ознакомления «увраж полный». Изучив его, Ржевский сообщил (также в письменной форме) свое заключение:

² Там же, стр. 639—641; см. также: К. Н. Державин. Вольтер, стр. 60—63.

³ Опыт Вольтера на поэзию эпическую. СПб., 1802. — Под названием «Опыт об эпической поэзии» в 1781 г. была издана первая глава вольтеровского трактата. (В этой связи см. любопытное сообщение А. Н. Соколова о цензурных вычерках и пометах в одном из экземпляров книги, хранящемся в Библиотеке им. В. И. Ленина. — А. Н. Соколов. Очерки по истории русской поэмы, стр. 644). По неподтвержденному свидетельству Е. Колбасина, в конце XVIII в. «Опыт» (равно как и «Английские письма») перевел И. И. Мартынов (Е. Колбасин. Литературные деятели прежнего времени. СПб., 1859, стр. 24).

⁴ См.: «Русский архив», 1867, кн. IV, № 10, стлб. 1347—1348; 1885, кн. III, № 11, стр. 308, 312; Сочинения К. Н. Батюшкова, т. I, кн. 1. СПб., 1887, стр. 10—12.

⁵ М. И. Сухомлинов. История Российской академии, вып. VII. СПб., 1885, стр. 184.

ГЕНРИАДА

ЭПИЧЕСКАЯ ПОЭМА

Г. ВОЛТЕРА.

Вновь переведенная

Исаволь Сиряковъ.

ВЪ САНКТ ПЕТЕРБУРГѢ,

При Императорской Академіи Наукъ
1803 году.

«Генриада» Вольтера в переводе И.И. Сирякова. Титульный лист.
Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР.

Его высокопревосходительству
Господину Действительному
Тайному Советнику
Министру Юстиции
и
Разныхъ орденовъ кавалеру
Милостивому Государю
Гаврилу Романовичу
Державину

Почтеннѣйше подноситъ
переводчикъ.

«Генриада» Вольтера в переводе И. И. Сирякова. Вкладной лист с дарственной надписью Г. Р. Державину.

Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР.

«Реченный перевод „Генрияды“ неизвестно мне чей и по какому поводу делается. Ежели б переводчик частным образом спросил моего мнения, я бы его одобрил. У нас так мало еще упражняются в российской словесности, что всякому любящему оную, надлежит ободрять охотников и привлекать к ней, а критику оставить вперед до своего времени. . . Но как спрашивает моего мнения не переводчик, а академия, то я считаю себя обязанным сказать откровеннее. Многие стихи слабы и не выработаны; стопосложение беспечно, и оттого стихи не плавны и не гладки; выбор слов во многих местах нерачительно делан; инде смысл жертвован рифмам. Многие выражения слабее оригинала, и местами не сохранен логический порядок слов, и это в некоторых местах ослабевает, а в других и затмевает смысл подлинника».⁶

Далее следовали частные возражения и примеры неточной передачи французского текста; более тщательно проанализировал Ржевский фрагмент первой песни («Призыв к Истине»), стихи которого «отдалялись от подлинника» особенно сильно. И тем не менее его конечный вывод не был уничтожающим. «Ежели переводчик, — говорилось в отзыве, — примет труд сличить с подлинником и просмотреть, поправит стихи и вычистит их с большим прилежанием, то перевод будет не худ и достоин напечатать. Я думаю, что он с удовольствием примется от публики, тем паче что это перевод знатного пера в поэзии; но чтоб поровнять перевод с подлинником, то нужно поприлежнее сличить их и потрудиться дать силу стихам».⁷

Трудолюбием (но не талантом) Сиряков наделен был чрезвычайным. Он использовал все замечания «рецензоров» и, по-видимому, улучшал свой перевод почти до самого выхода в свет.⁸ Однако литературным событием «Генриада» в его интерпретации все-таки не стала. Пересозданная в соответствии с национальной традицией, архаизированная и «утяжеленная» по манере и языку, она ничем не выделялась на унылом фоне разного рода «русских эпоей» и ничему не научила отечественных поэтов, пробовавших силы в этом жанре. Недаром единственным откликом на труд Сирякова послужила язвительная эпиграмма К. Н. Батюшкова, где неудачливый переводчик был переименован в Осякова.⁹

⁶ М. И. Сухомлинов. История Российской академии, вып. VII. СПб., 1885, стр. 114.

⁷ Там же, стр. 114—115.

⁸ Генриада, эпическая поэма г. Волтера, вновь переведенная Иваном Сиряковым. СПб., 1803. — Экземпляр, хранящийся в Пушкинском доме (Ло.10.1.27), был поднесен переводчиком Г. Р. Державину, о чем свидетельствуют дарственная надпись и рукописное посвящение в стихах на вкладном листе.

⁹ На перевод «Генрияды», или Превращенный Вольтер. «Цветник», 1810, ч. V, № 2, стр. 229—230. — Резкость этой оценки могла быть вызвана и какими-то воспоминаниями личного свойства: Сиряков был учителем Батюшкова в пансионе Жакино.

Самую же поэму Вольтера оценивали тогда в основном очень высоко, причисляя ее к совершеннейшим творениям в эпическом жанре и всячески рекомендуя ее в качестве замечательного образца.¹⁰ Даже «Корифей», полагавший, что «Вольтер, конечно, не Вергилий», и находивший в «Генриаде» немало «ошибок», восхищался поэмой, равно как и ее «превосходным автором» — «великим мужем, который в продолжение шестидесяти лет был увеселением и дивом целой Европы».¹¹ «Счастливые описания, прекрасные стихи, удивительные картины, — отмечалось в шестой книге издания, носившей имя музы эпической поэзии, — заслужат ваши похвалы. Множество высоких пассажей внушат вам энтузиазм. Какую великолепную картину представляет седьмая песнь! Поэт, кажется, пронизает таинства божества; он произносит самые священные истины, открывает самые отвлеченные системы философии, нимало не теряя из виду красот поэтических!».¹²

В рассуждении о древней и новой поэзии журнал «Аврора», признавая всю неповторимость «Илиады» и песнопений Оссиана, ибо они «суть отпечатки того времени, в котором они родились», утверждал, однако, что «с распространением культуры увеличились пределы, умножилась и важность пиитических предметов»,¹³ а в качестве примера этой преобразованной и обогащенной эпопеи, эпопеи нового времени, называл «Генриаду» («Вольтерова „Генриада“ — в руках всякого любителя поэзии») ¹⁴ — и наряду с ней поэмы Хераскова.

Вообще имена «знаменитого певца „Россияды“ и „Владимира“» и «знаменитого певца Генриха» соседствовали в это время довольно часто, причем отнюдь не всегда в столь же спокойном контексте. Так, призывая «соотчичей» обратить «особенное внимание» на «Россияду», потому что «она есть зеркало, в котором представляются знаменитые деяния предков наших, назидательные примеры великодушия, мудрости, храбрости, терпения, любви отечественной, изображенные живописною, важною кистию истинного россиянина и друга человечества»,¹⁵ Мерзляков

¹⁰ О подражании седьмой песне «Генриады» (1803) см.: Сочинения и переводы, издаваемые Российской академиею, ч. VI. СПб., 1813, стр. 2.

¹¹ «Корифей», кн. VI («Каллиопа»), стр. 171.

¹² Там же, стр. 177. (См. также: «Корифей», кн. VII, стр. 3, 151; кн. X, стр. 227). — В этой же связи в «Друге просвещения» (1805, ч. IV, кн. 12, стр. 239—240) было напечатано письмо Вольтера к А.-Л. Тома от 14 июня 1771 г.

¹³ «Аврора», 1805, ч. I, № 1, стр. 39. (Ср.: «Периодическое издание Вольного общества любителей словесности, наук и художеств», 1804, ч. I, стр. 144).

¹⁴ Там же. — Равновеликость Вольтера — творца „Генриады“ — эпическим поэтам древности, а подчас и его превосходство, подтвержденное, в частности, тем, что поэма получила одобрение «в таком веке, который можно назвать веком вкуса», отстаивал также Мармонтель в известном предисловии к изданию 1746 г. Русский перевод его был помещен в журнале «Аглая» (1808, ч. III, кн. 3, стр. 3—12).

¹⁵ «Амфион», 1815, кн. I, стр. 33.

не мог не отметить с раздражением, что те же самые французы, «которые всегда желали иметь вредное влияние на все почти отрасли национальной нашей чести», отнесли к появлению национальной эпопеи со значительно большим интересом: «О, как они радовались, когда у них показалась эпическая поэма „Генриада“! Сколько усилий употреблено было для того, чтобы ввести ее в малое число поэм эпических! Сколько знаменитых мужей писало и рго и contra!»¹⁶ И в то же время он вынужден был признать, что «Россияда» далека от совершенства и в чем-то уступает... поэме Вольтера (хотя для поддержания авторитета «российского песнопевца» он все-таки, пренебрегая доказательствами, заявил, что «Тасс, Камюенс, Вольтер, Мильтон и сам Вергилий не могли спасти себя от некоторых весьма важных уклонений в полете столь продолжительном, высоком и трудном»¹⁷).

Аналогичным приемом воспользовался Павел Строев, студент Московского университета, в 1815 г. издававший журнал «Современный наблюдатель российской словесности», с той только разницей, что его критика Хераскова была несравненно решительней и суровой; к Вольтеру же он относился весьма благосклонно и при всякой возможности противопоставлял его поэму «Россияде», в которой находил «погрешности грубые и непростительные».¹⁸ Предпочтение, которое он оказывал Вольтеру, подтверждалось еще и тем, что после уничтожающего разбора «единственной русской поэмы „Россияды“» он поместил в своем журнале первую главу «Опыта об эпической поэзии», выразив при этом уверенность, что «сей отрывок, без сомнения, понравится читателям».¹⁹

Дискуссия вокруг херасковских поэм продемонстрировала, следовательно, не разочарование в эпическом жанре как таковом, но настойчивое стремление обрести наконец русскую эпопею, ни в чем не уступающую лучшим европейским, среди которых «Генриада» считалась если не первой, то наиболее современной, а потому особенно достойной подражания. Этим и объясняется в известной мере обращение к «Генриаде» нескольких русских стихотворцев начала века — А. И. Шеллера,²⁰ А. А. Крылова,²¹ М. В. Милонова,²²

¹⁶ «Амфион», 1815, кн. I, стр. 35.

¹⁷ Там же, кн. II, стр. 76. Ср. стр. 52—53.

¹⁸ «Современный наблюдатель российской словесности», 1815, ч. I, № 1, стр. 33.

¹⁹ Там же, № 4, стр. 91—102; № 5, стр. 105—114. — По свидетельству С. Д. Полторацкого, автором перевода является, вопреки подписи: Александр Строев, Павел Михайлович Строев.

²⁰ «Северный Меркурий», 1811, ч. IX, № 3, стр. 40—43.

²¹ «Соревнователь просвещения и благотворения», 1819, ч. V, кн. 1, стр. 51—55. Перепечатано: Собрание образцовых русских сочинений и переводов, ч. V. СПб., 1822, стр. 308—315.

²² «Благонамеренный», 1823, ч. XXIV, № 22, стр. 259—264. Перепечатано: Русские стихотворения, вышедшие в свет с 1823 по 1825 год, ч. 2. СПб., 1826, стр. 186—190. Перевод был выполнен раньше: Милонов умер в 1821 г.

«преложивших» три живописных и относительно законченных фрагмента соответственно восьмой, второй и десятой песен, а также повторное издание в 1822 г. перевода Сирякова.

Думал об этом Сиряков уже давно: сообщая читателям в январе 1812 г. возможный состав своего журнала «Муза», он упомянул в числе предполагаемых публикаций и «Генриаду», разумеется в собственном переводе, а в открывавшем журнал «программном» стихотворении среди обитателей Парнаса назвал, между прочим,

... Гомера, брань троянскую
И Волтера, славу Генриха
В том собрании возвещающих.²³

Но журнал вскоре прекратил свое существование, и лишь десятилетие спустя «вновь исправленный» перевод вольтеровской поэмы появился в свет.

Издание 1803 г. открывалось посвящением Александру I. Переиздавая перевод, Сиряков его опустил, а «взамен» напечатал огромное предуведомление: то, что в начале 1800-х годов не требовало никаких пояснений, в начале 1820-х годов нуждалось в подробной аргументации. Касалось это и обращения к «Генриаде», которая не вызывала теперь прежнего восторга даже у «парнасских староверов»,²⁴ и перевода, внушавшего Сирякову немало серьезных опасений.

В «Генриаде» он находил «все возможное искусство» и предпочитал ее «Илиаде», «Одиссее» и «Энеиде». Он усматривал в ней предельно тщательное соблюдение «порядка, единства и прочих правил эпопеи», и прежде всего исключительную естественность «эпизодов», столь искусно поставленных на свои места, что «весьма трудно их заметить». «В сей поэме, — писал он далее, — нет мелочей, которыми многие авторы, не имеющие гения, наполняют сухие и надутые свои творения».²⁵ Принимал Сиряков и так называемые «иносказания», и «чудесности»; что же касается стиля, полагал переводчик, «то никогда язык французский не имел столько силы, как в „Генриаде“; в ней находят все благородство; автор возносится с неописанным жаром до высокого и нисходит с приятностью и достоинством; а нравственность такова, каковой только желать можно; ибо все дышит человеколюбием, которое есть необходимая и единственная добродетель царей».²⁶ Никаких суждений критического свойства Сиряков себе не позволял; не соглашался он и с «безвинно обвинявшими» Вольтера — автора «Генриады» фран-

²³ Муза, или Собеседник любителей древнего и нового стихотворства и вообще словесности, издаваемый (итальянским) советником И. И. Сиряковым. СПб., 1812, январь, стр. I, XXII, 36—37.

²⁴ См., например, весьма сдержанную оценку поэмы в «Словаре древней и новой поэзии» Н. Ф. Остолопова (СПб., 1821, ч. I, стр. 245, 518—522).

²⁵ Генриада, эпическая поэма г-на Вольтера, переведенная и вновь исправленная Иваном Сиряковым. СПб. В собственной типографии. 1822, стр. III

²⁶ Там же, стр. IV.

цузскими «законодателями вкуса» вроде Лагарпа. «...Вся поэма сия, — решительно утверждал он, — так написана и столько украшена, сколько возможно было перу отличного эпика; а потому она есть и будет произведением, достойным творца своего, и равняется с его только способностями. И так представленная в новом вкусе и порядке дотоле будет образцовою, доколе не родится творцу ее равный поэт-философ и не явится другое сего рода приличнейшее произведение».²⁷

Труднее было оправдать собственную переводческую манеру. Сиряков не сомневался, что превзошел обоих предшественников (т. е. Княжнина и Голицына), но в остальном успехах своих не переоценивал. Для «удержания» в переводе «всех красот изображения, всей силы выражений, всей игры воображения или парения гения стихотворства», полагал он, требуются «врожденные и приобретенные способности, которыми блистал творец прелагаемого им произведения».²⁸ На это Сиряков, разумеется, не претендовал: «Участь переводчика, — с грустью констатировал он, — подобна участи живописца, не с натуры предмет свой изображающего. Рафаил (т. е. Рафаэль, — П. Э.) оставил превосходные опыты кисти своей; однако многие ли из славнейших подражателей ему, блиставших собственными произведениями, сравнили списки свои с его подлинниками, употребляя такую же кисть и краски при переложении чувствами объемлемого?».²⁹

Тем не менее свой основной переводческий принцип — всему предпочитать «верность мыслей» — Сиряков считал безусловно правильным; стремился он также по возможности переводить стих в стих; прочее же было в его представлении только «наружною красотой». Речь, правда, не шла о пренебрежении рифмой (как это было у Княжнина) или же ритмом — шестистопным ямбом (напротив, он даже включил в свое предисловие начало поэмы, переведенное прозой, белым стихом, «древним размером» и шестистопным ямбом, — с очевидной целью доказать преимущество последнего),³⁰ но «плавностию слога» он жертвовал постоянно. Не смущала его и чрезвычайная архаичность лексики, которая в 1822 г. должна была особенно обращать на себя внимание, и обилие инверсий, и совершенная ложность тона. Никто, думал Сиряков, не мог упрекнуть его в том, что ради «гладкого слова» он «уклоняется от оригинала» или же «поправляет и украшает самый подлинник», одновременное же решение всех этих нелегких задач было ему явно не под силу.

Впрочем, и то, что он попытался сделать, потребовало огромного, многолетнего труда. Исправлению подверглась преобладаю-

²⁷ Генриада, эпическая поэма г-на Волтера, переведенная и вновь исправленная Иваном Сиряковым. СПб В собственной типографии. 1822, стр. XX.

²⁸ Там же, стр. XXVI.

²⁹ Там же, стр. XLVI.

³⁰ Там же, стр. XXXIII.

щая часть стихов, преимущественно первых песен, хотя и к концу его энергия отнюдь не иссякла. Однако и на сей раз перевод «Генриады» не привлек к себе ничего внимания. Предисловие же к поэме явилось не столько манифестом, сколько подведением итогов, и для И. И. Сирякова, по-видимому в печати больше не выступавшего, и для русских переводчиков «Генриады» вообще.

Наряду с «Генриадой» еще лишь одна вольтеровская поэма появилась в начале века на русском языке. Это был «Естественный закон», изданный в 1802 г. в Петербурге. Автором его принято (вслед за Сопиковым) считать Александра Александровича Палицына, писателя и даровитого архитектора, главу известного в свое время на Украине литературно-художественного кружка, часто именовавшегося (по названию принадлежавшего Палицыну села Поповка в Сумском уезде) «Поповской академией».³¹ Но указание Сопикова не внушает доверия: прежде всего оно не подтверждается перепиской участников кружка и в первую очередь письмами самого Палицына, обычно сообщавшего друзьям как о вышедших, так и подготовленных и предстоявших ему трудах.³² С другой стороны, весьма сомнительно самое обращение Палицына именно к этой поэме. По своей манере его перевод, выполненный в прозе, без исправлений, дополнений и купюр, мало чем отличался от вышедшего пятнадцатью годами раньше «преложения» И. И. Виноградова; не знать же подобного факта Палицын не мог, ибо в литературе XVIII в. разбирался превосходно.³³

С наибольшей отчетливостью свидетельствует об этом его «Послание к Привете, или Воспоминание о некоторых русских писателях моего времени», где так или иначе охарактеризовано большинство отечественных писателей и множество переводчиков, в том числе переводчиков Вольтера. Среди них — В. И. Майков, осуществивший с подстрочника перевод трагедии «Меропа»:³⁴

Но то в трудах его
Чудеснее всего,
Что мы читаем в них еще и переводы.
Он прежде смыслы их от прочих узнавал,
Которые потом с раченьем украшал
Нередко сильными и чистыми стихами.
Его почтенными мы чувствуем трудами
В «Меропе» русской весь Вольтеров жар

и т. д.³⁵

³¹ См.: Н. Ф. Сумцов. Культурный уголок Харьковской губернии (Поповская академия). «Харьковский сборник», вып. 2, Харьков, 1888, стр. 100—112.

³² Там же, стр. 101—104. См. также: «Киевская старина», 1887, т. XIX, сентябрь, стр. 129.

³³ О переводе И. И. Виноградова см.: Эпоха Просвещения, стр. 178.

³⁴ По мнению Н. В. Губерти (Материалы для русской библиографии, вып. III, М., 1891, стр. 549—554), этим подстрочником явился неизданный прозаический перевод 1746 г.

³⁵ А. П а л и ц ы н. Послание к Привете, или Воспоминание о некоторых русских писателях моего времени. Харьков, 1807, стр. 18.

В послании фигурирует также «русский список „Магомета“», т. е. перевод этой трагедии, принадлежащий П. С. Потемкину;³⁶ не забыт и переводчик «Альзиры» П. М. Карабанов:³⁷

Так переводчика вольтеровой «Альзиры»
Здесь Карабанова я вспомню звуки лиры.
Не пышен пусть его, не велегласен стих,
Но важен иногда и чист, хотя и тих.³⁸

К самому же Вольтеру Палицын относился весьма сдержанно, упоминая его преимущественно как пример «чужеземного» писателя, получившего в России неоправданно широкую известность — в ущерб национальной культуре (эта мысль лежит в основе «Послания к Привете»):

Языком даже мы своим не говорим,
В чем новым слогом мы себя изобличаем.
Вольтера наизусть твердим:
Из Ломоносова пяти стихов не знаем;
Стихи бессмертные старинными считаем,
И ими уж скучаем!³⁹

Несравненно сильнее Палицына привлекал Руссо. На это указывает опять-таки «Послание к Привете» и особенно его письмо от 30 января 1805 г., в котором содержится восторженный отзыв о переведенной им на русский язык «Новой Элоизе»: «Все, кроме невеж или ледяных сердец, согласны, что „Новая Элоиза“ столько выше всех в своем роде романов, как небо от земли».⁴⁰

Аналогичное отношение к великим французским просветителям обнаруживалось в русской печати начала века неоднократно. При всем пиетете к Вольтеру (иногда традиционном, иногда — вполне искреннем) предпочтение все же часто отдавалось «женевскому философу», творчество которого больше отвечало умонастроениям эпохи. «Волтер, — писал в этой связи «Корифей», — так как и Жан-Жак Руссо, сочинял тогда только, когда он возбужден бывал движением энтузиасма. По его словам, ничего прекрасного не рождало хладнокровие или неохотное расположение духа. Но энтузиазм, изливавшийся из сердца Руссова, выходил из головы Волтера; и самый жар его был жар подделанный, в котором искусство превосходило самую природу».⁴¹

Из подобной же точки зрения исходили и почти все другие русские литераторы, сопоставлявшие Вольтера и Руссо. «Мало пи-

³⁶ Об этом см.: Эпоха Просвещения, стр. 164—165.

³⁷ Там же, стр. 159—162.

³⁸ А. П а л и ц ы н. Послание к Привете, стр. 45.

³⁹ Там же, стр. 56.

⁴⁰ Н. Ф. С у м ц о в. Культурный уголок..., стр. 102.

⁴¹ «Корифей», кн. VI, стр. 173. Ср., впрочем: И. В а л ь б е р х. Из архива балетмейстера. М.—Л., 1948, стр. 59 (запись от 14 марта 1802 г.). «И отдых в пользу». М., 1804, стр. 103—104.

сателей, которые имели бы такое сильное, обширное влияние на свою нацию, какое Вольтер и Руссо имели на французов. Будучи весьма различны один от другого по характеру и образу мыслей, оба они умели каждый особенным путем, с непреодолимой силою действовать на своих соотечественников. Первой просвещал ум, другой трогал сердце».⁴² — так начиналась, например, обширная «Параллель между Руссо и Вольтером», напечатанная в 1805 г. в московском журнале «Аврора». Последовательно, шаг за шагом прослеживая их деятельность, автор «Параллели» неизменно приходил к одному и тому же выводу: Вольтер велик, но Руссо выше Вольтера.

Особое значение имел взгляд обоих мыслителей на религию: Вольтер, подобно неистовому Роланду, «низлагал все, ему встречающееся», не испытывая душевного трепета и перед религией, «с нетерпимостью хотел он ниспровергнуть и самую веру»;⁴³ Руссо же не щадил ничего, кроме религии, «которая всегда была для него святынею, Палладием человечества».⁴⁴

Даже в тех случаях, когда Руссо едва ли выигрывал от сравнения, автор «Параллели» настаивал на своем. Он доказывал, что, хотя в отличие от Вольтера, который «как стихотворец бессмертен», Руссо стихотворцем назван быть не может, «весь его характер — пиитической»,⁴⁵ что участие, которое Вольтер принимал в «бедственной истории Каласа», доставило ему «титло благотворителя», но и Руссо «неоспоримо заслужил место между благотворителями человечества уже и одним своим «Эмилем».⁴⁶ Оправдывал он и отрицание цивилизации, которому сам отнюдь не сочувствовал, и нападки Руссо на современную ему действительность («Вольтер... хотел опровергнуть все не доказательствами, но насмешкою... Руссо негодовал, жаловался на превратность нравов и общественных учреждений. Но он делал это как моралист, с пламенным желанием истребить дурное, с намерением исправлять».⁴⁷) Дифирамбом Руссо звучало и противопоставление их имущественных состояний: «Вольтер жил и умер в недре неги и роскоши; Руссо! друг природы! ты жил и умер в ее объятиях!».⁴⁸

Почти то же самое утверждалось в другой «Параллели», переведенной с французского Петром Бужениновым и помещенной в шаликовской «Аглае»: Вольтер «был рожден с гением живым, блестящим, плодovitым», Руссо — «с гением глубокомысленным»;⁴⁹

⁴² «Аврора», 1805, т. I, № 3, стр. 179—180.

⁴³ Там же, стр. 185.

⁴⁴ Там же, стр. 182.

⁴⁵ Там же, стр. 180.

⁴⁶ Там же, стр. 186.

⁴⁷ Там же, стр. 191, 194.

⁴⁸ Там же, стр. 204. Ср.: «Новости русской литературы», 1803, ч. V, № 18, стр. 273—280.

⁴⁹ «Аглая», 1808, ч. III, кн. 2, стр. 32.

Вольтер был наделен умом более острым и гибким, Руссо — сосредоточенным и целеустремленным; он «занимался единственно изучением человека и средствами вызвать его к истинному щастию, к благим нравам, к добродетелям»;⁵⁰ первый в своих сочинениях нередко проявлял непоследовательность, второй «с первого шагу утвердил свои основания, и все прочие его сочинения были их изъяснением».⁵¹ «Образ жизни их был также разительнейшею противоположностью».⁵² Словом, создатель «Эмиля» был истинным философом; между тем творец «Генриады» мог претендовать лишь на «титло» поэта.

Естественно, что именно в это время появились в русском переводе те полемические письма, которыми Вольтер и Руссо обменивались в 1755—1756 гг. в связи с выходом в свет трактата о происхождении неравенства⁵³ и поэмы о гибели Лиссабона.⁵⁴ В первом случае письмо Вольтера (равно как и ответ Руссо) было напечатано без всяких комментариев, но, по-видимому, переводчик больше сочувствовал Руссо. По крайней мере, переиздавая письма, он сопровождал их примечаниями, почти сплошь направленными против Вольтера. Произошло это, правда, в 1819 г., но не исключено, что и в 1807 г. он думал приблизительно так же, т. е. приветствовал «любителей истины», старавшихся «обнаружить Волтеровы заблуждения», пылал гневом против того, кто «проповедовал терпимость, а сам был злейшим гонителем», кто выступал «как проповедник неверия и защитник пороков», кто если и подвергался преследованиям, то «за высокомерие, дерзость и хулу на святыню», кто заразил «болезнию неизлечимую» ум и сердце огромного множества людей, и т. п.⁵⁵ В другом случае письмо Руссо — само по себе достаточно выразительное — было еще подкреплено антивольтеровскими замечаниями издателя, который, кстати, не пожал даже воспроизвести содержавшуюся в письме похвалу, мотивируя это тем, что Вольтера «хвалить, кажется, должно только за услуги его литературе и ни за одно деяние, ни за одно чувство сердца».⁵⁶

В примечаниях к этому письму заключался и своего рода спор с Руссо. По мнению издателя, и он в свою очередь был «достоин порицаний», и в его философии обнаруживалось немало существенных «изъянов». Одновременная критика обоих великих про-

⁵⁰ «Аглая», 1808, ч. III, кн. 2, стр. 33.

⁵¹ Там же, стр. 34.

⁵² Там же.

⁵³ «Минерва», 1807, ч. V, № 23, стр. 81—87; ч. VI, № 38, стр. 33—39. Ср.: «Звенья», т. VIII, М., 1950, стр. 735—736.

⁵⁴ «Украинский вестник», 1817, ч. VII, кн. 7, стр. 3—29; кн. 9, стр. 271—283.

⁵⁵ «Новый Пантеон», 1819, ч. I, стр. 107—122.

⁵⁶ «Украинский вестник», 1817, ч. VII, кн. 9, стр. 281. Ср.: там же, ч. XII, кн. 11, стр. 169.

светителей — для начала века факт не такой уж редкий. Она присутствовала, например, в четвертой книжке издания воспитанников Университетского благородного пансиона «Утренняя заря» («Сон Вольтера», перевод с французского А. Квашнина-Самарина);⁵⁷ с подобной же целью «Журнал для сердца и ума» поместил переводную статью «Вольтер и Руссо»,⁵⁸ а «Улей» В. Г. Анастасевича⁵⁹ — фрагмент поэмы Лагарпа «Le Triomphe de la Religion». В переводе получивший привычное название «Сравнение Ж. Ж. Руссо и Волтера».⁶⁰

Открывалось это «сравнение» объединенной характеристикой обоих «предтеч революции».⁶¹ Далее следовал «портрет» Руссо, «циника», «раба зависти», «надменности апостола», «лжемудреца»,⁶² и другого, мало в чем ему уступавшего, который

Волтера именем французам сделала честь.⁶³

Впрочем, нередко Вольтеру все же отдавалось предпочтение: по сравнению с Руссо, принесшим «в недра общества серп равенства»,⁶⁴ он был значительно менее «опасен».⁶⁵

«Ж.-Ж. Руссо, — говорилось в одной из статей «Российского музеума», — возмутил лучшие умы во Франции и в Европе. Пылкий дух женевского философа, как заразительная болезнь, распространился между теми, которые по возвышенным мыслям и твердому характеру удалялись от Вольтеровой школы. . . Влияние Ж.-Ж. Руссо на умы своего века было действительнонее Вольтерова, оно распространилось во все страны Европы и во все классы: ибо слог Вольтера может только быть оценен французам, а слог женевского писателя с его красотами и пороками есть общий для всех народов».⁶⁶

С еще большей резкостью эту точку зрения выразил К. Н. Батюшков в очерке «Нечто о морали, основанной на философии и религии» (впервые он тоже был напечатан в «Российском музеуме», затем его без ведома автора перепечатал «Сын отечества»)⁶⁷ «Те моралисты, которые говорят сердцу, одному сердцу. . . — писал Батюшков, — суть самые опаснейшие. Блеск остроумия исче-

⁵⁷ «Утренняя заря», 1806, кн. IV, стр. 172—177.

⁵⁸ «Журнал для сердца и ума», 1810, ч. II, стр. 77—83.

⁵⁹ См.: «Улей». Журнал В. Г. Анастасевича (1811—1812). Библиографическое описание Н. К. Замкова. В сб.: Sertum bibliologicum в честь . . . А. И. Маленина, Пгр., 1922, стр. 38—70.

⁶⁰ «Улей», 1811, т. I, № 4, стр. 256—260.

⁶¹ Там же, стр. 256—257.

⁶² Ср.: там же, 1811, т. II, № 8, стр. 132.

⁶³ Там же, т. I, № 4, стр. 259.

⁶⁴ Там же, стр. 257.

⁶⁵ Там же, № 5, стр. 325—326.

⁶⁶ «Российский музеум», 1815, ч. I, № 1, стр. 45—46.

⁶⁷ Там же, ч. IV, № 12, стр. 238; «Сын отечества», 1816, ч. XXVIII, № 9, стр. 81—105.

зает, одно убедительное красноречие страстей или возбуждающее их оставляет в сердце сии глубокие следы, часто неизгладимые». И в качестве примера называл Руссо, «пламенные мечтания и блестящие софизмы» которого способствовали развращению умов больше, нежели чтение Вольтера: «один говорит беспрестанно уму, другой сердцу; один угрождает суетности и скоро утомляет остроумием, другой никогда не может наскучить, ибо всегда пленяет, всегда убеждает или трогает; он во сто раз опаснее».⁶⁸

Не случайно в том же 1815 г. появилось его «Путешествие в замок Сирей», где о Вольтере говорилось, как о «славнейшем муже своего века», «чудесном», «единственном», который «все знал, все сказал».⁶⁹ «Творец „Заиры“» восхищал Батюшкова; с волнением осматривал он «залу Вольтерову» в правом флигеле замка, любовался из ее окон «приятным видом отдаленных гор, на которых потухали лучи вечернего солнца». При этом он предавался «сладким воспоминаниям о жителях Сирей, которых имена принадлежат истории, которых имена от детства нам были драгоценны».⁷⁰

Подобное признание вполне соответствовало истине. Воспитанник М. Н. Муравьева, Батюшков с юных лет преклонялся перед Вольтером (достаточно вспомнить в этой связи послание «К Филисе»),⁷¹ превосходно знал многие его произведения и широко цитировал их в своих сочинениях и письмах,⁷² защищал его от нападок врагов.⁷³ К 1810 г. относится также батюшковский перевод эпиграммы Вольтера «Sur les sacrifices à Hercule», восхитившей к Антипатру Фессалоникскому.⁷⁴ Однако нельзя не заметить, что, воссоздавая свою поездку в замок «божественной Эмилии» (совершенную во время военной кампании 1814 г.), Батюш-

⁶⁸ Сочинения К. Н. Батюшкова, т. II. СПб., 1885, стр. 128.

⁶⁹ Очерк был написан как письмо к Д. В. Дашкову, знатоку и почитателю Вольтера. Ср. его письмо к Н. Ф. Грамматину от 23 июля 1805 г.: «Не удивляюсь тому, что Вольтер нравится тебе больше Корнеля. Самые недостатки первого пленительны, а многие из лучших мест второго скучны и холодны для молодого, пылкого человека. Мне досадно только то, что ты обижаешь Вольтера, говоря, что он упал в тех местах, где ругает своих противников. Я теперь не могу вспомнить того места, которое ты привел в пример, и, следовательно, не могу защитить его от твоего яростного нападения; но есть много таких мест, которые делают честь если не сердцу, то по крайней мере перу его... Итак, остерегайся, любезный друг, судить несправедливо такого человека, который, конечно, достоин нашего почтения и благодарности» («Библиографические записки», 1859, № 9, стр. 258).

⁷⁰ Сочинения К. Н. Батюшкова, т. II, стр. 66. (Впервые «Путешествие в замок Сирей» было напечатано в «Вестнике Европы», 1816, ч. LXXXVI, № 6, стр. 136—149)

⁷¹ Сочинения К. Н. Батюшкова, т. I, кн. 2, СПб., 1887, стр. 14.

⁷² Там же, стр. 7, 31; т. II, стр. 13, 37, 76—77, 168; т. III, СПб., 1886, стр. 3, 59, 123, 151, 160, 250, 283.

⁷³ См. Н. В. Фридман. Проза Батюшкова. М., 1965, стр. 83—84.

⁷⁴ «Вестник Европы», 1810, ч. LII, № 14, стр. 124.

ков уже не испытывал к Вольтеру прежних чувств.⁷⁵ Разочарование в духовном наследии минувшего века сказалось и на его оценках вольтеровского творчества (к которому, впрочем, он не перестал обращаться):⁷⁶ Вольтеру-мыслителю, подобно многим соотечественникам, Батюшков противопоставляет теперь Вольтера-поэта, философским его сочинениям — «послания к славным современникам и те бессмертные стихи, для которых единственно простит его памяти справедливо раздраженное потомство».⁷⁷

Некоторые из этих «бессмертных стихов» получили у русских читателей известность с давних пор, другие — на протяжении 1800-х годов, преимущественно усилиями членов Вольного общества любителей словесности, наук и художеств. Наиболее ранние опыты такого рода были помещены в первом печатном издании общества — альманахе «Свиток муз». Их автором явился Александр Христофорович Востоков.

Собственно, возникли эти переводы еще до вступления молодого поэта в Общество (его ввел туда один из товарищей по кадетскому корпусу С. А. Шубников осенью 1801 г.⁷⁸). Оба они, как явствует из дневника Востокова, датируются 1799 г.,⁷⁹ причем на основании того же источника можно заключить, что им предшествовало усиленное чтение Вольтера.⁸⁰ Никому не известному воспитаннику Академии художеств трудно было рассчитывать на издание своих сочинений и особенно — в условиях павловского времени — на издание переводов из Вольтера. Лишь после мартовских событий 1801 г. (Востоков их встретил ликованием⁸¹) они

⁷⁵ См.: Сочинения К. Н. Батюшкова, т. I, кн. 1, СПб., 1887, стр. 88—90.

⁷⁶ Там же, т. II, стр. 213, 339.

⁷⁷ Там же, стр. 69—70. — Кажется, «Путешествие в замок Сирей» было единственным свидетельством интереса русских людей к замку маркизы дю Шатле: как и прежде, их особенно притягивал к себе Ферней. Об этом см.: М. П. Алексеев. К истории русского вольтерьянства в XIX в. В сб.: Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры, М.—Л., 1966, стр. 302—308. К сообщенным здесь материалам примыкает переводное «Письмо о Фернее» («Любитель словесности», 1806, ч. II, № 5, стр. 129—133), посвященные Фернею отрывки переводных же статей в «Вестнике Европы» (1808, ч. XLII, № 23, стр. 196—197; 1809, ч. XLVI, № 15, стр. 182—191), а также фрагмент из письма Вольтера к Екатерине II о посещении Фернея Е. Р. Дашковой («Русский вестник», 1820, кн. V, стр. 13).

⁷⁸ Степан Александрович Шубников вступил в Общество 21 сентября 1801 г. «представлением перевода из Вольтера Невтоновой философии» (см.: Востоков. Стихотворения. М., 1935, стр. 21; «Периодическое издание Вольного общества любителей словесности, наук и художеств», ч. I, СПб., 1804, стр. IV). Перевод этот (речь идет о фрагментах трактата «*Éléments de la philosophie de Newton*»), по всей вероятности, не сохранился. О Шубникове см. также: В. Н. Орлов. Русские просветители 1790—1800-х годов, стр. 215.

⁷⁹ Заметки А. Х. Востокова о его жизни. СПб., 1901, стр. 16—17.

⁸⁰ Там же. См. также: Востоков. Стихотворения, стр. 15.

⁸¹ Заметки А. Х. Востокова о его жизни, стр. 18.

увидели свет: сначала «Похвала баснословию»,⁸² а затем «Телема и Макар».⁸³

Первая часть «Похвалы баснословию» представляла собой сравнительно точное воспроизведение французского текста; что же касается второй, направленной против католической церкви и христианской мифологии, в противоположность мифологии языческой, античной, то Востоков перевел ее весьма приблизительно из-за обилия конкретных намеков, но при этом сохранил ее общее звучание и пафос: он обращался в ней к некоему «несносному Пустосвяту», который пытается «наложить запрещенье на всех читающих» («они-то», — иными словами, творения античных авторов — «к нам разврат, они язычество и богохульство вводят»). Последние строки перевода выглядели довольно рискованно.

Хотя к обедне утром поспешая,
И в православии от сна мы встаем,
Но к вечеру опять все то позабывая,
Язычниками мы в театре настаем, —

подобное заявление могло доставить Востокову немало неприятностей, хотя в подзаголовке и значилось спасительное «Из Вольтера». Этого не произошло, но предвосхищая возможные события, он три года спустя в «Опытах лирических» напечатал свой перевод в сильно измененном виде: в отдельных случаях он преследовал лишь «эстетические» цели; перерабатывая же конец, несомненно, думал о другом, поскольку из пятнадцати заключительных стихов не уцелело почти ничего. Исчез, разумеется, и приведенный выше вольнодумный фрагмент. В подзаголовке же появилось уточнение: перевод стал только «подражанием Вольтеру».⁸⁴

По существу, подражанием явился и ритмический рисунок востокковского перевода: помимо того что чередование двенадцатисложного и восьмисложного стиха у Востокова превратилось в чередование шестистопного, четырехстопного и трехстопного ямбов, применение их часто не совпадало. Востоков ограничился сохранением общих контуров, не больше.

Иной принцип был положен в основу перевода сказочки «Телема и Макар», где Востоков использовал «разномерный стих» как средство для того, чтобы передать изящество и легкость этого произведения Вольтера. Сплошному восьмисложнику оригинала в переводе соответствует целая «музыкальная симфония» (по определению самого Востокова), состоящая из шести-, четырех-, трех-, двух- и одностопных ямбических стихов. Подобный «образ стихотворства» — традиционный для сказочного и басенного жанров — позволил переводчику с большей полнотой осуществить свой замы-

⁸² «Свиток муз», 1802, кн. I, стр. 85—90.

⁸³ Там же, 1803, кн. II, стр. 25—36.

⁸⁴ А. Востоков. Опыты лирические и другие мелкие сочинения в стихах, ч. I. СПб., 1805, стр. 65—67.

сел. (Недаром, рецензируя в 1802 г. «Оду к Истине» Борна, он опасался, что «сия тонкость гармонии» может показаться читателям прозою⁸⁵). С тем же намерением широко вводил он в свой перевод просторечие, в той или иной мере «воссоздававшее» естественность вольтеровского слога.

Цензурных придирок Востоков на сей раз почти не опасался. Переделывая перевод, он добивался лишь его улучшения. Вариант, помещенный в «Опытах лирических»,⁸⁵ существенно отличался от исходного; критическое же замечание, содержавшееся в рецензии, которой на выход книги откликнулся в своем журнале Н. Остолопов,⁸⁷ было реализовано в «Стихотворениях Александра Востокова» (1821).⁸⁸ Впрочем, там появилось и множество других исправлений, свидетельствовавших о настойчивом стремлении русского поэта усовершенствовать свой труд и по сравнению с «Опытами лирическими» (а также переизданиями в различных антологиях)⁸⁹ и тем более по сравнению с текстом, некогда опубликованным во второй книжке «Свитка муз».

В том же самом выпуске альманаха⁹⁰ был напечатан еще один стихотворный перевод из Вольтера, принадлежавший члену Вольного общества Дмитрию Бринкену: басня «Пчелы», восходящая к «Басне о пчелах» Мандевилья. Впрочем, под пером Вольтера этот знаменитый памфлет приобрел несколько иной, если не прямо противоположный смысл. Вместо признания человеческих пороков и даже преступлений необходимым условием развития и процветания современного общества Вольтер лишь допускал, что и отрицательный опыт может принести людям некоторую пользу: «С помощью ядов составляют превосходные лекарства, но не ядами поддерживаем мы наше существование». Между тем он с сочувствием говорил о трудолюбивых пчелах, с презрением — о трутнях и с удовлетворением — о постигшей их судьбе:

Tous les esprits s'éclairèrent;
Ils sont tous désabusés:
Les bourdons sont écrasés,
Et les abeilles prospèrent.

Такое перемещение акцентов придавало басне новое звучание, весьма далекое от первоначального, но отнюдь не менее острое.

⁸⁵ См.: Е. В. Петухов. Несколько новых данных из научной и литературной деятельности А. Х. Востокова. ЖМНП, 1890, ч. 268, март, стр. 63—64.

⁸⁶ А. Востоков. Опыты лирические... стр. 59—64.

⁸⁷ «Любитель словесности», 1806, ч. I, № 1, стр. 79—80. Другой отзыв см.: «Вестник Европы», 1806, ч. XXV, № 1, стр. 42. См. также: И. И. Дмитриев. Сочинения, т. II. СПб., 1893, стр. 185, 207.

⁸⁸ Стихотворения Александра Востокова, кн. I. СПб., 1821, стр. 34—41.

⁸⁹ См.: Собрание русских стихотворений, ч. 3, 1811, стр. 77—82; Пантеон русской поэзии, ч. 4. СПб., 1815, стр. 212—220; Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах, ч. 3. СПб., 1815, стр. 136—142.

⁹⁰ «Свиток муз», 1803, кн. 2, стр. 120—121.

Эта острота и привлекла, конечно, к вольтеровской басне внимание Бринкена,⁹¹ а год спустя — Николая Остолопова, переводом которого открывалось «Периодическое издание Вольного общества любителей словесности, наук и художеств».⁹² Несмотря на единый источник, в переводах этих было мало общего: Бринкен добросовестно следовал Вольтеру, Остолопов же расцвечивал намеченную французским поэтом картину на свой лад, хотя и не отступал от вольтеровского замысла. Лишь последняя фраза была добавлена им от себя и, так сказать, вопреки Вольтеру, которого, несомненно, отпугнула бы ее чрезмерная решительность: «Ах! скоро ли пчелам мы станем подражать?».

В следующем году на страницах близкого к Вольному обществу «Журнала российской словесности» Остолопов напечатал перевод другого вольтеровского стихотворения — язвительной эпиграммы на Фрерона.⁹³ Позднее ее же перевел В. Л. Пушкин, один из самых горячих в свое время почитателей Вольтера⁹⁴ и, в частности, «Кандида».⁹⁵ Эпиграмма В. Л. Пушкина (опубликованная в 1808 г.

⁹¹ О Д. Ф. Бринкене см.: Поэты-радищевцы. Л., 1935, стр. 443—444.

⁹² «Периодическое издание Вольного общества любителей словесности, наук и художеств», ч. I. СПб., 1804, стр. 1.

⁹³ «Журнал российской словесности», 1805, ч. I, кн. 2, стр. 112. — В этом журнале — одном из интереснейших периодических изданий начала века — был помещен, кроме того (ч. I, кн. 1, стр. 29—37; кн. 2, стр. 89—97), ряд извлечений из «Философского словаря» (статьи «Bibliothèque», «Auteurs», «Caractère», «Amour-propre», «Flatterie», «Luxe», «Larmes»); там же (кн. 3, стр. 126—139) появились критическое обозрение русской литературы — «Путешествие в Храм вкуса», по признанию автора, «слабое подражание Вольтеру» (т. е. «Храму вкуса») и перевод надписи к статуе Амура, сделанный А. Беницким (ч. II, кн. 6, стр. 90; перепечатан в «Талии», 1807, кн. I, стр. 126, и «Опыте русской анфологии», СПб., 1828, стр. 126). См. также: «Журнал российской словесности», ч. I, кн. 1, стр. 7, 46; кн. 2, стр. 123; кн. 3, стр. 188.

⁹⁴ «... В восемнадцать лет на званых вечерах читал он длинные тирады из трагедий Расина и Вольтера... двадцати лет на домашних театрах играл уже он Оросмана в „Заире“» (Ф. Ф. Вигель. Записки, т. I, стр. 131—133).

⁹⁵ См. его признание в послании к Д. В. Дашкову:

... с восхищением читал я Фукидида,
Тацита, Плиния и, признаюсь, «Кандида».

(Два послания Василья Пушкина.
СПб., 1811, стр. 7)

Признание это явилось ответом на выпад А. С. Шишкова в связи с выходом послания В. Л. Пушкина к В. А. Жуковскому («Цветник», 1810, ч. VIII, № 12, стр. 357—363). «... Сии судьи и стихотворцы...», — писал Шишков, — в посланиях своих зывают к Виргилиям, Гомерам, Софоклам, Еврипидам, Горациям, Ювеналам, Саллустиям, Фукидидам, затвердя одни только имена их и, что всего удивительнее, научась благочестию в „Кандиде“ и благонаравно и знаниям в парижских переулках, с поврежденным сердцем и помраченным умом вопиют против невежества и, обращаясь к теням великих людей, толкуют о науках и просвещении!» (А. С. Шишков. Рассуждение о красноречии священного писания. СПб., 1811, стр. 106). При подготовке собрания стихотворений В. Л. Пушкина в 1822 г. упоминание «Кандида» явилось причиной цензурных придирок, в результате которых послание

в «Вестнике Европы»⁹⁶) позволяет, впрочем, предположить также его знакомство с использованной Вольтером эпиграммой Ля Мартиньера (1662—1749) «Un gros serpent mordit Aurele». (Впоследствии по тому же пути пошел Борис Федоров в своем «подражании французской эпиграмме Волтера», озаглавленной им «Змей и клеветник»⁹⁷).

Несколько вольтеровских стихотворений появилось на протяжении 1800-х годов и в других московских журналах. В 1803 г. в «Новостях русской литературы» под названием «Три способа» увидел свет перевод сказочки «Les trois manières», сделанный А. А. Писаревым.⁹⁸ Перевод этот представлял собой интересную попытку передать метрическое разнообразие французского стихотворения (двенадцатисложник, восьмисложник, двенадцатисложник, десятисложник, восьмисложник) при помощи ямбического и хорейского стихов, а также дактиля. Столь характерная для этой сказочки смена настроений в русском переводе обозначалась, следовательно, с еще большей отчетливостью, нежели у Вольтера: эпическому тону рассказа Аглаи соответствует шестистопный ямб, игривому тону рассказа Теоны — четырехстопный хорей; что же касается истории Апамисы, то, по мысли переводчика, «для такого рода печального повествования» приличнее всего был «чистый дактиль».⁹⁹

В 1806 г. ряд мелких вольтеровских стихотворений напечатал плодовитый поэт и переводчик Б. К. Бланк. Все они появились в «Московском зрителе» П. И. Шаликова. В большей степени руссоист, чем вольтерьянец, Шаликов, однако, с немалым сочувствием относился и к «фернейскому жителю», у которого, между прочим, заимствовал предпосланный изданию эпиграф: «S'occuper c'est savoir jouir. . .». Стихотворения, переведенные Бланком, принадлежали к числу изящных «безделок» галантного содержания или приближались к ним по содержанию и поэтической манере, что вполне отвечало направлению журнала. Показательно, что здесь же присутствовала и первая строфа послания к г-же Дени, звучание которой вне контекста оказывалось почти руссоистским.¹⁰⁰

На протяжении 1810-х годов, отвлеченные другими произведениями и именами, переводчики обращаются к вольтеровской поэзии Дашкову пришлось издать (см.: П. А. Плетнев. Сочинения и переписка т. 3. СПб., 1885, стр. 385).

⁹⁶ «Вестник Европы», 1808, ч. XLI, № 17, стр. 51 (перепечатано: Опыт русской анфологии, стр. 149).

⁹⁷ Опыты в поэзии Б. Федорова. СПб., 1818, стр. 133.

⁹⁸ На принадлежность перевода Писареву указал он сам в собранных им «Калужских вечерах» (М., 1825, ч. I, стр. 168), где этот ранний его литературный опыт был напечатан в новой редакции, отличавшейся от первоначальной, помимо заглавия («Три средства»), большей точностью и большей современностью языка.

⁹⁹ «Новости русской литературы», 1803, ч. VI, № 28, стр. 38; в том же журнале (1804, ч. XI, № 72, стр. 319—320) был напечатан перевод статьи «Amitié» из «Философского словаря».

¹⁰⁰ «Московский зритель», 1806, ч. II, № 4, стр. 60—61; № 6, стр. 62; ч. IV, № 10, стр. 66—67; № 11, стр. 59—60.

зии редко. В 1811 г. в журнале «Улей» был помещен анонимный перевод знаменитого стихотворения «Ты и вы»,¹⁰¹ ранее известного русскому читателю лишь в свободном переложении Княгинина (1786), склонившего послание на отечественные нравы,¹⁰² а в самом конце десятилетия в «Украинском вестнике» — перевод послания к Гельвецию (четвертой «речи о человеке»), тщательно выполненный неким Николаем Давыдовым из Суджи,¹⁰³ в отличие от подражания ему, принадлежавшего перу М. В. Милонова. Не исключено, что перевод Давыдова явился своеобразным состязанием с Милоновым, послание которого было переиздано в самом начале 1819 г.: обращенное к Н. Ф. Грамматину, это дидактическое послание заключало в себе наряду с точнейшим воспроизведением вольтеровских стихов мотивы национальные (под «Гордием наших дней» подразумевался, например, Ломоносов) и автобиографические (упоминание Дона, протекающего неподалеку от его родного Воронежа; навеянные Вольтером заявления вроде «я хладным более кумирам не служу», и т. п.). Некоторые же из признаний Вольтера Милонов изложил в третьем лице, словно повторяя традиционную характеристику французского поэта, столь часто обвинявшегося в постыдной склонности к идейным компромиссам:

... Но и ты, о смелых душ пример,
Склонялся иногда от истины, Вольтер,
Желая угождать величию и сану,
Как будто песнию возвышенной своей
Возвысил предо мной, что век хулить я стану?¹⁰⁴

Так складывалась судьба в русской литературе начала XIX в. вольтеровской поэзии в узком смысле этого слова.¹⁰⁵ Однако про-
тибопоставляя Вольтеру-философу Вольтера-поэта, русские люди, как правило, имели в виду и его драматургию. В их сознании он был величайшим трагическим поэтом «осмнадцатого столетия» и одним из самых великих трагических поэтов вообще.

* * *

К началу XIX в., несмотря на неослабный интерес в России к трагедийному жанру,¹ Вольтер был представлен в репертуаре русского

¹⁰¹ «Улей», 1811, ч. I, № 3, стр. 224—226.

¹⁰² Впервые опубликовано: «Новые ежемесячные сочинения», 1786, ч. I, стр. 83—86. — Впоследствии неоднократно переиздавалось.

¹⁰³ «Украинский вестник», 1819, ч. XVI, кн. 12, стр. 343—358.

¹⁰⁴ Сатиры, послания и другие мелкие стихотворения Михайла Милонова. СПб., 1819, стр. 220—221.

¹⁰⁵ О распространении в это время «рукописного Вольтера» и, в частности, таких произведений, как «Орлеанская девственница» и «Послание к Урании», см.: Эпоха Просвещения, стр. 200—206.

¹ См.: В. А. Бочкарев. Русская историческая драматургия начала XIX века (1800—1815). Куйбышев, 1959.

театра весьма скромно. Это были все те же издавна утвердившиеся на театральных подмостках «Магомет» П. Потемкина и «Альзира» П. Карабанова, который время от времени подновлял свой перевод, тем самым продлевая его сценическую жизнь. Не изменилась картина и сразу после 1801 г.: в этот период по-прежнему ставились лишь две названные трагедии.²

Наибольший резонанс получило возобновление 17 апреля 1806 г. «Альзиры»: всяческих похвал удостоились и «прекрасное произведение Вольтера», и его «образцовый» перевод, и его исполнение на петербургской сцене с участием А. Д. Каратыгиной и А. С. Яковлева.³ Актриса особенно трогала своей игрой в первом явлении третьего действия, «где Альзира обращается к тени Замора, почитая его убитым на сражении, и просит простить ее, что она склонилась на брак с Гусманом; в явлении четвертом при свидании с Замором, где не можно было удержаться от слез, когда она произнесла стихи:

О! небо! Поступь, глас и все его черты —
Замор!.. лишаюсь чувств, померкли очи сиры.

В явлении пятом, когда она обращается то к Гусману, то к Альвару, то к Замору, говоря: „Жестокий! Ты покров в бедах моих горчайших!“ и пр.— В явлении четвертом четвертого действия, где расстается с Замором».⁴

«Отменно хорошо» играл и Яковлев, «воодушевленный представляемым им лицом». Он произносил стихи с необычайным жаром, «развивая и беспрестанно переменяя приемы и выражения роли, увлекаясь разными положениями, разными страстями, в которых автор „Альзиры“ поставил Замора».⁵ То исторгая у зрителей слезы сострадания, то заставляя их возмущаться и негодовать, он с «удивительною силою» передавал в одном случае «трогательное простодушие» и «едкую сатиру», в другом — скорбь, в третьем — гнев, ужас и т. д.

Не менее удачно исполнял Яковлев роль Магомета. По свидетельству С. Жихарева, присутствовавшего на представлении этой трагедии в Петербургском Большом театре 17 мая 1807 г.,⁶ «с первой сцены и до последней он был совершенным Магометом, т. е. каким создал его Вольтер», «с первой сцены и до последней он казался какой-то олицетворенною судьбою, неотразимою в своих

² Не исключено, что Д. И. Хвостов собирался заменить старый перевод «Магомета» собственным: в 1805 г. он напечатал в своем журнале «Друг прощения» (ч. IV, № 10, стр. 11—12) фрагмент 5-й сцены II акта).

³ См.: «Любитель словесности», 1806, ч. II, № 4, стр. 82.

⁴ «Лицей», 1806, ч. II, кн. 1, стр. 108—111.

⁵ Там же, стр. 109.

⁶ Единственным (и притом очень слабым) отзвуком более ранних спектаклей являлась эпиграмма П. Сумарокова «Вчера играли „Магомета“» («Вестник Европы», 1805, ч. XIX, № 3, стр. 220).

определениях: что за величавость и благородство во всех его телодвижениях! что за грозный и повелительный взгляд! Какая самоуверенность и решительность в его речи! Словом, он был превосходен». ⁷ В совершенстве, опять-таки по мнению Жихарева, понял он и сыграл «одну из труднейших для актера» первую сцену с Зофиром, иными словами — 5-ю сцену II акта.

«Очень хорошо» играли и другие исполнители главных мужских ролей — Н. Д. Сахаров (Зофир) и Е. П. Бобров (Омар). Сеида и Пальмиру «представляли» обычно А. Г. Щеников и Аграфена Белье, сильно уступавшие Яковлеву по масштабу дарований, но обладавшие в достаточной мере непременными, с точки зрения тогдашней критики, актерскими качествами — «оригинальностью» и «страстью». ⁸

Трагедия эта появлялась в репертуаре и позднее, главным образом на московской сцене: с участием А. С. Яковлева, а также П. А. Плавильщикова (Зофир), С. Ф. Мочалова (Сеид), М. С. Воробьевой (Пальмира), 23 июня 1811 г. с Пановой в роли Пальмиры, 14 и 23 января 1818 г. и т. д. По воспоминаниям М. Н. Макарова, в «Магомете» Плавильщиков «превзошел самого себя», в последних же сценах «показал себя великим русским актером», а Воробьева «произвела общий восторг». ⁹ Не прошел незамеченным и дебют Пановой. ¹⁰

И все же интерес к этим трагедиям постепенно ослабевал. На это в 1806 г. обратил внимание рецензент «Любителя словесности», отметивший с сожалением (как и подобало «парнасскому староверу»), что «„Альзира“ представлена была раз в два или три года, между тем как „Русалка“, „Князь Невидимка“ и множество других подобных творений и переводов представлены бываюи несколько раз в каждом месяце». ¹¹ Еще более отчетливо проявилось это в отзывах о «Магомете». Один из них представлял собой сообщение о «гонениях», которые «терпит» эта трагедия от главного «ругателя» Вольтера в первые годы века — аббата Жоффруа, о «неуспехе» ее у французского зрителя (что объяснялось «множеством недостатков, которых никакое очарование теперь уже не закрывает») и т. п. ¹² Другой — отклик на очередное возобновление «Магомета» в Москве (1811). Весьма ироническое изложение трагедии, соедержавшее всевозможные упреки и неодобрительные замечания, оканчивалось настоящей филиппикой против

⁷ С. П. Жихарев. Записки современника, стр. 527—528.

⁸ «Любитель словесности», 1806, ч. II, № 5, стр. 177—178; ч. III, № 7, стр. 80—81; «Лицей», 1806, ч. III, кн. 1, стр. 97—98.

⁹ М. Н. Макаров. Московский театр в последние годы прошлого и в начале текущего столетия. «Литературная газета», 1840, № 25, стр. 579, 584.

¹⁰ «Вестник Европы», 1811, ч. LVIII, № 13, стр. 67.

¹¹ «Любитель словесности», 1806, ч. II, № 5, стр. 77.

¹² «Вестник Европы», 1809, ч. XLIV, № 5, стр. 55—57.

«фанатизма в литературе»: «...одержимые им слабые и горячие головы в творениях вольтеровых видят одни только красоты, не дерзая мыслить, чтобы в них были недостатки и погрешности». Как «антифилософское» заявление звучал в этом контексте и конечный вывод, сам по себе, разумеется, бесспорный: «Фанатизм везде опасен; ослепляя жертвы свои, лишая их способности размышлять собственным разумом, он еще поселяет в них ненависть к тем людям, которые не падают перед их идолом».¹³

Сходным образом в начале 10-х годов воспринималась «Альзира». В статье о спектакле, состоявшемся на московской сцене 5 ноября 1811 г., приводились уничтожающие суждения «нынешних французских критиков», которые называют «Альзиру» «самую посредственной трагедией, надутую, наполненную пустыми звуками», а затем констатировалось, что «публика приняла эту Вольтерову трагедию очень равнодушно».¹⁴ Показателен также заключенный в статье суровый отзыв об исполнении Пановой главной роли, для которой «потребно» было «более простоты и свободы, а менее затейливости в изменениях голоса и в телодвижениях».¹⁵

Но охлаждение к этим трагедиям отнюдь не распространялось на театр Вольтера в целом: рубеж 1800—1810-х годов, напротив, ознаменовался даже значительным пополнением вольтеровского репертуара. Именно в это время русский зритель смог ознакомиться с «Китайским сиротой», «Танкредом», «Заирой», «Меропой» и «Семирамидой». Впрочем, каждая из названных пьес имела свою литературно-театральную судьбу, обусловленную, помимо целого ряда второстепенных, а подчас и случайных обстоятельств, ее своеобразием, ее «манерой» и, конечно, характером ее перевода.

«Китайский сирота» — философская трагедия в наиболее чистом ее виде — разочаровал петербургскую публику. На фоне триумфов Озерова трагедия казалась почти «пережитком прошлого»: ей недоставало лиризма, в ней едва слышался «голос сердца» и действие ее было слишком растянутым и монотонным.¹⁶

¹³ «Вестник Европы», 1809, ч. LVIII, № 13, стр. 68.

¹⁴ Там же, 1811, ч. LX, № 22, стр. 151.

¹⁵ Там же, стр. 152. Ср. импровизированный, напоминавший известную эпиграмму Буало (J'ai vu Agésilas/Hélas!) отзыв об одном из представлений «Альзиры», приписываемый В. Л. Пушкину:

Альзиру видел я, Гусмана и Замора —
Умора!

(П. А. Вяземский, Полн. собр. соч., т. VIII, СПб., 1883, стр. 472—473; С. П. Жихарев. Записки современника, стр. 614).

¹⁶ Примечательно, что, вступая под впечатлением от этих триумфов на драматическое поприще, престарелый Г. Р. Державин в своей трагедии «Ирод и Мариамна» (1807) также попытался «улучшить» Вольтера, которого, кстати, называл «знаменитым писателем» и «славным трагиком» (см.: Сочинения Державина, т. IV. СПб., 1867, стр. 214—216).

получ. Делов. 18 г. дек.
— 1808.

КИТАЙСКАЯ СИРОТА

Представлено в пяти отыствиях
В стихах.

Представлено на планету
Позволяется
Цензор Яценков
1808. Декабря 18 г.
в Казань

«Китайский сирота» Вольтера. Заглавный лист списка 1808 г. с цензурным разрешением.
Ленинградская театральная библиотека им. А. В. Луначарского.

Сознавая это, А. А. Шаховской — переводчик трагедии на русский язык — пытался несколько «улучшить» ее, преобразовать в соответствии с духом времени: он опустил многие десятки строк, изъяс даже несколько мелких эпизодов, разбил с помощью реплик ряд особенно пространственных сцен, а в одном случае присочинил к четырем вольтеровским стихам довольно длинное продолжение — эффектный монолог Идаме, в котором весьма рельефно выразил смятенность ее чувств и силу терзающих ее душевных мук:

Иль смерть, иль мой позор в удел достались нам!
 О сын моих царей! о ты, супруг почтенный!
 Я вас спасти могу; но честь, но долг священный
 Повелевают мне... могу ли довершить!
 Так не должна я вас бесчестьем искупить.
 Ваш смертный приговор, ваш приговор ужасный
 Уже произнесен. Прости, супруг несчастный!
 Я знаю, жизни ты предпочитаешь честь,
 Ах, сын мой, и тебя эздеев люта мечь
 Не пощадит... увы! Убийцы разъяренны,
 Невинностью его и детством не смягченны,
 Уже возносят меч... Постой, решилась я...
 Что делаю, увы! о долг, о честь моя!
 Вы торжествуете! Царя, супруга, сына
 Решилась в сей день несчастная судьбина,
 Их смерть... свершить нет сил.¹⁷

Однако усилия Шаховского не принесли сколько-нибудь ощутимых результатов. По словам П. Арапова, способствовала этому актерская игра: «писса претерпела падение», «когда по опущении занавеса начали вызывать Яковлева и он вышел, несколько голов закричали Валберхову; но в то же время многие стали шикать, и лишь только показалась эта молодая актриса, раздался крик „не надо!“¹⁸ Дело не обошлось, конечно, без театральных интриг (Шаховской, в частности, оказывал неумеренно энергичное покровительство М. Валберховой), но, по-видимому, сценическое воплощение трагедии было весьма несовершенным. Недаром критик, посвятивший этому новому «русскому спектаклю» большую статью, отметил сухость исполнения главной женской роли М. И. Валберховой («Без сомнения, сама она чувствует, что не могла извлечь ни одной слезы из глаз зрителей, что роль Идамии гораздо выше сил ее»),¹⁹ а также роли Замфи Н. Д. Сахаровым

¹⁷ Китайская сирота. Трагедия в пяти действиях, в стихах. Список 1808 г. (Ленинградская театральная библиотека им. А. В. Луначарского), л. 58 об. Ср.:

Il me faut donc choisir leur perte ou l'infamie!
 O pur sang de mes rois, o moitié de ma vie,
 Cher époux dans mes mains quand je tiens votre sort
 Ma voix sans balancer vous condamne à la mort!

¹⁸ П. Арапов. Летопись русского театра, стр. 190—191.

¹⁹ «Цветник», 1809, ч. I, № 2, стр. 285.

(«Г. Сахаров представлял Замфи, и с большим хладнокровием. Правда, Замфи был ученый мандарин, философ, а философы говорят или по крайней мере должны говорить хладнокровно; но Замфи был также нежный супруг, чадолюбивый отец. Может ли же такой супруг и такой отец хладнокровно видеть отчаяние своей супруги и назначить на смерть своего младенца. Нет, это противно человечеству и природе... Должно отдать справедливость г. Сахарову, что он переменял свой единозвучный тон, говоря с Идаминою; но ему надлежало гораздо живее выражать скорбь свою, надлежало не притворяться перед зрителями, но тронуть их»²⁰).

Даже Яковлеву с его необузданным актерским темпераментом, по мнению рецензента, следовало «во многих местах, а особливо в явлениях с Идаминою, говорить с большим жаром».²¹ (На это обвинение Яковлев ответил в «Северном Меркурии», обнаружив несравненно более глубокое понимание своей задачи, чем мысливший несколько односторонне, хотя и вполне современно, рецензент²²).

Таким образом, исполнители не только не поддержали Шаховского, который стремился в первую очередь сообщить вольтеровской трагедии большую чувствительность, но и не передали того, что было в ней заключено. После двух спектаклей (21 января и 3 февраля 1809 г.) «Китайский сирота» бесследно исчез из репертуара.²³ «Китайский сирота», но не Вольтер: 8 апреля 1809 г. на той же самой сцене был впервые представлен «Танкред».

В истории французской драматургии и театра «Танкред» явился поистине выдающимся событием. Средневековый рыцарский сюжет (заимствованный из «Неистового Роланда»), величайший накал возвышенных страстей, живописность, стремительность ритма, нарушение единства места, наконец, широкое использование перекрестных рифм — все это в глазах современников делало трагедию произведением весьма необычным и смелым.²⁴

²⁰ «Цветник», 1809, ч. I, № 2, стр. 287—288.

²¹ Там же, стр. 290.

²² Там же, № 3, стр. 225—227.

²³ См. в этой связи уничтожающую эпиграмму А. С. Хвостова:

Вольтер и от врагов
Не зрел столь мщенья злого,
Какое чувствует теперь от Шаховского.
Трагедия его совсем, совсем не та.
Что ж вышло из нее? Прямая сирота.
(«Русский архив», 1863, № 12, столб. 895).

Другая эпиграмма «К переводчику „Китайского сироты“, принадлежавшая П. А. Вяземскому, была написана позднее и явилась элементом его полемики с «Шутовским», разгоревшейся после появления «Липецких вод». (См.: «Российский музей», 1815, ч. IV, № 12, стр. 235). Ср.: «Демокрит», 1815, ч. I, кн. 2, стр. 126—127.

²⁴ См.: К. Н. Державин. Вольтер, стр. 366—369.

К началу XIX в. художественное новаторство Вольтера в этой трагедии сильно потускнело, но оно ощущалось и теперь. Не случайно, приступив в 1807 г. к ее переводу, Н. И. Гнедич прервал работу ради «Короля Леара», осуществил этот свой замысел, а затем немедленно вернулся к Вольтеру. Никакого противоречия здесь не было: направление поисков Гнедича оставалось неизменным.²⁵

Впрочем, сквозь призму Шекспира-Дюсиса «Танкред» должен был показаться Гнедичу все же несколько архаичным. Этим, быть может, и объясняется произведенное им усовершенствование трагедии Вольтера, состоявшее главным образом в изъятии «лишних» стихов и вообще в «сокращении» разговоров, которыми «часто, как признали и французские критики, охлаждается ход сей трагедии, писанной Вольтером уже в старости».²⁶ В русском переводе пьеса стала еще более динамичной и театральной, чем в оригинале. Вместе с тем на рубеже 1800—1810-х годов особую актуальность приобретали воплощенные в ней (и слегка усиленные Гнедичем) патриотические и гражданственные мотивы. Отечество, народ, свобода, вольность, тиран, раб, мститель — эти и им подобные слова, равно как и чеканные стихи-афоризмы вроде «Умрем, не потерпев властителя над нами!», «Для благородных душ как родина священна», «Умрем или спасем отечество драгое», «Достойно или нет отечество того, но за него умру» и т. д., не могли оставить русского зрителя равнодушным.²⁷ Об этом свидетельствуют огромный успех трагедии «на театре» и появившиеся в этой связи в 1809 г. журнальные статьи.

«Сия прекрасная трагедия представлена была в первый раз нашими актерами 8-го числа нынешнего месяца, — указывалось в апрельском выпуске «Цветника», — очень много понравилась она нашей публике, да и как не понравиться? Имя славного сочинителя давно уже всем известно; перевод не только что нимало не ослабил подлинника, но и придал ему новые красоты, по крайней мере ощутительные для русских, знающих свой язык; главнейшие лица представляли лучшие наши актеры: Танкреда г. Яковлев и Аменаиду г-жа Семенова (большая)».²⁸ По мнению

²⁵ См.: Шекспир и русская культура, стр. 90.

²⁶ Танкред, трагедия в пяти действиях. Сочинение Вольтера. Перевод Н. Гнедича. СПб., 1816, стр. 51.

²⁷ См.: Х. Шмидт. «Танкред» Вольтера в переводе Н. И. Гнедича. «Ученые записки Ленинградского государственного университета», № 261, сер. филол. наук, вып. 49, стр. 142—154.

²⁸ «Цветник», 1809, ч. II, № 4, стр. 139—140. — Дебютировала Семенова в 1803 г. в «Нанине» (см.: П. Арапов. Летопись русского театра, стр. 161), которую продолжали изредка ставить тогда в старом переводе И. Ф. Богдановича: в Ленинградской театральной библиотеке хранится даже список этой комедии с цензурным разрешением от 27 апреля 1812 г. (текст лишь слегка подновлен). К этому времени существовал, видимо, и другой — стихотворный — перевод Ф. М. Павлова, опубликованный только в 1859 г.

рецензента, «г. Яковлев вникнул весьма хорошо в роль Танкреда. Поступь его, осанка, разговор, телодвижения — все показывало в нем героя, каким должен быть Танкред».²⁹ Еще больше восхищала его Семенова, которая «растрогала совершенно сердца зрителей своею игрою, а особливо в 5-м действии».³⁰ Но, с его точки зрения, в этом было нечто большее, нежели просто успех двух замечательных русских актеров, это была их победа (вернее — первая победа) в состязании с выступавшими тогда в Петербурге соотечественниками Вольтера — признанными истолкователями его театра.³¹ «Г-жа Семенова, — отмечалось в рецензии, — в роли Аменаиды не сравнилась с Mlle George, но — смеем сказать — превзошла ее... Согласитесь, что и г. Яковлева (nom barbare pour les oreilles délicates) несравненно приятнее видеть в роли Танкреда, нежели Ла-Роша и Ненги».³²

Для Гнедича успех трагедии был двойной удачей: он являлся также учителем Семеновой, «внушившим» ей многие черты ее искусства — эмоциональность, естественность, психологическую глубину.³³ Однако на первых порах торжество Гнедича-поэта оказалось все же более полным. В спектакле критики усматривали ряд серьезных недостатков, между тем о переводе все без исключения писали в самых восторженных тонах, утверждая, что «г. переводчик получил сим трудом своим полное право на признательность любителей отечественной словесности» и что «перевод его очень хорош... не слабее подлинника и даже в иных местах лучше и сильнее»,³⁴ а также что «желательно бы иметь больше подобных переводов на нашем театре».³⁵

(см.: Н. А. Елизарова. Театры Шереметевых. М., 1944, стр. 151—158). Кроме того, в 1807 г. был напечатан перевод, сделанный в прозе Н. Куниным, который сообщил пьесе Вольтера столь модную в ту пору чувствительность. Тем не менее сценического воплощения перевод Кунина, по всей вероятности, не получил. (Любопытным свидетельством хорошего знакомства с «Наниной» может служить также анонимная русская повесть «Добрый отец», помещенная в «Русском вестнике» на 1809 год, ч. VII, № 9). Следует отметить и некоторый интерес в начале века к вольтеровской «Шотландке». Пьеса была поставлена в новом переводе (см. список его в Ленинградской театральной библиотеке, шифр: I.XX.4.36) и вызвала довольно благоприятный отклик («Лицей», 1806, ч. III, кн. 2, стр. 97—100). Весьма типичную для начала века оценку вольтеровской комедии см. в «Корифее» (кн. III, стр. 96—97).

²⁹ «Цветник», 1809, ч. II, № 4, стр. 142.

³⁰ Там же.

³¹ Ранее Аменаиду во французских спектаклях играла мадам Сенваль (см.: «Северный вестник», 1804, ч. I, стр. 83—84).

³² «Цветник», 1809, ч. II, № 4, стр. 143.

³³ См.: С. П. Жихарев. Записки современника, стр. 615—618; Т. Родина. Русское театральное искусство в начале XIX века. М., 1961, стр. 242—264.

³⁴ «Цветник», 1809, ч. II, № 4, стр. 144.

³⁵ «Северный Меркурий», 1809, ч. II, № 4, стр. 68. Ср.: К. Н. Багюшков, Полн. собр. соч., т. III, стр. 90.

В дальнейшем перевод Гнедича почти не обсуждался. В центре внимания находились актеры, игра которых подробно разбиралась, а подчас и служила источником поэтического вдохновения. Так, Семенов в роли Аменаиды посвятил дифирамбическое стихотворение Нелединский-Мелецкий³⁶ и одновременно Д. Вельяшев-Волынцев,³⁷ П. Мочалову в роли Танкреда — Я. И. Беренников³⁸ и т. п. Лишь в двух случаях речь шла непосредственно о гнедичевском переводе. В связи с постановкой «Танкреда» 7 февраля 1812 г. на московской сцене в «Вестнике Европы» было высказано несколько суровых замечаний (вполне понятных в свете антифранцузской позиции журнала) об этой трагедии и заодно о ее переводе,³⁹ а четыре года спустя, когда Гнедич выпустил свой труд отдельным изданием, предварительно осуществив тщательную стилистическую правку,⁴⁰ на это событие откликнулся «Сын отечества». Помещенный на его страницах отзыв принадлежал «сочувствователю», вольнолюбу и стороннику новых эстетических идей.⁴¹ «Танкред» был для него «романтической трагедией»; именно поэтому, полагал он, Гете, «записной враг французского театра», перевел ее на немецкий язык. Что же касается русского перевода, то «он отличается от других переводов сильным, но не рабским выражением красот подлинника: в нем трудился поэт, который переводил вольтерову трагедию так, как написал бы ее по-русски. Он чувствовал достоинство подлинника, и высокие места его выражены им с отличным искусством и успехом».⁴²

Впрочем, и самый факт выхода в свет переводной трагедии тогда в какой-то мере означал ее признание. По крайней мере ни одна из вольтеровских пьес, поставленных в начале века на

³⁶ «Вестник Европы», 1812, ч. LXII, № 5, стр. 14. — По свидетельству самого поэта в письме к дочери от 8 февраля 1812 г., стихотворение было написано карандашом во время спектакля (который в целом ему не понравился) и тотчас же передано актрисе (Хроника недавней старины, стр. 121).

³⁷ «Вестник Европы», 1812, ч. LXII, № 5, стр. 15. Ср. злобный «стихотворный выпад» против Жорж в этой же роли («Улей», 1812, ч. IV, № 7, стр. 77—78).

³⁸ «Благонамеренный», 1819, ч. V, № 1, стр. 67. Об исполнении роли Танкреда Я. Г. Брянским см.: «Демокрит», 1815, ч. I, стр. 86—88.

³⁹ «Вестник Европы», 1812, ч. LXI, № 4, стр. 326—329.

⁴⁰ Об этом см.: В. А. Бочкарев. Русская историческая драматургия периода подготовки восстания декабристов (1816—1825). Куйбышев, 1968, стр. 46—49.

⁴¹ «Сын отечества», 1816, ч. XXXIII, № 41, стр. 113—115. — В 1823 г. журнал подтвердил эту оценку: «Мы считаем излишним говорить здесь о красотах прекрасного перевода „Танкреда“: он известен всем просвещенным любителям словесности» (ч. LXXXIV, № 9, стр. 80).

⁴² Интереснейшим откликом на издание «Танкреда» являются также пометы К. Ф. Рыльева на его экземпляре трагедии, неоднократно приводившиеся исследователями. (См.: Памяти П. Н. Сакулина. Сборник статей. М., 1931, стр. 242—249; А. Г. Цейтлин. О библиотеке Рыльева. «Литературное наследство», т. 59. М., 1954, стр. 320, 325).

русской сцене, не удостоилась подобной чести.⁴³ Не удостоился ее «Китайский сирота». Не удостоилась «Заира» (1809).

Совершеннейший образец соединения в трагедийном жанре просветительской философии и высокой чувствительности, единственная, по определению Вольтера, «трогательная» из созданных им и «самая необычная» из поставленных на французской сцене пьес (оба эти суждения датируются 1732 г.),⁴⁴ «чарующая пьеса», по определению Ж.-Ж. Руссо,⁴⁵ «Заира» пользовалась широкой известностью. Имена ее героев сделали почти нарицательными, а знаменитая реплика Оросмана «Zaïre, vous pleurez» своего рода формулой, символом целой эпохи.

Все это в значительной степени относилось и к России, преимущественно последних лет XVIII в.,⁴⁶ а также и первых лет следующего, хотя в это время «сентиментальный род» нередко вызывал уже раздражение и насмешки. Иногда они распространялись и на «Заиру», которую находили многословной и слезливой,⁴⁷ но преобладало все же сочувственное отношение к этой трагедии Вольтера, которая была «нежнее его прочих пьес» и опровергала распространенное представление, что «Вольтер имел сердце каменное, душу черствую».⁴⁸

Разумеется, в 1809 г. трудно было рассчитывать на то, что трагедия будет сопровождаться, как это случилось на премьере и не раз происходило в дальнейшем, горестными криками и нервными конвульсиями присутствовавших в зрительном зале дам, но успех ее казался весьма правдоподобным; к тому же постановка предпринята была для первого бенефиса Е. С. Семеновой. «Убийца сироты» — А. А. Шаховской (так позднее назвал его П. А. Вяземский), возглавлявший репертуарную часть петербургских театров, на сей раз пошел по более надежному пути. Правда, он и теперь выступил как переводчик, но лишь одного — пятого — акта. Второе действие перевел Гнедич, третье — М. Е. Лобанов, четвертое — С. П. Жихарев. Перевод первого акта театральной дирекции предоставил Ю. А. Нелединский-Мелецкий.⁴⁹ Выполнен его перевод был давно, конечно, многократно им пересматривался и прежде всего поэтому, видимо, отличался в лучшую сторону от прочих,

⁴³ Тем не менее до конца 1810-х годов и даже позднее пьесу продолжали ставить и в первоначальной редакции. См., например, список, хранящийся в Государственной театральной библиотеке (шифр: I.XVIII.2.6).

⁴⁴ Voltaire's Correspondence, t. II (1953), pp. 324, 345.

⁴⁵ J. J. Rousseau. Oeuvres complètes, t. V. Paris, 1839, p. 45.

⁴⁶ См. выше.

⁴⁷ «Корифей», ч. III, стр. 38.

⁴⁸ «Корифей», ч. II, стр. 42; Сочинения студентов Санкт-Петербургского педагогического института по части эстетики. СПб., 1806, стр. 67; «Лицей», 1806, ч. II, кн. 2, стр. 68.

⁴⁹ С. Жихарев ошибочно указывает, что переводчиком первого действия был А. Полозов (Записки современника, стр. 602).

сделанных наспех, в кратчайший срок.⁵⁰ Он являлся одновременно и самым тщательным, и самым полным: во всех остальных имелось множество погрешностей и сокращений, вызванных главным образом трудностями перевода. Однако в целом этот скороспелый мозаичный перевод все же вполне передавал элегическое звучание вольтеровской трагедии, и в первую очередь ее чувствительность: «слезных токов» в переводе было едва ли даже не больше, нежели у Вольтера.⁵¹

По свидетельству П. Арапова, весьма удачным оказался и спектакль, разученный и поставленный меньше чем за месяц: «Яковлев в роли Орозмана был великолепен; Лузиньяна играл Сахаров; роль Заиры Семенова исполнила прекрасно и была вызвана с торжеством; все высшее общество находилось в театре, и суждения о впечатлительной ее игре долго были предметом разговора в высших петербургских гостиных».⁵² Сообщение это подтверждается другим, принадлежавшим С. П. Жихареву, которое, впрочем, касалось одного только Яковлева.⁵³ В то же время автор обширной рецензии на спектакль (он состоялся 18 октября 1809 г.), помещенной в «Цветнике», высказал прямо противоположную точку зрения, хотя и он не отрицал успех «Заиры» у петербургского зрителя. «Роль Орозмана, — полагал он, — есть единственная из ролей, созданных гением, привлечшим к ней удивление всех просвещенных народов... Доведенный постепенно от любви к ревности, от блаженства к мучению, от сладостнейших чувствований к бурным порывам страстей пожирающих, он сам страшится своей ярости, сам упадает под ее бременем. Доведенный до сего жесточайшего состояния, до сего предела несчастья и отчаяния, какое зрелище представляет он в пятом действии! Один, во мраке ночи скитается он с своею яростию, отвергает друга своего; он не может сносить взора человеческого после измены Заиры; он ненавидит сам себя, его душа жаждет крови, и слезы текут из очей его. О, как они ужасны! Как ужасно его безмолвие, прерываемое — не криком, не восклицанием душ обыкновенных, — но сими болезненными стонами, сим глубоким чувством сердца, стесняемого горестию и раздираемого отчаянием. Взоры его горят убийством, уже смерть Заиры сверкает в руке его; и какие новые разительные переходы: раздается голос Заиры, и его могуществом Орозман почти обезоружен; одно ее слово, и воспламеняется вся его ярость; он умерщвляет Заиру — и познает, что умертвил ту, которая была невинна, была верна ему, которая обожала его, — ужасно! Но он

⁵⁰ См., например, список этого перевода в Государственной театральной библиотеке (шифр: I.V.1.19).

⁵¹ О другом переводе «Заиры», над которым в конце 1810-х годов трудился некий Николай Свечин, из Тулы, см.: «Вестник Европы», 1820, ч. СХII, № 13, стр. 75—76.

⁵² П. А р а п о в. Летопись русского театра, стр. 194.

⁵³ С. П. Ж и х а р е в. Записки современника, стр. 602.

сам невинен.— Рыдания, а не слезы у меня исторгаются!».⁵⁴ Между тем Яковлев «совершенно не знал своей роли и не понимал ее».⁵⁵

Из иронического разбора спектакля следовало, однако, иное: игра Яковлева была слишком эмоциональной и вместе с тем недостаточно рассудочной, правильной, традиционной: «Для него ничто уже сведения и познания, ничто строгие правила вкуса и разума».⁵⁶ Рецензенту казалось, что Яковлев уродует трагедию «гениального Вольтера». На самом же деле он лишь придавал «Заире» еще больший драматизм, еще большую впечатляющую силу.⁵⁷

Актерская интерпретация во многом обусловила также успех на русской сцене другой вольтеровской трагедии — «Меропы». Собственно, и самый перевод ее был предпринят С. Н. Мариным для Е. С. Семеновой с целью поддержать ее в непрекращавшемся соревновании с премьершей французской драматической труппы Жорж. «Нежность и простота», отличительные особенности этой трагедии,⁵⁸ не слишком соответствовали холодному искусству французской актрисы, которой свойственнее было «выражение сильных страстей», чем «томное, нежное, горестное изображение чувств».⁵⁹ Дарованию же Семеновой роль Меропы позволяла раскрыться в полной мере.

Сколько-нибудь выдающимися литературными достоинствами перевод Марина не обладал, он был (по более позднему определению «Северного наблюдателя») «посредствен»,⁶⁰ и лишь отдельные стихи его могли произвести впечатление на зрителя сами по себе,⁶¹ но в исполнении Семеновой выразительность и силу обретаеи каждый возглас, каждая реплика. Как указывает П. Арапов, «октября 30 было новое торжество Семеновой (Кат. Сем.): представляли трагедию „Меропа“, переложенную стихами Серг. Никиф. Мариным, весьма даровитым поэтом (преображен-

⁵⁴ «Цветник», 1809, ч. IV, № 11, стр. 248—250.

⁵⁵ Там же, стр. 243.

⁵⁶ Там же, стр. 252.

⁵⁷ В связи с возобновлением «Заиры» в 1815 г. см.: «Сын отечества», 1815, ч. XIX, № 4, стр. 166—170.

⁵⁸ «Корифей», кн. II, стр. 47.

⁵⁹ См.: «Драматический вестник», 1808, № 55, стр. 19; № 59, стр. 54.

⁶⁰ «Северный наблюдатель», 1817, ч. I, № 19, стр. 179.

⁶¹ Приблизительно тогда же «Меропу» перевел Ф. Ф. Иванов, но труд его был утрачен в 1812 г. и восстановлен лишь частично. Эти фрагменты увидели свет в «Трудах общества любителей российской словесности» (1812, ч. II, кн. 4, стр. 45—54) и «Амфионе» (1816, ч. V, кн. 8, стр. 3—20), а впоследствии в первой части «Сочинений и переводов Ф. Ф. Иванова» (М., 1824, стр. 103—120). Перевод Марина при жизни автора опубликован не был; позднее это собирався сделать Ф. Булгарин, но напечатал («Русская Талия», 1825, стр. 385—395) только одну сцену, правда весьма важную (д. III, сц. 1). Об этом см. подробнее: «Летописи Гос. Литературного музея». М., 1948, кн. X, стр. 420—421. Указание на стр. 421 о том, что перевод Марина сохранился в одном экземпляре, неверно. См. например: Гос. Публичная библиотека, отдел рукописей, Q.XIV, 79.

цем, товарищем Катенина). В роли Меропы Семенова не уступала дев. Жорж, и были сцены, в которых она превосходила ее... О русской „Меропе“ много говорили тогда в Петербурге, билеты для 2-го представления были взяты нарасхват, и трагедия эта была играна 1-го ноября у императрицы Елисаветы Алексеевны». ⁶²

«Прекрасную игру» Семеновой отметил и «Вестник Европы» — в начале следующего года, когда «Меропу» увидела театральная Москва. ⁶³ Несмотря на сдержанный тон рецензии (речь шла ведь о трагедии Вольтера!), Семенова удостоилась высоких похвал, во всяком случае более высоких, чем выступившая вскоре в той же роли на московской сцене Жорж, о которой было весьма уклончиво сказано лишь, что «она принята публикою очень благосклонно, как такая актриса, которая доставила уже многим удовольствие восхищаться ее игрою и говорить об ее совершенствах». ⁶⁴ В какой-то мере победе русской актрисы (несомненно превосходившей соперницу масштабами и своеобразием таланта) способствовал также патриотический подъем, вызванный вторжением в страну наполеоновских войск: в сентябре 1812 г. «Вестник Европы» в связи с отъездом на родину французских актеров (отпущенных «за ненадобностью») пожелал им «счастливого пути без возврата». ⁶⁵ Да и самая трагедия приобретала в это время необычайную злободневность: одним из центральных ее персонажей был «коварный и злобный Полифонт, похититель верховной власти». ⁶⁶

Однако это был лишь мелкий штрих, лишь второстепенная подробность на общем фоне: «наглый узурпатор», изгнанный не только из покоренных им стран, но даже из собственной, томился уже давно на далеком океанском островке, французский престол вновь принадлежал «законному» монарху, а «Меропа» по-прежнему волновала зрителей нарисованной в ней картиной великой материнской любви. «Невозможно было, — отмечал критик «Северного наблюдателя», приветствуя возобновление трагедии в Петербурге с Семеновой в главной роли, — играть лучше актрисы, представлявшей Меропу. В ту минуту, когда Меропа

⁶² П. Арапов. Летопись русского театра, стр. 212.

⁶³ См.: В. П. Погожев. Столетие организации имп. Московских театров, вып. I, кн. 2. СПб., 1908, стр. 59—62.

⁶⁴ «Вестник Европы», 1812, ч. LXI, № 4, стр. 324. О соревновании Семеновой и Жорж см.: И. Н. Медведева. Екатерина Семенова. М., 1964, гл. III—IV.

⁶⁵ «Вестник Европы», 1812, ч. LXV, № 17, стр. 66. Ср. относившуюся к этому же времени эпиграмму С. Марина против Жорж (Летописи Гос. Литературного музея, кн. X, стр. 129).

⁶⁶ «Вестник Европы», 1812, ч. LXV, № 17, стр. 66. Ср. полемику в связи с формулой «Le premier qui fut roi fut un soldat heureux» («Меропа», д. I, сц. 3) в «Сионском вестнике» (1806, № 1, стр. 27).

узнает в неизвестном юноше своего сына, она была не актриса, но мать Эгиста. Один из зрителей, сидевший близко нас, не мог скрыть своего восторга. „Боже мой! — вскричал он, — как может искусство так близко подходить к натуре!“⁶⁷

Ставилась «Меропа» и позднее. Так, Семенова выбрала ее для своего бенефиса, состоявшегося 4 марта 1823 г.⁶⁸ С именем этой замечательной актрисы связана также судьба в России трагедии «Семирамида», хотя первой исполнительницей главной роли в этой пьесе оказалась М. Валберхова, которую «вывел» покровительствовавший ей А. А. Шаховской.⁶⁹

Среди вольтеровских трагедий «Семирамида» занимала особое место. Написанная как ответ Кребильону — автору трагедии на эту же тему, — она должна была, по замыслу Вольтера, явить собой новый тип драматического произведения, совершенно необычный для французского театра. Это была «трагедия ужасов», но в отличие от Кребильона все это нагромождение убийств, роковых обстоятельств, мучений совести, таинственных стонов и теней у Вольтера было подчинено высокой нравственной цели. Как указывал он в предисловии, его трагедия о преступной вавилонской царице заключала в себе «чистейшую и даже суровейшую мораль».⁷⁰

Для русского зрителя начала века, перед которым к тому времени прошла уже целая вереница шекспировских героев (правда, «облагороженных» Дюсисом),⁷¹ «Семирамида», подобно «Танкреду» и «Заире», не могла, конечно, явиться событием столь же потрясающим, как некогда для современников Вольтера. Однако она и теперь оставляла «на душе зрителей впечатление чрезвычайно сильное». По крайней мере так думал В. А. Жуковский, впервые увидевший эту трагедию в 1809 г. в Москве в исполнении французских актеров. Вольтер не принадлежал к числу его излюбленных поэтов, но в «Семирамиде» он уловил нечто созвучное собственным эстетическим представлениям. «Мы окружены, — писал он, характеризуя трагедию, — какою-то страшною таинственностью, и ожидание сверхъестественного производит непроизвольный трепет в сердце». И далее: «После того, как мы уже узнали, что Семирамида — мать Арзаса, что Нинова тень требует мщения, которому надлежит совершиться во глубине его гроба и от руки Ниниаса, еще не знающего, кто наречен жертвою от неба, когда Семирамида входит в этот ужасный гроб и когда Ниниас, обманутый Аземою, которая сказывает ему, что

⁶⁷ «Северный наблюдатель», 1817, ч. II, № 19, стр. 179—180.

⁶⁸ П. А р а п о в. Летопись русского театра, стр. 338—339.

⁶⁹ Там же, стр. 214.

⁷⁰ См.: К. Н. Д е р ж а в и н. Вольтер, стр. 361—363.

⁷¹ Об этом см.: Шекспир и русская культура, стр. 88—95.

Ассур скрывается во гробе Нина, восклицает, обнажив меч:

Grand Dieux! tout est donc éclairci!
Mon coeur est rassuré! la victime est ici! —

кто из зрителей не содрогается от ужаса!». ⁷²

Позднее в полном соответствии с новой общественно-эстетической ориентацией «Вестник Европы» обнаружил прямо противоположное отношение к этой трагедии Вольтера. Сославшись на французский источник, он обрушился на ее творца и вообще на «стихотворцев», которые «иногда мешаются не в свои дела», пытаясь «быть законодателями в нравственности, в политике и в религии». «Сколько жестокостей, — восклицал рецензент (речь снова шла о гастролях «мамзель Жорж»), — для развития такой отвратительной басни!». ⁷³ Однако точка зрения «Вестника Европы» была все же слишком консервативной и уж, во всяком случае, не обязательной для дирекции императорских театров. 8 января 1812 г. трагедия была представлена на петербургской сцене в переводе Добровольского и Розальона-Сошальского. ⁷⁴

По свидетельству П. Арапова, спектакль не вызвал интереса: М. Валберхова «нисколько не походила на вавилонскую царицу». ⁷⁵ Какое-то значение мог при этом иметь и перевод, более чем заурядный, но основной причиной, несомненно, послужила игра названной актрисы, даровитой и умной, но не созданной для трагических ролей. Когда же через четыре года «Семирамиду» возобновили, поручив ту же роль Семеновой, впечатление оказалось совершенно иным: «величие, осанка, голос и в особенности задушевное чувство, главный элемент ее игры, восторгали зрителя». ⁷⁶ Сообщает Арапов и о представлении «Семирамиды», с Семеновой и Каратыгиным в центральных ролях, 8 января 1825 г., а также о другом спектакле, состоявшемся 15 апреля. ⁷⁷

В свое время скрывавшийся под криптонимом NN критик «Аглаи», сравнивая Семенову с Жорж, утверждал, что русская актриса «еще не может быть ни Семирамидою, ни Федрою, ни Медеою». ⁷⁸ В дальнейшем Семенова рассеяла все эти сомнения, но коронной ее ролью вавилонская царица действительно не стала. Наивысшим достижением Семеновой в вольтеровском репертуаре явилась Аменаида, равно как «Танкред» Гнедича —

⁷² «Вестник Европы», 1809, ч. XLVIII, № 23, стр. 262.

⁷³ Там же, 1811, ч. LVII, № 9, стр. 69.

⁷⁴ Фрагмент этого перевода см.: там же, 1811, ч. LV, № 3, стр. 175—176. Списки см., например, в отделе рукописей ГПБ (Q.XIV.78) и в Гос. театральной библиотеке (I.III.5.76).

⁷⁵ П. Арапов. Летопись русского театра, стр. 214.

⁷⁶ Там же, стр. 248.

⁷⁷ Там же, стр. 367, 369.

⁷⁸ «Аглая», 1810, ч. XII, кн. 2, стр. 44. Ср.: С. Т. Аксаков, Собр. соч., т. II, М., 1955, стр. 364—367.

самым замечательным среди русских переводов из Вольтера-драматурга, поднявшихся на театральные подмостки.

Собственно, всего лишь одна полностью переведенная и напечатанная тогда вольтеровская трагедия вообще не получила сценического воплощения — «Орест» С. А. Тучкова. Очень архаичный по языку, тяжеловесный и к тому же весьма приблизительный, он не привлек к себе внимания ни в 1814 г., когда был осуществлен, ни в 1816 г., когда в числе других сочинений Тучкова появился в свет.⁷⁹ Впрочем, некоторым препятствием на его пути к русскому зрителю могла также оказаться трагедия А. Н. Грузинцева «Электра и Орест», с успехом представленная 10 ноября 1809 г. в Петербурге и долгое время остававшаяся в репертуаре, хотя обращались к ней, по-видимому, чрезвычайно редко.⁸⁰

Дело было не только в сюжетном сходстве обеих пьес: к вольтеровскому «Оресту» восходил целый ряд сцен трагедии Грузинцева, несмотря на то что в послесловии от издателя (его автором скорее всего являлся Шаховской) имя Вольтера не упоминалось вовсе и, напротив, решительно утверждалось, что «сия есть первая совершенно греческая трагедия, появлявшаяся на российском театре».⁸¹ «Из числа сочинителей, подражавших Софоклу, — отмечалось далее, — Александр Николаевич Грузинцев неоспоримо более всех почувствовал красоты греческого стихотворца, и творение его весьма подходит к трагедии Софокловой; в рассуждении расположения по справедливости должно назвать российскую „Электру“ превосходной».⁸²

Однако все эти претенциозные заклинания не убедили современную «драматическую критику»: апология Грузинцева означала отрицание Озерова, развенчание и защиту новых эстетических идей. Отсюда весьма жестокая расправа с драматургом, произведенная в «Вестнике Европы» Жуковским⁸³ и Воейковым,⁸⁴ а затем анонимным критиком в «Цветнике»,⁸⁵ и, в частности, их указания на имевшиеся в «Электре и Оресте» подражания Вольтеру. Больно задетый этими разоблачениями, Грузинцев в предисловии к следующей его трагедии «Эдип-царь», тоже навеянной Вольтером,⁸⁶ попытался предотвратить аналогичные упреки. Для этого он сам «открыл» основное свое заимствование у Вольтера

⁷⁹ См.: Сочинения и переводы С. Тучкова, ч. III. СПб., 1816, стр. 255—366.

⁸⁰ См.: П. Арапов. Летопись русского театра, стр. 195, 339, 363.

⁸¹ «Электра и Орест, трагедия в пяти действиях Александра Грузинцева. СПб., 1810, стр. 80.

⁸² Там же, стр. 81.

⁸³ «Вестник Европы», 1811, ч. LVI, № 7, стр. 205—222.

⁸⁴ Там же, № 9, стр. 39—58.

⁸⁵ «Цветник», 1810, ч. VII, № 8, стр. 276—314.

⁸⁶ Об этом см.: Стихотворная трагедия конца XVIII—начала XIX в. М.—Л., 1964, стр. 617—619.

тера, но признание эго потонуло в нападках на французского поэта, к которому в сущности Грузинцев относился скорее с сочувствием, чем с неприязнью.⁸⁷

Вообще откровенно неприязненного к себе отношения Вольтер-драматург тогда, как правило, не вызывал даже в официальных кругах. Исключение составляла только «Смерть Цезаря», не допущенная — ввиду ее антииранического характера⁸⁸ — на сцену, несмотря на существование полного стихотворного перевода, выполненного Сергеем Митропольским.⁸⁹ Но и эта трагедия не была запретной в точном смысле слова: ряд ее фрагментов увидел свет на страницах различных периодических изданий («Друг просвещения»,⁹⁰ «Труды Вольного общества любителей российской словесности»,⁹¹ «Каллиопа»⁹²). Тем более не возбранялось обсуждение ее с эстетической точки зрения: наряду с «Меропой» «Смерть Цезаря» служила типичнейшим в ту пору примером «трагедии без любви».⁹³

На это, в частности, указывал И. И. Мартынов в своем разборе Лагарпова «Лицея»,⁹⁴ где Вольтеру и прежде всего его театру был посвящен не один десяток страниц. Претендовавший на роль верховного законодателя классического вкуса Лагарп, естественно, не столько излагал и описывал, сколько анализировал и судил. При всем пietetе к Вольтеру он не прощал ему ничего: ни одного уклонения от правил, ни одной «композиционной погрешности», ни одного стилистического «просчета». Но «Лицей» его был все же скорее апологией Вольтера, чем развенчанием. Несмотря на «совершенное уважение» к Лагарпу, издатель русского «Лицея» подчас не соглашался и спорил с ним, обвиняя даже в чрезмерной снисходительности и восторженности (например, в характеристике «Заиры» и «Танкреда»);⁹⁵ однако

⁸⁷ Ср.: «Новости русской литературы», 1802, ч. IV, № 89, стр. 161—174.

⁸⁸ См.: R. S. Ridgway. La propagande philosophique dans les tragédies de Voltaire. Genève, 1961, p. 89.

⁸⁹ См. список, хранящийся в Гос. театральной библиотеке (I.XXI.3.97)

⁹⁰ «Друг просвещения», 1806, ч. III, № 7, стр. 10—12 (начало явл. 4, д. II).

⁹¹ «Труды Вольного общества любителей российской словесности», 1812, ч. II, кн. 4, стр. 70—76 (явление последнее; перевод Ф. Ф. Кокошкина).

⁹² «Каллиопа», 1816, ч. II, стр. 132—140 (сд. 1), и ч. IV (1820), стр. 66—75. Перевод Егора Познанского. Кроме того, явление 1 перевели: в 1802 г. А. Воейков (об этом см.: Рукописный отдел ИРЛИ, архив бр. Тургеневых, ф. 309, № 50, л. 75) и в 1819 г. А. Мещевский (см.: «Дамский журнал», 1829, ч. XXVIII, № 51, стр. 186; Н. А. Роскина. Новое о поэте А. И. Мещевском. «Литературное наследство», т. 60, кн. I, М., 1956, стр. 537—540).

⁹³ См., например: «Новости русской литературы», 1803, ч. VII, № 75, стр. 353.

⁹⁴ «Лицей», 1806, ч. III, кн. 1, стр. 31.

⁹⁵ Там же, кн. 1, стр. 29; кн. 3, стр. 21—22. См. также: кн. 1, стр. 16—28, 30, 32—33; кн. 3, стр. 16—20, 23—24.

и в его задачу не входило, конечно, какое бы то ни было умаление заслуг и достоинств «фернейского мудреца». Вольтер по-прежнему оставался в ряду «образцовых» драматических поэтов, а его разнообразное наследие — авторитетнейшим источником так называемых «общих правил театра».

Довольно большая серия таких «общих правил», выбранных из различных вольтеровских предисловий, рассуждений, писем, речей, из «Примечаний к Корнелю», «Века Людовика XIV», «Философского словаря» и других сочинений, была помещена в это время усилиями А. А. Писарева на страницах «Драматического вестника»,⁹⁶ а вскоре Писарев выпустил свой труд — в слегка измененном виде — и отдельной книгой.⁹⁷

Обращение с подобной целью именно к Вольтеру и одобрительное отношение к писаревской антологии, выраженное в современной печати,⁹⁸ были весьма показательны: для многих русских театральные деятели тех лет теоретические декларации Вольтера представляли собой «последнее слово» драматургической эстетики, по крайней мере — последнее веское слово, равно как вольтеровский театр в их понимании более других соответствовал художественным потребностям эпохи.

Правда, по мере движения от классицизма к романтизму в этой связи все чаще возникали сомнения. Вслед за французской критикой постоянно обсуждался, например, вопрос о «сравнительных достоинствах» Вольтера и Расина.⁹⁹

Это было не просто сопоставление двух равновеликих драматических поэтов, не бесстрастное «нанизывание» равноценных эпитетов и характеристик. Сопоставление больше походило на противопоставление, и не только двух несходных дарований, но разных типов классической трагедии: Расин был несравненным знатоком человеческих чувств, у него было «все просто и натурально», слог его отличался «плавностью» и «чистотой», Вольтер же стремился не столько трогать, сколько поражать, подчас оглушая зрителей «одним громом», у него было слишком много «гышного и высканного», а в слогe на каждом шагу обнаруживалась «стремительность» и «нерадивость», но Вольтер обладал

⁹⁶ «Драматический вестник», 1808, ч. I, № 7, стр. 61—64; № 12, стр. 97—100; № 13, стр. 110—112; № 14, стр. 113—120; № 16, стр. 129—132; № 17, стр. 137—141; № 26, стр. 211—216; ч. II, № 27, стр. 3—6; № 28, стр. 11—15; № 37, стр. 81—85; № 43, стр. 129—136; № 44, стр. 137—140; № 45, стр. 145—148; № 47, стр. 161—164; № 48, стр. 169—171; № 49, стр. 177—180.

⁹⁷ Общие правила театра, выбранные из полного собрания сочинений г. Вольтера и расположенные по порядку драматических правил А. Писаревым. СПб., 1809.

⁹⁸ См.: «Цветник», 1809, ч. II, № 6, стр. 363—371; «Русский вестник», 1810, ч. XI, № 8, стр. 99—108.

⁹⁹ См.: Ch.-M. Des Granges. Geoffroy et la critique dramatique sous le Consulat et l'Empire (1800—1814). Paris, 1897, livre II, ch. II.

большей «трагической силой», его поэтический язык был «пламеннее и разнообразнее», а «общий тон» — страстнее, и это, несмотря на все преимущества Расина, делает его более впечатляющим, привлекательным и близким, — к такому заключению приходил критик шаликовской «Аглаи», проявивший себя, следовательно, сторонником сравнительно новых драматических форм.¹⁰⁰

Сходную позицию занимал и автор рассуждения «О различии поэзии древней и новейшей», напечатанного в 1815 г. в «Амфионе». «В совершенном возрасте, — писал он, — человек обращает внимание на самого себя, и государства, приходившие в зрелость или состарившиеся, всегда непременно устремляли более внимания на таинственный мир мыслей и чувствований. Потому-то обладает сим характером Вергилий более Гомера, Еврипид более Эсхила, Тасс более Ариоста и Волтер более Расина».¹⁰¹

Прямо противоположную точку зрения выразил несколько раньше «Вестник Европы», использовавший для этого обширную антивольтеровскую статью, опубликованную в «Spectateur français».¹⁰² «Мысль равнять Вольтера с Расином и даже предпочитать первого, — утверждалось, между прочим, в статье, — несправедлива, соблазнительна и столько вредна успехам искусства, что недостало бы сил к достойному ее оуждению для чести вкуса и словесности».¹⁰³ Тем не менее автор попытался это сделать, применив весь арсенал доступных ему средств, и вывод его звучал почти как смертный приговор: «Расин есть любимый стихотворец рассмотрительных знатоков, людей с чувствительным сердцем, с основательным и точным разумом; Вольтер нравится молодым людям, женщинам и толпе таких зрителей, которые никогда не размышляют о своих чувствованиях и удовольствиях. Вольтер блещит на театре и помрачается в кабинете; лишенный театральных украшений и декламации, он представляется в жалкой нагоде; простое и строгое чтение составляет торжество Расина; критик находит в нем всегда новые красоты; его трагедии подобны богатому руднику, из коего рассудок извлекает много, но которого никогда не истощает».¹⁰⁴

¹⁰⁰ «Аглая», 1810, ч. XI, кн. 3, стр. 38—40 Ср. «Патриот», 1804, т. I, кн. 1, стр. 125.

¹⁰¹ «Амфион», 1815, кн. X—XI, стр. 95

¹⁰² См.: *Le Spectateur français au XIX siècle, ou Variétés morales, politiques et littéraires, recueillies des meilleurs écrits périodiques*, t. II. Paris, 1805, pp. 612—624.

¹⁰³ «Вестник Европы», 1812, ч. LXI, № 4, стр. 290.

¹⁰⁴ Там же, стр. 302 Ср.: «Московский Меркурий», 1803, ч. IV, № 12, стр. 176—177. См. также «Опыт сравнения Расина с Вольтером» Д. Н. Баркова (1810), опубликованный вместе с другими материалами из архива «Зеленой лампы» Б. Л. Модзалевским в сборнике «Декабристы и их время» (т. 1, М., 1928, стр. 28—29). В своем опыте Барков отдавал предпочтение Расину, утверждая, между прочим, что «Расин на 28 году был уже хорошим

Однако столь резкое и безоговорочное противопоставление создателя «Федры» творцу «Заиры» явилось все же исключением. Значительно более приемлемой казалась, по-видимому, точка зрения, высказанная в «Аглае»; отсюда появление в короткое время двух переводов сочинения Ж.-П. д'Асарка «Parallèle de Messieurs Racine, Crébillon et Voltaire» (1770), в котором отдавалось должное всем этим трагическим поэтам, но Вольтер ставился несколько выше остальных: «Расин подобен величественной реке, тихо оплодотворяющей страны, ею орошаемые; Кребиллон есть обширный поток, быстро увлекающий предметы; Волтер подобен обширному морю, которого и самая тишина есть предшественница бури».¹⁰⁵

Другой важной темой эстетических дискуссий этих лет послужили «сравнительные достоинства» Вольтера и Шекспира, «мощный гений» которого все сильнее притягивал к себе умы и сердца. Откровенное предпочтение Шекспиру отдавали, впрочем, еще немногие; к их числу принадлежал, например, Н. Сандунов, для которого Вольтер был «поганцем», Шекспир же поэтом, «бесподобным и единственным в своем роде».¹⁰⁶ Но и для людей, более умеренных в их сочувствии «романтическим веяниям», Вольтер подчас оказывался почти «нестерпимым». Существенный интерес в этом отношении представляют «Замечания русского о Шекспире, Шиллере и лучших французских трагиках», помещенные в «Духе журналов» в 1816 г.

Еще недавно в связи с появлением в «Journal des Débats» разбора «Курса драматической литературы» Августа-Вильгельма Шлегеля, принадлежавшего перу ультраклассика и реакционера Ф.-Б. Офмана, журнал приветствовал «сию превосходную критику, которая теперь и нам очень ко времени, когда мы, уклонясь от чистого и правильного вкуса классических писателей, прилепляемся к уродливым вымыслам немецких кривотолков», а знаменитый трактат (или, точнее, его французский перевод), сыгравший столь важную роль в истории европейского романтизма, называл «длинным процессом против французского театра».¹⁰⁷ Не прошло двух лет, и журнал включился в этот «процесс» сам, правда, не как обвинитель и не как защитник, а как беспристрастный, хотя и строгий, судья. «Нельзя, конечно, — утверждал он, — не согласиться в том, что французские трагедии имеют в себе более правильности, нежели шекспировы и шиллеровы; но зато

трагиком, а Вольтер в 30 лет еще колебался на сцене», и т. п. Об этом см.: И. Н. Медведева. Н. И. Гнедич и декабристы. В кн.: Декабристы и их время. М.—Л., 1951, стр. 126—127.

¹⁰⁵ «Труды Вольного общества любителей российской словесности», 1818, ч. II, кн. 2, стр. 171 (пер. Е. Ковалевского). См. также: «Друг юности», 1821, ч. III, стр. 102—108.

¹⁰⁶ «Библиографические записки», 1859, т. II, № 8, стр. 233.

¹⁰⁷ «Дух журналов», 1815, ч. I, кн. 3, стр. 1—2.

сколько сии последние имеют таких красот, коих первые вовсе не имеют?».¹⁰⁸

Из этой точки зрения исходил он и в оценке Вольтера, который, по его мнению, не заслуживал «ни чрезмерных похвал, ни тех ругательств, коими от многих был осыпан». К достоинствам Вольтера он относил «отделку характеров», «чистоту слога», «жар действия», соблюдение правил и единств (впрочем, не безупречное), а также «сладу весьма многих стихов».¹⁰⁹ В выборе же «предметов для некоторых своих трагедий, особливо „Магомета“, он превзошел и Шиллера, и Корнеля, и Расина». Но при этом Вольтер далеко не везде выдерживал «принятые характеры», нередко увлекался «театральными эффектами», иногда допускал «декламаторские выражения» и «общие изречения», в «иных случаях» был на редкость «единообразен», а во многих его трагедиях, кроме того, «отсутствовала нравственная цель».¹¹⁰

Немало серьезных недостатков автор статьи находил и у «пылкого» Шиллера, и у Шекспира. Однако все эти «недостатки» (особенно применительно к Шекспиру) объяснялись эпохой, национальной принадлежностью или средой; объяснение же означало почти оправдание и защиту. Вольтер отнюдь не сдавался в архив, но с ним больше не связывали будущее драматического искусства. Путь к этому новому искусству предстояло еще определить по многим ориентирам, но наиболее отчетливым среди них и в то время был уже, конечно, «неподржаемый Шекспир».¹¹¹

Не подлежит сомнению: в истории русского «вольтеризма» начало XIX в. — период особенно плодотворный, интересный и яркий. Никогда прежде не появлялось на русском языке так много произведений Вольтера, никогда не ставили на петербургской и московской сценах столько его пьес, никогда так часто не возникало его имя на страницах русской печати. К Вольтеру обращались как к политическому мыслителю и философу — для подтверждения собственных общественных взглядов, как к законодателю вкуса — для обоснования своих эстетических представлений,¹¹² как к блестящему афористу для подкрепления разного рода суждений и мыслей, для поучения и развлечения читателей. Трудно назвать русский журнал 1800—1810-х годов, где не встречалось бы по са-

¹⁰⁸ «Дух журналов», 1816, ч. XIII, кн. 38, стр. 396.

¹⁰⁹ Там же, стр. 431.

¹¹⁰ Там же, стр. 429.

¹¹¹ Там же, стр. 416.

¹¹² См. перевод статьи «Goût» из «Философского словаря» в кн.: О вкусе. Творение г. Жерарда с приобщением рассуждений о том же предмете г. Даламберта, Вольтера и Монтеスキо. М., 1803 (переиздание: М., 1812). См. также: «Патриот», 1804, т. II, кн. 3, стр. 336—348; ч. IV, кн. 1, стр. 62—63; «Северный вестник», 1804, ч. II, № 4, стр. 29; «Новости русской литературы», 1805, ч. XIII, № 7, стр. 99—102 (то же: «Новый Пантеон отечественной и иностранной словесности», М., 1819, стр. 90—93); «Вестник Европы», 1816, ч. LXXXVIII, № 14, стр. 105—109).

мым разным поводам прозаических и еще больше стихотворных цитат из Вольтера (в тексте или в виде эпитафий, а также реминисценций), где не приводилось бы анекдотов о нем, — главным образом основанных на каком-нибудь его остроумном высказывании или ответе.¹¹³ Как и раньше, служит он едва ли не самым распространенным и доходчивым примером великого иностранного поэта. К Вольтеру восходят и некоторые сравнения, употреблявшиеся в речевом обиходе тех лет,¹¹⁴ а изображение «фернейского старца» становится весьма характерной подробностью российского — и притом отнюдь не только великоветского — быта.¹¹⁵ По-видимому, именно в эту пору Вольтер впервые (правда, в очень ограниченных масштабах) проникает и в русскую крестьянскую среду.¹¹⁶

Вместе с тем никогда еще вольтеровское наследие не вызывало в России и столь напряженных, столь яростных споров — идеологических и литературных. В ходе этих дискуссий Вольтер подвергался — при энергичной поддержке официальных кругов — уничтожающей критике как предтеча революции и враг религии, как автор «Орлеанской девственницы» и «Философского словаря», но немало упреков было адресовано ему и как одному из корифеев «классической школы». Эволюция русского классицизма стимулировала все более решительную переоценку ценностей и, в частности, пересмотр привычных точек зрения на вольтеровское творчество, причем даже тех его разделов, которые традиционно относились к числу «образцовых».

Тем не менее репутация Вольтера продолжала оставаться исключительно высокой. Конечно, прежнего места в сознании русских людей он уже не занимал: ему пришлось потесниться и ради «славного» Руссо, и ради «человеколюбивого» Юнга, и ради Виланда, и ради Шиллера, и ради Данте. Однако вытеснить его совершенно все же никто из них не смог, как, впрочем, не было суждено это сделать позднее ни Байрону, ни Вальтеру Скотту, ни Шекспиру.

¹¹³ Многие из этих анекдотов вошли в сборник «Анекдоты г. Волтера» (М., 1810). Рецензии на него (отрицательные ввиду низкого качества переводов) см.: «Аглая», 1810, ч. XI, кн. 1, стр. 77—79; «Санкт-Петербургский вестник», 1812, ч. I, № 2, стр. 233—238.

¹¹⁴ Например, выражение «à la superbe Orbassan». (Орбассан — один из персонажей «Танкреда»; см. Летописи Гос. Литературного музея, кн. X, стр. 361).

¹¹⁵ См., в частности, письмо И. И. Дмитриева к А. И. Тургеневу от 17 октября 1818 г. (Сочинения И. И. Дмитриева, т. II, СПб., 1893, стр. 234). См. также в поэме В. Л. Пушкина «Опасный сосед» описание «веселого дома», где

Султан Селим, Вольтер и Фридерик Второй
Смирненно в рамочках висели над софой.

(Ирон-комическая поэма. Л., 1933, стр. 650).

¹¹⁶ Об этом см.: Л. А. Коган. Крепостные вольнодумцы (XIX век). М., 1966, стр. 54—55.

Ю. Д. Левин

АНГЛИЙСКАЯ ПОЭЗИЯ И ЛИТЕРАТУРА
РУССКОГО СЕНТИМЕНТАЛИЗМА

1

Распространение английской поэзии в России в более или менее широких масштабах начинается со второй половины 70-х годов XVIII в. До этого существовали лишь единичные русские переводы английских стихотворных произведений, и сколько-нибудь известны были лишь два английских поэта: Мильтон и Поп.

В. К. Третьяковский в «Новом и кратком способе к сложению российских стихов» (1735) упомянул среди эпических поэм «Мильтонову поэму о потере рая», а ее автора назвал в числе эпических поэтов «наиславнейших, которым надлежит подражать», наряду с Гомером, Вергилием, Вольтером и Тассом.¹ В помещенной в том же трактате «Эпистоле от российского поэта к Аполлину» Третьяковский писал, обращаясь к богу поэзии: «Ты вознес в Милтоне толь и сестру британску», т. е. британскую музу Мильтон — единственный английский поэт, упоминающийся в «Эпистоле», тогда как французских и немецких поэтов здесь названо более двух десятков, причем среди последних фигурируют такие малоизвестные имена, как Каниц, Шмолк, Триллер и т. п. Такое соотношение весьма характерно для первой половины XVIII в., когда основными иностранными языками, распространенными

¹ В. К. Третьяковский Избранные произведения. М—Л, 1963, стр. 366, 417.

в России, были немецкий и французский и соответственно немецкая и французская литературы были главным образом распространены в русской культурной среде.

С французского перевода был осуществлен в 1745 г. первый русский перевод «Потерянного рая» Мильтона, названный его создателем А. Г. Строгановым «Погублённый рай» (71).² Александр Григорьевич Строганов (или Строгонов, 1699—1754) принадлежал к старинному богатому роду торговцев, фабрикантов и солепромышленников. В 1722 г. он с двумя братьями был возведен Петром I в баронское достоинство. За прибыли казне от соляных промыслов А. Г. Строганова Елизавета пожаловала ему чин тайного советника и должность действительного камергера, но, как замечает историк его рода, «в придворной службе он не был и жалованья по тому рангу не брал».³ По указанию того же историка, он «находил время между делами по любезной охоте своей в чтении российских, французских и других языков книг и в переводе оных с французского языка на российский. . . и теми своими любезными трудами отгонял скучливые и задумчивые мысли, а паче во всем полагался в надежду и покров правосудного бога».⁴

Для русского переложения поэмы Мильтона Строганов воспользовался французским переводом Никола-Франсуа Дюпре де Сен-Мора (ок. 1695—1774), изданным впервые в 1729 г.⁵ и затем многократно переиздававшимся. В «Предисловии к благосклонному читателю» Строганов писал о поэме Мильтона: «И когда оная на французском языке в мои руки попала, тогда я, прочитши ее, рассудил перевести на свой российский язык, подражая прежде мене бывшим из нашего же народа, которые таковыми трудами тщались по себе память оставить. К тому же и повесть та, которая в ней описана, казалась мне достойна быти трудов оных, понеже имеет основание на священном писании. А наипаче и то подвигнуло меня к тому намерению, что автор оной, когда он в сем деле трудился, был вовсе слеп, однако же такую остроту разума от многого чтения книг имел, что всякого, кто его приходил посещати, просил дабы ему помогали писати, что он им сказывал . . . и таким образом ее сочинил, которая для преславной своей материи, также за высокий слог и вымысел автора и привод речей

² Здесь и ниже курсивные цифры в скобках являются ссылками на номера записей в приложенной ниже библиографии «Английская поэзия XVII—XVIII веков в русских переводах. 1745—1812».

³ История о родословии и богатстве и отечественных заслугах знаменитой фамилии гг. Строгановых. Сочинена в 1761 г. «Пермские губернские ведомости», 1881, № 34, стр. 173.

⁴ Там же, № 43, стр. 218.

⁵ Le Paradis perdu de Milton, poème héroïque, traduit de l'anglois; avec les marques de Mr. Addison. 3 tt., Paris, 1729.

древних стихотворцев, якобы подражая им... весьма похвалы достойная».⁶

Такова была первая русская характеристика Мильтона и его поэмы. Перевод Строганова был весьма точен по отношению к французскому источнику, но изобиловал славянизмами. Это являлось сознательной установкой переводчика, ссылавшегося на то, что поэма связана со священным писанием, «которое на славянском языке обретается». Приведем один пример (соответствующий английскому оригиналу: кн. 1, строки 40—53).

«Желатель высокоумный престола всевышния монархии дерзость принял возжещи на небеси беззаконную брань и начал воевати противу бога победы, но токмо силы его суетны были, понеже рука превечного с высоты ефирейской его в пропасть мерзскую бедности и погибели на стенание во оковах посреде болезни и пламене низринула. Ибо всемогущество не оставляет своего раздражения без наказания. Безчувственный плавал девять дней между огненными волнами с своим проклятым воиством, однако толикое бедство его совсем не уничтожило».

Своему переводу Строганов предпослал «Житие Иоанна Мильтона вкратце» — несколько сокращенную биографию, заимствованную из французского издания, — а также снабдил его многочисленными примечаниями, основанными главным образом на французских примечаниях, которые в свою очередь восходили к разбору поэмы Мильтона, произведенному в журнале «Зритель». Тем не менее «Погубленный рай» издан не был и сохранился лишь в списках. Только небольшой отрывок из него был напечатан спустя 35 лет в «С.-Петербургском вестнике» в рецензии на новый перевод (см. 71).

Трудно сказать, почему он не был опубликован. Впоследствии автор заметки в «Московских ведомостях» полагал, что «в этот век осторожного православия поэма Мильтона показалась соблазнительною» и была запрещена Синодом.⁷ К этому можно добавить, что Мильтона в то время так мало знали в России, что он не мог заинтересовать ни читателей, ни издателей. Неизвестно даже, знал ли об авторе «Потерянного рая» Ломоносов, поскольку Мильтон ни разу не упоминается в его сочинениях, в частности в «Риторике», где отразился круг известных Ломоносову авторов.

Зато Сумарокову Мильтон был несомненно известен, и он назвал его в эпистоле «О стихотворстве» (1748) среди поэтов, обитающих на Геликоне (Мильтон здесь помещен рядом с «непросвещенным» Шекспиром), а в примечаниях писал: «Мильтон, преслав-

⁶ Цит. по: А. Н. Пыпин. Для любителей книжной старины. Библиографический список рукописных романов, повестей, сказок, поэм и пр., в особенности из первой половины XVIII века. М., 1888, стр. 49—50.

⁷ Старинный русский перевод Мильтонова Потерянного рая. «Московские ведомости», 1838, 14 мая, № 39, стр. 316.

ПОГУБЛЕННЫЙ РАЙ
ЧРЕЗЪ
ЮАННА МИЛТОНА.

Героической Поемой преставлен-
ной: съ французскаго,
на Россійскій языкъ переведенный:

Пайнымъ соштинникомъ Ея Императорскаго
Величества действительныи Кавалеръ Геральтъ Иво
свитанъ Александръ Милославскій Кашанъ Баранъ
Александръ Тригорьевичъ Строгановъ:

Въ Москвѣ Мѣсяцъ
1745:

Списана съ книги писанной Оригиналь Ею
Въ Москвѣ.

1747. Табл.

«Погубленный рай чрез Иоанна Милтона героической поемой престав-
ленный» (1745). Перевод А. Г. Строганова. Заглавный лист списка 1747 г.
Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина,

ный агглинский стихотворец, творец эпической поэмы Потерянного рая. Родился в Лондоне в 1606 году, умер в 1674 году».⁸

Такое упоминание Мильтона в ряду великих поэтов прошлого встречается в русской поэзии и в дальнейшем. Н. П. Николев, например, в «Лиро-дидактическом послании» Е. Р. Дашковой (1791), рассуждая о поэтах, почерпавших свою силу на Парнасе, и назвав имена Пиндара, Ломоносова, Гомера, Вергилия, Тасса, пишет:

Или откуда лирный тон
В усладу разума и чувства
Со Ариостом взял Мильтон,
Певцы единого искусства.⁹

Самый ранний сколько-нибудь пространный отзыв о Мильтоне в русской печати появился в 1763 г. в журнале «Невинное упражнение» в статье «Некоторые примечания из Опыта о эпическом стихотворстве», представлявшей собою вольный сокращенный перевод «Essai sur la poésie épique» Вольтера. Это был первый литературный труд Е. Р. Дашковой,¹⁰ в будущем видной деятельницы официального Просвещения. Мильтон здесь завершал ряд эпических поэтов, открывающийся Гомером, и характеризовался следующим образом: «Его потерянный рай есть единственная песнь, в которой видно совершенное ко удовольствию разума согласие и перемены, увеселяющие воображение. Все эпизоды сея песни подобны лучам, соединяющимся в центр совершенного круга... Кто не удивится остроумию и премудрости, с которою Мильтон описывает всемогущее бытие, и величественной важности речей, кои он ему в уста влагает? Он сделал совершенный, истинный образ всемогущества божия, по колику слабость человеческая сквозь окружающий нас мрак до оной возвыситься может... Мильтоновы описания живистую свою приводят читателя в восторг. Он в сем случае и во многих других столько превосходит древних стихотворцев, сколь истина превосходит неправду». Особо отмечалось, «что во всех поемах любовь бывает представлена пороком; один Мильтон умеет представлять ее добродетелью». Далее разбирались «вымыслы и описания Мильтоновы», отмечались их «совершенства» и «погрешности», причем автор постоянно соотносил свои взгляды с вкусами французской критики.¹¹

Таким образом, Мильтон попал на страницы русского журнала благодаря тому, что о нем писал Вольтер и что он находился

⁸ А. П. Сумароков, Полн. собр. всех соч. в стихах и прозе, ч. I, М., 1781, стр. 335, 351.

⁹ Н. П. Николев. Творении, ч. III, М., 1796, стр. 134.

¹⁰ См. указание в некрологе Дашковой: «Вестник Европы», 1810, ч. XLIX, № 2, стр. 150.

¹¹ Продолжение о Эпическом стихотворстве. О Мильтоне. «Невинное упражнение», 1763, апрель, стр. 143—150.

в ряду других эпических поэтов. Сам по себе Мильтон как таковой начинает интересовать русскую публику лишь со второй половины 70-х годов XVIII в.

Сравнительно большей известностью в России середины XVIII в. пользовался английский поэт-классик Александр Поп (1688—1744). «Остроумный Поп» тоже был поименован в эпистоле Сумарокова среди обитателей Геликона. Правда, прозаический перевод 1749 г. ирои-комической поэмы Попа «The garr of the lock», озаглавленный «Букля власов похищенных» (123), остался ненапечатанным. Однако переводчик поэмы И. В. Шишкин, второстепенный литературный деятель этого времени,¹² видимо, имел какие-то основания для того, чтобы утверждать в предисловии: «Господин Поп, знаменитый стихотворец аглинской, всем любителям чтения знаком довольно».¹³ Другой, тоже прозаический перевод той же поэмы, выполненный годом раньше, должен был ждать напечатания 13 лет, зато он выдержал два издания (124).

Важное значение имела в России философская поэма Попа «Опыт о человеке» (1733—1734). Деистический оптимизм поэмы, утверждение разумности миропорядка, сформулированные с предельной четкостью: «Все существующее справедливо» (whatever is, is right), — привлекали к поэме деятелей русского Просвещения. К тому же «Опыт» основывался на гелиоцентрической идее строения вселенной, а передовые деятели русской науки были горячими приверженцами этой идеи.¹⁴ Первый русский перевод «Опыта о человеке» был сделан Н. Н. Поповским, учеником и последователем Ломоносова,¹⁵ который, по-видимому, и побудил переводчика обратиться к поэме Попа.¹⁶ Известно, что он давал советы Поповскому во время его работы над поэмой, а затем по окончании перевода усиленно хлопотал о напечатании.¹⁷ Перевод Поповского был стихотворным, хотя сделан с французского прозаического перевода Силуэтта (1738). Законченный в 1754 г., он был издан только

¹² О нем см.: П. Н. Берков. Иван Шишкин — литературный деятель 1740-х годов. В сб.: Вопросы изучения русской литературы XI—XX вв., М.—Л., 1958, стр. 49—63 (о переводе Попа — стр. 55—56).

¹³ А. Н. Пыпин. Для любителей книжной старины, стр. 9. Курсив мой, — Ю. Л.

¹⁴ См.: Б. Е. Райков. Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России. М.—Л., 1937, стр. 194—200.

¹⁵ См.: Л. Б. Модзалевский. Ломоносов и его ученик Поповский. (О литературной преемственности). В кн.: XVIII век, сб. III. М.—Л., 1958, стр. 111—169 (о переводе «Опыта о человеке» — стр. 136—141).

¹⁶ См.: Н. С. Тихонравов. История издания «Опыта о человеке» в переводе Поповского. Соч., т. III, ч. 1, М., 1898, стр. 87—88.

¹⁷ См. его письма к И. И. Шувалову от 23 августа 1753 г. и 28 марта 1754 г. М. В. Ломоносов, Полн. собр. соч., т. X, М.—Л., 1957, стр. 487, 505.

через три года после цензурных мытарств в Синоде.¹⁸ Он пользовался успехом и выдержал пять изданий за 45 лет (108).

Тогда же, в середине 50-х годов, к «Опыту о человеке» обратился другой ученик Ломоносова, Иван Федоровский, переведивший поэму прозой.¹⁹ Однако перевод его не был издан и остался в рукописи (109). Сказались, вероятно, и общие затруднения, связанные с опубликованием поэмы Попа, и конкуренция стихотворного перевода Поповского, и, наконец, недостатки перевода Федоровского. Заметим, что Г. Ф. Миллер в рапорте в Канцелярию Академии наук от 17 июня 1754 г. причислил его к тем магистрам и студентам, которые в переводах «достаточного искусства не имеют».²⁰

В 60-е годы появились еще два стихотворных перевода из Попа. Это — аллегорическая поэма «Храм славы» (1711), изданная анонимно в переводе М. М. Хераскова в 1761 г. (126), и «Эпистола Элоизы к Обеларду», входившая в сборник французского происхождения «Сто новых новостей сочинения г-жи Гомец» (94).

В 1762 г. в «Полезном увеселении», журнале дворянской интеллигенции, группировавшейся вокруг Московского университета и возглавлявшейся М. М. Херасковым, появилась анонимная статья «О стихотворстве», традиционно приписываемая С. Г. Домашневу,²¹ будущему директору Академии наук, а тогда 19-летнему студенту Московского университета. Это было компилятивное сочинение, опиравшееся на французские источники, главным образом на Вольтера (оригинальным был лишь раздел «Стихотворство российское»). Раздел «Стихотворство аглинское», занимавший менее трех страниц,²² представлял собой первый на русском языке обзор английской поэзии. Он был составлен на основании трактатов Вольтера: «Опыт об эпической поэзии», «Опыт об общей истории» и «Век Людовика XIV» (гл. 34 «Искусство в Европе»). Английская поэзия здесь начиналась с «Шангера» (такое название получил Чосер). Далее сразу следовал «славнейший стихотво-

¹⁸ Экземпляр первого издания перевода, хранящийся в Библиотеке АН СССР, содержит вклейки с первоначальным текстом в местах, измененных цензурой. Список текста без цензурных искажений: ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, №№ 2100—2102 (сообщено Н. Д. Кочетковой).

¹⁹ См.: З. А. Гирфанова. О русских переводах философской поэмы А. Попа «Опыт о человеке» (середина XVIII—начало XIX века). В кн.: Сборник аспирантских работ «Казанского университета». Гуманитарные науки. Казань, 1968, стр. 164.

²⁰ Ленинградское отд. Архива АН СССР, ф. 3, оп. 1, № 189, л. 286.

²¹ См.: М. Н. Лонгинов. Сергей Герасимович Домашнев. «Русская старина», 1871, т. III, № 2, стр. 207. Оценку статьи см.: Н. С. Тихонравов. Соч., т. III, ч. 2, М., 1898, стр. 58—59; А. И. Лященко. С. Г. Домашнев как автор «Известия о некоторых русских писателях». Известия АН СССР, Отд. общественных наук, 1931, № 8, стр. 959; E. J. Simmons. English literature and culture in Russia (1553—1840). Cambridge, Mass., 1935, pp. 113—114.

²² «Полезное увеселение», 1762, июнь, стр. 231—234.

рец сего народа» Милтон, который написал «удивительную, пышную, изобильную и великолепную поему *Потерянный рай*» и «останется славою и удивлением Англии». Из стихотворцев, «украшающих владение Карла II, каков *Валлер*, графы *Дорзет* и *Рошестер*, герцог *де Бугингам*», выделен «*Дриден*, который прославился во всех родах стихотворства». Особо отмечался «*Опыт о человеке г. Попе*», где воплотились присущие английской литературе «важность и глубокость нравоучения». Упоминались также Шекеспир, Аддисон, как автор «*Катона*», и Свифт. В конце указывалось, что «аглинский вкус совсем отменен от французского. Им более нравятся глубокомысленность, темность и аллегории в сочинениях».

Такова была первая на русском языке характеристика английской поэзии, весьма несамостоятельная, несовершенная и никак не соответствующая рассматриваемому предмету. О новых, сентименталистских веяниях в английской поэзии не говорилось ничего, поскольку о них не писал Вольтер и не подозревал русский автор.

Между тем именно с проникновением этих веяний и начинается подлинное знакомство русского читателя с английской поэзией. Рассматривавшийся нами период может считаться как бы предысторией. История начинается с 70-х годов XVIII в., и она тесно связана с литературным направлением сентиментализма.

2

Вопрос о русском сентиментализме является одним из спорных в нашем литературоведении. Все, правда, согласны с тем, что это направление окончательно оформилось в 90-е годы XVIII в. — в деятельности Карамзина и группы писателей, к нему примкнувших. Однако относительно того, когда оно возникло на русской почве и что послужило его «истоками», споры ведутся и поныне. Исследования последнего времени показали, что новые идейно-эстетические тенденции, присущие сентиментализму, складывались в русской литературе уже в 60-е годы в поэзии М. М. Хераскова,¹ в романах и драмах третьесловных писателей.²

Таким образом, поэзия английских сентименталистов — Юнга, Томсона, Грея и др. — начала проникать в Россию тогда, когда

¹ Г. Н. Поспелов. У истоков русского сентиментализма. Вестник Московского университета, 1948, № 1, стр. 3—27.

² Г. А. Гуковский. Основные течения общественной мысли 1760—1780 гг. В кн.: История русской литературы. т. IV. М.—Л., 1947, стр. 34—35; Л. И. Кулакова. А. Н. Радищев и вопросы художественного творчества в русской литературе XVIII века. Автореферат докторской диссертации. М., 1954, стр. 14—15.—К. А. Назаретская в статье «Об истоках русского сентиментализма» (Ученые записки Казанского государственного университета им. В. И. Ульянова-Ленина», т. 123, кн. 8, 1963, стр. 3—34) обнаруживает даже эти «истоки» у А. П. Сумарокова и поэтов его школы в 1750-е годы.

для восприятия ее уже существовала благоприятная почва, подготовленная предшествующим развитием русской литературы. С другой стороны, английские поэты-сентименталисты попадали в Россию одновременно с близкими им по устремлениям поэтами других стран, прежде всего Франции и Германии, а также с прозаиками, как английскими (Ричардсон, Голдсмит), так и иными (Руссо, Гете — автор «Вертера»). Это обстоятельство осложняет, а иногда делает вообще невозможным выделить воздействие, влияние какого-либо одного английского поэта из общего потока иностранной литературы, воспринимаемой в России последней трети XVIII в.

Возникшее в духовной жизни Европы XVIII в. движение сентиментализма обозначило кризис просветительского мировоззрения, постепенную дискредитацию разума и выдвигание в противовес ему чувства. Общий для разных стран Европы, этот кризис, однако, в каждой стране был связан с особыми, присущими ей в это время социальными процессами. Поэтому прямолинейное социологическое приращение сентименталистских концепций к одним и тем же социальным конфликтам и противоречиям было бы затруднительным. Социальный строй Англии и России в XVIII в. имел мало общего, но это не препятствовало активному усвоению в русской литературе поэзии английского сентиментализма.

В английской литературе, где новые тенденции проявились впервые, они были связаны с обнажением противоречий буржуазной цивилизации, которые обнаружались в Англии, совершившей буржуазную революцию еще в XVII в., раньше, чем в какой-либо иной стране. Английский сентиментализм был явлением сложным. С одной стороны, он продолжал борьбу Просвещения с феодализмом за политическое равноправие людей независимо от их сословной принадлежности. В то же время английские сентименталисты — свидетели распада третьего сословия на буржуазию и эксплуатируемые трудящиеся массы — уже смутно ощущали отрицательные стороны буржуазного прогресса с его обесчеловечиванием общественных отношений и новыми формами порабощения человека человеком. Двойственность идейной борьбы приводила к тому, что основные сентименталистские концепции могли разделяться писателями разных социальных воззрений, от консервативных до революционных мыслителей.

В России социальная почва, на которой развивались новые идеи, была, естественно, иной, чем в Англии и даже во Франции. В основе русского сентиментализма лежало разочарование передовых кругов общества, в том числе и передового дворянства, в идеале просвещенного абсолютизма, который на практике превращался в самодержавно-деспотическую бюрократическую монархию, антинародную в своей сущности, подчиненную узким своекорыстным интересам господствующего класса. Эти настроения

особенно усилились под впечатлением крестьянского восстания, руководимого Пугачевым.

В поисках противодействия классицизму и рационализму, которые утрачивали свое безоговорочное господство в литературе и эстетике, основоположники русского сентиментализма обращаются к английской и немецкой литературам. Эпоха царствования Екатерины II отмечена увлечением Англией и английской литературой. Тяготение к английской культуре отличается и получающие в эту эпоху широкое распространение масонские организации, с которыми были связаны чуть ли не все русские сентименталисты и где процветал культ чувства в противовес разуму.

Поэзия английского сентиментализма выдвинула две основные темы: природы и смерти. Эти темы тесно переплетены между собой и представляют собою две стороны отрицания цивилизации, к тому времени уже скомпрометированной. Противоречия цивилизации прежде всего обнаруживались в жизни города. Непонимание их сущности приводило сентименталистов к отрицанию города вообще, как средоточия «протиестественной» и извращающей человека цивилизации и к противопоставлению городу «вечной» и «благой» природы. Если классики призывали поэтов черпать темы из жизни двора и города, то сентименталисты прославляют существование на лоне природы, изображают «естественную» жизнь крестьян.

Отказ от житейской суестьи в крайнем своем выражении приводил к теме смерти. Для английского сентиментализма характерен поворот от светской деистической материалистической философии к некоторым течениям неофициальной религии, связанным с народными верованиями, в частности к «религии сердца» — методизму, который возник в 30-х годах XVIII в. и в дальнейшем получил широкое распространение. Резко отрицательная оценка социальной действительности получает разрешение в утверждении бессмертия души. Земная жизнь исполнена пороков, страданий, скорби. Оставив ее, человек ничего не теряет, но, напротив, только тогда он приобретает вечное блаженство.

В английской поэзии темы природы и смерти получили наиболее полное выражение в поэмах «Времена года» Томсона и «Ночные мысли» Юнга.

И Эдуард Юнг (1683—1765), и Джемс Томсон (1700—1748) по своему литературному воспитанию принадлежали к классикам. Показательно, что оба они отдали дань классической драматургии: Юнг написал трагедии «Бузирис» (1719), «Месть» (1721) и «Братья» (1753); Томсон — «Софонизба» (1730), «Агамемнон» (1738), «Танкред и Сигизмунда» (1745) и др. В рамки поэтики классицизма укладываются сатиры Юнга «Любовь к славе, всеобщая страсть» (1725—1728), предшествующие са-

тирам Попа и опирающиеся на образцы Горация и Буало, и в некоторой степени — аллегорическая поэма Томсона «Замок безделья» (1748). Собственно, и «Ночные мысли» и «Времена года» генетически восходят к распространенному в классической поэзии жанру дидактической поэмы, и только новое содержание преобразовывало старый жанр, придавало ему новые черты.

Дидактическая поэзия — явление весьма характерное для XVIII в. Стремительное развитие науки и техники, философии, накопление новых положительных знаний в разных областях, острые идейные конфликты и т. д. способствовали развитию жанра дидактической поэмы, которая отвечала потребности идеологов эпохи Просвещения — просвещать широкие круги читателей, приобщать их к достижениям науки и культуры. Поэтики XVIII в. указывали, что цель дидактической поэмы состоит в «передаче знаний и наставлений. Поэтому она отличается только формой своей, а не объемом и содержанием от философского, этического или критического трактата в прозе».³ К поэтическому облачению прибегали для того, чтобы сделать назидание и поучение доходчивыми и приятными. Тематика дидактической поэзии была поистине универсальной. В форме поэм популяризовались чуть ли не все области знания и практической деятельности человека вплоть до матримониальных правил и библиографии.⁴

Хотя дидактическая поэзия существовала и в предшествующие века, однако в XVIII в. жанр дидактической поэмы получил совершенно особое развитие. Попытки западных исследователей объяснить его подражанием Гесиоду, Лукрецию, Вергилию не раскрывают его исторического своеобразия. Расцветший в эпоху Просвещения, этот жанр фактически вместе с нею и умер, и уже Гегель в своих лекциях по эстетике отказывался причислить дидактическую поэзию к «подлинным формам искусства», «ибо в ней находится на одной стороне уже само по себе готовое, совершенно разработанное в качестве значения содержание в его благодаря этому прозаической форме, а на другой стороне художественный облик, который, однако, может быть только всецело внешне прилеплен к этому содержанию».⁵

Новое содержание, которое сентименталисты воплощали с помощью дидактической поэмы, деформировало жанр, придавало ему новые особенности. Нередко оно даже вступало в противо-

³ Hugh Blair. Lectures on rhetoric and belles lettres, vol. III. Basel, 1801, p. 153.

⁴ Фактические сведения об английской дидактической поэзии см.: M. Lilly. The Georgic. A contribution to the study of the Vergilian type of didactic poetry. Baltimore, 1917; R. Havens. The influence of Milton on English poetry. Cambridge, Mass., 1922 (ch. XV, XVI); J. Logan. The poetry and aesthetics of Erasmus Darwin. Princeton, 1936 (ch. IV); M. Nicolson. Newton demands the Muse. Princeton, 1946.

⁵ Гегель, Соч., т. XII, М., 1938, стр. 432.

речие с формой, в которую было заключено. Поэтому воздействие, которое оказывали поэмы Юнга и Томсона на европейские литературы, в том числе и русскую, зачастую осуществлялось в иных художественных формах.

3

Первым из двух названных поэтов стал известен в России Юнг. Его основное поэтическое произведение, написанное уже в старости и принесшее ему мировую славу, «Жалобы, или Ночные мысли о жизни, смерти и бессмертии» (*The complaint, or Night thoughts on life, death and immortality, 1742—1745*) состоит из девяти частей (именуемых «ночами», общим объемом около 10 000 строк), содержащих пространные рассуждения о бренности земного существования, обреченного на смерть, о суетности и тщете человеческих стремлений и о бессмертии души, которое одно лишь оправдывает жизнь в этой юдоли скорби и дает ей смысл. Полемически направленные против светского вольнодумства, неверия и деизма, развивающие и отстаивающие некие абстрактные идеи, «Ночные мысли» не отличались бы от обычной дидактической поэмы, если бы не эмоциональный пафос поэтической проповеди Юнга, придающий стихам напряженность и выразительность драматической речи. Глубокий лиризм, пронизывающий поэму, страстная риторика жалоб, обращенных не столько к разуму, сколько к чувству, соответствовали новым тенденциям в литературе. К тому же в «Ночных мыслях» был уже намечен тот репертуар поэтических образов, который в дальнейшем получил развитие в так называемой «кладбищенской поэзии». Все это обеспечило поэме Юнга всевропейский успех и распространение.¹

Следует заметить, что «поэзия ночи», «кладбищенская поэзия» в Англии не была единоличным созданием Юнга. Многие мотивы «Ночных мыслей» предварялись в стихотворениях Анны Уинчлиси, Томаса Парнела, Элизабет Картер и других поэтов. Одновременно с появлением «Ночных мыслей» шотландский пастор Роберт Блэр выпускает близкую по теме поэму «Могила» (*The grave, 1743*). Однако все эти произведения не получили распространения в Европе. Здесь помимо Юнга из английских авторов, обращавшихся к этой теме, пользовались известностью следовавшие за ним Джемс Харви (*Hervey, 1714—1758*), создавший прозаические «Размышления среди могил» (*Meditations among the tombs, 1748*), и Томас Грей (*Gray, 1716—1771*) как автор «Элегии, написанной на сельском кладбище» (*Elegy writ-*

¹ См.: P. Van Tieghem. *La poésie de la nuit et des tombeaux en Europe au XVIIIe siècle*. Paris, 1921 (вошло в его кн.: *Le préromantisme. Études d'histoire littéraire européenne*, t. II. Paris, 1930, pp. 1—203).

ten in a country churchyard, 1750), в которой «кладбищенская лирика» как выражение сентименталистской концепции получила наиболее законченное выражение.²

Для русской рецепции Юнга особенно важным было распространение его известности в Германии и Франции, поскольку в XVIII в. английская литература проникала к нам главным образом через посредство немецких и французских переводов.³

В Германии, где произведения Юнга попали на благоприятную почву, уже в 50-е годы XVIII в. предпринимаются одна попытка за другой передать «Ночные мысли» по-немецки и прозой, и стихами различных размеров.⁴ Наибольшее значение имели прозаические переводы Иоанна-Арнольда Эберта, который посвятил этому делу всю свою жизнь. Его перевод «Ночных мыслей», озаглавленный «Klagen oder Nachtgedanken», был опубликован впервые в 1751—1752 гг. и затем трижды переиздавался. В 1760 г. Эберт начал издавать заново пересмотренный перевод «Жалоб», который он снабжал пространным, тщательно составленным комментарием, подобным тому, каким сопровождались тексты античных авторов. Издание это растянулось на 11 лет и было завершено только в 1771 г. Эберт не ограничился «Ночными мыслями»: он перевел также и остальные сочинения Юнга.

Во Франции,⁵ где Юнг первоначально был известен как драматург, «Ночные мысли» стали переводить только в начале 1760-х годов. Решающую роль в распространении известности и славы английского поэта не только во Франции, но и в других странах европейского континента, в том числе и в России, сыграли изданные впервые в 1769 г. «Ночи Юнга» («Les nuits d'Young») в прозаическом переводе Пьера Летуэрнера (1736—1788), будущего переводчика Шекспира.⁶ В обширном введении к переводу Летуэрнер изложил биографию Юнга, подчеркивая его величие как человека и поэта, и разъяснил цели, которые ставил перед собой. Он считал «Ночные мысли» «самой возвышенной элегией, когда-либо созданной, о страданиях человеческих и самым отважным предприятием, в котором сияют великие

² См.: A. L. Reed. The background of Gray's Elegy. A study in the taste for melancholy poetry. 1700—1751. New York, 1962.

³ Впрочем, самые ранние немецкий и французский переводы «Ночных мыслей» появились в Швейцарии. О немецком переводе 1749 г. И.-Я. Бодмера см.: С. Н. Ibershoff. Bodmer and Young. Journal of English and Germanic philology, vol. XXIV, 1925, pp. 211—218. Французские прозаические переводы I и II «ночей», сделанные неким жителем Берна и опубликованные в «Choix littéraire» (tt. X, XIV, Genève et Coppenhague, 1757—1758), были впоследствии замечены в России (см. 184, 193).

⁴ См.: J. L. Kind. Edward Young in Germany. New York, 1906.

⁵ См.: F. Baldensperger. Young et ses «Nuits» en France. In: Études d'histoire littéraire. Paris, 1907, pp. 55—109.

⁶ Подробно о переводе Летуэрнера см.: M. G. Cushing. Pierre Le Tourneur. New York, 1908, pp. 47—76.

поэтические красоты, соединенные с великими истинами нравственности и религии». В то же время Летуэрнер считал, что творению Юнга присущи серьезные недостатки, главные из которых: постоянные повторения, нередко излишние и утомительные, и хаотичность построения. Переводчик решил устранить эти недостатки, упорядочить поэму, приспособить ее к вкусам своих читателей. «Моим намерением было, — писал он, — извлечь из английского Юнга французского, который смог бы понравиться моему народу и которого читали бы с интересом, не задумываясь, оригинал это или копия».⁷

Переводя Юнга, Летуэрнер старался близко держаться оригинала только в местах, которые казались ему лучшими, остальное он пересказывал. Он композиционно перестроил поэму, распределив материал девяти юнговских «ночей» в двадцати четырех «ночах», носивших более или менее номенклатурно-тематические заглавия: «Бедствия человечества», «Дружба», «Время», «Бес-смертие», «Горе и несчастье» и т. п.⁸ Часть текста (особенно теологические рассуждения) он переносил в примечания. Наиболее сильные поэтические места «Ночных мыслей» были ослаблены в переводе, но зато в нем исчезли и многие риторические пассажи, и в целом творение Юнга приобрело скорее упорядоченное строение и логическую ясность. По сравнению с английским оригиналом французские «Ночи» имели более нравственно-философский, чем религиозный характер. Все это обеспечило переводу небывалый успех: он переиздавался до 1842 г.

Издавая в 1769 г. «Ночи», Летуэрнер присоединил к ним переводы других произведений Юнга: поэм «Страшный суд» (*The last day*), «Парафраз части книги Иова» (*A paraphrase on part of the book of Job*), «Смирение» (*Resignation* — в извлечении), «Посвящение Вольтеру» (*Dedication to Mr. Voltaire*, предпосланное поэме *Sea-piece*), а также отрывок из прозаического трактата «Небаснословный кентавр» (*Centaur not fabulous*) — сатиры на неверие и сластолюбие, главные, по мнению Юнга, пороки его времени. Успех издания побудил переводчика продолжить работу, и в 1770 г. он выпустил два тома «Разных сочинений доктора Юнга» (*Oeuvres diverses du Docteur Young*), куда вошли во французских переводах трагедии «Бузирис» и «Мечь», новые извлечения из «Небаснословного кентавра», фрагменты из другого моралистического трактата «Защита Провидения, или Истинная оценка человеческой жизни» (*A vindication of Providence: or a true estimation of human life*) и эстетический трактат «Мысли об оригинальном сочинении» (*Conjectures on original composition*). В дальнейшем, переиздавая «Ночи» или сочинения

⁷ *Oeuvres complètes d'Young, traduites de l'anglois par M. le Tourneur, t. I, Paris, 1796, pp. IV, XXXVII.*

⁸ О соотношении «ночей» Юнга и Летуэрнера см.: P. Van Tieghem. *Le préromantisme, t. II, p. 54—55.*

Юнга, Летуэрнер присоединял к ним перевод его поэмы «Сила религии, или Любовь побежденная» (*The force of religion, or Vanquished love*), а также двух упоминавшихся уже произведений английской «меланхолической школы»: «Размышлений среди могил» Джемса Харви и «Элегии, написанной на сельском кладбище» Томаса Грея.

Переведенные Летуэрнером «Ночи» послужили основой не только для переводов на другие европейские языки (итальянский, испанский, португальский, русский, польский), но и для создания новых французских произведений. Так, на перевод Летуэрнера опирались многие французские стихотворные переложения Юнга. Он же служил основой для всякого рода антологий избранных мыслей из Юнга. Из их числа следует особо выделить сборник «Раздумья о существовании, или Нравственный взгляд на ценность жизни», составленный Жюли Карон, сестрой Бомарше, и изданный анонимно в Париже в 1784 г. «Я любила читать прекрасное творение Юнга... — писала составительница, — возвышенность стиля и благородство мыслей постоянно привлекали меня к этому возвышенному творению; но оно утомляло мой разум избытком экзальтации и восторга. Мне хотелось, чтобы оно было проще и более мне подходило; поэтому я сделала это извлечение из превосходного перевода г. Летуэрнера. Я разделила его на главы, чтобы собрать множество рассеянных в Ночах мыслей, которые получают бóльшую силу, если их объединить и представить под одной точкой зрения все, относящееся к одному предмету».⁹

Жюли Карон весьма вольно кроила текст Летуэрнера, собирая отрывки из разных «ночей» под заглавиями: «Величие бога», «Религия», «Цена времени», «Мысли о ночи» и т. д., добавляя суждения иных авторов и собственные размышления. В сущности это была уже книга назиданий, а не поэтическое произведение.

Континентальная Европа XVIII в. мало знала подлинную биографию Юнга. Взамен был создан на основании лирического героя «Ночных мыслей» легендарный образ старого поэта-священника, отрешенного от мирской суеты, благочестивого и чувствительного служителя бога, который бодрствует ночью, размышляя о звездном небе, или бродит среди могил, проникая мыслью в тайну жизни и смерти. Считалось, что он потерял в течение короткого времени друга, жену и дочь. Последняя, прекрасная Нарцисса, умерла на юге Франции, где жители католики, нетерпимые к инакомыслящим, отказали ей в христианском погребении, и несчастный старик вынужден был хоронить свое дитя тайком под покровом ночи. Эта легенда попала впоследствии и в Россию.

⁹ *L'existence réfléchie, ou coup d'oeil moral sur le prix de la vie.* Paris, 1784, pp. 5—6.

С легендарным обликом Юнга была связана его переписка с Фонтенелем, опубликованная в 1769 г. в анонимном трактате «О философии природы».¹⁰ Переписка эта не упоминается ни в биографиях, ни в библиографиях Юнга или Фонтенеля и, по-видимому, является литературной подделкой, принадлежащей автору трактата, одному из просветителей второго поколения Ж.-Б. Делилю де Салю (Delisle de Sales, 1743—1816). Она состоит из шести писем (по три от каждого корреспондента) и отнесена к 1741 г.— году смерти жены Юнга. Переписка приведена, чтобы наглядно противопоставить два характера: бесстрастного Фонтенеля, руководимого только разумом, и Юнга, «чья душа открыта для самых мимолетных впечатлений радости и печали», человека, живущего чувствами и воображением. Как мы увидим ниже, последний образ был сочувственно воспринят и в русской литературе.

4

В Россию Юнг начинает проникать с 70-х годов XVIII в.¹ Впервые на русском языке появилась вторая «ночь», в прозаическом переводе М. В. Сушковой, напечатанном в 1772 г. в журнале «Вечера» (183). Мария Васильевна Сушкова, урожденная Храповицкая (1752—1803), жена симбирского губернатора, много занималась переводами и сотрудничала в нескольких журналах как официозных («Всякая всячина», «Собеседник любителей российского слова»), так и оппозиционных («Живописец» и «Трутенъ»)² Переводы Сушковой из Мармонтеля («Инки, или Разрушение Перуанской империи», 1778; «Земира и Азор», 1784), Мерсье («Беглец», 1784), Дюбуа-Фонтанеля («Эрисия, или Весталка») издавались в московской университетской типографии «иждвением Н. Новикова и компании». По свидетельству ее племянника, Н. В. Сушкова, она переводила также сонеты Петрарки стихами и «Потерянный рай» Мильтона прозой,³ но переводы эти неизвестны. Указание Сушкова, что «Ночи» Юнга переводились ею с французского, очевидно, ошибочно: русский перевод довольно близок к английскому тексту и не соответствует существовавшим к тому времени французским переводам.

¹⁰ Мы смогли ознакомиться с 3-м изданием: De la philosophie de la nature, ou traité de morale pour l'espèce humaine tiré de la philosophie et fondé sur la nature, t. III. 3-e ed., Londres, 1777, pp. 130—150 (Lettres posthumes de Fontenelle et du Docteur Young).

¹ Ниже мы во многом опирались на статью: П. Р. Заборов. «Ночные размышления» Юнга в ранних русских переводах. В кн.: Русская литература XVIII века. Эпоха классицизма. М.—Л., 1964, стр. 269—279.

² См.: П. Н. Берков. История русской журналистики XVIII века. М.—Л., 1952, стр. 228, 257, 285, 287.

³ А. В. Храповицкий. (Из записок Н. В. Сушкова). «Раут», кн. 3, М., 1854, стр. 128.

«Вторая Иунгова ночь», напечатанная в «Вечерах», мало гармонировала с остальными материалами журнала, которые состояли главным образом из любовной лирики и пасторальных идиллий. Это была первая и пока еще одинокая демонстрация нового направления. Характерно, что она была осуществлена в журнале, издававшемся кружком М. М. Хераскова, которого многие исследователи считают основоположником русского сентиментализма.

Спустя пять лет в Петербурге был опубликован перевод поэмы Юнга «Страшный суд» (217). Переводчик не был указан. Перевод был сделан с итальянского перевода аббата Франческо Альберти; последний же, вопреки утверждению на титульном листе русского издания, переводил не с английского оригинала, но с французского перевода Летуэрера.

Русский перевод «Страшного суда» был передан в 1777 г. в Академию наук кн. М. М. Щербатовым (1733—1790), которому после отпечатания за счет Академии 600 экземпляров в благодарность было послано 25. В. П. Семенников на основании этого сделал вполне правдоподобное предположение, что Щербатов не только передал перевод, но и создал его.⁴ Нетрудно понять, чем могла привлечь эсхатологическая поэма Юнга князя Щербатова. Идеолог помещицкой аристократии, неустанный разоблачитель пороков самодержавия Екатерины II,⁵ Щербатов находил в «Страшном суде» близкое его настроениям обличение порочного века и идею конечного возмездия высшим правителям, которых не спасет ни сан их, ни земная власть. «О ты, кто бы ни был, — говорится в переводе, — бывший сильный единовластитель на земли... который соединял великое число царств под свою державу; ты, который во дни твоих торжеств изглагольвал, да царствует естли хощет Всесильный на небесах; сия вселенна есть моя держава; трепещи в сей час, возведи свои очи» (217, стр. 26).

Через десять лет перевод «Страшного суда» был переиздан в Москве «Типографической компанией». Новое издание подпало под направленное против Новикова повеление Екатерины II — «запретить продажу всех книг, до святости касающихся, кои не в синодальной типографии печатаются», и в московских книжных лавках был конфискован 1121 экземпляр перевода.⁶

«Типографическая компания» не случайно переиздала «Страшный суд». Произведения Юнга находили живой отклик в среде русских масонов, которым вообще были близки сентименталистские идеи и настроения. В системе их воззрений чувство объяв-

⁴ В. П. Семенников. Материалы для истории русской литературы и для словаря писателей эпохи Екатерины II. СПб., 1914, стр. 138.

⁵ См. о нем: И. А. Федосов. Из истории русской общественной мысли XVIII столетия. М. М. Щербатов. М., 1967.

⁶ М. Н. Лонгинов. Новиков и московские мартинисты. М., 1867, стр. 284, 049.

лялось второй ступенью человеческого познания, более высокой, чем разум, и служащей как бы переходом от «религии разума» к высшей форме — «религии откровения». В 1770-е годы «религия чувства» получает развитие в кругах масонства, и произведения европейских сентименталистов находят здесь благодарную почву.⁷

«Ночные мысли» Юнга обладали для масонов особой привлекательностью. Оппозиционно настроенные по отношению к существующему строю, считая, что окружающий мир исполнен зла, они, однако, искали выхода не в социальной борьбе, но в проповеди самоусовершенствования и самоочищения. Единственным вознаграждением добродетели объявлялось загробное блаженство, которое обеспечивалось субстанциональностью и бессмертием души.⁸ Этические взгляды Юнга были поэтому весьма близки масонам. Привлекала их и попытка английского поэта примирить веру и разум; такая тенденция была присуща многим масонам 1770-х годов, пока мистические настроения еще не обладали в их среде.⁹

Систему своих воззрений масоны распространяли и с помощью лож, и посредством литературной пропаганды. Последняя велась довольно активно, причем важнейшее значение в этом деле имела деятельность Новикова и масонской «Типографической компании», с которой он был связан. Наряду с собственно масонскими изданиями широко издавались и книги, не имевшие прямого отношения к масонству: творения отцов церкви, христианских проповедников, мистических философов, а также художественные произведения как религиозного содержания, вроде поэм Юнга и Мильтона, «Мессиады» Клопштока, «Авелевой смерти» Геснера, «Иосифа» Битобе и т. п., так и вполне «светские», но проникнутые духом христианской морали сочинения Ричардсона, Руссо, Виланда и др.¹⁰

Творчество Юнга было связано с современными поэту религиозными течениями, и прежде всего с упоминавшимся выше методизмом. В свою очередь и лидеры методизма привлекали поэзию Юнга в целях религиозно-эстетической пропаганды.¹¹ Поэтому

⁷ См.: К. А. Назаретская. Литературно-художественные взгляды и творчество масонов в их значении для формирования сентиментализма и предромантизма. В кн.: Вопросы романтизма, вып. 5. «Ученые записки Казанского государственного университета им. В. И. Ульянова-Ленина», т. 128, кн. 4, 1969, стр. 79—95. См. также: Г. В. Вернадский. Русское масонство в царствование Екатерины II. Пгр., 1917, стр. 114—117.

⁸ См.: Е. Г. Плимак. Масонская реакция против материализма в России. «Вопросы философии», 1957, № 2, стр. 52—53.

⁹ См.: Вл. Тукалевский. Искания русских масонов. СПб., 1911, стр. 30—31.

¹⁰ См.: А. Н. Пыпин. Русское масонство (XVIII и первая четверть XIX в.). Пгр., 1916, стр. 232—240.

¹¹ См.: H. N. Fairchild. Religious trends in English poetry, v. II. New York, 1942, pp. 92, 138.

использование ее масонами было естественным и закономерным. Существенное различие состояло, однако, в характере среды, к которой были обращены таким образом произведения Юнга в России и Англии. Методизм являлся массовым религиозным движением, находившим широкий отклик в английском народе. Масонство же носило сугубо эзотерический характер, и если его проповедь обличала нравы двора, то эта критика была лишена демократического пафоса.

Большое место произведениям Юнга уделялось на страницах первого из журналов Новикова масонского периода — «Утренний свет» (1777—1780). Уже в 1778 г. в III части журнала был опубликован «Имн на правосудие божие» (185) — перевод одного из подражаний Юнгу. Далее последовали публикации «Юнговых ночей» — с I по VIII в прозаическом переводе, традиционно приписываемом А. М. Кутузову (186—191).¹²

Алексей Михайлович Кутузов (1749—1797)¹³ — близкий друг Радищева, с которым он учился в Лейпцигском университете, во второй половине 70-х годов сблизился с кружком Новикова и стал членом масонской ложи. Юнг для него был «любимым стихотворцем», в котором он находил единомышленника и наставника. Он нередко цитировал английского поэта в письмах, подкрепляя свои рассуждения. Характерно следующее место из письма к Радищеву от 27 марта (7 апреля) 1792 г.: «Мы окружены здесь тленностью, все здесь мечта и сон. То, что мы называем счастьем, есть не что иное, как кратковременное отсутствие горестей. Справедливо говорит любимый мною стихотворец:

I know the terms on which he — человек — sees the light!
He that is born, is listed; life is war;
Eternal war with woe. Who bears it best,
Deserves it least.¹⁴

¹² Журнальный текст перевода совпадает с текстом отдельного издания «Плач Эдуарда Юнга» 1785 г. (194), переводчиком которого еще Сопиков назвал А. М. Кутузова (см.: В. Сопиков. Опыт российской библиографии, ч. IV. СПб., 1816, № 8276). В. В. Фурсенко не соглашался с этой атрибуцией (см.: Труды по русской и славянской филологии, т. VI, Тарту, 1963, стр. 333) на том основании, что отрывок из IX «ночи», приведенный в письме Кутузова И. П. Тургеневу от 29 декабря 1782 г. (см.: там же, стр. 309), не совпадает с соответствующим местом печатного перевода. Работу Кутузова над переводом Юнга Фурсенко относил к 1782—1783 гг. (там же, стр. 326).

¹³ О нем см.: Е. Тарасов. К истории масонства в России. Забытый розенкрейцер А. М. Кутузов. В кн.: Сборник статей, посвященных С. Ф. Платонову. СПб., 1911, стр. 202—234; Ю. М. Лотман. «Сочувственник» А. Н. Радищева А. М. Кутузов и его письма к И. П. Тургеневу. Труды по русской и славянской филологии, т. VI, стр. 281—296. Составленная В. В. Фурсенко библиография сочинений и переводов Кутузова: там же, стр. 333—334.

¹⁴ Night II, ll. 8—11.

Итак, истинное счастье находится внутри нас и зависит от самих нас, оно есть поставление себя превыше всех случаев». ¹⁵ Рассказывая 29 декабря 1782 г. И. П. Тургеневу о своем душевном состоянии, Кутузов писал: «... я следую любезному автору моему Юнгу» и приводил далее пространную выписку из начала IX «ночи». ¹⁶

Кутузов довольно много занимался переводами. Еще в начале 70-х годов он участвовал в деятельности Собрания, старающегося о переводе иностранных книг. ¹⁷ «Юнговы ночи» были важнейшим его трудом, ¹⁸ который он предпринял, «пленившись глубокими мыслями истинного стихотворца сего и быв совершенно уверен о пользе, которую всякий добросердечный человек из книги его почерпнуть может». ¹⁹ Над своим переводом, который делался с немецкого перевода Эберта, Кутузов работал не менее пяти лет. 5 декабря 1782 г. он сообщал И. П. Тургеневу, что заканчивает последнюю, т. е. IX «ночь», — единственную, не публиковавшуюся в «Утреннем свете». «По окончании всего перевода, — писал Кутузов, — намерен его вычистить, сколько сил моих достанет, и, снабдив некоторыми примечаниями, отдам вам для напечатания». ²⁰ «Вам» означало — литераторам новиковского кружка.

«Некоторые примечания» в итоге оказались весьма обильными: число их достигает 500. Частично Кутузов воспользовался примечаниями Эберта, откуда заимствовал сопоставления мыслей Юнга с параллельными местами в священном писании, сочинениях древних и новых авторов. Но этим переводчик не ограничился: он преследовал пропагандистские цели, и его собственные примечания должны были усилить нравственное воздействие поэмы. Развивая мысли Юнга, он призывает читателей «не прилепляться ни к чему временному или преходящему, но стремиться к истинному благу, которое никогда от нас не отыметя» (194, 1785, ч. I, стр. 24). «Читайте прилежно священное писание, — обращается он к ним, — в нем найдете вы целительный кладезь, утолите в оном жажду вашу, и тогда не приблизится вам вовеки ужаснейшая всех смертей сия» (там же, стр. 21). Иногда Кутузов вводит в примечание аллегории, принятые в ре-

¹⁵ Я. Л. Барсков. Переписка московских масонов XVIII века. 1780—1792 гг. Пгр., 1915, стр. 195. Ср. письмо Кутузова Е. И. Голенищевой-Кутузовой от 15 (26) января 1791 г. (там же, стр. 81).

¹⁶ Труды по русской и славянской филологии, т. VI, стр. 309. См. также письмо от 4 (15) ноября 1788 г. (там же, стр. 321).

¹⁷ В. П. Семенов. Собрание, старающееся о переводе иностранных книг, учрежденное Екатериной II. 1768—1783 гг. СПб., 1913, стр. 9, 71.

¹⁸ См.: P. Brang. A. M. Kutuzov als Vermittler des westeuropäischen Sentimentalismus in Russland. «Zeitschrift für slavische Philologie», Bd. XXX, H. 1, 1962, S. 50. — Содержащееся здесь указание на отдельное издание перевода 1780 г. является ошибочным.

¹⁹ Письмо Кутузова к И. П. Тургеневу от 5 декабря 1782 г. Труды по русской и славянской филологии, т. VI, стр. 305.

²⁰ Там же.

лигиозно-моралистической литературе. Так, в примечании 8 к I «нощи» вступающий в жизнь человек уподоблен путнику, находящемуся в ущелье, из которого ведут две дороги: одна — в мир духовный, другая — в мир животных (там же, стр. 8—10). Проповедь Кутузова направлена против современных вольнодумцев — атеистов и деистов, почерпающих свои воззрения из «модных сочинений господина Волтера, Гельвеция, Мирабо и сему подобных» (там же, стр. 50). Воспроизводя примечание Эберта о том, что в образе Лоренцо, которого обличает Юнг в своей поэме, выведен тип английского вольнодумца, русский переводчик добавляет: «Но одна ли Англия славится таковыми Лоренцами? Не видим ли мы и между нами Лоренцов, которые и сих еще гораздо гнуснее?» (там же, стр. 32). Наконец, в заключительном примечании, подчеркивая свою задачу, переводчик выражал желание, чтобы «горесть» Юнга «посеяла такие ж семена в сердцах читателей и произрастила плоды сему подобные!». Тогда, писал он, «благословенным почел бы и я щастливый час тот, в который почувствовал красоту сочинения сего, и предпринял сообщить его моим согражданам на собственном языке нашем» (там же, ч. II, стр. 439).

В цитиrowавшемся уже письме к Тургеневу Кутузов связывал свой труд с задачами и целями всего масонского кружка; он сообщал: «Мне хочется приписать перевод мой *друзьям святых истины и стройности совершенных*. Не знаю, одобрите ли вы, друзья мои, сие намерение мое. Посоветуйте между собой и уведомьте меня. Я думаю, ты видишь цель мою, итак располагайте рассуждения ваши вследствие цели сея».²¹

Неизвестно, что ответили Кутузову его друзья; во всяком случае перевод, озаглавленный «Плач Эдуарда Юнга, или Нощные размышления о жизни, смерти и бессмертии» и изданный в 1785 г. (194), был посвящен издателями графине А. Р. Чернышевой. Кружок Новикова имел непосредственное отношение к этому изданию, которое было осуществлено «иждивением Типографической компании» в «вольной» типографии связанного с Новиковым масона-розенкрейцера И. В. Лопухина. Наиболее значительный среди всех русских переводов из Юнга «Плач» в переводе Кутузова пользовался несомненной популярностью. Дважды изданный при жизни переводчика (в журнале и отдельно), он два раза переиздавался после его смерти (1799, 1812) и вытеснил другой полный перевод 1799 г. (204), несмотря на то что тот был сделан с подлинника (см. ниже).

Издавая в 1785 г. «Плач», Кутузов включил во II том свои переводы поэм «Страшный суд» и «Могущество веры, или Любовь побежденная». В последней из них трагическая участь английской королевы Джен Грей была представлена как следствие нежелания ее отступить от евангелической веры. Перевод Куту-

²¹ Там же

зова впервые публиковался в «Утреннем свете» 1780 г. (215). Поэма эта привлекала масонов: в том же году И. В. Лопухин издал отдельно свой перевод, сделанный с французского перевода Летуэрнера (216).

В «Утреннем свете» было также опубликовано «Послание Юнгово к Вольтеру» (212), т. е. переведенное с перевода Летуэрнера посвящение к «Морской поэме», повествующее о быстротечности жизни. И в дальнейшем это посвящение переводилось на русский язык только с перевода Летуэрнера как отдельное произведение (213, 214).

Пропаганда Юнга, предпринятая издателями «Утреннего света», не ограничивалась переводом поэтических его произведений. Поскольку автор «Ночных мыслей» воспринимался в России XVIII в. в большей степени как моралист, нежели поэт, не было принципиального различия между его стихами и прозой, тем более что все они переводились прозой, чему во многом способствовал прозаический французский перевод, в котором и стихотворные, и прозаические произведения были представлены вперемешку. Первые русские стихотворные переводы из Юнга появились только в 1803 г., т. е. уже в новую эпоху (208, 209).

Печатавшиеся в XVIII в. русские фрагментарные переводы моралистических трактатов «Защита Провидения, или Истинная оценка человеческой жизни» и «Небаснословный кентавр» были сделаны исключительно по французским переложениям Летуэрнера, заглавия которых они сохраняли. Особым успехом пользовался характерологический этюд, извлеченный из III письма «Небаснословного кентавра» и озаглавленный «Eusebe, ou le riche vertueux». Проникнутый характерными для Англии XVIII в. филантропическими идеями, стремившимися примирить социальные противоречия, не посягая на существующий строй, этюд доказывал возможность совместить наслаждение жизнью и добродетель. Эта мораль, видимо, находила широкий отклик в русском образованном обществе, потому что «Эусеб» Юнга-Летуэрнера переводился неоднократно. Первый анонимный перевод появился еще в 1776 г. в журнале И. Ф. Богдановича «Собрание разных сочинений и новостей» (226). Следующий перевод «Эусеба» был напечатан спустя четыре года в «Утреннем свете» и принадлежал И. Г. Рахманинову (228). В 1789—1790-е годы вышли в свет еще три перевода (230—232), причем каждый раз имя героя передавалось по-новому: Евсевий, Эвзеб, Избек, Эраст и, наконец, Евгений.

Опубликованные в 1779 г. в «Утреннем свете» «Письма г. Юнга» представляли собою перевод составленного Летуэрнером извлечения из четырех писем «Небаснословного кентавра» (227). В следующем году было напечатано сделанное Летуэрнером изложение «Защиты Провидения» в переводе уже упоминавшегося И. Г. Рахманинова (234).

Иван Герасимович Рахманинов (1753—1807)²² был замечательной фигурой в истории русского Просвещения. Известность он приобрел как ревностный переводчик и пропагандист сочинений Вольтера,²³ к которому он обратился уже в начале своей литературной деятельности, во второй половине 70-х годов, когда находился среди переводчиков, группировавшихся вокруг Новикова. По-видимому, интерес его к Юнгу был связан с настроениями, господствовавшими в новиковском кружке, с которыми Рахманинов не порывал связи и после переезда Новикова в Москву.

Опубликование двух переводов из Юнга в «Утреннем свете» не удовлетворило Рахманинова, и он создал в 1780 г. антологию «Ночные мысли и другие некоторые сочинения г. Юнга» (193) — первую в России антологию такого рода. Не владея английским языком, переводчик, как он указывал на титульном листе и в посвящении, пользовался французскими переводами.²⁴ При этом он постарался ознакомиться со всем, что вышло к тому времени. Две первые «ночи» были переведены с полных французских переводов, опубликованных в швейцарских «Choix littéraires», тогда как большая часть произведений, включенных в антологию, была все же переведена с перевода Летуэрнера. Помимо переводов, печатавшихся уже в «Утреннем свете», Рахманинов поместил здесь новый перевод «Послания к Вольтеру» (213), «Краткое изъяснение из книги Иова» (223), сокращение последней поэмы Юнга «Смирение» (у Рахманинова «Беспечность» — 225), а также извлечения из V письма «Небаснословного кентавра» под названиями «Различные размышления» и «Рассмотрение жизни» (229). Кроме того, в издании использовано еще какое-то французское переложение Юнга, которое нам не удалось установить (236; ср. 237).

Около 1780 г. увлечение Юнгом как моралистом распространяется довольно широко в среде образованного дворянства. В этом отношении характерно обращение к нему А. В. Олешева. Алексей Васильевич Олешев (1724—1788) — богатый вологодский помещик и с 1780 г. предводитель вологодского дворянства, активный член Вольного экономического общества,²⁵ пользовался

²² О нем см.: И. М. Полонская. И. Г. Рахманинов. Из истории русского книгоиздательства конца XVIII в. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1954; Б. Ф. Мартынов. Журналист и издатель И. Г. Рахманинов. Тамбов, 1962.

²³ См.: И. М. Полонская. И. Г. Рахманинов — издатель сочинений Вольтера. «Труды Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина», т. VIII, М., 1965, стр. 126—162.

²⁴ Указание в упомянутой монографии Б. Ф. Мартынова о том, что «с английского подлинника Рахманинов сделал два перевода на русском и французском языках» (стр. 9), является недоразумением. Не менее странно выглядит и содержащееся там определение Юнга как «талантливого предшественника Роберта Бернса».

²⁵ См.: М. Лонгинов. Биографические сведения о некоторых русских

среди современников славою посвященного деятеля и даже мыслителя. «...Отличное просвещение и благонравие, — писал об Олеше М. Н. Муравьев, — дают ему неоспоримое преимущество над его равными; философ без своенравия и угрюмости, он окружил себя избраннейшими увеселениями посреди сельской жизни. Любим, уважаем в целом уезде, с беспритворным усердием раздает он советы дворянину, наставления земледельцу».²⁶

Тяга Олешева к назиданию реализовалась в «Цветах любомудрия» (1778) и «Вожде к истинному благообразию и к совершенному щастию человеческому» (1780) — сборниках переводов моралистических сочинений; к последнему сборнику он «приобщил» и «собственные полезные мысли в прозе и стихах». Цель сборников состояла в том, чтобы напомнить «согражданам» «о той святой должности, которою мы обязаны богу, своему монарху, себе и ближним». «Отдадимся без роптания во власть премудрости и добродетелей, — заключал Олешев предисловие к «Вождю». — Они поведут нас истинным путем во храм святого благочестия и блаженного спокойствия».

Юнг вполне соответствовал целям Олешева, и фрагменты из «Ночных мыслей» были помещены в обоих сборниках наряду с сочинениями немецких и французских моралистов. В «Цветы» вошли отрывки из I «ночи», переведенные с упоминавшегося уже французского перевода в «Choix littéraire» (184). В «Вожде» в качестве посредника был использован перевод Летуэрнера, из которого были взяты II «ночь» полностью и отрывок из V «ночи»; переводил их уже не Олешев, а кто-то другой, скрывшийся под криптонимом А. Б. (192).

Перевод Летуэрнера служил основным источником для русских переводчиков «Ночных мыслей» вплоть до самого конца XVIII в. С него переводили отдельные «ночи» и некий Осип Лузанов, озаглавивший свою книжку «Вопли Эдуарда Юнга» (198), и Николай Смирнов (196), писатель-крепостной, отданный в солдаты,²⁷ и сотрудница сентименталистских журналов Мария Боске (205, 206). Только в 1799 г. был опубликован первый полный русский перевод «Ночных мыслей», сделанный

писателях XVIII века и библиографические известия об их произведениях. «Русская старина», 1870, т. I, № 5, стр. 463—465; А. И. Ходнев. История имп. Вольного экономического общества с 1765 до 1865 года. СПб., 1865, стр. 26, 181.

²⁶ М. Н. Муравьев, Соч., т. II, СПб., 1856, стр. 297; см. также стр. 273—274. — «Ты музам жертвуешь и мудрости досугом», — писал Муравьев в «Эклоге к его превосходительству Алексею Васильевичу Олешеву» (М. Н. Муравьев. Стихотворения. Л., 1967, стр. 85). Ср.: «Письмо к его превосходительству Алексею Васильевичу Олешеву о некончаемой славе наук» В. Г. Рубана (192, стр. 161—167).

²⁷ В «Предуведомлении переводившего» Смирнов указывал, что помимо перевода Летуэрнера он имел перед собой и английский оригинал (см.: 196, стр. 4), однако знакомство с английским текстом на переводе не отразилось.

о оригинала (204). Предполагают, что переводчик, подписавший «Предупреждение» инициалами С. Д., был Степан Семенович Джунковский (1762—1839)²⁸ — ученый, специалист по сельскому хозяйству, с 1803 г. секретарь Вольного экономического общества. В 1784 г. он был отправлен в Англию для усовершенствования в науках и провел там семь лет. Он настолько овладел английским языком, что по возвращении в Россию был назначен обучать ему великих княжен. Джунковский занимался литературой и даже писал стихи, впрочем довольно неуклюжие, а также переводил научные сочинения.²⁹

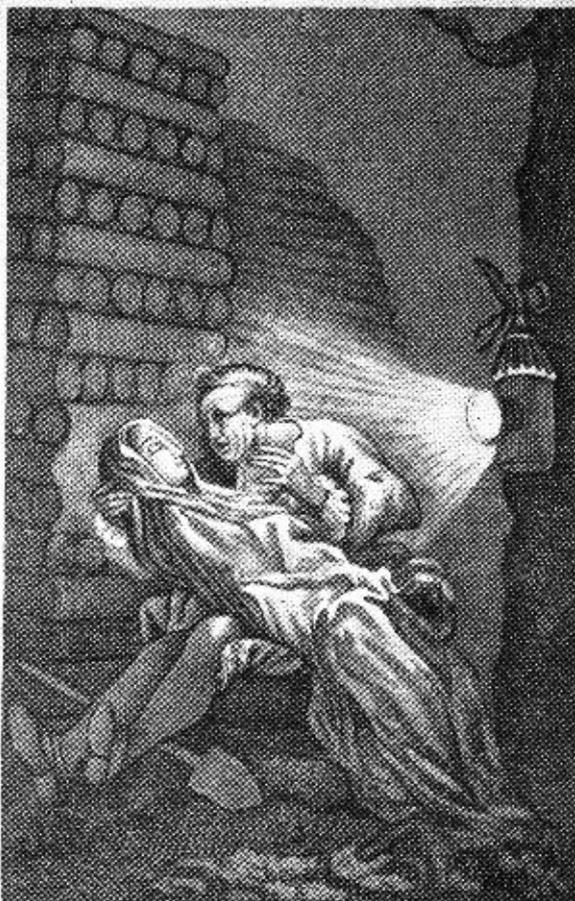
Обращение к подлиннику отмечалось на титульном листе, где английский поэт был назван Юнг в противовес традиционному написанию, идущему от французского произношения (хотя в «Предупреждении» сохранялась старая форма — Юнг), и всячески подчеркивалось в «Предупреждении». Противопоставляя свой труд предшествующему переводу, С. Д. писал: «...со стороны переводчика всевозможное употреблено старание, чтоб везде сохранить в точности смысл, а часто слова и выражения аглинского подлинника... Отрывистый во многих местах слог, пышность или простота покажут сочинителя, каков он есть; излишняя гладкость и плавность, может быть, сделали бы Юнга поверхностным и обыкновенным писателем». Признавая поэтические достоинства «Ночных мыслей» («сие творение на аглинском языке писано белыми стихами и самым дерзновенным и новым стилем»), переводчик, однако, более важным считал нравственное содержание поэмы. «Паче всего желать должно, — писал он, — чтобы российские читатели могли восчувствовать в сем точном переводе весь жар человеколюбивого и благоговейного Юнга, и при чтении его пленялись бы более важностию и высокостию божественных мыслей, нежели красотою его слога. Сим образом... Юнг останется любимым в России, как и во всей Европе, писателем» (204, ч. I, с. XXI—XXIII).

Новый перевод был действительно сделан с оригинала, причем довольно точно. Но примечания к нему были почти полностью заимствованы из издания 1785 г. Оттуда же был взят перепечатанный здесь перевод «Торжество веры, или Любовь побежденная» (см. 215). «Страшный суд» был помещен в переводе Щербатова. Новым был лишь перевод «Вольное переложение некоторых мест из книги Иова» (224).

Отношение к Юнгу в XVIII в. как к моралисту в первую очередь, а не поэту послужило причиной успеха, которым пользовалась в России антология Жюли Карон «L'existence réfléchie...»,

²⁸ См.: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725—1800, т. III. М., 1966, стр. 450—451, № 8720.

²⁹ См.: Д. Приклонский. Биография тайного советника С. С. Джунковского. «Северная пчела», 1840, 20 мая, № 112, стр. 447—448.

Человек дала мать погребение своей дочери.

Фронтиспис к книге «Плач, или Нощные мысли . . . Г. Йонга»
(ч. II, СПб., 1799).

Гравюра скопирована с фронтисписа книги:
«Les nuits d'Joung, traduites de l'anglois par M. le Tourneur» (t. II, Paris, 1769),

П Л А Ч Ъ

и ли

НОЩНЫЯ МЫСЛИ

О

жизни, смерти и безсмертіи,

Аглинское швореніе

Г. ЙОНГА,

Съ присовокупленіемъ двухъ поэмъ: 1) Страш-
ный судъ, 2) Торжество вѣры надъ любовію, и
3) Волнѣнаго предложенія изъ книги Іова, шво-
ренія сего же знаменитаго Писателя.

Вновь переведено

съ Аглинскаго подлинника,
съ описаніемъ жизни Сочинителя,
многими новыми примѣчаніями

и

Съ двумя гравированными картинами.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ВЪ САНКТ-ПЕТЕРБУРГѢ

Въ Типографіи Г. М. Коллеги

1799 года.

Съ дозволенія С. П. Б. Цензуры.

«Плач, или Нощные мысли . . . Г. Йонга» (СПб., 1799).
Титульный лист второй части.

выходившая под различными заглавиями. Уже в 1787 г. появляется первый анонимный перевод «Бытие разумное, или Нравственное воззрение на достоинство жизни», затем переизданный спустя 25 лет (195).³⁰ В 1790 г. за тот же труд берется Карп Власьевич Мисловский, в прошлом студент Московского университета и сотрудник масонского «Покоящегося трудолюбца».³¹ Перевод Мисловского «Разумное существо, или Нравоучительное рассуждение о цене жизни» (197) не был издан и сохранился в рукописи.³² В середине 90-х годов И. И. Дмитриев перевел разделы из антологии Карон для сентименталистского журнала «Приятное и полезное препровождение времени» (199—201). В 1798 г. преподаватель инженерного корпуса Александр Яковлевич Андреев переводит антологию целиком и издает ее под заглавием «Дух, или Нравственные мысли славного Юнга, извлеченные из Нощных его размышлений» (202). К антологии Карон Андреев присоединил подборку религиозно-дидактических стихотворений русских и иностранных поэтов.

И Андреев, и его предшественники своим переводам предпосылали предисловие Жюли Карон. Иное предисловие было помещено к изданной также в 1798 г. книге «Картина бытия, помышлением созерцаемая, или Умственное воззрение на драгоценность жизни» (203). Переводчиком ее был Николай Морозов «главного госпиталя ученик».³³ Хотя он обозначал на титульном листе «перевод с англнского», сравнение текстов показывает, что источником служила та же антология Жюли Карон. Морозов только исключил из нее два раздела («Религия» и «Страшный суд»), несколько изменил порядок остальных и добавил в конце два фрагмента, не имеющих прямой связи с Юнгом: «О человеке» и «О страстях». В предисловии не упоминались ни Юнг, ни Летурнер. «Намерение мое было в сочинении сея книжки, — писал Морозов, — то, чтобы в ней заключить всю нравственность, какую можно почерпнуть из всех положений жизни, и предложить единственный благородный и трогательный способ пользоваться ими для собственного блаженства».

³⁰ В печатной карточке Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина переводчиком назван кн. Вадбольский, представлявший перевод в цензуру (см.: Осьмнадцатый век, кн. 1. М., 1869, стр. 497), однако в «Сводном каталоге русской книги гражданской печати XVIII века» (т. III, стр. 449, № 8710) эта атрибуция не указывается.

³¹ См.: С. П. Шевырев. История имп. Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. 1755—1855. М., 1855, стр. 260; П. Н. Берков. История русской журналистики XVIII века, стр. 411.

³² ГБЛ, ф. 152, № 120. См.: «Записки отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина», вып. 19, М., 1957, стр. 19—20.

³³ См.: В. Н. Рогожин. Дела «Московской цензуры» в царствование Павла I как новые материалы для русской библиографии и словаря русских писателей. Вып. II. Пгр., 1922, стр. 54, № 237.

В числе переводившихся произведений Юнга была и апокрифическая переписка с Фонтенелем, пользовавшаяся несомненной популярностью в России. Первый перевод появился в малоподходящем для этого издании — юмористическом журнале «Рассказчик забавных басен», который издавался А. О. Аблесимовым и печатался в Московской университетской типографии на средства Н. И. Новикова; последний, возможно, и порекомендовал издателю обратиться к Юнгу. Письма Юнга и Фонтенеля печатались вразбивку, перемежаясь сатирическими и назидательными рассказами и баснями,³⁴ причем переход осуществлялся с помощью стихов вроде следующих, помещенных после первого письма:

Сево тут только есть;
А продолжение лъзя опосле прочеть!
Когда войдет сия история вся в сборку...
Меж этим поведем свою мы поговорку:
Там Ночи лишь идут и бдящий Юнг не спит;
А мой несчастный Юнг заснул и уж храпит!
Лежал он на кровати,
Што ж грезилось ему? Скажу здесь это кстати.

Следующий перевод появился спустя десятилетие в академическом журнале «Новые ежемесячные сочинения».³⁵ Перевод, сделанный неким Александром Савостьяновым, был полным и включал также предпосланную переписке вводную заметку Делиль де Сая с характеристикой обоих корреспондентов. Одновременно последнее письмо Юнга было опубликовано отдельно в сборнике «Новая новинка».³⁶

В начале XIX в. появилось сразу два перевода переписки: М. Т. Каченовского — в «Иппокрене»³⁷ и М. М. Вышеславцева, преподавателя иностранных языков Троице-Сергиевской семинарии и сотрудника сентименталистских журналов, — в отдельном издании.³⁸ Известно также, что Андрей Тургенев примерно в то же время собирался переводить переписку, что вызвало сочувственный интерес Карамзина.³⁹ Однако о судьбе перевода сведений не сохранилось.

³⁴ «Рассказчик забавных басен, служащих к чтению в скучное время, или когда кому делать нечего. Стихами и прозою». 1781, ч. II, л. 38, стр. 92—93; л. 40, стр. 105—109; л. 41, стр. 113—116; л. 45, стр. 145—149; л. 46, стр. 153—154; л. 51, стр. 197—200.

³⁵ Оставшиеся письма Фонтенеля и доктора Юнга. Перевел с французского из книги, называемой *La Philosophie de la Nature*, Александр Савостьянов. «Новые ежемесячные сочинения», 1792, март, ч. LXIX, стр. 83—102.

³⁶ Письмо доктора Юнга к Фонтенелю из Лондона. Перевед(ено) с французского. Новая новинка, или Всево понемножку, в стихах и прозе, забавное творение. СПб., 1792, стр. 59—63.

³⁷ Письма Фонтенеля и доктора Юнга, по смерти их изданные. С французского М. Каченовский. «Иппокрена, или Утехи любословия», 1801, ч. XI, стр. 65—85.

³⁸ Письма Фонтенеля и Юнга. Перевел Вышеславцев. М., 1801, 48 стр.

³⁹ См.: Е. Бобров. Литература и просвещение в России XIX в. Материалы, исследования и заметки, т. III. Казань, 1902, стр. 129—130;

Первые суждения о Юнге в русской печати, упоминания его имени обнаруживаются в переводных журнальных статьях. Так, наиболее раннее из известных нам содержится в статье «Повествование человеческого разума», переведенной А. А. Нартовым, по-видимому, с немецкого языка и помещенной в «Опыте трудов Вольного российского собрания при имп. Московском университете». В главе «О климате», где говорится о том, что климат Англии способствует развитию стихотворческого дара, Юнг назван среди других поэтов его страны: «Кому не известен творческий дух и удивления достойная сила воображения Мильтона, сила воображения и проникание в человеческие страсти аглинского Плавта Шакаспера, гармоническое Попия, приятное Валлера, печальная нежность Приора, пылающий огонь Июнга?».⁴⁰ В другой главе — «О летах, или о старости и веке» Юнг приводится в пример человека, сохранявшего в старости силу ума: «Июнг оказывает в самой древности своей неподражаемую и пылкую силу воображения: письмо его к Рихардсону из подлинников являет еще руку мастера, который много собственного имеет».⁴¹ Выражение «письмо к Рихардсону из подлинников» показывает, что переводчик не имел представления о написанном в форме «письма к автору Грандисона» эстетическом трактате Юнга «Размышления об оригинальном творчестве». Вообще этот трактат, сыгравший большую роль в становлении европейской преромантической эстетики, в России XVIII в. оставался как бы незамеченным; первый русский его перевод появился только в 1812 г. (233).

Ранняя характеристика Юнга содержится в письме Простякова к Рассказчику, которое предваряет переписку Юнга с Фонтенелем в «Рассказчике забавных басен» и, возможно, написано самим Аблесимовым. Здесь сказано, что Юнг был «рожден с отменной чувствительностию, так что самая малая радость или печаль непосредственно растворяла его сердце: после смерти его жены, которую он страстно любил, дух его казался быть пригвожденным чрез десять лет к ее гробу: и в наижесточайшей своей печали он, ходя на кладбище, писал *поему* Ночей на аглинском его природном языке».⁴² Характеристика эта почти дословно воспроизводила соответствующий текст Делиль де Сая, предпосланный переписке.⁴³

Как мы отмечали, в России XVIII в. Юнга скорее рассматривали в ряду мыслителей и моралистов, чем поэтов. Характерно, что в статье журнала «Утра» «Нечто о переводах», говоря о «новой-

А. Н. Веселовский. В. А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения». Пгр., 1918, стр. 77.

⁴⁰ Опыт трудов Вольного российского собрания при имп. Московском университете, 1776, ч. III, стр. 331.

⁴¹ Там же, 1778, ч. IV, стр. 246.

⁴² «Рассказчик забавных басен», 1781, л. 38, стр. 90—91.

⁴³ Ср.: De la philosophie de la nature. . . , t. III, pp. 131—132.

ших писателях. . . коих сочинения могут преимущественно пред другими быть переведенными», анонимный автор называет: «г. Локка, Паскаля, Картезия и Юнга. . . четвертого бессмертные ночи».⁴⁴ В журнале «Покоящийся трудолюбец» в статье «О употреблении времени» приводилась сентенция Юнга о необходимости беречь время,⁴⁵ и т. п.

Тем не менее постепенно формируется представление о Юнге как о скорбном и трогательном поэте, питающем чувствительные сердца сладостной печалью. Один из основоположников русского сентиментализма М. Н. Муравьев в «Письме к ***» (1783), вспоминая юношеские мечтания, «чувствительности глас», рядом с Руссо, автором «Новой Элоизы», называет и Юнга:

То британский муж в «Ношах» изображал нам свет
Картиной, в коей мрак сдает слабый свет,
Возлюбленных детей оплакивая тризны.⁴⁶

Кутузов в примечаниях к «Плачу Эдуарда Юнга» пишет: «Несчастный стихотворец, умевший столь хорошо преселить горесть свою в жалости исполненные стихи, а из сих в тронутую читателя душу, которую наполняют они сладостно горестию». Однако для Кутузова главное в Юнге не чувствительность, но дидактизм, позволяющий «все происшествия жизни своей обращать в пользу собратии своей и к истинному своему благу» (194, 1785, ч. I, стр. 22).⁴⁷

И только Карамзин в 1787 г. в программном стихотворении «Поэзия» окончательно формулирует сентименталистское понимание Юнга-поэта. В этом стихотворении он излагал свой взгляд на божественное происхождение поэзии (идея, восходящая к воззрениям масонов) и перечислял великих поэтов, которые, как замечал в примечании, «наиболее трогали и занимали его душу».⁴⁸ Демонстративно игнорируя французскую литературу, он прямо от древности переходил к Англии («Британия есть мать поэтов величайших») и называл близких ему английских поэтов: Оссиана, Шекспира, Мильтона, Юнга и Томсона. О Юнге Карамзин писал:

О Юнг, несчастных друг, несчастных утешитель!
Ты бальзам в сердце льешь, сушишь источник слез,
И с смертию дружа, дружишь ты нас и с жизнью!⁴⁹

⁴⁴ «Утра», 1782, июль, л. 4, стр. 59.

⁴⁵ «Покоящийся трудолюбец», 1784, ч. II, стр. 148.

⁴⁶ М. Н. Муравьев. Стихотворения, стр. 216.

⁴⁷ Ср. примечания: 194, 1785, ч. I, стр. 259, прим. 25, стр. 349—350, прим. 7, стр. 379, прим. 23.

⁴⁸ Н. М. Карамзин. Полн. собр. стихотворений. М.—Л., 1966, стр. 61.

⁴⁹ Там же, стр. 62. — «Гроза счастливых и утешитель несчастных» — назвал Карамзин Юнга в «Письмах русского путешественника» (Н. М. Карамзин, Избр. соч., т. I, М.—Л., 1964, стр. 574).

Утверждение сентименталистских концепций в русской литературе 1780-х годов не приостановило освоение поэзии Мильтона и Попа. Напротив, число переводов из этих авторов постепенно возрастает. Творчество Мильтона легко истолковывалось в сентименталистском духе. Обращение в «Потерянном и возвращенном рае» к библейской мифологии (в противовес античной мифологии, которую использовали классицисты), идиллические картины «естественного» бытия первой супружеской четы в неоскверненном мире, наконец, меланхолические мотивы ранней лирики («*Il penseroso*») делали его как бы предшественником английской сентименталистской и преромантической поэзии, в которой явственно ощущается его влияние.

Важнейшие русские переводы XVIII в. из Мильтона появляются в конце 70-х годов. В 1777 г. выходит прозаический перевод трех песен «Потерянного рая», выполненный придворным поэтом В. П. Петровым (74). Петров занимался им в Англии, куда был послан в 1772 г. для продолжения образования.¹ В посвящении переводчик писал: «Скучась рифмами в *Виргилии*,² отдыхаю я прозой в *Мильтоне*. И где пристойнее могу я утопить все суеты мира, бременящие меня яко смертного, как не в *Мильтоновом аде*? С сим песнопевцем приятнее странствовать по преисподней, нежели с другими по *Елисию*. . . Ад есть его воображения область».

Перевод Петрова не был завершен и, несмотря на его литературные достоинства, был вытеснен³ довольно посредственным, хотя и полным, переложением французского перевода Дюпре де Сен Мора (75). Сделано оно было Амвросием (А. Н. Серебренниковым, 1745—1792), архиепископом екатеринославским, и издано Новиковым. В «Предуведомлении» переводчик восхвалял «красоты неподражаемые» поэмы Мильтона, «которые, сколь ни кажутся быть стихотворческие, однако почерпнуты из слова божия. Кроме того, любил он (*Мильтон*, — *Ю. Л.*) из греческих писателей особливо *Гомера*, а из латинских *Овидиевы превращения*.

¹ См.: И. Шляпкин. В. П. Петров, «карманный» стихотворец Екатерины II (1736—1799). «Исторический вестник», 1885, № 11, стр. 390—391.

² Имется в виду выполненный александрийскими стихами перевод «Еней, героическая поэма» (1770—1786).

³ Впрочем, в 1860-е годы С. П. Шевырев писал о переводе Петрова: «... эта книга и до сих пор одно из любимых чтений нашего народа» (С. П. Шевырев. Лекции о русской литературе, читанные в Париже в 1862 году. СПб., 1884, стр. 181). Отметим также, что на перевод Петрова опирался И. Юнгман, считающийся создателем чешского литературного языка, когда он в 1800—1804 гг. переводил «Потерянный рай» (см.: Г. А. Лиллч. Об одном источнике русских заимствований в чешской поэтической лексике. В кн.: Исследования по эстетике слова и стилистике художественной литературы Л., 1964, стр. 140—148).

Все сие, соединясь с духом стихотворческим... разлило то великолепие, ту силу и приятность по всем частям поемы его, которые в других сего рода сочинителях редко видны. Рассуждения его глубоки, мысли остры, подобия велики, страсти пылки, описания живы». В то же время православный иерарх находил в поэме «погрешности»; одни из них были вызваны тем, что поэт «придержался арианской ереси», другие касались «до закона», т. е. содержали отступления от священного писания. К числу последних, в частности, были отнесены слова ангела в пятой книге о том, что он человеческую пищу «вкушати может и превратить в существо своё»; здесь, утверждал Амвросий, «писатель влагает в уста ангела разговор материалиста». Все эти «погрешности» были из перевода устранены.

Двумя годами ранее, в 1778 г., учитель риторики и пиитики Троицкой семинарии Иван Грешищев перевел весьма неуклюжей прозой «Возвращенный рай» с французского перевода П. Марейя (81). Переводы Амвросия и Грешищева переиздавались до конца века. В новом столетии, уже после смерти Амвросия, они были объединены (причем «Возвращенный рай» подвергся редактированию) и в таком виде изданы еще три раза.

Пользовалось известностью и «П pensegoso», неоднократно переводившееся начиная с 1780 г. (82—85).

За Мильтоном упрочивается слава чувствительного и возвышенного поэта.

И ты, другой слепец, чувствительный Мильтон!
Еще несется твой сквозь веки жалкий стон,⁴ —

воскликает М. Н. Муравьев в стихотворении «Зрение» (1780-е годы). «Многие из нас... — говорится в цитированной уже статье «Нечто о переводах», — не разумея аглинского, удивляются пылкому воображению Мильтона».⁵ «Возвышенность Милтона приводит в восторг», — пишет М. Пахомов в статье «О красноречии».⁶

Идиллический аспект поэзии Мильтона подчеркнул Муравьев в стихотворении «Роща» (1777); рисуя нежную встречу земледельца и его супруги, он заключает:

Можно ль подслушать супругов и тайны, одним им известны?
Только небесный певец, единый Мильтон то умеет:
Все восхищенья представить, и в самой их страсти безвинны,
И серафимов собор показать Адаму вокруг Еввы.⁷

⁴ М. Н. Муравьев. Стихотворения, стр. 161.

⁵ «Утра», 1782, июль, л. 4, стр. 58.

⁶ «Растущий виноград», 1786, июль, стр. 33.

⁷ М. Н. Муравьев. Стихотворения, стр. 171.

Десятью годами позднее молодой Карамзин в стихотворении «Поэзия» охарактеризует создателя «Потерянного рая» в сентименталистском восприятии:

Мильтон, высокий дух, в гремящих страшных песнях
Описывает нам бунт, гибель Сатаны;
Он душу веселит, когда поет Адама,
Живущего в раю;⁸ но, голос испуствует,
Вдруг слезы из очей ручьями извлекает,
Когда поет его, подпадного греху.⁹

Своеобразное преломление получает в это время в России поэзия Попа. «Опыт о человеке» в переводе Поповского продолжает пользоваться популярностью и переиздаваться (см. 108). На «Опыт» ссылаются при утверждении теодицеи. Так, профессор логики, метафизики и математики Московского университета Д. С. Аничков в 1779 г. говорил: «... все устроится промыслом Божиим во благо, хотя бы чего мы своим разумом и постигнуть не могли, как то и славный аглинский стихотворец Попий объясняет».¹⁰ Эпиграфы из «Опыта» мы находим и в «Утренних часах» Рахманинова,¹¹ и в «Московском журнале» Карамзина.¹² Его цитирует Муравьев.¹³

«Похищенный локон волосов» был переиздан в 1788 г. (124), кроме того, иронико-комическая поэма Попа упоминалась¹⁴ и даже пространно цитировалась (125) в переводных статьях, рассказы-вающих о быте светской женщины. Тем не менее ни «Похищенный локон», ни даже «Опыт о человеке» не являются уже теми произведениями, которые наиболее привлекают читателей и переводчиков

Из Попа извлекается то, что как-то может соответствовать новым литературным веяниям. Его центральные произведения, характеризующие его как поэта-классика («Дунсиада», «Опыт о критике», «Моральные опыты», сатиры), не вызывают никакого интереса. Зато пользуется особым успехом проникнутое патетиче-

⁸ В «Письмах русского путешественника» Карамзин назвал «Мильтоново описание Адама и Евы» «лучшим цветком британской поэзии» (Н. М. Карамзин, Избр. соч., т. I, стр. 572).

⁹ Н. М. Карамзин, Полн. собр. стихотворений, стр. 62.

¹⁰ Слово о превратных понятиях человеческих, происходящих от излишнего упования, возлагаемого на чувства... в имп. Московском университете июня 30 дня 1779 году говоренное... Дмитрием Аничковым. М., 1779, стр. 9—10.

¹¹ См.: «Утренние часы», 1788, ч. I, нед. 3, 4 мая, стр. 33 (статья «О пользе и необходимости нравственной науки»).

¹² См.: «Московский журнал», 1791, чч. I—IV (тит. л.). Об отношении Карамзина к Попу см.: А. Галахов. Карамзин как оптимист. «Отечественные записки», 1858, т. CXVI, № 1, стр. 107—146.

¹³ См.: М. Н. Муравьев, Полн. собр. соч., ч. III, СПб., 1820, стр. 1 (статья «Нравоучение»).

¹⁴ См.: Чудный случай. «Покоящийся трудолюбец», 1784, ч. I, стр. 208—209.

ским лиризмом послание Элоизы в Абеяру, где меланхолические раздумья героини развертываются на «романтическом» фоне средневекового монастыря. Первый стихотворный перевод послания издается пять раз (94). Затем появляются новые переводы (95—97); один из них принадлежит В. А. Озерову — будущему известному драматургу.¹⁵

В новиковском «Московском ежемесячном издании» печатается перевод «священной эклоги» «Мессия», вдохновленной образами библейской поэзии (112). Новые переводы эклоги публикуются и в дальнейшем (113—115). По несколько раз переводятся другие религиозные стихотворения Попа: «Всеобщая молитва» (128—133), «Умиравший христианин к своей душе» (92, 93). Наконец, интерес к идиллической поэзии привлекает внимание к «Пасторалам» Попа (118—121). Такая избирательность в переводах существенно изменяла облик поэта, представленного русским читателям.

6

После Юнга в 1780-е годы на русский язык начинают переводиться другие поэты-сентименталисты: Томсон и Грей. Из всего наследия Томсона внимание привлекают только «Времена года» (*Seasons*, 1726—1730) — описательная поэма, получившая всеевропейское распространение и славу. Остальные его произведения остаются неизвестными большинству читающей публики.¹

Созданный Томсоном жанр описательной поэмы, как мы уже писали, являлся в сущности дериватом дидактической поэмы — жанра многосоставного и разнообразного, включавшего в себя наряду с рассуждениями, наставлениями всякого рода описания как естественных, так и социальных явлений и предметов, а также повествовательные эпизоды. Сентименталистская концепция благой природы — наставницы истины и добра — способствовала выдвиганию на первый план описательного элемента, который становился средством изображения природы в ее красоте и благом величии. Рационалистическое поучение при этом утрачивало ведущую роль и вытеснялось выражением эмоций.

Осмысление нового жанра происходило постепенно, по мере формирования сентименталистского мировоззрения. «Времена года» толковались и автором и его современниками как разновидность дидактической поэмы, вариант подражания «Георгикам» Вергилия.² Только в 70-е—80-е годы XVIII в. появились утверждения, что

¹⁵ Об этом переводе см.: И. Н. Медведева. Владислав Озеров. В кн.: В. А. Озеров. Трагедии и стихотворения. Л., 1960, стр. 16—17.

¹ Единственным исключением является «Hymn on Solitude» Томсона, дважды переведившийся на русский язык: в 1784 и 1800 гг. (151, 152).

² См.: A. D. McKillop. The background of Thomson's *Seasons*. Minneapolis, 1942, pp. 1—4.

описательная поэма существенно отличается от дидактической, что основная ее цель — описание, а побочная — поучение. Изменялось и отношение к «Временам года»: научно-дидактический элемент поэмы обесценивался, а пейзажные картины приобретали все большее значение.³

В частях своей поэмы, посвященных отдельным временам года, Томсон показывает, как постепенный приход и установление весны, осени, зимы воздействуют на человека, животный и растительный мир. Несколько иной план имеет «Лето», где описывается летний день от восхода до заката. Картины английской природы, крестьянского труда и отдыха постоянно прерываются рассуждениями на философские и религиозно-этические темы: о боге, любви, гуманности, благотворительности, — популярным изложением научных фактов, ссылками на историю, изображением жизни в далеких широтах или в фантастическом «золотом веке», восхвалением сельского хозяйства, сельской жизни, торговли, вставными новеллами и т. д.

Томсон не первый стал изображать природу, но только у него она заняла господствующее место в произведении. И хотя он еще во многом оставался в рамках классической эстетики и строил свои пейзажи по принципу типизации и обобщения, избегая и специфического «местного колорита» и субъективной окраски ландшафта, само многообразие изображенных предметов и наглядность изображения, а также утверждение примата природы над человеком выражали уже новые эстетические принципы.⁴ Превращение пейзажа в основной объект поэзии необходимо влекло за собой усиление лиризма, ибо пейзаж лишен объективного сюжета и воссоздание его в литературе невозможно без передачи переживаний автора.

Отношение Томсона к природе чисто созерцательное. Поэт приближается к эмоционально окрашенному пантеизму. Сила природы, управляющая миром, равнозначна богу. Идея природы как божественного откровения наиболее полно выражена в заключительном «Гимне временам года»; она также проходит через всю поэму и в значительной мере служит моментом, объединяющим разнородные ее части. Времена года выражают собою божественный порядок, и поэтому их изображение является одновременно прославлением бога.⁵ Этот один из основных мотивов поэмы имел в дальнейшем большое значение для распространения ее влияния.

³ См.: Ralph Cohen. The art of discrimination. Thomson's «The Seasons» and the language of criticism. Berkeley and Los Angeles, 1964, pp. 131—187 (ch. III. The reconsideration of description).

⁴ См.: E. Anwander. Pseudoklassizistisches und Romantisches in Thomsons «Seasons». «Beiträge zur englischen Philologie», Bd. XIII, No. 1, 1930.

⁵ См.: P. M. Spacks. The varied god. A critical study of Thomson's The Seasons. Berkeley and Los Angeles, 1959, pp. 13—15, 22.

Важным достижением Томсона был приближающийся к реальности показ сельского быта. До него изображение крестьянина в пасторальной литературе так же мало соответствовало действительной сельской жизни, как и герои ее походили на реальных пастухов. Коллизии и перипетии, в основном любовные, были заимствованы из дворянского романа и поэзии и только перенесены в условную сельскую обстановку.⁶

В поисках форм человеческого общежития, наиболее близких к природе, английские сентименталисты обращались к жизни деревни и истолковывали ее патриархальность и консервативность как совершенное «естественное» бытие. В значительной степени их представления о деревенской жизни строились на негативной основе, как прямая противоположность городу, где извращающая людей цивилизация делает их суетными, порочными рабами своих страстей и прихотей. В деревне жизнь человека гармонично сочетается с жизнью природы; она естественна, нравственна и покойна. Крестьянину присущи трудолюбие, благочестие, жизнерадостность, простота, невинное чувствительное сердце, обуздывающее эгоистические страсти; он беден, но счастлив, ибо довольствуется многим.

Томсон изобразил в идиллических тонах типичные картины деревенского труда и быта: весной — пахоту и сев, летом — косьбу и стрижку овец, осенью — жатву и праздник урожая, зимой — вечерние посиделки. Изображая их, поэт стремится возбудить к крестьянам сочувствие и жалость — эмоции, которых чуждался классицизм. Жизнь крестьян у Томсона представлена вне развития, как некое состояние, а не действие. И это было закономерным следствием сентименталистского представления о деревенской жизни, которая противопоставлялась суетности и беспокойству города именно как покой и мир. Она выглядела статичной не потому, что Томсон использовал жанр описательной поэмы, а, напротив, жанр был использован в соответствии с представлениями о ней. Более того, три сюжетные новеллы, введенные Томсоном в поэму, почти не связаны с реальным крестьянским бытом. История Селадона и Амелии (Summer, II. 1171—1222) о девушке, убитой молнией в объятиях своего возлюбленного, вообще не имеет социального прикрепления. Другой рассказ о том, как пастух Дамон увидел купающуюся свою возлюбленную пастушку Музидору, после чего они обменялись любовными посланиями (Summer, II. 1268—1369), возвращал повествование к искусственному сюжету пасторали с ее игривостью. Наконец, сословные мотивы пронизывают рассказ о благородной, но обедневшей Лавинии

⁶ Подробнее об этом см.: в нашей статье «Крестьянская тема в английской поэзии XVIII—начала XIX веков и деревенские поэмы Джорджа Крабба» (в кн.: Из истории демократической литературы в Англии XVIII—XX веков. Л., 1955, стр. 6—7).

(Autumn. II. 177—310), которая собирала оставшиеся после жнецов колосья и пленила местного помещика Палемона, некогда облагодетельствованного ее покойным отцом. Характерно, что герои вставных новелл носят условные пасторальные имена, подчеркивающие их удаленность от реальных крестьян.

«Времена года» положили основу описательной поэзии в Англии и вызвали здесь множество подражаний. Большой успех имела поэма на европейском континенте, во Франции, Германии, Италии и т. д., вплоть до скандинавских стран. При этом особенно ценилась философия Томсона: рассуждения о боге, природе, человеке, о сельской жизни и семейных радостях. Изображение чувств человека при общении с природой интересовало больше, чем изображение самой природы.

История Томсона во Франции⁷ начинается с 1759 г., когда был опубликован первый перевод «Времен года», выполненный г-жей Бонтан (Bontems).⁸ Перевод был, как обычно во Франции, прозаический, не слишком точный: то сглаживал резкости оригинала, то приукрашивал авторскую ретику. Но он пользовался большим успехом и многократно переиздавался не только в Париже, но и в Берлине, Амстердаме и даже в Лондоне, пока в начале XIX в. не был вытеснен новыми переводами. Пример Томсона вызвал множество подражаний, из которых наибольшее значение имели «Времена года» (1769) Сен-Ламбера, «Месяцы» (1779) Руше, «Сады» (1782), «Сельский житель» (*L'homme de champs*, 1800), «Воображение» (1806) и «Три царства природы» (1809) аббата Делиля. Однако в этих произведениях изображение природы и особенно сельской жизни приобретало во многом условный характер.

В Германии описательно-дидактическая поэма возникла независимо от Томсона, но знакомство с «Временами года» способствовало развитию новых тенденций.⁹ Начиная со стихотворного перевода Б. Г. Брокеса (1745) до конца XVIII в. были опубликованы еще четыре перевода: два прозаических — Пальтена (1758) и Тоблера (1757—1764) и два стихотворных — Людвиг Шубарта (1789) и Гарриса (1796). Новые немецкие переводы появлялись и в первой трети XIX в. Переводились «Времена года» также немцами, проживавшими в Петербурге.¹⁰

«Времена года» оказали влияние на немецкую литературу как в Германии, так и в немецкой части Швейцарии. Следует отметить

⁷ См. M. M. Cameron. *L'influence des Saisons de Thomson sur la poésie descriptive en France (1759—1810)*. Paris, 1927.

⁸ *Les saisons. Poème. Traduit de l'anglois de Thompson*. Paris, 1759.

⁹ K. Gjeiset. *Der Einfluss James Thomsons' «Jahreszeiten» auf die deutsche Literatur des achtzehnten Jahrhunderts*. Heidelberg, 1898.

¹⁰ *Der Frühling, nach Thomon*. St. Petersburg, 1786; *Thomsons Jahreszeiten*. St. Petersburg, 1819. — В рецензии на первое из указанных изданий сообщалось, что перевод «есть новое произведение и плод трудов Петропольского жителя» («Зеркало света», 1786, ч. II, № 20, 10 июня, стр. 56).

гекзаметрическую «Весну» (1749) Эвальда Клейста, оды Н.-Д. Гизеке («Ода весне», «Осень», 1747; «Зима», 1753), поэму Ю.-Ф.-В. Цахариэ «Четыре части дня» (1755), а также прозаические сочинения И.-Я. Душа «Описания из царства природы и нравов учения на все месяцы года» (1757—1760) и К.-К.-Л. Гиршфельда «Сельская жизнь» (1767) и «Осень» (1769). Воздействие Томсона испытали Клопшток и Геснер.

Немецкие и французские последователи Томсона были хорошо известны в России. Здесь перевсидились Клейст, Цахариэ, Гиршфельд, Сен-Ламбер, Руше и особенно Делиль. Если переводы названных французских поэтов относятся к XIX в., то немцев переводили уже в конце XVIII в. «Весна» Клейста и «Сельская жизнь» Гиршфельда появились на русском языке даже раньше полного перевода «Времен года» Томсона (1798).¹¹ А идиллии Геснера переводились начиная с 1770-х годов.¹² Поэтому, говоря о проникновении в Россию творчества Томсона, следует иметь в виду, что оно воспринималось и прямо, и косвенно, через его подражателей.

7

Двойственность сентиментализма, на которую мы указывали выше, проявилась и в России. Основной сентименталистский догмат о равенстве всех людей в достоинстве и глубине их внутренней жизни мог истолковаться двояко: консервативно (социальное неравенство может быть сохранено, ибо оно несущественно по сравнению с нравственным равенством) и революционно (социальное неравенство должно быть уничтожено, ибо оно противоречит нравственному равенству). Консервативные тенденции в русском сентиментализме были весьма сильны. Если у Томсона идиллическое изображение сельской жизни имело реальную основу в условиях патриархального существования английской деревни до аграрного переворота, то жизнь русской деревни конца XVIII в., испытывавшей всю полноту крепостного гнета, ни в коей мере не походила на идиллию. Поэтому изображение некоторыми русскими сентименталистами довольных, невинных «поселян» было целиком условным и по примеру французских писателей ориентировались больше на аристократическую пастораль, чем на действительность. Впрочем, нужно иметь в виду, что противопоставление простой и покойной сельской жизни пышности и суете города не было чисто сентименталистской концепцией; сентименталисты только развили

¹¹ Весна, поэма г. Клейста, или Изображение приятностей сего времени года с выводимыми из оных важными размышлениями и с присовокуплением описания жизни сего славного стихотворца и храброго воина. М., 1792; Сельская жизнь. Творение господина Гиршфельда. Перевел с немецкого студент Григорий Рубановский. М., 1792.

¹² См.: В. И. Резанов. Из разысканий о сочинениях В. А. Жуковского. Вып. 2, Пгр., 1916, стр. 483—486.

се и подвели под нее новое обоснование. Само же противопоставление имело длительную традицию и восходило еще ко второму эподу Горация «*Beatus ille, qui procul negotiis*». Представление о прелестях жизни на лоне природы лежало в основе классической пасторали. В России его развивал Сумароков в своем «Письме о красоте природы». Сентименталистский оттенок тема ухода из города в деревню, на лоно природы приобретает в поэзии Хераскова в 60-е гсды,¹ т. е. задолго до первых русских переводов из Томсона.

Раньше всего из «Времен года» стали известны вставные новеллы о Лавинии и Палемоне и о Дамоне и Музидоре: под заглавиями «Колосница» и «Умывальщица» они были опубликованы во втором томе «Новой сельской библиотеки», изданной Е. С. Харламовым в 1781 г. (153). «Библиотека» представляла собою перевод двух первых томов соответствующего французского издания, составитель которого наряду с всевозможными сюжетными фрагментами из разных произведений мировой литературы включил и два отрывка из Томсона в переводе г-жи Бонтан. Следы французского происхождения без труда обнаруживаются в русском переводе.²

И в дальнейшем вставные новеллы из «Времен года» неоднократно переводились и печатались отдельно, независимо от целой поэмы. В 1789 г. в «Детском чтении» была помещена без ссылки на Томсона «Лавиния, осенняя повесть» (161), переведенная с английского и написанная шестистопными белыми ямбами:

Любезная душой Лавиния младая
Имела перед сим приятелей, друзей,
И щастье в день ее рожденья улыбалось.
Но вдруг лишась всего во цвете юных лет,
Лишась подпюры всей — кроме подпюры Неба,
Невинности своей — она и мать ее,
Беднейшая вдова и в старости больная,
Под кровом шалаша спокойно жизнь вели. . .

Переводчик указан не был. Есть основания полагать, что это Н. М. Карамзин, которому в это время принадлежала ведущая роль в журнале.³

¹ См.: Г. Н. Поспелов. У истоков русского сентиментализма, стр. 11—13.

² Приведем характерный галлцизм в «Умывальщице»: «...но, познав руку своего любовника, ужас ее исчезает» (153, т. II, стр. 416). Выражение «*le poète de l'Arcadie*» («поэт Аркадии») Харламов ошибочно перевел в «Колоснице»: «стихотворец Аркадий» (в английском тексте: «*Arcadian song*», т. е. «аркадская песнь» — *Autumn*, I. 220).

³ На авторство Карамзина указывал еще А. Н. Неустроев (Историческое розыскание о русских повременных изданиях... СПб., 1874, стр. 378). Затем «Лавиния» печаталась в разделе стихотворений, приписываемых Карамзину: Карамзин, Соч., т. I, Пгр., 1917, стр. 329—333; Н. М. Карамзин. Полн. собр. стихотворений, стр. 360—364.

В начале 90-х годов сентименталистский журнал «Чтение для вкуса, разума и чувствований» опубликовал прозаические переводы всех трех вставных новелл. В «Прелестной жнице» (164), т. е. истории Лавинии в переводе некоего К***, имена героев были заменены более привычными для пасторалей; Лавинию заменила Розалинда, Палемона — Колин, Акаста (отца Лавинии) — Дамон. «Гроза» (165), т. е. рассказ о Селадоне и Амелии, была переведена П. С. Гагариным, генерал-поручиком, занимавшимся переводами с французского; и наконец, «Дамон и Музидора» (167) — упоминавшимся уже выше М. М. Вышеславцевым. Одновременно прозаический перевод «Собирающая класы Лавиния» появляется в тобольском журнале «Библиотека ученая. . .» (168). Ближе к концу века «отрывок» «Келадон и Амелия» печатается в «Санкт-Петербургском журнале», издателем которого был И. П. Пнин (171).

Повествовательные эпизоды из «Времен года» продолжали переводиться и в XIX в. В 1810 г. в «Вестнике Европы» была опубликована стихотворная повесть А. Ф. Мерзлякова «Селадон и Амелия», написанная александрийским стихом (177). Примечательно, что Мерзляков, поборник гражданской и героической поэзии, относился отрицательно к карамзинскому направлению в русской литературе, которое пропагандировало поэзию Томсона. И под его пером история Селадона и Амелии приобрела отсутствующие в оригинале торжественность и величавость. Приводим заключительные строки — Селадон завершает свое увещевание Амелии:

«Се гром — глагол суда для извергов земных, —
Как серафимский хор, крепит сердца святых.
Блажен, кто зрит тебя, блажен руководимый
Тобою в храм добра!» — Судьбы непостижимы!
Едва успел сказать. . . развился молний клуб,
И дева милая — бездушный холодный труп!

Наконец, в последний раз история Лавинии, переведенная прозой с перевода Бонтан, под заглавием «Жательница» публиковалась анонимно в «Северном Меркурии» (178).

Первые переводы, в какой-то мере отражавшие существенные элементы «Времен года», появились в 1784 г. в масонском «Покоящемся трудолюбце», который издавался Н. И. Новиковым и в основном заполнялся усилиями студентов Московского университета. Многие произведения в этом журнале были проникнуты новыми сентименталистскими настроениями: по-новому воспринимается природа, появляется тема уединения, сближения с жизнью естественной и т. д. В первой же части журнала был помещен «Имн всем временам года» (154) — прозаический перевод первых 36 строк заключительного «Гимна», сделанный по переводу Бонтан. Переводчик произвел некоторые характерные замены, устраняя возможность пантеистического истолкования. Уже первые строки

гимна, звучавшие по-французски: «Le changement des Saisons, Père toutpuissant, n'est que la Divinité diversifiée; l'année dans son cours est pleine de toi» (т. е. «Перемена времен года, всемогущий отец, это лишь изменяющееся божество; год в своем движении полон тобою»), — по-русски приобрел такой вид: «Премениение годовых времен, Всемогущий отец, не иное что есть, как преобразующееся естество; природа в течении времен оживотворяется тобою». Эта формулировка более соответствовала ортодоксальному христианству: бог только «оживотворяет» природу, но находится вне ее.

За «Имном» помещен прозаический отрывок «Весна» — близкие по тематике к Томсону фрагменты из поэмы Э. Клейста.⁴ В следующей же части журнала был напечатан аналогичный «Весне» отрывок «Лето», который, хотя и открывается отсутствующим у Томсона эпиграфом из Овидия, представляет собою монтаж фрагментов из «Времен года», переведенных с перевода Бонтан (155). Из томсоновского «Лета» переводчик извлек немного: приход лета, призыв к «невольнику роскоши» пойти насладиться природой, описание полуденного зноя и его воздействия на природу и человека, изображение грозы, историю Дамона и Музидоры и, наконец, заход солнца. Он опустил всевозможные рассуждения, в том числе и о боге и его воздействии на природу, а в пасторальной повести изменил конец, усилив игривость ее сюжета.

В той же части журнала напечатан и другой перевод из Томсона — «Песнь уединению» (151). В публикациях «Покоящегося трудолюбца» имя английского поэта не упоминалось. Вообще к середине 80-х годов в России его знали лишь немногие знатоки, такие, например, как М. Н. Муравьев, который в адресованном В. П. Петрову стихотворении «Успех британской музы» (1778) писал:

Что есть прекраснее Томсоновых картин,
Где видим рай весны или стихий раздоры
И ту счастливу сень, где с тайною один
Любовник зрителем пловущей Мусидоры.⁵

Но это стихотворение, где также названы Драйден, Мильтон, Шекспир, Поп, не публиковалось и оставалось неизвестным русским читателям, как и поэма «Времена года» подавляющему большинству из них. Характерно, что рецензия в «Зеркале света» 1786 г. на упоминавшееся петербургское издание «Весны» в немецком переводе была написана в столь неопределенных выражениях, что они обличают весьма смутное представление автора о поэте,

⁴ «Покоящийся трудолюбец», 1784, ч. I, стр. 246—250.

⁵ М. Н. Муравьев. Стихотворения, стр. 172. — В 1780-е годы в стихотворении «Посвящение тебе» Муравьев писал:

Да, Гловера читать, Томсона Шекспира
С сей стайе англичан соединить Омира, —
То стоит пышностей и городских сует...

(Там же, стр. 233)

о котором он писал: «Томсон в числе самых знаменитых аглинских стихотворцев всеми учеными обществами и знатоками сего рода творений поставленный, имея пылкое воображение, сопрягает мысли свои с быстротекущими представлениями и заключает в творениях своих красоты аглинскому языку свойственные и неподражаемые иногда в предложении».⁶

Решающее значение для распространения славы Томсона в России имела литературная деятельность Н. М. Карамзина. В цитированном уже программном стихотворении «Поэзия» он писал:

Природу возлюбив, Природу рассмотрев
И вникнув в круг времен в тончайшие их тени,
Нам Томсон возгласил Природы красоту,
Приятности времен. Натуры сын любезный,
О Томсон! ввек тебя я буду прославлять!
Ты выучил меня Природой наслаждаться
И в мрачности лесов хвалить творца ее!⁷

Свое отношение к Томсону Карамзин выразил и в «Письмах русского путешественника», где писал об английской литературе: «Здесь отечество живописной поэзии (Poésie descriptive): французы и немцы переняли сей род у англичан, которые умеют замечать самые мелкие черты в Природе. По сие время ничто еще не может сравняться с Томсоновыми «Временами года»; их можно назвать зеркалом Натуры. Сен-Ламбер лучше нравится французам, но он в своей поэме кажется мне парижским щеголем, который, выехав в загородный дом, смотрит из окна на сельские картины и описывает их в хороших стихах, а Томсона сравню с каким-нибудь швейцарским или шотландским охотником, который с ружьем в руке всю жизнь бродит по лесам и дебрям, отдыхает иногда на холме или на скале, смотрит вокруг себя, и что ему полюбитя, что Природа вдохнет в его душу, то изображает карандашом на бумаге. Сен-Ламбер кажется приятным гостем Натуры, а Томсон — ее родным и домашним».⁸

Во второй половине 80-х годов Карамзин берется за перевод «Времен года». Друг его А. А. Петров шуточно спрашивал в письме от 30 июня 1786 г.: «Удивленные Чистые пруды внемлют ли Гимну Томсонову, улучшенному на языке русском?».⁹ В 1787 г. сокращенный перевод-пересказ «Времен года» был анонимно опубликован в четырех частях «Детского чтения» (156—159). Опираясь на английскую поэму, Карамзин создал в значительной мере самостоятельное произведение — дескриптивные прозаические

⁶ «Зеркало света», 1786, ч. II, № 20, 10 июня, стр. 56. — Когда в переводной статье «Наставление от отца дочерям» («Прибавление к Московским ведомостям», 1784, № 79, стр. 604) встретилась цитата из Томсона, издатель, считая это имя неизвестным его читателям, дал примечание: «Славный английский стихотворец».

⁷ Н. М. Карамзин. Полн. собр. стихотворений, стр. 62.

⁸ Н. М. Карамзин. Избр. соч., т. I, стр. 572.

⁹ «Русский архив», 1863, вып. 5—6, стр. 481.

этюды, посвященные временам года и рассчитанные на аудиторию «Детского чтения».

Перевод-пересказ охватывает около половины содержания поэмы Томсона. По объему он еще меньше: многие подробные описания оригинала Карамзин лишь вкратце резюмировал. Помимо сокращения переводчик изымал все, что не соответствовало его целям. Так, он исключил все места, связывающие поэму с ее автором и национальной почвой: обращения Томсона к друзьям и покровителям, всевозможные рассуждения о Британии и т. д. Исключены были и упоминания России, ибо они делались с точки зрения чужестранца; в частности, в переводе отсутствовал панегирик Петру I.¹⁰ Не вошли в перевод многочисленные дидактические отступления поэмы, и значительно сократилось число описаний природы в дальних странах — на юге и на севере. В переводе чувствуется и ориентация на аудиторию «Детского чтения». Карамзин исключал то, что могло быть ей непонятно, например различные реминисценции из античной истории и литературы, упоминаемые английских писателей. При описании театра в «Зиме» он вместо неизвестных его читателям героев Шекспира, Отуэя и Стиля назвал знакомых русской публике героев трагедий Сумарокова (Ильмена, Синав, Оскольд) и Одоардо из трагедии Лессинга «Эмилия Галотти» (159, стр. 201), которая была поставлена на Московском театре после 1784 г. и пользовалась большим успехом и популярностью.¹¹ Не вошло в перевод и то, что могло затронуть нравственность юных читателей, вроде описания любви животных или рассуждение об опасностях любви и последствиях порока в «Весне». Видимо, за игривый сюжет был исключен рассказ о Дамоне и Музидоре. В результате сокращений яснее выступили основные элементы томсоновской поэмы: непосредственное изображение природы, ее изменений, созерцание природы человеком, который открывает в ней присутствие творца и прославляет его. Это была, так сказать, квинтэссенция «Времен года».

Но Карамзин не только сокращал поэму Томсона, но и схематизировал. Его картины носят более обобщенный характер; все частности, подробное развитие темы он исключает. Например, говоря о гнетущем действии полуденного зноя, Томсон иллюстрирует это, изображая подсолнечник, пастуха и его стадо, собаку, птицу (Summer, ll. 216—240). Карамзин все изображения снял. Приятность прохлады Томсон уподобляет воздействию воды на оленя, который спасается от погони и кидается в освежающий его поток; это описание занимает четыре строки (Summer, ll. 472—475). Карамзин резюмирует их словами: «...прохлада ваша приятна

¹⁰ Впоследствии Карамзин познакомил русских читателей с этими стилями, приятными для их национальной гордости (см. 166).

¹¹ См. Р. Ю. Данилевский. Лессинг в русской литературе XVIII века В кн.: Эпоха просвещения. Л., 1967, стр. 296.

сердцу, подобно как чистый ручей утомленному оленю» (157, стр. 200), и т. п. Словом, русский переводчик дает как бы скелет томсоновских описаний.

То же наблюдается и в изображении крестьянской жизни. Например, в 11 строках Томсон описывает жатву (Autumn, ll. 151—161). У Карамзина всего лишь: «На самом рассвете пробуждаются трудолюбивые жнецы и с веселием идут к нивам. Острые серпы свои и начинают жать. Приятные разговоры и простые шутки облегчают работу их; не чувствуют они утомления» (158, стр. 194). Описанные у Томсона утренняя заря, расположение жнецов на ниве, характер их работы — все это в переводе исчезло. Зато приятность сельского труда (несмотря на то что в условиях России это был крепостной труд) в переводе подчеркивается.

Вообще в переводе Карамзина обнаруживается стремление скрыть социальные противоречия деревенской жизни. Так, например, в «Осени» Томсон изображает картину наводнения, уничтожающего все имущество крестьянина, и обращается к хозяевам с призывом позаботиться о том, чьи труды обеспечивают их благополучие. Карамзин в этом месте пишет: «Сжальтесь над сим несчастным вы, во изобилии живущие! Подайте ему руку помощи и будьте благодетелями — человека!» (158, стр. 199). Кто обеспечил это «изобилие», не говорится, социальная проблема снята.

При общем сокращении томсоновского текста Карамзин ввел некоторые добавления; они немногочисленны, но характерны. Они рассчитаны на культивируемую сентименталистами чувствительность. Так, в начале «Зимы» передается (как всегда с сокращениями) текст Томсона: «В часы радостного утра жизни моя, воспитываемый в беспечном уединении, радостно пробегал я области твои, о Зима! ступал по чистому снегу, имея чистую душу; внимал шуму ветров...» И далее Карамзин добавляет от себя: «... не заглушаемому шумом страстей, коих имена мне едва известны были. Приятное воспоминание, извлекающее теперь слезы из глаз моих!..» (159, стр. 193). В «Осени» переводчик излагает томсоновское описание охоты и осуждение ее и далее вставляет свою сентенцию: «Впрочем, знайте, что охота может лишить вас сердечной нежности, сей истинной красоты человека» (158, стр. 200). В «Лете», отталкиваясь от томсоновского описания прогулки на лоне природы, Карамзин вводит собственные лирические медитации: «Что чувствовало сердце мое, когда в исходе прелестного мая, в тихие часы вечера, гулял я на берегах широкой реки, в которой, яко в чистейшем зеркале, виден был образ заходящего солнца! Рассматривание довело меня до размышления, размышление до восторга» (157, стр. 204—205). Далее Карамзин упоминает Юнга (см. ниже, стр. 253), которого Томсон не только не упоминал, но и не мог упомянуть, поскольку «Ночные мысли» были написаны много позднее «Времен года». В другом месте, в «Зиме» Карамзин ввел юнгианскую тему смерти и могилы, отсутствующую у Том-

сона (см. 159, стр. 193). В «Зиму» включено также обращение к другому автору, которого Томсон не мог знать во время написания поэмы, — Ричардсону: «О Ричардсон! творения твои всегда пребудут честью Великобритании и памятником искусства твоего в живописи сердца человеческого!» (159, стр. 200).

Ориентируясь на читателей, Карамзин заменяет в «Лете» обращение Томсона к его другу Додингтону обращением к «отрокам», «юным друзьям» Музы (157, стр. 193). В другом месте, при описании цветов, гибнущих от полуденного зноя, томсоновское сравнение: «Так увядает красавица, когда лихорадка буйствует в ее голубых венах» (Summer, ll. 214—215), превращено в назидательную сентенцию: «Так увядает красота юноши, когда он предается влечению страстей» (157, стр. 198).

Два года спустя после опубликования перевода-пересказа «Времен года» Карамзин напечатал в «Детском чтении» их завершение — «Гимн», на этот раз со ссылкой на источник (160). Перевод был сделан шестистопным нерифмованным ямбом:

Четыре времена, в временах ежегодных,
Ничто иное суть, как в разных видах Бог.
Вращающийся год, Отец наш всемогущий,
Исполнен весь Тебя. . .

и т. д.

На этот раз Карамзин довольно точно передал подлинник; для этого он увеличил объем стихотворения (151 строка вместо 118).

Между опубликованием переводов Карамзина и выходом полных «Времен года» на русском языке сколько-нибудь значительных переводов томсоновской поэмы не появлялось. Помимо упоминавшихся сюжетных эпизодов из нее, в «Чтении для вкуса» были напечатаны отрывки из «Весны», переведенные с перевода Бонтан (163), а в дидактическом сочинении Р. Додсли — «Наставник, или Всеобщая система воспитания», которое было переведено с немецкого перевода, в разделе «Как читать с пользою изящные книги» содержался отрывок из «Осени» (162).

Полный русский перевод «Времен года» был издан в 1798 г. в типографии Московского университета (170). Переводчик на титульном листе обозначен не был, но предпосланное переводу предисловие было подписано: «Дмитревский». В цензурных материалах сохранилась запись от 6 апреля 1798 г. о том, что «Четыре времени года, творение Томсона, переведил губернский секретарь Дмитрий Дмитревский»; он же представил рукопись в цензуру.¹²

¹² В. Н. Рогожин. Дела «Московской цензуры» в царствование Павла I., вып. 2, стр. 19. — Вследствие ошибочного указания Сопикова, что перевод принадлежал Ивану Дмитревскому, «Времена года» иногда упоминаются среди литературных трудов И. А. Дмитревского.

Дмитрий Иванович Дмитриевский (1758—1848)¹³ происходил из семьи сельского священника Рязанской губернии. Первоначальное образование он получил в Рязанской духовной семинарии, а затем поступил в Московский университет, где изучал историю, географию, латинское красноречие, математику, физику, естественную историю, а также французский и немецкий языки. Это было время расцвета деятельности Новикова и Шварца, когда группировавшиеся вокруг них московские масоны занимали ведущее положение в университете. Дмитриевский был одним из студентов, которые обучались на средства «Дружеского ученого общества», учрежденного Новиковым и Шварцем,¹⁴ и входил вместе с Н. М. Карамзиным и А. А. Петровым в организованную обществом переводческую, или филологическую семинарию. По окончании университета Дмитриевский в сентябре 1785 г. поступил в переводчики Университетской типографии.

Он принадлежал к числу тех молодых масонов-переводчиков, чьи труды редактировались И. П. Тургеневым и А. М. Кутузовым.¹⁵ Его переводческая деятельность отличает религиозно-нравственная просветительская направленность, характерная для литераторов круга Новикова. Особо привлекали его сочинения, посвященные изучению природы как средству познания бога. Одной из ранних его работ было участие в переводе книги немецкого пиетиста К.-Х. Штурма, известной под названием «Штурмовых размышлений» (1772).¹⁶ Непосредственное отношение к этому изданию имел Карамзин.¹⁷

Идея природы как божественного откровения пронизывает сочиненные Дмитриевским гимны, которые он печатал в 1792 г. в «Московском журнале» Карамзина. В одном из них он писал:

Твою силою чудесной,
Творец, текут все времена.
Се от твоей улыбки нежной
Цветет прелестная весна!

¹³ См. о нем: К. Тихонравов. Воспоминания о г. Дмитриевском. «Владимирские губернские ведомости», 1854, № 10; Н. Дмитриевский. Дополнение к биографии Д. И. Дмитриевского. Там же, № 11; П. Страхон. Исторический очерк Владимирской губернской гимназии, вып. 1. Владимир, 1891; А. В. Смирнов. Уроженцы и деятели Владимирской губернии, получившие известность на различных поприщах общественной пользы, вып. 3. Владимир, 1898, стр. 61—87; Русский биографический словарь, т. Дабелов—Дядьковский. СПб., 1905, стр. 428—430.

¹⁴ С. П. Шевырев. История имп. Московского университета, стр. 223.

¹⁵ Е. И. Тарасов. Московское общество розенкрейцеров. В кн.: Массонство в его прошлом и настоящем, т. II. Пгр., 1915, стр. 13.

¹⁶ Размышления о делах божиих в царстве природы и провидения на каждый день года, издание периодическое. Перевод с немецкого языка. 4 чч., М., 1787—1788.

¹⁷ См.: Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866, стр. 465—472.

Твое всесильно дуновение
Живит все дивное творенье.

Тебя, торжественно ходяща,
Мы зрим на ветренных крылах;
Внимаем с трепетом гремяща
В молниеродных облаках.
Тенистый лес и бурны волны
Твоих величеств дивных полны.¹⁸

Близость к Томсону обнаруживается и в другом гимне Дмитриевского, где «солнце, твердь и небеса», «море, холмы и леса», «все дыхания животны» сливаются в едином славословии творцу.¹⁹

Дмитревский был настолько тесно связан с новиковским кружком, что знакомые беспокоились за его судьбу после ареста Новикова. А. А. Петров писал Карамзину 19 июля 1792 г.: «Кстати, не можешь ли ты, любезный, уведомить меня, в каких ныне обстоятельствах сочинитель Гимна „Ходящему на крыльях“,²⁰ напечатанного у тебя в июне? Мне очень хочется знать о его участи». Однако каким-либо репрессиям Дмитриевский, видимо, не подвергался. Но ему пришлось уйти из Университетской типографии, и с января 1793 г. он поступил на службу в Московский почтамт, где получил должность секретаря, а затем экспедитора текущих дел.

Свою творческую и переводческую деятельность Дмитриевский не только не оставил, но продолжал с неменьшим рвением в том же религиозно-просветительском духе, причем труды его по-прежнему печатались в Университетской типографии. В 1795 г. там была анонимно издана книжка его стихов «Чувствования любителя нравственной поэзии»; в нее вошли гимны, печатавшиеся в «Московском журнале», перевод томсоновского гимна к «Временам года», выполненный шестистопными белыми ямбами (169), перевод благодарственного гимна Аддисона (2) и другие стихотворения. В предисловии автор писал: «Рассматривать дела великого художника Натуры, познавать из видимого невидимое, от образов и теней восходить к самому существу вещей и началу, разливаясь в чувствованиях хвалы и благоговения ко вседействующему Промыслу —

¹⁸ Д. Дмитриевский. Гимн («Настало торжество Природы»). «Московский журнал», 1792, ч. VI, июнь, стр. 235—236.

¹⁹ Д. Дмитриевский. Гимн («Вся натура возвещает»). Там же, ч. VII, август, стр. 120—121. Ср. строки 37—40 в гимне Томсона.

²⁰ Иронический намек на строки из гимна «Настало торжество Природы». В дальнейшем при переиздании гимна Дмитриевский изменил «ходяща» на «паряща».

²¹ «Русский архив», 1866, столб. 1762; исправлено по рукописи: ИРЛИ, ф. 309, № 124, л. 295. См. также: В. Виноградов. Проблема авторства и теория стилей М., 1961, стр. 250.

какое занятие может быть блаженнее для сердца человеческого и какая тема возвышеннее для Поэзии». ²²

Близкая мысль содержалась и в предисловии Дмитревского-переводчика к анонимному сочинению, в котором природа рассматривалась как проявление божественной воли: «„Куда ни обратим мы глаза наши, везде находим доказательства бесконечной премудрости, благодати и вездесущности творца. — Бог открыл себя как в малом, так и в великом. — Солнце и иванов червячок, целая вселенная и малейшая былинка суть равно действия могущества его“. Так изъяснился некоторый англинской писатель в замечаниях своих о натуре». ²³

При таких убеждениях и духовных интересах обращение к томоновским «Временам года» было закономерным и естественным. Полный перевод поэмы вышел в 1798 г. В предисловии Дмитревский писал: «... англинский поэт Томсон смотрел на творение Божие оком чистейшим. Здесь *Четыре времени года* заключают в себе список всех изменений оного. Рожден будучи с наилучшими дарованиями сердца и ума, часто в юности своей беседовал он с *Натурою* в уединении и там, наблюдая все явления ее, списывал их возвышеннейшею кистью поэзии. Нет в ней ничего для него мертвого, ничего немого. Огненная сила многомысленного воображения его оживляет все предметы, глаз его повсюду созерцает неподражаемые красоты, ухо всегда слышит согласие, а сердце разливается в чувствах хвалы и благоговения». Отмечая многообразие поэмы, в которой «всякого звания читатель найдет... свою тему», переводчик обращал ее к «юноше благих чаяний, но безопытному»; он надеялся, что перевод «хотя немногим добродушным соотечественникам его послужит руководством к просвещенному чтению великого творения божия» (170, стр. III—X).

Перевод Дмитревского прозаический; только заключительный гимн, переведенный ранее и заново отредактированный, был стихотворный. Каких-либо сокращений, переделок или сознательных отклонений в переводе не обнаруживается. Язык его сравнительно легкий, ориентированный на карамзинскую прозу. Видно, сотрудничество в «Московском журнале» не прошло для Дмитревского даром. Например, в «Весне» он пишет: «Тогда вылетают освежающие ветерки и тихое благорастворение воздуха, разрешая землю, разливается повсюду беспредельно. Нетерпеливый сельский житель с радостным восторгом смотрит на оживленную *Натуру* и гонит из стойл крепких своих волов туда, где прочный и давно употребляемый плуг лежит на браздах, от мраза освобожденных» (170, стр. 6).

²² Чувствования любителя нравственной поэзии. М., 1795, стр. III.

²³ Зритель божиих дел во Вселенной, или Внимательное рассматривание мудрого порядка, красоты и совершенства природы во всех царствах и элементарных действиях ее, ч. I. М., 1796, стр. III—IV.

Относительно того, с чего делался перевод Дмитриевского — с английского оригинала или с какого-либо перевода, — существуют разноречивые указания.²⁴ У нас нет сведений о том, что Дмитриевский владел английским языком. В университете он изучал французский и немецкий. С этих языков сделаны все остальные его переводы, в том числе и английских сочинений. Написание в его «Временах года» английских имен на немецкий лад (например, Рихмонд для Richmond или Штеель для Steele) или французский (например, Шосер для Chaucer) показывает, что он не знал английского произношения.

Мы предполагаем, что Дмитриевский переводил весьма точный немецкий прозаический перевод, выполненный швейцарским пастором Тоблером. В некоторых случаях можно обнаружить, что русский текст ближе к тексту Тоблера, чем Томсона.²⁵ Важным доводом в пользу нашего предположения является наличие у Дмитриевского в описании золотого века («Весна») фрагмента, не имеющего соответствия в канонической редакции поэмы Томсона (см. 170, стр. 28—30). Соответствующий английский текст содержался лишь в первом, отдельном издании «Весны» (1726), которое вряд ли могло быть известно Дмитриевскому. Между тем у Тоблера этот фрагмент приводился в примечании.²⁶ На перевод Тоблера Дмитриевскому, возможно, указал Карамзин, лично познакомившийся с пастором во время путешествия по Швейцарии. В процессе работы Дмитриевский справлялся и с французским переводом Бонтан. В частности, отсюда им заимствованы некоторые примечания, отсутствующие и в английском оригинале, и в немецком переводе.²⁷

Перевод Дмитриевского долгое время служил русским читателям средством ознакомления с поэмой Томсона. Он был дважды

²⁴ Н. Н. Муравьев, переводивший в начале XIX в. «Весну» Томсона, писал, что Дмитриевский пользовался французским переводом (см.: «Северный вестник», 1805, ч. VI, май, стр. 156—157). Согласно Сопикову (Опыт Российской библиографии, № 8765), перевод сделан с немецкого. Наконец, в «Сводном каталоге русской книги гражданской печати XVIII века» (т. III, М., 1966, стр. 228, № 7267) утверждается, что «судя по предисловию переводчика... перевод сделан с оригинала» (соответствующих указаний в предисловии мы не обнаружили).

²⁵ Ср., например:

Ev'n so luxurious men, unheeding, pass
An idle summer life. . .

(Summer, ll. 346—347).

«Eben so bringen üppige Menschen ungewahrſam ein kindiſches Sommer Leben» (Thomſons Sommer. Aus Engliſchen. Zürich, 1761, S. 23). «Так сластолюбивые человеки проводят беспечно детское лето своей жизни...» (170, стр. 147).

²⁶ См.: Thomſons Gedichte. Aus dem Engliſchen. Th. I. Zürich, 1764, SS. 22—24. — Сведения об этом издании, отсутствующем в библиотеках Ленинграда и Москвы, любезно сообщил нам проф. П. Бранг (Цюрих).

²⁷ Ср., например, примечания: 170, стр. 245—248, 254, 255, 257, 289 363; Les saisons. . . Paris, 1759, p. 156—158, 162—164, 185, 234.

переиздан — в 1803 и 1812 гг. А в 1817 г. в Москве, в Университетской типографии был издан отдельной книжкой извлеченный из него отрывок.²⁸

Новые переводы отдельных отрывков из «Времен года» продолжали появляться и в начале XIX в. В 1800 г. в «Иппокрене» был напечатан прозаический перевод «Гимна» (172); там же появились томсоновский «Гимн уединению» (152) и посвященные Томсону стихотворения Коллинза (15), Бернса (14) и Томпсона (150), — все переведенные прозой.

В 1805 г. в «Северном вестнике» публиковался фрагментарный перевод «Весны», охватывавший около трети этой части поэмы (174). Переводчик Николай Муравьев в письме к издателю журнала утверждал: «... живописание должно быть первою целию словесности; оно одно составляет славу ее, оно одно делает ее сильною и приятною. Английские стихотворцы в особенности отличаются между новейшими авторами сим родом писания. Мильтон и Томсон стоят рядом; Мильтон гремит и прельщает; Томсон более тих, но и прелестен более». Переводчик стремился, как он указывал, «наиболее соблюсти красивую подробность Томсонова живописания»; при этом, однако, он замечал, что «простые выражения, которые Томсон столь щастливо приновил к природе» и вкусу англичан, казались ему «мало согласующимися со вкусом нынешней российской словесности».²⁹ Под этим «вкусом» Муравьев разумел архаизацию языка; он был противником языковой реформы Карамзина и противопоставлял ей «изгибистую, роскошную и разноизменяющуюся речь славяно-российскую».³⁰ Для иллюстрации стилистической манеры Муравьева приводим отрывок, соответствующий помещенному выше примеру из перевода Дмитревского: «Испаряет теплый воздух. Благорастворенность движущаяся, разверзая недра земли, повсюду бродит. Нетерпеливый оратай радостно усматривает смягчающуюся природу. Выводит он своих тучных волов из сени их и направляет стопы свои туда, где плуг его надежный, от мраза освобожденный, на ниве лежит».

Опыт Муравьева, видимо, не имел успеха: продолжения перевода в ближайшее время не последовало. Вероятно, переводчика следует отождествить с Николаем Назаровичем Муравьевым (1775—1845), известным в свое время археологом. Удалось обнаружить прозаический перевод «Гимна» к «Временам года», выполненный Муравьевым в 1808 г., но опубликованный лишь спустя двадцать лет (176).

²⁸ Восхождение солнца. Из поэмы Томсона. М., 1817. Соответствующий английский текст: Spring, II. 32—191.

²⁹ Николай Муравьев. К издателю Северного вестника. «Северный вестник», 1805, ч. VI, май, стр. 156—157.

³⁰ «Н. Муравьев». Опыт о Великобритании. Там же, ч. V, март, стр. 254.

В начале XIX в. появилось и несколько стихотворных переводов отрывков из «Времен года». «Селадон и Амелия» Мерзлякова упоминались уже выше. В 1804 г. В. А. Пушкин напечатал стихотворение «Сельский житель» (173) — вольный перевод отрывка из «Осени», где изображалось блаженство сельской жизни, удаленной от городской суеты:

Кто в мире счастья прямого цену знает
И сельской жизни все приятности вкушает
В кругу своих друзей, от шума удален,
Тот истинно в душе покоен и блажен. . .

и т. д.

Тема стихотворения в сущности имела в себе мало специфически томсоновского. Иной характер носил переведенный В. А. Жуковским «Гимн» — наиболее значительное поэтическое произведение на русском языке, созданное под влиянием Томсона.

С Томсоном, как и с другими английскими поэтами-сентименталистами, Жуковский знакомился в пору пребывания в Московском университетском благородном пансионе (1797—1800) и затем во время существования «Дружеского литературного общества» (1800—1801). Его литературные вкусы и интересы формировались под воздействием преромантических явлений европейской литературы XVIII в. Жуковский, писал Андрей Тургенев в 1802 г., «окружен Греем, Томсоном, Шекспиром, Попе и Руссо! И в сердце — жар поэзии».³¹ Возможно, что интерес к автору «Времен года» усилился в пору сближения Жуковского с Карамзиным в 1802 г. Молодой поэт переводит и издает слова немецкого поэта Готфрида фон Свитена к оратории Гайдна «Времена года».³² Либретто Свитена представляло собою переработку некоторых мотивов из поэмы Томсона.

Позднее Жуковский обратился к самому Томсону. В альбом, подаренный им М. А. Протасовой, был вписан перевод, озаглавленный «Гимн. (Подражание Томпсону)».³³ Этот «Гимн» был переведен в 1808 г. и тогда же с некоторыми изменениями напечатан в «Вестнике Европы» (175).

Не вид ли божества времен круговращенья?
Творец! тебя гласит тобою полный год!
В весне твоя любовь, краса, возобновленье:
Воскреснули поля! Цветет лазурный свод. . .

и т. д.

³¹ Цит. по: А. Н. Веселовский, В. А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения», стр. 50.

³² Четыре времени года. Музыка сочинения г. Гайдена. М., в университетской типографии, у Люби, Гария и Попова, 1802. — Авторство Жуковского указано Сопиковым (Опыт российской библиографии, № 10338).

³³ И. Бычков. Бумаги В. А. Жуковского. В кн.: Отчет имп. Публичной библиотеки за 1884 г. СПб., 1887, Приложение, стр. 33. Написание «Томпсону» дает основание полагать, что Жуковский опирался на французский перевод.

Жуковский сравнительно близко передавал стихотворение Томсона, но в некоторых местах он отступал от оригинала, чтобы создать близкий ему образ меланхолического поэта, мечтательного юноши.³⁴

После «Гимна», переведенного Жуковским, новые переводы из «Времен года» перестали появляться.³⁵ Томсон еще интересует читателей, о чем свидетельствует переиздание перевода Дмитревского в 1812 г., но усилия переводчиков теперь направлены на передачу на русском языке французских описательных поэм — Сен-Ламбера, Делиля и других, которые постепенно заслоняют английского поэта.³⁶

8

Томас Грей — третий английский поэт-сентименталист, приобретший всеевропейскую славу, стал известен в России несколько позднее Юнга и Томсона. Как и в случае с его предшественниками, из его сравнительно небольшого поэтического наследия широкое распространение получило лишь одно произведение — упоминавшаяся уже «Элегия, написанная на сельском кладбище». Она вызвала десяток русских переводов в стихах и прозе. Кроме того, пять раз переводился «Гимн Несчастью» (*Hymn to Adversity*, 1742), прославляющий божество, которое уравнивает людей и испытывает добродетель. Остальные же стихотворения Грея, хотя большая часть их и была опубликована в 1803 г. в весьма посредственном стихотворном переводе П. И. Голенищева-Кутузова (36), едва ли привлекли внимание читателей.

В «Элегии» Грея объединены обе основные сентименталистские темы: смерти и природы; последняя представлена в ее частном ответвлении — теме естественной жизни на лоне природы. Все это объединено образом лирического героя — поэта, размышляющего на сельском кладбище. Он служит как бы отправной точкой для погребальной песни, повествующей о былой жизни смиренных поселян, покоящихся на кладбище, и в заключительной эпитафии судьба поэта сливается с их судьбой. В «Элегии» отчетливо проявляются особенности сентименталистского демократизма, сочетającego сочувствие крестьянину с консервативным прославлением социальной отсталости, застойности деревенской жизни.

Популяризировать Грея в России начал упоминавшийся уже «Покоящийся трудолюбец». В 1784 г. здесь под названием «Эпитафия господина Грея самому себе» была напечатана заключи-

³⁴ См. разбор в кн.: В. И. Резанов. Из разысканий о сочинениях В. А. Жуковского, вып. 2. Пгр., 1916, стр. 220—223

³⁵ Не имеет прямого отношения к Томсону: кн.: Поэма Четыре времени года. Перевел с французского Василий Перовский. М., 1808.

³⁶ См.: В. И. Резанов. Из разысканий о сочинениях В. А. Жуковского, вып. 2, стр. 372, 373, 508, 513.

тельная эпитафия из «Элегии», переведенная довольно неуклюжими ямбами (40):

Того, кто славе был и счастью неизвестен,
Покоится глава во недрах сей земли,
Не морщили пред ним науки вид прелестен,
Задумчивость его причла в друзья свои

и т. д.

В следующем году в том же журнале был опубликован полный прозаический перевод «Кладбище. Елегия Греева», выполненный, как показывает сверка, с оригинала (41). Другой полный перевод: «Елегия. На сельское кладбище», сделанный с французского перевода Летурнера, появился в 1789 г. в «Беседующем гражданине» (42), издатель которого М. И. Антоновский в прошлом печатался в «Вечерней заре» и был связан с Новиковым и московскими масонами.

Сентименталистские журналы 1790-х годов, разумеется, не могли пройти мимо Грея. В «Чтении для вкуса» печатается «Ода Нещастие» (53). В «Приятном и полезном препровождении времени» — «Элегия» — вольный прозаический перевод отрывков французского перевода, выполненный неким князем Федором Сибирским (43), деятельно сотрудничавшим в журнале. Наконец, в «Иппокрене» были помещены три перевода из Грея: «Напасть» (54) — так озаглавил П. Ю. Львов прозаический перевод «Гимна Несчастью» — и два перевода «Элегии». Первый из них (44) принадлежал кн. П. Б. Козловскому, будущему дипломату, которого Пушкин впоследствии назовет «друг бардов аглинских» («Ценитель умственных творений исполинских», 1836). В 1799 г. Козловский, 15-летний юноша, пробовал свои силы на литературном поприще. В заглавие перевода он добавил «Сын Меланхолии» и соответственно обработал перевод Летурнера,¹ корректируя Грея за счет усиления юнгианских мотивов. Характерно самое начало элегии: «Я слышу глухой стон вечернего колокола, возвещающий мне конец дня; слышу — и сердце во мне содрогается! — Придет и мой конец! . . . Время, бездна вечности поглотит все с собою». Выделенные нами слова добавлены Козловским.

Второй перевод, помещенный в «Иппокрене» (45), довольно точно следовал за английским текстом.

Решающее значение в истории восприятия Грея в России имел перевод В. А. Жуковского «Сельское кладбище». Первоначальный перевод 1801 г. (46), показанный Карамзину как издателю «Вестника Европы», не получил его одобрения, и Жуковский перевел «Элегию» заново.² Этот второй перевод был напе-

¹ Есть основания полагать, что Козловский опирался также на русский перевод «Беседующего гражданина» (42).

² См.: М. А. Дмитриев. Мелочи из запаса моей памяти. М., 1869, стр. 182.

чатан в журнале в 1802 г. (47). Несмотря на большие различия между двумя переводами (что не позволяет считать их редакциями одного перевода), они проникнуты общей тенденцией. Обращаясь с оригиналом довольно свободно, Жуковский систематически усиливает элементы сентиментального стиля, привносит настроение и фразеологию сентименталистского психологизма, черты чувствительности, меланхолии.³ Значение «Сельского кладбища» состоит не только в том, что оно сроднило Грея с русской поэзией, и даже не в том, что оно ввело Жуковского в литературу. Это было утверждение нового направления. То, что только намечалось в поэзии М. Муравьева, Карамзина, Дмитриева и других, здесь было сказано в полный голос, получило окончательное художественное оформление. Впоследствии В. С. Соловьев назвал элегию Грея—Жуковского «Родиной русской поэзии» и писал: «Несмотря на иностранное происхождение и на излишество сентиментальности в некоторых местах, „Сельское кладбище“ может считаться началом истинно человеческой поэзии в России».⁴

9

О распространении произведений английских поэтов-сентименталистов и их континентальных последователей свидетельствуют не только переводы на русский язык, но и то, что можно назвать «читательскими откликами», значительная часть которых приходится на последние 10—15 лет XVIII в. Они довольно разнообразны. Например, в повести Н. Ф. Эмина «Роза» (1786) герои «утопают в слезах», зачитываясь Юнгом, Геснером, «Вертером» Гете. Юноша Милон признается: «Юнг, утешитель несчастных, напоял душу мою радостными восхищениями». Героиня Роза в минуты тоски и меланхолии тоже берется за Юнга и «ну его целовать, ну плакать!». Английский поэт духовно сближает героев. Милон восторгается Розой: «Как! в такой молодости Юнг занимает время твое? Юнг извлекает слезы? Юнг... о сердце редкое! Сердце, обожания достойное!».¹

В анонимной повести «Флейта» (1799) герой, услышав рассказ незнакомца о гибели его возлюбленной, замечает: «О Юнг! — подумал я тогда, — бессмертный Юнг! как справедливо сказал ты...» — и далее следует цитата из перевода Летура-нера.²

³ См.: В. И. Резанов. Из разысканий о сочинениях В. А. Жуковского (вып. 1). СПб., 1906, стр. 163—167; В. А. Жуковский. Стихотворения, т. I. Л., 1939, стр. 358—359.

⁴ Вл. Соловьев. Стихотворения. 5-е изд. М., [б. г.], стр. 144.

¹ Роза, полусправедливая оригинальная повесть. Сочинение Николая Эмина. 2-е испр. изд. СПб., 1788, стр. 10, 11, 15.

² «Иппокрена, или Утехи любословия», 1799, ч. II, стр. 374.

Автор стихотворения «Мысли о смерти и вечности» восклицает:

О песнопевец Юнг! беседа со мною,
Сколь сладостных минут бываешь ты виною!
Внимая речь твою, тобой внушенным зрюсь
И разумом сверх сил телесных возношусь.
Твоим писаньем ты свой дух в меня вливаешь,
О смерти, вечности судити заставляешь...³

Ему вторит другой поэт, взывающий:

О Юнг! Философ, утешитель!
Поддай мне силы, будь учитель!⁴

Карамзин на склоне жизни вспоминал, как юношами он и Дмитриев на берегу Волги, «геройски отражая сон, ночью читали Юнга в ожидании солнца».⁵ Чтение «угрюмого Юнга» как характерная черта времени засвидетельствовано в послании к А. И. Клушину И. А. Крыловым,⁶ который не принадлежал к поклонникам автора «Ночных мыслей».

Герои повести «Пустынный» (1788) цитируют «Осень» Томсона.⁷ О читательском восприятии «Времен года» постоянно упоминает Карамзин в «Письмах русского путешественника», а общая там о знакомстве с Тоблером, он добавляет, что знал пастора по его сочинениям, «особливо по переводу Томсоновых „Времен года“». Почтительно останавливается Карамзин перед могилой поэта в Вестминстерском аббатстве и т. д.⁸ Певца «Времен года» стора по его сочинениям, «особливо по переводу Томсоновых „Вре-ходило солнце. О Томсон! ты никогда не видал сего солнца!» — восклицает он.⁹

Упомянувшийся уже крепостной писатель Н. Смирнов, вызывая в памяти прогулки с покойным другом, пишет: «Вспоминаю, как утомленные ходьбою леживали мы... в благовонной тени цветущего черемушника и гороховника и, читая Томпсона и Геснера, не примечали, как тихая летняя ночь, подкравшись, застала на глазах наших слезы».¹⁰

Томсон, Геснер, Клейст любезный
Извлекают токи слезны... —

³ «Чтение для вкуса, разума и чувствований», 1791, ч. III, стр. 118—119.

⁴ К. П. С. Л. Р. «Муза», 1796, ч. II, апрель, стр. 6.

⁵ Письмо к И. И. Дмитриеву от 31 мая 1823 г.: Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, стр. 351.

⁶ «С.-Петербургский Меркурий», 1793, ч. III, июль, стр. 6. См. также в его статье «Мысли философа по моде, или Способ казаться разумным, не имея ни капли разума» («Зритель», 1792, ч. II, август, стр. 292).

⁷ «Детское чтение для сердца и разума», 1788, ч. XV, стр. 47—48.

⁸ См.: Н. М. Карамзин, Избр. произведения, т. I, стр. 224, 225, 235, 344—345, 582.

⁹ «Чтение для вкуса, разума и чувствований», 1791, ч. I, стр. 98.

¹⁰ Дзурец Номохон «Н. Смирнов». Прощальная слеза на гробе друга. Принижен и полезное преобразование времени», 1796, ч. IX, стр. 198.

утверждает и неизвестный поэт в стихотворении «К Аристу» (1799).¹¹ Обширный перечень авторов-сентименталистов, услаждающих уединение на лоне природы, приводит В. Л. Пушкин в стихотворении «Суйда» (1797); и среди них обязательно упомянуты Томсон и Юнг.

Поутру ж время с кем я буду провождать?
С Гиришфельдом и Руссо, с Боннетом и Томсоном;
Их долг к полезному мой разум поощрять,
И наставленья их я буду чтить законом.
И вы, любезные Юнг, Геснер, Циммерман,
Собой украсите мое уединенье.
Кому любить добро дар милый небом дан,
Тот в вас найдет всегда для сердца утешенье!¹²

В переводных сборниках этого времени можно встретить анекдоты из жизни Томсона и Юнга.¹³ Их биографии публикуются в «Словаре историческом», составленном на основании французских источников.¹⁴ Все это свидетельства популярности английских поэтов.

К этому же времени относится и воздействие Юнга и Томсона на литературу русского сентиментализма (влияние Грея обнаруживается позднее, в XIX в.). Томсон служил примером воссоздания природы, Юнг вводил систему представлений, образов, связанных со смертью.

Непосредственное изображение природы только входило еще в русскую литературу. Раньше природа, как правило, представлялась либо в качестве аллегии человеческой жизни, либо в виде условных классических пейзажей, лишенных какой-либо характерности и индивидуальности. Но в 80-е годы рядом с классическими аллегориями, Бореєм, Эолом, Флорой и т. п., уже соседствуют конкретные естественные явления, показанные в достаточной мере реалистично (ср.: «Утро» Я. Б. Княжнина, 1783; «Осень во время осады Очакова» Г. Р. Державина, 1788, и др.).¹⁵

Новые пути в изображении природы пролагал Карамзин, опиравшийся при этом на опыт Томсона и других западных поэтов. В том, что они «выучили» его «природой наслаждаться», Карамзин признавался не раз. В «Письмах русского путешественника» он отметил: «Весна не была бы для меня так прекрасна,

¹¹ «Иппокрена, или Утехи любословия», 1799, ч. IV, стр. 332.

¹² «Аонида», кн. II, М., 1797, стр. 170—171.

¹³ См.: Отрада в скуке, или Книга веселия и размышления, ч. II, М., 1788, стр. 43—46; Сокращенности достопамятных происшествий, из сочинения господина д'Арно. М., 1794, стр. 20—21; Новый спутник и собеседник веселых людей. . . , ч. I, 1796, стр. 105—106.

¹⁴ Словарь исторический, или Сокращенная библиотека. . . , ч. XII, М., 1793, стр. 505—508; ч. XIV, 1798, стр. 236—243.

¹⁵ См.: В. Ф. Савадник. Чувство природы в поэзии Пушкина, Лермонтова и Тютчева. М., 1911, стр. 10—16.

если бы Томсон и Клейст не описали мне всех красот ее». ¹⁶ Подобная мысль высказывается в стихотворении «Дарования» (1796):

Ламберта, Томсона читая,
С рисунком подлинник сличая,
Я мир сей лучшим нахожу... ¹⁷

К словам «мир сей» сделано примечание: «То есть мир физический, который описывали Томсон и Ст. Ламберт в своих поэмах».

Еще в 1788 г. в обращенных к А. А. Петрову «Анакреонтических стихах» 22-летний Карамзин сделал многозначительное признание:

Шатаюсь по рощам,
Внимая Филомеле,
Я Томсоном быть вздумал
И петь златое лето;
Но, ах! мне надлежало
Тотчас себе признаться,
Что Томсонова гласа
Совсем я не имею,
Что песнь моя несносна. —
Вздохнув, молчать я должен. ¹⁸

Хотя попытка создать описательное стихотворение или поэму в духе Томсона оказалась неудачной (о чем говорит здесь Карамзин), английский поэт продолжал служить подспорьем в дальнейших творческих исканиях. Уже в стихотворениях «Весенняя песня меланхолика» (1788) и «Осень» (1789), близких по времени написания к переводу «Времен года», ясно видно новое в русской поэзии стремление непосредственно наблюдать и изображать природу. Правда, у Карамзина, в отличие от Томсона, пейзаж более лиричен, теснее связан с переживаниями, что соответствовало новому этапу сентиментализма. В заключительных строках «Поэзии» обнаруживается переключка с «Гимном» из «Времен года»:

Тогда, в восторгах погружаясь,
И вечно, вечно наслаждаясь,
Я буду гимны петь творцу,
Тебе, мой бог, господь всеисильный,
Тебе, любви источник дивный,
Узрев там все лицом к лицу. ¹⁹

Влияние Томсона и его последователей ощутимо в многочисленных пейзажах «Писем русского путешественника». Конечно, эти пейзажи наблюдались Карамзиным в действительности, но

¹⁶ Н. М. Карамзин, Избр. соч., т. I, стр. 128. — Недавно эти слова были приведены в пример того, что «поэты учат людей понимать красоту» (В. Солоухин. Осенние листья. «Молодая гвардия», 1968, № 2, стр. 265).

¹⁷ Н. М. Карамзин, Полн. собр. стихотворений, стр. 219.

¹⁸ Там же, стр. 69.

¹⁹ Там же, стр. 63.

в манере их изображения он ориентировался на предшественников.²⁰ Так, в картине русской весны воздействие Томсона совершенно очевидно: «Белая одежда зимы наконец утомляет зрение; душа жаждет перемены, и звонкий голос жаворонка раздаётся на высоте воздушной. Сердца трепещут от удовольствия. Солнце быстрым действием лучей своих растопляет снежные холмы; вода шумит с гор, и поселянин, как мореплаватель при конце океана, радостно восклицает: земля! Реки рвут на себе ледяные оковы, пышно выливаются из берегов, и самый маленький ручеек кажется величественным сыном моря. Бледные луга, упитанные благотворною влагою, пушатся свежеею травкою и красятся лазоревыми цветами. Березовые рощи зеленеют; за ними и дремучие леса, при громком гимне веселых птичек, одеваются листьями, и зефир всюду разносит благоухание ароматной черемухи».²¹

Не случайно в сознание русских читателей 90-х годов XVIII в. Карамзин входит как поэт природы, в одном ряду с Томсоном и его последователями. В стихотворении «Полдень» автор, описывая летнюю духоту в городе, восклицает:

Зачем теперь я не в деревне?
 Зачем я не могу укрыться
 В тень густоплетшихся лесов
 С любезным Томсоном иль с Клейстом,
 С Карамзиным иль с Сент-Ламбертом,
 И там картины их сличить
 С картинами живой Природы —
 Сличить — и с чувством подивиться
 Искусству нежной кисти их?²²

О воздействии на него Юнга Карамзин сам сообщил в переводе «Времен года», куда включил отсутствующие в оригинале строки: «О Юнг! тебе обязан я склонностию к уединению, сею спасительною склонностию, питающею сердце мое сладостию несказанною» (157, стр. 205).

Важным моментом в творческом освоении английской сентименталистской поэзии являются бессюжетные прозаические произведения Карамзина, такие как «Прогулка» (1789), которую В. В. Сиповский удачно назвал «сентиментальным стихотворением в прозе». Он указывал, что хотя «Карамзин мог совершать подобные прогулки на лоно природы» и испытывать при этом «чувства... какие описаны им в этом произведении», однако «именно те же чувства, в подобной же обстановке испытывали до него писатели, перед произведениями которых он благоговел». «„Про-

²⁰ См.: В. В. Сиповский. Н. М. Карамзин, автор «Писем русского путешественника». СПб., 1899, стр. 239—241.

²¹ Н. М. Карамзин, Избр. соч., т. I, стр. 467—468.

²² -А.-О. Полдень. «Муза», 1796, ч. III, сентябрь, стр. 192. — Имя Карамзина обозначено здесь: «К***ным».

гулка“, — резюмирует ученый, — была плодом „вдохновения по имеющимся образцам“... и действительно, мотивы Юнга, Томсона, Геснера, Бонне сменяют друг друга в этом произведении». ²³

«Прогулка» открывается эпиграфом из «Гимна» Томсона. В первой же фразе автор заявляет: «Никакое годовое время не бывает для меня так приятно, как весна»; ²⁴ а мы знаем, что это чувство развилось у него под влиянием Томсона и Клейста. Следующий далее пейзаж показывает, что Карамзин недаром изучал «Времена года»: «... благотворное солнце, вступив в знак тельца, начинает изливать на землю свет яснейший... мало-помалу растопляя лучами своими снежные громады, таинственным магнитом извлекает из земли нежную зелень». ²⁵ Это не прямой перевод из Томсона, но творческая переработка нескольких строк из начала «Весны». ²⁶ И далее лирический герой отправился на прогулку, «взяв в руки своего Томсона». ²⁷

Заходящее солнце и наступающая ночь настраивают героя на сентиментально-философский лад. Мрак повергает его в ужас; земля представляется ему хаосом. Но вот рассеялись облака, открылось звездное небо, и картина лунной ночи напоминает о Юнге. «... явилась сия скромная царица ночного неба... которая, изливая сребристый свет на главу британского певца, исполнила сердце его небесных восторгов. Упоенный сими восторгами, воспел он нам красоту ноши, красоту твою, целомудренная Цинтия! и песнь и певец бессмертными учинились. Имя Юнгово будет вовеки священо для тех, которые, имея нежные сердца, чувствуют красоты природы, чувствуют достоинство человека». ²⁸

Перекличка с Юнгом и Томсоном обнаруживается и в последующих размышлениях об уединении, о множестве миров, в восхвалении творца — источника всего сущего, обращении к восходящему солнцу. Напоминанием о томсоновском гимне кончается отрывок: «Наконец, исполненный почтения к Творцу и разных сладостных чувств, пошел я в город и дорогою читал Томсонов Гимн, которым заключает он бессмертную свою поэму». ²⁹

«Прогулка» была для Карамзина первым опытом лирической исповеди, попыткой проанализировать свою душу, чувствительное

²³ В. В. Сиповский. Н. М. Карамзин. автор «Писем русского путешественника», стр. 132, 134.

²⁴ «Детское чтение для сердца и разума», 1789, ч. XVIII, стр. 161.

²⁵ Там же.

²⁶ Ср.: Spring, II, 15—17, 26—28, 32—33. — В карамзинском переводе-пересказе «Весна»: «Солнце возвышается, ниспосылает лучи свои на землю гораздо прямее, жаром своим растопляет снежные громады и превращает их в мутную воду...» (156, стр. 195).

²⁷ «Детское чтение для сердца и разума», 1789, ч. XVIII, стр. 161—162.

²⁸ Там же, стр. 167.

²⁹ Там же, стр. 175.

сердце. Три года спустя, уже зрелым автором, вернувшимся из европейского путешествия, он вновь обратился к этому жанру и создал новое «стихотворение в прозе» — «Деревня» — изображение одного летнего дня. Несмотря на большую самостоятельность нового произведения, в нем также присутствует Томсон. Описывая трудящихся поселян, автор вводит реминисценцию «Времен года»: «... и нежная Лавиния prepares завтрак своему Палемону».³⁰ Английский поэт продолжает сопутствовать лирическому герою в его прогулках: «... нахожу Томсона — иду с ним в рощу и читаю — кладу книгу подле малинового кусточка... погружаюсь в задумчивость и потом снова берусь за книгу».³¹ Оглядка на Томсона обнаруживается в пейзажах «Деревни».³²

Совокупное воздействие Карамзина, а также прозаических переводов Томсона, Юнга, Грея и их последователей способствует появлению с конца 80-х годов главным образом в сентименталистских журналах множества лирических прозаических отрывков типа стихотворений в прозе, посвященных развитию таких характерных для сентиментализма тем, как времена года и суток, блаженство сельской жизни, уединение, смерть и погребная жизнь, скорбь об умерших и т. д. Здесь нет возможности перечислить все эти произведения, печатавшиеся за подписью автора или анонимно, оригинальные или переводные под заглавиями типа «Весна», «Зима», «Осень», «Утро», «Утреннее размышление о красоте природы», «Хижина», «Уединение», «Ночь», «Ночная прогулка», «Ночные размышления» (особенно распространенное заглавие), «Размышление о смерти», «Кладбище», «Гробница», «Мысли при гробнице», «Чувствования отца при гробе сына», «Сирота на гробе матери», «Плач над гробом друга моего», «Надгробные стенания» и т. п.

Конечно, не следует считать, что все эти произведения создавались под прямым влиянием английских поэтов (тем более что влияние во многих случаях могло быть опосредованным, причем весьма сложно), но в некоторых из них встречаются прямые ссылки на предшественников-вдохновителей, особенно на Юнга. «Ночь, вдыхавшая некогда аглинского печального песнопевца! как любезны свои минуты, теперь последние», — этими словами

³⁰ Карамзин, Соч., т. III, СПб., 1848, стр. 460.

³¹ Там же, стр. 461.

³² Английский исследователь А. Г. Кросс справедливо отметил зависимость от «Времен года» (Summer, ll. 443—447) следующего отрывка из «Деревни»: «Все молчит, кроме стрекозы, сидящей под темною травкою, — пчела с сладким запасом своим сокрылась в улей — селянин покоится на бальзамической траве, им скошенной» (Карамзин, Сочинения, т. III, стр. 461, см.: A. G. Cross. Karamzin and England. «The Slavonic and East European review», vol. XLIII, № 100, 1964, pp. 95—96).

начинает И. Ф. Тимковский очерк «Взгляд на самого себя».³³ Анонимный автор цитирует английского поэта: «„Дружба есть вино жизни“, — говорит Юнг. — Неподражаемый песнопевец! ты совершенно в гармонии с моими чувствованиями. — „Радости требуют, чтоб их два существа вкушали“. — Сколь справедливо тобою сказано!».³⁴ Цитата из «Ночных мыслей» приводится и в «Рыдании осиротевшего сердца» П. В. Победоносцева: «Несчастный! для чего ты тогда не вспомнил, что злополучие есть счастья неразлучный спутник, — что, по Юнгову мнению, жизнь человеческая есть непримиримая война с бедствиями».³⁵ «Красноречивый Юнг! — восклицает некая Катерина Неелова, — желала бы я иметь сильное перо твое для выражения чувств моих; но в сих не уступлю тебе, ибо горячность матери ни с чем не может сравниться».³⁶ Александр Обрезков, помещая своего лирического героя на ночное кладбище, пишет: «Один, на обнаженном пне, вдохновенный энтузиастическою к священным истинам приберженностию, дивлюсь глубокому познанию твоему важночувствующий англичанин... Самая робкая фантазия, оживленная опытною твоею мудростию, воспрянет и, возсиялась высоким догматом, воспарит в витийстве. Какие существенные истины внушают здравопонимающему высокие песни твои! — Моя кроткая Муза восхищается, благоговей к парениям *Оратора ночей*»,³⁷ и т. п.

Павел Шалимов, деятельно сотрудничавший в «Приятном и полезном препровождении времени», создал «Подражание Юнгу» (201a), в котором по примеру английского поэта рассуждению о страстях, веселии, добродетели придана форма обличительного монолога, обращенного к «сыну веселия» Лоренцо. Форма эта пришла к Шалимову по душе, и он воспользовался ею в следующей отрывке «Внутренняя простота», где простота сердца, противопоставленная ученой мудрости, объявляется единственным средством достичь «божественного познания».³⁸

Томсоном и Юнгом вдохновляется в своих лирических медитациях карамзинист П. И. Шаликов (1768—1852). В отрывке

³³ «Приятное и полезное препровождение времени», 1796, ч. XII, стр. 33

³⁴ Уединенная прогулка. Отрывок. Там же, 1798, ч. XVII, стр. 410.

³⁵ Плоды меланхолии, питательные для чувствительного сердца, ч. I. М., 1796, стр. 12. Во II части издания напечатаны «Мысли Юнговы» (238), выдержки из разных сочинений.

³⁶ К----- Н---. Излияние скорби, посвященное нежным родительницам. «Приятное и полезное препровождение времени», 1798, ч. XVIII, стр. 163—164.

³⁷ А-ъ О-ъ. Журнал уединенного. «Иппокрена, или Утехи любословия», 1799, ч. I, стр. 249. См. также: И. (И. И. Дмитриев). Добро за зло. «Приятное и полезное препровождение времени», 1796, ч. XI, стр. 155; Утро. «Иппокрена, или Утехи любословия», 1800, ч. VI, стр. 459; К незнакоmu. Там же, 1801, ч. X, стр. 381.

³⁸ «Приятное и полезное препровождение времени», 1798, ч. XVII, гр. 310—312

«Деревня» он сообщает: «У меня есть моя беседка, где сижу я с Томсоном, с Гиршфельдом, с Циммерманом и куда приглашаю иногда муз и граций». ³⁹ «Но всего приятнее, интереснее для меня кладбище... — пишет он в «Утренней прогулке». — Живейшим, нежели когда-нибудь, инстинктом был я в этот раз повлечен к нему. Юнг, Гервей, как и всегда, были мои спутники. Их чувства, их размышления заняли мое сердце, мою голову сильнейшим образом». ⁴⁰ В другом фрагменте «Утешение в собственном сердце» Шаликов признается: «Смотрю на кроткую луну и вижу в ней эмблему скромной добродетели; погружаюсь в задумчивость, читаю в мыслях Юнга, ищу глазами кипарисы, урны — вдохновений бессмертного поэта, нежнейшего супруга, нежнейшего отца, — ищу при светильнике ночи все любезное памяти и... нахожу — нахожу пищу для воображения и сердца». ⁴¹ К имени Юнга дана сноска, в которой приведена цитата о луне из перевода Летуэрнера («Ночь XII»).

С Шаликовым переключается другой последователь Карамзина П. Ю. Львов (1770—1825), опубликовавший в «Иппокрене» «Сельское препровождение времени. Матвеевское. Вечер». «В семь часов я оставляю кисть или перо и, взяв с собою Теокрита, Геснера или Томсона, выхожу из дому моего вкусить приятность вечера». И далее: «Утопая в моих размышлениях и чувствуя наитие сильного Юнгова духа, я забываю о доме; сон далеко бежит от меня». ⁴²

Наконец, некий анонимный автор «Вечерних размышлений», подписанных «Б...», пишет: «Я обращаюсь к почтеннейшему созерцателю природы, удивляюсь с ним премудрому строению бесчисленных миров, переносясь мыслями от пышных громад до малейших частиц праха земного и оплакиваю разрушение оных с унылым поэтом Британии». Приведенная далее цитата из Томсона, которого читает герой, вызывает поток восклицаний: «О, нежный собеседник природы! милый, несравненный Томсон! друг сердец чувствительных! кто не восхитится твоими песнями? кто не пожелает беседовать с тобою в меланхолические часы уединенной прогулки?» ⁴³

Особо следует отметить юнгианские размышления Николая Смирнова. Крепостной интеллигент, которому удалось «приватно» посещать Московский университет, он пытался в 1785 г. бежать за границу для продолжения образования, но был схва-

³⁹ Там же, ч. XX, стр. 228.

⁴⁰ «Иппокрена, или Утехи любословия», 1799, ч. II, стр. 321—322

⁴¹ Там же, 1800, ч. VI, стр. 410. См. также перевод Шаликова «Отрывок. Из Вейсе» («Приятное и полезное препровождение времени», 1797, ч. XIII, стр. 279).

⁴² «Иппокрена, или Утехи любословия», 1801, ч. IX, стр. 73, 91.

⁴³ «Журнал приятного, любопытного и забавного чтения», 1802, ч II, № 5, стр. 116—119.

чен и приговорен к наказанию кнутом, вырыванию ноздрей, клеймению и каторжным работам. Екатерина II заменила приговор отдачей в солдаты, и Смирнов был отправлен в Сибирь. Находясь в Тобольске, он начал печататься в местном журнале «Иртыш, превращающийся в Иппокрену», где, в частности, был опубликован упоминавшийся выше его перевод «Смерть Нарциссы, дочери славного Юнга» (196). В 1794 г. Смирнова перевели в Забайкалье, откуда он стал посылать свои произведения в «Приятное и полезное препровождение времени», подписывая их «Даурец Номохон».⁴⁴

Поэзия Юнга нашла в Смирнове сочувственный отклик. В «Предупреждении» к своему переводу он писал о поэте: «Да помыслят, что несчастный сей человек имел великие дарования и душу чувствительнейшую; что он был англичанин, жил один в уединенном городке, или, лучше сказать, селе, и писал то, что чувствовал, и где писал?.. Над гробами в кладбище села того, где он был священником. — После того достаточное можно иметь понятие о его сочинениях» (196, стр. 2—3).

Юнг, Томсон, Оссиан стали спутниками крепостного писателя в его раздумьях. Мечтая об убежище, куда он мог бы укрыться от людей, он пишет: «Собеседники мои здесь были бы Оссиан. Юнг, Томсон, Геснер и Линней».⁴⁵ Он называет именем Юнга остров на реке Чикое. «Место столь меланхолическое, что по справедливости, кажется, дал я острову имя Юнгова, которое и доныне он носит», пишет Смирнов.⁴⁶ Он цитирует «Ночные мысли» в своих лирических отрывках: «Вечер на горе Могое», «Прощальная слеза на гробе друга», «К смерти»,⁴⁷ в которых оплакивает свою горестную участь. «Приди желанная!.. — взывает он к смерти. — Приди, и в объятиях твоих обрету спокойствие, доселе от меня убежавшее!». «Молодость, здоровье, сладкие чувствования любви и дружбы: все угасло! Адская пустота ощущаема мною в сердце моем, в любящем моем сердце, пищи себе прощаю».⁴⁸

Эти скорбные медитации в духе Юнга не были у Смирнова простой данью моде, как например слезливые излияния Шаликова. Трагическая судьба крепостного интеллигента питала их внутренний пафос, и пример английского поэта только помогал придавать им внешнее оформление.

⁴⁴ Псевдоним образован от названия местности (Даурия) и монгольского слова *номолон*, означающего «смирный». О Н. Смирнове см.: М. Г. Альтшуллер. Крепостной поэт и переводчик Николай Смирнов. «Французский ежегодник 1967». М., 1968, стр. 260—265.

⁴⁵ «Приятное и полезное препровождение времени», 1794, ч. IV, стр. 318.

⁴⁶ Там же, 1796, ч. IX, стр. 199.

⁴⁷ Там же, 1794, ч. IV, стр. 315; 1796, ч. IX, стр. 200; ч. XI, стр. 279.

⁴⁸ Там же, 1796, ч. XI, стр. 279—281.

Весьма отдаленным отголоском поэмы Томсона являлись «Четыре времена года» некоего А. Н. Иванчикова, изданные в 1795 г. отдельной книжкой. Это было прозаическое произведение, хотя автор горделиво назвал его «поэмой». В четырех «песнях», соответствовавших временам года, стертыми банальными образами рассказывалось об изменении природы и жизни людей. Весенний расцвет, например, описывался так: «Поля покрылись благоуханными злаками, вертограды исполнились плодоносными деревьями, розами и лилеями, леса оделись лиственным, кедры и дубы возвышались величественно вершины свои, и вьющийся около их Зефир колебал тихо зыби воздуха, их окружающего, и приятный шум листвий соединялся с журчанием водных источников; собор разнородных пернатых исполнял воздух нежными гласами». Соответственно изображены и блаженные поселяне: «... орадай, влеча плуг свой, воспоет песнь, изъявляющую сердечное его удовольствие; пастухи с подругами своими будут изображать нежность настоящей жизни своей на свирелях». А «градский житель» «порывался оставить навсегда градскую жизнь и оставил бы оную, естли б гордыня не приложила мечты к мечтам его и, не удержав в цепях злата ног и сердца его, не отторгнула его от продолжительных удовольствий, коих не возмог обрести в трудах сельских жителей под кровом простых их хижин».⁴⁹ Короче говоря, «поэма» Иванчикова являла собою своеобразный свод общих мест сентиментализма.

Влияние английских поэтов-сентименталистов в России обнаруживается и в стихотворных произведениях. Давно уже отмечалась связь с Юнгом в оде Державина «Бог» (1784).

Стихи в 8-й и 9-й строфах:

Частица целой я вселенной,
 Поставлен, мнится мне, в почтенной
 Средине естества я той,
 Где кончил тварей ты телесных,
 Где начал ты духов небесных
 И цепь существ связал всех мной

Я связь миров повсюду сущих,
 Я крайняя степень вещества,
 Я средоточие живущих,
 Черта начальна божества,
 Я телом в прахе истлеваю,
 Умом громам повелеваю,
 Я царь, — я раб, — я червь, — я бог!

— весьма близки по мысли к суждениям в I «ночи» Юнга.⁵⁰ Еще Я. И. Бередников, разбирая оду Державина в «Вестнике Ев-

⁴⁹ Четыре времена года, поэма в четырех песнях. Сочинение Александра Иванчикова. СПб., 1795, стр. 9, 13—14, 21—23.

⁵⁰ Ср.:

How poor, how rich, how abject, how august,
 How complicate, how wonderful, is man!

ропы», отмечал по поводу этого места: «Справедливо говорят, что сие описание нашим песнопевцем почерпнуто из описания певца Британии, во мраке ночи при священном безмолвии природы беседовавшего с Богом, вечностью и бессмертием».⁵¹

Юнгианские мотивы находил Я. К. Грот в одах Державина «На смерть князя Мещерского» (1779) и «Водопад» (1791).⁵²

В журналах 80—90-х годов постоянно встречаются стихи, посвященные теме смерти, кладбища, оплакиванию близких, хотя нельзя в каждом из таких стихотворений видеть непосредственное следование Юнгу. Тем не менее эта связь очевидна в «Ночном размышлении» С. С. Боброва,⁵³ «Сироте на гробе матери» Е. П. Люценко⁵⁴ или цитировавшихся выше анонимных «Мыслях о смерти и вечности».

Молодой Жуковский в подражание Юнгу создает оду «Человек» (1801) — одно из первых своих стихотворений. Эпиграфом он ставит слова: «A worm! a god!», которыми до него уже воспользовался Державин. Эпиграф и выражает основную идею, развивающуюся в оде: ничтожество и величие человека, который, борясь со своими низменными страстями, может через смерть обрести путь к вечной жизни. К словам «жизнь — с бедами брань» Жуковский сделал ссылку «Юнг»,⁵⁵ подразумевая то место из II «ночи», где говорится: «Life is war; eternal war with woe» («жизнь — война, вечная война с бедствиями» — Night II, II. 9—10).⁵⁶

В русской поэзии конца XVIII в. можно встретить и опыты подражания Томсону, правда сравнительно немногочисленные.

How passing wonder He who made him such!
Who center'd in our make such strange extremes!
From different natures, marvelously mix'd,
Connection exquisite of distant worlds!
Distinguish'd link in being's endless chain!
Midway from nothing to the Deity!

An heir of glory! a frail child of dust!
Helpless immortal! insect infinite!
A worm! a god!

(Night I, II. 68—75, 79—81)

⁵¹ Яков Березников. Разбор оды «Бог» г-на Державина. «Вестник Европы», 1812, ч. LXII, апрель, № 7, стр. 191. См. также примечание Я. К. Грога в кн.: Державин, Соч., т. I. СПб., 1864, стр. 201.

⁵² См.: Державин, Соч., т. I, стр. 464, 793. См. также: Л. В. Пумпянский. Сентиментализм. В кн.: История русской литературы, т. IV М.—Л., 1947, стр. 432.

⁵³ «Беседующий гражданин», 1789, ч. III, стр. 340—344.

⁵⁴ «Приютное и полезное препровождение времени», 1795, ч. VII, стр. 377—380.

⁵⁵ «Утренняя заря», 1803, кн. II, стр. 12.

⁵⁶ То же место цитировал Н. Смирнов в «Вечере на горе Могое» («Приютное и полезное препровождение времени», 1794, ч. IV, стр. 315).

Следует оговориться, что далеко не всякое стихотворное произведение, посвященное временам года, было связано с Томсоном. Так, созданная в этот период неопубликованная поэма М. В. Храповицкого «Четыре времени года», где природа описывается в объективно-абстрактной манере, утверждается гармония миропорядка как в природе, так и в обществе и прославляется разум и рассудок, принадлежит скорее классицизму, нежели сентиментализму.⁵⁷

Еще дальше от Томсона «Ода на четыре времена года» (1792) Ивана Майкова, где изменения в природе и сельская жизнь описываются такими пляшущими хорейми:

Как бореи опустились,
Мразны крылья смягчены;
Твари вдруг возвеселились,
Ощутив приход весны.

Поселяне посещают
Плодотворные поля,
Взор плодами улецают,
Прославляя небеса...

и т. д.⁵⁸

Попытка следовать Томсону обнаруживается в стихотворении Д. И. Вельяшева-Волынцева «Апрель» (1796), где автор пишет:

Природа! сколь ты ни прекрасна,
Но тот лишь может льстить себя
Певцом достойным быть тебя,
Кто флейту Геснера имеет
Иль кистью Томсона владеет.⁵⁹

На Томсона ориентируется и некий А. Т. из сельца Кардинского в описательном стихотворении «Весна», герой которого, живущий на лоне природы вдали от суеты,

Беспечно нежась, отдыхает,
С восторгом Томсона читает,
С *Ньютоном* к небесам парит...⁶⁰

Создать описательную поэму томсоновского типа пытался Д. И. Дмитриевский. Его опыт, помещенный в сборнике «Чувствования любителя нравственной поэзии», озаглавлен: «Отрывки из первой песни поэмы „Майское утро“». «Отрывки» представляют собою небольшую самостоятельную поэму (ок. 500 строк), описывающую изменения в природе от ночи до восхода солнца.

⁵⁷ См.: П. Р. Заборов. Неизданная поэма М. В. Храповицкого «Четыре времени года». В кн.: XVIII век, сб. 5. М.—Л., 1962, стр. 429—434.

⁵⁸ Сельская лира любителей, читателям российским. Сочинение Ивана Майкова. СПб., 1792, стр. 3—8.

⁵⁹ «Аониды», кн. I, 1796, стр. 150.

⁶⁰ «Иппокрена, или Утехи любословия», 1799, ч. II, стр. 239.

Она построена по принципу описательной поэмы: описания природных явлений перемежаются с размышлениями, обращениями к людям — естествоиспытателю, пахарю, с прославлениями творца. Встречаются томсоновские мотивы, которые были хорошо знакомы Дмитревскому, хотя прямого перевода поэт избегал.⁶¹ Впрочем, сходство мотивов зачастую обусловлено общностью предмета в обоих произведениях.

Весьма интересно стремление Дмитревского заострить социальную проблематику поэмы. Восход солнца, несущего свет и прогоняющего тьму, дает ему повод рассуждать о распространении света истины, которая покарает «чада тьмы», т. е. носителей социального зла:

Наступит скоро день, святой великий день;
Тогда злодейские деянья обнажатся;
Пред тронem Истины открыто все явятся
И примут чада тьмы суд праведный в делах.⁶²

По-новому преломляется томсоновская тема сибарита, который продолжает нежиться на «лоне праздности», несмотря на то, что солнце уже встало (см. Summer, ll. 67 ff). У Дмитревского он превращен в «гордого», т. е. человека, подчеркивающего свое превосходство над другими. Сперва Дмитревский начинает как бы в «томсоновском ключе» (противопоставление: природа — городская суета), но далее показывает, что возвышение «гордого» возможно только за счет присвоения чужого добра, за счет разорения бедняка.⁶³ Это обличение, которым и завершается поэма, свидетельствует, что в меру своих сил Дмитревский пытался продолжить традиции Новикова. Но художественно «Отрывки из первой песни поэмы „Майское утро“» были крайне слабы и вряд ли привлекли внимание читателей.

Наиболее значительным поэтическим произведением, в котором обнаруживается влияние английской сентименталистской поэзии, является «Таврида» С. С. Боброва⁶⁴ или «Херсонида», как была названа поэма во второй редакции.⁶⁵

⁶¹ Например:

Уж жаворонков глас, гремящий в поднебесной,
Всех движет дремлющих певцов в тени древесной; —
Я слышу тонкий свист средь рощей и лесов —
Какое странное смешенье голосов!

(Чувствования любителя нравственной поэзии. стр. 52)

⁶² Чувствования любителя нравственной поэзии, стр. 57.

⁶³ См.: там же, стр. 68—69.

⁶⁴ Таврида, или Мой летний день в Таврическом Херсонисе. Лирико-эпическое песнотворение, сочиненное капитаном Семеном Бобровым. Николаев, 1798.

⁶⁵ Херсонида, или Картина лучшего летнего дня в Херсонисе Таврическом. Лирико-эпическое песнотворение. Вновь исправленное и умноженное. Сочинение Семени Боброва. СПб., 1804.

Семен Сергеевич Бобров (1763—1810),⁶⁶ подобно Дмитревскому, тоже по происхождению не был дворянином и первоначально воспитывался в духовной семинарии. Во время пребывания в Московском университете в 1780—1785 гг. он сблизился с молодежью, тяготевшей к кружку Новикова, и с 1784 г. начал сотрудничать в новиковских журналах. В число языков, изучавшихся Бобровым в университете, входил и английский,⁶⁷ и он с молодых лет увлекается английской литературой, особенно поэзией. Еще в 80-е годы он переводит Попа (см. 116) и Шеффилда (см. 145). Впоследствии его привлекли баллады Маллета (см. 66, 68).

Поклонник и последователь Ломоносова, Бобров питал глубокий интерес к естественным наукам, и это побуждало его обратить особое внимание на английскую дидактическую поэзию. Из «Тавриды» мы узнаем, что помимо произведений Томсона и Юнга, а также Мильтона, который привлекал его картинами космических катастроф, ему были хорошо известны дидактические поэмы: «Сидр» (1708) Джона Филиппа, «Об уладах воображения» (1744) Марка Эйкенсайда и ранний опыт в описательной поэзии — «Письмо из Италии лорду Галифаксу» (1701) Джозефа Аддисона.⁶⁸ Несомненно, что он был знаком и с другими произведениями такого рода.

В «Тавриде» Бобров пытался объединить традиции научной поэзии Ломоносова и английской дидактико-описательной поэмы. Он ссылается в предисловии на пример Мильтона, Аддисона, Томсона и Эйкенсайда, оправдывая употребление белых стихов. В начале поэмы поэт просит музу «вдохнуть» в него «Аддисона силу», «воображенье чувствительного Экензайда» и «Томсона, жреца природы, дорический напев и строй».⁶⁹ В конце поэмы Бобров вкладывает в уста мудрого «козмополита и зрителя мира» слова:

... был водим
Я богомудрием и Юнгом,
В час некий буду созерцать

⁶⁶ О нем см.: М. Мазаев. Бобров С. С. В кн.: С. А. Венгеров. Критико-биографический словарь, т. IV. СПб., 1895, стр. 57—65; С. Браиловский. Семен Сергеевич Бобров. Известия Историко-филологического института кн. Безбородко в Нежине, 1895, т. XV, отд. XII, стр. 1—39; Ю. М. Лотман. Русская поэзия начала XIX века. В кн.: Поэты начала XIX века. Л., 1961, стр. 52—60 (см. там же биографическую справку — стр. 167—168); М. Г. Альтшуллер. С. С. Бобров и русская поэзия конца XVIII—начала XIX в. В кн.: Русская литература XVIII века. Эпоха классицизма. М.—Л., 1964, стр. 224—246.

⁶⁷ См.: «Друг юношества», 1810, кн. 6, июнь, стр. 126—127.

⁶⁸ См.: Таврида, стр. 2, 4, 66.

⁶⁹ Там же, стр. 4. — Здесь Бобров употребил слово «дорический» в том смысле, в каком оно употреблялось в английском языке (Doric), — сельский, простой, безыскусный. В таком значении оно встречается, в частности, у Томсона (Autumn, II. 3—4) и Мильтона (Lycidas, l. 189).

Наиболее значительным в «Тавриде» было, по-видимому, влияние Томсона. Еще Кюхельбекер заметил о Боброве: «Напитанный чтением английских поэтов, он старался им подражать и главным его образцом был Томсон».⁷¹ Недавно М. Г. Альтшуллер справедливо указал, что «Таврида» построена по образцу второй части «Времен года» («Лето») как описание одного летнего дня от рассвета до ночи.⁷² Бобров усвоил принцип английской дидактико-описательной поэмы — сочетание описания с рассуждениями, историческими и географическими экскурсами и т. д. Конкретность описания определенной местности показывает, что Боброву были знакомы приемы последующей топографической поэзии. Самая манера изображения природы, объективная, не признанная лиризмом, соответствует манере Томсона. Наконец, поэма Боброва завершается гимном, хотя и иного содержания, чем у Томсона.

Помимо общих приемов Бобров заимствовал из «Времен года» и множество конкретных образов. Упоминая в экскурсах иные времена года, кроме лета, он обычно указывает на положение солнца в это время относительно знаков зодиака — прием, обычный у Томсона.⁷³ Кюхельбекер отмечал, что в «описаниях зноя и бури русский стихотворец заимствовал лучшие черты из Времен года».⁷⁴ Действительно, сопоставление русской и английской поэм показывает, что Бобров в этих местах буквально испещрил свой текст цитатами из Томсона.⁷⁵

⁷⁰ Таврида, стр. 271.

⁷¹ Кр. Разбор поэмы Боброва «Херсониды». «Благонамеренный», 1822, ч. XVII, № 12, стр. 453.

⁷² М. Г. Альтшуллер. С. С. Бобров и русская поэзия конца XVIII—начала XIX в., стр. 233. — Существовала поэма немецкого автора Цахаризэ «*Tageszeiten*», однако у нас нет никаких сведений о том, что она была известна Боброву. К тому же в поэме Цахаризэ четыре главы соответствуют четырем частям дня, чего нет в «Тавриде».

⁷³ См.: Таврида, стр. 2, 43, 47, 66, 244. Ср.: Spring, ll. 26—27; Summer, ll. 43—44; Autumn, ll. 23—24; Winter, ll. 41—43.

⁷⁴ «Благонамеренный», 1822, ч. XVII, № 12, стр. 453.

⁷⁵ Приведем два примера:

Вотще я взоры поникаю,
И помощи ищу в земле;
Кипящие пары бегущи
Из скважин преющей земли,
Над коей тонкие частицы
Волнистою струей мелькают,
Надежду гонят прочь далече
И возмущают размысленные.
В лугах открытых прозябенья
До корня жгомы упадают. —
Не слышен звук косы кривой;

Нередко Бобров, заимствуя образы Томсона, стремится развить их, как например при изображении сгущающихся предгрозовых облаков.⁷⁶ Изображая поведение стада в грозу, он опирается на соответствующую картину из «Лета», но добавляет для местного колорита еще и верблюда.⁷⁷ Иногда Бобров заим-

Косец бежит в вертеп сырой
Или ложится в хладну тень
Душистыя скирды высокой. —
На мертвом поле все молчит,
Кузнечик томно лишь сверчит.

(Таврида, стр. 81—82).

In vain the sight, dejected to the ground,
Stoops for relief; thence hot-ascending steams
And keen reflection pain. Deep to the root
Of vegetation parch'd, the cleaving fields
And slippery lawn an arid hue disclose,
Blast Fancy's bloom, and wither ev'n the soul.
Echo no more returns the cheerful sound
Of sharpening scythe: the mower sinking heaps
O'er him the humid hay, with flowers perfum'd;
And scarce a chirping grasshopper is heard
Through the dumb mead.

(Summer, ll. 437—447).

Вдруг дождь шумящий с градом,
Стуча по звучным скатам гор,
Потопом целым ниспадает
Из недр разверстых облаков.

(Таврида, стр. 188).

Down comes a deluge of sonorous hail,
Of prone-descending rain. Wide rent, the clouds
Pour a whole flood. . .

(Summer, ll. 1144—1146).

⁷⁶ Зри! — как там дикий пар сизеет,
И стелется между горами! —
Зри! — там еще ужасна мгла
Над той синеющей дубравой
Растет — густеет — выспрь идет!
Се тот зловердный прах клубится,
Который зноем извлечен
Из сокровеннейших одров,
Где тайны руды спят во мраке,
Где воздух тайный, смертоносный,
Облегши темны минералы,
В покое роковом висит
И ждет путей, чтоб вспыхнуть с треском!

(Таврида, стр. 173).

Ср.:
Behold, slow-setting o'er the lurid grove
Unusual darkness broods; and growing gains
The full possession of the sky, surcharg'd
With wrathful vapour, from the secret beds,
Where sleep the mineral generations, drawn.

(Summer, ll. 1103—1107).

⁷⁷ Ср.: Таврида, стр. 190; Summer, ll. 1151—1156.

ствуует из английской поэмы географические названия, которые затем использует в ином сочетании.⁷⁸ Историю гибели Рихмана от удара молнии Бобров вводит тем же приемом, каким Томсон вводил историю Селадона и Амелии:

Преступники дрожат, — бледнеют
От бледной молнии низпадшей,
От грозных гласов Судии;
Но ах! — всегда ль удар его
Прицелен на чело злодея?
Коликокрaт неосторожна
Невинность гибла от удара? ⁷⁹

А когда русский поэт рассказывал об открытии солнечного спектра, он воспользовался соответствующим местом из «Весны», только заменил имя Ньютона на Ломоносова.⁸⁰

В меньшей мере в «Тавриде» заметно влияние Юнга. Тем не менее в рассказе об «отчаянном пустынноике» (т. е. пустынноике, который отчаялся, когда полчища сарацинов вторглись в Таврию) легко обнаруживаются идеи, почерпнутые из «Ночных мыслей». Ожидая приближение смерти, пустынноик заявляет о своей готовности принять ее и обратиться в прах:

И пусть пылиной паки буду!
Пусть буду сим ничем!

На эти кощунственные слова является ангел, который обличает безбожные «умствования» и рассказывает о бессмертии души. Монологом обращенного пустынноика, обретающего душевное успокоение в вере, заканчивается этот пересказ.⁸¹

Наконец, нетрудно обнаружить английский образец и для описания кладбища в пещере:

О страшный вид! — о мрачны гробы,
Где прах почует бездыханный!
Там спят ли чада сий пещеры? —
Да; тамо спят они мирнее,
Чем жнец, почиющий на дерне!

Последняя строка содержит прямое указание на «Элегию» Грея, где на сельском кладбище громоздятся груды дерна,⁸² и следующие строки представляют собою довольно близкое подражание английскому образцу:

Ах! — может быть, сие чело
Вмещало ангела ум тонкий!
Ах! — может быть, лежит тут сердце,

⁷⁸ Ср., например: Таврида, стр. 85—86; Summer, ll. 750—752, 805—820.

⁷⁹ Таврида, стр. 182; ср.: Summer, ll. 1169—1171.

⁸⁰ Ср.: Таврида, стр. 198; Spring, ll. 207—211.

⁸¹ См.: Таврида, стр. 140—154.

⁸² Where heaves the turf in many a mouldering heap.

Пылавшее огнем небесным! — ⁸³
 А тамо — может быть, простерты
 О отважного героя мышцы! —
 Быть может, — некто здесь Орфей,
 Анахарсис или Гирей
 В сей черной впадине согнул. —
 Увы! — ни дружеска слеза,
 Ниже девические вздохи
 Его не проводили в гроб;
 Ни позлащенная резьба,
 Ни надпись здесь не вопиет
 О имени, — о днях его. —
 Он спит неведом: — что в том нужды? ⁸⁴

Конечно, мотивы и детали из Томсона, Юнга, Грея играют в поэме Боброва сравнительно небольшую роль. Да и само использование «цитат» из английских источников имело, видимо, целью не простое заимствование, но обогащение отечественной поэзии, «прививку» ей английской образной системы.

И все же Бобров не решился создать целиком дидактико-описательную поэму. Он ввел в «Тавриду» (причем довольно искусственно) сюжет, которым полагал связать поэму воедино. Это рассказ о возвращении Мурзы с его наставником Шерифом после паломничества в Медину, о свадьбе Мурзы и кончине Шерифа. По воле автора Мурза и Шериф встречаются с пастухами, которые исполняют свои песни. Это обрамление и песенные вставки и дали основание автору определить жанр своего произведения как «лирико-эпическое песнотворение».

Тем не менее «Таврида—Херсонида» осталась единственным примером русской описательной поэмы, получившей сколько-нибудь широкое признание. Кюхельбекер так и писал: «Херсонида Боброва есть единственная описательная поэма на русском языке». ⁸⁵

Создать описательную поэму томсоновского типа намеревался Жуковский. Он даже наметил план поэмы «Весна» ⁸⁶ и в процессе подготовки составил планы соответствующих произведений Сен-Ламбера и Клейста, предполагал прочесть Томсона, «Георгики» Вергилия, Геснера, а также естественнонаучные сочинения, относящиеся к его теме. ⁸⁷ Однако в итоге Жуковский отказался от осуществления своего замысла. Но возможно, что какие-то свои творческие идеи по поводу этого жанра он сообщил переводив-

⁸³ Ср.:

Perhaps in this neglected spot is laid
Some heart once pregnant with celestial fire. . .

⁸⁴ Таврида, стр. 95—96.

⁸⁵ «Благонамеренный», 1822, ч. XVII, № 11, стр. 410.

⁸⁶ Приведен в кн.: В. И. Резанов. Из разысканий о сочинениях В. А. Жуковского, вып. 2, стр. 498.

⁸⁷ См.: там же, стр. 499—500, 504.

шему «Сады» Делиля А. Ф. Воейкову, потому что последний назвал его своим учителем «в описательной поэзии» и сулил:

И тебе, орел поэзии!
Подле Грея, подле Томсона
Место на небе готовится.⁸⁸

Жанр описательной поэмы не привился на русской почве. По-видимому, те идейно-эстетические причины, которые вызвали ее появление в Западной Европе, здесь утрачивали в значительной мере свое влияние. Они были достаточны, чтобы стимулировать деятельность переводчиков, но их не хватало на оригинальное творчество. Создатели русской поэмы XVIII—XIX вв. не мыслили ее без действия, и основное развитие в ней получила эпическая стихия.⁸⁹ Описание же было подчинено движению сюжета и оттеснено на второй план.

В начале XIX в. Юнг, Томсон, Грей продолжают привлекать русских читателей и писателей, однако воздействие их постепенно ослабевает. Убывает число переводов, подражаний. Своеобразное изменение претерпевают упоминания этих поэтов, по-прежнему встречающиеся в литературе. Они как бы обезличиваются, превращаются в нечто вроде нарицательных имен для обозначения поэта вообще или скорбного поэта (Юнг), поэта кладбищ (Грей), поэта природы (Томсон).

Максим Невзоров, описывающий путешествие по России и подражавший «Письмам русского путешественника», писал в 1803 г.: «Я желал бы для удовольствия вашего вместить в себе таланты и достоинства искуснейшего живописца и хорошего художника, вернейшего историка и глубокого философа, красноречивейшего риторика и великого поэта и быть вместе Флорианом и Бюфоном, Дюпати и Делилем, Томпсоном и Юнгом».⁹⁰

К. А. Долгоруков в стихотворении «Чернилица» утверждал, что без этого прибора

Не знали б мы, что были Грей
Забвенья мрак бы все покрыл.⁹¹

Александр Корсунский в оде «Ум» пишет:

Так глас Орфея, Амфиона,
Так лира Клейста и Томсона
Вдыхают чувство красоты!⁹²

⁸⁸ Воейков. К Ж^{ку}ковскому». «Вестник Европы», 1813, ч. LXVIII, № 5—6, стр. 29.

⁸⁹ См.: А. Н. Соколов. Очерки по истории русской поэмы XVIII и первой половины XIX века. М., 1955.

⁹⁰ Максим Невзоров. Путешествие в Казань, Вятку и Оренбург в 1800 году, ч. I. М., 1803, стр. 7—8.

⁹¹ «Друг просвещения», 1804, ч. II, май, стр. 129.

⁹² «Новости русской литературы», 1803, ч. VIII, стр. 396.

Анонимный автор в послании к князю И. М. Долгорукому уподобляет поэта соловью:

... когда печален сердцем он,
Тогда источник чувств живейших в нем находит...
В дугах Адметовых пел лучше Аполлон!
А Йонг, стениящий Йонг? ..⁹³

В журнале «Аглая» 1812 г. встречается выражение «Грей этого кладбища»,⁹⁴ и т. д.

Такого рода употребление имени поэта свидетельствует о том, что его более почитают, нежели читают, что он из действительного живого фактора постепенно переходит в литературное наследие и утрачивает былую актуальность, вытесняемый новыми литературными явлениями.

Приложение

АНГЛИЙСКАЯ ПОЭЗИЯ XVII—XVIII ВЕКОВ В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ.

1745—1812.

(Материалы для библиографии)

Приведенный ниже указатель представляет собою первый опыт библиографии русских переводов английской поэзии XVII—XVIII вв. Далекое от полноты перечни русских переводов отдельных произведений Мильтона, Юнга, Томсона, Попа и других поэтов в монографиях В. И. Резанова о Жуковском¹ или Н. П. Колюпанова о А. И. Кошелеве,² по полусотне соответствующих записей в указателе к русским журналам и сборникам XVIII в. А. Н. Неустроева³ и библиографии «Переводы из английских авторов в журналах XVIII века» в книге Э. Дж. Симмонса «Английская литература и культура в России»,⁴ — это, видимо, все, чем мы до сих пор располагали.

Настоящая библиография охватывает период от 1745 г., когда был сделан наиболее ранний из известных нам русских переводов английских поэтических произведений — «Погублённый рай» Мильтона, переведенный А. Г. Строгановым (перевод этот до сих пор остается неопубликованным), до 1812 г. (в трех случаях отмечены переиздания, выходящие за эту хронологическую границу — 75, 81, 209). При этом составитель ни в коей мере не претендует на исчерпывающую полноту приведенных сведений, полагая, что такая

⁹³ «Московский зритель», 1806, сентябрь, стр. 21.

⁹⁴ Екатеринославль. «Аглая», 1812, ч. XIII, январь, стр. 52.

¹ В. И. Резанов. Из разысканий о сочинениях В. А. Жуковского, вып. 1. СПб., 1906, стр. 152—153; вып. 2, Пгр., 1916, стр. 217—220, 323—326, 512—513.

² Биография Александра Ивановича Кошелева, т. I, кн. 1. М., 1889, стр. 55—56, 61—64, 70, 71, 78, 116, 200.

³ А. Н. Неустроев. Указатель к русским повременным изданиям и сборникам за 1703—1802 гг. и к Историческому розысканию о них. СПб., 1898, стр. 65 (Борнс), 71 (Букингам), 80 (Вартон), 129 (Гаррик), 161 (Грей), 390 (Мильтон), 476 (Парнель), 513 (Помфред), 615 (Сенстон), 688 (Томсон), 792—793 (Юнг).

⁴ E. J. Simmons. English literature and culture in Russia (1553—1840). Cambridge, Mass., 1935, pp. 129—133.

полнога вообще вряд ли достижима при современном состоянии изучения данного вопроса.

Библиография учитывает переводы только поэтических стихотворных произведений. Исключение сделано для Эдуарда Юнга: указываются также переводы его прозаических сочинений (225—235), поскольку последние воспринимались русскими читателями в тесной связи с его поэзией. Драматические сочинения и отрывки из них, даже написанные стихами, в библиографию не включались. В частности, в ней отсутствует монолог Катона из одноименной трагедии Аддисона, пользовавшийся в России популярностью и многократно переведенный. Вставная песня из комедии Шеридана «Школа злословия» вошла в библиографию (149), потому что ее можно рассматривать как самостоятельное лирическое стихотворение. На том же основании нами показаны переводы стихотворений из романа Голдсмита «Векфильдский священник» (33, 34) и Анны Радклиф «Роман в лесу» (142). Переводы из Оссиана в библиографии не учитывались по двум причинам. Во-первых, формально английские произведения Макферсона-Оссиана написаны ритмической прозой, а не стихами (хотя переводчики часто перелагали их в стихи). Во-вторых, существует уже достаточно полная библиография русского оссианизма,⁵ дублировать которую мы сочли излишним.

Помимо переводов, опубликованных до 1812 г., в библиографии отмечены неизданные переводы, сохранившиеся в рукописи (71, 109, 123, 197), а также переводы, выполненные в указанный период, но изданные позже (32, 46, 98, 133, 176). Обнаруженные в архивах рукописи (автографы, списки) изданных переводов нами не отмечаются.

Библиографические записи сгруппированы по переводимым поэтам, которые располагаются в алфавитном порядке (в английском написании). Произведения одного поэта расположены в алфавитном порядке оригинальных заглавий, переводы одного произведения — в хронологической последовательности первой публикации (фрагментарные переводы особо не отделяются). Переиздания одного перевода даются под одним номером даже в тех случаях, когда они осуществлялись под измененным заглавием. Если же перевод до полного издания выходил частями, то эти публикации отмечаются под отдельными номерами (см 169 и 170, 186—191 и 194, 208 и 209).

В заключительном разделе перечислены произведения, относительно которых по тем или иным причинам было предположено, что они являются переводами английских стихотворений, однако автора их установить не удалось. Перечень этот расположен в хронологическом порядке.

Каждая библиографическая запись включает полное заглавие перевода и подпись, с которой он опубликован, а также примечание, содержащее данные об источнике (обозначается звездочкой). Если удалось установить инициалы и фамилию переводчика, отсутствующие в подписи, или раскрыть его криптонимы, эти сведения приводятся в угловых скобках. Для отдельных изданий сообщаются город, год и число страниц, для публикации в журналах, сборниках, собраниях сочинений — полные сведения об этих изданиях и страницы публикации. При повторном упоминании издания с громоздким заглавием обозначается кратко с отсылкой к записи, содержащей полное описание.

Библиографические записи снабжены аннотациями, в которых указывается характер перевода: проза или стихи. Для неполных переводов сообщается, какая часть произведения переведена. Для переводов не с оригинала по возможности приводятся сведения о переводе-посреднике. Во избежание излишних повторений в аннотациях практикуются перекрестные ссылки на предшествующие аннотации (в отличие от ссылок на библиографические записи такие ссылки обозначаются сокращением «анн»).

Библиография снабжена следующими указателями: 1) хронологический указатель переводов, 2) алфавитный указатель русских журналов и сборников, 3) алфавитный указатель русских переводчиков.

Во всех указателях ссылки даются на номера библиографических записей.

В И Маслов Оссиан в России (Библиография). Л., 1928, 65 стр.

Составитель пользуется случаем, чтобы выразить благодарность за оказанную ему помощь Л. М. Аринштейну, П. Брангу, Н. Д. Кочетковой, А. Г. Кроссу, Д. С. Г. Симмонсу и В. П. Степанову.

Addison Joseph (1672—1719) ¹

Account of the greatest English poets, An. To Mr. Henry Sacheverell. 1694.

7. Краткая история великих английских поэтов, писанная Аддисоном к г. Захеверелю. — Лицей, 1806, ч. I, кн. 2, с. 16—25.

Проза.

Гимн, An. («When all thy mercies, o my God...»). 1712.

2. Чувство благодарения. Аддисон. «Перевод Д. И. Дмитриевского». — В кн.: «Д. И. Дмитриевский». Чувствования любителя нравственной поэзии. М., 1795, с. 23—26.

Стихи.

3. Гимн. Вольный перевод Аддисона. «Перевел» М. Милонов. — Утренняя заря, 1808, ч. VI, с. 184—187.

Стихи.

Letter from Italy, A. To the Right hon. Charles Lord Halifax, in the year 1701.

4. Послание из Италии к лорду Галифаксу 1701 года. Аддисон. — Иппокрена, или Утехи любословия, 1801, кн. VIII, с. 40—51.

Проза.

Akenside Mark (1721—1770)

Pleasures of Imagination, The. 1744.

5. Удовольствия от способности воображения, аглинская поэма в трех песнях, сочинения г. Акенсида. С французского на русский язык переведена «студентом» Евфимом Болховитиновым. М., 1788, XIV, 151 с.

Проза. Перевод французского перевода П. Гольбаха (Holbach) «Les plaisirs de l'imagination. Poème en trois chants. Par M. Akenside» (Amsterdam—Paris, 1759).

Armstrong John (1709—1779)

Of Benevolence. An epistle to Eumenes. 1751.

6. Из сочинений славного аглинского писателя Амстронга. О Благожелательстве. Перевел с немецкого П. Шалимов. — Приятное и полезное препровождение времени, 1798, ч. XVIII, с. 337—345.

Проза.

Taste. 1753.

7. Из сочинений славного аглинского писателя Амстронга. О вкусе. Перевел с немецкого П. Шалимов. — Там же, стр. 321—333.

Проза. Перевод строк 1—220 (всего 249 строк).

Beattie James (1735—1803)

Hermit, The.

8. Пустынный. С аглинского. — Приятное и полезное препровождение времени, 1798, ч. XIX, с. 398—399.

Проза.

Blacklock Thomas (1721—1791)

Hymn to the Supreme being, An; in imitation of the CIV Psalm.

9. Гимн божеству. С аглинского «перевел» Василий Созонович. — Иппокрена, или Утехи любословия, 1799, ч. II, с. 209—220.

Проза.

¹ Прозаический перевод латинского стихотворения Аддисона «Рах Guhnelmi auspiciis Europaе reddita» (1697) опубликован под заглавием «Стихотворение г. Аддисона аглинского стихотворца, на Ризвикский мир» в кн.: Легкомыслов, получивший здравый рассудок, отрывки ироид и стихотворение г. Аддисона на Ризвикский мир. Переведены на русский язык. СПб., 1777, с. 16—36.

- То же (без указания переводчика). — Новости, 1799, кн. 1, май, с. 55—87.

Bloomfield Robert (1766—1823)

Farmer's boy, The. 1800.

10. Сельский работник, поэма Роберта Блумфильда. (Перевод с французского (М. Ошанина)). М., 1809, 152 с.

Проза. Перевод французского перевода «Le valet du fermier, poëme champêtre; par Robert Bloomfeld» (Paris, 1802). Имя русского переводчика указано в посвящении. В «Предуведомлении издателя» (с. 1—36), которое представляет собою перевод биографии Блумфильда, написанной К. Лофртом для английского издания поэмы и переведенной во французском издании, включены два стихотворения поэта (см. 11, 12).

On revisiting the place of my nativity. 1800.

11. Возвращение на мою родину. Соч. г. Блумфильда. Перевел М. Каченовский. — Новости русской литературы, 1802, ч. IV, с. 78—80.

Проза.

— То же (без указания переводчика). — См. 10, с. 32—36.

Village girl, A.

12. «Приветствую тебя, май, любезный май!» — См. 10, с. 11—13.

Проза. Перевод французского перевода.

Brown John (1715—1766)

Cure of Saul, The. A sacred ode. 1763.

13. Оратория. Целение Саула.* Подражание Бровну. (Перевел Г. Державин. — Чтение в Беседе любителей русского слова, 1811, кн. II, № 2, с. 72—90.

Стихи.

Burns Robert (1759—1796)

Address to the shade of Thomson. 1791.

14. Стихи в честь Томсона. Борнс. — Иппокрена, или Утехи любословия, 1800, ч. VII, с. 15—16.

Проза.

Collins William (1721—1759)

Ode on the death of Mr. Thomson. 1748.

15. Ода на смерть Томсона. Коллин. — Иппокрена, или Утехи любословия, 1800, ч. VII, с. 145—148.

Проза.

Oriental eclogues. 1742.

Eclogue I. Selim, or the shepherd's moral.

16. Восточная эклога Вилиама Колинса. (Селим, или Нравоучение пастуха. Долина близ Багдада. Утро). (Перевел Михайло Булгаков. — Агдая, 1810, ч. X, май, с. 55—60.

Проза.

Eclogue II. Hassan, or the camel-driver.

17. Гассан. (Восточная эклога). С англинского (перевел) А. Н. — Улей, 1812, ч. IV, октябрь, № 22, с. 280—283.

Проза.

Cowley Abraham (1618—1667)

Brutus.

18. Брут. Ковлей. — Иппокрена, или Утехи любословия, 1801, ч. VIII, с. 51—56

Проза.

Ode upon his Majesty's restoration and return. 1660.

18a. Ода о восстановлении Карла II. Перевел Василий Березайский. — Растущий виноград, 1787, февраль, с. 14—34.

Проза.

Dryden John (1631—1700)

Alexander's feast; or the power of music An ode in honour of St. Cecilia's day. 1697.

19. Торжество Александра, или Могущество музыки. Перевод оды Дриденовой. — Приятное и полезное препровождение времени, 1798, ч. XX, с. 97—106.

Стихи.

20. Торжество Александрово, или Сила музыки. (Кантата Драйдена в честь св. Цецилии, переложенная с наблюдением меры подлинника). «Перевел» А. Мрзляков «Мрзляков». — Вестник Европы, 1806, ч. XXV, февраль, № 4, с. 273—279.

Стихи.

21. Пир Александра, или Могущество музыки. Драйденова кантата на день св. Цецилии, изобретательницы органов. «Перевод А. Х. Востокова». — В кн.: Опыты лирические и другие мелкие сочинения в стихах А. Востокова, ч. II. СПб., 1806, с. 63—71.

Стихи.

Garrick David (1717—1779)

Epitaph on Sterne. 1768.

22. Надгробие Стерну. (Подражание Гаррику). — Муза, 1796, ч. II, с. 76—77.

Стихи.

Gay John (1685—1732)

Fables. 1727.

23. Басни господина Ге. С английского на французский, а с сего на русский язык переведенные. Чч. I, II. М., 1783, XVIII, 138 с., 108 с.

Проза. Перевод французского перевода М.-Ф. Кералио «Fables de M. Gay... traduit de l'Anglois; par Madame de Keralio» (Londres—Paris, 1759). Басням предпослано заимствованное также из французского издания «Житие Иоанна Ге, взятое из дополнения Белева лексикона» (ч. I, с. III—XVIII).

Отдельные басни.

Court of Death, The.

24. Чертоги Смерти. Баснь. (Из соч. г-на Гея). С английского «перевел» И. Ильинской. — Журнал для пользы и удовольствия, 1805, ч. I, № 3, с. 228—230.

Стихи.

Father and Jupiter, The.

25. Отец и Юпитер. Баснь. С английского из Гея. «Перевел» Иван Ильинской. — Там же, ч. II, № 4, с. 64—66.

Стихи.

Hare and many friends, The.

26. Заяц и его друзья. Баснь. Из Гея. «Перевел» Ив. Ильинской. — Там же, № 5, с. 115—117.

Стихи.

Man and the flea, The.

27. Человек и муха (Басня). (С аглинского). — Там же, ч. IV, № 11, с. 147—148.

Стихи.

Shepherd and the philosopher, The.

28. Пастух и философ. — Утренний свет, 1778, ч. II, март, с. 275—277.

Проза.

29. Басня. Пастух и философ. С аглинско(го) <перевел> Н. Плтк <Н. Р. Политковский>. — Приятное и полезное препровождение времени, 1796, ч. XI, с. 333—336.

Проза.

My own epitaph.

30. «Все в свете есть игра, жизнь самая ничто...». <Перевод Н. М. Карамзина>. — В кн.: <Н. М. Карамзин>. Письма русского путешественника, ч. VI. М., 1801, с. 317.

Стихи.

Sweet William's farewell to black-ey'd Susan. 1725.

31. Приятное прощание Вильяма с черноглазую Сусанной. — Иппокрена, или Утехи любословия, 1800, ч. VII, с. 85—87.

Проза.

Goldsmith Oliver (1728—1774)

Deserted village, The. 1769.

32. Опустевшая деревня. Перевод В. А. Жуковского (1805). — Рукопись в ГПБ; впервые опубли.: В. А. Жуковский, Полн. собр. соч., под ред. А. С. Архангельского, т. I, СПб., 1902, с. 22—24.

Стихи. Перевод строк 1—100.

Hermit, The. A ballad. (Edwin and Angelina). 1765.

33. Баллад. <Перевод Н. Стрехова>. — В кн.: Вакефильдский священник. история. Аглинское сочинение. Ч. I. М., 1786, с. 71—77.

Проза.

34. Эдвин и Ангелина. Баллада. Из сочинений Гольдсмита. <Перевел> П. Политковский. — Цветник, 1809, ч. I, генварь, № 1, с. 49—58.

Стихи.

On a beautiful youth struck blind by lightning.

35. На молодую красавицу, ослепшую от молнии. (Из Гольдшмида). <Перевел> Усолец <М. С. Шулеников>. — Новости русской литературы, 1805, ч. XIV, с. 250.

Стихи.

Gray Thomas (1716—1771)

Alliance of Education and Government, The. A fragment.

36. Начало поэмы о воспитании и просвещении. <Перевод П. И. Голенищева-Кутузова>. — В кн.: Стихотворения Грея. С аглинского языка переведенные Павлом Голенищевым-Кутузовым; с присовокуплением краткого известия о жизни и творениях Грея и многих исторических и баснословных примечаний. М., 1803, с. 85—93.

Стихи.

Bard, The. A Pindaric ode. 1757.

37. Бард. Ода пиндарическая <Перевод П. И. Голенищева-Кутузова>. — В кн.: Стихотворения Грея (см. 36), с. 45—54.

Стихи.

Death of Hoel, The.

38. Смерть Гоеля. <Перевод П. И. Голенищева-Кутузова>. — В кн.: Стихотворения Грея (см. 36), с. 81—82.

Descent of Odin, The. An ode from the Norse tongue. 1761.

39. Сошествие Одина. Взято с норского языка. <Перевод П. И. Голенищева-Кутузова>. — В кн.: Стихотворения Грея (см. 36), с. 70—77.

Стихи.

Elegy written in a country churchyard. 1750.

40. Эпитафия господина Грея самому себе. — Покоящийся трудолюбец, 1784, ч. I, с. 81.

Стихи. Перевод строк 117—128 (The epitaph).

- 41 Кладбище. Елегия Греева. — Там же, 1785, ч. IV, с. 187—193
Проза.
42. Елегия. На сельское кладбище. Сочинение г. Грея. — Беседующий гражданин, 1789, ч. III, октябрь, с. 138—144.
Проза. Перевод французского перевода П. Летуэрнера «*Élégie sur un cimetièrre de sampragne*» (1770).
43. Элегия. «Перевел» кн. ф. Сибирский». — Приятное и полезное препровождение времени, 1796, ч. IX, с. 248—249.
Проза. Вольный перевод отрывков, соответствующих строкам 1—20, 41—48, с французского перевода Летуэрнера (см. анн. 42).
44. Сын Меланхолии. Элегия Греева, написанная на деревенском кладбище. «Перевел» к «нязь» Петр Козловский. — Иппокрена, или Утехи любословия, 1799, ч. II, с. 3—12.
Проза. Вольный перевод французского перевода Летуэрнера (см. анн. 42).
45. Элегия, писанная на сельском кладбище. Гре. — Там же, 1800, ч. VI, с. 440—448.
Проза.
46. Елегия, писанная на сельском кладбище. Из Грая. «Перевод В. А. Жуковского, 1801». — Рукопись в ГПБ; опубл.: В. А. Жуковский, Полн. собр. соч., т. I (см. 32), с. 13—15.
Стихи. 1-й перевод строк 1—114 (черновая редакция).
47. Сельское кладбище. Греева элегия, переведенная с английского. «Перевел» В. Жуковский. — Вестник Европы, 1802, ч. VI, декабрь, № 24, с. 319—325.
Стихи. 2-й перевод Жуковского.
- Сельское кладбище. Элегия. Перевод с английского из Грея. «Перевел» В. Жуковский. — Утренняя заря. Труды воспитанников Университетского благородного пансиона, кн. II. М., 1803, с. 103—114.
48. Элегия, написанная на деревенском кладбище. Сочинение г. Грея. — В кн.: Отрывки литературы. Перевод с французского А... В... м. СПб., 1803, с. 81—98.
Проза. Перевод французского перевода Летуэрнера (см. анн. 42).
49. Элегия, сделанная на сельском кладбище. «Перевод П. И. Голенищева-Кутузова». — В кн.: Стихотворения Грея (см. 36), с. 109—115.
Стихи.
- Epitaph on Mrs. Clarke.
50. Эпитафия госпоже Кларк. «Перевод П. И. Голенищева-Кутузова». — В кн.: Стихотворения Грея (см. 36), с. 107.
Стихи.
- Epitaph on Sir William Williams. 1760.
51. Эпитафия сирю Вилиаму Вилиамсу, убитому при осаде Белиля в 1760 году. «Перевод П. И. Голенищева-Кутузова». — В кн.: Стихотворения Грея (см. 36), с. 108.
Стихи.
- Fatal sisters, The. An ode. From the Norse tongue. 1761.
52. Сестры злощастия. Подражание языку норзскому. «Перевод П. И. Голенищева-Кутузова». — В кн.: Стихотворения Грея (см. 36), с. 65—69.
- Hymn to Adversity. 1742.
53. Ода Нещастие, из стихотворений г. Грея. «Перевел» М. — Чтение для вкуса, разума и чувствований, 1792, ч. V, с. 4—7.
Проза.
54. Напасть. Из Грея. Пер«евел» П... Льв... ь «П. Ю. Львов». — Иппокрена, или Утехи любословия, 1800, ч. VI, с. 150—153.
Проза.

- 55 К превратности судьбы, или к напасти «Перевод П И Голенищева-Кутузова» — В кн Стихотворения Грея (см 36), с 35—37 .
Стихи
- 56 Гимн нещастию «Перевел» Гр Анучин — В кн И отдых в пользу, или Собрание сочинений и переводов в стихах и прозе. М., 1804, с 236—238
Проза
- 57 К несчастью «Перевел» Мрзлвк «А Ф Мерзляков» — Вестник Европы, 1806, ч XXVI, март, № 5, с 50—52
Стихи
- Long story, A 1750
- 58 Длинная повесть «Перевод П И Голенищева-Кутузова» — В кн Стихотворения Грея (см 36), с 96—105
Стихи
- Ode for music performed at the installation of the chancellor of the University of Cambridge 1769
- 59 На вступление герцога Графтона в должность канцлера, управляющего Кембриджским университетом «Перевод П И Голенищева-Кутузова» — В кн Стихотворения Грея (см 36), с 55—61
Стихи
- Ode on a distant prospect of Eton college 1742
- 60 На отдаленный вид Итонской коллегии «Перевод П И Голенищева-Кутузова» — В кн Стихотворения Грея (см 36), с 29—34
Стихи
- Ode on the death of a favourite cat 1747
- 61 На смерть любимой кошки «Перевод П И Голенищева-Кутузова» — В кн Стихотворения Грея (см 36) с 26—28
Стихи
- Ode on the Spring 1742
- 62 Весна «Перевод П И Голенищева-Кутузова» — В кн Стихотворения Грея (см 36), с 23—25
Стихи
- Progress of Poesy, The A Pindaric ode 1754
- 63 Успехи стихотворства Ода пиндарическая «Перевод П И Голенищева-Кутузова» — В кн Стихотворения Грея (см 36), с 38—44
Стихи
- Sonnet on the death of Richard West 1742
- 64 Сонет на смерть Ришарда Веста «Перевод П И Голенищева-Кутузова» — В кн Стихотворения Грея (см 36), с 19
Стихи
- Гlimpses of Owen, The A fragment 1764
- 65 Торжество Овена Отрывок «Перевод П И Голенищева-Кутузова» — В кн Стихотворения Грея (см 36), с 78—80
- Mallett David** (1705—1765)
- Edwin and Emma 1760
- 66 С Б «С С Бобров» Селм и Фатьма Древняя быль Подражание *Маттловои* английской балладе *Генрих и Эмма* — Лицей, 1806, ч II, кн 3, с 3—6
Стихи В подзаголовке Бобров ошибочно привел название поэмы Прайора «Henry and Emma»
- William and Margaret 1724
- 67 Вильям и Маргарита Баллада — Иппокрена, или Утехи любословия, 1800 ч VI с 426—429
Проза

68. Вильгельм и Маргарита. Баллада. С англ(ийского) С—ъ Б—въ <С. С. Бобров>. — Северный вестник, 1805, ч. VII, июль, с. 94—97.

Проза.

Milton John (1608—1674)

Allegro, L'. 1632.

69. Веселие. Из Мильтона. Пер(евел) Пав(ел) Львов. — Новости, 1799, кн. II, июнь, с. 160—168.

Проза.

Lycidas. 1637.

70. Лицид. Идиллия из Мильтона. Пер(евел) Па...ъ Ль...ъ <П. Ю. Львов>. — Иппокрена, или Утехи любословия, 1801, ч. IX, с. 241—252, 257—259.

Проза.

Paradise lost. 1667.

71. Погублённый рай чрез Иоанна Мильто́на героической поемой представленный: с французского на российский язык переведенный тайным советником ее императорского величества действительным каморгером и ордена святого Александра Невского кавалером бароном Александром Григорьевичем Строгановым; в Москве лета 1745. — Списки: ГБЛ, 133 лл.; ГПБ, 1) 238 лл., 2) 179 лл., 3) 96 лл. (обрывается на середине чн. 9); ЛОИИ, 178 лл.

Проза. Перевод французского перевода Н. Ф. Дюпре де Сен-Мора (*Dupré de Saint-Maur*) «*Le paradis perdu*» (1729; переиздания). Предпосланное Строгановым переводу «Предисловие к благосклонному читателю» см. в кн.: А. Н. Пыпин. Для любителей книжной старины. Библиографический список рукописных романов, повестей, сказок, поэм и пр., в особенности из первой половины XVIII века. М., 1888, с. 49—50.

— Опыт письменного перевода г. Строганова, названного им «Погубленного рая». — С.-Петербургский вестник, 1780, ч. VI, июль, с. 48—49.

Отрывок из перевода, соответствующий кн. 1, строки 1—16; помещен в рецензии на перевод 75.

72. «Когда я приближаюсь к ее приятности...» <Перевод В. И. Лебедева>. — Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие, 1761, сентябрь, с. 286—287.

Проза. Отрывок из кн. VIII, строки 546—559; содержится в статье «Продолжение сна о правосудии» (перевод английского журнала «*The Tatler*» No. 102).

73. «Когда с усердием я приближался к ней...» <Перевод Л. И. Сичкарева>. — В кн.: Забавный философ, или Собрание разных остроумно-вымышленных повестей, удивительных сновидений и замысловатых для увеселительного наставления опытов. Перевел с аглинского Лука Сичкарев. СПб., 1766, с. 146—148.

Стихи. Перевод того же отрывка, что и в 72. Содержится в статье «Продолжение видения правосудия».

— То же. — В кн.: Зритель мира и деяний человеческих. Перевел с аглинского Лука Сичкарев. СПб., 1784, с. 103.

74. Потерянный рай. Поэма Иоанна Мильтона. Переведена с аглинского <В. П. Петровым>. СПб., 1777, 107 с.

Проза. Кн. I—III. Имя переводчика указано в посвящении.

75. Потерянный рай, поэма героическая, творение г. Милтона. Переведено с французского языка <Амвросием (А. Н. Серебрянниковым)>. М., 1780, 455 с.

Проза: Перевод французского перевода Н.-Ф. Дюпре де Сен-Мора (см. анн. 71).

— То же. М., 1785, 448 с.

— Потерянный рай. Поэма героическая, творение г. Милтона. Перевод с иностранного языка. Изд. 2-е. М., 1795, 491 с.

Проза.

— То же. Изд. 3-е. М., 1803, 491 с.

— То же. Изд. 4-е. М., 1810, 492 с.

— То же. Изд. 5-е. М., 1820, 499 с.

76. Потерянный рай, поэма Иоанна Мильтона. Переведена с аглинского подлинника «Ф. Загорским». С картинками. Чч. I, II. М., 1795, 333 с.; 303 с.

Проза.

— То же. М., 1796, 333 с.; 303 с.

77. Отрывок из Потерянного рая. (Перевод с французского). «Перевел К. А. Долгоруков. — Друг просвещения, 1804, ч. IV, ноябрь, с. 105. Стихи. Вольный перевод отрывка, соответствующего кн. 1, строки 40—56.

78. «О Муза, в небесах живущая, святая!», «Осанкой, поступью превосходящий всех...», «Винovníк моего создания, любезный...» «Перевод Я. А. Галинковского?». — Корифей, <1807>, кн. XI, с. 55—57, 61—62, 75—76.

Стихи. Перевод отрывков: кн. I, строки 6—48, 589—615, кн. IV, строки 635—656, в статье «Мильтон».

79. Отрывок из III книги Потерянного рая. «Перевел Г-ч Н. И. Гнедич». — Талия, или Собрание разных новых сочинений в стихах и прозе, кн. 1. СПб., 1807, стр. 44—46.

Стихи. Вольный перевод отрывка из кн. III, строки 13—55.

— То же. — Собрание русских стихотворений, взятых из сочинений лучших стихотворцев российских и из многих русских журналов, изданное Василием Жуковским, ч. V. М., 1811, с. 236—238.

80. Потерянный рай, поэма Иоанна Мильтона. Новый перевод с английского подлинника, чч. I, II. М., 1810, XXXIV, 279 с.; 239 с.

Проза. Новая редакция перевода 76.

Paradise regained. 1671.

81. Возвращенный рай, сочинение г. Милтона. Переведен с французского языка Троицкой семинарии (риторики) и пкитики) учителем Иваном Грешищевым. М., 1778, 128 с.

Проза. Перевод французского перевода П. Марейя (Mareuil) «Le paradis gessonquis», который прилагался с 1740 г. к переизданиям «Потерянного рая» в переводе Н. Ф. Дюпре де Сен-Мора (см. анн. 77).

— То же. М., 1785, 112 с.

— То же. М., 1787, 126 с.

— Возвращенный рай. Поэма в четырех книгах. Перевод с иностранного языка (И. Грешищева). М., 1803, 112 с.

Проза. Перевод, заново отредактированный; помещен с отдельным титульным листом и пагинацией в конце 75, изд. 3-е.

— То же. М., 1810, 112 с.

Помещен в конце 75, изд. 4-е.

— То же. М., 1820, 116 с.

Помещен в конце 75, изд. 5-е.

Penseroso, II. 1632.

82. Иль Пенсеро, или Мысли Милтоновы. Перевел с французского Платон Бекетов. — С.-Петербургский вестник, 1780, ч. VI, август, с. 115—124.

Проза. Перевод французского перевода П. Марейя (Mareuil) «Il pensero de Milton», который прилагался с 1740 г. к переизданиям «Потерянного рая» в переводе Н. Ф. Дюпре де Сен-Мора (см. анн. 77).

83. Мильтон в похвале к Меланхолии говорит. — Цветы, собранные из сочинений славных писателей. Перевод с французского. Ярославль, 1785, с. 3—6.

Проза. Сокращенный перевод.

84. Меланхолия. Из Мильтона. Пер⟨евел⟩ Пав⟨ел⟩ Львов. — Новости, 1799, кн. II, июнь, с. 150—159.

Проза.

85. Некоторые черты из Мильтоновой поэмы II *Penseroso*. — Иппокрена, или Утехи любословия, 1800, ч. VII, с. 62—63.

Проза. Перевод строк 63—72, 147—154.

Moore Edward (1712—1757)

Hymn and Death.

86. Гимен и смерть, с аглинского. — Чтение для вкуса, разума и чувствований, 1793, ч. IX, с. 256—259.

Стихи.

Ogilvie John (1733—1813)

Ode to Melancholy, 1759.

87. Меланхолия. Оджилви. — Иппокрена, или Утехи любословия, 1800, ч. VI, с. 433—440.

Проза.

Paget Thomas Catesby (1689—1742)

Essay on human life, An. 1734.

88. Опыт о человеческой жизни г. Попе. Пер⟨евел⟩ М. «И. И. Мартынов». — С.-Петербургский Меркурий, 1793, ч. III, август, с. 151—176; сентябрь, с. 177—190.

Проза. Перевод французского перевода «*Essai sur la vie humaine*», включавшегося в некоторые французские издания сочинений Попа, которому ошибочно приписывалась эта поэма, являющаяся подражанием «Опыту о человеке».

Parnell Thomas (1679—1718)

Health. An *eclogue*.

89. Здравие, эклога. С аглинского г. Парнеля. — Чтение для вкуса, разума и чувствований, 1791, ч. III, с. 136—142.

Проза.

Hermit, The. 1750.

90. Пустынный. Соч⟨инение⟩ Перниля. Пер⟨евел⟩ Иван Кобранов. — Друг юношества, 1808, кн. 3, март, с. 12—27.

Проза.

Pomfret John (1667—1702)

The choice, or wish. 1700.

91. Выбор, из сочинений аглинского писателя г. Помфреда. ⟨Перевел⟩ Михайло Вышеславцов. — Чтение для вкуса, разума и чувствований, 1793, ч. XI, с. 40—49.

Проза.

Pope Alexander (1688—1744)

Dying Christian to his soul, The. 1712.

92. Христианин, торжествующий при смерти. — Уединенный пошхонец, 1786, март, с. 150—152.

Стихи. Вольный перевод.

93. Умиравший христианин к душе своей. Ода из сочинений г. Попе. ⟨Перевел⟩ А. Т. — Приятное и полезное препровождение времени, 1796, ч. IX, с. 297.

Стихи.

Eloisa to Abelard. 1717.

94. Эпистола Элоизы к Обеларду. — В кн.: Сто новых новостей сочинения госпожи Гомец. С французского на российский язык переведен. Т. I. СПб., 1765, с. 175—196.

Стихи. Перевод, по-видимому, французского перевода; помещен среди повестей, взятых из кн.: «*Les cent nouvelles nouvelles de m-me de Gomez*» (La Haye, 1733—1739).

- Ироида, Элоиза к Абеларду. — Модное ежемесячное издание, 1779, ч. I, февраль, с. 83—97.
Перевод заново отредактирован.
- То же. — Новые ежемесячные сочинения, 1786, сентябрь, ч. III, с. 78—103.
- То же. — В кн.: Ироида, I. Элоиза к Абеларду. Ироида, II. Армида к Ринопольду. СПб., «б. г.», с. 5—19.
- То же. — В кн.: Собрание новейших песен и разных любовных стихотворений, ч. I. М., 1791, с. 152—166.
95. Письмо любовное от Элоизы к Абелярду. — В кн.: Собрание писем Абелярда и Элоизы, с присовокуплением описания жизни сих несчастных любовников. Перевел с французского Александр Дмитриев. М., 1783, с. 102—135.
Проза.
96. Элоиза к Абеларду. Ироида. Вольный перевод с французского творения г. Коллардо В. Озеровым. СПб., 1794, 32 с.
Стихи. Перевод вольного французского стихотворного перевода Ш.-П. Колардо (Colardeau) «Épître amoureuse d'Héloïse à Abailard» (1758).
97. Эпистола от Элоизы к Абелярду. Из Bonnet de nuit. De Mr. Mercier. «Перевел» Им—нь. — Иппокрена, или Утехи любословия, 1800, ч. V, с. 337—357.
Стихи. Перевод французского стихотворного переложения Л.-С. Мерсье «Épître d'Héloïse à Abailard, imitée de Pope», помещенного в его кн.: Mon bonnet de nuit. Par Monsieur Mercier. T. III, Lausanne, 1786, p. 57—65.
98. Послание Элоизы к Абеляру. Перевод В. А. Жуковского (1806). — Рукопись в ГПБ; впервые опубл.: В. А. Жуковский, Полн. собр. соч. под ред. А. С. Архангельского, т. I, СПб., 1902, с. 24—25.
Стихи. Вольный перевод строк 1—72.
- Epistle to Dr. Arbuthnot; or Prologue to the Satires. 1735.
99. Послание аглинского стихотворца Попа к доктору Арбутноту «Перевод И. И. Дмитриева». — В кн.: Сочинения и переводы И. Дмитриева, ч. I, «2-е изд.», М., 1803, с. 55—70.
Стихи. Перевод французского перевода Ж. Делиля.
— «Послание». От английского стихотворца Попа к доктору Арбутноту. — В кн.: Сочинения Дмитриева, ч. I. 3-е изд. М., 1810, с. 81—98.
- Epitaph for one who would not be buried in Westminster Abbey.
100. «Прочь цари и герои!» «Перевод Н. М. Карамзина». — В кн.: Н. М. Карамзин. Письма русского путешественника, ч. VI. М., 1801, с. 337.
Проза.
- Epitaph intended for Sir Isaac Newton.
101. Надпись Невтону. — Зеркало света, 1786, ч. II, № 23, 16 июня, с. 118.
Стихи.
102. Поиевы стихи Невтону. «Перевел» Б**. — Чтение для вкуса, разума и чувствований, 1793, ч. XII, с. 227.
Стихи.
103. «Темная ночь покрывала вселенную...». — Минерва, 1806, ч. II, август, с. 258.
Проза. В статье: Надписи на гробницах. С франц(узского) И. С-ий.
104. Перевод Половой эпитафии Невтону. «Перевел» Б* «Б. К. Бланк». — Аглая, 1809, ч. VII, июль, с. 53.
Стихи.
105. Эпитафия Невтону. (Из Попа). «Перевел» Н. Н. С франц(узского). — Друг юношества, 1811, кн. 10, октябрь, с. 37.
- Epitaph on Mr Gay. 1732.
106. «Будучи любезен по своему нраву...» — См. 23, ч. I, с. XVII.
Проза. В статье «Житие Иоанна Ге, взятое из дополнения Белева Лексикона».

Essay on criticism, An. 1711.

107. Опыт о критике. Поэма в трех песнях. Творение г. Попа. С английского языка перевел князь Сергей Шихматов. СПб., 1806, 49 с.

Стихи.

Essay on man. 1733—1734.

108. Опыт о человеке. Господина Попе. Переведено с французского языка Академии наук конректором Николаем Поповским 1754 года. М., 1757, 6, 74 с.

Стихи. Перевод с французского прозаического перевода Силуэтта «Essai sur l'homme par M. Pope. Traduit de l'anglois» (Amsterdam, 1730; переиздания).

— Опыт о человеке. Господина Попия. Переведен с французского языка Академии наук конректором Николаем Поповским 1754 года. 2-е изд. М., 1763, 78 с.

— Опыт о человеке господина Попе. Переведено с французского языка Академии наук конректором Николаем Поповским 1754 года. Изд. 2-е (3-е), М., 1787, 82 с.

— Опыт о человеке философическая поэма. Господина Попия. Переведено с французского языка красноречия профессором и философии магистром Николаем Поповским. Яссы, 1791, VIII, 114 с.

— Опыт о человеке господина Попе. Переведено с французского языка Академии наук конректором Николаем Поповским 1754 года. М., 1802, 77 с.

109. Рассуждение о человеке. Господина Попе. Переведенное с французского языка студентом Иваном Федоровским. — Рукопись в БАН, 59 лл.

Проза. Перевод с французского перевода Силуэтта (см. анн. 108).

110. Опыт о человеке, творение Александра Попе, переведенный прозою с английского оригинала «Ф. Загорским». М., 1801, 133 с.

Проза.

111. Опыт о человеке. Поэма господина Попе. Перевод в прозе с историческими и философическими примечаниями «Е. А. Болховитинова». М., 1806, 112 с.

Проза.

Messiah. A sacred eclogue in imitation of Virgil's Pollio. 1712.

112. Мессия, священная эклога наподобие Поллиона Виргилиева, сочиненная на аглинском г. Попе. Перевод с французского. — Московское ежемесячное издание, 1781, ч. III, ноябрь, с. 203—208.

Проза.

113. Мессия, священная эклога, из сочинений господина Попия. — В кн.: От всего помаленьку, или Собрание философических, нравоучительных, критических, исторических, забавных и любовных материй, переведенных с французского языка, № 2. СПб., 1786, с. 3—7.

Проза.

114. Мессия, священная эклога, писанная в подражание Виргилиеву Поллиону. — Иппокрена, или Утехи любословия, 1800, ч. VII, с. 20—26.

Проза.

115. Мессия. (Священная эклога). Из сочинений г-на Попе перевел Л. . . в. — Московский вестник, 1809, ч. I, № 25, с. 399—400; № 26, с. 401—407.

Проза.

Ode on solitude. 1700.

116. Ода двенадцатилетнего Попе. С англ<ийского> Ббрв «С. С. Бобров». — Беседующий гражданин, 1789, ч. II, май, с. 170—171.

Стихи.

On silence.

117. Молчаливость. Ода того же сочинителя «Попия». — В кн.: От всего помаленьку... (см. 113), № 2, с. 7—10.

Проза.

Pastorals. 1709.

118. Идиллии. Четыре времени года. Перевод из Попия. Перевел Иван Сипягин. — В кн.: *Распускающийся цветок, или Собрание разных сочинений и переводов, издаваемых питомцами учрежденного при имп. Московском университете Вольного благородного пансиона*. М., 1787, с. 166—189.

Проза.

119. Лето, или Алексис. Из Попе. Осень, или Гилас и Егон. Зима, или Дафна. «Перевел» И. Е... вь «Евреиноу». — Приятное и полезное препровождение времени, 1796, ч. XII, с. 145—160.

Проза.

120. Поэма Четыре времени года. Творение г. Попе. С присовокуплением кратких замечаний о жизни, характере и сочинениях сего знаменитого английского писателя. Перевод с английского М. Макарова. М., 1809, 57 с.

Проза.

121. Весна, или Дамон. Первая пастушеская драма. (С французского из сочинений Попе). Лето, или Алексис. Вторая пастушеская драма. Доктору Гарту (Garth). Осень, или Хилас и Егон. Третья пастушеская драма. Г. Вичерлею. Зима, или Дафна. Четвертая пастушеская драма, в память г-же Темпест. «Перевел» Истомин. — Северный Меркурий, 1809, ч. IV, декабрь, с. 143—164.

Проза.

Prologue to Mr. Addison's tragedy of Cato. 1713.

122. Пролог к трагедии «Смерть Катона» Попе. — Иппокрена, или Утехи любословия, 1801, ч. VIII, с. 91—93.

Проза.

Rape of the lock, The. 1712.

123. Букля власов похищенных. Поэма героикомическая господина Попа. Переведена на русский чрез Ш. «И. В. Шишкиным» 1749, октября 20 в Санкт-Питербурхе. — Рукопись в ГПБ, 56 лл.

Проза. Перевод французского перевода мад. де Кейлюс (Caylus) «La boucle de cheveux enlevée. Poème héroïcomique de Monsieur Pope. Traduit de l'Anglois par Mr.**» (Paris, 1728). Предисловие И. В. Шишкина, «К читателю» см. в кн.: А. Н. Пыпин. Для любителей книжной старины (см. анн. 71), с. 9—10.

124. Похищенный локон волосов. Поэма героическая г. Попе, сочиненная на аглинском языке. Переведена с французского «в» 1748 году. М., 1761, 44 с.

Проза. Перевод французского перевода мад. де Кейлюс (см. анн. 123).

— То же. Изд. 2-е. М., 1788, 57 с.

125. «В белой одежде приближается она к жертвеннику...» «Перевод И. Г. Рахманинова». — Утренние часы, 1788, ч. II, нед. 15, с. 29—31.

Проза. Вольный перевод отрывка из песни I, строки 123—144, включенный в статью «Уборный стол модных щеголих» из *Tableau de Paris*, С. Мерсье.

Roman catholic version of the first psalm for the use of a young lady, The. 1716.

125a. Парафразис первой песни еврейского певца в пользу молодой женщине. Соч. г. Попия «Перевел» С. Б. «С. С. Бобров». — Северный вестник, 1805, ч. VIII, октябрь, с. 74—75.

Стихи.

Temple of Fame, The. 1711.

126. Храм славы. «Перевел М. М. Херасков. М., 1761», 20 с.

Стихи. Перевод французского перевода.

127. Храм славы. Из творений славного Попе. Перевел Павел Львов. СПб., 1790, 32 с.

Проза.

Universal prayer, The.

128. Молитва из сочинений г. Попе. <Перевод Е. И. Кострова>. — Зеркало света, 1786, ч. I, № 6, 15 марта, с. 129—132.

Стихи.

— То же. — В кн.: Полное собрание всех сочинений и переводов в стихах г. Кострова, ч. I. СПб., 1802, с. 179—182.

129. Всеобщая молитва, сочиненная г. Попом. Перевод с английского <Н. М. Карамзина?>. — Детское чтение, 1789, ч. XVIII, с. 141—144
Стихи.

130. Всеобщая молитва. Из Попе. С аглинского. — Приятное и полезное препровождение времени, 1798, ч. XX, с. 189—192.

Стихи.

131. Всеобщая молитва высочайшему богу. Попе. — Иппокрена, или Утехи любовсловия, 1800, ч. VII, с. 17—19.

Проза.

132. Всеобщая молитва. Из Попе. <Перевел> Евф. Люценко. — Журнал для пользы и удовольствия, 1805, ч. II, № 4, с. 5—8.

Стихи.

133. Изложение всеобщей молитвы г. Попе. <Перевод Н. Н. Муравьева>. (1810) — В кн.: Н. Н. Муравьев. Некоторые из забав отдохновения с 1805 года, ч. I. СПб., 1828, с. 140—142.

Проза.

Windsor forest. 1713.

134. «Из юных нимф ее дочь Тамеса Лодона...» <Перевод Н. М. Карамзина>. — В кн.: <Н. М. Карамзин> Письма русского путешественника, ч. VI. М., 1801 с. 191—195.

Стихи. Перевод строк 171—218.

Prior Matthew (1664—1721)

Better answer, A.

135. Ответ ревнивой Хлое. Приор. — Иппокрена, или Утехи любовсловия, 1800, ч. VII, с. 91—93.

Проза.

Cloe jealous.

136. Ревнивая Хлоя. Приор. — Там же, с. 88—90.

Проза.

Cupid mistaken.

137. Ошибка Купидона. Приор. — Там же, с. 95—96.

Проза.

Garland, The.

138. Венок. Приор. — Там же, с. 33—35.

Проза.

Henry and Emma. A poem, upon the model of the Nut-Brown Maid.

139. Гейнрих и Эмма, лирическое сочинение, подражание поэме Брюнетте Из сочинений г. Приора. Перевод с немецкого <Н. Маркова>. М., 1788, 64 с.

Проза.

— То же. СПб., 1788, 100 с.

Ode, An. On Exodus III.14. «I am that I am». Written 1688, as an exercise at St. John's college, Cambridge.

140. Ода, писанная 1688 года вместо упражнения в Камбриджской коллегии св. Иоанна (Аз есмь, еже есмь. Исх. гл. III, ст. 14). Приор. — Иппокрена, или Утехи любовсловия, 1800, ч. VII, с. 26—32.

Проза.

Venus mistaken.

141. Ошибка Венеры. Приор. — Там же, с. 142.

Проза.

Radcliffe Ann (1764—1823)

Night (из *The romance of the forest*, ch. V). 1791.

142. Ночь (из романа *La forêt*, сочинения Анны Радклиф). «Перевел» Востоков. — Свиток муз, кн. 1, СПб., 1802, с. 105—108.

Стихи. Перевод с французского перевода «Nuit», помещенного во французском переводе романа Радклиф *«La forêt, ou l'Abbaye de Saint-Claire»*.

— Радклифская ночь. *Из романа *La forêt*, сочинения известной Анны Радклиф. — Опыты лирические и другие мелкие сочинения в стихах А. Востокова, ч. I. СПб., 1805, с. 70—73.

Rowe Elizabeth (1674—1737)

143. Единобеседование. («Пусть на горящих песках Ливии...»). Сочинение) Елисаветы Рове. — Иппокрена, или Утехи любословия, 1800, ч. VII, с. 13—14.

Проза.

144. Единобеседование. («Приди, кроткая смерть!...»). Сочинение) гж. Елисаветы Рове. — Там же, с. 93—94.

Проза.

Sheffield John, duke of Buckingham (1648—1721)

The temple of Death. 1695.

145. Храм смерти, или Отчаянная любовь. Сочинение) графа Буккинггана. С английского (перевел) Сем. Бобров). — Зеркало света, 1787, ч. VI, 15 октября, № 94, с. 671—682; 29 октября, № 96, с. 701—704.

Проза.

— Храм смерти, или Отчаяние юноши по кончине любезной. Из сочинений) графа Буккинггана. «Перевел» С. Бобров). — Иппокрена, или Утехи любословия, 1801, ч. VIII, с. 23—39.

2-я редакция перевода.

Shenstone William (1714—1763)

Ode to a young lady, somewhat too solicitous about her manner of expression.

146. Ода к молодой женщине. Шенстон. — Иппокрена, или Утехи любословия, 1800, ч. VII, с. 149—150.

Проза.

Pastoral ballad, A. In four parts. 1743.

Part III. *Solicitude*.

147. Еклога. Из сочинений г. Сенстона. Беспокойство. — Трудолюбивый муравей, 1771, № 16, с. 122—125.

Проза.

Part IV. *Disappointment*.

148. Еклога. Обманутая надежда. — Там же, № 24, с. 187—188.

Проза.

Sheridan Richard Brinsley (1751—1816)

«Here's to the maiden of bashful fifteen...» (*The school for scandal*, act III, sc. 2). 1777.

149. Песня («Здоровье девицы пятнадцати лет...»). «Перевод М. Н. Муравьева». — В кн.: Школа злословия. Комедия. В пяти действиях. СПб., 1794, с. 74—75.

Стихи. Атрибуцию перевода см. М. Н. Муравьев. Стихотворения. Л., 1967, с. 360.

Thompson William (1712—1766)

Over Thomson's Seasons.

150. Джемсу Томсону на его *Времена года*. В. Томпсон). — Иппокрена, или Утехи любословия, 1800, ч. VII, с. 159—160.

Проза.

Thomson James (1700—1748)

Гимн on Solitude.

151. Песнь уединению. — Покоящийся трудолюбец, 1784, ч. II, с. 164—165.

Проза.

152. Гимн уединению. Томсон. — Иппокрена, или Утехи любословия, 1800, ч. VII, с. 10—13.

Проза.

Seasons, The (Spring, Summer, Autumn, Winter, A hymn). 1726—1730.

153. Колосница, повесть, взятая из стихотворения времен Томпсоновых. Умывальница, повесть, взятая из стихотворения времен Томпсоновых. (Перевод Е. С. Харламова). — В кн.: Новая сельская библиотека, или Отборные повести важные и любопытные, выбранные из наилучших древних и нынешних писателей, переведенные с французского в остающиеся от трудов по должности время в Нове-Городе Е. Х. Т. II. (СПб.), 1781, с. 132—138, 412—416.

Проза. Перевод отрывков, соответствующих: Autumn — строки 177—310, Summer — строки 1268—1369, по фрагментам французского перевода М. Ж. Бонтан (Bontems) «Les saisons. Poème. Traduit de l'anglois de Thompson» (Paris, 1759, переиздания), озаглавленным «Glaneuse» и «Baig-neuse» и помещенным в издании «Nouvelle bibliothèque de campagne, ou Choix d'épisodes interessans et curieux, tirés des meilleurs romans, tant anciens que nouveaux» (t. II, Paris, 1769).

154. Ими всем временам года. — Покоящийся трудолюбец, 1784, ч. I, с. 245—246.

Проза. Перевод отрывка, соответствующий: A hymn — строки 1—36, по французскому переводу М. Ж. Бонтан (см. анн. 153).

155. Лето. — Там же, ч. II, с. 260—268.

Проза. Перевод отрывков, соответствующих: Summer — строки 1—10, 67—73, 432—464, 1103—1149, 1169—1171, 1223—1231, 1256—1323, 1619—1628, по переводу М. Ж. Бонтан (см. анн. 153).

155а. Се твои благословения, о трудолюбие!.. — Детское чтение для сердца и разума, 1786, ч. VII, с. 154—156.

Проза. Перевод отрывка: Autumn, строки 43—151.

156. Весна. (Перевод Н. М. Карамзина). — Там же, 1787, ч. IX, с. 195—205.

Проза. Сокращенный перевод-пересказ Spring.

157. Лето. (Перевод Н. М. Карамзина). — Там же, ч. X, с. 193—207.

Проза. Сокращенный перевод-пересказ Summer.

158. Осень. (Перевод Н. М. Карамзина). — Там же, ч. XI, с. 193—207.

Проза. Сокращенный перевод-пересказ Autumn.

159. Зима. (Перевод Н. М. Карамзина). — Там же, ч. XII, с. 193—206.

Проза. Сокращенный перевод-пересказ Winter.

160. Гимн. Перевод с английского (Н. М. Карамзина). *Сим Гимном заключает Томсон свою поэму Seasons. — Там же, 1789, ч. XVIII, с. 151—158.

Стихи. Перевод A hymn.

— То же. — См. 202, 1798, с. 172—181.

— То же. — См. 202, 1806, с. 181—188.

161. Лавиния, осенняя повесть. Томсон. Перевод с английского (Н. М. Карамзина). — Детское чтение... , 1789, ч. XIX, с. 138—144.

Стихи. Перевод отрывка: Autumn, строки 177—310.

162. Сельская жизнь. *Из трудов стихотворца Томсона. — В кн.: Наставник, или Всобщая система воспитания, преподающая первые основания учености. Сочинение английское, в двенадцати частях. С немецкого языка на российский переложено 1788 года (М. И. Веревкиным). Ч. 1. СПб., 1789, с. 185—188.

Проза. Перевод отрывка, соответствующего Autumn, строки 1233—1275, из кн.: «Der Lehrmeister, oder ein allgemeines System der Erziehung» (1762), являющейся переводом пособия Р. Додсли (Doddsley) «The preceptor: containing a general course of education (1748).

163. Весна. — Чтение для вкуса, разума и чувствований, 1791, ч. III, с. 75—78.
 Проза. Перевод отрывков, соответствующих: Spring, строки 18—35, 77—85, 182—184, 846—855, 871—888, по французскому переводу М. Ж. Бонтан (см. анн. 153).
164. Прелестная жница. Перевод с аглинского. К***. — Там же, с. 283—291.
 Проза. Перевод отрывка: Autumn, строки 177--310; имена героев изменены.
165. Гроза. <Перевел> К. П. Г. <кн. П. С. Гагарин>. — Там же, 1792, ч. VII, с. 421—424.
 Проза. Перевод отрывка: Summer, строки 1171—1222; имя героя изменено.
166. «Чего не может произвести деятельное правительтво...» <Перевод Н. М. Карамзина>. — Московский журнал, 1792, ч. VII, август, с. 198—200.
 Проза. Перевод отрывка: Winter, строки 950—987 (о Петре I) в «Письмах русского путешественника».
 — То же. — В кн.: <Н. М. Карамзин>. Письма русского путешественника, ч. IV. М., 1797, с. 166—169.
167. Дамон и Музидора. Отрывок из Томсоновых времен года. <Перевел> М. В-в <М. М. Вышеславцев>. — Чтение для вкуса, разума и чувствований, 1793, ч. XII, с. 28—35.
 Проза. Перевод отрывка, соответствующего: Summer, строки 1268—1369, по французскому переводу М. Ж. Бонтан (см. анн. 153).
168. Собирающая класы Лавиния. Из поемы г. Томсона. — Библиотека ученая, экономическая, нравоучительная, историческая и увеселительная, в пользу и удовольствие всякого звания читателей, 1793, ч. V, с. 228—238.
 Проза. Перевод отрывка: Autumn, строки 177—310.
169. Гимн на четыре времена года. Томсон. <Перевод Д. И. Дмитриевского>. — В кн.: <Д. И. Дмитриевский>. Чувствования любителя нравственной поэзии. М., 1795, с. 6—20.
 Стихи. Перевод А гумп.
170. Четыре времени года. Поэма Томсона. <Перевод Д. И. Дмитриевского>. М., 1798, X, 516 с.
 Проза; заключительный гимн — стихи (см. 169), заново отредактированные. Перевод немецкого перевода И. Тоблера (Tobler) «Jakob Thomson's Gedichte» (1757—1764).
 — То же. М., 1803, X, 408 с.
 — То же. М., 1812, X, 408 с.
171. Келадон и Амелия. Отрывок. (Ог неизвестной особы). — С.-Петербургский журнал, 1798, ч. I, март, с. 288—292.
 Проза. Переложение отрывка: Summer, строки 1171—1222.
172. Неподражаемый гимн. К четырем временам года. Томсон. — Иппокрена, или Утехн любословия, 1800, ч. VII, с. 3—10.
 Проза. Перевод А гумп.
173. Огрывок из поэмы Времена года г. Томпсона. (Перевод с французского). В. Пушкин. — Друг просвещения, 1804, ч. I, февраль, с. 120—121.
 Стихи. Вольный перевод отрывка, соответствующего: Autumn, строки 1233—1275.
 — Отрывок из Томпсона. <Перевел> В. Пушкин. — С.-Петербургский вестник, 1812, ч. IV, октябрь, № 10, с. 29—30.
 2-я редакция перевода.
174. Весна. <Перевод Н. Н. Муравьева>. — Северный вестник, 1805, ч. VI, май, с. 158—175.
 Проза. Перевод отрывка: Spring, строки 1—375.
175. Гимн. (Подражание Томпсону). <Перевел> Ж. <В. А. Жуковский>. — Вестник Европы, 1808, ч. XL, июль, № 14, с. 165—170.
 Стихи. Перевод А гумп.

176. Гимн к богу. Г. Томсона. (С английского), (1808). — В кн.: Н. Н. Муравьев. Некоторые из забав отдохновения, с 1805 года, ч. II. СПб., 1828, с. 1—7.

Проза. Перевод А. Гумп.

177. Селадон и Амелия. (Эпизод из Четырех времен Томсона). «Перевел» Мрзакв «А. Ф. Мерзляков». — Вестник Европы, 1810, ч. LIV, декабрь, № 24, с. 290—292.

Стихи. Перевод отрывка: Summer, строки 1169—1222.

178. Жательница. Эпизода. Извлеченная из Томсоновой поэмы: Времена годичные. С французского. — Северный Меркурий, 1811, ч. IX, февраль, № 8, с. 117—123.

Проза. Перевод отрывка, соответствующего: Autumn, строки 177—310, по французскому переводу М. Ж. Бонтан (см. анн. 153).

Подражание Томсону.

179. Уныние. *Подражание Томсону. М. Милонов. — Вестник Европы, 1811, ч. LIX, октябрь, № 19, с. 176—179.

Стихи.

Waller(?)

180. Неšťастный в лесах Канады (отрывок). *Сей отрывок взят из сочинений английского стихотворца Валера... С английского «перевел» Расторгуев — Северный Меркурий, 1810, ч. VII, № 20, август, с. 133—143.

Проза.

Warton Thomas (1728—1790)

Подражание Уортону.

181. Бессмертие души. Подражание английскому стихотворцу Вартону. Сочинение г. Вейсе. «Перевел» Пркпвч «В. П. Прокопович». — Новости русской литературы, 1802, ч. IV, с. 289—303.

Проза. Перевод стихотворения К.-Ф. Вейсе «Die Unsterblichkeit der Seele, Nachahmung eines englischen Gedichte von Warton», в кн.: Kleine lyrische Gedichte von C. F. Weiße, Bd. III. Leipzig, 1772, SS. 203—226.

182. Бессмертие души. (Подражание английскому стихотворцу Вартону). «Перевел» Б* «Б. К. Бланк». — Аглая, 1810, ч. XII, кн. 3, декабрь, с. 3—29.

Стихи. Перевод стихотворения К.-Ф. Вейсе (см. анн. 181).

Young Edward (1683—1765)

А. Стихотворные произведения

Complaint, The; or Night thoughts. 1742—1746.

183. Вторая Иунгова ночь о времени, смерти и дружбе. «Перевод М. В. Сушковой». — Вечера, 1772, ч. I, вечера 14—17, с. 105—136.

Проза. Перевод «Night» II.

184. Рассуждение о жизни, смерти и бессмертии человекoв, или Жалоба на жизнь, смерть и бессмертие, то есть половина первых ночи. — В кн.: Цветы любoмудрия, или Философические рассуждения, 1. О том, что нет спокойствия злым. 2. Каков есть человек в естественном состоянии, и 3. О жизни, смерти и бессмертии человекoв. Переведено из книг, Choix littéraire называемых, Алексеем Васильевичем Олешевым, господином действительным статским советником и Вольного Санкт-Петербургского экономического общества членом, в вологодской его деревне. СПб., 1778, с. 39—48.

Проза. Перевод отрывков, соответствующих «Night» I, строки 1—27, 55—180, с французского перевода «La vie, la mort et l'immortalité. Complainte. Première nuit» в кн.: Choix littéraire, t. X. Genève et Copenhague, 1757.

185. Ими на правосудие божие. Переведено из сочинений г. Юнга. — Утренний свет, 1778, ч. III, август, с. 297—352.

Проза. Монтаж отрывков из разных «ночей».

186. Юнговы ноши. Ночь I. Размышления о жизни, смерти и бессмертии. Ночь II. О времени, смерти и дружбе. Переведено с немецкого языка <А. М. Кутузовым>. — Там же, ч. IV, ноябрь, с. 229—286.
 Проза. Перевод с немецкого перевода И.-А. Эберта (Ebert) «Dr. Eduard Young's Klagen, oder Nachtgedanken über Leben, Tod, und Unsterblichkeit» (1760—1771) — «Erste Nacht. Von Leben, Tod und Unsterblichkeit»; «Zweyte Nacht. Von Zeit, Tod, und Freundschaft».
187. Юнговы ноши. Ночь третья. Нарцисса. <Перевод А. М. Кутузова>. — Там же, 1779, ч. V, март, с. 161—189.
 Проза. Перевод с немецкого перевода И.-А. Эберта (см. анн. 186) «Dritte Nacht. Narcissa».
188. Юнга ночь IV. Торжество христианское, где предлагается единственное средство противу ужаса смерти и достодолжное чувствования сердца о неощенном благословении. Ночь V. Возобновление печали. <Перевод А. М. Кутузова>. — Там же, ч. VI, июль, с. 175—271.
 Проза. Перевод с немецкого перевода И.-А. Эберта (см. анн. 186) — «Vierte Nacht. Der Christliche Triumph. Worinn unser einziges Hülfsmittel für die Furcht des Todes, und gebührende Empfindungen des Herzens über den unschätzbaren Segen vorgetragen werden»; «Fünfte Nacht. Der Rückfall».
189. Ночь VI. Обращенный неверстующий. <Перевод А. М. Кутузова>. — Там же, ч. VII, сентябрь, с. 1—41.
 Проза. Перевод с немецкого перевода И.-А. Эберта (см. анн. 186) — «Sechste Nacht. Der bekehrte Ungläubige».
190. Юнгов плач. Ночь VII. Вторая часть обращенного неверстующего. <Перевод А. М. Кутузова>. — Там же, декабрь, с. 269—343.
 Проза. Перевод с немецкого перевода И.-А. Эберта (см. анн. 186) — «Siebente Nacht. Andre Theil des bekehrten Ungläubigen».
191. Ночь осьмая. Защищение добродетели, или Ответ на человека светского, в котором рассматривают любовь к жизни сей, честолюбие и сладострастие, равным образом остроумие и премудрость света. <Перевод А. М. Кутузова>. — Там же, 1780, ч. VIII, февраль, с. 99—172.
 Проза. Перевод с немецкого перевода И.-А. Эберта (см. анн. 186) «Achte Nacht. Schutzschrift für die Tugend, oder Der beantwortete Weltmensch. Worin die Liebe zu diesem Leben, der Ehrgeiz und die Wollust, wie auch der Witz und die Weisheit der Welt, betrachtet werden».
192. Искупление из Ночей господина Юнга. Переведено вольно, или сочинено подражательно. Из Ночей же г. Юнга. Преложение первой ночи, о бедности человеческой. Преложено с французского Турнерова перевода А. Б. — В кн.: Вождь к истинному благоразумию и совершенному щастию человеческому, или Отборные о сих материях мысли славнейших в свете писателей: г. Шпалдинга, дю Мулина и Юнга, которые на российский язык перевел с приобщением собственных полезных мыслей в прозе и стихах вологодский помещик, действительный статский советник и Санкт-Петербургского Вольного экономического общества член Алексей Васильевич Олешев. СПб., 1780, с. 125—128, 129—156.
 Проза. Перевод с французского перевода Летуэрнера «Les nuits d'Young, traduits de l'anglois par M. le Tourneur» (Paris, 1769; переиздания): отрывка из приложения к «V-e nuit» — «La rédemption» и полностью «I-e nuit. Les misères de l'humanité».
193. Ношны мысли, жизнь, смерть и бессмертие, жалобная песнь. Ночь первая. Время, смерть и дружество, жалобная песнь. Ночь вторая. — В кн.: Ношны мысли и другие некоторые сочинении г. Юнга, с агличского на французский, а с французского на российский язык переведенные И. Рухманиновым. СПб., 1780, с. 3—50.
 Проза. Перевод французских переводов: «La vie, la mort, et l'immortalité. Complainte. Première nuit»; «Complainte. Seconde nuit. Le tems,

la mort, l'amitié», помещенных в кн.: *Choix littéraire*, tt. X, XIV. Genève et Copenhague, 1757—1758.

194. Плач Эдуарда Юнга, или *Нощные размышления о жизни, смерти и бессмертии*, в девяти *нощак помещенные*; с присовокуплением двух поэм: 1) *Страшный суд*, 2) *Торжество веры над любовью, творения сего же знаменитого писателя*. «Перевод А. М. Кутузова». Чч. I, II. 2-е изд. М., 1785, 410 с.; 556 с.
- Проза. Перевод с немецкого перевода И.-А. Эберта (см. анн. 186). «Нощи» I—VIII публиковались в «Утреннем свете» (см. 186—191) Эту публикацию А. М. Кутузов считал 1-м изданием.
- То же. Изд. 3-е. М., 1799, 321 с.; 406 с.
- То же. Изд. 3-е (4-е). СПб., 1812, 315 с.; 436 с.
195. *Бытие разумное, или Нравственное воззрение на достоинство жизни*. Перевод с французского «кн. Вадбольского?». М., 1787, VIII, 162 с.
- Проза. Перевод французской антологии избранных отрывков из «Ночей» и «Страшного суда»: «L'existence réfléchie, ou Coup d'oeil moral sur le prix de la vie» (1784), составленной Жюли Карон (Caron) по переводу Летуэрнера.
- *Бытие разумное, или Нравственное воззрение на достоинство жизни*. Творение Юнга. М., 1812, VIII, 162 с.
196. *Смерть Нарциссы, дочери славного Юнга, поэма, сочиненная им самим*. «Перевел» Николай Смирнов. — Иртыш, превращающийся в Иппокрену, 1789, ч. I, декабрь, с. 1—22.
- Проза. Перевод с французского перевода Летуэрнера (см. анн. 192) «IV-е nuit. Narcisse».
197. *Разумное существо, или Нравоучительное рассуждение о цене жизни*. Перевел с французского языка Карп Мисловский, 1790. — Рукопись в ГБА, 54 лл.
- Проза. Перевод антологии Жюли Карон (см. анн. 195).
198. *Вопли Эдуарда Юнга*. Перевод О. Лузанова. СПб., 1791, 34 с.
- Проза. Перевод с французского перевода Летуэрнера (см. анн. 192) — «I-е nuit. Les misères de l'humanité».
199. *Дух Юнгов. Величество божее. Религия*. «Перевел» И. «И. И. Дмитриев». — Приятное и полезное препровождение времени, 1796, ч. IX, с. 241—245, 289—296.
- Проза. Перевод разделов на антологии Жюли Карон (см. анн. 195) — «Grandeur de Dieu» и «Religion».
200. *Дух Юнгов. Драгоценность времени*. «Перевел» И. «И. И. Дмитриев». — Там же, ч. X, с. 3—8.
- Проза. Перевод раздела из антологии Жюли Карон (см. анн. 195) — «Le prix du temps».
201. *Дух Юнгов. Ночные размышления. Совесть. Бедствия человечества. Добродетель*. «Перевел И. И. Дмитриева». — Там же, ч. XI, с. 3—11, 49—55, 81—89, 113—117.
- Проза. Перевод разделов из антологии Жюли Карон (см. анн. 195) — «Pensées de la nuit», «La conscience», «Les misères de l'humanité» и «La vertu».
- 201a. *Подражание Юнгу. Идея, почерпнутая из его плача. Нощь VIII* «Перевел» П. Шалимов. — Там же, 1798, ч. XVII, с. 225—236.
- Проза.
202. *Дух, или Нравственные мысли славного Юнга, извлеченные из Нощных его размышлений*; с присовокуплением некоторых нравственных стихотворений лучших российских и иностранных стихотворцев: Ломоносова, Хераскова, Державина, Карамзина, Томсона и других. Переведено с французского языка надворным советником Александром Андреевым. СПб., 1798, VI, 222 с.
- Проза. Перевод антологии Жюли Карон (см. анн. 195) с добавлением стихотворений названных авторов.

- То же М, 1806, VIII, 216 с
- 203 Картина бытия, помышлением созерцаемая, или Умственное воззрение на драгоценность жизни Перевод с английского языка «Н Морозова» М, 1798, 151 с
Проза Перевод 15 (из 17) разделов антологии Жюли Карон (см анн 195) с добавлением двух разделов, не связанных с Юнгом «О человеке» и «О страстях»
- 204 Плач, или Ношные мысли о жизни, смерти и бессмертии, английское творение г Юнга, с присовокуплением двух поэм 1) Страшный суд, 2) Торжество веры над любовью, и 3) Вольного преложения из книги Йова, творения сего же знаменитого писателя Вновь переведено с аглинского подлинника «С С Джунковским», с описанием жизни сочинителя, многими новыми примечаниями и с двумя гравированными картинами Чч I, II СПб, 1799, XXIV, 486 с, 503 с
Проза
- 205 Средство не страшиться смерти *Из Oeuvres d'Young Перевела М-я Б «М А Боске» — Иппокрена, или Утехи любословия, 1799, ч IV, с 389—396
Проза Сокращенный перевод с французского перевода Летуэрнера (см анн 192) — «V-e nuit Le remède contre la crainte de la Mort».
- 206 Нарцисса Из Oeuvres d'Young «Перевела» М я Б е «М А Боске». — Там же, с 401—410
Проза Сокращенный перевод с французского перевода Летуэрнера (см анн 192) — «IV-e nuit Narcisse»
- 207 Из Юнга Четвертая ночь Нарцисса Перевел с французского Птрий Плтвский «П С Полигковский» — Новости русской литературы, 1803, ч V с 245—256
Стихи Перевод того же французского перевода, что и 206
- 208 Юнговы ночи «Перевод С Н Глинки М, 1803», 62 с
Стихи Вольный перевод с французского перевода Летуэрнера (см анн 192) — «Ночи» I—IV
- 209 Юнговы ночи, в стихах, изданные Сергеем Глинкою М, 1806, 166 с
Стихи Вольный перевод с французского перевода Летуэрнера (см анн 192) — «ночи» I—IV, VIII—XI, XIII, XV, XXI, XXII
- То же Изд 3-е М 1820, 175 с
- 210 Стихотворческие красоты Эдуарда Юнга Перевел с английского Мих Паренаго М 1806, 362 с
Проза Перевод антологии «Beauties of Edward Young, carefully selected from his poetical and prose writings by the rev L. Evans» (1802)
- 211 Похвала удовольствию, извлеченная из Юнговых ночей «Перевел» Б^ч «Б К Бланк» — Аглая, 1809, ч VI, июнь, с 25—34
Проза Сокращенный перевод с французского перевода Летуэрнера (см анн 192) — «XVI-e nuit Le plaisir et le suicide»
- Dedication to Mr Voltaire (из Sea-Piece) 1733
- 212 Послание Юнгово к Волтеру — Утренний свет, 1780, ч VIII, март с 264—266
Проза Перевод французского перевода Летуэрнера «Epi^{tr}e à Voltaire» (1769)
- 213 Послание от г Юнга к г Волтеру «Перевод И Г Рахманинова» — В кн Ношные мысли (см 193), с 125—129
Проза Перевод французского перевода Летуэрнера (см анн. 212).
- 214 Письмо к Волтеру из сочинений г Юнга Переведено на русский язык с французского перевода г Турнера СПб, 1782, 6 с
Проза Перевод французского перевода Летуэрнера (см анн 212)
- Force of religion, The, or Vanquished love 1715
- 215 Могущество веры, или Любовь побежденная «Перевод А М Кутузова» — Утренний свет, 1780 ч VIII, март, с 236—264
Проза

- То же (на тит. л.: Торжество веры над любовью). — См. 194, 1785, ч. II, с. 517—556.
- То же. — См. 194, 1799, ч. II, с. 381—406.
- То же. — См. 194, 1812, ч. II, с. 407—436.
- Торжество веры, или Любовь побежденная. — См. 204, ч. II, с. 461—503.
216. Торжество веры над любовью. Поема, сочиненная г. Юнгом. С французского г. Ле Турнером перевода на российский язык перевел И. Лопухин». М., 1780, 45 с.
- Проза. Перевод французского перевода Летузнера «Jeanne Gray, ou le triomphe de la religion sur l'amour» (1770).
- Last day, The. 1713.
217. Страшный суд господина Юнга, с перевода г. аббата Алберти с аглинского на италийский язык. «Перевод М. М. Щербатова (?)». СПб., 1777, 43 с.
- Проза. Перевод итальянского перевода аббата Альберти (Albeti) «Il guidizio finale» (1770), переведенного с французского перевода Летузнера.
- Страшный суд, поэма г. Юнга в трех песнях, 2-е изд. М., 1787, 49 с.
- То же. — См. 204, ч. I, с. 425—486.
218. Страшный суд. «Перевод А. М. Кутузова». — См. 194, 1785, ч. II, с. 441—516.
- То же. — См. 194, 1799, ч. II, с. 331—380.
- То же. — См. 194, 1812, ч. II, с. 347—403.
219. Страшный суд. «Перевод кн. Вадбольского(?)». — См. 195, 1787, с. 146—162.
- Проза. Перевод из антологии Жюли Карон, раздел «Le jugement dernier», представляющий собою сокращение одноименного французского перевода Летузнера (1769).
- То же. — См. 195, 1812, с. 146—162.
220. Последний суд. «Перевод К. В. Мисловского». — См.: 197, лл. 48—54.
- Проза. Перевод того же, что и в 219.
221. Последний суд. «Перевод А. Я. Андреева». — См. 202, 1798, с. 144—159.
- Проза. Перевод того же, что и в 219.
- То же. — См. 202, 1806, с. 154—170.
- Love of fame, the universal passion. 1725—1728.
222. Юнговы сатиры, или Любовь к славе всеобщая страсть. С аглинского вольно переведенная г. Бертяном. С французского перевел Александр Татаринов. СПб., 1792, X, 92 с.
- Проза. Перевод французского перевода Бертена «Satyres d'Young, ou l'amour de renommée, passion universelle, traduction libre de l'anglois par M. Bertin» (Londres et Paris, 1788).
- Paraphrase on part of the Book of Job, A. 1719.
223. Краткое изъяснение из книги Иова. «Перевод И. Г. Рахманинова». — В кн.: Ношние мысли... (см. 193), с. 51—78.
- Проза. Перевод французского перевода Летузнера «Paraphrase d'une partie du livre de Job» (1769).
224. Вольное переложение некоторых мест из книги Иова. «Перевод С. С. Джунковского(?)». — См. 204, ч. II, с. 435—460.
- Проза.
- Resignation. 1761.
225. Выписка. Из поэмы, называемой беспечность. «Перевод И. Г. Рахманинова». — В кн.: Ношние мысли... (см. 193), с. 142—146.
- Проза. Перевод сокращенного перевода Летузнера «Extrait du poëme intitulé La Résignation» (1769).

The centaur not fabulous 1755

226 Из господина Юнга, английского писателя Евсевий, или Добродетельный богач — Собрание разных сочинений и новостей, 1776, август, с 3—6

Перевод отрывка из письма III во французском переводе Летузнера «Eusebe, ou le riche vertueux» (1769)

227 Письма г Юнга — Утренний свет, 1779, ч VII октябрь, с 93—158

Перевод сокращенных писем I—IV во французском переводе Летузнера «Lettres morales sur le plaisir» (1770)

228 Эвзев, или Добродетельный богач Переведено из сочинений г Юнга И Рахманиновым — Утренний свет, 1780, ч VIII, март, с 205—209

Перевод того же отрывка, что и в 226

— То же — В кн Ношные мысли (см 193), с 91—96

229 Различные размышления Рассмотрение жизни <Перевод И Г Рахманинова> — В кн Ношные мысли (см 193), с 110—125, 129—142

Переводы извлечений из письма V во французском переводе Летузнера «Pensées sur différens sujets» и «Revue de la vie» (1769)

230 Избек, или Добродетельный богач, из сочинений г Юнга Переведено с французского перевода г Турнера СПб, 1782, 5 с

Перевод того же отрывка, что и в 226 Помещен с отдельным титульным листом и пагинацией после «Письма к Волтеру» (см 214)

231 Эраст, или Добродетельный богач Из Юнга <перевел> К П Ш-в <кн П И Шаликов> — Приятное и полезное препровождение времени, 1798, ч XVIII, с 277—280

Перевод того же отрывка, что и в 226

232 Добродетельный богач — Что-нибудь от безделья на досуге, 1800, суббота 9, с 133—137

Перевод того же отрывка, что и в 226

Conjectures on original composition 1759

233 Мысли Юнга об оригинальном сочинении Перевод с французского <И А Грацианского> СПб, 1812, IV, 100 с

Перевод французского перевода Летузнера «Conjectures sur la composition originale» (1770)

Vindication of Providence A or a true estimation of human life, 1728

234 Различные состояния человеческого сообщества, или Естественные и общие наши предметы Переведено из сочинения г Юнга И Рахманиновым — Утренний свет, 1780, ч VIII, март, с 195—205

Перевод сокращенного французского перевода Летузнера «Estimation de la vie Chap I Les différens états de la société, ou nos relations naturelles et sociales» (1770)

— То же — В кн Ношные мысли (см 193), с 96—109

235 Рассуждение о младости Из сочинений г Юнга — От всего помаленьку (см 113), № 2, с 10—13

Перевод сокращенного французского перевода Летузнера «Estimation de la vie Chap III, § 1 La jeunesse» (1770)

В Нестановящиеся произведения Юнга

236 Прогневные чувства Сластолюбивые роскоши и раскаяния в пороках Молитва роскошного Чувство человека, исправившегося от пороков и удалившегося от всех сует света <Перевод И Г Рахманинова> — В кн Ношные мысли (см 193), с 79—91

Проза

237 Мысли человека, удалившегося от света и порока и некоторые нравоучительные рассуждения Перевод с французского А Голенищева-Кутузова Ярославль, 1785, 35 с

Проза Юнг назван в посвящении

238. Мысли Юнговы. <Перевод П. В. Победоносцева>. — В кн.: Плоды меланхолии, питательные для чувствительного сердца, ч. II. М., 1796, с. 64—69.

Проза. Подбор афоризмов.

Переводы из неустановленных авторов

239. Уединение. Ода. Перевод с аглинского. — Магазин чтения для всякого возраста и пола людей, собранный из различных повестей, сказок, басен, анекдотов, стихотворческих, исторических и других кратких сочинений, ч. I. М., 1789, с. 28—36.

Проза.

240. Ночь. Перевод с аглинского. К***. — Чтение для вкуса, разума и чувствований, 1791, ч. III, с. 268—280.

Проза.

241. Человек. С аглинского <перевел> Ив. Иль-ский <Ильинский>. — Приятное и полезное препровождение времени, 1797, ч. XIII, с. 141—143.

Проза.

242. Гимн божеству. Перевел с аглинского Василий Созонович. — Там же, 1798, ч. XVIII, с. 273—277.

Проза.

243. Скупой и сорока. С англ<ийского> <перевел> Н. — Там же, ч. XX, с. 239—240.

Проза.

244. К злойной красавице. С аглинского. — Иппокрена, или Утехи любовная, 1799, ч. I, с. 175—176.

Стихи.

245. Делия. С аглинского. — Там же, с. 205—208.

Стихи.

246. К Беринде. С аглинского. — Там же, 1800, ч. V, с. 381—384.

Стихи.

247. «Господь есть бедных покровитель...» <Перевод Н. М. Карамзина>. — В кн.: <Н. М. Карамзин>. Письма русского путешественника, ч. VI. М., 1801, с. 249—250.

Стихи.

248. О человеке. С англ<ийского> <перевел> В-зь Вельяминов-Зернов. — Новости русской литературы, 1802, ч. III, с. 254—256.

Проза.

249. Умиравший христианин. Из The flowers of the British literature. <Перевел> К-в. — Там же, 1803, ч. VI, с. 50—54.

Проза.

250. Гроза. С аглинского <перевел> К-в. — Там же, с. 60—63.

Проза.

251. К соловью. (Подражание английскому). <Перевел> Попугаев. — Свиток муз, кн. 2. СПб., 1803, с. 92—96.

Стихи.

252. Песня мореходца; перевод с аглинского <П. И. Голенищева-Кутузова>. — В кн.: Стихотворения Павла Голенищева-Кутузова, ч. II. М., 1803, с. 89—90.

Стихи.

253. Отчаянная. С аглинского <перевела> А. Х-а <А. П. Жераскова>. — Журнал для милых, 1804, январь, № 1, с. 14—18.

Проза.

254. Ночь. Стансы. (Перевод с аглинского). — Друг просвещения, 1804, ч. II, май, с. 141—144.

Проза.

255. К времени. С аглинского <перевел> Н. Грамматин. — В кн.: И отдых в пользу (см. 56), с. 92—93.

Стихи.

256. Кладбище. С аглинского. <Перевел> В. Проташинский. — Утренняя заря, 1805, кн. III, с. 126—128.
Проза.
257. Покорность провидению. С аглинского. <Перевел> В. Проташинский. Там же, 1806, кн. IV, с. 93—95.
Проза.
258. Молитва философа. С аглинского <перевел> Н. Грамматин. — Там же, с. 96—98.
Проза.
259. К мудрости. С аглинского <перевел> Яков Лизогуб. — Там же, 1807, кн. V, с. 89—93.
Проза.
260. Задумчивость. С аглинского <перевел> Сергей Соковнин. — Там же, с. 231—233.
Проза.
261. К Нине. (С английского). <Перевел> Ж. <В. А. Жуковский>. — Вестник Европы, 1808, ч. XXXVIII, апрель, № 8, с. 272—273.
Стихи.
262. Осел (с аглинского). <Перевел> — ъ. — Московский вестник, 1809, ч. I, № 22, с. 344—345.
Стихи.
263. Эпитафия певиде. С аглинского. <Перевел> ъ. — Там же, с. 345.
Стихи.
264. К тоске (с аглинского). <Перевел> Кр-в. — Там же, с. 351—352.
Стихи.
265. К ней (с английского). <Перевел> Д.-К.-й. — Там же, № 23, с. 353.
Стихи.
266. Эпиграмма («Сегодня сущий вздор играли...»). С английского К-в. — Там же, с. 354.
Стихи.
267. К *** (С английск<ого>). <Перевел> М. МАНВ <М. В. Милонов>. — Цветник, 1810, ч. VIII, № 10, октябрь, с. 73—75.
Стихи.

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ПЕРЕВОДОВ ¹

1745 — 71	1786 — 33, 92, 94*, 101, 113, 117,
1749 — 123	128, 155a, 235
1757 — 108, 109 (?)	1787 — 18a, 81*, 108*, 118, 145,
1761 — 72, 124, 126	156—159, 195, 217*, 219
1763 — 108*	1788 — 5, 124*, 125, 139, 139*
1765 — 94	1789 — 42, 116, 129, 160—162, 196,
1766 — 73	239
1771 — 147, 148	1790 — 127, 197, 220
1772 — 183	1791 — 89, 94*, 108*, 163, 164, 198,
1776 — 226	240
1777 — 74, 217	1792 — 53, 165, 166, 222
1778 — 28, 81, 184—186	1793 — 86, 88, 91, 102, 167, 168
1779 — 94*, 187—190, 227	1794 — 96, 149
1780 — 71, 75, 82, 191—193, 212,	1795 — 2, 75*, 76, 169
213, 215, 216, 223, 225, 228,	1796 — 22, 29, 43, 76*, 93, 119,
228*, 229, 234, 234*, 236	199—201, 238
1781 — 112, 153	1797 — 166*, 241
1782 — 214, 230	1798 — 6—8, 19, 130, 160*, 170, 171,
1783 — 23, 95, 106	201a, 202, 203, 221, 231, 242, 243
1784 — 40, 73*, 151, 154, 155	1799 — 9, 9*, 44, 69, 84, 194*, 204—
1785 — 41, 75*, 81*, 83, 194, 215*,	206, 215*, 217*, 218*, 224, 244,
218, 237	245

¹ Звездочкой отмечены переиздания.

- 1800—14, 15, 31, 45, 54, 67, 85,
87, 97, 114, 131, 135—138, 140,
141, 143, 144, 146, 150, 152, 172,
232, 246
1801—4, 18, 30, 46, 70, 100, 110,
122, 134, 145*, 247
1802—11, 47, 108*, 128*, 142, 181,
248
1803—36—39, 47*, 48—52, 55,
58—65, 75*, 81*, 99, 170*, 207,
208, 249—252
1804—56, 77, 173, 253—255
1805—24—27, 32, 35, 68, 125a, 132,
142*, 174, 256
- 1806—1, 20, 21, 57, 66, 98, 103,
107, 111, 160*, 202*, 209, 210,
221*, 257, 258
1807—78, 79, 259, 260
1808—3, 90, 175, 176, 261
1809—10, 11*, 12, 34, 104, 115,
120, 121, 211, 262—266
1810—16, 75*, 80, 81*, 99*, 133,
177, 180, 182, 267
1811—13, 79*, 105, 178, 179
1812—17, 170*, 173*, 194*, 195*,
215*, 218*, 219*, 233
1820—75*, 81*, 209*

УКАЗАТЕЛЬ ЖУРНАЛОВ И СБОРНИКОВ¹

- Аглая (М., 1808—1812) 16, 104,
182, 211
Беседующий гражданин (СПб., 1789)
42, 116
Библиотека ученая, экономическая,
нравоучительная, историческая и
увеселительная... (Тобольск,
1793—1794) 168
Вестник Европы (М., 1802—1830)
20, 47, 57, 175, 177, 179, 261
Вечера (СПб., 1772—1773) 183
Вождь к истинному благоразумию и
совершенному щастию человече-
скому... (СПб., 1780) 192
Детское чтение для сердца и разума
(М., 1785—1789) 129, 155a—161
Друг просвещения (М., 1804—1806)
77, 173, 254
Друг юношества (М., 1807—1815)
90, 105
Журнал для милых (М., 1804) 253
Журнал для пользы и удовольствия
(СПб., 1805) 24—27, 132
Забавный философ, или Собрание
разных остроумныхмысленных
повестей... (СПб., 1766) 73
Зеркало света (СПб., 1786—1787)
101, 128, 145
Зритель мира и деяний человеческих
(СПб., 1784) 73
И отдых в пользу, или Собрание со-
чинений и переводов в стихах и
прозе (М., 1804) 56, 255
Иппокрена, или Утехи любословия
(М., 1799—1801) 4, 9, 14, 15,
18, 31, 44, 45, 54, 67, 70, 85, 87,
97, 114, 122, 131, 135—138, 140,
141, 143—146, 150, 152, 172, 205,
206, 244—246
Иртыш, превращающийся в Иппо-
крену (Тобольск, 1789—1791) 196
Корифей (СПб., 1802—1807) 78
Лицей (СПб., 1806) 1, 66
Магазин чтения для всякого возраста
и пола людей... (М., 1789) 239
Минерва (М., 1806—1807) 103
Модное ежемесячное издание (СПб.,
1779) 94
Московский вестник (1809) 115,
262—266
Московский журнал (1791—1792)
166
Московское ежемесячное издание
(1781) 112
Муза (СПб., 1796) 22
Наставник, или Всеобщая система
воспитания... (СПб., 1789—1792)
162
Новая сельская библиотека, или От-
борные повести, важные и любо-
пытные... (СПб., 1779—1781)
153
Новости (СПб., 1799) 9, 69, 84
Новости русской литературы (М.,
1802—1805) 11, 35, 181, 207,
248—250
Новые ежемесячные сочинения (СПб.,
1786—1796) 94
От всего помаленьку, или Собрание
философических, нравоучитель-
ных... материй (СПб., 1782) 113,
117, 235

¹ Сборники произведений одного автора, такие как, например, «Стихотворения Грея» или «Опыты лирические и другие мелкие сочинения в стихах А. Востокова», в указатель не включены.

- Плоды меланхолии, питательные для чувствительного сердца (М., 1796) 238
- Покоящийся трудолюбец (М., 1784—1785) 40, 41, 151, 154, 155
- Приятное и полезное препровождение времени (М., 1794—1798) 6—8, 19, 29, 43, 93, 119, 130, 199—201а, 231, 241—243
- Распускающийся цветок, или Собрание разных сочинений и переводов... (М., 1787) 118
- Растущий виноград (СПб., 1785—1787) 18а
- Санкт-Петербургский вестник (1778—1781) 71, 82
- Санкт-Петербургский вестник (1812) 173
- Санкт-Петербургский журнал (1798) 171
- Санкт-Петербургский Меркурий (1793) 88
- Свиток муз (СПб., 1802—1803) 142, 251
- Северный вестник (СПб., 1804—1805) 68, 125а, 174
- Северный Меркурий (СПб., 1809—1811) 121, 178, 180
- Собрание новейших песен и разных любовных стихотворений (М., 1791) 94
- Собрание разных сочинений и новостей (СПб., 1775—1776) 226
- Собрание русских стихотворений, взятых из сочинений лучших стихотворцев российских... (СПб., 1810—1815) 79
- Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие (СПб., 1758—1762) 72
- Сто новых новостей сочинения г-жи Гомец (СПб., 1765) 94
- Талия, или Собрание разных новых сочинений в стихах и прозе (СПб., 1807) 79
- Трудолюбивый муравей (СПб., 1771) 147, 148
- Уединенный пошехонец (Ярославль, 1786) 92
- Улей (СПб., 1811—1812) 17
- Утренние часы (СПб., 1788—1790) 125
- Утренний свет (СПб., М., 1777—1780) 28, 185—191, 212, 215, 227, 228, 234
- Утренняя заря (М., 1800—1808) 3, 47, 256—260
- Цветник (СПб., 1809—1810) 34, 267
- Цветы любомудрия, или Философические рассуждения... (СПб., 1778) 184
- Цветы, собранные из сочинений славных писателей (Ярославль, 1785) 83
- Чтение в Беседе любителей русского слова (СПб., 1811—1816) 13
- Чтение для вкуса, разума и чувствований (М., 1791—1793) 53, 86, 89, 91, 102, 163—165, 167, 240
- Что-нибудь от безделья на досуге (СПб., 1800) 232

УКАЗАТЕЛЬ ПЕРЕВОДЧИКОВ¹

- А. Б. — 192
- А... В... — 48
- А. Н. — 17
- А. Т. — 93
- Амвросий см. Серебrenников А. Н.
- Андреев А. Я. — 202, 221
- Анучин Г. — 56
- Б** — 102
- Бекетов П. П. — 82
- Березайский В. С. — 18а
- Бланк Б. К. — 104, 182, 211
- Бобров С. С. — 66, 68, 116, 125а, 145
- Болховитинов Е. А. — 5, 111
- Боске М. А. — 205, 206
- Булгаков М. — 16
- Вадбольский — 195, 219
- Вельяминов-Зернов В. Ф. — 248
- Веревкин М. И. — 162
- Востоков А. Х. — 21, 142
- Вышеславцев М. М. — 91, 167
- Гагарин П. С. — 165
- Галинковский Я. А. — 78
- Глинка С. Н. — 208, 209
- Гнедич Н. И. — 79
- Голенищев-Кутузов А. — 237
- Голенищев-Кутузов П. И. — 36—39, 49—52, 55, 58—65, 252
- Грамматин Н. Ф. — 255, 258
- Грацианский И. А. — 233

¹ Помимо фамилий переводчиков в указатель включены *нераскрытые* псевдонимы и криптонимы.

- Грешищев И. — 81
 Державин Г. Р. — 13
 Джунковский С. С. — 204, 224
 Дмитриевский Д. И. — 2, 169, 170
 Дмитриев А. И. — 95
 Дмитриев И. И. — 99, 199—201
 Долгоруков К. А. — 77
 Евреинов И. — 119
 Жуковский В. А. — 32, 46, 47, 98,
 175, 261
 Загорский Ф. А. — 76, 80, 110
 Ильинский И. И. — 24—26, 241
 Им-н — 97
 Истомина С. И. — 121
 К*** — 164, 240
 Карамзин Н. М. — 30, 100, 129, 134,
 156—161, 166, 247
 Каченовский М. Т. — 11
 К-в — 249, 250, 266
 К-й Д. — 265
 Кобранов И. А. — 90
 Козловский П. Б. — 44
 Костров Е. И. — 128
 Кр-в — 264
 Кутузов А. М. — 186—191, 194, 215,
 218
 Лебедев В. И. — 72
 Лизогуб Я. И. — 259
 Лопухин И. В. — 216
 Лузанов О. — 198
 Львов П. Ю. — 54, 69, 70, 84, 127
 Люценко Е. П. — 132
 Л-ъ — 115
 М. — 53
 Макаров М. — 120
 Марков Н. — 139
 Мартьянов И. И. — 88
 Мерзляков А. Ф. — 20, 57, 177
 Милонов М. В. — 3, 179, 267
 Мисловский К. В. — 197, 220
 Морозов Н. — 203
 Муравьев М. Н. — 149
 Муравьев Н. Н. — 133, 174, 176
 Н. — 243
 Н. Н. — 105
 Озеров В. А. — 96
 Олешев А. В. — 184
 Ошанин М. — 10
 Паренáго М. А. — 210
 Петров В. П. — 74
 Победоносцев П. В. — 238
 Политковский Н. Р. — 29
 Политковский П. С. — 34, 207
 Поповский Н. Н. — 108
 Попугаев В. В. — 251
 Прокопович В. П. — 181
 Проташинский В. — 256, 257
 Пушкин В. Л. — 173
 Растрогуев В. — 180
 Рахманинов И. Г. — 125, 193, 213,
 223, 225, 228, 229, 234, 236
 С-ий — 103
 Серебренников А. Н. — 75
 Сибирский Ф. — 43
 Сипягин И. — 118
 Сичкарев Л. И. — 73
 Смирнов Н. — 196
 Созонович В. И. — 9, 242
 Соковнин С. — 260
 Страхов Н. И. — 33
 Строганов А. Г. — 71
 Сушкова М. В. — 183
 Татаринов А. — 222
 Федоровский И. Н. — 109
 Харламов Е. С. — 153
 Херасков М. М. — 126
 Хераскова А. П. — 253
 Шаликов П. И. — 231
 Шалимов П. — 6, 7, 201a
 Шихматов С. А. — 107
 Шишкин И. В. — 123
 Шулепников М. С. — 35
 Щербатов М. М. — 217
 -ъ- — 262, 263

Р. Ю. Данилевский

ВИЛАНД В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

1

В одной из своих эпиграмм Лессинг сказал, что слава писателя подчас переживает популярность его произведений: «Мы хотели бы, чтобы нас меньше превозносили, но больше читали», — заключал он, приводя в пример прославленного, но мало читаемого Клопштока. Судьбу Клопштока разделил в литературе и Кристоф Мартин Виланд.

Поэзию и прозу Виланда много читали в Германии второй половины XVIII в., но уже с 70-х годов, когда был только окончен первый вариант его романа «Агатон», в немецкой литературе возникают явления, привлекающие к себе читательские интересы и отодвигающие Виланда на второй план. Это — течение «бури и натиска», расцвет творчества Гете, затем Шиллера, начало романтизма.

В большинстве своем литераторы последующих и даже ближайших к Виланду поколений, особенно романтики, подчеркивали устарелость писателя. Если Гете и Шиллер доньше остаются живыми литературными явлениями, то произведениям Виланда традиция отводит роль более или менее любопытных музейных экспонатов.

Знакомство с Виландом и его эпохой разрушает, однако, это заблуждение. Многое в его творчестве оказывается свежим и актуальным — идеи, образы, сюжеты, самый стиль.¹ Редкий из писа-

¹ См.: Fr. Sengle. Wieland. Stuttgart, 1949, S. 11.

телей был так слит со своим временем, с его эстетическими исканиями и философскими заблуждениями, с его моралью и бытом, как Виланд. Он был воплощением своей литературной эпохи. Недаром эклектизм, плагиат повсюду чудился критикам его произведений. Но сюжетные заимствования и перепевы идей превращались в зрелом творчестве Виланда в тот специфический виландовский сплав, который, походя в частности на многое, в целом не был похож ни на что прежде. Гете говорил, что Виланд «подобен тростинке, которая колеблется от дуновения различных мнений и в то же время крепко сидит на своем корешке».² Произведения Виланда не несли в себе той доли новизны, какая была, например, в «Вертере» или «Разбойниках», однако он был тем, кого называют «Vahnbrecher», не только для Гете и Шиллера, но и для романтиков и вообще для немецкой поэзии и романа первой половины XIX в.

Время Виланда приходится на последний этап европейской духовной жизни перед Великой французской буржуазной революцией. Вторая половина XVIII столетия — время распространения в Германии просветительской идеологии и вместе с тем время ее кризиса. В немецком Просвещении едва ли не с самого начала (во всяком случае, уже в «моралистических еженедельниках» 1720-х годов) присутствует струя чувствительности, становящаяся все более заметной. Виланд представляет в немецкой литературе XVIII в. эту линию «сердца» в широком смысле слова, линию, которая зародилась в среде пиетистов предыдущего столетия,³ приняла в себя идеи Руссо и английского сентиментализма и привела литературу к «буре и натиску» и «веймарскому классицизму».

Увлечение в 60—70-х годах причудливой, слегка фривольной фантастикой роково помогло Виланду освободиться от религиозных настроений, характерных для его первых произведений.⁴ Вместе с тем ему не был чужд и просветительский дидактизм, хотя нравоучительные ноты естественно вплетаются у зрелого Виланда в сюжетную ткань.

Сочетание фантастики и чувствительности с идеями Просвещения в самом их высоком значении — в этом, вероятно, и заключается специфика виландовского таланта.

Основу мировоззрения Виланда составляли гуманизм, просветительское представление о поступательном развитии цивилизации и совершенствовании человеческого рода. Вслед за англичанином Э. К. Шафтсбери и в отличие от Гоббса и Руссо Виланд рассматривал человека, даже в его первоначальном, «естественном» состоянии, как частицу общества. Из философии Шафтсбери он заимст-

² И. П. Эккерман. Разговоры с Гете в последние годы его жизни. М.—Л., 1934, стр. 358.

³ См.: P. Kluckhohn. Die Auffassung der Liebe in der Literatur des 18. Jh's und in der deutschen Romantik. 2. Aufl. Halle, 1931, S. 176f.

⁴ См.: A. Anger. Literarisches Rokoko. Stuttgart, 1962.

вовал и мысль о тесной взаимосвязанности морали и эстетики, возрожденную Платонову «калокагатию» — единство добра и красоты.⁵

В своем творчестве Виланд использовал достижения других литератур. Многим он обязан французам, особенно Вольтеру.⁶ В Англии его привлекали Ричардсон и Филдинг, но с особой симпатией он относился к Л. Стерну⁷ и Шекспиру, сочинения которого перевел и издал в восьми томах к 1766 г. Поклонник искусства рококо, Виланд обратился к философии и литературам Востока. Без «Тысячи и одной ночи» немислима его поэзия, прозаические сказки и философский роман «Золотое зеркало» (1772) с продолжающей его «Историей мудрого Данишменда» (1775). В этих произведениях заметен и интерес к Китаю.⁸ С восточными традициями сочетались традиции Ренессанса, унаследованные писателем от итальянской новеллы, от поэзии Ариосто и Тассо,⁹ от фавль и Сервантеса. Виланд же одним из первых приобщил немецкую литературу к «народной фантастике сказок и преданий»,¹⁰ хотя сказка воспринималась им еще, разумеется, сквозь призму книжных традиций (рыцарский роман). В отличие от позднейшей романтической фантастики сказки Виланда совершенно не религиозны: в «Обероне» (1780) средневековые отшельники и рыцари обходятся без христианского бога, его заменяет царь эльфов, существо языческого, точнее — шекспировского происхождения. Очень широко представлена в сочинениях Виланда греческая античность, и это сделано со всей достоверностью, какую позволяли знания его эпохи. — в «Разговорах Диогена Синопского» (1770), романах «Агатон» (первое издание, — 1768, второе — 1773, третье — 1794), «История абдеритов» (1781), «Перегрин Протей» (1791), «Агадемон» (1799), «Аристипп и его современники» (1801). Виланд оставил переводы античных авторов — Аристофана, Цицерона, Горация,¹¹ Лукиана. Двух последних считают его учителями. Особенно привлекла писателя сатира Лукиана Самосатского. Сочинения Лукиана были переведены и изданы Виландом в 1788—1789 гг.¹² «Романтический»

⁵ О Шафтсбери см.: А. Адамян. Статьи по эстетике. Ереван, 1967, стр. 130—165. См. также: L. Stettner. Das philosophische System Shaftesburys und Wielands «Agathon». Halle, 1929.

⁶ См.: Н. А. Корфф. Voltaire im literarischen Deutschland des XVIII. Jh's. Halbband 1. Heidelberg, 1917, SS. 484—485.

⁷ См.: М. Л. Троицкая. Виланд — стернианец. В кн.: Проблемы сравнительной филологии. Сб. статей к 70-летию В. М. Жирмунского. М.—Л., 1964, стр. 363—376.

⁸ О китайской тематике в европейских литературах см.: М. П. Алексеев. Пушкин и Китай. В сб.: Пушкин и Сибирь, М., Иркутск, 1937, стр. 110; Ad. Reichwein. China und Europa. Berlin, 1923.

⁹ См.: Н. Tribolet. Wielands Verhältnis zu Ariost und Tasso. Bern, 1919.

¹⁰ А. Н. Веселовский. В. А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения». Пгр., 1918, стр. 436.

¹¹ См.: W. Moencke. Wieland und Horaz. Köln. Graz, 1964.

¹² См.: J. Steinberger. Lukians Einfluß auf Wieland. Göttingen, 1902.

мир произведений Виланда (в том смысле, в каком это понятие употреблялось самим писателем, — т. е. странный, причудливый, далекий от «прозы» жизни)¹³ имел тем не менее самое непосредственное отношение к современной немецкой действительности. Еще в середине 60-х годов в романе «Приключения дон Сильвио де Розальва» (1764) и в «Комических повестях» (1765) появляется насмешливый тон, затем в «Диогене» и «Агатоне» эта лукавая улыбка рококо приобретает иронический оттенок, пока в «Золотом зеркале» и «Абдеритах» не становится сатирой, достигающей порой вольтеровской остроты, бичующей нравственную кость и политический «идиотизм» немецкого бюргерства.¹⁴

Немецкая литературная молодежь последней трети XVIII в., т. е. поколение «бурных гениев» и старших романтиков, была хорошо знакома с книгами Виланда. В журнале «Немецкий Меркурий», основанном Виландом в 1773 г., были поощрены первые опыты Новалиса, шлегелевский перевод Шекспира, ранняя драматургия и «Вертер» Гете. В журнале сотрудничал Шиллер. Молодой Клеменс Brentano жил некоторое время в доме Виланда.¹⁵ Заняв важную должность воспитателя сыновей вдовствующей веймарской герцогини Анны-Амалии, Виланд немало способствовал превращению захолустного прежде городка в литературную столицу Германии.

Но взаимоотношения писателя с молодыми литераторами отнюдь не были патриархальными. Борьба «штюрмеров» против манерности рококо приняла форму борьбы против Виланда. Члены геттингенского «Союза рожи» демонстративно рвали его книги. Известны многочисленные нападки Я. Ленца на Виланда, которые закончились, правда, примирением писателей.¹⁶ Романтическую оппозицию Виланду возглавил Л. Тик, появившийся в этом отношении на своих единомышленников. Гете едко высмеял неудачные драматические произведения писателя в фарсе «Боги, герои и Виланд» (1773).

Расхождение во взглядах между Виландом и «бурными гениями», а затем и романтиками оказалось значительным. Виланду претило романтическое пренебрежение действительностью, шедшая от Клопштока аффектация казалась ему наигранной (поэт

¹³ См. употребление этого термина в поэме 1764 г. «Аврора и Цефал» или в «Пereгpине Протее» (С. М. Wielands Sämtliche Werke, Bde 1—45, Carlsruhe, 1814—1818; Bd. 10, S. 155; Bd. 27, S. 153) (в дальнейшем — Werke, с указанием тома и страниц).

¹⁴ Ср. в «Золотом зеркале»: «Достоинo осмеяния все, что противоречит здравому смыслу и всеобщему чувству добра и красоты» (Werke, Bd. 6, S. 229).

¹⁵ См.: L. Hirzel. Wielands Beziehungen zu den deutschen Romantikern. Bern, 1904.

¹⁶ См.: K. Kluth. Wieland im Urteil der vorklassischen Zeit. Greifswald, 1927, SS. 40—42.

Гиперболус в «Абдеритах» — пародия на «штюрмера»). Взгляды Виланда и романтиков на средневековье были прямо противоположными. Романтиков не могла удовлетворить просветительская вера Виланда в разум, его более чем сдержанное отношение к религии и всякой связанной с ней мистике, его подчеркнутое отрицание «местного» патриотизма. Жизнерадостная фривольность рококо казалась старшим романтикам легкомысленной и аморальной. В то же время романтизм нес с собой возможность гораздо более глубокого проникновения во внутренний мир человека, художника — особенно, чем это было доступно Виланду и Просвещению вообще. История общества, народов и искусства также требовала нового подхода, начатого Гердером. Однако многое связывало «штюрмеров» и романтиков с Виландом: насмешка над филистером, интерес к сказке и признание права поэта на фантазию. Наконец, дальнейшее развитие немецкого литературного языка, и языка поэзии в особенности, не было бы таким стремительным без вклада Виланда, создавшего филигранно отделанную поэтическую речь и прозу, способную передавать тонкие оттенки и переходы мысли и чувства, чего не удавалось достигнуть ни Клопштоку, ни Лессингу.

Три литературных направления по-разному использовали сделанное Виландом — сентиментализм «бури и натиска» и Жан-Поля Рихтера, романтическое направление, «веймарский классицизм» Гете и Шиллера.

Неоценимое значение в истории немецкого романа имел «Агатон». Без опыта Виланда не могли обойтись при создании своих романов Гете и Новалис.¹⁷ «Агатон» послужил стимулом для разработки теории романа в «Опыте о романе» К. Ф. Бланкенбурга.¹⁸ Влияние Виланда исследователи находят даже в шиллеровском «Валленштейне».¹⁹ «Оберон» и другие поэмы-сказки явились, вероятно, литературными источниками романтической фантастики Тика. Особенно напоминают Виланда сказки Гофмана с их соединением вымысла и сатиры.

Современники Виланда признали наконец его заслуги.²⁰ В речи, произнесенной на траурном собрании масонской ложи в Веймаре после похорон Виланда (1813), Гете нашел высокие слова для его оценки как писателя и человека.²¹

¹⁷ См.: Fl. Sengle. Wieland, S. 75f.

¹⁸ См.: C. F. Blankenburg. Versuch über den Roman. Leipzig und Liegnitz, 1774, S. 10.

¹⁹ См.: C. M. Wielands Werke. Hrsg. von H. Pröhle, Bd. 1 (Deutsche National-Literatur. Hrsg. von J. Kürschner. Bd. 51), Berlin, [o. J.], S. XXXI.

²⁰ См.: H. Dinkel. Herder und Wieland. München, 1959, K. Kluth. Wieland im Urteil der vorklassischen Zeit, S. 31f.

²¹ См.: Goethes Werke, Bd. 36, Weimar, 1893, S. 311—346.

История восприятия Виланда в России привлекла внимание исследователей лишь в последнее время.¹ Можно предполагать, что популярность Руссо, Вольтера и Стерна была предпосылкой интереса к Виланду и что идеи и образы этого писателя усваивались в той степени, в какой их мог понять и принять русский литератор и читатель. Во всяком случае, процесс восприятия Виланда должен был протекать быстрее и легче, чем, например, восприятие «Разбойников», и в то же время не столь бурно, как распространилась слава «Вертера».

Начальный этап проникновения произведений Виланда в Россию отмечен теми же особенностями, что и восприятие многих других зарубежных авторов. Оно было по необходимости односторонним и не соответствовало ни тому облику писателя, каким представляли себе его соотечественники, ни позднему отношению к писателю в России. Впрочем, такая первоначальная выборочная рецепция остается, очевидно, принадлежностью всяких межлитературных связей. Чем сложнее воспринимаемый автор, тем сильнее она дает себя знать. Многое зависит и от субъективного отношения переводчика, интерпретатора к переводимому материалу.

Первые упоминания о Виланде в русской печати и первые переводы его произведений относятся к концу 1770-х годов. Один из сюжетов был использован раньше в поэме М. М. Хераскова «Селим и Селима» (1770). Русский поэт, пользуясь французскими переводами одноименной поэмы Виланда 1752 г., мог не знать о ее немецком происхождении или не придавал значения этому обстоятельству.²

Впрочем, Виланд был известен в России тем читателям, которые владели немецким языком, задолго до появления переводов. Список «субскрибентов», приложенный ко второму изданию «Агатона», свидетельствует о некотором модном спросе на Виланда среди высокопоставленного русско-немецкого чиновничества при дворе Екатерины II. Почитателем Виланда и учеником его в поэзии был Л. Г. Николаи, воспитатель, а затем секретарь Павла I. Дочь

¹ См.: Н. Eichstädt. Zukovskij und Wieland. «Die Welt der Slaven», 1967, Н. 3, SS. 247—266; К. Günther. Wieland und Rußland, I, II. «Zeitschrift für Slawistik», Bd. XIII, 1968, Н. 4, SS. 496—511; Н. 5, SS. 695—712.

² В позднейшем предисловии Херасков писал: «В 1770 году небольшая сия поэмка была напечатана в Санкт-Петербурге; она есть подражание французской сего имени поэме, из которой одно расположение взято» (Творения М. Хераскова, вновь исправл. и дополн., ч. III, СПб., 1797, стр. 325). По Н. П. Смирнову-Сокольскому, первое издание поэмы — в 1771 г. (Русские литературные альманахи и сборники XVIII—XIX вв. М., 1965, № 9). — Херасков мог воспользоваться следующими переводами поэмы Виланда: М. Huber. Choix de poésies allemandes, v. 1. Paris, 1766, pp. 352—388; С.-J. Dorat. 1) Réflexions sur la poésie allemande. Leipzig et Paris, 1768, 1769; 2) Recueil de contes et de poèmes, 3-e éd. La Haye, 1770, pp. 141—162.

Павла Мария, ставшая впоследствии герцогиней Веймарской, благоволила к поэту.³

Мода на Виланда не мешала, однако, павловской цензуре относиться крайне подозрительно к произведениям писателя. В январе 1798 г. рижский цензор доносил генерал-прокурору сената, что в шестой книжке «Нового немецкого Меркурия» за 1790 г. издатель «защищает крамольников французских с едкими выражениями противу правления монархического», а в следующей книжке «обвиняет государей за начатие и продолжение войны и содержание войск именует употреблением народного имущества на наем убийцев, на жалование разбойникам».⁴ В «Разговорах богов» цензурой была усмотрена «явная сатира на существование святыя троицы... на введение христианския веры и на св. апостола Петра».⁵ В 1790-х годах журнал Виланда был объектом самого пристального внимания русской цензуры, и, кажется, редкая книжка этого издания, так же как и редкий том полного собрания сочинений писателя, печатавшегося в Лейпциге с 1794 по 1802 г., смогли пройти через цензурные рогатки.⁶

Интерес к Виланду связан с появлением в русской литературе преромантических тенденций. Но сразу наметились разные оттенки понимания Виланда — в зависимости от различия идеологических течений и эстетических взглядов переводчиков. Почти в одно время Виланда начали переводить в журналах «Санкт-Петербургский вестник» и «Утренний свет». В обоих случаях внимание переводчиков было привлечено одним и тем же произведением — «Разговорами Диогена Синопского».

В первой части «Вестника» был переведен диалог философа с богачом Хереем.⁷ Этот эпизод, точнее, ряд сцен, в которых бес-

³ Реестр подписавшихся на «Агатона» начинался с имени Екатерины II (20 экз.); в списке находим фамилии графа Г. Чернышева, секретаря императрицы Г. В. Козицкого (12 экз.), профессора И. Г. Вилламова (см.: С. М. Wieland. Agathon, Teil 4. Leipzig, 1773). — Об отношении к Виланду в русских придворных кругах см. также: E. Heier. L. H. Nicolay (1737—1820) and his contemporaries. The Hague, 1965; K. Günther. Wieland and Rußland, I, S. 504.

⁴ Центральный государственный исторический архив СССР (Ленинград), ф. 1374 (генерал-прокурор сената). оп. 1, ед. хр. 193, л. 162 об. («Реестр книгам непозволенным и сумнительным» при рапорте рижской цензуры от 29 января 1798 г., №№ 274, 275).

⁵ Отзыв об издании: С. М. Wielands Sämtliche Werke, Leipzig, bey G. J. Göschen, 1794—1802, Bd. 25 (там же, л. 34 об.; реестр при рапорте от 11 сентября 1797 г., № 50).

⁶ По архивным данным, указанным автору А. А. Морозовым, запрету подвергались книжки 1, 3, 6, 7, 9 «Нового немецкого Меркурия» за 1790 г., книжки 1 и 2 за 1793 г., книжка 6 за 1794 г., 5 — за 1797, 9 — за 1798 гг. (см. там же, л. 162—163 об., 191, 288). Из собрания сочинений Виланда были запрещены тома XIII («Разговоры Диогена Синопского»), XIV (статья о руссоизме), XXV («Разговоры»), XXVI—XXVIII («Пereгpин Протей») и XXIX, который вызывал особенные придирки цензоров, так как содержал политические статьи Виланда, опубликованные ранее в «Немецком Меркурии».

⁷ Разговоры Диогеновы. (Из сочинений г. Виланда). Диоген и Херей.

сердечию и расточительству знати противопоставлен «естественный» образ жизни Диогена и поселян, мог служить иллюстрацией к одной из основных идей руссоизма. Так его и понял сначала переводчик «Вестника» (им был, очевидно, издатель журнала Георгий Леонтьевич Брайко).⁸

Стиль этого по сути дела первого русского перевода Виланда еще не передавал стиля подлинника. Местами подлинник казался переводчику, вероятно, слишком сдержанным, и тот его распростирая, превращая в декламацию чувствительного стернианца. Скептическая усмешка Виландова Диогена была недоступна или неинтересна переводчику.

Проповедником христианской любви к ближнему и всеобщего согласия Виланд выступает и в той подборке цитат, которая открывала первый номер «Вестника», выполняя роль программы журнала. Там среди подлинных и сочиненных издателем суждений знаменитостей находится цитата, под которой стоит имя немецкого писателя.

«Да помогут мужи, посвятившие жизнь свою или по малой мере приятнейшие часы жизни своея музам и философии, да возмогут они восчувствовать все достоинство своея участи и величие преимуществ, у них во власти состоящих. Колико бы они, колико бы все общество и, наконец, вся человеческая природа тем приобрести могла, если бы все люди, имеющие дарования, все ученые и писатели, отчужденны от зависти и низких частных предметов, наполнены добродетельным и дружелюбным ревнованием, по всеобщему пути стремились бы совокупно, друг другу справедливость отдавали, нового человека, украшенного дарованиями, воспринимали бы с удовольствием и вместо того, чтобы ево, устрашая, повергать в уныние, тшилися бы ево сколько возможно ободрять. Словом, если бы они друг друга так любили и почитали, как то все люди, имеющие достоинства и потому знающие оным цену, творити обязаны, и к чему без сомнения все истинно благородные сердца не которю сокровенною в них необходимостью побуждаются».⁹

Перевод, опубликованный в популярном журнале Н. И. Новикова «Утренний свет», близок к подлиннику своим чуть ирониче-

«Санкт-Петербургский вестник», 1778, ч. I, февраль, стр. 120—128; Диоген и Херей (продолжение), апрель, стр. 259—267. Перевод соответствует главам 6—9 «Диогена Синопского». — К. Гюнтер называет в качестве первого перевода из Виланда перевод статьи «О симпатии» во II части «Утреннего света», ошибочно относя эту часть к январю 1778 г. (она вышла в свет в июле) (см.: K. Günther. Wieland und Rußland, II, S. 702, № 1).

⁸ О «Санкт-Петербургском вестнике» и его издателя см.: П. Н. Берков. История русской журналистики XVIII века. М.—Л., 1952, стр. 348—354; Эпоха Просвещения. Л., 1967, стр. 68—69, 286.

⁹ «Санкт-Петербургский вестник», 1778, ч. I, январь, стр. 14—15. — Источник цитаты установить не удалось. Похожие суждения встречаются в сочинениях Виланда начала 70-х годов, например в «Мыслях об одной древней рукописи» (1772; ср.: Werke, Bd. 13, S. 230). Характерный для журнала Брайко стиль цитаты позволяет предполагать, что это свободная вариация на виландовскую тему.

ским тоном. Обличения афинской знати звучат здесь резче, чем у Брайко. Переводчик «Утреннего света» видел в Диогене скорее ригориста, проповедника нравственности, чем того чувствительного отшельника, каким он представлялся издателю «Вестника».¹⁰

Во второй части «Утреннего света» вышедшей в июле 1778 г., появилось рассуждение, озаглавленное: «Простирать желания свои превыше необходимостей есть наиопаснейшая суетность». Сюда вошел перевод 28-й главы «Диогена» — история о том, как разорившийся бездельник Бакхид безуспешно пытался стать учеником книжного философа.¹¹ Но не юмористическая сторона событий занимала неизвестного переводчика. Были переведены только прения Диогена и Бакхида о том, способствует ли роскошь укреплению нравственности. В переводе появилась реплика философа, произнесенная в ответ на высказанное Бакхидом сомнение, много ли пользы в том, что Диоген питается одними бобами, носит «толстое сукно» (так передано «Sacktuch» подлинника) и живет в бочке. Диоген говорит: «Сладкие яства и великолепное одеяние могут ли произвести истинных патриотов, верных и честных сограждан, чистосердечных друзей, премудрых мужей и тому подобных?»¹² Эти слова отсутствуют в подлиннике и в переводе истории Бакхида, сделанном Брайко месяцем раньше.¹³

Появление переводов из Виланда в «Утреннем свете» было не только следствием интереса Новикова к писателю, но, может быть, в первую очередь результатом участия в журнале Михаила Никитича Муравьева. Проповедь добродетели, обращенная к человеческому сердцу, была близка тому просветительскому направлению русского масонства, которое представляли Новиков и его окружение.¹⁴ Муравьев нередко упоминал о Виланде в своих сочинениях. В нем он видел пример соединения в одном лице философа-моралиста и талантливого писателя.¹⁵ Вместе с Клопштоком, Лессингом и Геснером Виланд для него «сияющий дух» современной немецкой литературы.¹⁶ В одной из статей Муравьева, название кото-

¹⁰ Отрывки от разговоров Диогена Синопийского. Из сочинений г. Виланда «Утренний свет», изд. 1-е, 1778, ч. III, август, стр. 352—370 (перевод 6—14-й глав подлинника). Об «Утреннем свете» см.: П. Н. Берков. История русской журналистики XVIII века, стр. 397—400.

¹¹ Часть из разговоров Диогена Синопейского, которые Виланд, переведя с древнего рукописания, нам передал. «Утренний свет», изд. 2-е, 1779, ч. II, стр. 80—87. (Отсутствие в нашем распоряжении полного первого издания журнала вынуждало частично использовать второе — 1779 г.).

¹² Там же, стр. 86.

¹³ Диоген и Бакхид. «Санкт-Петербургский вестник», 1778, ч. 1, июнь, стр. 437—448.

¹⁴ См.: Г. В. Вернадский. Русское масонство в царствование Екатерины II. Пгр., 1917, стр. 92—94.

¹⁵ См.: М. Н. Муравьев. Дщицы для записывания. «Утренний свет», изд. 1-е, 1778, ч. 4, декабрь, стр. 369; см. также: Полн. собр. соч. М. Н. Муравьева, т. III, СПб., 1820, стр. 138 и след.

¹⁶ См. Полн. собр. соч. М. Н. Муравьева, т. I, СПб., 1819, стр. 145.

рой совпадет с сочинением молодого Виланда, — «О симпатии», фигурирует книга под этим же титулом, производящая глубокое впечатление на автора.¹⁷ «Утренний свет» поместил в своей второй части перевод этого произведения Виланда.¹⁸

Виландовы «*Sympathien*» (1754) были написаны в форме чувствительного монолога-проповеди о родстве душ и предназначались для дамского аристократического кружка, в который был вхож молодой писатель во время пребывания в Цюрихе. Идеи Платона и Шафтсбери, влияние Бодмера сливались в этом произведении с религиозно-сентиментальными настроениями.

Перевод, опубликованный в «Утреннем свете», довольно верно передает экстатический тон подлинника и даже усугубляет его, превращая в подлинную проповедь; употреблением слов «высокого» стиля: «Не рдуйте мне, о суетумудрые, ежели вы ведаете блаженнейшего и величайшего человека, нежели истинный христианин. Коль возвышен образ его мыслей. . .» и т. д.¹⁹ Встречаются в переводе и характерные замены. Выпущена не подходящая для проповеди и, возможно, неясная переводчику фраза: «*Ich will dich zu einem Virtuos o machen*».²⁰ Словесная пара «*Natur und Tugend*» передана как «мудрость и добродетель»: упоминание природы в моралистической проповеди переводчик счел излишним. Осталась непереуведенной последняя, четырнадцатая глаука подлинника, где автор с наивной пылкостью критиковал с позиций пиетизма существующие религии.

Один из упоминающихся в «Симпатиях» персонажей — некий юноша Аминтор — был рожден, по словам Виланда, «*im Vaterlande der Schörfе und unter einer dicken Luft*». Это выражение явно двусмысленно и предвосхищает будущий иронический стиль Виланда. «Отечество косицы» с одинаковым успехом можно было увидеть в Китае и в Пруссии. Переводчик предпочел заменить это место вполне бесцветным «рожден под мрачным небом», памятуя, быть может, что косицы и затхлая атмосфера были признаками не только Китая или Германии.²¹

Переиздавая впоследствии свои «Симпатии», Виланд признавался, что наполнил их намеками и аллюзиями, из которых далеко не все были раскрыты в первоначальном тексте.²² Было ли это про-

¹⁷ См. там же, т. III, стр. 243—245. — «Ты любишь Виланда, — писал Муравьев сестре в 1778 г. — Разве не веришь ты его любимым мыслям, что есть сродственные души, наслаждающиеся рассматриванием друг друга?» (М. Н. Муравьев. Стихотворения. Л., 1967, стр. 30—31).

¹⁸ О симпатии. Из соч. г. Виланда. «Утренний свет» изд. 2-е, 1779, ч. II, стр. 10—67.

¹⁹ Там же, стр. 42—43.

²⁰ Термин Шафтсбери. Ср.: Werke, Bd. 42, S. 132. — Имеется в виду гармонически развитый человек.

²¹ «Утренний свет», изд. 2-е, 1779, ч. II, стр. 65 (ср.: Werke, Bd. 42, S. 165).

²² См.: Werke, Bd. 42, S. 162.

диктовано искренними взглядами Виланда или отчасти юношеской шалостью в расчете на недостаточную литературную осведомленность цюрихских дам, но в «Симпатиях» упоминается Лукиан и скрыто цитируется Свифт. Эти авторы уже появлялись в русских журналах,²³ но едва ли переводчик узнал их в таком «серафическом» контексте.

Сотрудников «Утреннего света» привлекли и другие произведения Виланда раннего периода. В журнале были помещены переводы двух его «видений».²⁴ Это тоже эмоционально напряженная проза, возникшая под влиянием Геснера.²⁵ Аллегоричность «видений» напоминает литературу барокко, и вместе с тем их стиль содержит некоторые особенности будущей прозы Жан-Поля — сочетание чувствительности с грандиозностью образов, символику, тяготение к сложной синтаксической конструкции, насыщенность литературными реминисценциями.

«Видение мирзы» (1754) относится к тому типу псевдovосточных аллегорий, которые охотно использовались литераторами XVIII в. Наиболее известным было одноименное «видение» Дж.>Addисона,²⁶ послужившее, вероятно, образцом Виланду. Место действия то же, что и у>Addисона, — гора близ Багдада, совпадает общий смысл — торжество добродетели. Но персонификация души и ее качеств в виде богинь и божков, которыми населено «видение» Виланда, изобретена эпохой рококо. В отличие от большинства ранних произведений Виланда «Видение мирзы» не содержит следов религиозного экстаза.

Второе «видение» — «Видение мира невинных людей» (1755) — носит характер социальной утопии и вместе идиллии в духе Геснера; изображается счастливое человеческое общество другой планеты, на которой не произошло библейского грехопадения. Иронии здесь еще нет. Напротив, фрагмент проникнут оптимизмом, той идеей «все к лучшему», которую тогда еще поддерживал и Вольтер.²⁷ Произведение заканчивается монологом гения, утешающего жителей земли, не достигших блаженной жизни на своем «шаре». Переводчик добавил абзац в возвышенном масонском стиле:

²³ Так, в 1760 г. в «Сочинениях и переводах к пользе и увеселению служащих» (т. XI) появились «Швифтовы размышления о разных материях», а в «Полезном увеселении» (т. I) «Лукиана разговоры морские». Лукиановские темы встречаются и в периодике 50-х годов — в «Ежемесячных сочинениях» (т. III), в «Трудолюбивой пчеле» (1759, март) и т. д.

²⁴ Видение Мирзы. «Утренний свет», изд. 1-е, 1778, ч. III, август, стр. 285—297; Видение мира невинных человеков. Из сочинений г. Виланда. Там же, изд. 2-е, 1779, ч. II, стр. 171—200.

²⁵ См.: Fr. Senigle. Wieland. Stuttgart, 1949, S. 80.

²⁶ См.: Эпоха Просвещения, стр. 23—24. — Ср. также «Видение мурзы» Г. Р. Державина, написанное в 1783—1784 гг.; так же как Виланд, Державин использует лишь общий исходный момент сюжета; его образец при этом тоже, вероятно,>Addисон.

²⁷ См. К. Н. Державин. Вольгер. М.—Л., 1946, стр. 129—132.

«О поклоняемый дух! теряются помышления мои во глубине таинств твоих; тихоторжествующее исступление о твоём милосердии протекает по распространённому сердцу. Коль благо есть быти твоим созданием!» и т. д.²⁸

Стиль перевода торжественнее, чем в подлиннике, — этим отличаются все переводы из Виланда, появившиеся в «Утреннем свете».

«Санкт-Петербургский вестник» продолжал между тем публикацию глав из «Диогена Синопского». По сравнению с упомянутым нами первым переводом стиль последующих несколько изменился. Возможно, Г. Брайко, по мере работы над переводом, внимательнее вчитывался в это произведение и увидел в нём не только руссоистское превознесение «естественного» образа жизни, но и критику общества.

Перевод глав 14—22, заключающих в себе чувствительную повесть о встрече молодого Диогена с гетерой Гликерией, об их бегстве из Афин на лоно природы и о смерти девушки, выдает пристрастие Брайко к жанру идиллии.²⁹ Он осторожно обходит чувственные сцены, нарушающие общее сентиментальное настроение повести. «Schöne Seelen» переводятся как «пленающие души»: переводчику непонятен смысл этого термина, раскрытый в «Агатоне» за десять лет перед тем.

Перевод был опубликован в мартовской книжке журнала, а в апреле появилось продолжение «Диогена и Херея» (главы 11—13). Здесь обличение знати полностью воспроизведено переводчиком. Сохранена не только мысль о несовместимости богатства с человеколюбием и истинным искусством, но и точка зрения на богатство как на результат ограбления других людей.³⁰

Не менее тщательно сделал Брайко и перевод глав 35 и 36, ключевой части «Диогена», повествующей о ночной беседе философа с Александром Македонским.³¹ Сохранены все увещевания и советы Диогена, обращенные к Александру, который собирается завоевывать мир (совет использовать власть для помощи беднякам, предупреждение, что у самодержца не может быть искренних друзей и прочее). Остались в переводе и слова: «Ты идешь по опасному пути. Человек все легче может снести, кроме неограниченной власти».³² Столкновение двух мировоззрений — гуманизма и тиранического властолюбия, их несовместимость и противоположность настолько видны в переводе очень отчетливо.

Тщательность переводов Брайко не означает, конечно, что переводчику удалось уловить и воспроизвести все оттенки виландов-

²⁸ «Утренний свет», изд. 2-е, 1779, ч. II, стр. 199—200.

²⁹ Глисерион. «Санкт-Петербургский вестник», 1778, ч. I, март, стр. 203—215.

³⁰ См.: там же, апрель, стр. 259—267.

³¹ Александр и Диоген. Там же, май, стр. 353—357, 361—369.

³² Там же, стр. 367.

ского текста. Ирония, нарочитая стернианская двусмысленность Виланда, как правило, ускользали от его внимания. Главы 24 и 25, лукавый рассказ о любовном приключении почтенного философа, превратились в переводе только в порицание досужих сплетников.³³ Глава 32-я, иронически прославляющая радость как вернейшее средство обеспечить покорность и благонадежность подданных и спокойствие монархов, превратилась в поучение монархам, написанное в серьезном тоне.³⁴ Тема радости как источника морального блаженства, стоящего выше мудрости и самой добродетели, — действительно серьезная философская тема этой главы — в переводе исчезла.³⁵

К «диогениане» Брайко присоединяется перевод другого произведения Виланда — части из его статьи «О предлагаемых Ж.-Ж. Руссо опытах отыскать истинную природу человека, с приложением сновидения о Прометее». Статья входила в «Очерки о тайной истории человеческого разума и сердца» (1769—1770).³⁶ Это произведение относится к тому периоду творчества Виланда, когда философский скептицизм превращает писателя в противника идеи Руссо о «естественном» человеке. Однако русский переводчик, принимая Виландово человеколюбие и общественную критику, не заметил именно его отличия от Руссо (или, возможно, не считал это отличие важным для своего журнала).

Перевод сделан с большими пропусками. Убрано все лишнее, чтобы рассказ Прометея о золотом веке не заслонялся попутными рассуждениями автора. Но дело в том, что эти авторские замечания придавали всему рассказу иронический оттенок. Вся статья в результате приобрела под пером Брайко смысл, противоположный тому, что хотел сказать Виланд. Вместо критики Руссо появилось сновидение о золотом веке в руссоистски-геснеровском духе. Мысли о том, что задача человека состоит в уходе от первобытного невежества, в усовершенствовании жизни, разумеется, в переводе пропали.³⁷

В четвертой части «Вестника» появилась короткая повесть о шахе Багаме, ленивом государе, посвятившем свою жизнь вырезыванию фигурок мышей из яблочных косточек.³⁸ Эта повесть похожа на свободное переложение некоторых страниц «Золотого зер-

³³ Кривой толк. Там же, 1778, ч. II, октябрь, стр. 243—252.

³⁴ Защищение веселия. Там же, ноябрь, стр. 346—353.

³⁵ Ср. у Виланда: «Weisheit! Tugend! — ehrwürdige Namen, die so wenig Bedeutung auf den Lippen der meisten haben! was seid ihr anders als du, der sicherste Weg zur Freude?». (Werke, Bd. 13, S. 125).

³⁶ Сновидение о золотом веке. «Санкт-Петербургский вестник», 1778, ч. II, сентябрь, стр. 179—187.

³⁷ Ср.: Werke, Bd. 13, S. 199.

³⁸ Шах Багам, или Повесть о полезном человеке. «Санкт-Петербургский вестник», 1779, ч. IV, ноябрь, стр. 346—351.

кала». ³⁹ Кроме того, Багам упоминался в той статье Виланда, часть которой была переведена Брайко.

Отношение «Вестника» к правителю подобного типа совпадает с отношением Виланда. Тон повести, опубликованной в журнале, достаточно ироничен. Если допустить, что повесть о Багаме написана Брайко, в ней можно увидеть свидетельство приближения этого литератора к пониманию виландовской насмешки. Книга, в которой эта насмешка открыто ставилась на службу просветильским общественным идеалам, — роман «Золотое зеркало» со своим эпиграфом «*Rex eris, si recte facies*» — должна была вызвать сочувствие издателя «Вестника».

В русских журналах последующих лет не раз печатались переводы из Виландова «Диогена». Линию «Утреннего света», линию морального поучения, продолжало «Детское чтение» Новикова. Здесь прибавились лишь поправки, сделанные в расчете на юных читателей, — обычное отношение издателя к публикуемым переводам. ⁴⁰ В переводе того же эпизода о Диогене и Бакхиде ⁴¹ исчезли упоминания об античных божествах, а там, где обойти их оказалось невозможным, текст подавался таким образом, чтобы внимание читателя не задерживалось на этих деталях. Выпущен сатирический совет Диогена разбогатеть с помощью престарелых дам, и т. д. В этом же смысле изменена и концовка рассказа о Бакхиде. В подлиннике он, гуляя с философом, замечает хижину, где живут три мнимо простодушные дочери рыбака, и это возвращает его от философских размышлений к прежнему образу жизни. В переводе Бакхид просто отстает от наставника и сбегает. Добавлено морализирующее заключение, своей прямолинейностью органически чуждое Виланду: «Бедной человек! Он желал наслаждаться благополучием, которое мудрость ведет за собою, но не имел отважности предаться ее руководству. Бедной, сожаления достойной человек!». ⁴²

В журналах сентиментального направления — «Приятное и полезное препровождение времени» и «Муза» — в 1796 г. печатались

³⁹ Ср.: Werke, Bd. 6, SS. 19—21. — С анонимным произведением, помещенным в «Санкт-Петербургском вестнике», а также, возможно, и с «Золотым зеркалом» могла быть связана сатирическая «восточная повесть» М. М. Хераскова «Золотой прут» (М., 1782), в которой действует подобный же калиф Шаг-Багем, проводящий время за изготовлением деревянных ложек (об этом произведении см.: В. Н. Кубачева. «Восточная повесть» в русской литературе XVIII—начала XIX века. В кн.: XVIII век, сб. 5, М.—Л., 1962, стр. 308—309). Этот же персонаж упомянут в философской сказке Ж.-Ж. Руссо «*La geine fantasque*» (1756) под именем Schah-Bahan, орфография которого указывает на немецкие источники, но, конечно, не на Виланда (см.: Œuvres complètes de J. J. Rousseau, t. X, Paris, 1824, p. 179).

⁴⁰ Ср. принципы обработки басен Лессинга в этом журнале. (Об этом см.: Эпоха Просвещения, стр. 287).

⁴¹ Диоген и Бахид. (Диоген рассказывает). «Детское чтение для сердца и разума», 1786, ч. VI, стр. 193—202.

⁴² Там же, стр. 202. — В переводе встречаются элементарные ошибки. Возможно, перевод был выполнен каким-нибудь юным подопечным Новикова.

переводы рассказа о Херее.⁴³ Переводчики выбирали разные главы этого повествования: в первом случае 11-ю и 12-ю, во втором — с 7-й по 9-ю. Но отношение к подлиннику было в обоих изданиях одинаковое. Все более или менее резкие тирады Диогена, сохранявшиеся в ранних переводах, оказались выпущенными. В «Приятном и полезном» речь философа, обличающая бессердечие имущих (вторая половина 12-й главы), которая, казалось бы, могла удовлетворить сентименталиста, заменена плоской сентенцией: «Итак, любезный Хереа, старайся лучше употребить твои сокровища для помощи бедным, нежели на удовлетворение твоей чрезмерной роскоши!».⁴⁴ Последний год царствования Екатерины не был, конечно, благоприятным временем для поучений сильным мира сего, пусть даже преподносимых в чувствительной форме.

Язык этих переводов обработан тщательнее, чем прежде, — сказало влияние литературной реформы Карамзина. Но по-прежнему сохраняется стремление так изменить фразу Виланда, чтобы она звучала более чувствительно. Слова старого поселянина: «Ach Fremdling, . . . ich habe meine Tochter verloren! — ein Kind von vierzehn Jahren, das beste angenehmste Mädchen, das jemals gewesen ist», — передаются следующим образом: «Ах!.. я лишился того, что мне любезнее всего на свете, дочери своей, единственной подпоры в моей старости».⁴⁵ Ускользали от переводчиков некоторые оттенки модальности, которыми так богат язык Виланда. В «Приятном и полезном» выпущены обращения Диогена к слушательницам, создающие иллюзию живой речи, легкой беседы в духе рококо с примесью стернианского стиля. Этот обычный для Виланда прием показался переводчику неудобным, может быть, из-за того, что придавал всему повествованию слишком светский, непринужденный характер и мешал превращению его в чувствительную повесть.

Сравнение переводов из «Диогена», сделанных разными людьми и в разные годы, не только позволяет увидеть, как усовершенствовался в эпоху Карамзина литературный язык, но и демонстрирует относительность понятия точности перевода.

Располагая большим, чем раньше, запасом слов и более совершенной техникой перевода, переводчики 90-х годов утрачивают нечто в понимании творчества Виланда.⁴⁶ Утрачивается диогеновское

⁴³ Диоген и Хереа. (Отрывок из Виланда). «Приятное и полезное препровождение времени». 1796, ч. XII, стр. 106—110 (с пометой: В лагере при Одессе июля 19, 1796. — К. Ф. С.); Терей и Диоген. «Муза», 1796, ч. III. июль, стр. 35—42. — По К. Гюнтеру, переводчиком первого отрывка был кн. Ф. Сибирский (см.: K. Günther. Wieland und Rußland, II, S. 703, № 26).

⁴⁴ «Приятное и полезное препровождение времени», 1796, ч. XII, стр. 109—110.

⁴⁵ Там же, стр. 109 (ср.: Werke, Bd. 13, S. 55).

⁴⁶ Возможность воспроизведения стиля еще не осмыслилась теоретически, однако на практике переводчик был тем внимательнее к стилю переводимого

простодушие рассказа, которое являлось важной деталью созданного Виландом образа кинического философа. Чувствительное отношение к природе, несомненно присутствующее в подлиннике «Диогена Синопского», охотно воспроизводилось русскими переводчиками, но в переводах конца века оно достигает такой степени, какой Виланд никогда не знал. Чрезмерная чувствительность ему претила.⁴⁷ Сравним подлинник начала одиннадцатой главы с русскими переводами:

1. «Wirklich ein recht poetischer Ort! — Dieser hohe Rosenstrauch voll frisch aufgeblühter Rosen, wie schön er sich über mich herabwölbt! Wie lieblich diese Quelle neben mir über die kleinen Kiesel hinfrieselt! Wie eben und weich dieser Rasenplatz ist! Wie frisch sein Grün, wie dicht sein kurzes Gras! Ich würde mir Vorwürfe machen, wenn ich mir eine so wollüstige Gegend mit Fleiß ausgesucht hätte. — Was für ein Zauber liegt in der einfältigen Natur!».⁴⁸

2. Перевод Г. А. Брайко:

«Вот прямо стихотворческое место!.. Сей высокий розовый куст с раскинувшимися полными цветами какую прекрасную мне сень делает! Как приятно сей ключ, вблизи меня протекая, по камушкам журчит! как ровный⁴⁹ сей луг! как свежа его зелень, как густа его мурава!.. Я бы себя упрекал, если бы с намерением такое прельстительное место выбрал. — Какое непостижимое волшебство сокрыто в простой природе!».⁵⁰

3. Перевод опубликованный в «Утреннем свете»:

«Подлинно пиитическое место! Сей высокий розовый куст, исполненный недавно расцветшими розами, коль прекрасный он над долиною творит свод! Коль любезно сей источник подле меня по камушкам протекает! сколь равно и мягко сие дернистое место! сколь свежа его зелень! сколь густа короткая его трава! Я стал бы себя упрекать, если бы избрал нарочно для себя толь роскошное место. Какая прелесть сокрывается в простой природе!».⁵¹

4. Перевод, опубликованный в «Приятном и полезном»:

«Как прекрасны сии места! — сии расцветающие кусточки роз, как меня они пленяют! — как прозрачен сей ручей, предо мною

автора, чем ближе стоял к нему по своим философским и эстетическим взглядам. Разумеется, нынешнего понятия точности перевода не существовало, — особенно хорошо это видно при анализе множества способов, какими передавались по-русски такие актуальные определения, как «приятный», «чувствительный» и т. п. (см.: P. Brang. Studien zur Theorie und Praxis der russischen Erzählung, 1770—1811. Wiesbaden, 1960, SS. 122—123). Произведение скорее переосмыслялось и пересказывалось, чем переводилось.

⁴⁷ См. замечание Виланда о «слезливо-комических» романах в девятой книге «Агатона» (Werke, Bd. 2, S. 186).

⁴⁸ Werke, Bd. 13, S. 52.

⁴⁹ Здесь и ниже в текстах переводов нами сохранены некоторые их грамматические и лексические особенности.

⁵⁰ «Санкт-Петербургский вестник», 1778, ч. I, апрель, стр. 260.

⁵¹ «Утренний свет», 1778, ч. III, август, стр. 362.

текущий, мягкая трава зеленого луга манит в свои объятия, все возбуждает удовольствие в нежных чувствах любителя природы! . . . Какая картина в простой натуре!».⁵²

История русских переводов «Диогена Синопского» связана не только с журналами. В 1802 г. в Москве была издана целиком вся книга, переведенная Иваном Татищевым-сыном, отец которого, кстати, сотрудничал прежде в «Санкт-Петербургском вестнике».⁵³

В переводе воспроизводились и предуведомление, где Виланд излагает вымышленную историю открытия записок Диогена, и скептическая утопия, рисующая «республику Диогенову». Все смущавшие прежних переводчиков места были сохранены (тирада против имущих в главе 12, наставления Диогена Александру в главе 37 и т. д.). Но в начале царствования Александра I это уже не могло считаться смелостью. Впрочем, появление русского перевода книги Виланда именно в это время, вероятно, не было случайным. Многим тогда казалось, что наступает век справедливости, той, которой требовал Виланд устами своего героя.

Перевод Татищева в общем ближе к ранним переводам из «Диогена», чем к переводу 1796 г. Точнее переданы частности: «прекрасные души», например, не составили уже препятствия для переводчика. Несмотря на это, Татищев тоже не мог передать простоты и изящества Виландова языка.

Образец перевода Татищева — тот же пейзаж из «Диогена»:

«Подлинно самое стихотворческое место! Этот высокий розовый куст со свежими расцветшими розами, как прекрасно распускается надо мною! Как приятно журчит подле меня по маленьким камушкам этот источник! Как гладка и мягка эта мурава! Как свежа ее зелень, как густа ее короткая трава! Я бы упрекал себя, если б нарочно избрал такое роскошное место. — Какое волшебство заключается в простой природе!».⁵⁴

⁵² «Приятное и полезное препровождение времени», 1796, ч. XII, стр. 106.

⁵³ Разговоры Диогена Синопского. Сочинение г. Виланда. Перевел с немецкого И. Татищев. М., в Университетской типогр., 1802, 347 стр., 8 д. л. Перепздано тем же тиснением лишь с изменением титульного листа московской типографией Пономарева в 1812 г. — По сведениям каталога Государственной Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, в № 22 карамзинского «Вестника Европы» (1802, ч. VI) существовало сообщение об этом переводе, нами, однако, не обнаруженное. Иван Иванович Татищев (1743—1802), писатель и переводчик, исполнял в конце века должность московского почт-директора. О его сыне известно немного: он печатался в «Иппокрене» и других изданиях, продолжил работу отца над «Полным французским и российским лексиконом» (см.: K. Günther. Wiedland und Rußland, II, S. 710). В «Отечественных записках» этот перевод, как и перевод «Аристиппа», приписан Татищеву-отцу (1839, т. 2, отд. VII, стр. 81—85). Позднее была переведена французская переделка: Диоген в бочке. Подражание Виланду, чч. 1, 2. М., 1821 (Le tonneau de Diogène, imité de l'allemand par M. Frenais, t. 1, 2. Paris, 1802).

⁵⁴ Разговоры Диогена Синопского, стр. 76.

Рассказы о Диогене и «разговоры» с его участием были довольно распространенной темой русских журналов начиная с 60-х годов, т. е. еще с того времени, когда Виландов «Диоген» не существовал.⁵⁵ Не углубляясь в разыскания источников сведений об античном философе (они были, вероятно, общими для всех сочинений) и не касаясь иностранных журналов, откуда зачастую делались заимствования для русской «диогенианы», укажем только, что эта тема давала удобный повод для моралистических рассуждений и для сатирических выпадов, так как позволяла самые разнообразные вариации.

В «Детском чтении», например, все подобные материалы выдерживались в одном и том же дидактическом тоне. Упомянутая повесть «Диоген и Бахид» кажется произведением того же автора, которому принадлежит пространное нравоучение под заглавием «Диоген и Критон», опубликованное в шестой части журнала за 1786 г.⁵⁶

Заметно расходится с виландовской трактовкой тот образ Диогена, который появился в третьей и четвертой частях московского журнала «Дело от безделья» (1792).⁵⁷ Монолог брюзгливого и придиричьего философа, недовольного Сократом за снисходительность к человеческим слабостям, выглядит полемикой против Виланда, тем более что форма рассказа от лица Диогена напоминает произведение немецкого писателя.

Напротив, рассказы и диалоги, связанные с именем Диогена, которые помещались на страницах «Приятного и полезного», приближаются к точке зрения Виланда и более всего похожи на подражание ему — в той, конечно, степени, в какой могли понять Виланда участники этого издания. Все эти произведения выдержаны в манере, напоминающей стиль Виландова «Диогена», ведутся от первого лица, представляют собой отрывочные эпизоды или диалоги, демонстрирующие благое действие кинической философии.

Повесть А. Лафонтена «Диогенова бочка», являющаяся, возможно, подражанием Виланду, подписана здесь литерой И., как иногда помечал свои работы И. И. Дмитриев.⁵⁸ Два диалога, очень напоминающие главы «Диогена Синопского», появились

⁵⁵ Из первых публикаций укажем на сатиру «Новый Диоген» в «Смесии» (1869, л. 10) и на притчу «Диоген. Нравоучительное превращение» в журнале «Полезное с приятным» (1769, полумесяц 11).

⁵⁶ Диоген и Критон. «Детское чтение для сердца и разума», 1786, ч. VIII, стр. 97—123. Ср. также перевод: Диоген и юный Критон, или Наставническая беседа. «Беседующий гражданин», 1789, ч. III, сентябрь, стр. 30—58.

⁵⁷ Диоген. «Дело от безделья, или Приятная забава», 1792, ч. III, стр. 202—208; ч. IV, стр. 20—26.

⁵⁸ Диогенова бочка. «Приятное и полезное препровождение времени», 1797, ч. XVI, стр. 3—16, 17—28.

в журнале с подписью московского литератора Павла Шалимова⁵⁹

Представление о Виланде как проповеднике христианской нравственности и даже аскетизма, т е то представление, которое зародилось, очевидно, в масонской среде и впервые было высказано в журнале «Утренний свет», сохранялось у некоторых русских литераторов и тогда, когда приобрели известность «Оберон» и «Абдериты» Сравнительно поздно был переведен первый опыт Виланда в форме диалога — «Тимоклея» (1755).⁶⁰ Переводчик Николай Горчаков⁶¹ внес в текст мелкие изменения, стараясь создать у читателя впечатление о книге как назидательном чтении на тему о превосходстве духовной красоты над «красотою цветущего и приятными красками испещренного тела»⁶² В переводе переставлены реплики, «демоны» заменены «ангелами», и пр Подобно тому как это случилось с «Диогеном», диалог попал в число произведений родственного характера — на этот раз «сократовского» цикла Некоторые из них весьма близки к его проблематике и форме⁶³ Одну из брошюр этого рода библиографы были даже склонны приписывать Виланду⁶⁴

В 1797 г в переводе Якова Дружинина была издана своеобразная повесть в письмах Виланда, в оригинале озаглавленная «Pythagorische Frauen» (1790)⁶⁵ Созданное довольно поздно, это произведение тем не менее связано с юношескими работами Виланда, с той назидательной литературой, которая создала писа-

⁵⁹ П Шалимов 1) Диоген и Ириса (Диоген рассказывает) Там же, 1798 ч XVII стр 209—218 (Под текстом помета Москва, 1798 года, января 16 дня) 2) Диоген и Гарпаг Разговор (Диоген рассказывает) Там же, ч XVIII, стр 68—73 (Под текстом помета Москва, 1798 года) — П Шалимов был автором «Подражания Юнгу», опубликованного в XVII части «Пряного и полезного»

⁶⁰ Разговор Сократа с Тимоклеею о мнимой и истинной красоте с кратким начертанием жизни сего великого нравоучителя Перевод с немецкого М, в типогр И Зеленикова, 1795, 58 стр, 8 д л (2-е изд — М, 1843)

⁶¹ Николай Дмитриевич Горчаков (ум 1847), поэт и переводчик, был выпускником Московского университета и впоследствии секретарем Библейского общества

⁶² Разговор Сократа с Тимоклеею, стр 32

⁶³ Ср например Беседа умирающего Сократа со своими друзьями беседующими гражданин» 1789, ч II, июнь стр 109—126

⁶⁴ Разговор Сократа с Пифагором о должностях человека Печатано в Вильковского СПб, 1790 См также В Н Рогожин Указатель к Опыту российской библиографии» В С Сопикова М, 1900, стр 265

⁶⁵ Пифагоровы женщины Из сочинений г Виланда Перевод с немецкого СПб 1797 135 стр 12 д л — Яков Александрович Дружинин (1771—1849) придворный чиновник и литератор впоследствии член Беседы любителей русского слова, один из переводчиков «Путешествия Анахарсиса» Бертелеми перевод Виланда наряду с другими работами послужил поводом для избрания Дружинина членом Российской академии (1800) См об этом язвительную тираду в дневнике С Жихарева за 1807 г (С П Жихарев Записки современника Ред, статьи и комментарии Б М Эйхенбаума М—Л, 1955, стр 429)

телю славу моралиста. Речь в повести идет о роли женщины в обществе и семье. Виланд не добавляет ничего нового к традиционному представлению о женщине — хранительнице домашнего очага. Любопытно отметить, однако, что это консервативное по своим идейным основам произведение зазвучало по-иному во втором русском переводе 1817 г.⁶⁶ Прославление самоотверженности и других благородных черт женского характера должно было приобрести в эпоху общеевропейских потрясений и обострения патристических чувств в русском обществе более глубокий смысл. Как можно было ожидать, оба перевода довольно точны, хотя и разнятся по языку, — в этом произведении Виланд не был оригинален, и для переводчиков не составляло особенного труда воспроизвести по-русски переписку добродетельных учениц Сократа.

Дважды издавался перевод «Искушения Авраама», обширной поэмы в гекзаметрах, написанной в период пребывания Виланда в Швейцарии (1753).⁶⁷ Перевод был сделан Гаврилой Медведевым прозой с французского переложения.⁶⁸ В результате поэма приобрела вид чувствительной повести на библейский сюжет, напоминающий идииллы Геснера и прозу «Утреннего света», в котором переводчик сотрудничал.⁶⁹

Известно, что русские переводчики Виланда не придерживались хронологического порядка в выборе его произведений. И все же представляется неожиданным появление в журналах 1790-х годов переводов религиозных гимнов Виланда. Писатель трезво судил об этих своих опытах, где доморощенный пиетизм сочетался с воздействием Клопштока и Бодмера. Сравнительно рано он назвал свои первые произведения, в том числе и гимны, «незрелыми созданиями, возникшими из слишком поспешного смешения философии с энтузиазмом».⁷⁰ Из гимнов, изданных в 1754 г., он включил затем в собрание своих сочинений только один.

⁶⁶ Пифагорейские жены. Соч. Виланда. Перевод С. Нечаева. М., в типогр. С. Селивановского, 1817, 58 стр., 8 д. л. — Это единственная работа Степана Дмитриевича Нечаева (1782—1860), вышедшая отдельной книжкой; позднее он печатал свои произведения в «Вестнике Европы» и других изданиях, с 1820 г. состоял членом московского Общества любителей российской словесности. Рецензия на перевод Нечаева появилась в «Русском вестнике» С. Глинки (1817, №№ 19 и 20).

⁶⁷ Искушение Авраамова. Поема в трех песнях. Переведена с немецкого на французский, а с него на русский язык. СПб., типогр. Вейтбрехта и Шнора, 1780, 99 стр., 12 д. л.; 2-е изд. без изменений — СПб., 1787, 8 д. л. (Первое издание посвящено «любезному брату Ивану Васильевичу Медведеву»).

⁶⁸ Вероятный источник перевода: M. Huber. *Choix de poésies allemandes*, vol. 3. Paris, 1766, pp. 4—81.

⁶⁹ Гаврила Васильевич Медведев сотрудничал также в «Санкт-Петербургском вестнике» (см.: П. Н. Берков. История русской журналистики XVIII века, стр. 354, 400).

⁷⁰ Из предисловия к «Видению мирзы» издания 1763 г. (цит. по: *Wielands Gesammelte Schriften*, hrsg. von der Deutschen Kommission der Königl. Preuß. Akademie der Wissenschaften, Abt. I, Bd. 2, Berlin, 1909, S. 297).

В «Приятном и полезном» за 1797 и 1798 гг. появились прозаические переводы двух гимнов, сделанные братьями Оболенскими.⁷¹ В «Новых ежемесячных сочинениях» с подобными переводами выступал Александр Лубкин.⁷²

С конца 1780-х годов переводились и так называемые «псалмы» Виланда — цикл прозаических молитв-декламаций, названных в первом издании «Empfindungen eines Christen» (1755).⁷³ Эти переводы должны были укрепить представление о Виланде как о набожном христианине и проповеднике строгой нравственности. В эпоху Французской революции такое истолкование его творчества было выгодно консервативным кругам. Это был своего рода спор с Виландом, во время которого оппоненты использовали противоречивость и непоследовательность писателя.⁷⁴

Лубкин перевел в 1793 г. введение к «Симпатиям». Здесь он также без труда сумел сохранить чувствительно-выспренный тон оригинала.⁷⁵ Теперь тема симпатии стала еще более актуальной, чем во времена «Утреннего света». Перевод Виландовых «Симпатий», напечатанный в новиковском журнале, был одним из первых истолкований представления о родстве душ с точки зрения сентиментализма. Позднее о «симпатии» писали немало. Делались попытки ее рационалистического объяснения,⁷⁶ но преобладала та линия, которая была представлена произведениями Виланда.⁷⁷

⁷¹ Гимн на вездеприсутствие божие. «Приятное и полезное препровождение времени», 1797, ч. XVI, стр. 305—318; Гимн богу. Там же, 1798, ч. XVIII, стр. 3—14. — Одним из переводчиков был, возможно, юный Александр Петрович Оболенский (ок. 1782—ок. 1855), впоследствии сенатор.

⁷² Песнь на вездесущие божие. «Новые ежемесячные сочинения», 1794, ч. LXXXII, февраль, стр. 83—95; Песнь о правосудии божием. Там же, 1796, ч. CXIX, май, стр. 77—99; ч. CXX, июнь, стр. 3—47. Стихотворное переделание первого из гимнов, переведенных Лубкиным: Размышление человека о сущности своей души. Там же, 1796, ч. CXVI, февраль, стр. 3—17. — Александр Степанович Лубкин (1770 или 1771—1829) окончил в 1792 г. Петербургскую духовную академию, с 1815 г. профессор философии Казанского университета.

⁷³ Утреннее размышление. «Утренние часы», 1788, ч. I, неделя 12, стр. 177—185 («псалм» 10 из второй части; переводчик, вероятно, П. И. Решетников); Утренняя песнь. В сб.: Новая наука наслаждаться жизнью. Поэма в четырех письмах, творение г. Унца. С присовокуплением лучших сочинений барона де Кронекка, Галлера, Крамера, Клопштока, Виланда и Клейста, славнейших немецких писателей. Перевод с иностранного. М., 1799, стр. 307—320; Песнь на красоту весны. Там же, стр. 321—325 («псалмы» 10 из второй и 3 из первой части; переводчик П. В. Победоносцев).

⁷⁴ Двоисленность позиций Виланда отметил еще Лессинг в «Литературных письмах» 1759 г. (см.: Lessings Werke, Bd. 6, Stuttgart, 1890, SS. 71—95).

⁷⁵ Симпатия. «Новые ежемесячные сочинения», 1793, ч. 84, июнь, стр. 27—34.

⁷⁶ Например, в «Московском ежемесячном издании» (1781, ч. 2, июнь, стр. 154—160), в «Санкт-Петербургской вивлиофике журналов» (1783, июль, стр. 3—24).

⁷⁷ В переводной повести «Несчастливая неосторожность», напечатанной в «Детском чтении» (1788, ч. XVI), сообщалось, что герой «читал лучшие

В том же месяце, когда появился перевод Лубкина, в «Прохладных часах» была помещена ода «Симпатии», поднимавшая виландскую мысль до космического уровня:

Из недр любви всеблагия,
Существовавший пред век,
Струю чистой Симпатии
В живые существа истек,
И в человеке с кровью брэнной,
Слиясь, как душа вселенной,
Всяк раз, как в жилах пульс стучит,
К подобным тварям нас склоняет,
Сочувство к нам воспламеняет
И сострадание родит.⁷⁸

«Симпатия душ» как психологическое явление и как философская идея привлекала внимание многих русских и немецких литераторов последующих поколений. Она стала одним из самых распространенных представлений сентиментализма,⁷⁹ была затем использована в романе Гете «Избирательное сродство» (1809), занимала позднее юношу Герцена.⁸⁰ Однако сам Виланд склонялся в «Абдеритах» к тому, чтобы трактовать таинственную «симпатию» иронически или же объяснить ее сходством убеждений, а не мистическим родством душ.⁸¹

Репутация Виланда-сентименталиста поддерживалась также благодаря тому, что его имя связывали с переведенным на русский язык в 1780 г. чувствительным романом в письмах «История девицы Штернгейм».⁸² В действительности это был первый

сочинения новых писателей, а особенно первые Виландовы. Оттого происходил его жар в дружбе — система тайной симпатии, гармонического согласия предсуществующих душ, встречающихся и узнающих друг друга по соединении с телом и проч.. (стр. 181—182). К этим словам было сделано примечание: «Виландовы сочинения разделяются на две эпохи: к первой принадлежат его патетические сочинения, „Симпатии“ и пр., а к другой забавные и острые, „Агатон“, „Абдериты“, „Оберрон“ и прочие, которые наиболее прославили его».

⁷⁸ «Прохладные часы, или Аптека, врачующая от уныния», 1793, ч. I, июнь, стр. 467.

⁷⁹ Ср. отношение к «симпатии» П. И. Шаликова («Иппокрена, или Утехы любословия», 1800, ч. V, стр. 101—105).

⁸⁰ В 1837—1838 гг. Герцен работал над очерком «Симпатия», от которого сохранился небольшой отрывок (см.: А. И. Герцен, Собр. соч. в тридцати томах, т. 1, М., 1954, стр. 324—325). Историю этой идеи, восходящей к Ренессансу и античности и подхваченной в XVIII в. английскими сентименталистами, а в Германии — особенно Виландом, см. в кн.: P. Kluckhohn. Die Auffassung der Liebe in der Literatur des 18. Jh's und in der deutschen Romantik. Halle, 1931, S. 75f.

⁸¹ См.: Werke, Bd. 19, S. 163.

⁸² История девицы Штернгейм, выбранная одною ее приятельницею из подлинных писем и других достоверных источников, изданная К. М. Виландом. С немецкого на российский язык переведенная В. ... И. ... Чч. 1, 2. М., в Университетской типогр. у Н. Новикова, 1780, 8 д. л. Об этом романе см.: М. Л. Тронская. Немецкая сатира эпохи Просвещения. Изд. ЛГУ, 1962, стр. 74—76.

роман приятельницы Виланда Софии Ларош, написанный в духе Ричардсона и Руссо и, вероятно, под влиянием самого Виланда. Роман был снабжен его предисловием и издан им в 1771 г. Можно догадываться, что в России книга стала популярной. Герой повести Н. Эмина «Роза» (1788) рекомендовал своей возлюбленной сочинение «девицы Штернгейм» наряду с Филдингом, Риккони, Мармонтелем и Руссо.⁸³ Через несколько лет в «Приятном и полезном» героиня другой подобной же повести повторила: «Роман трогательной, каков девицы Штернгейм или страдания молодого Вертера, суть пища души моей».⁸⁴

В этой последней (анонимной) повести, названной «Несколько писем моего друга», роман Ларош вместе с «Вертером» и «Новой Элоизой» противопоставлен «Дон Кихоту». Решительно отвергая сатиру, автор опирается не только на авторитет Ларош, но и непосредственно на Виланда. Журнал Виланда «Немецкий Меркурий» изображен здесь средоточием самой нежной чувствительности:

«Мы сели однако ж читать; два тома Виландова Меркурия нас заняли. Мы читали сперва почти без всякого внимания: но приятная простота, выражения самой природы в Вилеговых песнях скоро произвели спасительное успокоение в душах наших и вместе доставили им желанную пищу. Какое чтение, любезный друг! Нет, я не в состоянии теперь дать тебе о том понятия. Я дышу одним воспоминанием небесного удовольствия, которым наслаждалась душа моя при нынешнем свидании с Амалиею. Может быть, по следующей почте я сделаю удовлетворение дружеству. — Пришедши домой, первое, что я сделал, было то, что, бросив в печь Дон Кихота, заклил в сердце моем большую часть сатириков. Они должны быть недобрые люди!».⁸⁵

В повесть были включены сделанные прозой переводы трех анакреонтических стихотворений испанского поэта XVII в. Виллегаса, взятых из пятого тома «Немецкого Меркурия» (1774), и пересказ стихотворения К Э Рейценштейна «Lotte bei Wethers Grabe», помещенного в десятом томе (1775).⁸⁶ Об этих томах журнала Виланда и идет, очевидно, речь в приведенном отрывке

⁸³ См Н Эмин Роза Полусправедливая оригинальная повесть 2-е исправл изд СПб, 1788, стр 27

⁸¹ «Приятное и полезное препровождение времени», 1794, ч. IV, стр 171.

⁸⁵ Там же, стр 178—179 — Как видим, представление автора повести о Виланде и его журнале было весьма неполным

⁸⁶ «Приятное и полезное препровождение времени», 1794, ч. IV, стр 180—184 — Сочинения Эстебана Мануэля де Виллегаса (Villegas, 1595—1669) были изданы в Мадриде в 1774 г. Об истории русских переводов стихотворения Рейценштейна в «Зеркале света» за 1787 г. и в «Московском журнале» за 1791 г см В Жирмунский. Гете в русской литературе Л, 1937, стр 52

Поэзия Виланда постепенно прокладывала себе дорогу к русскому читателю, но этот процесс был сопряжен с ощутимыми потерями.

В 1779 г. была переведена «комическая» повесть «Аврора и Цефал» (1764), одно из наиболее «чистых» выражений Виландова рококо.¹ Перевод был напечатан без имени автора и выглядел оригинальным произведением, тем более что переводчик избавился от большинства литературных намеков и имен, обильно рассыпанных в тексте Виланда. Исчезло упоминание об истории Каллия и танцовщицы (сюжет из «Агатона»). Исчезли имена Буше и других живописцев рококо. Зато появилось имя художника А. П. Лосенко в качестве вполне русской реалии:

О, если б Лосенков, достойный муж похвал,
Меж нами жив еще донныне пребывал,
Твоей бы кисти то единого удобно
Изобразить сему явление подобно.²

Концовка поэмы была снабжена в переводе плоским морализующим добавлением. Юмористическая двусмысленность финала изгонялась тем самым окончательно, не говоря уже о том, что вольный ямб, игравший такую существенную роль в поэзии Виланда, был подменен в переводе однообразно звучащим александрийским стихом.

В таком же истолковании был преподнесен русским читателям «Комбаб», стихотворная повесть, написанная Виландом в 1771 г., но тесно связанная все с тем же жанром «комических повестей».³ Перевод сделан прозой. Кроме того, в нем утрачивается та умышленная неопределенность точки зрения автора, которая позволяла рассматривать повесть не столько как историю верного слуги, готового любой ценой выполнить свой долг перед повелителем, сколько как иронический рассказ о чрезмерном рвении глуповатого вельможи. Остается лишь простодушное повествование о самопожертвовании Комбаба, которому сирийский царь доверил охранять свою жену во время путешествия.

Наибольшее количество переводов поэзии Виланда было опубликовано в «Приятном и полезном препровождении времени».

¹ Любовь Авроры к Цефалу, или Излишнее испытание верьсти. «Модное ежемесячное издание, или Библиотека для дамского туалета», 1779, ч. II, апрель, стр. 3—27.— Позднее появился русский перевод произведения на этот же сюжет, послужившего, очевидно, источником для поэмы Виланда: Цефал. Кантат Ж.-Б. Руссо. «Северный вестник», 1805, ч. 6, № 5, стр. 193—197.

² Любовь Авроры к Цефалу, стр. 7.— А. П. Лосенко умер в 1773 г., будучи директором Академии художеств.

³ Комбаб. Соч. г. Виланда. Перевод с немецкого. М., в Университетской типогр. у Н. Новикова, 1783, 48 стр., 8 д. л.

Упоминавшаяся нами поэма «Селим и Селима» из раннего цикла стихотворных повестей, известных как «моралистические» (1752), появилась в русском переводе с именем автора в 1794 г.⁴ Белый стих (пятистопный ямб) здесь тоже превращен в чувствительную прозу. Фигуры влюбленных и место действия крайне условны, как в идиллиях Геснера.⁵ Это сходство с популярными образцами и привлекло, по-видимому, внимание переводчика к поэме Виланда.

Через некоторое время в журнале было опубликовано произведение другого рода — «Сон и мечта». Это неполный перевод 11-й и 12-й главок поэмы Виланда «Das Leben ein Traum» (1771).⁶ Поэма, в которой очень явственны сатирические ноты, возникла, вероятно, в связи с работой автора над «Диогеном Синопским».⁷ Но переводчик выбрал только места, где говорилось о суете сует и ничтожестве мира, значительно обеднив замысел Виланда. Этот перевод интересен попыткой передать особенности виландовского стиха. Обычный александрийский стих прерывается во второй строфе чем-то вроде дольника (явление, необычное для русской поэзии и особенно для журнала «Приятное и полезное»). Таким приемом, техника которого сводилась, очевидно, к разрушению, расчленению привычной стиховой формы, переводчик старался воспроизвести разговорную интонацию оригинала. Стихи Виланда о наивном юноше:

Voll von der hohen Würdigkeit
Der Menschheit, o! wie leicht sieht er in ihren Söhnen
Und Töchtern überall Geschöpfe beßrer Art...⁸

— переводятся следующим образом:

Исполнен человечества,
Во всех сынах
И в дочерях
Он своего отечества
Зрит лучшие творенья...⁹

⁴ Селим и Селима. (Из повестей Виландовых). «Приятное и полезное препровождение времени», 1794, ч. IV, стр. 51—81. — В. В. Сиповский и К. Гюнтер приписывают перевод А. Лабзину (см.: В. В. Сиповский. Из истории русского романа и повести. Ч. 1, XVIII век. СПб., 1903, № 1624; K. Günther. Wieland und Rußland, II, S. 703, № 20).

⁵ Фр. Зенгле находит в «Моралистических повестях» следы влияния Томсона, который неоднократно упоминается в произведениях Виланда (см.: Fr. Sengele. Wieland, SS. 45—46).

⁶ Сон и мечта. «Приятное и полезное препровождение времени», 1796, ч. XI, стр. 282—286. В перевод включено также несколько стихов из главки 7.

⁷ См. также авторское объяснение поэмы, приложенное к ней в качестве послесловия (Werke, Bd. 9, SS. 197—218).

⁸ Там же, стр. 192.

⁹ Сон и мечта, стр. 284.

Более удачным был опыт переводчика трех первых книг поэмы «Грации» (1769).¹⁰ Его задача несколько облегчалась тем, что поэма Виланда распадалась на ряд мизансцен, в которых чередовались стихи и проза.¹¹ Единый стиль придавал прозаическим отрывкам ритмичность поэтической речи и обуславливал свободу стиховых форм. Подчиняясь этому стилю, переводчик должен был искать адекватную замену виландовскому вольному стиху.

Не будучи блестящим стихотворцем, переводчик «Граций» достиг тем не менее редкой в его эпоху построчной точности в передаче вольного метра:

Что за птичка здесь в цветках сидит!
Что за кудри, что за крылышки прекрасны!
И девичий вид!.¹²

В подлиннике:

Was wir dir für einen Vogel bringen!
Welche Locken! Was für schöne Schwingen!
Und ein Mädchengesicht!¹³

Поэма относится к той области поэзии Виланда, которая известна как *Graziendichtung*.¹⁴ Понятие грации явилось одним из устоев его морально-эстетической системы. Виланд попытался вывести из этого понятия целую жизненную философию, изложив ее в другой поэме — «Музарион, или Философия граций» (1768). Грация осмысливается здесь как чувство меры, равновесия. На ней основывается проповедь своеобразной «философской идиллии» — вариант диогеновски-спокойного и иронического отношения к миру с прибавлением доли гедонизма. Содержанию соответствует тщательно отшлифованный стих.

«Философия граций» была переведена в 1784 г.¹⁵ Переводчик (которым был, возможно, Матвей Гаврилов, в будущем переводчик «Абдеритов») превратил поэму в прозаическую повесть и этим лишил ее того значения, какое она имела для немецкой поэзии. Но самое понятие грации интересовало русских читателей.¹⁶

¹⁰ Грации. «Приятное и полезное препровождение времени», 1796, ч. IX, стр. 17—35; 81—96; 231—240. Примечание к заглавию: «Сочинитель их нежный Виланд. Здесь изображена картина чистой изящности, достойная Виландовой кисти».

¹¹ Стихи и проза чередуются (так называемый *genre mêlé*) в романе Ж. Лафонтена «Любовь Психеи и Купидона» (1669); это произведение послужило, возможно, одним из образцов для поэмы Виланда.

¹² Грации, стр. 235.

¹³ Werke, Bd. 10, S. 41.

¹⁴ См.: Fr. Sengle. Wieland, S. 203 f.

¹⁵ Музариона, или Философия Граций. Поэма в трех песнях, сочинение г. Виланда. Переведена М. Г. М., в Университетской типогр. у Н Новикова, 1784, 112 стр., 8 д. л.

¹⁶ Кроме справки по мифологии «Грации и фурии» («Чтение для вкуса, разума и чувствований», 1792, ч. VII, стр. 199—201), см. также переведен-

Подобная же судьба постигла «Оберона», переводчиком которого стал В. А. Левшин.¹⁷ Воспроизведение виландовского стиха оказалось и для него непосильной задачей, если только он такую задачу себе ставил. Левшин делает довольно удачную попытку создать эквивалент в виде ритмической прозы. Перевод содержания поэмы интересует его вообще больше, чем воспроизведение ее формы.

Сказочное повествование, насыщенное событиями, легко подавалось прозаическому изложению. Левшин охотно переводил те детали стиля, которые отвечали его представлениям о сказке. Сраженный рыцарь, например, падает на «мать сыру землю» (у Виланда — «auf den Schoß der guten alten Mutter Erde»)¹⁸. Картина жилища отшельника воспроизведена с сохранением живописных деталей, которые призваны создать настроение тревожной таинственности:

«Вдруг освещает его (рыцаря Гюона, — Р. Д.) ясный луч, исходящий из отверстия пещеры; камни, составляющие оную, в смещении с обросшим кустарником, торчащим из расщелин, представляют из темноты к огню странный вид глазам его; свет, проникающий листы, являет нового роду зеленый огонь».¹⁹

При сопоставлении этого отрывка с оригиналом легко заметить, что Левшин отнюдь не сторонник дословного перевода. Ему важно передать атмосферу волшебной сказки и театральный, зрительный эффект виландовского описания:

Auf einmal gähnt im tiefsten Felsengrund
Ihn eine Höhle an, vor deren finstern Schlund
Ein prasselnd Feuer flammt. In wunderbaren Gestalten
Ragt aus der dunkeln Nacht das angestralte Gestein,
Mit wilдем Gebüsche versetzt, das aus den schwarzen Spalten
Herabnickt und im Wiederschein
Als grünes Feuer brennt.²⁰

Юмор Виланда, особенно там, где он сродни плебейской пасмешке над власть имущими, тоже сохранен у Левшина тщательным образом. Переводчик смело пользуется словами, заимствованными из обиходного языка, хорошо ощущая нарочитую «сниженность» стиля подлинника. Такова комическая сцена вынужденной пляски султанского двора при звуках волшебного рога:

ную с французского заметку о грации в «Лицее» (1806, ч. II, № 3, стр. 18—22), где, между прочим, говорится, что «грация есть движение, но движение тихое, подобное жизни, без медленности и потрясений» (стр. 19).

¹⁷ Оберон, дарь волшебников. Поэма господина Виланда в четырнадцати песнях. С немецких стихов прозою перевел сочинитель «Русских сказок». М., в типогр. Компании типографической, 1787, 280 стр., 8 д. л.

¹⁸ Там же, стр. 48 (ср.: Werke, Bd. 22, S. 68).

¹⁹ Оберон, стр. 9.

²⁰ Werke, Bd. 22, S. 15.

О Б Е Р О Н Ъ,

Ц А Р Ъ

В О Л Ш Е Б Н И К О В Ъ,

П О Э М А

Г О С П О Д И Н А В И Л А Н Д А

Въ четырнатцати Пѣсняхъ.

**СЪ НѢМЕЦКИХЪ СТИХОВЪ ПРОВОЮ ПЕРЕВЕЛЪ
СОЧИНИТЕЛЬ РУСКИХЪ СКАЗОКЪ.**

М О С К В А,

**ВЪ Типографіи Компаніи Типографической,
съ Указнаго дозволенія,**

1 7 8 7.

«Оберон» К. М. Виланда. Перевод В. А. Левшина. Титульный лист.

«В то мгновение ока сверкающее оружие падает из каждой руки на пол; порозжие руки схватываются, и начинается веселый танец. «Гей, поднимай, ребята!» разносится буянский вопль по сводам зала, и всякая тварь, имеющая ноги, заплясала... Весь калифов диван завертелся вкруговую; старые паши запрыгали вприсядку, муфти с имамами забили в треноги, сам султан не мог удержаться; он с радостью схватил великого везира своего за бороду и начал учить старика сего прыгать казачка».²¹

Подлинник:

Auf einmal fällt der hochgezuckte Stahl
Aus jeder Faust; in raschem Taumel schlingen
Der Emirn Hände sich zu tänzerischen Ringen;
Ein lautes Hussa schallt bacchantisch durch den Saal,
Und jung und alt, was Füße hat, muß springen;
Des Hornes Kraft läßt keine Wahl...

Der ganze Divan dieht im Kreis
Sich schwindeln um; die alten Bassen schmalzen
Den Takt dazu; und wie auf glattem Eis
Sieht man den Imam selbst mit einem Hämmling walzen.
Nicht Stand noch Alter wird gespärt;
Sogar der Sultan kann der Lust sich nicht erwehren,
Faßt seinem Großwessir beim Bart
Und will den alten Kerl noch einen Bocksprung lehren.²²

Меньше удавались Левшину патетика и лирически окрашенные места — из-за общей неразработанности русского литературного языка в ту пору и, вероятно, из-за особенностей таланта самого переводчика. Начальные строки поэмы, проникнутые романтическим настроением, предвещающим будущий лозунг «Dahin, dahin!», по стилю заметно отличаются в передаче Левшина от остального текста поэмы:

«Опять седлайте мне, о музы! Гиппогрифа для путешествия в древнюю страну романов. С какою приятностью играет шальность в моих освобожденных недрах!»²³

Подлинник:

Noch einmal sattelt mir den Hippogryphen, ihr Musen,
Zum Ritt ins alte romantische Land!
Wie lieblich um meinen entfesselten Busen
Der holde Wahnsinn spielt!²⁴

²¹ Оберон, стр. 100.

²² Werke, Bd. 22, S. 136. — В этом издании текст поэмы приводится с поправками, сделанными по первой публикации «Оберона» в «Немецком Меркурии» за 1780 г. Журнальный вариант текста был использован В. А. Левшиным.

²³ Оберон, стр. 3.

²⁴ Werke, Bd 22, S. 9.

Впрочем, в подлиннике, по-видимому, пародируется традиционный зачин «классической» поэмы. Не исключено, что Левшин ошутил этот юмор и попытался, хотя и неловко, передать его.

Мы не располагаем сведениями, по которым можно было бы судить о том, как восприняли современники перевод Левшина. Едва ли, однако, появление произведения Виланда в переводе сочинителя небезызвестных «Русских сказок» могло пройти незамеченным. Этот перевод остается, во всяком случае, единственным полным переводом «Оберона», увидевшим свет.²⁵

Интерес к поэзии Виланда нашел выражение не только в работах переводчиков. Некоторые оригинальные произведения русских авторов наводят на мысль о возможном влиянии на них немецкого поэта.

Советский исследователь Ю. М. Лотман нашел сходство с виландовской поэзией в стихотворном бурлеске Панкратия Сумарокова «Лишенный зрения Купидон».²⁶ Своей темой это произведение действительно напоминает «Комические повести» Виланда или еще более — изданную в 1774 г. поэму «Der verklagte Amor». Но дело не только в сюжетном сходстве. Сюжет — любовные дела олимпийских богов — обычен также и для И. П. Уца и других немецких анакреонтиков.²⁷ Сумарокова сближает с Виландом другое: оба поэта используют сюжет в целях сатиры, хотя и довольно различной. У Виланда обыгрывается тема судебного разбирательства. Русский поэт изображает Зевса русским провинциальным самодуром, а остальных богов его челядью или мелкими чиновниками, трепещущими перед самовластным начальством. Сумароков ироничнее и «грубее» Виланда в том отношении, что отраженная в его поэме действительность прикрыта мишурой рококо далеко не так тщательно. Мир «легкой» поэзии, границы которого лишь очень осторожно переступает Виланд, у Сумарокова разрушен. Остались несколько условностей, нужных для сюжета поэмы. Олимп Сумарокова откровенно травестирован. Русский поэт пошел, таким образом, по пути Виланда, но дальше его.

²⁵ Популярности сюжета «Оберона» могла способствовать основанная на нем опера австрийского композитора П. Враницкого, которая с успехом ставилась в Петербурге в 1790-х годах (см.: П. Арапов. Летопись русского театра. СПб., 1861, стр. 137). Либретто ее, написанное актрисой Ф. С. Зейлер и переведенное Е. Янковичем, было затем издано отдельно: Оберон. Подражание Виланду. С немецкого. Смоленск, 1800 (см.: В. С. Сопиков. Опыт российской библиографии. СПб., 1904—1906, № 7463; K. Günther. Wieland und Rußland. II. S. 705, № 1). Позднее к этому сюжету обратился, как известно, К. М. Вебер.

²⁶ Лишенный зрения Купидон. «Иртыш, превращающийся в Иппокрену», Тобольск, 1791, январь, стр. 33—34. См. также: Поэты начала XIX века. Л., 1961, стр. 213.

²⁷ См.: Anacreontiker und preußisch-patriotische Lyriker. Hrsg. von Fr. Muncker (Deutsche National-Literatur. Hrsg. von J. Kürschner. Bd. 45). Stuttgart, [o. J.].

В поэзии Виланда едва ли возможен изображенный П. Сумароковым Зевс, который

... кричал, стучал ногами,
Сбираясь пересечь богов всех батогами,
Он рвет
И мечет,
Попавшихся ему дерет,
Как перепелок кречет;
Шумит,
Гремит,
Своей заморской ищет трости
И хочет изломать Дурачеству все кости.²⁸

Сравнение Сумарокова с Виландом оправдано и в области стиха. Он использует вольный ямб, так же как это делал Виланд в своих поэмах, и эта свободная форма повествования соответствует свободному обращению со старыми сюжетами, позволяя выражать авторское, ироническое отношение к ним.

Нет оснований утверждать, что стих П. Сумарокова прямо подсказан Виландом. Русский вольный ямб был вызван к жизни, как известно, потребностями шуточной поэмы и стихотворной басни и разработан в поэзии А. П. Сумарокова, И. И. Хемницера, И. И. Дмитриева, И. Ф. Богдановича.²⁹ Но из рассмотренных нами опытов перевода Виланда видно, что виландовский стих тоже не был оставлен при этом без внимания. Пример Виланда мог быть учтен и П. Сумароковым.

Помещенную в «Утреннем свете» поэму Вас. Майкова «Суд Паридов»³⁰ можно было бы связать с одноименной поэмой Виланда («Urteil des Paris», из цикла «Комических повестей» 1765 г.), если бы описательно-мифологическое произведение Майкова чем-либо еще, кроме сюжета, напоминало фривольную историю, рассказанную Виландом.

Далека от Виланда нравоучительная сказка «Любовь за любовь», опубликованная в «Детском чтении».³¹ Только название, краткое и выразительное, могло быть навеяно поэмой Виланда «Gandalin, oder Liebe um Liebe» (первое издание в 1776 г.).

Список русских литературных произведений, связанных так или иначе с Виландом, можно было бы, вероятно, пополнить.

²⁸ Лишенный зрения Купидон, стр. 43. — В одном из писем 1788 г. Виланд, между прочим, заметил, что сам он не очень большой любитель «бурлескного жанра» (Auswahl denkwürdiger Briefe von C. M. Wieland. Hrsg. von L. Wieland, Bd. 2. Wien, 1815, S. 85).

²⁹ «Московские ведомости» Н. И. Новикова назвали «Душеньку» И. Богдановича «первою еще в сем роде стихотворений на российском языке» (1783, № 96, стр. 764), указав тем самым на новаторское значение этой поэмы, что можно вполне отнести и к ее стиху.

³⁰ Василий Майков. Суд Паридов. «Утренний свет», изд. 2-е, 1779, ч. II, стр. 200—216.

³¹ Любовь за любовь. «Детское чтение для сердца и разума», 1785, ч. I, стр. 188—192

Сюжеты ранних произведений писателя, некоторые его образы и мысли не отличались оригинальностью, и к тому же многое перекладывали по своему разумению переводчики. Все это затрудняет сейчас поиски переводов или заимствований из Виланда в русских журналах последней трети XVIII в.

Иначе обстоит дело с романами Виланда. Каждый его роман — от «Дона Сильвио» до «Аристиппа», — был новшеством, даже если в качестве темы бралось обычное для просветительской литературы поучение монархам, как в «Золотом зеркале».³² С наибольшим вниманием были встречены в России, как и в Германии, «Агатон» и «Абдериты».³³ Меньше впечатления, по-видимому, произвели «Дон Сильвио» и «Золотое зеркало». Цель первого романа показалась, должно быть, слишком неясной, произведение с его одновременным прославлением волшебной сказки и осуждением ее могло остаться непонятным большинству читателей. Второй роман по сюжету (подражание популярным арабским сказкам) и по тематике представлял собой явление, менее оригинальное, чем, например, «Агатон».

В 80-х годах один за другим появились русские переводы «Золотого зеркала» (1781), «Дона Сильвио» (под заглавием «Новый Дон-Кихот», 1782) и «Агатона» (1783) — все в издании Н. И. Новикова, все выполнены одним переводчиком — Федором Сапожниковым.³⁴

Переводы Сапожникова были для своего времени, несомненно, значительным явлением. Этот переводчик не подвергал Виланда такому стилистическому обезличению, какое часто совершалось тогда в переводах поэзии и прозы. С большой точностью передавая содержание, Сапожников старался в меру своих сил следовать стилю Виланда. Разумеется, его проза не могла в совершенстве воспроизвести подлинник. Но романы Виланда, переве-

³² См. суждение П. Н. Беркова об этом романе в кн.: Проблемы русского Просвещения в литературе XVIII века. М.—Л., 1961, стр. 19.

³³ О популярности этих романов в России более позднего времени см.: П. Н. Сакулин. Из истории русского идеализма. В. Ф. Одоевский. Мыслитель. Писатель, Т. I, ч. 1. М., 1913, стр. 236.

³⁴ Золотое зеркало, или Цари Шешанские. Истинная повесть. Переведена с французского. Чч. 1—4. М., 1781, 8 д. л. (подпись переводчика под посвящением И. И. Шувалову); Новый Дон-Кихот, или Чудные похождения дона Сильвио де Розальвы. Переведено с немецкого. Иждивением Н. Новикова и компании. Чч. 1, 2. М., 1782, 8 д. л. (подпись переводчика под посвящением Ф. Н. Голицыну); Агатон, или Картина философских нравов и обычаев греческих. Соч. г. Виланда. Переведено с немецкого. Иждивением Н. Новикова и компании. Чч. 1—4. М., 1783—1784, 8 д. л. (Переводчик указан по источнику: А. Смирдин. Роспись российским книгам для чтения. СПб., 1828, № 8472). — Федор Исаевич Сапожников (род. 1749), преподаватель Московского университета и гимназий, был также составителем «Избранных мест из лучших немецких писателей для употребления при имп. Московских гимназиях» (М., 1780), в последние годы жизни состоял русским консулом в Лейпциге (см.: K. Günther. Wieland und Rubland, II, S. 710).

денные Сапожниковым, уже нельзя было принять за сочинения другого автора.

Перевод «Агатона» был сделан по второму изданию с сохранением предисловия и главы «Об историческом», а также всех примечаний исторического и политического свойства и даже с добавлением некоторых пояснений. Переводчик воспроизвел написанную Виландом для этого издания историю Данаи (кн. 15) и рассказ об идеальном «тарентском старце» Архите (кн. 16) — части, важные для уяснения последнего этапа духовного развития героя романа и для понимания смысла книги. Все же в переводе встречаются мелкие, но примечательные неточности, вызванные тем, что переводчик не совсем разобрался в философии автора. «Schöne Seele» переведена как «изящная душа»,³⁵ — это уже не приблизительный перевод Г. Брайко, но еще и не адекватная передача понятия.

В качестве образца переводческого искусства Ф. Сапожникова можно привести вступительную фразу романа, по своей обстоятельности и завершенности характерную для стиля «Агатона»:

«Солнце склонялось уже к заходу, как Агатон, заблудясь в непроходимом лесу и удручаясь тщетным старанием обрести выход, достиг до подошвы превысокой горы, на которую он желал взобраться в надежде с вершины оной усмотреть какое-нибудь селение, где б мог препроводить ночь».³⁶

Подлинник:

«Die Sonne neigte sich zum Untergang, als Agathon, der sich in einem unwegsamem Walde verirrt hatte, abgemattet von der vergeblichen Bemühung einen Ausgang zu finden, an dem Fuß eines Berges anlangte, welchen er noch zu ersteigen wünschte, in Hoffnung von dem Gipfel desselben irgendeinen bewohnten Ort zu entdecken, wo er die Nacht zubringen könnte».³⁷

Перевод не просто дословен, он воспроизводит ритм виландовской фразы. Но переводчик следует с такой верностью автору не во всех частях романа. Иначе пронумерованы книги и главы; некоторые мысли Виланда распространены, однако не настолько, чтобы их нельзя было узнать.³⁸

Роман «Золотое зеркало» был переведен, как указано на титульном листе, с французского.³⁹ Но перевод очень близок к немецкому тексту, исключая мелкие отличия в произношении имен.

³⁵ Агатон, ч. 4, стр. 135.

³⁶ Там же, ч. 1, стр. 49.

³⁷ Werke, Bd. 1, S. 20.

³⁸ См., например, изменения в начале главы 5 книги V, что соответствует главе 3 книги V подлинника, или в главе 2 книги XI (глава 9 книги XII подлинника).

³⁹ Вероятно, переводчик использовал издание: Le Miroir d'or, ou les rois du Chéchan. Histoire véritable, trad. de l'allemand, vol. 1—4. Francfort sur le Meyn, 1773.

Русский текст романа обрывается в том месте, где заканчивается описание государственного устройства, учрежденного идеальным шахом Тифаном. В подлиннике дальше следует глава (гл. 16 второй части романа), в которой повествуется о крушении всех благих начинаний Тифана и об упадке государства при бездарных продолжателях его династии. Из-за отсутствия у нас французского перевода не удалось установить, было ли там это продолжение. Но его мог опустить и русский переводчик, опасаясь, что глава будет истолкована как намек: история наследников Тифана слишком напоминала историю дома Романовых после Петра I.

Политическое действие русского перевода книги гарантировалось и тем, что идея Виланда выражалась в нем не менее ясно, чем в подлиннике. Мнимый китайский переводчик в посвящении труда императору провозглашает историю «наукой царской» (у Виланда: «die Wissenschaft der Könige»).⁴⁰ Сапожников полностью сохранил перечень правил, которые внушает принцу Тифану его воспитатель (о естественном праве и братстве людей, о недопустимости тирании и рабства и т. д.). В предисловии «Издатель к читателю», воспроизведенном в третьей части перевода, есть следующие слова: «Издатель имел важные причины стараться достичь до своего общепользующего намерения больше чрез открытие вымышленных истории, нежели чрез лица и приключения. . . Для сея самыя причины избрал он такой род одеяния, который сей книге придает некакий привлекательный и увеселяющий вид, коего бы он ей не мог дать, приняв важнейший тон».⁴¹

Книга открыто преподносится, таким образом, как политический трактат, чем она, в сущности, и являлась. Правда, в переводе заботливо сохранены слова Виланда, смягчающие ее публицистический тон: «Истины не могут никому причинить вреда».⁴²

Восточный колорит «Золотого зеркала» был одним из обычных приемов литературы Просвещения. В русских журналах нередко подобные «восточные повести», сочиненные с нравоучительной или политической целью.⁴³ Роман Виланда оказался лишь

⁴⁰ Золотое зеркало, ч. 1, стр. 47 (ср.: Werke, Bd. 6, S. XIV).

⁴¹ Золотое зеркало, ч. 3, стр. 17—18. — Этим предисловием открывалась третья часть первого немецкого издания романа 1772 г. (см.: Wielands Gesammelte Schriften, hrsg. von der Deutschen Kommission der Königl. Preuß. Akademie der Wissenschaften, Abt. I, Bd. 9, Berlin, 1931, S. 7), затем оно было снято автором.

⁴² Золотое зеркало, ч. 2, стр. 159 (ср.: Werke, Bd. 6, S. 237).

⁴³ См.: В. Н. Кубачева. «Восточная» повесть в русской литературе XVIII—начала XIX века, стр. 315. Ср. переводы с немецкого: Галзам, счастливый мудрец. Восточная повесть. «Санкт-Петербургский вестник», 1779, ч. III, май, стр. 343—361; Выписки из арапского манускрипта. «Приятное и полезное препровождение времени», 1797, ч. XIV, стр. 38—44.

более обширным и сложным по сюжету произведением этого жанра.

Почти дословное воспроизведение подлинника характерно и для «Нового Дон-Кихота». Здесь сохранились все примечания, составляющие существенную часть романа и по объему и по замыслу.⁴⁴ Сапожников воссоздал и многочисленные философские рассуждения, подчас довольно хитроумные, пародирующие, вероятно, субъективно-идеалистические построения И. Канта или, быть может, Д. Юма.

В то же время переводчик принял всерьез сатирическую похвалу мелким немецким «свободным государствам» (Виланд, несомненно, подразумевал свой родной «вольный город» Биберах). В подлиннике этот пассаж, написанный от лица вымышленного немецкого переводчика испанского романа, своей язвительностью предваряет сатиру «Абдеритов» и даже более откровенен, так как немецкое бюргерство выступает в нем без маски. Перевод же, не лишенный иронических ноток, тем не менее не сохранил насмешки Виланда над местным немецким патриотизмом. В среде, окружавшей Сапожникова, иначе относились к понятиям патриотизма и республики.

«Между тем, как бы то ни было, однако, чаятельно, никто не вменит переводчику в вину, что ему патриотический дух, коим он одушевлен, не позволил перевести такого места, которое бы немало могло быть злоупотреблено низшими⁴⁵ республиканского блаженства. Отношение на наше отечество есть такая должность, которая простирается даже до малейших наших действий, и когда только тот заслуживает имя доброго гражданина, который настоящим состоянием своея республики доволен, то не можно охуждать отвращения, которое в малых вольных областях ко всему, что только издалека имеет вид политической сатиры, привыкли с толь великим правом оказывать. Итак, да будем мы навсегда чужды того, чтобы прерывать хотя на минуту гордое спокойствие и сладкую дремоту, которыми ныне отечество наше наслаждается. Пускай дон Рамиро (персонаж романа, критикующий республиканский строй, — Р. Д.) делает примечания, какие ему угодно, но мы скрываемся в наш патриотизм, стискиваем зубы и остаемся довольными».⁴⁶

Надо было, очевидно, знать немецкую жизнь лучше, чем ее знал переводчик, чтобы почувствовать весь яд этих строк: «Fern sei es also von uns die stolze Ruhe und den süßen Schlummer, worin

⁴⁴ Одно из любопытных примечаний — определение термина новелла («новость» — у Ф. Сапожникова, ч. I, стр. 25), введенного Виландом и Лессингом около 1760 г. (см. также: Р. В а н г. Studien zur Theorie und Praxis der russischen Erzählung, S. 45).

⁴⁵ Ошибка переводчика, прочитавшего «nieder» вместо «Neider» (завистники).

⁴⁶ Новый Дон-Кихот, ч. 1, стр. 230—231.

unser Vaterland liegt, nur einen Augenblick zu unterbrechen! Don Ramiro mag beobachtet haben, was er will, wir hüllen uns in unsern Patriotismus ein, beißen die Zähne und sind zufrieden».⁴⁷

В переводе Сапожникова встречается необычная для XVIII в. попытка передать частную особенность стиля Виланда. В ответ на комический неологизм переводчик довольно удачно изобретает русское слово и таким способом сохраняет манеру выражения виландовского Санчо Пансо — слуги Педрилло, простодушно демонстрирующего свою ученость: «Например, я вздумал теперь о некотором троянском принце, не знаю, Коридор ли, Исидор ли он назывался, однако в его имени дорится что-то такое» («... es dort sich so was in seinem Namen...»).⁴⁸

Восприятие этого оригинального произведения Виланда в России также, к сожалению, охарактеризовать трудно. Исчезновение из заглавия перевода слов о «победе природы над мечтательностью» косвенно может указывать на то, что Сапожников понял, кому принадлежала в романе подлинная победа. В пользу этой догадки свидетельствует и внимание переводчика к оригиналу, в частности к причудливой преромантической сказке о принце Бирибинкере, сохраненной со всей ее иронией и фантастикой.

В начале 90-х годов в русских изданиях появляются сказки Виланда из сборника «Джиннистан» (1789), написанные в подобной же насмешливо-фантастической манере. Правда, дидактический элемент был замечен в них явственнее, но фантастика, приключения и превращения связывали эти сказки с популярной русской преромантической литературой типа сказок В. Левшина.⁴⁹

Около этого времени русский читатель «замысловатых и приятных» повестей и сказок начал встречать сюжет, который был, вероятно, знаком всякому, кто сталкивался с творчеством народной среды, — насмешливую характеристику жителей той или иной области. Такие «анекдоты», собранные и изданные в 1798 г., заключали в себе широкие возможности социальной критики.⁵⁰ Отчасти эти возможности были уже использованы в рассказе Г. В. Рабенера о деревне Кверлеквич, вошедшем

⁴⁷ Werke, Bd. 11, S. 156—157 — Об этом романе Виланда см. также: М. Л. Тронская. Немецкая сатира эпохи Просвещения. Л., 1962, стр. 86—93.

⁴⁸ Новый Дон-Кихот, ч. 1, стр. 184 (ср.: Werke, Bd. 11, S. 125).

⁴⁹ См.: Произведение разума, или Нравственные, замысловатые и приятные сказки, избранные из разных лучших немецких писателей. Перевод с немецких подлинников Н. П. и И. С. 2 части. СПб., типография Ф. Мейера, 1793—1794, 8 д. л. — Из сказок Виланда сюда вошли «Албофледа», «Небоцвет и Лупина», «Адис и Даги», «Надир и Надина».

⁵⁰ Василий Березайский. Анекдоты древних пошехонцев. СПб., 1798, 8 д. л. (2-е изд. — 1821; 3-е изд. — 1863). См. также: Г. О. Винокур. Любопытный памятник XVIII века. «Доклады и сообщения Института русского языка АН СССР», вып. 2, М.—Л., 1948, стр. 80—100; Н. Ф. Сум-

в русское собрание его сочинений (немецкий сатирик опирался на аналогичный сюжет из немецкого фольклора).⁵¹ Но в гораздо большей степени ими воспользовался Виланд в «Истории абдеритов». Сюжет этого романа, переведенного на русский язык впервые в 1793 г., был в принципе не нов, необычной была лишь его разработка.

Первый перевод «Истории абдеритов» был сделан журналистом и преподавателем немецкого языка и словесности в гимназиях при Московском университете Матвеем Гавриловым.⁵²

Судя по предисловию переводчика, Виланд лишь теперь начал возбуждать действительно живой интерес в России. Даже те читатели, кто знал писателя по прежним переводам, увидели его в новом свете. Знали Виланда — нравоучителя, советчика монархов, Виланда — певца античности и «прекрасных душ», наконец, Виланда — рассказчика забавных и чувствительных историй в стихах и прозе. Но Виланд-сатирик был новостью не только для русских читателей, но, пожалуй, и для соотечественников. Правда, понятие «сатиры», как мы уже замечали, не было идентично позднейшему представлению о ней. Для современников Виланда она была скорее насмешкой над общечеловеческими недостатками, чем над пороком конкретного общественного уклада. Тем не менее сатира «Абдеритов» во многих местах книги достигала именно этого последнего качества.

Переводчик в предисловии осторожно писал: «Имя Виландово славно во всей Германии. Острое, умное и забавное перо его понравилось тамошней публике, особливо умеющей ценить высокие таланты и просвещенные понятия, и она принимает все сочинения его с благоговением, каковое оные заслуживают. Дарование его веселит и купно наставляет, тонкое и глубокое познание человеческой природы и примечательный его дух ясно представится глазам читателя и в сем сочинении. Сатирическая кисть его, не касаясь современников своих, описует жителей самой древнейшей республики в свойственном им смешном виде, так что зеркалом глупостей, предрассудков и самомечтания абдери-

ц о в. Разыскания в области анекдотической литературы. Анекдоты о глупцах. Харьков, 1898.

⁵¹ Сокращение, учиненное из летописи деревни Кверлеквич. Соч. Рабенера, перевод с немецкого. СПб., 1764, 8 д. л.; см. также: Г. В. Рабенер, Собр. соч., ч. I, М., 1792.

⁵² История абдеритов, сочиненная Виландом. Переведена с немецкого М. Г. Чч. 1, 2. М., в Университетской типографии у В. Огорокова, 1793, 8 д. л. (во второй части указана типография Ридигера и Клаудия). — Матвей Гаврилович Гаврилов (1759—1829) в это время преподавал в Педагогической семинарии и 2-й гимназии; с 1790 г. издавал вместе с В. С. Подшиваловым и П. А. Сохацким «Политический журнал»; затем — преподаватель Благородного пансиона и с 1804 г. профессор Московского университета; составитель одной из первых немецких грамматик для русских учащихся (1782).

тов никто ныне оскорбляться не может, кто себя в оном не видит или кому по крайней мере самолюбие видеть себя не позволяет. Итак, я, прочитав случайно подлинник, ласкался надеждою, что перевод оногo на российский язык удостоится благосклонного внимания моих соотечественников, особливо когда они уверены будут, что я главное намерение имел то, дабы доставить им новое удовольствие, познакомив их ближе с Виландом». ⁵³

По сравнению с переводами Ф. Сапожникова и другими переложениями произведений писателя на русский язык проза «Абдеритов» производит впечатление безусловно гладкой, свободно льющейся, похожей на речь «Московского журнала». Однако переводчик не очень считался с требованиями «приятного» стиля. Он сохранил сатирические уколы и намеки, перевел и послесловие — «Ключ» к роману, где говорится о сатирах Свифта.

В этом послесловии Виланд не раз и очень прозрачно намекал на связь абдерских нравов с немецкими. ⁵⁴ И хотя переводчик не считал нужным подменять там «немецкую землю» русской, но тем не менее общезначимость сатиры Виланда была ему ясна, что очевидно и из его предисловия.

«Чем глупее представляю их, думал я, — переводит он слова Виланда в «Ключе», — тем менее буду опасаться, что абдеритов почтут за сатиру и применять станут к таким людям, о которых я и помышлять не мог, поелику мне бытие их совсем неизвестно. Но я весьма ошибся в моих заключениях. Следствие доказало, что я невинным образом снял портреты, думая только живыми красками написать фантазию». ⁵⁵

Через два года в Калуге этот же роман был издан в переводе В. Левшина довольно большим тиражом в 1200 экземпляров. ⁵⁶ Левшин еще сильнее подчеркнул сатиричность произведения, вынеся в заголовок мысль о зеркале и, может быть, памятуя о другом романе Виланда, носящем подобное же название. «История абдеритов» превратилась в «Зеркало для всех», в котором «всяк знакомых без колдовства увидеть может».

Различия в лексике этих двух переводов романа незначительны, так как обе работы относятся к одному и тому же этапу развития русского литературного языка. Можно лишь заметить, что стиль «Зеркала» несколько «простонароднее», чем стиль перевода Гаврилова. Но это вообще характерно для Левшина, который ориентировался на сравнительно широкий круг читателей. ⁵⁷

⁵³ История абдеритов, ч. 1, стр. III—IV.

⁵⁴ См.: Werke, Bd. 21, SS. 226—232.

⁵⁵ История абдеритов, ч. 2, стр. 196 (ср.: Werke, Bd. 21, SS. 225—226).

⁵⁶ Зеркало для всех, или Забавная повесть о древних авдеранцах, в которых всяк знакомых без колдовства увидеть может. Переведена с того языка, на котором писана. Чч. 1, 2. Калуга, типогр. Приказа общественного призрения и Котельникова, 1795, 8 д. л.

⁵⁷ См.: В. Шкловский и Чулков и Левшин. Л., 1933, стр. 177.

Ради этих читателей, например, «цеховой мастер Пфрим» (как он именовался в переводе Гаврилова) был превращен в «цехоначальника Шильцова». ⁵⁸ Для античной Абдеры эта фамилия звучала так же комически странно, как и «Пфрим» у Виланда, однако при этом до читателя был донесен ее смысл.

Левшин не пропустил и многозначительную параллель между абдеритами и шильдбюргерами («пошехонцами» немецкого фольклора), установленную Виландом в самом начале романа. ⁵⁹ Правда, упоминание персонажей немецкой народной книги звучало не очень вразумительно для читателей его перевода («шилбургская шутка»), ⁶⁰ но ни Гаврилов, ни составитель более позднего перевода Н. Баталин не сочли нужным перевести это сравнение (у Баталина в этом месте появилось неопределенное выражение «нынешние мещанские фарсы»). ⁶¹

Перевод Н. Баталина, сделанный более чем через тридцать лет, свидетельствует об ином отношении к популярному роману. Текст сокращен, приглажен, но и в таком виде сатира «Абдеритов» оказалась, по-видимому, опасной: издание прервалось на книге третьей и было продолжено лишь после большого перерыва. ⁶²

Представление об отношении разных переводчиков к тексту Виланда могут дать образцы перевода выразительного отрывка из последней, 12-й главы книги третьей романа, где рассказывается о театральном ажиотаже, охватившем жителей города после постановки «Андромеды» Еврипида на абдерской сцене:

«Lucian, nach seiner spöttischen Art, machte sich sehr lüstig mit der Vorstellung, wie närrisch es ausgesehen haben müsse, alle Straßen in Abdera von bleichen, entbauchten, und vom siebentägigen Fieber ausgemergelten Tragikern wimmeln zu sehen, die aus allen ihren Leibeskraften „Du aber, der Götter und der Menschen Herrscher Amor“ u. s. w. gesungen, ⁶³ und er versichert, diese Epidemie habe so

⁵⁸ Зеркало для всех, ч. 2, стр. 97.

⁵⁹ См.: Werke, Bd. 19, S. 8.

⁶⁰ Зеркало для всех, ч. 1, стр. 8.

⁶¹ Абдеритяне. Соч. Виланда. Перевод с немецкого Н. Баталина. Ч. 1. М., 1832, стр. 5. — Очевидно, это намек на пьесы А. Коцебу, особенно на его «Провинциалов» (1803), по сюжету родственных роману Виланда.

⁶² Вторая часть романа увидела свет только в 1840 г.

⁶³ Тема «арии» обычна для поэзии рококо. Ср. анонимное стихотворение «К Ерогу» в «Московском ежемесячном издании» (1779, ч. 1, стр. 220—222):

Ты, что мир одушевляешь!
Ты, что славяшь смертных род!
Ты, что всем повелеваешь,
О Кипридин сын Ерот!

и т. д.

В контексте романа Виланда эта «ария» могла означать насмешку над анакреонтическим стихотворством.

lange gedauert, bis der Winter und eine große eingefallene Kälte dem Unwesen endlich ein Ende gemacht». ⁶⁴

Перевод М. Гаврилова (1793):

«Лукиан, по охоте своей к насмешкам, весьма забавлялся представлением тех смешных дурачеств, которые можно было видеть, когда все улицы в Абдере наполнены были бледными, выпуклые пуза потерявшими и от семидневной горячки иссохшими трагиками, кои, надрываясь, пели: „О ты, богов, людей владычица любовь!“ и проч.; и он уверяет, что сия зараза продолжалась до тех пор, пока наконец прекращена была зимою и наступившею жестокою стужею». ⁶⁵

Перевод В. Левшина (1795):

«Лукиан, по своему насмешливому свойству, очень забавлялся представлением себе того, каковой глупый вид иметь должно было то, когда все улицы авдерские кишели бледными, лишенными брюх и седмидневною горячкою выморенными трагиками, которые изо всех сил своих распевали: „Ты же! богов и человек властитель, Амур!“ и проч.; он уверяет, что эта эпидемия до тех пор продолжалась, пока зима и наступившая великая стужа зло сие наконец прекратила». ⁶⁶

Перевод Н. Баталина (1832):

«Лукиан, по своей страсти к насмешкам, весьма забавляется сею картиною. — Как смешно было видеть в самом деле все абдерские улицы, наполненные бледными, тощими и семидневною горячкою изнуренными трагиками, которые изо всей мочи распевали:

О ты, Амур, богов и смертных повелитель!

И он уверяет, что сия эпидемия продолжалась до самой зимы, которая стужею и морозами опять всюду восстановила надлежащий порядок». ⁶⁷

Перевод части этого же эпизода появился в «Приятном и полезном» за 1796 г. ⁶⁸ Переводчик, подписавшийся инициалами Я. С., не указывал, из какого именно контекста взят отрывок, хотя, вероятно, предполагалось, что роман Виланда известен читателям. Несколько слов в начале отрывка вводили читателя в курс событий. Но резкие выпады против развратных и глупых абдеритов, которые у Виланда произносит якобы Йорик в «Сентиментальном путешествии» Стерна, были приняты переводчиком за твердое мнение самого автора романа. Картина абдерских нра-

⁶⁴ Werke, Bd. 19, S. 277.

⁶⁵ История абдеритов, сочиненная Виландом, ч. 1, стр. 213—214.

⁶⁶ Зеркало для всех, или Забавная повесть о древних авдеранцах. . . , ч. 2, стр. 329.

⁶⁷ Абдеритяне, ч. 1, стр. 210.

⁶⁸ Абдеритский отрывок. «Приятное и полезное препровождение времени», 1796, ч. IX, стр. 201—202.

вов получилась поэтому примитивной и неприкрыто злой, что никак не вязалось с приемами виландовской сатиры.

«История абдеритов» издавалась в России, таким образом, трижды. В первой трети XIX в. о ней спорили не меньше, чем прежде, хотя прочтение романа стало иным, поскольку менялось представление о социальной роли сатиры.

4

Созданный в среде русского масонства образ Виланда — автора нравоучительных и чувствительных сочинений — был усвоен молодым Н. М. Карамзиным, чьи взгляды формировались, как известно, под сильным масонским воздействием.¹ Отправляясь в путешествие по Западной Европе, Карамзин мог воспользоваться советами масонских деятелей, считавших Виланда одним из современных духовных авторитетов.² Кроме того, молодого русского литератора Виланд несомненно привлекал своим талантом. Поэтому первым вопросом Карамзина по приезде в Веймар был вопрос о Виланде.

Встреча и разговор с Виландом, состоявшиеся 21 июля 1789 г., представляют собой один из важнейших эпизодов «Писем русского путешественника».³ Ценность этих страниц Карамзина состоит не только в том, что здесь высказаны мысли, существенные для понимания концепции «Писем» и взглядов молодого Карамзина. Эпизод встречи с Виландом ни разу не затрагивался авторскими переделками и, вероятно, более близок к действительным путевым записям, чем многие другие места «Писем». В произведении Карамзина, которое, разумеется, отнюдь не является хроникой, этот эпизод обладает большой степенью исторической достоверности. Это делает его одинаково интересным для биографов Карамзина и Виланда.

Карамзин откровенно рассказывает, что встретил сначала в доме Виланда довольно холодный прием. Не любивший праздного любопытства и опасавшийся интриг многочисленных литературных врагов, Виланд не изъявил желания ближе познакомиться с незваным гостем, о котором было к тому же известно, что это путешествующий русский дворянин.⁴ Но юношеская искренность и,

¹ См.: Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. Материалы для биографии с примечаниями и объяснениями М. Погодина, ч. I. М., 1866, стр. 13—24.

² См.: К. Bittner. Der junge Karamzin und Deutschland. In: Herder-Studien. Würzburg, 1960, SS. 88—89; K. Günther. Wieland und Rußland, I, S. 499. — О внимании русских масонов к Виланду, нашедшем отражение в издательской деятельности Н. И. Новикова, см.: Г. В. Вернадский. Русское масонство в царствование Екатерины II. Пгр., 1917, стр. 117.

³ См.: Н. М. Карамзин, Избр. соч. в двух томах, т. 1, М.—Л., 1964, стр. 171—181 (далее сокращенно: Карамзин).

⁴ В беседе с Карамзиным Виланд упомянул некоего Ц., русского французомана, отпугнувшего его своим чрезмерным преклонением перед Вольтером

вероятно, обаяние Карамзина привели к тому, что вторая, вечерняя беседа с Виландом велась в более интимной и дружеской атмосфере. «Мне казалось, что он был несколько тронут; а это самого меня тронуло», — осторожно замечает Карамзин.⁵

Впрочем, дружеские отношения с Виландом, на которые, по-видимому, надеялся Карамзин, так и не установились. Виной тому была не только разница в возрасте (более тридцати лет), но и прежде всего осторожность Виланда. Об этой осторожности свидетельствует стремление писателя избежать в беседе с Карамзиным всяких тем, которые можно было бы истолковать как политические.⁶ Обстановка в Германии была напряжена; лишь несколько дней назад пала Бастилия.

Дважды начинал Карамзин разговор о России, и оба раза Виланд поспешно менял тему. Не помогло упоминание имени Якоба Ленца, которого Виланд хорошо знал и который был до некоторой степени учителем Карамзина,⁷ не помог рассказ русского гостя о переводах сочинений Виланда в России, хотя в этом случае информация могла быть ему интересной, поскольку исходила от участника новиковских изданий.⁸

Однако сам Карамзин, конечно, заинтересовал Виланда. Об этом свидетельствует их беседа, в которой немецкий писатель высказал некоторые излюбленные свои мысли, не всегда совпадающие с тем, что думал его молодой собеседник.

Записанная Карамзиным мысль Виланда о том, что и на «пустом острове» не следует отказываться от творчества, продолжает рассуждения, составляющие суть «Письма к молодому поэту» (1782).⁹ Вместе с протестом против непонимания и унижений, достигающих в удел таланту в косной общественной среде, здесь присутствует свойственное Виланду ощущение нравственной необходимости творчества. В ответ на уверение Карамзина, что и он ставит себе целью «тихую жизнь», Виланд, будто опасаясь слишком упрощенного истолкования своих слов, поясняет: «Кто любит муз и любим ими. . . , тот в самом уединении не будет праз-

(см.: Карамзин, т. 1, стр. 176—177). — Представление о том, как Виланд встречал неприятных ему гостей, можно составить по эпизоду из его романа «Аристипп» (кн. I, письмо 8), где рассказывается об ироническом отношении Сократа к праздным посетителям (см.: Werke, Bd. 33, S. 65).

⁵ Карамзин, т. 1, стр. 180.

⁶ Виланд сказал Карамзину, что боится быть «слишком откровенным» (там же, стр. 176).

⁷ См.: М. Н. Розанов. Поэт периода «бурных стремлений». Якоб Ленц, его жизнь и произведения. М., 1901, стр. 481—492. — Известно письмо Карамзина к Виланду от 1789 г., в котором содержится вопрос об отношении немецкого писателя к плану издания антологии русских поэтов в переводах Я. Ленца; письмо осталось, по-видимому, без ответа (см.: K. Günther. Wieland und Rußland, I, S. 500).

⁸ См.: Карамзин, т. 1, стр. 175—181.

⁹ См.: там же, стр. 178 (ср.: Werke, Bd. 24, SS. 7—34).

ден и всегда найдет для себя *приятное дело*.¹⁰ Через много лет в речи на собрании Российской академии Карамзин повторил эту мысль, доведя ее почти до признания общественной значимости творчества: «Внутреннее удовольствие любимца муз действует всегда и на душу читателей».¹¹

Но во время встречи Карамзин или, точнее, герой «Писем русского путешественника», несколько более наивный, чем автор,¹² еще не совсем понимает Виланда. Он спешит перевести писателю экспромтом одно из своих стихотворений, в «Письмах» названное «Печальная весна». «Жалею, если вы часто бываете в таком расположении, какое здесь описано», — отвечает на это Виланд.¹³ В 1789 г., следя за развитием французских событий и завершая перевод Лукиана, Виланд был бесконечно далек от элегических настроений.

Другая тема, затронутая русским гостем, могла бы вызвать у Виланда больше интереса — это были проблемы моралистической философии. Но суждения Карамзина показались ему, вероятно, недостаточно почтительными по отношению к предмету беседы. Речь зашла о Канте, к которому, правда, ни тот, ни другой собеседник не питали особенного пристрастия, хотя и внимательно следили за развитием его учения. Не защищая кантианства, Виланд нашел нужным напомнить юноше, предпочитавшему философии словесность: «А разве „Агатон“ не есть философическая книга?..

В нем решены самые важнейшие вопросы философии».¹⁴

Карамзин не преминул отметить философский скептицизм Виланда, характерный для всего его зрелого творчества. Но скепсис Виланда соединялся с глубоко гуманистическим мировоззре-

¹⁰ Карамзин, т. 1, стр. 179. — О постоянной «внутренней работе» поэта (*inneres Geschäft*) см.: Werke, Bd. 24, SS. 8—9.

¹¹ Карамзин, т. 2, стр. 241. — Мысль Виланда не была, конечно, откровением для Карамзина, воспитанного в масонско-просветительских представлениях о необходимости деятельной любви к людям. Но слова немецкого писателя помогли, по убеждению биографа, формированию его нравственного кредо (см.: Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников, ч. I, стр. 169).

¹² О несовпадении образа рассказчика с автором «Писем». См.: P. B r a n g. Studien zur Theorie und Praxis der russischen Erzählung, S. 265; H. R o t h e. Karamzinstudien, II. «Zeitschrift für slavische Philologie», Bd. 30, 1962; Н. 2, SS. 305—306.

¹³ Карамзин, т. 1, стр. 178—179. — Стихотворение Карамзина под таким названием неизвестно. В диссертации Н. Д. Кочетковой (1964) «Н. М. Карамзин и русская поэзия конца 80-х и первой половины 90-х годов XVIII в.» (ИРЛИ) высказано очень вероятное предположение, что Карамзин читал Виланду «Весеннюю песнь меланхолика», опубликованную в «Детском чтении» (1789 г., ч. XVIII, стр. 63). Кстати, тогда же, когда появилось это стихотворение, в журнале была напечатана «Прогулка» Карамзина, в которой отразилось его раннее представление о Виланде как певце ночи и «мира бестелесного» (см.: там же, стр. 168).

¹⁴ Карамзин, т. 1, стр. 179.

нием, что, конечно, не могло не найти отклика в душе будущего родоначальника русского сентиментализма. «Он ничего не отвергает, но только полагает различие между чаением и уверением», — подводит Карамзин итог своим впечатлениям о Виланде.¹⁵

И все же не это интересует Карамзина в первую очередь. Его, поэта, привлекает поэзия Виланда. Не случайно, заканчивая рассказ о встрече с ним, Карамзин, кроме «Нравоучительных повестей» и «Симпатий», сравнительно хорошо известных русским читателям журналов, назвал только поэмы Виланда — «Комические повести», «Оберон», «Музарион», «Клелия и Синибальд».¹⁶

Восторженное отношение русского юноши к Виланду не всегда, впрочем, находило поддержку у его собеседников. Гердер, например, «хвалил Виланда, а особливо Гете», указывая этим на иное представление о масштабах их дарований, чем то, с которым пришел к нему Карамзин.¹⁷ Разговор с Гердером и, возможно, некоторые другие впечатления от веймарской жизни заставили Карамзина взглянуть на Виланда более трезво. Обстоятельства первой встречи тоже не давали повода для восторженного отношения к Виланду. В портрете писателя, набросанном Карамзиным, хорошо ощущается легкая разочарованность: «Вообразите себе человека довольно высокого, тонкого, долголицего, рябоватого, белокурого, почти безволосого, у которого глаза были некогда серые, но от чтения стали красные, — таков Виланд».¹⁸ Вместе с тем портрет этот правдив: другие современники тоже отмечали несоответствие внешности Виланда тому образу автора, который возникал при чтении его произведений.¹⁹

Это едва заметное разочарование в Виланде относится скорее к переживаниям самого Карамзина, начинавшего в период работы над «Письмами» пересматривать свои юношеские литературные

¹⁵ Там же.

¹⁶ См.: там же, стр. 180. — Тем не менее «Письма русского путешественника» иногда расценивались как источник сведений о «сочинениях новейших германских писателей» (см.: И. И. Дмитриев. Взгляд на мою жизнь. СПб., 1866, стр. 83).

¹⁷ Карамзин, т. 1, стр. 174. — О познаниях Карамзина в современных западных литературах см.: В. В. Сиповский. Н. М. Карамзин, автор «Писем русского путешественника». СПб., 1899, стр. 99—100; Приложение, стр. 50.

¹⁸ Карамзин, т. 1, стр. 175. — Высказывалась мысль о сходстве реалистической манеры этого описания с русской портретной живописью XVIII в. (см.: А. Чичерин. Поиски соответствий. «Вопросы литературы», 1968, № 1, стр. 209).

¹⁹ Ср. в письме Ф. Шиллера к Г. Кернеру от 23—24 июля 1787 г.: «Его внешность меня удивила. Мне не пришлось бы в голову искать в этом лице того, что он собой представляет...» (Фридрих Шиллер, Собр. соч. в семи томах, т. 7, М., 1957, стр. 109). О болезни глаз у Виланда см.: Fr. Sengle. Wieland, S. 357.

взгляды, нежели к впечатлениям его путешествующего героя. Имя Виланда нередко появляется и в других местах «Писем», но без какой-либо тени порицания.

Герой Карамзина единодушен с поэтом Фридрихом Маттисоном, читающим ему неопубликованные письма Виланда к С. Ларош, где «добрая и нежная душа старого поэта, как в чистом зеркале, изображается». Перечисляя авторов, которые на берегах Цюрихского озера «обнимались с музами и мечтали для потомства», он называет и Виланда и оделяет его равной долей восхищения наряду с Геснером, Клопштоком, Бодмером, Гете, Фр. Штольбергом и Ленцем, нисколько при этом не заботясь о различиях между ними.²⁰

Восприятие Виланда, каким оно было во время путешествия, отразилось в единственном известном письме Карамзина к поэту, написанном из Женевы 4 октября 1789 г. Письмо не имеет обращения, и его начало выглядит как продолжение прерванного разговора, хотя письмо выдержано отнюдь не в разговорном стиле:

«„Подавайте иногда весть о себе!“ — Вы, быть может, забыли, что несколько месяцев назад сказали это одному молодому русскому путешественнику, когда он прощался с вами? — Да — и горе бедному знатоку человечества, если он и здесь обманулся, поверив, что можно произнести это „да“, — ведь ваши слова звучали с такой сердечностью!».

«Если души и в самом деле знали и любили друг друга прежде, чем воплотиться на земле в людей, то я некогда знал вашу душу и любил ее. Бывало, я читал стихотворение, нравившееся мне. И желал познаться с поэтом, который представлялся мне прекрасным человеком. Я встречал его — и что же! — теперь он мне совсем не нравился. Я прочитал творения Виланда. Их таинственная сила затронула так много струн моего сердца, что оно громко откликнулось, и многие мне говорили: — „Брат! это гармонические звуки!“ — „Надо увидеть поэта, вдохновившего меня“, — рассудил я. Увидел его, полюбил и, пожимаая руку его, подумал: вот человек, достойный любви!».²¹

Образ «доброто» Виланда, тем не менее продолжающий жить в сознании Карамзина, проглядывает и в маленькой новелле, включенной в «Письма» и основанной на том же местном сказании, ко-

²⁰ См.: Карамзин, т. 1, стр. 219, 353.

²¹ Подлинник — в архиве Германского Национального музея в Нюрнберге, в собрании автографов К. А. Бёттигера, который в 1790-х годах общался с Виландом. Опубликовано: H. J. zum Winkel. Ein Brief Karamzins an Wieland vom Jahre 1789. In: Slawistische Studien zum V. Internationalen Slawistenkongress in Sofia 1963. (Opera Slavica, Bd. IV). Göttingen, 1963, SS. 379—381 (оригинал по-немецки).

торое было использовано Виландом в поэме «Монах и монахиня».²² Карамзинский пересказ легенды о преступной любви и наказании за нее сделан таким образом, что его можно принять и за изложение сюжета Виландовой поэмы. Между тем интерпретации сказания различаются очень заметно. Рассказ Карамзина лишен всякого сказочного, «обероновского» элемента, каким широко пользуется Виланд; история переписки и тайного свидания влюбленных изложена в «Письмах» сжато и серьезно; наказание недвусмысленно приписано «небесному гневу». В таком виде новелла имеет мало общего с многословной и жизнерадостной поэмой Виланда, полной фантазии и двусмысленностей. Если рассказ Карамзина и выигрывает по сравнению с поэмой своим трагическим лаконизмом, то его нравоучительная концовка все же значительно архаичнее того апофеоза свободного чувства, каким завершается произведение Виланда. Превращение влюбленных в камень — здесь не наказание, а спасение их душ в языческом, античном смысле:

Nichts Sterbliches ist an ihnen mehr,
Sie schweben auf — ins ew'ge Leben!²³

Разумеется, тот Виланд, которого предпочитал Карамзин, мог бы окончить поэму такими стихами только в случае, если бы изобразил в ней раскаявшихся грешников.

«Письма русского путешественника» составили, как известно, существенную часть содержания «Московского журнала». Но образ Виланда, сохраненный в «Письмах», не во всем совпадает с отзывами о писателе, появлявшимися в других материалах карамзинского издания. Виланд в «Письмах» выглядит в общем (исключая упомянутые нами детали из рассказа о встрече с ним) чуть «добрее» и сентиментальнее, чуть дольнее, чем Виланд «Московского журнала», — это, несомненно, результат эволюции взглядов Карамзина, шедшей в эти годы очень быстрым темпом.

В последней книжке «Московского журнала» появилась подробная биография Виланда с цитатами из писем С. Ларош и Бодмера, с оценками романов. Впервые в русской печати «Золотое зеркало» было определено как «политический роман», а по поводу «Абдеритов» сообщалось, что «автор под греческими именами представляет сатирическое описание немецких законов, нравов и вкуса». Автором статьи был швейцарский писатель-биограф Леонард Мейстер (1741—1811), с которым Карамзин познакомился во время пребывания в Цюрихе.²⁴

²² См.: Карамзин, т. 1, стр. 186—187. — Поэма Виланда, впервые изданная в 1777 г., позднее получила название: «Sixt und Klärchen».

²³ Werke, Bd. 9, S. 176.

²⁴ Виланд. «Московский журнал», 1792, ч. VIII, декабрь, стр. 211—232. — В доступном нам 3-м издании книги: L. Meister. Charakteristik deutscher Dichter (Bd. 1, 2. St. Gallen und Leipzig, 1789) — биография Виланда отсутствует. Очевидно, Карамзин нашел ее в позднейших выпусках труда Мей-

В своем журнале Карамзин откликнулся и на «Тайную историю философа Перегринна Протея».²⁵ Рецензия на этот роман является, по-видимому, одним из ранних примеров эзоповского языка, который достиг совершенства в передовой русской журналистике XIX в.²⁶ Вместе с тем она наилучшим образом подтверждает, что Карамзин за два года, прошедшие со времени путешествия, сумел многое понять у Виланда.

«Ничто не может быть прекраснее тех картин, в которых представлен здесь фанатизм со всеми его оттенками», — пишет Карамзин об особенности романа.²⁷ Лишь обратившись к самому произведению, никогда, кстати сказать, не переводившемуся на русский язык, читатель мог разгадать смысл этой фразы: роман направлен против христианского фанатизма, обличает безнравственность официального христианства вообще. Эстетическая оценка, высказанная в рецензии, была призвана привлечь читательское внимание к общественно-политической стороне романа, очевидной для Карамзина.

Карамзину принадлежит и первая попытка стихотворного перевода отрывка из «Оберона», сохранившаяся в «Московском журнале». Отрывок входит в текст переведенной им повести А. Коцебу «Мария Сальмон, или Торжество добродетели». Именно эти стихи привлекают впоследствии молодых поэтов из Дружеского литературного общества и станут одним из жизненных девизов Жуковского:

Мне сердце говорит —
Я чувствую и верю,
Что тайная рука,
Ведущая нас, смертных,
Во мраке жизни сей,
Не даст погибнуть нам

И в самое то время,
Когда последний луч
Надежды в нас погаснет,
Уверимся в душе,
Что миг единый может
Здесь все переменить!²⁸

Этот превосходный перевод все же по смыслу довольно далек от виландовского оригинала. Там речь идет о царе эльфов, опекаю-

²⁵ «Сра, выходявших вплоть до 1793 г (см К Günther. Wieland und Rußland, II, S 711, N 1) Сгагья переиздавалась в сборниках переводов Карамзина (Пантеон иностранной словесности, ч 2, М., 1818, стр 157—176, Переводы Изд 4-с, т 8, СПб., 1835, стр. 114—127)

²⁶ «Московский журнал», 1792, ч VIII, октябрь и ноябрь, стр 159—161.

²⁷ Анализ другого отзыва Карамзина, где использован подобный же прием намеков, см Ю М Лотман Руссо и русская культура XVIII века В кн Эпоха Просвещения, стр 270—271

²⁸ «Московский журнал», 1792, ч VIII, октябрь и ноябрь, стр. 160.

²⁸ Там же, 1791, ч IV, октябрь, стр. 16. Ср: «Оберон», песнь 7, октава 75 (Werke, Bd. 23, S. 30) — Карамзин очень точно воспроизводит каждый стих, лишь деля его надвое и не пользуясь рифмовкой подлинника. Об этой цитате из «Оберона» см. также А. Н. Веселовский В. А. Жуковский Поэзия чувства и «сердечного воображения» Пгр., 1918, стр. 165, 167

щем героев, и стихи о «тайной руке» лишены (хотя, может быть, и неполностью) того мистического содержания, какое вкладывают в них Коцебу и вслед за ним Карамзин.²⁹

Июльская книжка «Московского журнала» за 1792 г. знакомила читателей с повестью «Корделия», заимствованной, как сообщалось в подзаголовке, «из Виландова журнала».³⁰ Автор повести тоже давал почувствовать руку провидения, охраняющую героиню. Но, разумеется, не это привлекло Карамзина к произведению, опубликованному Виландом. Повести присущи преромантические черты — острый интерес к местному преданию и «готическому» средневековью (привидения, руины и т. п.). События окутаны мрачной таинственностью. Недосказанность создает впечатление непознаваемой сложности окружающего мира.

Через год после появления русского перевода «Корделии» Карамзин пишет повесть «Остров Борнгольм».³¹ Некоторые черты этого произведения, в целом далекого от «Корделии», позволяют сравнить его с повестью из журнала Виланда. В обоих случаях герои неожиданным для них образом попадают в загадочный замок. Борнгольмский пейзаж Карамзина почти так же нереален, как видения Корделии. Карамзин использует в повести тот же прием, что и немецкий автор, обрывая действие в момент, когда тяготеющая над замком роковая тайна должна разъясниться.

В повести Карамзина находим виландовскую цитату как свидетельство того, что имя Виланда (и, возможно, не без связанных с ним литературных ассоциаций) возникало в сознании автора. Цитата заимствована, правда, из произведения совсем иного жанра — из сказки «Первонте», однако умело подчинена Карамзинным стилю «Острова Борнгольма»: «Друзья мои! Чтобы живо чувствовать всю дерзость человеческого духа, надобно быть на открытом море, где одна тонкая дощечка, как говорит Виланд, от-

²⁹ Отмеченное нами сочувствие Карамзина виландовской критике церкви отнюдь не означало, конечно, его атеизма. Вера в провидение составляла предмет писем П. Бейля к Шафтсбери, помещенных в «Московском журнале» (1791, ч. III, август, стр. 150 и сл.).

³⁰ См.: там же, 1792, ч. VII, июль, стр. 68—99. Подлинник: «Der neue teutsche Merkur», 1791, Mai, S. 1 ff. — Автором повести был малоизвестный литератор Иозеф Фридрих Энгельшалль (Engelschall, 1739—1797). См.: С. А. Н. Burkhardt. Repertorium zu Wielands deutschem Merkur. Weimar, 1872, N 1001. — «Немецкий Меркурий» упоминают в журнале Карамзина и в другом случае — при рассказе о поэте Э. Зеккендорфе, который сотрудничал в виландовском издании (см.: «Московский журнал», 1791, ч. I, февраль, стр. 194, 199).

³¹ Повесть опубликована в первой книжке «Аглаи» (1794). См. также: В. Э. Вацуро. Литературно-философская проблематика повести Карамзина «Остров Борнгольм». В кн.: Державин и Карамзин в литературном движении XVIII—начала XIX века (XVIII век, сб. 8). Л., 1969, стр. 190—209.

деляет нас от влажной смерти». ³² Карамзина привлек конкретный виландовский образ. Так и из «Корделии» он мог взять ряд внешних, формальных особенностей и композиционных приемов. Произведения Виланда и материалы его журнала служат Карамзину арсеналом художественных средств, цитат, но небезразличны ему и сами по себе. Работая над преромантической повестью, он обращается именно к тем произведениям, где может наверняка найти нужные ему эмоции и краски.

В творчестве Карамзина можно обнаружить и более глубокие связи с Виландом. Мировоззрение русского писателя и его литературные взгляды приняли в себя многие из тех элементов, из которых формировалась личность Виланда. Общими были важнейшие философские источники — Руссо, Вольтер, Шафтсбери; ³³ общим было увлечение Шекспиром и английским сентиментализмом. Следует принять во внимание и особый интерес Карамзина к духовной жизни Германии, интерес, унаследованный им от масонов и поддерживаемый самой немецкой литературой, находившейся в начале своего «золотого века».

Нравственная философия «Агатона», с которой Карамзин познакомился рано, ³⁴ могла повлиять на его представления о связях личности и общества. В повести «Чувствительный и холодный» и в «Рыцаре нашего времени» Карамзин выражает взгляд на законы формирования личности, повторяя в принципе то, что утверждал автор «Агатона». Душа ребенка названа «белым листом чувствительности»; ³⁵ в этом определении, так же как в виландовских «набросках добродетели», изначально присутствующих якобы на *tabula rasa* человеческой души, отразилось свойственное обоим писателям представление о естественной сложности человека, которого формирует не одно только воспитание. Конечно, здесь чувствуется возникающее недоверие к просветительской педагогике.

Но, изображая внутреннюю жизнь личности с позиций, подобных позициям Виланда, Карамзин отказывается от исторического, исключительного героя, какого предпочитал Виланд, сохранявший в своих романах приверженность литературной традиции XVIII в. Карамзин принципиально изображает людей обычных и ищет ре-

³² Карамзин, т. 1, стр. 664. — Ср. слова Вастола в эпизоде плавания в закрытой бочке («Pervonte», Teil II):

... doch in der Presse,
Worin wir sind, da uns ein nasser Tod
Bei jedem Atemzug in jeder Welle droht...

(Werke, Bd. 18, S. 111)

³³ Мысль Шафтсбери о тождестве добродетели и красоты лежит в основе переводной статьи «Нравственное удовольствие» («Московский журнал», 1791, III, июль, стр. 76—82).

³⁴ См. К. Bittner. Der junge Karamzin und Deutschland, SS. 84—85.

³⁵ Карамзин, т. 1, стр. 759. Ср. в «Агатоне» выражение «Lineamenten der Tugend» (Werke, Bd. 3, S. 193).

альные (в его понимании) мотивы их поведения. Эту разницу можно увидеть при сравнении «Агатона» и «Рыцаря нашего времени» — двух хроник человеческой личности. Характерно противопоставление «романтической истории» модному историческому роману, которое Карамзин делает во вступлении к своей повести, избирая временем действия для нее русскую современность.³⁶

Внимание к обществу как к естественной среде существования индивида тоже сближает Карамзина с Виландом, с его представлением о необходимости «общего блага» («das gemeine Beste»). «Человек сам по себе есть фрагмент или отрывок, — пишет Карамзин, — только с подобными ему существами и природою составляет он целое».³⁷ Оба писателя разделяли просветительское представление о космополитической сути личности, подчеркивая в ней начало, объединяющее ее с человечеством.³⁸

Близость Карамзина к Виланду в этих вопросах вела к сходству их отношения к Руссо.³⁹ Оба писателя не могли принять руссоистского освещения пути развития общества. Просветительский оптимизм, вера в могущество разума, поколебленные общественными потрясениями конца века, но не разрушенные, делаи их противниками пресловутой идеи о вреде дивилизации. Статья Карамзина «Нечто о науках, искусствах и просвещении», опубликованная в 1796 г., перекликается с циклом антирусоистских работ Виланда 70-х годов.

В статье Карамзина появляется непосредственно виландовский персонаж. Примером невежды, не затронутого влиянием культуры, представлен здесь житель «благословенной Абдеры», который «живет и более ничего».⁴⁰ Абдеритам противопоставлены просвещенные афиняне с их обостренным общественным чувством. Ирония романа Виланда неожиданно обнаруживает под пером Карамзина свою антирусоистскую направленность, заложенную в самом противопоставлении города глупцов цивилизованному миру.

Вместе с тем и Карамзин и Виланд сумели оценить историческую важность событий Французской буржуазной революции, идейно подготовленной в значительной степени философией Руссо. Эта связь более отчетливо выражена у Карамзина, в его француз-

³⁶ См.: там же, стр. 755.

³⁷ Там же, стр. 350. — См. в статье «Мысли об уединении» (1802): «Отдаляясь от света, оно (человеческое сердце, — Р. Д.) иссыхает, подобно растению, лишенному животворных влияний солнца» (там же, т. 2, стр. 181). Степень связи личности и общества служит предметом спора между Агатоном и софистом Гиппием, но Виланд, кажется, более определенно, чем Карамзин, ставит состояние общества в зависимость от степени развития личности и семьи (см.: Werke, Bd. 1, SS. 124—125, 140).

³⁸ См. предисловие Карамзина к переведенным им сценам из «Саконгалы» («Московский журнал», 1792, ч. VI, май, стр. 125).

³⁹ Об отношении Карамзина к Руссо см.: Ю. М. Лотман. Руссо и русская культура XVIII века, стр. 265—277.

⁴⁰ Карамзин, т. 2, стр. 134—135.

ской авторецензии на «Письма русского путешественника» (1797), где революция отнесена к тому сорту явлений, которые «определяют судьбы человечества на долгий ряд веков». «Я это вижу, — добавляет писатель, — а Руссо предвидел». ⁴¹ В «Разговорах с глазу на глаз» (1798) и других работах Виланда, опубликованных в эти годы в «Немецком Меркурии», высказана, в сущности, та же точка зрения. ⁴²

Тайный «республиканизм» Карамзина, о котором он писал друзьям, будучи уже придворным историографом, ⁴³ возник под влиянием тех же нравственных идей Руссо, которые питали «Диогена», «Агатона» и многие страницы «Золотого зеркала». Это было, конечно, такое же настроение, какое характерно для Виланда, тяготившегося своей почетной неволей при веймарском дворе. ⁴⁴

Сходное восприятие истории сближало взгляды Карамзина и Виланда на античность. Обоим писателям было присуще отношение к античному наследию как к величайшей эстетической и нравственной ценности, принадлежащей, однако, пройденной ступени цивилизации.

Как Виланд, так и Карамзин придерживались в своих взглядах некоторого историзма, хотя и непоследовательного. Карамзин, более молодой, обладавший возможностью широко пользоваться опытом Гердера и самого Виланда, смог проницательнее и точнее определить роль античной культуры в человеческой истории: «Самые греки — я люблю их, мой друг; но они были не что иное, как — милые дети! Мы удивляемся их разуму, их чувству, их талантам, но так, как взрослый человек удивляется иногда разуму, чувству и талантам юного отрока». ⁴⁵

⁴¹ Там же, стр. 152.

⁴² См.: Werke, Bd. 29, S. 117f. — Напомним, что номера журнала и тома сочинений Виланда со статьями о революции систематически запрещались русской цензурой. Разумеется, ни Виланд, ни Карамзин не приняли якобинского этапа революции (ср. карамзинскую переписку Мелодора и Филалета и примечания Виланда к 3-му изданию «Агатона»).

⁴³ См.: Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866, стр. 248—249; Письма Н. М. Карамзина к П. А. Вяземскому. 1810—1826. СПб., 1897, стр. 60, 75.

⁴⁴ Традиция, восходящая к Руссо, Геснеру и Виланду, соединяясь с собственным жизненным опытом Карамзина, сделала тему уединения одной из основных в его творчестве 90-х годов (заключительные фразы «Писем», «Послание к Александру Плещееву» — 1794; «К бедному поэту» — 1796, и др.). Этот литературный протест, несомненно, подготовил позицию «республиканизма», т. е. внутренней отчужденности писателя от великосветской светы Петербурга и Царского Села (ср. похожие настроения, вложенные Виландом в образы Диогена, Агатона, Данишменда, а также поведение Виланда при первой встрече с Карамзиным).

⁴⁵ Из письма Филалета к Мелодору (Карамзин, т. 2, стр. 257). Ср. также рецензию Карамзина на сочинение Г. Э. Гроддека (там же, стр. 89—93). Подобное представление возникло, по-видимому, из просветительской идеи о «естественном» человеке, затем было углублено историческими штудиями Гердера и получило свою известную форму во «Введении»

Очерк Карамзина «Афинская жизнь» (1794) по-иному выражает ту же мысль. В этом произведении, возникшем, вероятно, под воздействием «Анахарсиса» Бартеlemi и «Агатона»,⁴⁶ античное общество и современность резко противопоставлены. Исторический скептицизм Карамзина проявился здесь в более трагической форме, чем где бы то ни было у Виланда. Античность едва ли представляла самостоятельный интерес для Карамзина-писателя. В его произведениях не заметно научного любопытства к древнему миру, которое чувствуется в любом зрелом сочинении Виланда на античную тему. Обращаясь к античным образам и сюжетам, Карамзин либо преследует открыто публицистические цели, либо ищет выражения интимнейших сторон духовной жизни современного человека.⁴⁷

Обращение Карамзина к драматургии Шекспира (как, впрочем, и к Лессингу) было вызвано тоже, конечно, не столько просветительской, сколько глубоко внутренней потребностью молодого писателя опереться на гения, творившего по законам, которым он, Карамзин, желал бы следовать.⁴⁸ У Виланда, тоже искавшего в Шекспире родственные себе начала, первая задача, очевидно, преобладала. Оба писателя ставили своей целью перевод сочинений Шекспира, но Виланд достиг ее, Карамзин же ограничился тем, что перевел одну трагедию.⁴⁹ Переводя шекспировский стих, подобно Виланду, прозой, Карамзин оказался, однако, более точным: между работой того и другого прошел период освоения Шекспира «бурными гениями».

Еще одним жанром виландовского творчества, где Карамзин мог отыскать нечто, близкое себе, были поэмы-сказки. Кроме фантастики, привлекательной для всякого, кто был захвачен настроениями преромантизма,⁵⁰ Карамзина могли заинтересовать, во-пер-

К. Маркса («Из экономических рукописей 1857—1858 годов») (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 12, стр. 736).

⁴⁶ Персонажи очерка — Диоген, Платон, Гиппий, «абдерский мудрец» Демокрит. Об этом произведении см.: Ю. М. Лотман. Эволюция мировоззрения Карамзина (1783—1803). «Ученые записки Тартуского государственного университета», 1957, вып. 51, стр. 144; Ф. Э. Канунова. Из истории русской повести (Историко-литературное значение повестей Н. М. Карамзина). Томск, 1967, стр. 120—123.

⁴⁷ Так, Агатон для Карамзина лишь символ этического совершенства; перенеся это имя на своего друга Александра Петрова, Карамзин отвлекся даже от героя виландовского романа, не говоря уже об историческом Агатоне.

⁴⁸ Ср. в стихотворении «Поэзия» (1787): «Шекспир, природы друг! Кто лучше твоего | Познал сердца людей? Чья кисть с таким искусством | Живописала их?».

⁴⁹ Об отношении Карамзина к Шекспиру см.: Шекспир и русская культура. Под ред. акад. М. П. Алексеева. М.—Л., 1965, стр. 72—80.

⁵⁰ См. рецензию Карамзина на перевод «Неистового Роланда» Ариосто (Карамзин, т. 2, стр. 101—102) и другие его работы для «Московского журнала», например «Посвящение куши» (1791, ч. III, сентябрь, стр. 323—326).

вых, самый принцип, на котором основывался стих Виланда, — свобода метра и рифмы, свободная, разговорная интонация и, во-вторых, насмешка во всех ее дозах — от легкого юмора до сатиры. С усилением скепсиса Карамзина тон насмешки должен был привлекать его все сильнее: достаточно сравнить юмористическое начало «Натали, боярской дочери» (1792) с иронией «Рыцаря нашего времени» (1803).

Интерес Карамзина к волшеббно-авантюрной поэме привел к возникновению наброска «богатырской сказки» об Илье Муромце (1794). В этом отрывке видны пробуждающийся интерес к народной поэзии и ее художественным средствам и, с другой стороны, влияние традиционного для века Просвещения юмористического отношения к фольклорным мотивам. Это сочетание отличает и поэмы Виланда. Но внимание Карамзина к фольклору диктовалось еще и патриотическим чувством, которое волновало Виланда в гораздо меньшей степени. Другое отличие карамзинского опыта от сказок Виланда заключалось в том, что юмор Карамзина обладал в этом случае более горьким привкусом. Восклицание «О богиня света белого — *Ложь, Неправда*, призрак истины!»⁵¹ — сближает Карамзина скорее со скептической поэмой Виланда «Жизнь — сон», чем с его сказками, проникнутыми ренессансной радостью жизни.

Виланда привлекал цельный, предприимчивый герой народной сказки и литературы, связанной с фольклором. Карамзин в своем отрывке попытался подчинить такого героя условиям своей лирической поэзии, которой вовсе не был свойствен оптимизм. Эта несовместимость и привела к неудаче его опыта.

Однако в заложенную И. Богдановичем традицию русской стихотворной сказки Карамзин внес новое начало — фольклоризм «виландовского» типа, наивный и поверхностный, но продиктованный искренним интересом к устному преданию и старому книжному сюжету.

Авторитет Карамзина вместе с уже сложившейся традицией определил первоначальное отношение к Виланду русской литературной молодежи рубежа веков. Прославляя в одной из своих од Гомера, молодой А. Х. Востоков окружил «отца поэзии» свитой, которая дает представление о литературных вкусах автора:

Клопшток, Мильтон в короне звездной
Сияли по странам его.
Там Геснер, Виланд, Клейст любезной —
Поэты сердца моего.⁵²

⁵¹ Карамзин, т. 2, стр. 47.

⁵² Ода «Парнас» (1801); в стихотворении «Царство очарований» (1800) упоминаются Оберон и создатели этого образа Виланд и Шекспир (см.: А. Х. Востоков. Стихотворения. Изд. «Советский писатель», 1935, стр. 42—43, 110).

Для участников Дружеского литературного общества, образовавшегося в Москве в 1801 г. вокруг Андрея Тургенева и Алексея Мерзлякова, Виланд — все тот же «великий, добрый», каким он был для Карамзина десятилетием раньше.⁵³ Стих из «Оберона» — «Ein einz'ger Augenblick kann alles umgestalten» — повторяется как эпиграф в дневниках Андрея Тургенева.⁵⁴ В глазах этого одареннейшего юноши, прошедшего карамзинскую школу, Виланд прежде всего поэт-моралист. Но поскольку представление о задачах поэзии становится у Тургенева несколько иным, он предъявляет новые требования к поэзии Виланда. В декабре 1799 г. Тургенев записывает в дневнике: «Всего Виланда надобно штудировать... „Оберон“ и все поэмы Вил[андовы] делают душу как-то благороднее, чище, изящнее, способнее к чувствуванию поэзии не в одних стихах, но и во всем поэтическом». И рядом с этими словами, которые вполне могли бы принадлежать и молодому Карамзину, сделано замечание, передающее неудовлетворенность Тургенева виландовским творчеством: «... и если смешать его с тем, что может внушать Шиллер?».⁵⁵ С точки зрения Тургенева, Виланду недостает, по-видимому, лирического темперамента, активности гуманистического чувства, что так привлекало членов тургеневского кружка в поэзии Шиллера и во всей литературе «бури и натиска».⁵⁶ Впрочем, и у Виланда Андрей Тургенев стремится найти моменты, сближающие этого поэта с Шиллером, проясняющие его общественную позицию.⁵⁷

Интерес Дружеского литературного общества к Виланду не прошел бесследно и для младшего брата Андрея — будущего литератора пушкинского круга Александра Ивановича Тургенева. В его обширных записках — «Хронике русского» — Виланд упоминается неоднократно. Летом 1836 и 1840 гг. А. Тургенев посещал Веймар и его памятные места.

⁵³ См. дневник Андрея Ивановича Тургенева за 1799 г. (Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР, Рукописный отдел, ф. 309, № 271, л. 26). — О Дружеском литературном обществе см.: Ю. М. Лотман и Андрей Сергеевич Кайсаров и литературно-общественная борьба его времени. Тарту, 1958, стр. 18—76.

⁵⁴ См. дневник Андрея Тургенева, ф. 309, № 271, лл. 1, 1 об.; № 272, л. 1.

⁵⁵ Там же, № 271, л. 29 об.

⁵⁶ Ода Шиллера «К радости», его ранняя драматургия, «Вертер» Гете составляют предмет многих дневниковых записей и писем Андрея Тургенева 1797—1803 гг. (см.: там же, №№ 271, 272, 276, 1240, 4759).

⁵⁷ Малоразборчивая запись, сделанная Андреем Тургеневым 1 мая 1800 г., могла означать, что он читал Лукиана в виландовском переводе (см.: там же, № 271, л. 58). Позднее он не раз упоминает в дневниках и письмах некое «стихотворение» Виланда «К миру» или «К радости» (см.: там же, № 50, л. 149 об.; № 840, л. 2; № 1239, л. 26 об.). Не имеется ли здесь в виду глава 32 «Диогена Синопского», прославляющая радость?

Автор «Хроники» мог оглянуться на Виланда с высоты, которой достигла русская эстетическая мысль 30-х годов XIX в. Писатель представляется ему фигурой сложной, далеко не тождественной образу моралиста. И все же в его оценке слышится отзвук мнения карамзинской эпохи; Виланд остается для него более универсальным талантом, чем кто-либо другой из великих веймарцев: «Паганизм Виланда не чуждался ни библейской поэзии Гедера и „идей“ его о судьбе человечества, ни Шиллеровой религии сердца христианского, ни хладных сомнений всеобъемлющего, но не все постигнутого гения Гете — Мефистофеля».⁵⁸ Другая запись А. Тургенева непосредственно свидетельствует о внимании к виландовской поэзии в кружке его старшего брата.⁵⁹

В Дружеском литературном обществе складывался поэтический мир Жуковского, и связь поэзии Жуковского с литературными увлечениями его товарищей не подлежит для А. Тургенева никакому сомнению. Виланд отмечен в составленном А. Тургеневым списке поэтов, которые, по его мнению, «слились в душу Жуковского».⁶⁰

Отношение молодого Жуковского к литературным образцам, а также позднейший метод выбора материала для перевода очень напоминают принципы Карамзина, его учителя.⁶¹ Несмотря на то что в Германии уже существовало собрание сочинений Виланда⁶² и вообще творчество писателя близилось к завершению, Жуковский увлекается теми произведениями, которые почитал Карамзин, — в первую очередь «Агатоном».

В письме соседу по имени Ф. Г. Вендриху от 19 декабря 1805 г. Жуковский в полном смысле слова пропел восторженный гимн роману Виланда, увидев в нем едва ли несвод нравственных правил: «Я бы желал, чтобы всякий молодой человек с пылкою, платоническою душою пред своим вступлением в свет брал в руки „Агатона“, прочитывал его несколько раз и приготовлял себя сим чтением к тем многочисленным, иногда трудным опытам, которые для всех нас, бедных грешников, приготовлены». Роман истолкован Жуковским в антиромантическом духе: молодой поэт по своим ли-

⁵⁸ А. И. Тургенев. Хроника русского. Дневники (1825—1826 гг.). Изд. подг. М. И. Гиллельсон. Отв. редактор акад. М. П. Алексеев. М.—Л., 1964, стр. 113. — Примечательна эта подчеркнута высокая оценка Виланда в годы, когда популярность его давно уже упала и на родине, и в России.

⁵⁹ «Несколько молодых людей... пересаживали, как умели, на русскую почву цветы поэзии Виланда, Шиллера, Гете...» (там же, стр. 118). — А. И. Тургенев снял копию с письма Виланда о Гете, но не смог опубликовать письмо из-за николаевской цензуры (там же, стр. 214, 495—496).

⁶⁰ Там же, стр. 114.

⁶¹ См.: А. Веселовский. В. А. Жуковский, стр. 21—22.

⁶² Собрание сочинений Виланда (очевидно, первое, лейпцигское издание в 36 томах с дополнениями, 1794—1802 гг.) и его перевод Горация помещены в составленной Жуковским в 1805 г. «Росписи во всяком роде лучших книг и сочинений» (см.: В. И. Резанов. Из разысканий о сочинениях В. А. Жуковского, вып. 1. СПб., 1906, стр. 246—247).

тературным взглядам здесь ближе к раннему Виланду, чем к Карамзину рубежа веков. «Агатон», как кажется ему, учит «не вверяться своей мечтательности (Schwärmerei), которая сама по себе вредна и опасна, но, будучи обуздана здравою опытною философиею, может быть источником совершеннейшего земного счастья».⁶³ Рекомендую роман А. Тургеневу, он восклицает: «Святая книга!».⁶⁴ Герой романа становится для него идеалом нравственности. Наибольшее впечатление производит на Жуковского, по-видимому, заключительная книга романа, где герой достигает жизни, основанной на добродетели.⁶⁵

Добродетель (Tugend), один из главных принципов мировоззрения Виланда, находится в центре внимания Жуковского. В 1808 г. он публикует свой перевод последнего разговора из позднего виландовского цикла «Euthanasia», тоже касающегося темы добродетели. Перевод не дословен, но сохраняет ход рассуждений автора, утверждающего, что деятельная доброта должна быть целью человеческой жизни. Жуковский заметно изменил, однако, важную мысль Виланда о бессмысленности забот о загробном воздаянии за добродетель. Платой за добро является, по Виланду, само добро, загробное же существование вообще сомнительно. Обладая чистой совестью, умирающий «erwartet gelassen und getrost was da kommen wird». Жуковский добавлял к этому тексту пояснение, прямо толкующее слова Виланда в религиозном духе. Вставка переводчика похожа на возражение автору: «...ему ли оставаться в мучительном сомнении о том, что приготовила для него вдали благая рука создателя? Чему ни определено случиться, он спокоен, в душе его мужественная надежда на провидение».⁶⁶

⁶³ В. А. Жуковский, Собр. соч. в четырех томах, т. 4, М.—Л., 1960, стр. 559—560. — О том, что Виланд — противник «пагубной склонности к мечтанию», писал Карамзин в отзыве о «Путешествии Протее» («Московский журнал», 1792, ч. VIII, октябрь и ноябрь, стр. 160), но в частном письме Жуковского это убеждение высказано намного искреннее, чем в двусмысленной рецензии Карамзина. Об отношении Жуковского к Виланду см. также: Н. Eichstädt. Zukovskij und Wieland. «Die Welt der Slaven», 1967, Н. 3, SS. 247—266.

⁶⁴ Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу. М., 1895, стр. 22.

⁶⁵ Запись в плане автобиографии (около 1806 г.): «Идеал добродетельного и счастливого человека. О Агатоне» (Дневники В. А. Жуковского. СПб., 1903, стр. 42). Упомянутые в одном из списков будущих произведений Жуковского «письма Камиллы по смерти Агатона» — это, по предположению немецкой исследовательницы, вариации на тему заключительных глав романа Виланда (см.: Н. Eichstädt. Zukovskij und Wieland, S. 257).

⁶⁶ Виланд. Незьяяснимое происшествие. (Разговор между Вилибальдом и Бландиною). «Вестник Европы», 1808, ч. XXXVIII, № 6, стр. 112 (ср.: Werke, Bd. 37, S. 174). — Примечание Жуковского к переводу: «Здесь под именем Вилибальда говорит сам Виланд: нельзя, кажется, сомневаться в истине его повествования. Виланд никогда не бывал мечтателем. Он сам, рассказывая повесть свою (о привидениях, — Р. Д.), остается в сомнении, хотя уверен совершенно, что она не вымышленная басня» (стр. 95).

Размышления о провидении появляются у молодого поэта при чтении «Диогена»⁶⁷ и «Оберона». В дневнике 1814 г. Жуковский записывает перевод соответствующих по смыслу стихов из седьмой песни поэмы (строфы 72, 75—78), слегка меняя смысл. Глубоко личное, религиозное значение приобретает для него и стих о «едином мгновении».⁶⁸ Вероятно, именно эта углубленность в собственное чувство, характерная для Жуковского, была одной из главных причин его неудач при переводах поэзии Виланда. Он начал переводить раннюю поэму «Бальзора»,⁶⁹ планировал переделку «Монаха и монахини».⁷⁰

Около 1804 г. Жуковский составил список своих будущих переводов и вписал туда после Клопштока и Мильтона поэму «Оберон».⁷¹ К мысли перевести это произведение он не раз возвращался, а в декабре 1811 г. сделал перевод первых десяти строф первой песни. Прделанный уже тщательный анализ этого перевода показал, что путь, избранный Жуковским, едва ли мог привести его к цели. Присущие виландовской октаве ритмические вариации в переводе исчезают, усиливается лирическое начало в ущерб юмору и ариостовской любви к приключению. По определению современной исследовательницы, у Жуковского поэма выглядит серьезнее, упорядоченнее, чем в оригинале. Сравним восьмую строфу:

Начто кричать: я вижу то и то,
Чего с тобой не видит здесь никто?
Скажи простым, для всех понятным тоном,
Что, где, когда случилось с Гююном.
Смотри — блестит в камине огонек,
Твои друзья стеснились в кружок,
Желание написано на лицах! . .
Рассказывай нам были в небылицах!⁷²

Подлинник:

Komm, laß dich nieder zu uns auf diesen Kanapee,
Und — statt zu rufen, ich seh, ich seh,
Was niemand sieht als du — erzähl uns fein gelassen,
Wie alles sich begab. Sieh, wie mit lauschendem Mund

⁶⁷ См.: А. Веселовский. В. А. Жуковский, стр. 158.

⁶⁸ См.: там же, стр. 155—156, 167. — Этот стих появляется и в письме М. Протасовой Жуковскому от 15 сентября 1814 г. (см.: там же, стр. 165). Об этом см. также: М. Ehrhard. Joukovski et le préromantisme russe. Paris, 1938, p. 148.

⁶⁹ См.: В. И. Резанов. Из разысканий о сочинениях В. А. Жуковского, вып. 2. СПб., 1916, стр. 495—496. Подлинник установлен в статье: Н. Eichstädt. Zukovskij und Wieland, S. 254.

⁷⁰ См.: Дневники В. А. Жуковского, стр. 49; Н. Eichstädt. Zukovskij und Wieland, SS. 264—265.

⁷¹ См.: В. И. Резанов. Из разысканий о сочинениях В. А. Жуковского, вып. 2, стр. 252; А. Веселовский. В. А. Жуковский, стр. 489.

⁷² Цит. по статье: Н. Eichstädt. Zukovskij und Wieland, S. 264. — Полностью перевод опубликован там же, стр. 259—261. См. также: Ив. Бычков. Бумаги В. А. Жуковского. СПб., 1887, стр. 53.

Und weit geöffnetem Auge die Hörer alle passen,
Geneigt zum gegenseitigen Bund,
Wenn du sie täuschen kannst, sich willig täuschen zu lassen.
Wohlan! so hören denn die Sache aus dem Grund!⁷³

Монотонность ритма, заданная с самого начала, и была, по-видимому, причиной, погубившей перевод. В поэме Виланда не было заключено таких лирических возможностей, как, например, в «Ундине» Фуке, удачно переложенной Жуковским позднее.

«Оберон» оставил и другой след в творчестве Жуковского. В начале 1810-х годов у поэта возник такой же замысел, как и раньше у Карамзина, — создать поэму на материале русских былин и преданий, внося в нее элементы трагедии. Жуковский и его друзья вполне сознавали связь этого замысла с Виландом и его «Обероном». А. Ф. Воейков, товарищ Жуковского по Дружескому литературному обществу, писал в стихотворном послании к нему в 1813 г.:

Напиши поэму славную,
В русском вкусе повесть древнюю:
Будь наш Виланд, Ариост, Баян!⁷⁴

В примечании к ответному стихотворению Жуковский пояснял, что речь идет о «русской поэме вроде Виландова Оберона».⁷⁵ В его планах 1812 г. эта поэма, названная «Владимир», соседствовала с задуманным переводом «Оберона».⁷⁶

Друзья поэта долго надеялись, что Жуковский создаст такую поэму.⁷⁷ Но дело не двинулось, по-видимому, дальше самого общего замысла. Это произошло не только потому, что, как полагал А. Н. Веселовский, стиль, каким написан «Оберон», был в принципе несовместим с материалом русского фольклора⁷⁸ (Пушкин доказал как раз обратное). Требовалось иное, более глубокое проникновение в дух русского народного творчества, недоступное допущенному времени. Жуковский, как и Карамзин, был далек и от народной поэзии, и от жизнерадостного юмора виландовских сказок.

⁷³ Werke, Bd. 22, S. 11.

⁷⁴ «Вестник Европы», 1813, ч. LXVIII, №№ 5 и 6, стр. 28.

⁷⁵ См. комментарий Н. В. Измайлова в кн.: В. А. Жуковский. Стихотворения. Л., 1956, стр. 784—785. — Жуковский определял жанр поэмы термином «romantisches Heldengedicht», т. е. так, как называл Виланд своего «Оберона» (см.: Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу, стр. 59 и сл.). В тексте послания Жуковского «К Воейкову» Х. Эйхштедт обнаружила стилистические параллели к его переводу «Оберона» (см.: Н. Eichstädt. Zukovskij und Wieland, S. 258).

⁷⁶ См.: Ив. Бычков. Бумаги В. А. Жуковского, стр. 55.

⁷⁷ В августе 1820 г. И. И. Дмитриев писал А. И. Тургеневу, что, возможно, Жуковский, «побывав в отчизне Шиллера, Клейста, а может быть, и Виланда, воспламенит нас обещанною поэмою во вкусе „Оберона“» (цит. по кн.: А. Веселовский. В. А. Жуковский, стр. 498).

⁷⁸ См.: там же, стр. 491.

Позднее Жуковский охладевает к Виланду. Осматривая Веймар осенью 1833 г., он едва ли не равнодушно замечает, что в доме поэта «бездна мелочей». ⁷⁹ В то же время в своем обычно очень лаконичном дневнике Жуковский подробно записывает анекдот о Виланде, услышанный при веймарском дворе: «Наполеон и Виланд: Н(аполеон): On n'est pas sûr que J(ésus)C(hrist) ait jamais existé. (Виланд): Il y a des foux qui en ont douté, mais c'est comme si on avait revoqué en doute César on Napoleon». ⁸⁰ Этот анекдот, который изображал Виланда тонким льстецом и тем самым косвенно должен был вызвать сомнение в искренности его поэзии, совпадал, вероятно, с новым представлением Жуковского о Виланде.

В 1847 г. Жуковский судит о немецком поэте с позиций той самой религиозной морали, проповедником которой Виланд казался ему в юности: «Но у меня теперь отлегло сердце от Виланда; он чисто язычник в своей философии и едва ли не эпикуреец. А его стихотворения (не исключая и самого «Оберона») много яду пролили в молодые сердца, пробудив в них чувственность, которая приобретает ужасную силу, будучи пропущена сквозь кубик поэзии. Теперь Виланд довольно забыт, но многие из вредных, ядовитых растений, разросшихся на почве настоящего поколения, родились из семян, брошенных его сладострастною музою». ⁸¹

Нетрудно заметить в этом отзыве отражение политического консерватизма Жуковского 1840-х годов. Однако, если отбросить преувеличения, следует признать, что поэт верно уловил родство виландовского творчества с вольномыслием передовой литературы нового столетия.

5

Русские литераторы первой четверти XIX в. отмечали способность Виланда соединять вещи, которые по эстетическим канонам классицизма должны были бы исключать друг друга. Издатель «Московского Меркурия» П. И. Макаров видел у немецкого писателя сочетание «сцен очень вольных» с высокой нравственностью. ¹

⁷⁹ Дневники В. А. Жуковского, стр. 409—410. — Там же краткая запись о зале Веймарского дворца, расписанном фресками на виландовские сюжеты (об этом же см. А. И. Тургенев. Хроника русского. Дневники, стр. 204).

⁸⁰ Дневники В. А. Жуковского, стр. 410. — О встрече Виланда с Наполеоном, во время которой поэт держался с большим достоинством, см.: J. H. Gubert, Christoph Martin Wieland. 2. Teil. Leipzig und Altenburg, 1816, SS. 490—497.

⁸¹ Из письма к А. Ф. фон-дер-Бриггену из Франкфурта-на-Майне от 6 (18) мая 1847 г. (Сочинения В. А. Жуковского, изд. 7-е, т. 6, СПб., 1878, стр. 624). — Об эволюции отношения Жуковского к Виланду см. также: Сочинения Н. С. Тихонравова, т. III, ч. 1, М., 1898, стр. 452—454.

¹ «Московский Меркурий», 1803, ч. I, № 2, стр. 150. — Ср. подобное же утверждение в переводном обзоре культурной жизни Германии в журнале «И отдых в пользу» (М., 1804, стр. 122—123).

В журнале «Аврора» это соединение противоположностей объяснялось задачей, которую решал Виланд, — «обнаружить, изобразить *внутреннего человека*», т. е. показать людей такими, «каковы они в самом деле».² Эти замечания, относившиеся прежде всего к «Агатону», делались, конечно, в тоне похвалы или были вызваны удивлением перед мастерством писателя. Но в них, как правило, чувствовалась некоторая отчужденность, предвещавшая критическую мысль. Мы не говорим здесь о доброжелательном, но поверхностном восприятии образов Виланда, характерном, например, для П. И. Шаликова. Правда, этот автор знал Виланда скорее в интерпретации молодого Карамзина, чем непосредственно.³

Критика виландовской манеры письма становилась все явственней. Тот же Макаров вообще отрицал возможность хорошего перевода романов, подобных «Агатону», замечая, что «наш тон *общесития* совсем непохож на немецкий».⁴ В Вольном обществе любителей российской словесности, где интерес к Виланду и к немецкой литературе очень заметен, критические суждения о Виланде слышались часто.

Член общества Владимир Бриммер, один из самых деятельных переводчиков Виланда, упрекал его в громоздкости стиля.⁵ Из книги Ж. де Сталь «О Германии» в периодическое издание общества попала глава о Виланде. Сквозь общий благожелательный тон в ней прорываются антивиландовские настроения немецких романтиков. «В нем, — замечает о Виланде Сталь, — видны германский поэт и французский философ, которые взаимно друг на друга сердятся».⁶

В этом же духе, учитывая, вероятно, мнение Сталь, писал о Виланде член Вольного общества О. М. Сомов, выражавший эстетические взгляды «левого» крыла русского романтизма: «Певец „Оберона“, „Философии граций“ и автор многих романов, отличающихся остроумием и обработанностью слога, хотел подражать в поэмах своих Ариосту, а в прозаических произведениях — Волтеру. Но в философических его романах уже явно борение врожденного, можно сказать, вкуса германца с прививным вкусом французов. Виланд часто бывает слишком глубок там, где хотел бы

² «Аврора», М., 1806, т. 2, № 2, стр. 159; № 3, стр. 203.

³ По типу героя Виланда создан поэт Агатон, персонаж повести «Любовь и таланты» (см.: Повести князя Шаликова. М., 1819, стр. 29—47).

⁴ «Московский Меркурий», 1803, ч. I, № 2, стр. 151. В упомянутом обзоре, появившемся в журнале «И отдых в пользу», говорилось, что проза Виланда «запутана и непонятна» (стр. 123).

⁵ В аллегорической сказке «Странствования поэзии и гармонии» («Труды Вольного общества любителей российской словесности», 1822, ч. XVII, кн. 1, стр. 70). — Похвалу чувствительности Виланда см. в другом произведении Бриммера («Соревнователь просвещения и благотворения», 1818, ч. I, кн. 3, стр. 323). Майор Владимир Карлович Бриммер принят действительным членом общества 23 мая 1816 г. (см.: «Труды Вольного общества любителей российской словесности», 1823, ч. XXIV, кн. 3, стр. 295).

⁶ Там же, 1820, ч. XI, кн. 7, стр. 71 (ср.: M-me la baronne de Staël-Holstein. De l'Allemagne, t. I. Paris, Londres, 1813, p. 194).

казаться легким и шутивным, он не может, по примеру своего образца, беспечно скользить по предметам важным и увлекается непреодолимою склонностью исследовать и обдумать. От сего-то важное и шутивное в его романах так резко выказываются одно из-за другого, что никак не могут слиться вместе. Противоположности нам нравятся; крайности нас утомляют».⁷

В упреках, которые адресовала Виланду русская критика 1820-х годов, касались ли они недостатков стиля или противоречий более глубокого, идеологического плана, чувствовалась тем не менее заинтересованность в его творчестве. Виланд оставался современным писателем — и это обнаружила дискуссия, разгоревшаяся в русских журналах по совсем иному поводу, — в связи с «Горем от ума».

Возражая против высокой оценки комедии А. С. Грибоедова в «Московском телеграфе», М. А. Дмитриев первым высказал предположение, что идея комедии заимствована из «Абдеритов». Этим он стремился принизить ее достоинства, тем более что, по его мнению, конфликт между Демокритом и его соотечественниками изображен Виландом искуснее и правдоподобнее, чем столкновение Чацкого с московским обществом.⁸ Орест Сомов и критик из «Московского телеграфа» ответили статьями в защиту Грибоедова.⁹ Справедливо отрицая зависимость комедии от виландовского романа, Сомов, однако, оспорил мнение Дмитриева, будто Демокрит в романе мягок и снисходителен: «Точно ли так? Сделаем небольшую проверку: раскроем IV главу I тома „Абдеритов“, где Демокрит открыто и явно смеется над своими единоземцами в глазах всей Абдеры, мистифицирует своими рассказами о эфиопских красавицах и мужчин и женщин и говорит сим последним не колкости и не эпиграммы, а едва ли пристойные намеки».¹⁰ «Если это правда, — иронически замечал в ответной статье А. И. Писарев, выступивший на стороне Дмитриева, — то М. А. Дмитриев прав, сравнивая Демокрита с Чацким, который не щадит никого из соотчичей».¹¹ Примечательно, что Писарев,

⁷ О Сомов О романтической поэзии. «Труды Вольного общества любителей российской словесности», 1823, ч. XXIII, кн. 3, стр. 267.

⁸ Мих. Дмитриев. Замечания на суждения «Телеграфа». «Вестник Европы», 1825, ч. СXXX, № 6, стр. 112—114.

⁹ О Сомов. Мои мысли о замечаниях г. Мих. Дмитриева на комедию «Горе от ума» и о характере Чацкого. «Сын отечества», 1825, ч. 101, № 10, стр. 189—191; У. У. (В. Ф. Одоевский). Замечания на суждения Мих. Дмитриева о комедии «Горе от ума». «Московский телеграф», 1825, ч. III, № 10, Антикритика, стр. 1—12.

¹⁰ О. Сомов. Мои мысли... стр. 190—191.

¹¹ Палад Белугин [А. И. Писарев]. Несколько слов о мыслях одного критика и о комедии «Горе от ума». «Вестник Европы», 1825, ч. СXXXI, № 10, стр. 117. — Ответ Писарева Одоевскому см.: там же, ч. СXXXIV, № 23 и 24, стр. 198—224. Атрибуцию статей и анализ полемики см.: П. Н. Сакулин. Из истории русского идеализма. В. Ф. Одоевский. Мыслитель. Писатель. Т. I, кн. 1. СПб., 1913, стр. 270—275.

выступивший с консервативных позиций, и Сомов, отстаивавший мнение передовых кругов русского общества, — оба по-своему признали сатиричность виландовского романа. Даже Дмитриев, который судил об «Абдеритах» довольно поверхностно, самым сопоставлением с ними комедии Грибоедова невольно засвидетельствовал актуальность романа.

Вопрос о том, связана ли в действительности комедия Грибоедова с романом Виланда, не кажется сейчас существенным.¹² При своей исключительной образованности автор «Горя от ума» не мог не обратить внимания на Виланда.¹³ Несмотря на то, что положение Чацкого, как заметил Сомов, не обязательно надо было заимствовать из литературы, оно отдаленно напоминает положение Демокрита в Абдере. Впрочем, такие ситуации встречаются и в «Агатоне», и в «Диогене Синопском». Принципиально сходные обстоятельства, в которые оба автора с одинаковой целью (критика общества) помещают своих героев, могли породить и сходство деталей. Не исключено, впрочем, что, работая над заключительным монологом Чацкого, Грибоедов вспомнил речь Агатона перед афинянами, собравшимися его судить: «Begnügt ihr euch aber mich aus euern Augen zu verbannen: so werde ich... indem ich aufhöre ein Athener zu sein, in jedem Winkel der Welt, worin Tugend sich verbergen darf, ein besseres Vaterland finden».¹⁴

Настроение протеста против господствующих в обществе моральных и эстетических законов привлекло к Виланду молодого В. К. Кюхельбекера. Необходимость защиты достоинства литератора и его профессии побудила будущего декабриста перевести Виландово «Письмо к молодому поэту».¹⁵ Сделав текст послания несколько более общим и патетическим, Кюхельбекер превратил

¹² На существование такой связи указывал Алексей Веселовский (Западное влияние в новой русской литературе. Изд. 5-е, М., 1916, стр. 164). А. Легрель, французский переводчик «Горя от ума», сомневался, однако, в этом задолго до появления труда Веселовского, допуская сходство между комедией и романом Виланда только в одном случае, а именно в мотиве заговора недоброжелателей с целью объявить героя сумасшедшим, наличествующем в явлении 21 действия III комедии Грибоедова и в главе III второй книги «Абдеритов» (см.: Le malheur d'avoir de l'esprit. Comedie... par A. S. Griboiedove, trad. pour la première fois en français et précédée d'une notice par A. Legrelle. Gand, 1884, p. LI). См. также: Н. К. Пиксанов. Грибоедов. Исследования и характеристики. Л., 1934, стр. 194—215.

¹³ В письме к П. А. Катенину в феврале 1820 г. Грибоедов в шутку назвал своего слугу Шерасмином по имени одного из персонажей «Оберона» (см.: А. С. Грибоедов, Полн. собр. соч., т. 3, Пгр., 1917, стр. 138). Об интересе Грибоедова к немецкой литературе см.: А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1929, стр. 9.

¹⁴ «Агатон», кн. 8, гл. 5 (Werke, Bd. 2, S. 105). Ср. «Горе от ума», действие IV, явл. 14, особенно стихи:

Бегу, не оглянусь, пойду искать по свету,
Где оскорбленному есть чувству уголок!..

¹⁵ «Сын отечества», 1819, ч. LVII, № 45, стр. 193—216; № 46, стр. 262—269.

виландовскую скептическую язвительность в гневное обвинительное слово против «земных богов». В той части, где перечислены тяготы, ожидающие поэта, слог перевода своей иронией даже превосходит подлинник; мысль Виланда оживлена глубоко личным чувством Кюхельбекера: «Нас окружают со всех сторон люди добрые, которые не рассеять нашего заблуждения почтут за смертный грех, которые не перестанут толкать нас, пока не разбудят», и т. д.¹⁶

Кюхельбекер перевел также стихотворную цитату из поэмы «Идрис и Зенида», встретившуюся ему в послании Виланда. В этих стихах он нашел ту самую мысль, на которой настаивал Виланд еще в разговоре с Карамзиным:

Что нужды на себя приманивать вниманье
Завистливой толпы и гордых знатоков?
О Муза, при труде, при сладостном мечтанье
Ты много на мой путь рассыпала цветов!
Вливая в душу мне и жар и упованье,
Мой гений, от зари младенческих годов
Поешь, и не другой, я сам тебе внимаю
И грусть, и суету, и славу забываю!¹⁷

Известно, какой острый общественный смысл приобрел образ непонятого поэта в русской литературе пушкинской поры. Виланд явился, таким образом, одним из предшественников Кюхельбекера и его современников в разработке этой темы. В интерпретации будущего декабриста тема поэта и поэзии освобождается, хотя и неполностью, от идиллического, сентиментального наряда, который начал стеснять ее еще в творчестве Виланда и Карамзина. Окончательное освобождение от старых представлений о роли поэта в обществе, осмысление поэзии как гражданского деяния совершились в творчестве Пушкина.¹⁸

К «Оберону» Кюхельбекер подошел как романтик, увидев в поэме прежде всего разработку темы из шекспировского «Сна в летнюю ночь». Для своей маленькой комедии «Шекспировы

¹⁶ Там же, № 45, стр. 205. Ср. у Виланда: «Man hat nicht bedacht, daß... die nüchternen Leute um uns her, aus gutem oder bösem Willen, nicht cmangeln würden, uns so lange zu schütteln und zu rütteln, bis sie uns den schlimmen Streich gespielt hätten» usw. (Werke, Bd. 24, S. 17).

¹⁷ «Сын отечества», 1819, ч. LVII, № 46, стр. 268—269. Ср.: «Идрис и Зенида», песнь I, октава 11 (Werke, Bd. 17, S. 14).

¹⁸ Обращает на себя внимание сходство метра переведенной Кюхельбекером октавы и стихотворений Пушкина, посвященных этой же теме («Поэту», «Памятник»). Заменяя пятистопный ямб подлинника шестистопным, Кюхельбекер, возможно, следовал традиции «Памятника» Державина (1795), где тема Горация впервые была связана с подобной формой. Перевод Кюхельбекера из Виланда, по содержанию близкий заключительной строфе державинского стихотворения, был, очевидно, одним из первых звеньев традиции, которая вела от Державина к Пушкину. О теме «памятника» в русской литературе см.: М. П. Алексеев. Стихотворение Пушкина «Я памятник себе воздвиг...» Проблемы его изучения. Л., 1967, стр. 121 и след.

духи» (1825) он заимствовал у Виланда внешний облик Оберона и Титании.¹⁹ Монолог царя духов в седьмом явлении второго действия («На быстрых облаках несомый...») основан на эпизодах из виландовской поэмы. Но персонажи «драматической штуки» Кюхельбекера остались только литературными масками, лишенными почти начисто своих связей с природой и космосом, единственного условия их существования в фольклоре и в произведениях Шекспира и Виланда.²⁰

В целом, разумеется, Виланд остался чуждым и Кюхельбекеру. Русский поэт сочувственно пересказал в «Мнемозине» уничтожающую характеристику, которую дал «сластолюбивому и скрытному» Виланду его главный оппонент из романтического лагеря Людвиг Тик.²¹ Отзыв Тика противоречил тому духовному облику Виланда, какой возникал при чтении «Письма», переведенного Кюхельбекером прежде. Это противоречие можно объяснить как эволюцией взглядов Кюхельбекера, так и общим противоречивым отношением к Виланду в России этого времени.

Владимир Одоевский, ведущий деятель философско-литературного направления, которое Пушкин полусерьезно назвал «немецкой школой»,²² воспринимал Виланда более целдно. Интерес к образу Агатона, унаследованный от русского сентиментализма, сочетался у него с симпатией к Демокриту и к виландовой сатире («Похвальное слово невежеству», 1822; «Дни досад», 1823). Одоевский был не прочь сравнить с абдеритами русскую разновидность филистеров.²³ На примере этого своеобразного романтика видно, что важнейшими своими сторонами творчество Виланда естественно и органически входило в художественную систему русского романтизма.

Об этом свидетельствуют, в сущности, и отзывы о Виланде поэтов пушкинского круга. Однако их отношение к немецкому писателю придиричиво, оно свободно от увлеченности культурой Германии (эта увлеченность была характерной для Общества Любомудрия Д. Веневитинова и В. Одоевского).

Автор «Оберона» упоминается в письмах К. Н. Батюшкова 1813 г., когда поэт посещал Веймар.²⁴ Виланду, «остроумному поэту и зиждителю нового языка в своем отечестве», посвящено авторское примечание к статье Батюшкова «Ариост и Тасс» (1815). Недостатком «Оберона» Батюшков считает его слабую

¹⁹ См. предисловие к пьесе (В. К. Кюхельбекер, Избр. произв. в двух томах, т. 2, Л., 1967, стр. 142).

²⁰ См. также: Шекспир и русская культура. М. — Л., 1965, стр. 134—136.

²¹ См.: «Мнемозина», ч. 2, 1824, стр. 61.

²² См.: Пушкин, Полн. собр. соч., Изд. АН СССР, 1937—1959, т. 12, стр. 72.

²³ См.: П. Н. Сакулин. Из истории русского идеализма. В. Ф. Одоевский, т. I, кн. 1, стр. 236—237.

²⁴ См.: К. Н. Батюшков, Соч., изд. 5-е, СПб., 1887, стр. 425 и след.

связь с немецкой поэзией и некоторый анахронизм самого жанра. Недостаточная, по его мнению, историческая и национальная обусловленность поэзии Виланда невыгодно отличает ее от поэмы итальянского Возрождения, перед которым Батюшков преклоняется: «... в „Обероне“ менее вещей, нежели в „Орланде“; язык не столь полон и заставляет всегда чего-нибудь желать; поэт не договаривает и весьма часто. Позвольте сделать следующий вопрос: если бы Виланд писал в Италии во время Ариоста, то какой вид получила бы его поэма?».²⁵

Но некоторые темы Виланда, особенно те, в которых затрагивался вопрос о социальном назначении поэта, были, безусловно, близки русским авторам 1810—1820-х годов.

Тема поэтического уединения в истолковании, напоминающем точку зрения автора «Диогена» и «Данишменда», проходит через стихотворения Батюшкова «Сон могольца» (не позднее 1808 г.), «Таврида» (1815). Много лет спустя Баратынский вспомнил о словах Виланда, сказанных Карамзину, и сослался на них как на подтверждение необходимости литературного подвижничества в николаевской России: «Виланд, кажется, говорил, что ежели б он жил на необитаемом острове, он с таким же тщанием отделял бы свои стихи, как в кругу любителей литературы. Надобно нам доказать, что Виланд говорил от сердца. Россия для нас необитаема, и наш бескорыстный труд докажет высокую моральность мышления».²⁶ Этот отрывок из письма к Ивану Киреевскому, написанного после запрещения «Европейца», поясняет, насколько актуальной была тема «уединения» — и не всегда добровольного — в пушкинскую эпоху. Но сам Пушкин отличался тем, что для него Россия была обитаемой.

Юный Пушкин воспринял античность и весь круг связанных с ней эстетических представлений так, как ее воспринимала лицейская среда, — как богатую сокровищницу понятий, атрибутов, имен, в действительности унаследованных преимущественно от чувствительной «легкой» поэзии XVIII в.²⁷ Его ранние стихотворения пересыпаны именами тех же самых авторов, на чьи традиции опирался Виланд. В «Городке» (1815) перечислены Гораций, Лафонтен, Ариосто, Тассо, Вольтер и Руссо и прибавлены к ним в «Тени Фонвизина» Анакреон, Клейст и Парни. Этот условно-античный мир, созданный в представлении Пуш-

²⁵ Там же, стр. 19. — Статья опубликована в «Вестнике Европы» (1816, ч. LXXXVI, № 6).

²⁶ Е. А. Баратынский. Стихотворения, поэмы, проза, письма. М., 1951, стр. 519 (письмо к И. В. Киреевскому от июня 1832 г.).

²⁷ Об отношении Пушкина к античной поэзии см.: М. М. Покровский. Пушкин и античность. В сб.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, вып. 4—5, М.—Л., 1939, стр. 27—56; Д. П. Якубович. Античность в творчестве Пушкина. Там же, вып. 6, М.—Л., 1941, стр. 92—159; М. П. Алексеев. Стихотворение Пушкина «Я памятник себе воздвиг...», стр. 86—104.

кина-лицеиста не без влияния Карамзина и Батюшкова,²⁸ знаком нам по виландовской поэзии и прозе эпохи «Диогена» и «Комических повестей».

В поэзии Пушкина середины 1810-х годов легко могло появиться имя Виланда — и это действительно произошло в «Послании к Юдину» (1815):

Вот мой камин — под вечер темный,
Осенней бурною порой
Люблю под сению укромной
Пред ним задумчиво мечтать,
Вольтера, Виланда читать. . .

Виланд был доступен Пушкину во французском переводе,²⁹ и это делало немецкого поэта еще более похожим на Вольтера. Чтение обоих авторов, скептиков и остроумцев, представлено в этом пушкинском послании естественным занятием уединившегося поэта. Эта тема уединения, обычная для стихов Пушкина лицейского периода и ближайших за ним лет («Лицинию», «К Жуковскому», «Сон» и др.), приобретет вскоре — в таких произведениях, как «Деревня» (1819) или «Ф. Н. Глинке» (1822), — характер открытого протеста против общественной несправедливости, протеста, незнакомого Виланду.

Если Пушкин был внимательным читателем Вольтера, то Виланда и его интерпретацию античности он знал хуже.³⁰ В «Послании к Лиде» (1816), наполненном античными образами и именно теми, которыми интересовался немецкий поэт (Платон, Аспазия и др.), изображен совершенно иной Диоген, «злой циник» и «пустой чудак», хотя, казалось бы, виландовский жизнерадостный мудрец мог вызвать только симпатию Пушкина. Остается предположить, что либо «Диоген Синопский» был тогда Пушкину неизвестен, либо чувствительная интерпретация кинической философии в этом произведении претила ему.

Сведения о виландовской лирике дошли до Пушкина через кого-то из его друзей, знавших немецкую литературу, — воз-

²⁸ В стихотворении «Мои пенаты» (1811), повлиявшем на пушкинский «Городок», Батюшков воспел Карамзина, который совершенно в духе Виланда — «мудрого Платона | Описывает нам | И ужин Агатона, | И наслажденья храм». См. также: Б. Томашевский. Пушкин, кн. I. М.—Л., 1956, стр. 69—78.

²⁹ О недостаточном знании Пушкиным немецкого языка см.: Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. М.—Л., 1935, стр. 23.— К этому времени появились французские переводы основных произведений Виланда, в том числе «Диогена» (1798), «Агатона» (новейший — 1802), «Оберона» (новейший — 1800) и т. д.

³⁰ Свидетельство знакомства Пушкина с романом «Агатон» и критического отношения к этому произведению можно увидеть в том, что «сладкозвучнейшее» имя Агатона появляется в юмористической ситуации в строфе IX пятой главы и в примечании к строфе XXIV второй главы «Евгения Онегина».

можно, через Кюхельбекера. В 1818 г. Пушкин предпосылает стихотворению «Дубравы, где в тиши свободы...» эпитафию из малоизвестной поэмы Виланда «Первая любовь» (1774): «O Zauberei der ersten Liebe!..». Примечательно, что это едва ли не единственный стих поэмы, лишенный иронического подтекста.³¹

Поэма-сказка Виланда могла увлечь Пушкина несравненно сильнее, чем любая другая сторона виландовского творчества. В присутствии Пушкина, очевидно, заходил разговор о поэме «Оберон».³² Особенно часто вспоминали немецкого поэта после выхода в свет «Руслана и Людмилы». Рассматривая поэму в статье «Нечто о характере поэзии Пушкина» (1828), Иван Киреевский не мог не упомянуть «Оберона» как произведение того же самого жанра; критик нашел у Пушкина «изобилие жизни и свободу Ариоста», т. е., собственно, то самое, к чему стремился и Виланд.³³

О связи первой поэмы Пушкина с «Обероном» писали все авторы, изучавшие источники «Руслана и Людмилы».³⁴ Указывали на сходство поведения Руслана и Гюона, на одинаковый мотив незримо покровительствующих героям сил добра, на похожие эпизоды похищения чародем невесты героя (история Ангелы из третьей песни «Оберона»)³⁵. Однако во всех случаях связь между Пушкиным и Виландом оставалась трудно доказуемой. Места, общие обоим произведениям, — это, в сущности, «общие места» старого волшебного рыцарского романа и основанной на нем авантюрной поэмы. Мотивы, широко распространенные в европейских литературах, могли быть заимствованы Пушкиным, как

³¹ В рукописи Пушкина эпитафия записана с ошибками (см.: Пушкин, Полн. собр. соч., т. 2, ч. 1, стр. 538). — Сходство стихотворения Пушкина с той частью поэмы Виланда, откуда взят эпитафия, в размере (четырёхстопный ямба) и системе рифм (перекрестное чередование мужской и женской рифмы) представляется случайным, так как Пушкин пользуется этим метром часто.

³² Пушкин назван «новым Обероном» в шутовском письме к нему А. Г. Родзянко и А. П. Керн от 10 мая 1825 г. (там же, т. 12, стр. 170).

³³ И. В. Киреевский, Полн. собр. соч., т. 2, М., 1911, стр. 3—4. — «Оберон» упоминается также в отзыве «Сына отечества» о поэме Пушкина (1820, ч. LXIII, кн. 31, стр. 231) и в большой статье А. Ф. Воейкова о ней, помещенной там же (ч. LXIV, кн. 34, стр. 82). О восприятии «Руслана и Людмилы» см.: А. Н. Соколов. Очерки по истории русской поэмы XVIII и первой половины XIX века. М., 1955, стр. 410 и след.

³⁴ См.: Н. И. Черняев. Критические статьи и заметки о Пушкине. Харьков, 1900, стр. 612; П. Н. Шеффер. Из заметок о Пушкине. В сб.: Памяти Л. Н. Майкова, СПб., 1902, стр. 507—508; В. Сиповский. «Руслан и Людмила». (К литературной истории поэмы). В сб.: Пушкин и его современники, вып. 4, СПб., 1906, стр. 63—64; А. Л. Слонимский. Первая поэма Пушкина. В сб.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, вып. 3, М.—Л., 1937, стр. 191; Ad. Stender-Petersen. Geschichte der russischen Literatur, Bd. 2. München, 1962, S. 119.

³⁵ Б. В. Томашевский указал, в частности, на источник этого эпизода в «Тысяче и одной ночи» (см.: Б. Томашевский. Пушкин и Лафонтен. В сб.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, вып. 3, стр. 233).

и Виландом, из самых разнообразных книжных источников, оригинальных и переводных, близких к фольклору и далеких от него.³⁶

Сюжеты поэм-сказок Пушкина 30-х годов связаны с народной поэзией несравненно теснее, чем поэмы Виланда, но и в них широко использованы книжные источники, в которых зафиксированы международные сказочные сюжеты. Среди этих источников были и такие, какими определенно пользовался Виланд, — например, сказки К. Онуа или «Тысяча и одна ночь» во французской переработке А. Галлана.³⁷ Так можно объяснить подобие некоторых ситуаций в «Сказке о царе Салтане» (происхождение ее сюжета наиболее сложно) и в поэме Виланда «Первонте, или Желания»: изгнание оклеветанной жены, плавание в бочке по морю, появление волшебного города на острове.³⁸

Плодотворным было бы, по-видимому, сравнение не столько мотивов, сколько способов их обработки. Еще П. Н. Шеффер заметил в поэме Пушкина двойственное отношение к предмету повествования, выразившееся в сочетании юмора и лирической серьезности.³⁹ Легкая авторская ироничность не разрушает очарования сказки, напротив, она оживляет, расцветчивает живыми настроениями давно известные перипетии сюжета. Но именно эта особенность в высшей степени характерна для «Оберона» и других поэм Виланда. С немецким поэтом объединяет Пушкина также и еще одна черта — тонкая насмешка над ханжеской моралью, восходящая к Вольтеру и литературе Возрождения и имеющая в конечном счете народные корни. Пушкин отдавал себе отчет в этом сходстве, упомянув Виланда в числе своих предшественников в жанре «шутливой повести».⁴⁰

³⁶ См.: Б. Томашевский. Пушкин, кн I, стр. 305 и след. — В качестве одного из важных источников поэмы Пушкина называют «Русские сказки» В. Левшина; не используя непосредственно сюжеты Виланда, Левшин, однако, сходен с ним в способе соединять роман и сказку (см.: М. П. Алексеев. Славяно-романо-германские параллели. В сб.: Славянские литературные связи, Л., 1968, стр. 186—194). В. Б. Шкловский писал, что для «Руслана и Людмилы» характерна «старая, флориановская, виландовская, левшинская народность» (Чулков и Левшин. Л., 1933, стр. 170—171).

³⁷ См.: М. К. Азадовский. Источники сказок Пушкина. В сб.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, вып. 1, М.—Л., 1936, стр. 134—164.

³⁸ Сюжет «чудесные дети» (Н. П. Андреев. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929, № 707), положенный в основу сказки Пушкина и использованный в «Первонте», распространен и в русском фольклоре (см., например: Народные русские сказки А. Н. Афанасьева, т. 2, М., 1957, № 285). Виланд, по его собственному признанию, почерпнул материал для поэмы из сборника неаполитанских сказок Дж. Базиле «Cunto de li Cunti» (1634—1636), в котором, в свою очередь, соединялись сюжеты западные и восточные.

³⁹ См.: П. Н. Шеффер. Из заметок о Пушкине, стр. 504—506.

⁴⁰ См. заметку Пушкина о «Графе Нулине» (опубликована в 1841 г.) (Пушкин, Полн. собр. соч., т. 11, стр. 156). — Указывают также на общее сходство сюжета этой поэмы с «Водяной купелью» Виланда (см.: К. Гуп-

мом Петровичем Люценко (1776—1854), очевидно, еще в 10-х годах. Пушкин мог узнать о нем тогда же. Позднее Люценко стал одним из первых участников Вольного общества любителей российской словесности. Его литературные способности были невелики, и только помощь и покровительство Пушкина давали ему некоторую надежду на коммерческий успех «Вастолы».⁴⁵

Перевод увидел свет в 1836 г. с именем Пушкина как издателя на титульном листе.⁴⁶ Журнальная полемика вокруг этой книжки достаточно хорошо известна. О. Сенковский использовал недостатки перевода и сам факт его издания в качестве предлога для нападок на Пушкина и «Современник».⁴⁷ С иной точки зрения выступил с критикой перевода Белинский. Появление поэмы Виланда в русском переводе было в его глазах анахронизмом. Белинский увидел в ней только «пошлую и глупую» сказку XVIII в., в которой «выражалась легкими разговорными стихами какая-нибудь пошлая, ходячая и для всех старая истина практической жизни».⁴⁸ Народная основа сказки, как, впрочем, и народность сказок Пушкина, осталась Белинскому непонятной.⁴⁹ По переводу Люценко критик судил и об авторе поэмы: «А что такое Виланд? Немец, подражавший или, лучше сказать, силившийся подражать французским писателям XVIII века; немец, усвоивший себе, может быть, пустоту и ничтожность своих образцов, но оставшийся при своей родной немецкой тяжеловесности и скучноватости».⁵⁰

Об отношении Пушкина к переводу мы ничего не знаем. В сдержанном ответе Сенковскому он не обмолвился ни словом о качестве перевода Люценко. Это означает, вероятно, что он видел слабости книжки и не заблуждался относительно дарований переводчика.⁵¹

⁴⁵ См.: Б. Л. Модзалевский. Пушкин и Ефим Петрович Люценко. «Русская старина», 1898, т. 94, стр. 73—88; Б. Томашевский. Пушкин, кн. 1, стр. 689—690.

⁴⁶ Вастола, или Желания. Повесть в стихах. Соч. Виланда. В трех частях. Изд. А. Пушкиным. СПб., 1836 (цензурное разрешение 12 марта 1835 г.).

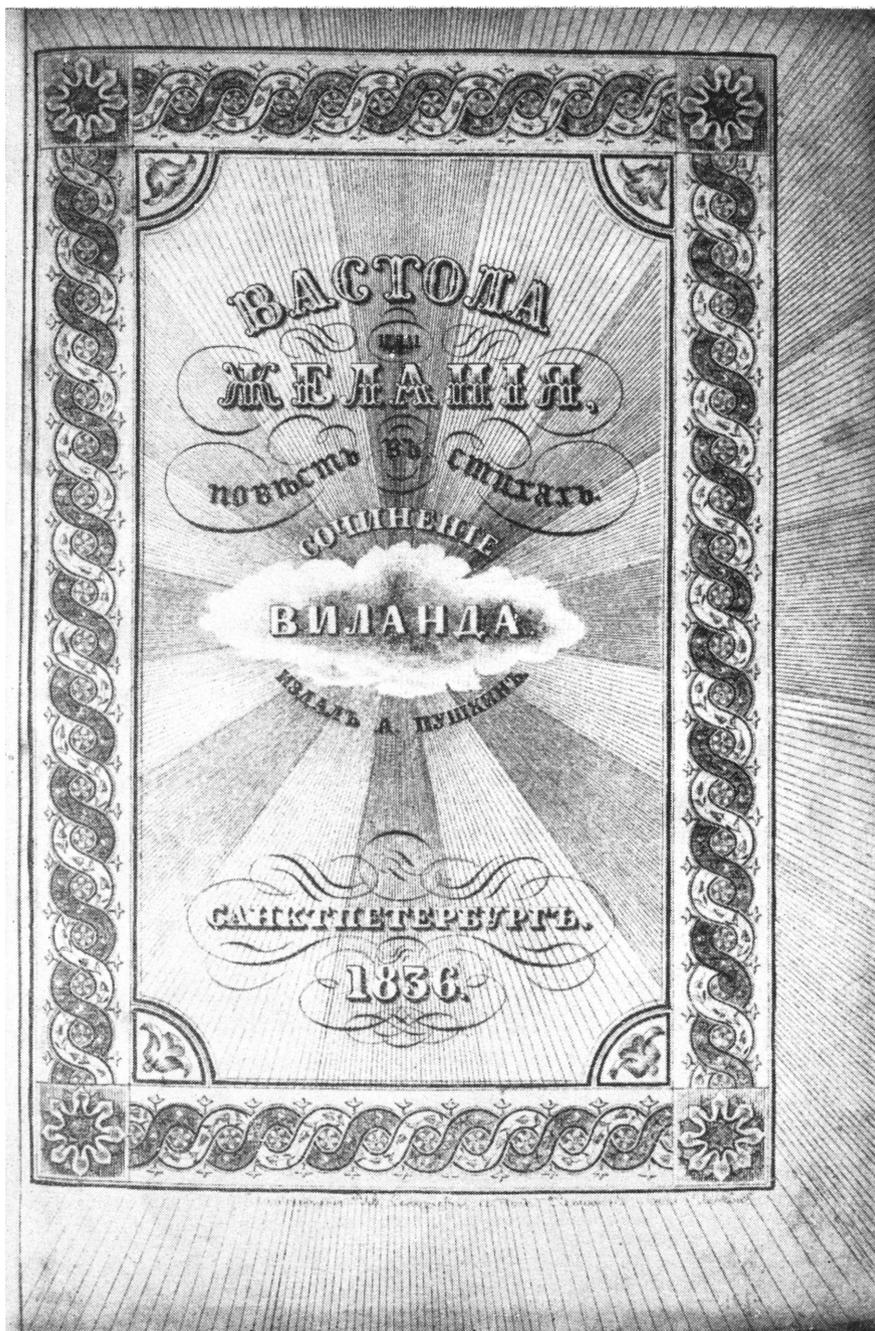
⁴⁷ «Библиотека для чтения», 1836, т. 14, Лит. летопись, стр. 31—35. См. также: В. Каверин. Барон Брамбеус. М., 1966, стр. 76.

⁴⁸ В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. 2, стр. 73 (впервые — в «Молве», 1836, ч. XI, № 2).

⁴⁹ Ср. последнюю, 11-ю статью Белинского о сочинениях Пушкина (там же, т. 7, стр. 576). Подобное же мнение высказывал о «Сказке о царе Салтане» Е. Баратынский в 1832 г.: «Это — совершенно русская сказка, и в этом, мне кажется, ее недостаток» (Стихотворения, поэмы, проза, письма, стр. 519).

⁵⁰ В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. 2, стр. 73.

⁵¹ См.: Пушкин, Полн. собр. соч., т. 12, стр. 26 (впервые — в «Современнике», 1836, т. 1). — Подносной экземпляр «Вастолы» — единственная книга Виланда, имевшаяся, по описям, у Пушкина. См.: Б. Модзалевский. Библиотека А. С. Пушкина. (Библиографическое описание). СПб., 1910, № 74.

«Первонте» («Востола») К. М. Виланда. Перевод Е. П. Люценко.

Издание А. С. Пушкина. Обложка.
lib.pushkinskiydom.ru

Вместе с тем «Вастола» была новостью в русской «виландиане». Она представляла собой первый русский стихотворный перевод сказки Виланда и единственный перевод «Первонте» на иностранный язык. В меру своего умения переводчик пытался воспроизвести свободную и шутивную манеру виландовского повествования. Для этого, кроме достаточно разработанного к тому времени русского вольного ямба, он использовал элементы просторечия, представленные, кстати, в оригинале довольно скупно. В результате поэма под его пером приблизилась к бурлеску. Можно догадываться, что Люценко относился со вниманием к опыту русской третбесловной литературы XVIII в., к традициям М. Чулкова и В. Левшина. Возможно также, что, подготавливая перевод к печати, Люценко не избежал влияния пушкинских сказок.⁵²

Неудачные стихи, над которыми иронизировал Белинский, появлялись в переводе Люценко иногда именно в силу того, что переводчик искал стилистические краски для облика героя поэмы. Три феи, встреченные в лесу глуповатым Перфонтием, как именуется герой в переводе, внезапно тают в воздухе:

.С сим словом трех девиц присутствие исчезает,
Перфонтий все еще зевает на места;
Но сделанная им беседка уж пуста
«О блудни! — он ворчит, — посулов спели кучу:
«Скажи. . . проси. . . душа!»
Я думал, что мешок целковиков навьючу,
Ан вышло — ни гроша.

и т. д.⁵³

Очевидная неуклюжесть этих стихов могла отчасти быть следствием сознательных поисков комического эффекта. Другое дело, что на фоне литературы 1830-х годов примитивность языка Люценко становилась очевидной.

Перевод сказки Виланда лишь усугубил предубеждение против автора и против жанра комических поэм, сложившееся в передовых кругах русских литераторов.

Впечатление о Виланде, которое Белинский вынес из чтения «Вастолы», оказалось, однако, недолговечным. Вскоре он приходит к выводу, что «если Виланд, человек с дарованием, был увлечен французским классицизмом, то уж, верно, не в своем „Обероне“». ⁵⁴ Объективную точку зрения Белинский высказывает и в связи с появлением в 1839 г. русского перевода памфлета Гете «Боги, герои и Виланд». Он, по-видимому, сочувствует критиче-

⁵² Укажем на некоторое сходство стихов из «Вастолы»: «И сделал, думаю, не худо: | Принес к тебе такое чудо, | Пожив в волшебной стороне. . .» — со стихами из «Сказки о царе Салтане»: «За морем житье не худо, | В свете ж вот какое чудо. . .» и т. д.

⁵³ Вастола, или Желания, стр. 14—15. (См. также: В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. 2, стр. 75).

⁵⁴ В литературном обозрении «Московского наблюдателя» за 1838 год (см.: В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. 2, стр. 381).

скому духу этой вещи Гёте, направленной против рутинных сторон виландовского творчества, но не преувеличивает ее значения.⁵⁵ Его мнение совпало в общем с оценкой, которую дал памфлету переводчик А. Н. Струговщиков, подчеркнувший, что значение выпада Гёте состоит в том, что он стал «некоторым образом причиною соединения великих гениев Германии».⁵⁶ Тем не менее подражание Виланду, опору на него как на литературный авторитет Белинский по-прежнему считает непростительным эпитонством.⁵⁷ Но в 40-х годах он борется уже не против влияния Виланда, а против неисторического истолкования его творчества: «У всякого времени свои требования, и теперь даже обыкновенному таланту, не только гению, нельзя дебютировать чем-нибудь вроде „Руслана и Людмилы“ Пушкина, „Оберона“ Виланда или, пожалуй, и „Orlando Furioso“ Ариоста; но все эти поэмы, шуточные, волшебные, рыцарские и сказочные, явились в свое время и, под этим условием, прекрасны и достойны внимания и даже удивления».⁵⁸

Этот отзыв остается справедливым и для настоящего времени. В нем выражена сущность того отношения к Виланду, которое сформировалось в передовой русской литературе и критике 30—40-х годов прошлого века. Творчество Виланда отныне становится фактом истории литературы — это очевидно и из слов Белинского, и из того, как иссякают и на долгое время прерываются попытки переводить его произведения.

6

В первом и втором десятилетиях XIX в. переводы из произведений Виланда появляются в русской печати довольно часто. В эти годы, как и прежде, роль распространителей переводов берут на себя московские издатели.

В типографии С. Селивановского издается сокращенное переложение «Агатона» с французской перделки — «Филоклес».¹

⁵⁵ «„Боги, герои и Виланд“, сочинение Гёте, переведенное г. Струговщико-вым, представляет собою любопытную страницу из истории немецкой литературы, к сожалению не понятую у нас» (там же, т. 3, стр. 189; ср. также: т. 9, стр. 477).

⁵⁶ «Отечественные записки», 1839, т. 2, отд. III, стр. 143—144.

⁵⁷ По поводу одной повести Белинский в 1843 г. заметил: «Живучи в Царском Селе, сочинительница бродила по его садам с Виландом в руках. Боже мой! да кто ж теперь читает Виланда и в самой Германии?» (Полн. собр. соч., т. 8, стр. 14).

⁵⁸ В первой статье о сочинениях А. Пушкина (1843) (там же, т. 7, стр. 103). Характерное здесь сочетание имени Пушкина с именами Виланда и Ариосто — отражение общего мнения современников о жанре его первой поэмы.

¹ Филоклес. Подражание Агатону г. Виланда. Перевод с французского. 4 части М., 1803. — Автор французской перделки Ж.-Ш.-Ф. Ладусетт (первое издание — 1802 г.)

Там же печатается антирусоистская книга Виланда «Записки для тайной истории человеческого разума и сердца» в переводе И. И. Татищева-сына с гравированными миниатюрами.² Татищев же переводит и публикует в 1807 г. роман «Аристипп» с посвящением Александру I, утверждая, что это лучшее сочинение Виланда.³ Через несколько лет из «Аристиппа» были перепечатаны два письма в «Собрании образцовых сочинений». Выбор писем показывает, что роман воспринимался не только как описание древнегреческой жизни в духе Бартеlemi. Одно из этих отдельно опубликованных писем посвящено злободневным философским вопросам, в том числе и идее «общего блага».⁴

Селивановский печатает в 1817 г. полный перевод «Пифагорейских жен», вызвавший уже упоминавшуюся рецензию Сергея Глинки. Рецензент осторожно подсказывал переводчику С. Нечаеву, что следовало бы переводить другие, более важные произведения того же автора.⁵

В XIX в. продолжается линия религиозно-нравоучительной интерпретации Виланда. Стихотворная новелла «Водяная купель», высмеивающая религиозное подвижничество, превращена переводчиком в тяжеловесную назидательную поэму о «терновых путях» человеческой души к блаженству. Там, где Виланд высмеивает ханжество, переводчик лишь порицает недостаточную набожность.⁶ Религиозная лирика молодого Виланда привлекает издания, рассчитанные на юного читателя, например «Друг юношества» М. И. Невзорова.⁷

Виланд-моралист пользуется в начале века симпатией П. В. Победоносцева, издателя «Новостей русской литературы». В журнале появляются переводы статей из «Немецкого Меркурия», из ранних «Нравоучительных писем».⁸ В объявлении

² Записки для тайной истории человеческого разума и сердца. Выбрано из архива природы. Соч. г. Виланда, переведено с немецкого. Ч. 1, 2. М., 1804. Ранее переведен отрывок из этой книги. О мнимом упадке рода человеческого. «Новые ежесемьичные сочинения», 1794 г., ч. 96, стр. 43—47; ч. 98, стр. 3—9 (перевод Ф. Карякина) (см.: К. Günther. Wieland und Rußland, II, S. 705, № 60).

³ Аристипп и некоторые из его современников. Соч. Виланда в 8 частях. Перевел с немецкого надворный советник Иван Татищев. М., 1807.

⁴ Письма №№ 26 и 44 из перевода Татищева (Собрание образцовых сочинений в прозе знаменитых древних и новых писателей, ч. 5. М., 1811, стр. 130—162).

⁵ Пифагорейские жены. Соч. Виланда. Перевод С. Нечаева. М., 1817. Рецензия: «Русский вестник», 1817, № 19 и 20, стр. 74—77.

⁶ Мраморная купель, или Наказанный пустосвят. Из стихотворений Виланда. Переведено с немецкого П. Петровым. СПб., 1805.

⁷ Утренняя песнь Виланда. «Друг юношества», 1807, кн. 3, август, стр. 115—123 (псалом X из второй части «Чувств христианина»).

⁸ Умирающая Поликсена Эврипидова. (Из Виланда). «Новости русской литературы», 1803, ч. V, стр. 385—389 (перевод М. Каченовского); Удивление. (Письмо г. Виланда к одной женщине). Там же, 1804, ч. IX, стр. 113—115 (неполный перевод пятого «Нравоучительного письма»); О связи прият-

о предстоящем издании «Минервы», которая должна была продолжать «Новости», Победоносцев начал с имени Виланда список немецких авторов, намеченных для перевода.⁹ Издателю было известно, что Виланд принадлежал к лагерю противников классицизма Готшеда.¹⁰ Публиковавшиеся в «Новостях» переводы из Виланда, несмотря на то что их выбор свидетельствовал о весьма умеренном либерализме издателя, помогали выработыванию русской социальной терминологии («гражданское общежитие», «живогный человек» и т. п.).¹¹

С годами моралистические отрывки из Виланда приобретали под пером русских переводчиков все более определенную общественную направленность. Сочувственно относился к Виланду и его просветительской философии журнал «Российский музей» (1815). Опубликованная в нем информация об издании избранных писем Виланда превращается в панегирик «острому и богатому уму» писателя.¹² Журнал осудил уловки немецких книгопродавцов, лишивших родственников Виланда и Шиллера средств существования.¹³ Переводчик помещенного в журнале исторического сочинения Виланда «О древнейших играх» уловил просветительскую идею автора, искавшего в шахматной игре поучение монархам.¹⁴ Там же был напечатан пересказ отрывка из «Пифагорейских жен» с комментарием, в котором говорилось о высокой нравственности самого Виланда.¹⁵

Другой отрывок из книги о женщинах древней Греции позднее был переведен в «Дамском журнале». Он посвящался воспитанию общественно-активной личности, наделенной гуманистическим мировоззрением.¹⁶

ного с полезным. (Из Виланда). Там же, стр. 188—206 (перевод М. Каченовского); Преимущества мудрого человека. (Письмо г. Виланда к одной женщине). Там же, ч. XII, стр. 49—62, 65—70 (восьмое «Нравоучительное письмо»). Перевод этого же восьмого письма еще см.: «Новый пантеон отечественной и иностранной словесности», 1819, ч. IV, стр. 32—46.

⁹ См.: «Новости русской литературы», 1805, ч. XIV, стр. 411.— В «Минерве» был помещен только «Гимн весне» (1807, ч. V, стр. 3—6; ср.: Werke, Bd. 42, SS. 186—188).

¹⁰ См.: «Новости русской литературы», 1804, ч. XII, стр. 65.

¹¹ См. терминологию статьи «О связи приятного с полезным».

¹² «Российский музей», 1815, ч. IV, № 10 и 11, стр. 212—213. — Об этом журнале см.: А. Г. Максимов. «Российский музей, или Журнал европейских новостей». В сб.: Sertum bibliologicum... в честь проф. А. И. Макина. Пб., 1922, стр. 71—87.

¹³ См.: «Российский музей», 1815, ч. II, № 5, стр. 222—225.

¹⁴ О древнейших играх. (Соч. Виланда). Там же, ч. IV, № 10 и 11, стр. 48—75 (ср.: Werke, Bd. 24, SS. 79—114).

¹⁵ «Российский музей», 1815, ч. IV, № 10 и 11, стр. 136—144.

¹⁶ Феана к Эвуле. «Дамский журнал», 1824, ч. VII, № 13, стр. 14—17 (отрывок из перевода С. Д. Нечаева). — О внимании русской молодежи 20-х годов к Виланду может свидетельствовать дневник М. П. Погодина, где под датой 9 августа 1820 г. записано: «Ходил в деревню к Ф. И. Тютчеву, разговаривал с ним о немецкой, русской, французской литературе, о ре-

Вообще на рубеже 10-х и 20-х годов произведения Виланда, как бы ни смотрели на них прежде, приобретают для русского читателя особенно глубокий смысл, в их переводах отражается растущее напряжение общественной обстановки. Например, в «Каллиопе», сборнике работ воспитанников московского Университетского пансиона, появляется еще один, последний русский перевод из «Диогена» — и это, разумеется, заключительные главы, т. е. беседы философа с Александром Македонским.¹⁷

Переводчики, принадлежавшие к кругам, в которых формировалась декабристская идеология, предъявляли весьма определенные требования к наследию Виланда. Они отбирали то, что отвечало политическим представлениям их среды. Как уже упоминалось, в Вольном обществе любителей российской словесности переводами из Виланда занимался В. К. Бриммер. Другим переводчиком был Н. И. Розенмейер. Из их переводов увидели свет в журнале Общества два отрывка на одну и ту же тему — об отличии просвещенного монарха от тирана.¹⁸ Противопоставление Солона и Креза — в отрывке из Виланда, помещенном в «Избранных сочинениях и переводах», которые тоже были, по-видимому, изданием Вольного общества.¹⁹

В «Трудах» Общества появился стихотворный перевод отрывка из «Оберона», выполненный будущим декабристом Петром Колошиным.²⁰ Романтический эпизод сна Гюона был пере-

лигии, о Моисее, о божественности Иисуса Христа, об авторах, писавших об этом: Виланде (Agathodemon), Лессинге, Шиллере, Аддисоне, Паскале, Руссо...» (Н. П. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 1. СПб., 1888, стр. 70—71; см. также: К. Пигарев. Жизнь и творчество Тютчева. М., 1962, стр. 22—23).

¹⁷ Александр и Диоген. «Каллиопа», М., 1820, ч. IV, стр. 76—91 (перевод Н. Антонского).

¹⁸ Воспитание Исфандиара. (Отрывок из Виланда). «Соревнователь просвещения и благотворения», 1818, ч. IV, кн. 1, стр. 57—69 (перевод В. Бриммера из второй книги «Золотого зеркала»); Законы мудрого Псаммиса. (Отрывок из Виланда). Там же, ч. I, кн. 3, стр. 359—372 (перевод Н. Розенмейера из первой книги романа). — Коллежский секретарь Николай Иванович Розенмейер принят действительным членом Вольного общества любителей российской словесности 25 апреля 1816 г. (см.: «Труды Вольного общества любителей русской словесности», 1823, ч. XXIV, кн. 3, стр. 295). В 1827 г. Розенмейер издал альманах «Астраханская флора», наполовину занятый переводами немецких поэтов. О Бриммере и Розенмейере см. также: В. Базанов. Ученая республика. Л., 1964, по указателю.

¹⁹ Как жить в свете? (Из Виланда). Избранные сочинения и переводы в прозе и стихах. М., 1825, ч. 2, стр. 399—400 (оригинал не установлен). Первоначально — в альманахе «Каллиопа», ч. 2, М., 1816, стр. 115—116 (переводчик Н. Булдаков) (см.: К. Günther. Wieland und Rußland, II, S. 704, № 40).

²⁰ Отрывок из Виландовой поэмы «Оберон». Сон Гюона. «Труды Вольного общества любителей российской словесности», 1824, ч. XXV, кн. 3, стр. 139—144. — О П. И. Колошине см.: «Литературное наследство», т. 60, кн. 1, 1956, стр. 541—554; В. Базанов. Ученая республика, по указателю.

дан изящным вольным ямбом, местами приближающимся к метру «Руслана и Людмилы». Поэма Пушкина, вероятно, помогла Колошину оценить и передать прелесть виландовской сказки.

Тема абдеритов не была, как мы видели, обойдена вниманием русской печати 20-х годов. Еще в 1815 г. А. Кропотов издал две части журнала «Демокрит», название и сатирическое направление которого были навеяны романом Виланда.²¹ С большим перерывом — в 1832 и 1840 гг. — роман издавался, как мы уже упоминали, в переводе Н. Баталина, поделившего его на два тома.

Работа Н. Баталина, несмотря на невысокое мастерство переводчика, получила широкий резонанс. «История абдеритов» не оставляла равнодушными даже тех, кто не был склонен одобрять виландовскую сатиру. В «Северной пчеле» А. Ф. Мерзляков, напомнив о прежней популярности Виланда у русских читателей и похвалив перевод первого тома, не согласился с истолкованием романа как «нравственно-сатирического сочинения».²² Сатира Виланда не устроила и рецензентов второго тома. Сотрудник «Отечественных записок» (вероятно, А. Галахов или П. Кудрявцев) заметил связь абдеритов с пошехонцами, но сатира Виланда показалась ему несвоевременной — так он воспринял ее публицистическую конкретность. «Мы верим в исполинское шествие рода человеческого к совершенству, — говорилось в рецензии. — Давно ли кажется? Свежо предание, а верится с трудом! Ни восторг Карамзина к Виланду, ни перевод его поэмы, изданный Пушкиным, ни девятилетний перевод г. Баталина — ничто не поставит уже автора „Абдеритян“ на тот высокий пьедестал, на котором он стоял прежде». Причина того, что роман потерял читателей, состоит, по мнению критика, в творческой манере автора: «...эта манера есть ирония, любимое оружие Виланда, как он сам признавался; эта форма есть сатира, не уживающаяся с творчеством. Если б эта сатира метила на те пороки и смешные стороны слабого человечества, которые не зависят от места, времени и нации, то, бесспорно, мы принимали бы в ней участие. . . Но что ж делать, когда сила литературного успеха требует часто намеков на частное лицо, на частный город, на частное событие, когда сатирик, принося необходимую жертву божеству своему — публике, оставляет в стороне общее, родовое,

²¹ См.: «Демокрит», СПб., 1815, ч. I, кн. 1, стр. 3. — Ранее, в «Новостях русской литературы» за 1804 г., появилась маленькая «пиеса» кого-то из воспитанников Университетского благородного пансиона «Протагор», в которой обыгрывались взаимоотношения Демокрита с абдеритами (ч. 11, стр. 353—354).

²² «Северная пчела», 1832, № 205, 5 сентября, стр. 1. Рецензия подписана: А. А. А. (атрибуцию см.: И. Ф. Масанов. Словарь псевдонимов, т. I, М., 1956, стр. 29).

повсеместное и прилепляется к индивидуальному, к точке пространства, к текущей минуте».²³

Подобный же недостаток усмотрел в романе и рецензент «Литературной газеты» (вероятно, сам издатель — А. Краевский), писавший, что «свое время для знаменитого произведения давно прошло и теперь наступило другое, в котором оно должно казаться совершенно чуждым или, по крайней мере, странным».²⁴ Либеральная критика протестовала не столько против качества, сколько против самого факта перевода «Истории абдеритов». Политическая сатира, которой не увидели в романе его первый переводчик М. Гаврилов и русские читатели XVIII в., прежде всего бросалась в глаза рецензентам 1840-х годов, но она-то и не устраивала их.

Отношение русской либеральной критики к роману Виланда напоминает встречу, оказанную впоследствии этой же критикой сатире М. Е. Салтыкова-Щедрина, особенно его «Истории одного города» (1869—1870).²⁵ В обоих случаях рецензенты не желали признавать злободневность сатиры. Им казалось, что писатели высмеивают только прошлое.

Упоминание Щедрина в связи с Виландом правомерно и потому, что сатирические хроники того и другого выросли из фольклорных корней одного типа (напомним о типологическом сходстве античной истории об Абдере, немецкого шванка о шильдбургерах и русских анекдотов о пошехонцах).²⁶ Писатели обогатили народный юмор сатирическими ассоциациями с современностью и поставили его на службу передовым идеям эпохи.

Разумеется, «История абдеритов» и «История одного города» возникли в разные эпохи и в разных общественных условиях. Сатира Щедрина более целенаправленна и зрела. Ее социальная действенность обусловлена русской революционно-демократической идеологией 60-х годов. Щедрин имел, кроме того, великого предшественника — автора «Истории села Горюхина». Конкретный, вскормленный народной болью гуманизм Пушкина и Щедрина не мог быть известным виландовской эпохе.²⁷

²³ См.: «Отечественные записки», 1840, т. 10, отд. VI, стр. 51—52. См. также: А. Д. Галахов. Воспоминания о Петре Николаевиче Кудрявцеве. «Русский вестник», 1858, т. 13, кн. 2, стр. 638—640.

²⁴ «Литературная газета», 1840, № 57, 17 июля, столб. 1312—1313. Там же: «Виланда оправдывает одно: он мог иметь свои виды и для этих видов действовать по-своему, забывая об искусстве, но крепко помня о современности и удовлетворяя своей сатирической наклонности».

²⁵ См.: Е. Покусеев. Революционная сатира Салтыкова-Щедрина. М., 1963, стр. 25—33.

²⁶ В литературе встречается сопоставление «Истории одного города» с сатирой Г. В. Рабенера, восходящей к тому же кругу фольклорных немецких сюжетов, что и роман Виланда. См.: М. Е. Салтыков (Щедрин), Соч., т. I, М.—Л., 1926, стр. 614—616.

²⁷ См.: В. Сиповский. К литературной истории «Истории села Горюхина». В сб.: Пушкин и его современники, вып. 4, СПб., 1906, стр. 47—

Русские романтики, не связанные с декабризмом, тоже обращались иногда к произведениям Виланда. В «Невском зрителе» за 1820 г. был помещен отрывок из «Платонических размышлений о человеке» (1755), переосмысленный как апофеоз гениальной личности.²⁸ В другом журнале была сделана попытка развернуть в целую сцену из «романтической комедии» вторую строфу первой книги «Музарион».²⁹ Чувствительный герой Виланда, один из вариантов Агатона, превратился здесь в законченного романтического мизантропа. Два издания сказок И. К. А. Музеуса с именем Виланда на титульном листе могли только подкрепить его репутацию как автора, близкого к романтизму.³⁰ Поздним примером романтического истолкования поэзии Виланда может служить перевод первой песни «Оберона», увидевший свет в 1842 г.³¹ Переводчик В. В. Дерикер следовал традиции Жуковского, всячески стремясь придать повествованию размеренность и благозвучную гладкость. Ради этого он пожертвовал рифмой. Но его белый стих гораздо больше напоминает «дурную» прозу, чем стих Жуковского, которого когда-то упрекнул за это Пушкин.

Некоторые русские литераторы и издатели журналов предпочитали образ Виланда-филолога, переводчика и толкователя античных авторов. В. В. Капнист ссылаясь на сделанные Виландом переводы из Горация как на образцовые.³² Иван Мартынов поместил в «Лицее» перевод и частичный пересказ комментария Виланда к горацевскому «Посланию к Пизонам».³³ Владимир Измайлов хвалил «любезную ученость» писателя и точность его

58; М. Е. Салтыков (Щедрин), Соч., т. I, стр. 614; Е. Покусаев. Революционная сатира Салтыкова-Щедрина, стр. 25.

²⁸ «Невский зритель», 1820, ч. I, март, стр. 63—77.

²⁹ В. Н. Олин. Отрывок из романтической комедии «Музарион». «Славянин», 1827, ч. I, отд. II, стр. 36—37; перепечатано в газете Олина «Колокольчик», 1831, № 41, стр. 162—163.

³⁰ Народные сказки Музеуса, изданные Виландом, чч. 1—6. М., 1811—1812; 2-е изд. — Орел, 1822 (переводчик Вас. Поляков).

³¹ Первая песнь. Из Виландовой героической поэмы «Оберон». «Сын отечества», 1842, кн. 9, № 9, отд. IV, стр. 1—20. — Примечательно, что еще в 1838 г. в отзыве о петербургской премьере оперы Вебера «Оберон» («Северная пчела», № 13, 17 января) В. Одоевский не считал нужным упомянуть Виланда как автора сюжета, хотя, конечно, не мог не знать его поэмы: Виланд сам по себе уже не занимал этого знатока немецкой литературы (см.: В. Ф. Одоевский. Музыкально-литературное наследие. М., 1956, стр. 150—153).

³² Во втором письме С. С. Уварову «О ексаметрах» от 10 марта 1815 г. (см.: В. В. Капнист, Собр. соч. в двух томах, т. 2, М.—Л., 1960, стр. 220). — Вопрос о роли переводов Виланда в истории восприятия Горация в России изучен все еще недостаточно (ср.: П. Н. Берков. Ранние русские переводчики Горация. «Известия АН СССР. Отд. общественных наук», 1935, № 10, стр. 1039—1056; W. Busch. Horaz in Rußland. München, 1964, S. 22).

³³ Виландова гипотеза о Горацевой науке стихотворства. «Лицей», 1806, ч. IV, кн. 3, стр. 63—98.

в воспроизведении античного быта, хотя и усматривал в этом лишь внешнее достоинство произведений Виланда, «способ стареющего и обеднявшего искусства» (отзыв о «Менандре и Гликерии»).³⁴ Приверженность Виланда древнегреческому искусству подчеркнул «Вестник Европы» 1806 г., полемически противопоставив немецкую ученость «богатому воображению» французов («для чести французской словесности желательно было бы, чтобы Вольтер имел Виландовы познания в древней литературе»).³⁵ Рассказ о дружбе Виланда с Софией Брентано, помещенный в этом журнале, представлял собой, возможно, демонстративный экскурс в область этических представлений уходящей эпохи, имевший целью упрекнуть не склонный к чувствительности XIX век.³⁶

Все эти отзывы и переводы, даже в тех случаях, когда они, казалось бы, превращали Виланда в романтика, объединены тенденцией сгладить острые углы, обойти противоречия, так или иначе канонизировать его, противопоставив его творчество обществу-критическим настроениям 20—30-х годов.

Откровенный характер защиты Виланда от любых попыток связать его творчество с современностью носили биографические очерки, появившиеся в «Благонамеренном» и «Вестнике Европы». ³⁷ При всех различиях обе статьи одинаково делали упор на поэзию Виланда и на его эллинизм. В первом очерке лучшим романом признавался «Аристипп» (как произведение «археологического» жанра), во втором личность писателя отождествлялась с образом Агатона. Автор статьи, помещенной в «Благонамеренном», считал «наглостью» выступления романтиков против Виланда; переводная статья в «Вестнике Европы» была написана как возражение мнениям Ж. де Сталь.

Перемещение Виланда из категории современных писателей в разряд литературных классиков происходило в России, как, впрочем, и в Германии, в неблагоприятных для него условиях. Его наследие перешло преимущественно в руки переводчиков и толкователей, настроенных консервативно или в умеренно-либеральном духе. Эти литераторы хотели видеть в Виланде только *доброго*, чувствительного моралиста, в лучшем случае забавного поэта.³⁸

³⁴ «Патриот», 1804, т. 2, кн. 1, стр. 102—103.

³⁵ «Вестник Европы», 1806, ч. XXVII, № 9, стр. 57—58.

³⁶ См.: там же, 1807, ч. XXXII, № 7, стр. 209—210.

³⁷ Николай Рашков. Виланд. «Благонамеренный», 1825, ч. XXIX, № 13, стр. 469—479; ч. XXX, № 14, стр. 3—11; Виланд и его современники. (Извлечено из «Revue britannique»). «Вестник Европы», 1829, ч. 168, № 22, стр. 81—101 (переводчик В. Прахов). — Во французский журнал статья попала из изд.: «Foreign Quarterly Review» (см.: K. Günther. Wieland und Rußland, II, S. 711).

³⁸ См., например, очерк Н. И. Греча «Первая любовь Виланда» (1856) в изд.: Сборник литературных статей, посвященных русскими писателями

Подлинно ценные стороны виландовского творчества — сплав лиризма и иронии в его поэзии, сочетание гуманистической мысли и тонкой сатиры на современное общество в его романах — нашли понимание лишь у немногих русских читателей, но и те, в силу обстоятельств общественной и литературной борьбы, не смогли взять на себя миссию последовательных истолкователей Виланда. Напомним, однако, что решительное слово, оправдывающее его поэзию в глазах потомства, было произнесено, — и это сделал Белинский.

Если впоследствии интерес к Виланду и возникал в России, то он исходил из филологических кругов. Лишь для цензуры Виланд долго оставался опасным автором.³⁹ Единственной русской книжкой о нем была до революции брошюра харьковского профессора Г. Ю. Ирмера, вышедшая к столетию со дня смерти писателя.⁴⁰ Вопрос о восприятии Виланда в России оставался еще почти не изученным, и книжка Ирмера впервые коснулась проблемы влияния писателя на литературу русского сентиментализма и преромантизма.⁴¹

Два отрывка из поэм Виланда, сопровождаемые биографическим очерком и кратким списком прежних русских переводов, были включены в известную антологию немецкой поэзии Н. В. Гербеля. Цель этой публикации состояла в том, чтобы познакомить широкий круг читателей с образцами виландовского творчества. Память о Виланде была в результате этого несколько оживлена, но те «пробы», которые печатал Гербель, давали очень условное представление о старом поэте. Перевод первой песни «Оберона», сделанный Д. Д. Минаевым (без восьми вступительных стрóf), уступал подлиннику и в яркости красок, и в стиховом мастерстве. Второй отрывок был взят из «Вастолы» Люценко и лишь слегка отредактирован.⁴²

В советское время, когда были сломаны прежние идеологические и цензурные преграды, мешавшие более широкому знакомству русских читателей с творчеством Виланда, появились новые работы о писателе и новые переводы его произведений. Издательство «Academia» и наследовавший ей Гослитиздат готовили в 30-х годах трехтомник сочинений Виланда, который, к сожалению, не увидел света. Образцы произведений Виланда вошли

памяти покойного книгопродавца-издателя А. Ф. Смирдина, т. 1. СПб., 1858, стр. 93—111.

³⁹ Польский перевод «Оберона» (Oberon, poemat romantyczny. Przekład z Wielanda, przez Wiktora z Waworowa. Lwów, 1853) был запрещен Главным управлением цензуры в 1854 г. по причине «смешения священных предметов с описанием любовных сцен» (Центральный государственный исторический архив СССР, Ленинград, ф. 772, оп. 1, ч. II, № 3272).

⁴⁰ Г. Ю. Ирмер. Х. М. Виланд (1813—1913). Харьков, 1913.

⁴¹ См.: там же, стр. 13.

⁴² См.: Немецкие поэты в биографиях и образцах. Под ред. Н. В. Гербеля. СПб., 1877, стр. 73—83.

в «Хрестоматию по западноевропейской литературе», составленную для нужд высшей школы в 1938 г. Там был напечатан перевод вступления к «Оберону», опущенный в свое время Д. Минаевым (переводчик М. П. Столяров). Впервые в русском переводе увидела свет поэма «Аспазия, или Платоническая любовь», характерная для «комической» поэзии Виланда 1760-х годов (переводчик В. А. Щепотев). Вновь были переведены первая и вторая главы четвертой книги «Абдеритов», содержавшие историю судебного процесса по поводу ослиной тени, — один из шедевров виландовской сатирической прозы (переводчица И. В. Волевич).⁴³

Переводы из Виланда были выполнены на самом высоком профессиональном уровне, которого достигла тогда советская переводческая школа. Стих и проза подлинника воспроизводились с филологической точностью, соблюдалась мера в модернизации выражений и понятий, и сохранялся легкий налет старины. Однако этим переводам недоставало естественности подлинника, органического слияния слова и стиха, соединения разговорной интонации и поэтического ритма, присущих произведениям Виланда. «Обероновская» октава, например, воспроизведенная технически виртуозно, — чего прежде не удавалось сделать ни одному русскому переводчику, — нередко хранила следы усилий, направленных преимущественно на то, чтобы подобрать к стиховой схеме необходимое количество слогов. В переводе из «Абдеритов» немецкое слово тоже не всегда было представлено русским заменителем, адекватным по яркости образа и глубине семантики.

Выполняя свою учебную задачу, переводы, изданные в 1938 г., не могли, конечно, привлечь к Виланду сколько-нибудь стойкого читательского внимания.

Между тем творчество Виланда безусловно заслуживает внимания читателей и в нашу эпоху. Лучшие произведения немецкого писателя сохраняют свою ценность не только для историков литературы. Жизнеутверждающая фантастика «Оберона» сегодня так же современна, как и язвительная сатира «Абдеритов». Можно поэтому надеяться, что история русских, советских переводов Виланда еще не закончена.

⁴³ См.: Хрестоматия по западноевропейской литературе. (Литература восемнадцатого века). Составили А. А. Аникст и др. М., 1938, стр. 513—524. — Ранее переведена комедия, основанная на сюжете Виланда: Л. Фульда. Тень осла. Комедия в трех действиях. Вольное подражание «Абдеритам» Виланда. М.—Пгр., 1923 (см.: K. Günther. Wieland und Rußland, II, S. 706).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аблесимов А. О. 223
Агатон 349
Адамян А. А. 300
Аддисон Дж. 196, 197, 202, 242, 263,
270, 271, 308, 373
Азадовский М. К. 23, 365, 366
Акохов Т. 128
Аксаков С. Т. 187
Александр I 76, 121, 159, 314, 371
Александр VI, папа римский 125
Александренко В. Н. 14
Алексеев М. П. 6, 32, 41, 100, 114,
119, 167, 300, 349, 352, 360, 362,
365
Алексей Михайлович 124
Алексей, царевич 76, 115, 117, 122
Аллон Л. д' 114, 115
Альбани (Албан) Ф. 36
Альберти (Алберти) Ф. 211, 291
Альгаротти Ф. 18, 20
Альтшуллер М. Г. 258, 263, 264
Амвросий (Серебренников А. Н.)
226, 227, 277
Анакреон 37, 362
Анастасевич В. Г. 165
Андреев А. Я. 222, 289, 291
Андреев Н. П. 365
Аникст А. А. 379
Аничков Д. С. 228
Анна-Амалия Саксен-Веймарская 301
Ангипатр Фессалоникский 166
Ангонин Пий 138
Антоновский М. И. 109, 248
Антонский-Прокопович Н. М. 373
Анучин Г. 276
Арапов П. Н. 75, 177, 179, 183—
188, 327
Арбетнот (Арбутнот) Дж. 280
Аришштейн Л. М. 271
Ариосто (Ариост) Л. 15, 23, 26, 40,
57, 191, 199, 300, 349, 354, 355,
357, 361, 362, 364, 366, 370
Аристофан 300
Армстронг (Амстронг) Дж. 271
Арсеньев А. В. 82
Архангельский А. С. 274, 280
Асарк Ж.-П. 192
Афанасьев А. Н. 365
Базанов В. Г. 373
Базиле Дж. 365
Байрон Дж.-Г.-Н. 194, 366
Бантыш-Каменский Н. Н. 121
Баранов Д. О. 103, 104
Баратынский Е. А. 362, 367
Бардовский Я. И. 142
Барков Д. Н. 191
Баррюэль О. 138—141, 146
Барсков Я. Л. 72, 214
Барсуков Н. П. 373
Бартелеми Ж.-Ж. 134, 316, 349, 371
Бартнев П. И. 16, 114, 149
Баталин Н. 336, 374
Батюшков К. Н. 7, 38, 39, 48, 55,
56, 85, 153, 156, 165—167, 361—
363
Бахтин И. И. 88
Бейль (Бель) П. 151, 345
Бекетов П. П. 278
Белинский В. Г. 7, 100, 366, 367,
369, 370, 378
Белье А. 174
Бенцкий А. П. 170
Бергманн Б. 118
Бередников Я. И. 181, 259, 260
Березайский В. С. 273, 333
Березина В. Г. 132
Берков П. Н. 31, 39, 41, 65, 96, 200,
210, 222, 305, 306, 317, 329, 376
Бернс (Борнс) Р. 217, 245, 269, 272
Бертен (Бертан) Т. П. 291
Беттигер К. А. 342
Беттинелли С. 19—22, 38
Бюн 37
Битобе П. Ж. 212
Бланк Б. К. 171, 280, 287, 290
Бланкенбург К. Ф. 302
Бланшар П. 145

- Блудов Д. Н. 51, 56
 Блумфильд Р. 272
 Блэр Р. 206
 Бобров Е. А. 100, 223
 Бобров Е. П. 174
 Бобров С. С. 260, 262—267, 275, 276, 281, 282, 284
 Богданович И. Ф. 35, 36, 38, 109, 179, 328, 350
 Богданович П. И. 32
 Бодмер И. Я. 20, 207, 307, 317, 342, 343
 Бокадоров Н. К. 28, 29
 Боккаччо (Бокас, Бокаций, Боккаччио) Дж. 15, 23, 42, 43, 132
 Болотов А. Т. 74
 Болховитинов Е. А., см. Евгений
 Бомарше П.-О. Карон де 108, 109, 209
 Бонекки Дж. 13
 Бонифаций VIII (Вонифатий VIII) 61
 Бонне (Боннет) Ш. 251, 254
 Бонтан М.-Ж. 232, 234, 235, 244, 285—287
 Борн И. М. 169
 Борноволоков Т. С. 72, 73
 Боровикова-Майкова М. С. 52
 Бородин С. М. 73, 76
 Боске М. А. 218, 290
 Бочкарев В. А. 172, 181
 Боярдо М.-М. 23
 Брайко Г. Л. 305, 306, 309—311, 313, 330
 Браилловский С. Н. 263
 Бранг П. 214, 244, 271, 313, 332, 340
 Бренков Е. Н. 13
 Brentano К. 301
 Brentano С. 377
 Бригген А. Ф. фон дер 356
 Бриммер В. К. 357, 373
 Бринкен Д. Ф. 169
 Брокес Б. Г. 232
 Броун (Бровн) Дж. 272
 Броусилов Н. П. 152
 Бруханский А. Н. 84
 Брянский Я. Г. 181
 Брянчанинов А. М. 84
 Буало Н. 18, 143, 175, 205
 Буженинов П. А. 163
 Букингем см. Шеффилд Дж.
 Булаховский Л. А. 50
 Булгаков М. 272
 Булгарин Ф. В. 58, 59, 184
 Булдаков Н. М. (?) 373
 Бутенев А. П. 30
 Бутурлин Д. П. 35
 Буше Ф. 321
 Бычков И. А. 246, 354, 355
 Бюффон Ж.-Л. 140, 148, 151, 268
 Вадбольский 222, 289, 291
 Вальберх И. И. 162
 Вальберхова (Валберхова) М. И. 186, 187
 Вацуро В. Э. 345
 Вашингтон Дж. 59
 Вебер К. М. 327, 376
 Вейсе К.-Ф. 257, 287
 Вейтбрехт И. И. 317
 Вельяминов-Зернов В. Ф. 293
 Вельяшев-Вольинцев Д. И. 181, 261
 Венгеров С. А. 263
 Вендрих Ф. Г. 352
 Веневитинов Д. В. 361
 Вергилий (Виргилий) 18, 20, 28, 36—38, 44, 47, 52, 86, 95, 105, 138, 152, 157, 158, 191, 195, 199, 205, 226, 229, 267, 281
 Веревкин М. И. 285
 Вередагин В. В. 34
 Вернадский Г. В. 68, 72, 212, 306, 338
 Веселовский Александр Н. 224, 246, 300, 344, 352, 354, 355
 Веселовский Алексей Н. 359
 Вигель Ф. Ф. 54, 136, 170
 Виланд К. М. 5, 74, 194, 212, 298—379
 Вилламов И. Г. 304
 Виллегас Э. М. де 320
 Вильковский Е. 316
 Виноградов В. В. 94, 242
 Виноградов И. И. 161
 Виноградов Н. Н. 31
 Винокур Г. О. 333
 Винский Г. С. 148
 Вишневская Г. А. 94
 Владимир Великий 122, 126
 Владимир Мономах 126
 Вовенарг Л. де Клапье 77
 Воейков А. Ф. 95, 123—125, 146, 188, 189, 268, 355, 364
 Волевич И. В. 379
 Вольпи Дж. А. 9, 14
 Вольтер (Вольтер) Ф. М. 4, 14, 16—22, 38, 43, 61, 63—195, 199, 201, 208, 215—217, 290, 300, 301, 303, 308, 338, 346, 357, 362, 363, 365, 377
 Воробьева М. С. 174
 Воронцов А. Р. 114, 126
 Восленский Д. И. 146
 Востоков А. Х. 57, 58, 167—169, 273, 284, 350

- Враницкий П. 327
 Вышеславцев М. М. 223, 235, 279, 286
 Вяземский П. А. 51, 53, 55, 93, 110, 175, 178, 182, 348
 Гаврилов М. Г. 323, 334—337, 375
 Гагарин П. С. 235, 286
 Гайнд И. 246
 Галахов А. Д. 228, 374, 375
 Галинковский Я. А. 120, 121, 278
 Галлан А. 365
 Галлер А. 318
 Гаррикс Д. 269, 273
 Гаррикс 232
 Гвиттоне д'Ареццо (Ги Аретинец) 16, 17
 Гегель Г. Ф. В. 205
 Гей (Ге) Дж. 273, 280
 Геллерт Х. Ф. 74
 Гельвеций К.-А. 63, 72, 140, 172, 215
 Гене А. 141, 142
 Гербель Н. В. 378
 Гердер И. Г. 302, 338, 341, 348, 352
 Гермоген 125
 Герцен А. И. 100, 319
 Геснод 205
 Геснер С. 46, 95, 107, 212, 233, 249—251, 254, 257, 258, 267, 306, 308, 310, 317, 322, 342, 348, 350
 Гете И. В. 41, 44, 93, 95, 203, 249, 298, 299, 301, 302, 319, 341, 342, 351, 352, 366, 369, 370
 Гизеке Н. Д. 233
 Гиллельсон М. И. 352
 Гиляров А. Н. 7
 Гинзбург Л. Я. 51
 Гирфанова Э. А. 201
 Гирифельд К. К. Л. 233, 251, 257
 Глазунов И. П. 127
 Глебов И. 93
 Глинка М. И. 13
 Глинка С. Н. 57, 59, 148—150, 290, 317, 371
 Глинка Ф. Н. 363
 Гловер Р. 236
 Глюк К. В. 104
 Глюк Э. 116
 Гнедич Н. И. 37, 179—182, 192
 Гоббс Т. 137, 299
 Годунов Б. Ф. 124
 Гозенпуд А. А. 13
 Голдсмит (Гольдшмид) О. 213, 270, 274
 Голенищев-Кутузов А. 292
 Голенищев-Кутузов И. Л. 68, 135
 Голенищев-Кутузов И. Н. 8, 12
 Голенищев-Кутузов П. И. 130, 247, 274—276, 293
 Голицын А. И. 94, 95, 160
 Голицын Д. А. 114
 Голицын Ф. Н. 329
 Гольбах П.-А. 68, 271
 Гольдони К. 4
 Гомер (Омир) 37, 85, 91, 95, 138, 152, 170, 191, 195, 199, 226, 236, 350
 Гомец М. А. 279
 Гораций 170, 205, 234, 300, 352, 360, 362, 376
 Горихвостов Д. П. 153
 Горохова Р. М. 45
 Горчаков Н. Д. 316
 Готшед И. К. 372
 Гофман Э. Т. А. 302
 Гоцци Г. 19, 38
 Грамматин Н. Ф. 123, 166, 172, 293, 294
 Грассхофф Х. 14
 Грацианский И. А. 292
 Грей (Грай, Гре) Т. 202, 206, 207, 209, 215, 229, 246, 249, 251, 255, 267, 269, 274—276
 Греч Н. И. 59, 377
 Грешищев И. 227, 278
 Грибовский А. М. 111
 Грибоедов А. С. 358, 359
 Григорьева А. Д. 100
 Гримм Ф.-М. 108
 Гроддек Г. Э. 348
 Грот Я. К. 43, 260
 Грузинцев А. Н. 188
 Гуаско О. 14
 Губерти Н. В. 161
 Гуковский Г. А. 63, 84, 98, 99, 202
 Гурьев И. 90
 Густав III 140
 Гюйон Кл.-М. 136—138
 Давыдов Н. 172
 Даламбер Ж. Ле Рон 68, 110, 112, 113, 139, 142, 143, 146, 193
 Дамогацкий П. Н. 138, 139
 Данилевский Р. Ю. 238
 Данте Алигьери 4, 6—62, 194
 Дашков Д. В. 51, 56, 123, 166, 170
 Дашкова Е. Р. 41, 77, 167, 199
 Декарт (Картезий) Р. 138, 225
 Делиаль Ж. 79, 105, 232, 233, 247, 268, 280
 Делиаль де Саль Ж.-Б.-К. 210, 223, 224
 Демосфен 59
 Дени Л. 171

- Депрео де ля Кондамин С. 152
 Державин Г. Р. 43, 49, 89, 148, 156,
 175, 251, 259, 260, 272, 289, 308,
 345, 360
 Державин К. Н. 102, 113, 119, 148,
 153, 178, 186, 308
 Державина О. А. 31
 Дерикер В. В. 376
 Дефонтен П.-Ф. 138
 Дехтярев П. С. 76
 Живелегов А. К. 7
 Джуковский С. С. 219, 290, 291
 Дзагта А. 9, 14
 Дидро (Дидрот, Дидерот) Д. 55,
 63, 68, 72, 105, 110, 139, 142,
 143
 Диоген 315, 323
 Дмитриевский Д. И. 240—245, 247,
 261, 262, 271, 286
 Дмитриевский И. А. 82, 240
 Дмитриевский Н. 241
 Дмитриев А. И. 280
 Дмитриев И. И. 49, 81, 90, 169,
 194, 222, 241, 250, 256, 280, 288,
 315, 328, 341, 348, 355
 Дмитриев М. А. 248, 358, 359
 Добрынин Г. И. 110
 Додсли Р. 240, 285
 Долгоруков И. М. 80
 Долгоруков К. А. 268
 Домашнев С. Г. 15, 86, 201
 Дон-Карлос 122
 Дондоло Г. 13
 Дора К.-Ж. 86, 303
 Дорсет (Дорзет) И. 202
 Достоевский Ф. М. 30
 Драйден (Дриден) Дж. 80, 202, 236,
 273
 Дружинин Я. А. 316
 Дубецкий Г. П. 145
 Дурьлин С. Н. 41
 Душ И. Я. 233
 Дьяконов П. А. 69
 Дюбуа-Фонтенель Ж.-Г. 210
 Дюмулен (дю Мулен) 288
 Дюпати Ш. 47, 48, 268
 Дюпре де Сен-Мор Н.-Ф. 196, 226,
 277
 Дюсис Ж.-Ф. 179, 186
 Евгений (Болховитинов Е. А.) 43,
 72, 73, 121, 281
 Евреинов И. 282
 Еврипид 170, 191, 336
 Екатерина I 116, 120, 122
 Екатерина II 39, 68, 72—74, 108—
 113, 121, 140, 167, 204, 212,
 258, 303, 304, 306, 312, 338
 Елизавета Алексеевна 185
 Елизавета Петровна 9—14, 196
 Елизарова Н. А. 104, 180
 Елина Н. Г. 7, 8
 Ефремов П. А. 15, 34
 Жакино О. П. 153, 156
 Жанлис С.-Ф. 132
 Железников П. С. 57—60
 Женгун П.-Л. 48
 Жирмунский В. М. 300, 320
 Жихарев С. П. 127, 173—175, 180,
 182, 183, 316
 Жокур Л. 19
 Жорж М.-Ж. 180, 181, 185, 187
 Жуковский В. А. 7, 39, 45, 46, 51—
 53, 56, 104, 130, 131, 170, 186,
 188, 224, 233, 246—249, 260,
 267, 269, 274, 275, 278, 280,
 286, 294, 303, 344, 352—356,
 363, 376
 Заборов П. Р. 4, 18, 63, 210, 261
 Загорский Ф. А. 278, 281
 Залкинд Г. 100
 Замков Н. К. 165
 Западов А. В. 31
 Зейлер Ф. С. 327
 Зеккендорф Э. 345
 Зеленников И. 316
 Золотницкий В. Т. 32
 Иаков II 125
 Иван IV Грозный 124
 Иванов Ф. Ф. 184
 Иванчиков А. Н. 259
 Измайлов А. Е. 149
 Измайлов В. В. 46, 95, 151, 376
 Измайлов Н. В. 355
 Ильянский И. И. 273, 293
 Иоиль (Быковский И.) 67, 68
 Иосиф II 140
 Ирмер Г. Ю. 378
 Исаков С. А. 126
 Истомин С. И. 282
 Каверин В. А. 367
 Каган Л. 129
 Кадлубовский А. П. 86
 Кайсаров А. С. 131, 351
 Кайсаров П. С. 134
 Калас Ж. 145
 Камарго М.-А. 103
 Каменев Г. П. 100
 Камино Дж. 14
 Камозэнс Л. 18, 152, 158
 Каниц Ф. Л. 195
 Кант И. 332, 340
 Кантемир А. Д. 13, 14, 152

- Канунова Ф. Э. 349
 Капнист В. В. 49, 376
 Караганов П. М. 162, 173
 Карамзин Н. М. 31, 39, 46, 47, 49, 56, 89—102, 104, 106, 110, 111, 132, 202, 225, 228, 234, 237—246, 248—250, 252—255, 257, 274, 280, 283, 285, 286, 289, 293, 312, 314, 338—353, 355, 357, 360, 362, 363, 374
 Каратыгина А. Д. 173
 Карл Валуа (Валоа) 16, 61
 Карл II 201, 273
 Карл XII 115—119
 Карон Ж. 209, 219, 222, 288, 290, 291
 Каррье Ж.-Б. 125
 Картер Э. 206
 Карякин Ф. 371
 Касти Дж. 62
 Катенин П. А. 8, 185, 359
 Катков М. Н. 366
 Катон Младший 59
 Каули (Ковлей) А. 272
 Кауфман И. М. 61
 Каховский А. М. 76
 Кацпржак Е. И. 133
 Каченовский М. Т. 122, 123, 223, 272, 371, 372
 Кашкин Д. Е. 30
 Квашнин-Самарин А. 165
 Кейлюс М. М. 282
 Кералло М. Ф. 273
 Керн А. П. 364
 Кернер Г. 341
 Киреевский В. П. 149
 Киреевский И. В. 149, 362, 364
 Киреевский П. В. 149
 Клавдий Хр. 135, 334
 Клейст Э. 233, 236, 250, 252—254, 267, 268, 318, 350, 355, 362
 Клопшток Ф. Г. 212, 223, 233, 298, 301, 302, 306, 317, 318, 342, 350, 354
 Клостреман Г. И. 33
 Клочков М. В. 75
 Клушин А. И. 80, 127, 250
 Княжнин Я. Б. 83, 151, 160, 172, 251
 Кобеко Д. Ф. 75, 114
 Кобранов И. 279
 Ковалевский Е. 192
 Ковалевский М. О. 6—8
 Коган Л. А. 194
 Козицкий Г. В. 304
 Козловский П. Б. 248, 275
 Козмин Н. К. 55
 Козодавлев О. П. 41—43, 68
 Козырев А. 128
 Кокошкин Ф. Ф. 189
 Колардо (Коллардо) Ш.-П. 280
 Колбасин Е. Я. 109, 123, 153
 Колалинэ (Колаин) У. 245, 282
 Колошин П. И. 373, 374
 Кольбер д'Эстувиль 14
 Кольтелини М. 13
 Колюпанов Н. П. 149, 269
 Комино Дж. 14
 Кондорсе А.-Н. 140
 Кондорский И. М. 147
 Корнель П. 74, 82, 85, 92, 143, 166, 190, 193
 Корсунский А. 268
 Костров Е. И. 283
 Котельников С. С. (?) 335
 Коцебу А. 132—134, 336, 344, 345
 Кочеткова Н. Д. 89, 201, 271, 340
 Кошанский Н. Ф. 37
 Кошелев А. И. 149
 Кошелева М. А. 81
 Крабб Дж. 231
 Краевский А. А. 375
 Крамер 17
 Крамер И. А. 318
 Краснопольский И. 70
 Кребильон П. 151, 186, 192
 Кронегк (Кронек) И. Ф. 318
 Кропотов А. Ф. 151, 374
 Кропотов Д. А. 59
 Кросс А. Г. 255, 271
 Крылов А. А. 158
 Крылов В. 144
 Крылов И. А. 80, 127, 250
 Крюденер Ю. 48
 Кряжев В. С. 76
 Кубачева В. Н. 311, 331
 Кудрявцев П. Н. 374, 375
 Кулакова Л. И. 84, 202
 Кунин Н. 180
 Кутон Ж. 148
 Кутузов А. М. 72, 213—215, 225, 241, 288—291
 Кучеров А. Я. 138
 Кюхельбекер В. К. 264, 359—361, 364
 Лабзин А. Ф. 322
 Лагарп Ж.-Ф. 21, 38, 43, 61, 93, 105, 140, 142, 162, 189
 Ладусетт Ж.-Ш.-Ф. 370
 Лакретель Ж.-Ш.-Д. 149
 Ламетри Ж. 140
 Ларош С. 320, 342, 343
 Лафонтен А. 132, 315
 Лафонтен Ж. 79, 323, 362, 364
 Лебедев В. П. 277

- Левашев П. А. 118
 Левин Ю. Д. 4, 195
 Левицкий Н. Е. 114, 128, 135
 Левшин В. А. 69, 70, 324—327, 333, 335—337, 365, 369
 Легрель А. 359
 Лейбниц Г. В. 111, 115
 Лекен А.-Л. 77
 Ленге С.-Н.-А. 78
 Ленц Я. 91, 301, 339, 342
 Лермонтов М. Ю. 251
 Лесаж А.-Р. 68
 Лессинг Г. Э. 4, 238, 298, 302, 306, 318, 332, 349, 373
 Летурнер (Ле Турнер, Турнер) П. 90, 207—209, 211, 216—218, 220, 222, 248, 249, 257, 275, 288—292
 Ливанова Т. Н. 104
 Лизогуб Я. И. 294
 Лилич Г. А. 226
 Линней К. 258
 Лобанов М. Е. 182
 Лозинский М. А. 50
 Локк Дж. 137, 225
 Ломоносов М. В. 7, 13, 32, 59, 118, 120, 152, 172, 197, 199, 200, 201, 263, 266, 289
 Лонгинов М. Н. 97, 201, 211, 217
 Лопухин И. В. 68, 69, 72, 215, 216, 291
 Лосенко А. П. 321
 Лотман Ю. М. 55, 79, 98, 120, 126, 131, 133, 213, 263, 327, 344, 347, 349, 351
 Лоффт К. 272
 Лубкин А. С. 318, 319
 Лузанов О. 218, 289
 Лубяновский Ф. П. 48
 Луиза-Ульрика 87
 Лукан 18, 152
 Лукиан 31, 32, 300, 308, 340, 351
 Лукреций 205
 Львов Н. А. 34, 35, 366
 Львов П. Ю. 46, 248, 257, 275, 277, 279, 282
 Людовик XIV 85, 118, 123, 131, 201
 Людовик XV 123, 131
 Люлли Ж.-Б. 104
 Люценко Е. П. 260, 283, 366—369, 378
 Ля Мартиньер А.-О. 171
 Лявока Ж.-Б. 61
 Лященко А. Н. 201
 Мабли Г. 126
 Мазаев М. Н. 263
 Майков В. И. 86, 161, 328
 Майков И. А. 261
 Майков Л. Н. 48, 364
 Макаров М. 282
 Макаров М. Н. 174
 Макаров П. И. 356, 357
 Макиавелли Н. 87
 Макина М. А. 97
 Максимов А. Г. 372
 Маласпина 35
 Маленин А. И. 165, 372
 Малерб Ф. 138
 Маллет Д. 263, 276
 Мандевиль Б. 102, 169
 Маньини Дж. 9
 Марат Ж.-П. 107, 148
 Марей П. 227, 278
 Марин С. Н. 184
 Мария Баварская 12
 Мария Павловна Саксен-Веймарская 304
 Марк Аврелий 138
 Марков Н. 283
 Маркс К. 349
 Мармонтель Ж.-Ф. 77, 132, 210, 320
 Мартинов Б. Ф. 217
 Мартынов И. И. 43, 48, 109, 153, 157, 189, 279, 376
 Марфа Посадница (Борецкая) 59
 Маршан Ж.-А. 66, 128
 Масанов И. Ф. 374
 Маслов В. И. 59, 270
 Маттисон Ф. 342
 Медведев Г. В. 317
 Медведев И. В. 317
 Медведева И. Н. 185, 192, 229
 Мейер Ф. 333
 Мейснер А. Г. 132
 Мейстер Л. 343
 Мелон Ж.-Ф. 102
 Меншиков А. Д. 116, 122, 124
 Мерзляков А. Ф. 21, 157, 235, 246, 276, 287, 350, 374
 Мерсье Л.-С. 127, 210, 280, 282
 Мещевский А. И. 189
 Микеланджело Буонаротти 40, 45
 Миллер Г. Ф. 201
 Милонов М. В. 171, 172, 271, 287, 294
 Мильтон (Мильтон) Дж. 21, 95, 98, 138, 152, 158, 195—200, 205, 210, 212, 224—227, 236, 263, 269, 277—279, 350, 354
 Мин Д. Е. 45
 Минаев Д. Д. 378, 379
 Мирабо О.-Г. 72, 146, 215
 Мисловский К. В. 222, 289, 291
 Митропольский С. 189
 Михельсон И. И. 68

- Модзалевский Б. Л. 191, 367
 Модзалевский Л. Б. 200
 Мольер Ж.-Б. 74
 Монтескье (Монтескио) Ш. 14, 55, 140, 193
 Мордовченко Н. И. 132
 Мориц К. Ф. 48, 134
 Морозов А. А. 44, 304
 Морозов Н. 222, 290
 Москотильников С. А. 100
 Мосх 37
 Мочалов П. С. 181
 Мочалов С. Ф. 174
 Музеус И. К. А. 376
 Муравьев М. Н. 31, 35—39, 41, 84—86, 88, 95, 166, 218, 225, 227, 236, 284, 306, 307
 Муравьев Н. Н. 244, 245, 286, 287
 Муравьев-Апостол И. М. 62
 Мутонне де Клерфон Ж. 37—39, 56

 Назаретская К. А. 202, 212
 Наполеон Бонапарт 107, 147, 356
 Нарезный В. Т. 149
 Нартов А. А. 39, 224
 Нахимов А. Н. 147
 Невзоров М. И. 146, 268, 371
 Неелова К. 256
 Нединский-Мелецкий Ю. А. 46, 81, 82, 87, 89, 181, 182
 Немиров С. А. 145
 Неустроев А. Н. 32, 61, 234, 269
 Нечаев С. Д. 317, 371, 372
 Никитенко А. В. 150
 Николай Л. Г. 303, 304
 Николев Н. П. 86, 199
 Никольский П. А. 104
 Новалис (Гарденберг Ф. Л.) 301, 302
 Новиков Н. И. 40, 45, 46, 68, 213, 215, 217, 223, 226, 235, 241, 242, 262, 263, 305, 306, 311, 318, 319, 321, 323, 328, 329, 338
 Ноннот Кл.-Ф. 73
 Норов А. С. 8
 Ньютон (Невтон) И. 89, 167, 261, 266, 280

 Оболенский А. П. 318
 Обрезков А. 256
 Овидий 226
 Оджилви Дж. 279
 Одоевский В. Ф. 329, 358, 361, 376
 Озеров В. А. 175, 188, 229, 280
 Окороков В. 334
 Олешев А. В. 217, 218, 287, 288
 Олин В. Н. 376
 Онуа К. 365

 Орбиччани да Лукка Б. 50
 Оришин А. Д. 78
 Орлов П. А. 23
 Осипов Н. П. 76
 Остолопов Н. Ф. 153, 159, 169, 170
 Отуэй (Отвей) Т. 80, 238
 Ошанин М. 272

 Павел I 75, 76, 109, 110, 113, 125, 222, 240, 303, 304
 Палицын А. А. 112, 161
 Пальтен 232
 Панин П. И. 87
 Панова 174, 175
 Паренаго М. А. 290
 Парнел (Парнель, Перниль) Т. 206, 269, 279
 Парни Э.-Д. 362
 Паскаль Б. 225, 373
 Паткуль И. Р. 118
 Пахомов М. С. 227
 Пекарский П. П. 13
 Пельский П. А. 145
 Перовский В. 247
 Петр I 59, 111, 121—124, 126, 196, 238, 331
 Петр III 123
 Петрарка (Петрарк, Петрарх) 12, 15—18, 35, 42, 43, 46, 57, 210
 Петров А. А. 90, 91, 237, 241, 242, 252, 349
 Петров В. П. 226, 236, 277
 Петров П. И. (?) 371
 Петухов Е. В. 169
 Пигарев К. В. 33, 373
 Пиксанов Н. К. 50, 359
 Пиндар 199
 Пирон А. 55
 Писарев А. А. 171, 190
 Писарев А. И. 358
 Плавильщиков П. А. 77, 174
 Плавт 224
 Платон 300, 307
 Платонова Н. С. 114
 Плетнев П. А. 53, 171
 Плещеев А. А. 72, 348
 Плимак Е. Г. 212
 Плиний Младший 170
 Плутарх 120
 Пнин И. П. 235
 Победоносцев А. В. 54
 Победоносцев П. В. 118, 119, 256, 293, 318, 371, 372
 Погодин М. П. 89, 338, 372, 373
 Погожев В. П. 185
 Подлисецкий А. И. 112
 Подшивалов В. С. 45, 46, 334
 Познанский Е. И. 189

- Покровский М. М. 362
 Покусаев Е. И. 375, 376
 Политковский Н. Р. 274
 Политковский П. С. 290
 Полозов А. 182
 Полонская И. М. 108, 127, 217
 Полторацкий С. Д. 88
 Полунин Ф. А. 74
 Поляков В. П. 376
 Помфрет (Помфред) Дж. 269, 279
 Пономарев М. П. 314
 Поп (Попе, Попий) А. 79, 80, 98, 195, 200—202, 205, 224, 226, 228, 229, 236, 246, 263, 269, 279—282
 Поповский Н. Н. 200, 228, 281
 Попугаев В. В. 293
 Порошин С. А. 75
 Поспелов Г. Н. 202, 234
 Потемкин П. С. 162, 173
 Прайор (Приор) М. 224, 282
 Прахов В. 377
 Приклонский Д. 219
 Прокопович В. П. 287
 Протасова М. А. 246, 354
 Проташинский В. 293, 294
 Пумпянский Л. В. 14, 260
 Пучкова К. Н. 150
 Пушкин А. С. 16, 22, 46, 50, 56, 62, 100, 248, 251, 300, 351, 355, 360—370, 374—376
 Пушкин В. Л. 49—54, 56, 170, 175, 194, 246, 251, 286
 Пыпин А. Н. 4, 197, 200, 212, 277, 282

 Рабенер Г. В. 334, 375
 Радищев А. Н. 7, 41, 74, 126, 213
 Радищев Н. А. 366
 Радклиф А. 79, 80, 107, 270, 284
 Радонвилье Кл.-Ф. 71
 Райков Б. Е. 200
 Рак В. Д. 3
 Рамо Ж.-Ф. 103, 104
 Расин Ж. 74, 82, 85, 92, 105, 143, 151, 170, 190—193
 Расторгуев В. 287
 Рафаэль Санти 160
 Рахманинов И. Г. 65—67, 127, 128, 134, 135, 216, 217, 228, 282, 288, 290—292
 Рашков Н. 377
 Резанов В. И. 45, 130, 131, 233, 247, 249, 269, 352, 354
 Рейзов Б. Г. 20, 85
 Рейналь Г. 140
 Рейценштейн К. Э. 320
 Репинский Г. К. 75

 Решетников П. И. 318
 Ржевский А. А. 153, 156
 Ривароль А. 39, 55, 56, 60
 Риккобони Л. 12
 Риккобони М.-Ж. 320
 Риголе де Жювиньи Ж.-А. 141, 143, 144
 Ридигер 334
 Рижский И. С. 79
 Рихман Г. В. 266
 Рихтер И. П. Ф. (Жан-Поль) 302, 308
 Ричардсон (Рихардсон) С. 132, 203, 212, 224, 240, 300, 320
 Робертсон В. 118
 Робеспьер М. 107, 148
 Рогожин В. Н. 75, 222, 240, 316
 Родзянко А. Г. 364
 Родзянко С. Е. 130, 131
 Родина Т. М. 180
 Розальон-Сошальский И. 187
 Розанов И. Н. 97
 Розанов М. Н. 339
 Розенмейер Н. И. 373
 Розотовский Е. В. 68
 Ролли П. 14
 Романо Дж. 40
 Роскина Н. А. 189
 Ростопчин Ф. В. 147
 Роткович Я. А. 59
 Роу (Рове) Е. 284
 Рочестер (Рошестер) Д. В. 202
 Рубан В. Г. 218
 Руссо Ж.-Б. 123, 138, 321
 Руссо Ж.-Ж. 4, 37, 38, 46, 63, 65, 69—72, 79, 80, 102, 107, 131, 134, 140, 148, 162—166, 182, 194, 203, 212, 225, 246, 251, 299, 303, 310, 311, 320, 344, 346—348, 362, 373
 Руше Ж. А. 232, 233
 Рылеев К. Ф. 59, 181
 Рязановский Ф. А. 29

 Саводник В. Ф. 251
 Савостьянов А. 223
 Савченко С. В. 23
 Садиков П. А. 75
 Сайтов В. И. 49
 Сакулин П. Н. 181, 329, 358, 361
 Саллюстий 170
 Салтыков-Щедрин М. Е. 375, 376
 Сандунов Н. Н. 192
 Санти Ф. 13
 Сапата де Сиснерос К. 9, 12—14
 Сапожников Ф. И. 329—333, 335
 Сафо 37
 Сахаров Н. Д. 174, 178

- Светлов А. Б. 32
Свечин Н. 183
Свитен Г. фон 246
Свифт Дж. 202, 308, 335
Северин Д. П. 51, 52
Секунд И. 37, 39
Селивановский С. И. 135, 317, 370, 371
Селис Н.-Ж. 66, 128
Семенников В. П. 39, 121, 133, 211, 214
Семенова Е. С. 179—187
Сен-Ламбер (Ламберт, Сент-Ламберт) Ж.-Ф. 79, 105, 232, 233, 237, 247, 252, 253, 267
Сенека 59
Сенковский О. И. 367
Сент-Бев Ш.-О. 56
Сервантес М. 62, 300
Серман И. Э. 13, 65
Сибирский Ф. 248, 275, 312
Сидоров Е. А. 56
Сплуэтт Э. 200, 281
Симмонс Дж. С. Г. 271
Сиповский В. В. 23, 25—27, 47, 93, 253, 254, 341, 364, 375
Сипягин И. 282
Сирвен П.-П. 145
Сиряков И. И. 153—156, 159—161
Сичкарев Л. И. 277
Скаррон П. 23, 91, 92
Скартаццини И. 16
Скотт В. 194
Слонимский А. Л. 364, 366
Смирдин А. Ф. 49, 329, 378
Смирнов А. В. 46, 241
Смирнов Н. 218, 250, 257, 258, 260, 289
Смирнов Ст. 142
Смирнов С. А. 121, 122
Смирнов-Сокольский Н. П. 303
Снегирев М. М. 142
Соболевский С. А. 16, 31
Созонович В. И. 293
Соковнин С. 294
Соколов А. Н. 152, 153, 268, 364
Сократ 59, 315, 317
Соловьев В. С. 249
Солоухин В. А. 252
Сомов О. М. 357—359
Сопиков В. С. 48, 161, 213, 240, 244, 246, 316, 327
Софокл 86, 170, 188
Сохацкий П. А. 45, 334
Спиноза Б. 87
Сталь Ж. де 48, 357, 377
Станислав Лещинский 108
Старцев А. И. 41
Сташук Н. И. 127
Стенник Ю. В. 366
Степанов В. П. 118, 271
Стерн Л. 46, 132, 273, 300, 303, 337
Стиль Р. 238
Столяров М. П. 379
Стороженко Н. И. 130
Страхов Н. И. 274
Страхов П. 241
Строганов (Строгонов) А. Г. 196, 197, 269, 277
Строев А. М. 158
Строев П. М. 158
Струговщиков А. Н. 370
Струйский Н. Е. 82—84
Суворов А. В. 31
Сумароков А. П. 31, 78, 82, 83, 96, 108, 114, 151, 197, 199, 202, 234, 238, 328
Сумароков П. П. 87, 173, 327, 328
Сумцов Н. Ф. 29, 161, 162, 333
Сухомлинов М. И. 41, 153, 156
Сушков Н. В. 210
Сушкова М. В. 210, 287
Сытин И. Я. 133, 134
Тарасов Е. И. 213, 241
Тассо (Тасс) Т. 15, 18, 35, 36, 38, 40, 57, 138, 152, 158, 191, 195, 199, 300, 361, 362
Татарников А. 291
Татищев И. И. (отец) 314
Татищев И. И. (сын) 314, 371
Тацит 120, 170
Тейльс А. 101
Теокрит 257
Терновский Ф. А. 73
Тик Л. 301, 302, 361
Тимковский И. Ф. 256
Тит 138
Титов А. А. 31
Тихонравов К. 241
Тихонравов Н. С. 28, 29, 45, 46, 99, 200, 201, 356
Тоблер И. 232, 244, 250, 286
Толбугин А. И. 81
Толмачев Я. В. 136
Тома А.-Л. 157
Томашевский Б. В. 53, 363—365, 367
Томпсон У. 245, 284
Томсон (Томпсон) Дж. 95, 98, 107, 202, 204—206, 225, 229—247, 250—261, 263—269, 285—287, 289, 322
Торелли Дж. 21
Траян 138
Тредиаковский В. К. 152, 195
Триллер Д. Г. 195

- Гронская М. Л. 41, 300, 319, 333
 Тукалевский В. Н. 212
 Тургенев Александр И. 194, 351—353, 355, 356
 Тургенев Андрей И. 130, 223, 246, 350, 351
 Тургенев И. П. 213—215, 241
 Турдеану Э. 28
 Тучков С. А. 188
 Тюммель М. А. 41
 Тютчев Ф. И. 251, 372, 373
- Уваров С. С. 376
 Уинчиси А. 206
 Уоллер (Валер, Валлер) Э. 202, 224, 287
 Уортон (Вартон) Т. 269, 287
 Утков В. Г. 88
 Уц И. П. 318, 327
 Ушаков М. В. 41
 Ушаков Ф. В. 41
- Фабриан И. А. 109
 Фан-Дим Ф. (Кологривова Е. В.) 7
 Фарнгаген фон Энзе К. А. 366
 Федоров Б. М. 171
 Федоровский И. Н. 281
 Федосов И. А. 211
 Фенелон Ф. 57
 Филарет 125
 Филадельф Г. 32, 132, 300, 320
 Филипп II 122
 Филипп Красивый 61
 Филиппс Д. 263
 Филомафитский Е. 126
 Флориан Ж.-П. 132, 268
 Флоринский Т. Д. 28
 Фонвизин Д. И. 33, 34, 93
 Фонтенель, Б. 55, 210, 223, 224
 Франклин Б. 59
 Фрерон Э.-К. 19, 170
 Фридман Н. В. 166
 Фридрих II 81, 86, 87, 108, 111—113, 137, 139
 Фругони К.-И. 20
 Фуке Ф. 355
 Фукидид 170
 Фульда Л. 379
 Фурсенко В. В. 213
- Ханыков В. В. 86
 Харви (Гервей) Дж. 206, 209, 257
 Харламов Е. С. 234, 285
 Хвостов А. С. 178
 Хвостов Д. И. 87, 153
 Хемницер И. И. 120, 328
 Херасков М. М. 15, 39, 87, 96—98, 152, 157, 158, 201, 202, 211, 234, 282, 288, 293, 303, 311, 366
- Хераскова А. П. 293
 Хованский Г. А. 81, 82, 87, 89
 Ходнев А. И. 218
 Хотинский Н. К. 126
 Храповицкий А. В. 108, 210
 Храповицкий М. В. 261
 Христиан VII 140
- Цахаризэ Ю. Ф. В. 233, 264
 Цезарь Кай Юлий 356
 Цейтлин А. Г. 181
 Циммерман И. Г. 251, 257
 Цицерон 300
 Цявловский М. А. 366
- Черневич М. Н. 48
 Чернышев Г. П. 304
 Чернышев Э. Г. 68
 Чернышева А. Р. 215
 Черняев Н. И. 364
 Чижиков Л. А. 7
 Чичерин А. В. 341
 Чосер (Шангер, Шосер) 201, 244
 Чулков М. Д. 22—24, 26, 27, 30, 31, 65, 70, 335, 365, 369
- Шабанон М.-П.-Г. 105
 Шаден И.-М. 90
 Шаликов П. И. 79, 146, 151, 256—258, 292, 319, 357
 Шалимов П. 256, 271, 288, 316
 Шатле Г.-Э. маркиза дю 18, 81, 87, 167
 Шатобриан Ф.-Р. 118, 151, 166
 Шафтсбери Э. К. 299, 300, 307, 345, 346
 Шаховской А. А. 52, 177, 178, 182, 186
 Шварц И. Г. 45, 46, 241
 Шевырев С. П. 8, 16, 222, 226, 241
 Шекспир (Шакеспир, Шекеспир) В. 18, 62, 80, 90—95, 98, 179, 186, 192—194, 197, 202, 207, 224, 225, 236, 238, 246, 300, 301, 346, 349, 350, 360, 361, 366
 Шеллер А. И. 158
 Шенстон (Сенстон) У. 269, 284
 Шепелевич Л. Ю. 28
 Шереметев Б. П. 116, 124
 Шеридан Р. Б. 270, 284
 Шеффер П. Н. 364, 365
 Шеффилд Дж., герцог Букингем (Бугингам, Букингам, Буккингам) 202, 263, 269, 284
 Шиллер Ф. 44, 62, 98, 192—194, 298, 299, 301, 302, 341, 351, 352, 355, 366, 372, 373
 Шильдер Н. К. 64

- Шихматов С. А. 281
 Шишкин И. В. 282
 Шишков А. А. 52
 Шишков А. С. 51, 149, 170
 Шишмарев В. Ф. 8, 9, 12
 Шкловский В. Б. 70, 335, 365
 Шлегель А. В. 192, 301
 Шлегель Ф. 44, 45
 Шляпкин И. А. 226
 Шмидт Х. 179
 Шмока В. 195
 Шнор И. К. 317
 Шпальдинг (Шпалдинг) И. И. 288
 Штольберг Фр. 342
 Штранге М. М. 72
 Штурм К. Х. 241
 Шубарт Л. 232
 Шубников С. А. 167
 Шувалов А. П. 114
 Шувалов П. П. 114, 122, 200, 329
 Шулепников М. С. 274
- Ш**
 Шеников А. Г. 174
 Шепотов В. А. 379
 Шербатов М. М. 73, 74, 211, 219, 291
- Эберг И. А. 207, 214, 215, 288, 289
 Эйкенсайд (Акенсид, Экензайд) М. 263, 271
 Эйлер Л. 69
 Эйхенбаум Б. М. 316
 Эккерман И. П. 299
 Эмин Н. Ф. 249, 320
 Эмин Ф. А. 31, 32, 64, 65, 121
 Энгельс Ф. 349
 Энгельшалль И. Ф. 345
 Эро-Сешель М.-Ж. 105, 106
 Эсхил 191
- Ю**
 Ювенал 170
 Юдин П. М. 363
 Юм Д. 332
 Юнг (Ионг, Иунг, Июнг, Йонг) Э. 72, 80, 95, 99, 107, 194, 202, 204, 206—225, 247, 249—251, 253—260, 263, 266—270, 287—293
 Юнгман И. 226
- Я**
 Языков Д. Д. 130, 135
 Яковлев А. С. 173, 174, 178—180, 183, 184
 Якубович Д. П. 362
 Янкович Е. 327
 Ястребцов И. И. 112, 137
- A**
 Anger A. 299
 Anwande. E 230
- B**
 Baldensperger F. 91, 138, 207
 Beattie J. 271
 Bittner K. 338, 346
 Blacklock T. 271
 Blair H. 205
 Bouvy E. 18, 20
 Brang P. см. Бранг П.
 Brockmeier P. 22
 Buriot-Darsiles H. 45
 Burkhardt C. A. H. 345
 Busch W. 376
- C**
 Cameron M. M. 232
 Capelli L. M. 14
 Černý V. 118
 Cohen R. 230
 Counson A. 14, 19, 20, 38, 56
 Curi E. 34
 Cushing M. G. 90, 207
- D**
 Des Granges Ch.-M. 190
 Desnoiresterres G. 113
 Dinkel H. 302
 Domergue A. 150
 Dorat C.-J. см. Дора К.-Ж.
- E**
 Egilsrud J. S. 31, 70
 Ehrhard M. 354
 Eichstädt H. 303, 353—355
 Etienne C. 83
- F**
 Fairchild H. N. 212
 Farinelli A. 19
 Fauchet C. 22
 Frenais 314
 Friedrich W. 19
- G**
 Gasperoni G. 34
 Girdlestone C. 103, 104
 Gjerset K. 232
 Göschen G. J. 304
 Gruber J. H. 356
 Günther K. 303—305, 312, 314, 327, 329, 338, 339, 344, 365, 371, 373, 377, 379
- H**
 Hackel A. 14
 Havens R. 205
 Heier E. 304
 Herder J. G. см. Гердер И. Г.
 Hliepko E. 15
 Hirzel L. 301
 Hoffmann P. 118
 Howard P. 104
 Huber M. 303, 317
- I**
 Ibershoff C. H. 207

- Jusserand J.-J. 91
- K**ind J. L. 207
Kluckhohn P. 299, 319
Kluth K. 301, 302
Korff H. A. 300
Kürschner J. 302, 327
- L**abriolle-Rutherford M.-R. 102
Lebreton A. 56
Lilly M. 205
Logan J. 205
Lortholary A. 119
- M**artainville A. 83
Mazon A. 68
McKillop A. 229
McNee K. N. 83
Monecke W. 300
Moore E. 279
Mooser R. A. 13
Muncker F. 327
- N**andriş G. 14
Nicolson M. 205
- P**aget T. C. 279
Pappas J. N. 113
- Pomeau R. 16
Price L.-M. 32
Price M.-B. 32
Pröhle H. 302
- R**eed A. L. 207
Reichwein A. 300
Rentsch J. 31
Ridgway R. S. 189
Rothe H. 340
- S**engle F. 298, 302, 308, 322, 323,
341, 366
Simmons E. J. 201, 269
Spacks P. M. 230
Steinberger J. 300
Stender-Petersen A. 364
Stettner L. 300
Sulgar-Gebing E. 43
- T**ieghem P. van 99, 206, 208
Tribolet H. 300
- W**ieland L. 328
Wiktor z Baworowa 378
Winkel H. J. zum 342
- Z**amboni M. 34

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
<i>М. П. Алексеев</i>	
Первое знакомство с Данте в России	6
<i>П. Р. Заборов</i>	
Вольтер в России конца XVIII—начала XIX века	63
<i>Ю. Д. Левин</i>	
Английская поэзия и литература русского сентиментализма	195
<i>Р. Ю. Данилевский</i>	
Виланд в русской литературе	298
Указатель имен	380

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
32	2 сверху	Jornev	Jorney
32	"	word	world
107	19 снизу	до конца	конца
188	2 "	равненчанье и защиту	равненчанье — защиту

От классицизма к романтизму